

РЕАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА

Мартин Ли

ФАШИЗМ РЕИНКАРНАЦИЯ

От генералов Гитлера
до современных
неонацистов
и правых
экстремистов

Мартин Ли

ФАШИЗМ
РЕИНКАРНАЦИЯ

**От генералов Гитлера
до современных неонацистов
и правых экстремистов**

ИНСТИТУТ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИНИЦИАТИВ

Мартин Ли
ФАШИЗМ
РЕИНКАРНАЦИЯ

**От генералов Гитлера
до современных неонацистов
и правых экстремистов**

КУЧКОВО ПОЛЕ

Москва

2017

УДК 327.8
ББК 66.4(0)
Л55

Martin A. Lee
The Beast Reawakens: Fascism's Resurgence From Hitler's Spymasters to Today's
Neo-Nazi Groups and Right-Wing Extremists
Routledge (Taylor & Francis Group LLC), 2000

Ли, Мартин

Л55 Фашизм: реинкарнация. От генералов Гитлера до современных неонацистов и правых экстремистов / Пер. с англ. А. Ю. Колгашкина под ред. Е. В. Гориной. — М.: Кучково поле, 2017. — 512 с. (Серия «Реальная политика»)

ISBN 978-5-9950-0802-6

Западный фашизм 1930-х годов обновил свои формы и методы и вновь пытается захватить Россию. Книга «Фашизм: реинкарнация» дает самое полное обозрение эволюции «нового» фашизма в период «холодной войны» и после распада Советского Союза. Параллели с сегодняшним днем — откровенные и пугающие. Американский исследователь Мартин Ли раскрывает средства маскировки и смыслы обновленной идеологии, стратегию и тактику лидеров, организационные структуры и ресурсы. Автор показывает, как «старые» фашисты камуфлировались в новые понятия, брали новые темы, создавали новый язык. Криптофашизм — замаскированный, зашифрованный фашизм — теперь идет во власть.

УДК 327.8
ББК 66.4(0)

ISBN 978-5-9950-0802-6

© Taylor & Francis Group, 2000
© АНО «Институт внешнеполитических исследований и инициатив», издание на русском языке, название серии, 2017
© ООО «Кучково поле», оригинал-макет, художественное оформление, 2017

Предисловие от издателей

— Но в твоей стране немного фашистов?
— Много таких, кто не знает, что они фашисты, но узнают, когда придет время.

*Диалог из романа Эрнеста Хемингуэя
«По ком звонит колокол»*

Книга «Фашизм: реинкарнация» американского исследователя Мартина Ли откроет вам, читатель, совершенно другую реальность, о существовании которой вы вряд ли подозревали.

Преыдушие книги нашей серии «Реальная политика» развенчивали преступления американского империализма под руководством либеральных и центристских лидеров. Приход к власти Дональда Трампа, с его «консервативными» убеждениями, авторитарными методами и личной агрессией, заставляет анализировать угрозы теперь уже ультраправого американского империализма.

Победа Трампа на президентских выборах в США доказывает, насколько Мартин Ли был прав в своих опасениях двадцать лет назад, когда писал эту книгу. Но даже он не предполагал, что ультраправым кругам удастся привести к власти «своего» кандидата так скоро.

Приход Трампа к власти сделал исследование Мартина Ли гораздо более актуальным: автор раскрывает процессы и идеологию, которые заложили фундамент для его победы. Избрание ультраправого деятеля с задатками фюрера на пост президента США реализовало цель, к которой американский неофашизм шел долгие десятилетия. Аналогичный фундамент, показывает Мартин Ли, существует и в европейских странах.

Да, Трамп привлек в свой электорат миллионы голосов против истеблишмента, но «своим человеком» Трампа считает каждый американский расист и ультраправый. Так, нацист и «Великий мудрец» Ку-клукс-клана

Дэвид Дюк написал в Твиттере после выборов: «Это один из лучших дней в моей жизни — будьте уверены, наши люди сыграли ОГРОМНУЮ роль в избрании Трампа!» (выделено Дюком). Лидер так называемых «альтернативных правых» Ричард Спенсер приветствовал победу Трампа на конференции в Вашингтоне словами: «Хайль Трамп, хайль наш народ, хайль победа!», и участники в зале зиговали в ответ. Мало «альтернативного» в таких правых — даже лексику не изменили.

Может показаться, что Дюк со Спенсером — маргинальные экстремисты. Но нет. Спенсера в ранг идеолога «альт-правых» возвел Стивен Бэннон, создатель и идеолог самого крупного «альт-правого» медиа-ресурса «Брейтбарт ньюс». Бэннон был «генералом» предвыборного штаба Трампа и сыграл ключевую роль в его победе. Теперь Бэннон — советник Трампа по стратегии в Белом доме, главный официальный идеолог государства. Это было первое кадровое назначение Трампа, объявленное через пять дней после подведения итогов выборов.

Как Трамп и американские ультраправые нашли друг друга? На протяжении последних лет Трамп настойчиво подавал этой публике необходимые сигналы. Анти-иммигрантская риторика — главное направление современных ультраправых. Ненависть к мусульманам — еще одна константа. Наконец, расизм — это фундамент американского ультраправого экстремизма. И все эти три потока ненависти сошлись в движении «рожденцев» против президента Обамы (Birther movement): «рожденцы» утверждали, что Барак Обама родился в Кении, является африканским мусульманином и, таким образом, не может быть легитимным президентом в Белом — «белом» — доме. Трамп был самым заметным публичным лидером этого расистского конспирологического движения.

Окончательное подтверждение своей идеологии Трамп выдал в речи на инаугурации, заявив главным принципом «America First» — «Америка превыше всего». Да, это утверждение в 1930-е годы звучало на немецком. А в Америке в годы перед Второй мировой войной действовал «Комитет Америка превыше всего» (America First Committee). Его сторонники ставили целью удержать США от войны против Германии — не потому что пацифисты, а потому что поддерживали идеи фюрера.

Но есть и более ранние свидетельства ультраправых убеждений сегодняшнего президента США. В 1990 году тогда супруга Трампа Ивана сообщила своему адвокату, что ее муж держит на прикроватном столике сборник избранных речей Гитлера «Мой новый порядок» и время от времени перечитывает его. Сам Дональд рассуждал о своих «высших» генах, полученных от отца: «Я горд тем, что во мне течет немецкая кровь. Никаких

сомнений. Это здорово». По части «крови» Трамп (Trump) ссылается на своего деда Фредерика Дрампа, прибывшего в Америку из Баварии. Дед переделал фамилию на английский манер; «to trump» на старом английском значит «обманывать, вводить в заблуждение». Отец Трампа Фред известен своими расистскими убеждениями. Он был арестован в 1927 году в белом с прорезями балахоне Ку-клукс-клана во время беспорядков, учиненных этой радикальной расистской организацией (читайте «Нью-Йорк таймс» от 1 июня 1927 года).

Книга Мартина Ли очень ценна именно сейчас тем, что помогает «расшифровать» ультраправую реальность Трампа и его европейских эквивалентов.

Автор подробно описывает средства маскировки «старого» фашизма. Маскировка необходима потому, что пропаганда фашизма после Второй мировой была запрещена в западных государствах. Поэтому ультраправая идеология чаще всего выражается как криптофашизм — замаскированный, зашифрованный фашизм. Мартин Ли показывает, как «старые» фашисты камуфлировались в новые понятия, брали новые темы — придавали своей идеологии «современный облик». Скинхеды отрастили волосы, оделись в приличные костюмы, учредили десятки «патриотических» организаций и пошли во власть. Они создали новый язык: «вешать евреев» уже давно никто из них не призывает. Современные антисемиты «политкорректно» обозначают евреев «Ротшильдами», «глобалистами», «банковским капиталом» — в противоположность «правильному» промышленному капиталу.

Точно так же призывов «линчевать негров» сегодня не услышишь. Современные расисты говорят о «выживании западной культуры», о необходимости «сохранения белой идентичности и защите прав белых», которые «подвергаются угрозе». «Добрый» дискурс расовой ненависти даже заботится о цветном населении: цветных нужно отделить от белых — все та же старая сегрегация — чтобы они могли «сохранить свою идентичность». Действуя в обход, современные расисты критикуют социальные программы — потому что большинство малоимущих слоев составляет цветное население.

Конспирология — любимое занятие ультраправых. Однако, какими бы замысловатыми путями их мысли не блуждали, они неизменно приходят к одному выводу: во всем виноваты евреи. В советское время были виноваты коммунисты — но они ведь тоже «евреи». Например, американский отрицатель Холокоста Юстас Муллинс, автор статьи под заголовком «Адольф Гитлер: слова признания», на демонстрациях рассказывал, как евреи убили Эйзенхауэра и заменили его двойником, который полностью находится в их власти. Президента Рузвельта он называл «президентом Розенфельдом»,

а его «Новый курс» New Deal — «Jew Deal», «еврейским курсом». Социальное государство — без национал-социализма — никогда не устраивало фашизм.

Антиамериканизм — на первый взгляд, парадоксальное убеждение современных фашистов. Но объясняется оно легко. Американские и другие ультраправые считают, что Америку захватили евреи и наводнили чернокожие и цветные; и они до сих пор не простили Вашингтону войну против гитлеровской Германии. Америку, которая вернется к своим «белым» корням, они готовы принять (хотя корни у Америки, конечно, индейские). Естественно, с приходом Трампа они сразу же сменили оценку Америки на противоположную: «антиамериканизм более неуместен».

Россия всегда была интересна западным фашистам — как «белая нация» и как бастион против Америки. После войны охранник Гитлера Отто-Эрнст Ремер, отпущенный британцами из плена, пропагандировал германо-русский союз против Америки. Американский расист и антисемит Фрэнсис Паркер Йоки, автор книги «Империя», современной библии неонацистов, в 1950-е годы проповедовал тактический альянс с СССР, чтобы освободить Европу от американского господства. Сторонник фашистского панъевропейства бельгиец Жан Тириар, после войны сидевший в тюрьме за коллаборационизм, в 1970-е годы изобрел проект «Евро-советской империи». Очень часто проекты фашистской идеологии упаковываются в концепцию «Третьего пути» — это значит, не капитализм и не коммунизм.

Книга Мартина Ли также демонстрирует стратегию послевоенного фашизма. Массовые неофашистские организации провели преобразования, чтобы выглядеть скорее радикальными правыми демократическими партиями; так они смягчали свою репутацию, скрывая неизменную приверженность расизму и ксенофобии. Они даже боролись за «демократию» и за «свободу слова», ибо их идеология запрещена законом. Убежденное неофашистское ядро стремилось нарастить вокруг себя массу сторонников, предлагая им легитимные цели: критику неэффективности правительства, коррупции, проблем глобализации, брюссельской бюрократии и политики в отношении иммигрантов и беженцев. Идеолог и стратег американских нацистов Уиллис Карто в 1960–1970-е годы ставил целью построить «партию внутри партии» — Республиканской, чтобы правые расисты могли тайно прийти к власти, прикрываясь консервативными декорациями. Такой «партией внутри партии» стало «Движение чаепития», внутри которого в свою очередь существуют более радикальные структуры. За широким фронтом обедневших напуганных люмпенов и среднего класса стоит ядро сети, которое идет к своим целям. С Трампом они празднуют

победу. Но при этом, Трамп для них — не конечная цель; они планируют идти дальше.

Мартин Ли разъясняет последствия правого крена для всего политического спектра и общества. Даже проигрывая выборы, неонацисты отравляют общественный дискурс и вынуждают партии истеблишмента занимать позиции, ранее считавшиеся экстремистскими, чтобы отразить выпады со стороны крайне правых и сохранить власть. Правоцентристы вынуждены забирать дальше вправо, и все оппортунисты во власти не брезгают попользоваться голосами ультраправых. Кроме того, ультраправые часто выдают себя за настоящих «патриотов». Не зря Марин Ле Пен думала о смене названия «Национального фронта», дискредитированного своей профашистской историей, на «Партию патриотов».

Послевоенная история делает нам серьезные предупреждения. Говоря о причинах популярности современной ультраправой идеологии, Мартин Ли подчеркивает: современный фашистский облик может существовать только в ситуациях социальной несправедливости. Слабые личности, сокрушаемые порывами безжалостного ветра экономических и социальных перемен, попадают в правоэкстремистские группировки не в результате своих патологических отклонений, но в силу злобы, отчаяния и смятения. Все большее число людей в странах западной демократии и в других будут с интересом внимать призывам неонацистов, которые маскируются под националистических популистов и предлагают простые решения сложных проблем.

Примо Леви, бывший узник Освенцима, предупреждал о приходе «нового фашизма ... идущего на цыпочках и называющего себя другими именами». В 1933 году приход к власти Гитлера стал неожиданностью для всего мира. Те, кто слишком сосредотачиваются на образах фашистского прошлого, отрицая растущие опасности настоящего, снова рискуют оказаться застигнутыми врасплох, предупреждает свидетель германского нацизма.

Это утверждение тем более актуально для России: у нас резко негативные термины фашизм и нацизм привязаны к гитлеровскому Третьему рейху, режимам Муссолини и Франко. Они не были приведены в соответствие с послевоенными реалиями обновленного «облика» фашизма и чаще всего проходят незамеченными. Общество, потерявшее политический компас в 1990-е, принимает технологично «упакованную» популистскую ультраправую пропаганду за чистую монету и даже за «патриотизм».

Фашизм — отнюдь не историческая случайность, подчеркивает автор. Он возник в Европе на основе общественного согласия. Он вырос из маргинальных, но глубоко укоренившихся ценностей и традиций, которым не на-

шло место среди засилья массовой культуры и популярных общественных взглядов. Но Муссолини и Гитлер никогда не пришли бы к власти, если бы их не поддержал капитал, консервативная элита большого бизнеса, в качестве защиты от левых сил. Власть и капитал назначат козлами отпущения тех, на кого будет выгодно направить растущее социальное недовольство, чтобы только отвести его от себя — на евреев в 1930-е годы, на мусульман и беженцев сегодня.

В свете раскрытых в этой книге процессов сегодняшняя реальность предстает пугающей. Практически все пропагандистские аргументы, которые использовали западные ультраправые в 1990-е годы, сегодня продолжают звучать — только гораздо громче и шире. И особенно прискорбно наблюдать, как расизм и ксенофобия диктуют тон российских государственных медиа в их освещении кризиса с беженцами в Европе и избрания Трампа в США.

Книга Мартина Ли — самое полное обозрение эволюции «нового» фашизма в период Холодной войны и после распада СССР. Автор охватывает европейские и американские особенности, смыслы обновленной идеологии, стратегию и тактику лидеров, организационные структуры и ресурсы. Мартин Ли — серьезный, глубокий исследователь, работал над этой книгой более пяти лет и изучил итальянский язык, чтобы читать первоисточники по итальянскому фашизму в оригинале. Он не был поклонником советского строя, и к эпизодическим контактам нацистов Третьего рейха с СССР относится так же критично, как и к нацистским связям с Америкой. Автор утверждает, что главный диверсант Гитлера Отто Скорцени контактировал с советскими спецслужбами, хотя и не указывает ссылок на источники. Очевидно, что советские спецслужбы стремились проникнуть в послевоенные нацистские круги с целью получения информации и раскола изнутри. Однако, возможно, что в Советском Союзе после войны оставались русские поклонники фашизма и генерала Власова.

За рамками этой книги остались последние двадцать лет эволюции ультраправых сил в мире. А годы эти были богатыми на события: процессы 1990-х годов активно продолжались; в Америке на авансцену вышло «Движение чаепития» и так называемые «альтернативные правые»; в Европе ультраправые «популисты» и «евроскептики» набирали электорат на проблемах Евросоюза и кризисе беженцев, и массово проходили в Европейский парламент; французский «Национальный фронт» перелицевал свой фасад персоной Марин Ле Пен; антииммигрантские «Альтернатива для Германии» и Пегиды служат огромным пулом для ядра откровенно неонацистской Национал-демократической партии Германии; в Британии аналогичным

путем идут «Партия независимости» Найджела Фараджа и неонацистская Британская национальная партия; вокруг ультраправых партий растут ряды христианских фундаменталистов и традиционалистов, которые в критические моменты сливаются в один политический поток; наконец, западные ультраправые устремились в Россию реализовывать свои мечты восьмидесятилетней давности, но теперь другим идеологическим путем — и это самое грубое, изощренное и изуверское оскорбление, которое можно нанести истории России и национальному сознанию россиян.

В этом свете будущее выглядит весьма мрачно. В случае продолжения экономического кризиса фашизм получит дополнительный стимул: капитал ужесточит методы и средства извлечения прибыли, а беднеющие, растерянные, озлобленные массы пополнят электорат ультраправых.

И самая главная причина для тревоги. Если ранее на пути фашизма непреодолимым препятствием стоял Советский Союз, сегодня организованного сопротивления фашизму в мире нет. Капиталистические консервативные круги в России оппортунистически ставят на союз с западными «консервативными» партиями.

Однако надежда есть: российский народ по-прежнему считает победу Советского Союза над фашизмом фундаментом национальной идентичности, и миллионы людей ежегодно выходят на марш «Бессмертного полка». И правда — за народом.

Вероника Крашенинникова
Член Общественной палаты РФ
Генеральный директор Института внешнеполитических
исследований и инициатив

20 января 2017 года,
день вступления в должность
президента Дональда Трампа

Духу дяди Макса посвящается

Все люди мечтают, но по-разному. Одни грезят ночью, в темных закоулках разума, но стоит им проснуться, как мечты их превращаются в прах. Другие грезят наяву, и это опасные люди, ибо они действуют с открытыми глазами, чтобы их мечта сбылась.

Т. Э. Лоуренс «Семь столпов мудрости»

Благодарности

Занимаясь исследованиями и работая над этой книгой, я обязан был прибегнуть к помощи многих людей. Мне хотелось бы в первую очередь поблагодарить Джея Мюллера и Джека Рили за их дружбу, энтузиазм и прекрасную музыку. Я также признателен Грэму Аткинсону и Джерри Гейблу из журнала «Searchlight» за их добросовестный поиск материалов. Карл Огелсби и Кевин Коган заслуживают особой благодарности, так как они поделились со мной рядом идей и соображений, без которых эта книга никогда не приобрела бы свой окончательный вид.

Я признателен Дэвиду Собелу, ставшему моим провожатым по всем юридическим «лабиринтам» практики применения Закона о свободе информации, Эбену Форбсу за помощь в исследовательской работе, Джеффу Коэну и сотрудникам FAIR, а также Чипу Берлету из Political Research Associates. Кроме того, мне хотелось бы поблагодарить коллег из берлинской Antifa Infoblatt, Хенрика Крюгера, Ричарда Хердинга из Informationdienst, Ксавье Винадера, Лоренцо Руджеро, Паолу Ортенци, Эдгардо Пеллигрини, Вольфганга Пуртшеллера, Луизу Бернстайн, REFLEX, Кристофера Симпсона, Джона Гетца, Леонарда Зискинда, Маргариту Фар и Петко Азманова.

За перевод материалов из иностранных источников я хотел бы поблагодарить мою тетьку, БERTУ ДЖЕЛИНЕК, и АРИЭЛЯ ЗЕВОНА. В переводе также помогли САБИНА ФЕЙЗЕР, КЛАУДИА ПЛАСС-ФИДЛЕР, РОММИ АРНДТ, ДЖЕНИФЕР ХЕЙЛМАН, МИРИАМ ЛАНСКОЙ, ДЕАННА РОДРИГЕС, ЭРИК ОЛЬСЕН, УЛЬРИКЕ БОДЕ, ВЭЛ ТЕКАВЕЦ и ГИСЛЕЙН ВОТЬЕ.

За финансовую поддержку и поощрение моей деятельности я чувствую себя в долгу перед Фондом Поупа, Фондом за Конституционное правительство и Институтом социальной справедливости. Особая благодарность Пиа Галлегос.

Я признателен Джону Тейлору, который был моим проводником в Национальном архиве, а также Рувену Навату, Аллисон Гласс, Лоуренсу Прусски, Брюсу Маррэю, Джону Эскоу, Аналлейсе Арч, Готтфриду Вагнеру, Полу Хоху, Дану Леви, Биллу Смиту, Хьюитту Прату и Стюарту Сендеру.

На разных этапах проекта его редактировали Джим Зильберман, Джордан Павлин и Джефф Клоске. Стивен Ламонт обрабатывал копии рукописи. Джери Тома из издательского агентства Elaine Markson сделала для книги значительно больше, чем требуется от обычного литературного агента.

Последними по порядку, но далеко не последними по значению я хотел бы поблагодарить Сильву и Гудвина Ли, Майкла Ларднера и мою сестру Алану, Зака и Колби, Тома и Ронни Девигов.

Больше всего мне хотелось бы поблагодарить мою жену Тиффани, подарившую мне двух чудесных детишек в период написания книги.

Предисловие

Однажды, поздним вечером в июне 1997 года, в городе Джаспер, штат Техас, чернокожего инвалида по имени Джеймс Берд привязали за ноги цепью к бамперу пикапа и несколько километров волокли по неровной проселочной дороге, пока у него не оторвало голову. Этот жуткий случай потряс страну жестокостью и напомнил о прежних временах, когда расистские линчевания были обычной практикой в глубинке южных штатов. Обвинение в убийстве было предъявлено 24-летнему расисту Джону Кингу и двум его друзьям. Ранее Кинг уже сидел в тюрьме за кражу со взломом и, находясь в заключении, примкнул к тюремной арийской банде. Его руки и торс были покрыты татуировками с символикой нацистов и Ку-клукс-клана, в том числе изображением повешенного на дереве негра, а на двери его тюремной камеры был нацарапан лозунг «Белая гордость» («White pride»).

Кинг воспринял вынесенный ему смертный приговор совершенно равнодушно и через своего адвоката ответил суду кратким заявлением. В конце заявления следовали надменные слова идеолога американского фашизма Фрэнсиса Паркера Йоки (Francis Parker Yockey), совершившего самоубийство почти за 40 лет до описываемых событий: «Успеха достигнет тот, кто готов гордо умереть, когда уже не может гордо жить». То, что имя Йоки всплыло в связи с чудовищным расовым преступлением в Джаспере, лишний раз доказывает, что он до сих пор остается культовой фигурой в неофашистских кругах. Кроме того, это свидетельство нерушимой связи популяризаторов идеологии экстремизма и их фанатичных учеников, воплощающих такую идеологию в жизнь.

Скрывавшийся под многочисленными псевдонимами Йоки был убежденным и влиятельным антисемитом, чья книга «Империя» («Imperium») стала современной Библией неонацистов. Этот так называемый философ-расист, иногда выступавший в роли альфонса, путешествовал

по всему миру, плетя паутину загадочных связей. Когда в 1960 году ФБР наконец арестовала его, у него обнаружили семь свидетельств о рождении, а также три паспорта на разные фамилии с его фотографией. Вскоре после этого Йоки покончил жизнь самоубийством в одной из тюрем Сан-Франциско, приняв ампулу с цианистым калием.

Последним человеком, видевшим Йоки перед самоубийством, был Уиллис Карто (Willis Carto), основатель и крестный отец одиозной антисемитской организации «Лобби свободы» («Liberty Lobby»), размещавшейся в Вашингтоне, округ Колумбия. Отпетый апологет нацистов, Карто в наибольшей степени способствовал тому, чтобы популяризировать работы Йоки и создать ему среди фашистов посмертную славу «американского визионера». Во многом благодаря усилиям Карто Йоки превратился в своего рода интеллектуального покровителя неонацистов всего мира.

Еженедельная газета «Лобби свободы» «Spotlight» не только постоянно повторяет утверждения Йоки о том, что Холокоста не существовало, но и публикует на своих страницах статьи откровенных фашистов и расистов. В этом крайне правом таблоиде также размещаются фрагменты едкой прозы Йоки, в том числе эссе, адресованное молодежи Америки¹.

Сегодня «Лобби свободы» и конспирологическая «Spotlight» тесно связаны с движением правых боевиков в Америке и неофашистскими группами во всем мире. Совершившие теракт в Оклахома-Сити Тимоти Маквей (Timothy McVeigh) и Терри Николс (Terry Nichols) были читателями «Spotlight». Маквей даже разместил в этой газете объявление о продаже оружия и боеприпасов. Именно у «Spotlight» Маквей приобрел телефонную карту, с помощью которой совершал междугородние звонки в течение нескольких месяцев до бойни в Оклахома-Сити. Федеральные прокуроры воспользовались этой важной уликой, чтобы выследить и осудить Маквея и Николса, чей круг знакомых включал в том числе американских и немецких расистов.

Как и преступление, совершенное в Джаспере, штат Техас, взрыв в Оклахоме не был случайностью. Это был сознательный акт, ставший результатом совокупности убеждений и мыслей, присущих нынешнему политическому движению. Фашизм и этнические чистки имеют давнюю историю в США — этой теме и посвящена предлагаемая книга. «Зверь пробуждается» рассказывает об убежденных американских экстремистах, включая и загадочного Фрэнсиса Паркера Йоки, объединившегося с бывшим личным охранником Адольфа Гитлера и другими уцелевшими германскими нацистами для продолжения борьбы и после Второй мировой войны. Истоющее зло ядро старой фашистской гвардии сохранило приверженность своим идеям и пе-

редало свой пыл новому поколению «политических солдат», о делах которых сообщают заголовки новостей по всему миру.

В период после первого издания книги «Зверь пробуждается» фашистские и правоэкстремистские движения продолжали свою активную деятельность в различных странах, поэтому в настоящей публикации я обновил информацию об этих группах и добавил новые данные в две последние главы и в заключение, включая и описание теракта в Оклахома-Сити.

Смертный приговор Маквею, похоже, не отрезвил доморощенных американских фанатиков правого движения. Создается впечатление, что мировой экономический кризис и приближение нового тысячелетия сильнее, чем обычно, разожгли страсти и апокалиптическую паранойю христианских патриотов. Резко выросло число террористических актов на территории США, федеральные власти раскрыли ряд заговоров с целью подрыва правительственных зданий и женских консультаций, проводящих аборт, организации железнодорожных крушений, покушений на видных общественных деятелей, насильственного отделения американских территорий. Группы, одержимые идеей создания партизанской армии с намерением основать религиозного государство только для белых, готовились к предстоящему расовому Армагеддону. Так, например, «Свободные люди Монтаны» («Montana Freemen») в течение 81 дня противостояли федеральным агентам².

Насколько безумными оказались эти истинно верующие, стало очевидным, когда ФБР попыталось допросить брата находившегося в бегах Эрика Роберта Рудольфа (Eric Robert Rudolf) — основного подозреваемого по делу о взрыве, произошедшем в 1998 году в женской консультации в Бирмингеме, штат Алабама, и повлекшем за собой человеческие жертвы. Вместо того чтобы сотрудничать с правоохранительными органами, брат Эрика заснял на видео, как он отрезает себе руку электропилой. Затем он направил пленку в ФБР, предупредив тем самым федеральные власти, чтобы они от него отстали. Этот вызывающий ужас акт членовредительства воплотил в себе весь фанатизм отчуждения от общества, которым пронизан крайне правый американский экстремизм.

Тогда еще не пойманному Эрику Рудольфу, отрицателю Холокоста и воинствующему стороннику выживания в лесной глуши, будут предъявлены дополнительные обвинения в связи с тремя взрывами в районе Атланты, в том числе и в Олимпийском парке в 1996 году. В результате последнего погибла одна женщина и было ранено 111 человек. Одной из целей его безумной ярости стал бар для гомосексуалистов — еще одно омерзительное проявление актов гомофобии, ставших печальной реальностью во всей Америке. За сопровождавшимся пытками убийством Мэтью Шепарда,

произошедшим в октябре 1998 года в Лэрами, штат Вайоминг, последовали жестокие убийства гомосексуалистов в Баффало и Ричмонде. В сельской Алабаме гомосексуалист, работавший на текстильной фабрике, был похищен, кастрирован, забит до смерти, а его тело сожжено. Это совершил человек, который часто носил футболку с эмблемой Ку-клукс-клана и надсмехался над чернокожими.

Преступления, вызванные ненавистью, имеют одиозный политический, расовый, культурный и идеологический подтекст, усугубляющий последствия для отдельных жертв и усиливающий влияние на общество, в котором они совершаются. Подобные преступления нацелены против целой группы лиц, и именно поэтому подобные вызванные ненавистью преступления требуют специального законодательства. Невзирая на рост числа таких преступлений и их все более порочный характер, о многих из них не сообщается в полицию, а средства массовой информации редко освещают их надлежащим образом³.

На этом фоне исключением стала привлекавшая внимание мировой журналистики история в Иллинойсе и Индиане, продолжавшаяся три дня и завершившаяся 4 июля 1999 года. Тогда в результате стрельбы, открытой 21-летним белым расистом Бенджаменом Смитом, погибло двое и было ранено девять человек. Смит, бывший адептом «Всемирной церкви Создателя», девизом которой является RaHoWa (Racial Holy War — Священная расовая война. — *Примеч. пер.*), расстреливал негров, азиатов и ортодоксальных евреев. Разгул завершился самоубийством Смита, которое он совершил, когда его преследовала полиция. Несколько других приверженцев этой неонацистской секты, утверждающей, что правительство США отдает предпочтение этническим меньшинствам, а не белому населению, в последние годы также участвовали в насильственных действиях. На веб-сайте секты представлены анимации расстрелов «еврейских свиней» и Папы Римского.

Подпитываемая расовой, этнической и религиозной нетерпимостью эпидемия преступлений, вызванных ненавистью, имеет всемирный масштаб. Кровавая бойня 4 июля случилась в ту же самую неделю, что и организованный неонацистами взрыв автомобиля в Стокгольме, в результате чего серьезные ранения получили шведский журналист, его сын и двое полицейских. Двумя месяцами ранее произошел взрыв на автостоянке у главной синагоги Москвы, расположенной поблизости от Кремля, а через несколько мгновений еще одна бомба взорвалась около другой синагоги в столице России. Эти инциденты совпали по времени с организованной нацистами волной подрывов самодельных бомб, начиненных гвоздями, и посеяли страх в районах проживания этнических меньшинств и в гомо-

сексуальных пабах Лондона. В результате погибло два человека, а свыше сотни получили ранения.

Взрывы в Москве и Лондоне ушли в тень после событий, произошедших 20 апреля 1999 года в школе Колумбайн (Columbine) в Литлтоне, штат Колорадо, где два душевнобольных подростка расстреляли 12 учеников и учителя, ранили 23 человека, а затем застрелились сами. Выкрикивавшие расистские лозунги стрелки целились в первую очередь в афро- и латиноамериканцев. Вдохновленные расистскими высказываниями и нацистской литературой, они приурочили свою акцию ко дню рождения Адольфа Гитлера.

В то время как эксперты продолжают спорить, относится ли трагедия в школе Колумбайн к преступлениям, вызванным ненавистью, важно отметить, что происшествия, связанные с насилием со стороны экстремистов, возможно, служат для того, чтобы отвлечь внимание от более опасной и масштабной по своим последствиям угрозы. Движения радикально правых популистов с очевидно фашистскими корнями уже стали частью политического мейнстрима и представляют собой серьезную силу, с которой некоторым странам мира приходится считаться.

Для того чтобы понять, какое место ультраправые занимают в политическом спектре Америки, следует задуматься о связях Совета консервативных граждан США (Council of Conservative Citizens, ССС) с влиятельными выборными должностными лицами и с местными и зарубежными неофашистскими группами. Совет иначе называют «городским Ку-клукс-кланом» или «Ку-клукс-кланом белых воротничков». Его поддерживал ни больше ни меньше лидер большинства в Сенате Трент Лотт, самый высокопоставленный республиканец страны. Несколько родственников Лотта, носящие не балахоны с колпаками, а респектабельные костюмы и галстуки, возглавляли местные представительства организации, отождествляющей смешение рас с геноцидом. «Никогда прежде белым американцам в такой степени не угрожало самоуничтожение в результате смешанных браков и ассимиляции», — заявил исполнительный директор ССС Гордон Ли Баум⁴.

Более известный своими высказываниями против гомосексуализма, нежели неприкрытым расизмом, Лотт появлялся на ряде мероприятий ССС, а также принимал руководителей организации в своем вашингтонском офисе. Фото Лотта, выступающего с приветствием Совету консервативных граждан США в 1992 году, было опубликовано в информационном бюллетене организации. В своей речи Лотт высоко оценил деятельность членов Совета, назвав их хорошими людьми, «выступающими за правильные принципы и имеющими правильные взгляды».

Эти «правильные взгляды» были высказаны членом руководства Совета консервативных граждан Сэмом Фрэнсисом (Sam Francis), сокрушавшимся в своем комментарии: «В американском университете невозможно читать курс истории Юга, в котором одобрялись бы рабовладение или рабовладельцы». Убежденные защитники заветов конфедератов Юга, представители ССС описывали Авраама Линкольна как «возможно, величайшего злодея в истории США», а Мартин Лютер Кинг именовался ими «развратным негодяем». Намного теплее делегация Совета консервативных граждан общалась с французским неофашистским фюрером Жан-Мари Ле Пенем. В 1998 году они даже подарили ему флаг Конфедерации. «Это знамя мне знакомо, — сказал Ле Пен своим американским поклонникам. — Мы сочувствуем делу конфедератов»⁵.

Через несколько месяцев после братания с Ле Пенем в американских СМИ пронесся шквал новостей, привлечших внимание к связи Лотта с Советом консервативных граждан. Это запоздалое разоблачение вызвало со стороны сенатора ряд противоречивых объяснений и словесных уверток, будто позаимствованных у Клинтона. Сначала он отрицал свое выступление перед ССС, затем дал обратный ход, утверждая, что забыл про него. При этом он постоянно повторял, что ему «не были известны» идеи, пропагандируемые Советом. В этих объяснениях правды было не больше, чем в утверждениях президента Клинтона о том, что у него не было интимных отношений со стажеркой, работавшей в Белом доме. В отличие от Клинтона, который был подвергнут процедуре импичмента за лжесвидетельство под присягой, Лотту удалось сохранить свою репутацию во многом незапятнанной, так как Конгресс не смог заручиться достаточной поддержкой для осуждения ССС за пропаганду расизма⁶.

Когда все уже было сказано и сделано, Лотт выступил с формальным порицанием предрассудков как таковых. Однако он так и не выступил против Совета консервативных граждан, который сохраняет достаточно сильные позиции среди представителей двух основных политических партий США в сенате штата Миссисипи и других идейных бастионах Юга. Совет продолжает поддерживать отмену Дня Мартина Лютера Кинга, отмену законодательства о гражданских правах, закона о голосовании, мер по преодолению последствий дискриминации, а также запрет на иммиграцию лиц, не являющихся белыми. По словам представителя ССС, эта политика ведет к превращению Америки в «слизистую коричневую дрянь»⁷.

Политически выгодный флирт Лотта с Советом консервативных граждан иллюстрирует уровень инфильтрации американских правых экстремистов в политическую жизнь страны. Это свидетельствует и о том, что

группы, подобные Совету, маскируют свои расистские взгляды. Пытаясь представить публике более доброе и мягкое лицо расовой ненависти, защитники власти для белых часто высказывают свои доводы эзоповым языком, скрывающим фанатическую гордость за свою расу. Они утверждают, что действуют *в интересах* белых американцев, а не *против* людей с другим цветом кожи. Они говорят о необходимости сохранения «белой» идентичности и защите прав белых, которые якобы подвергаются угрозе. Вспоминая стандартные рассуждения представителей республиканской партии о «благотворительных программах» и «специальных предпочтениях» для меньшинств, расисты утверждают, что ухудшающееся положение белых является в первую очередь следствием «обратной дискриминации», а не результатом всемирных экономических тенденций и социальных процессов, негативно сказывающихся на всех⁸.

Давний сторонник расистов ДеВест Хукер (DeWest Hooker) подытожил ситуацию на прошедшем в 1998 году съезде Совета консервативных граждан: «Будь нацистом, только не употребляй этого слова». Таким советом Хукер практически бросил вызов откровенным сторонникам Гитлера, таким как преподобный Ричард Батлер (Richard Butler), стареющий руководитель «Арийских наций» из Айдахо, последователи которого до сих пор щеголяют со свастикой на рукаве. В течение нескольких лет этот вооруженный неонацистский анклав был «ступицей колеса расистской революции» в Северной Америке. Однако к концу 1990-х годов здоровье Батлера ухудшилось, а с ним понизился и статус группировки в радикальном расистском подполье. Получив заметные финансовые вливания от двух миллионеров из Силиконовой долины, «Арийские нации» продолжали приглашать своих сторонников на ежегодный «летний съезд и охоту на ниггеров». Однако все меньше людей посещали эти мероприятия, так как целый ряд стойких расистов переместился в другие организации⁹.

Далеко не случайно Дэвид Дюк (David Duke), бывший «Великий мудрец» Ку-клукс-клана, объявил о выдвижении своей кандидатуры на выборах в Конгресс 1999 года на съезде, организованном неонацистской организацией «Национальный альянс» (National Alliance). Затем Дюк был председателем исполнительного комитета республиканской партии в одном из округов штата Луизиана. Он также выступал с речами на собраниях Совета консервативных граждан, где продавались книги вождя «Национального альянса» Уильяма Пирса (William Pierce) и автобиография самого Дюка. Следует заметить, что книга Пирса «Дневники Тернера» (The Turner Diaries) подтолкнула к совершению преступления Тимоти Маквея. Когда влияние «Арийских наций» пошатнулось, располагающаяся в Западной Вирджинии

группа Пирса подхватила ее дело, организовав на территории Соединенных Штатов 35 филиалов и установив обширные связи с руководителями фашистских организаций Европы. Эти трансграничные связи хорошо отражают специфику радикальной евроамериканской правой субкультуры, объединяющей расистские движения по обе стороны Атлантики¹⁰.

Произрастающая из общего набора символов, мифов и верований, эта склонная к насилию субкультура обладает и собственным языком. Термин Сионистское оккупационное правительство (Zionist Occupation Government, ZOG), созданный американскими неонацистами, пересек Атлантику с той же легкостью, как это делает электронная почта. Теперь он является общеупотребительным среди белых националистов Европы, где бурный приток беженцев и мигрантов заставил многие страны заняться вопросами мультикультурализма и национальной идентичности. Представляя этнические меньшинства и ищущие политическое убежище лица в качестве «козлов отпущения», ультраправые демагоги прикоснулись к обнаженному нерву мира, который пережил холодную войну и пока не пришел в равновесие после краха коммунистического советского блока, объединения Германии, технологических инноваций и экономической глобализации¹¹.

Никто не мог предсказать смертоносной волны неонацистской жестокости, прокатившейся по Германии после того, как в ноябре 1989 года рухнула Берлинская стена. После первого всплеска, сопровождавшего объединение насилия, его волна пошла на спад. Частично это стало ответом на решение правительства страны внести изменения в конституцию и отказаться в 1993 году от либеральной политики предоставления убежища — этот шаг был горячо поддержан неофашистами и другими правыми экстремистами. На следующий год были запрещены несколько неонацистских организаций, а некоторые ключевые возмутители спокойствия оказались в тюрьме. Однако к 1997 году большая их часть вышла на свободу, что привело к всплеску жестоких преступлений. Полиция обнаружила в Йене принадлежащую неонацистам мастерскую по производству бомб, при этом было изъято значительное количество динамита, пулеметов, боеприпасов и иного военного снаряжения. Местный прокурор заявил, что наличие подобного арсенала свидетельствовало о «переходе на новое качество уровня подготовки и вооруженности» германских неонацистских группировок¹².

Неонацизм шагал по Восточной Германии семимильными шагами. Банды скинхедов встречали бейсбольными битами и пулями в том числе и туристов из западной части страны. Раздраженное резким ростом безработицы и отсутствием экономических перспектив «потерянное поколение» бывших восточных немцев превратило значительную часть коммунисти-

ческой Германской Демократической Республики в зону, недоступную для иностранцев. Ситуация обострилась до такой степени, что целый ряд дипломатов из стран третьего мира высказали Бонну озабоченность вопросами своей личной безопасности в связи с переносом столицы в Берлин в 1999 году. Особенно отвратительно выглядел произошедший в том же году инцидент, связанный с гибелью от потери крови алжирца, приехавшего просить убежище в Германии. Он получил смертельные травмы, разбив стеклянную дверь здания, когда спасался от банды молодых неонацистов в Бранденбурге. Именно в этом городе был зарегистрирован наивысший во всей объединенной Германии уровень преступности в отношении иностранцев¹³.

К этому времени открытая симпатия к фашистскому мировоззрению, в особенности среди лиц моложе 30 лет, стала нормой во многих восточногерманских деревнях, небольших и крупных городах. Отвращение к новому капиталистическому устройству общества сопровождалось отчетливым коричневым душком. Жители Восточной Германии склонны были воспринимать падение Берлинской стены не как миг освобождения, а как прелюдию к новому этапу эксплуатации, когда в качестве угнетателей выступали уже не Советы, а жители Западной Германии. «Сказать, что треть восточногерманской молодежи склоняется к ультраправым взглядам, — это преуменьшить масштаб проблемы, — предупреждал восточноберлинский криминолог Бернд Вагнер. — Многие уже прошли точку невозврата. Это очень угнетает. Ситуация только ухудшается»¹⁴.

Расистское насилие обычно ассоциируется с бритыми наголо и одетыми в кожу молодчиками, однако правый экстремизм не ограничивается подростками-босяками. «Проблема у нас заключается не столько в правой молодежи, а в том, что «средний класс» придерживается крайне националистических взглядов», — объяснял Гюнтер Пининг, уполномоченный по делам иностранцев в депрессивной восточногерманской земле Саксония-Анхальт¹⁵.

Именно в Саксонии-Анхальте одержал крупную победу на местных выборах неонацистский Немецкий народный союз (Deutsche Volkunion, DVU). Завоевав 13% голосов, DVU показал наивысший результат для ультраправых партий за всю послевоенную историю страны. Его успех, а также значительное распространение в других восточных землях низовых организаций еще одной неонацистской структуры — Национал-демократической партии Германии (НДПГ) — основывались на враждебности к иностранцам под предлогом того, что они отнимают у немцев рабочие места¹⁶. Эта стратегия оказалась очень эффективной, даже несмотря на то, что иностранцы

составляли не более 1% от населения опустошенного востока страны, в то время как уровень безработицы, по официальным данным, колебался в районе 25%, а в ряде регионов был выше фактически в два раза.

Реагируя на рост общественной поддержки неонацизма на востоке, состоявшиеся политики начали активнее прибегать к националистической риторике. В попытке вернуть себе ускользающую популярность канцлер Гельмут Коль, готовясь к общенациональным выборам 1998 года, принялся бить в шовинистический барабан. Это, возможно, наиболее мягкое толкование высказанной партией Коля позиции, практически смывшей границу между политической целесообразностью и правым экстремизмом.

После долгих лет поддержки евроинтеграции как «вопроса жизни и смерти» для XXI века и единственного пути избежать новой войны, Коль внезапно нашел уместным повторить некоторые аргументы неонацистских организаций, высмеивавших экономическую глобализацию и единую европейскую валюту. Прибегнув к испытанной политической тактике опровержения собственных высказываний, Коль обрушился на бюрократию Евросоюза. Он стал жаловаться, что Германии приходится расходовать слишком много средств на поддержание ЕС. На самом деле вся система ЕС была выстроена в интересах Германии, способствуя росту ее благосостояния и влияния в сравнении с другими частями Европы: Германия была основным выгодоприобретателем от «свободной торговли» между странами — членами ЕС. Запоздалые залпы Коля в направлении ЕС отражали рост недовольства европейской интеграцией среди немцев, подавляющее большинство которых не хотело отказываться от старой доброй немецкой марки в пользу какого-то непонятного евро¹⁷.

Вместо того чтобы озаботиться созданием Европы, в которой национальность жителя не играла бы такой роли, как прежде, германские политики в поисках голосов избирателей забросили свои сети в сточные воды расовых предрассудков, с раздражением рассуждая о необходимости сохранения по возможности большей этнической однородности своей страны. Пронзительные крики о «преступных иностранцах» стали обязательным элементом высказываний представителей Христианско-демократического союза Коля и его консервативного партнера по коалиции — Христианско-социального союза. Они пренебрежительно отзывались об иммигрантах как о черни, относясь к ним так, будто те были переносчиками какого-то неизлечимого заболевания. В попытке отвлечь внимание от провалов своей собственной политики германские официальные лица предложили сократить объем помощи экономически неразвитым странам, медлившим с приемом своих граждан, депортированных из Германии. Правое правительство Баварии

обнародовало планы по высылке целых семей иностранцев, в случае если их дети будут задержаны за кражи в магазинах. Первым в соответствии с новыми правилами был депортирован 14-летний преступник, турок по национальности, родившийся в Германии и проживший здесь всю свою жизнь. Они также пытались выдворить из страны и всю семью мальчика, обвинив ее в создании угрозы общественной безопасности в результате пренебрежительного отношения к воспитанию собственного сына¹⁸.

Несмотря на все громогласные заявления, уровень преступности среди германских граждан и иностранцев был практически одинаков. Однако популярные политики, зная о том, что 15% немецких избирателей придерживаются ультраправых взглядов, стремились превзойти друг друга в дискуссиях о противодействии иммиграции и поддержании закона и порядка. Руководители считавшейся левоцентристской Социал-демократической партии, находившейся в оппозиции, также присоединились к этой кампании и призвали к быстрой депортации иностранцев, которые злоупотребили немецким гостеприимством. Это непрерывное потворство ксенофобскому фанатизму достигло своего пика, когда, по официальным данным, безработица в Германии составила 12%. Впервые со времен Гитлера число безработных превысило четыре миллиона человек.

Социал-демократы, сделав ставку на обеспокоенность избирателей экономической ситуацией, смогли одержать победу на выборах. Однако новая правящая коалиция во главе с канцлером Герхардом Шредером быстро оказалась на политическом минном поле в своем стремлении изменить требования о наличии немецких корней у лиц, желающих получить гражданство страны. Столкнувшись с ожесточенным сопротивлением на низовом уровне, правительство Шредера частично свернуло свои планы и продавало лишь сильно смягченные требования, облегчившие иммигрантам и их детям получение германского гражданства. В то же самое время члены кабинета в своих выступлениях подчеркивали, что Германия не приветствует появление на своей территории новых переселенцев. «Мы достигли предела, после которого нет пути назад, — заверял социал-демократ Отто Шилли, министр внутренних дел. — Большинство немцев согласится со мной. Отныне — нулевая иммиграция»¹⁹.

Родившийся в 1944 году Шредер был первым из современных глав германского государства, не видевшим Второй мировой войны. Победив на выборах, он заявил, что хочет возглавить народ, смотрящий в будущее, а не обремененный воспоминаниями прошлого. Однако некоторые полагали, что Шредер поспешил отказаться от вины Германии и исторического долга страны перед ее жертвами. Критики канцлера ссылались на недавний опрос

общественного мнения, проведенный Институтом средств массовой информации в Кельне. Он показал, что почти 20% немцев в возрасте от 14 до 17 лет не знали, что такое Освенцим, а 18% из тех, кто слышал о концентрационном лагере, полагали, что рассказы о случившемся там — преувеличение²⁰.

Несмотря на эти отрезвляющие цифры, Шредер выступил против создания национального памятника Холокосту в центре Берлина, хотя этот проект обсуждался, разрабатывался, пересматривался и вызывал споры более 10 лет. Вряд ли стоит утверждать, что раздоры вокруг постоянно откладывавшегося строительства мемориала свидетельствовали о нежелании вспомнить о преступлениях Третьего рейха, которые многие немцы признавали с готовностью. Скорее эти противоречия, наряду с ожесточенными спорами о критериях гражданства, показывали, что попытки Германии примириться со своей нацистской историей продолжают определять ее национальную идентичность.

Часто говорилось о том, что никакой другой народ не сделал столько, сколько немцы, чтобы загладить вину за свое прошлое. По данным министерства финансов, со времен Второй мировой войны Германия выплатила свыше 100 миллиардов долларов в качестве компенсации евреям и другим жертвам. Став канцлером, Шредер заявил, что к 2000 году хочет урегулировать все финансовые претензии к немецкой промышленности, связанные с ущербом эпохи нацизма. Его правительство в короткие сроки подготовило соглашение с 12 крупнейшими банками и компаниями страны, создав фонд для выплаты компенсаций тем, чей рабский труд использовался частными предприятиями во времена Третьего рейха. Шредер надеялся, что, урегулировав счета прошлого, его страна, после полувека послевоенных раскаяний, вступит в новую эру уверенности и нормальной жизни.

Решение присоединиться к военным действиям на Балканах приветствовалось как знаковое для Германии. Страна справляла полувековой юбилей демократической республики, в то время как самолеты НАТО с ревом пронеслись над Югославией. Ни одна другая страна — член НАТО не была столь отягощена исторической памятью, как Германия. Когда ее войска впервые со времен Гитлера приняли участие в боевых действиях, был перейден важный рубеж. Канцлер Шредер оправдывал участие Германии в воздушной операции НАТО, говоря, что «исторической задачей» страны явилось искупление нацистского наследия путем борьбы против репрессий и этнических чисток в Косово, развязанных властным руководителем Сербии Слободаном Милошевичем. Шредер настаивал, что немцы — это обычный народ, который, сражаясь за права человека в Косово, сможет показать миру, какие уроки он извлек из эпохи нацизма. Когда-то зверства

нацистов в годы Второй мировой войны стали достаточным мотивом того, чтобы Германия больше никогда не применяла свои войска за границей, особенно в районе, некогда растоптанном Гитлером. Теперь те же самые аргументы использовались, чтобы оправдать участие страны в кампании, проводившейся НАТО.

Участие Германии в интервенции на Балканах в основном представляли как гуманитарные действия. Однако некоторые новостные сообщения 1997 года указывали, что секретные службы страны, проникнув в миссию ЕС по мониторингу ситуации на территории бывшей Югославии, использовали ее в качестве прикрытия для нелегальных поставок оружия и денег хорватским и боснийским силам. Этим разоблачениям было уделено не так много внимания в сравнении с одной видеозаписью по немецкому телевидению. Были показаны немецкие офицеры и новобранцы (некоторые из них должны были принять участие в миротворческих операциях на Балканах), постановочно изображавшие насилие, убийства, пытки, а также отпускавшие неонацистские шутки. В результате один из старших офицеров был отозван из Боснии, после того как он и еще один немецкий солдат из миротворческого подразделения допустили расистские высказывания в адрес албанских солдат: «Адольф Гитлер засунул бы вас в газовую камеру»²¹.

В то время как германское правительство оправдывало благородными намерениями присутствие своих вооруженных сил в зоне боевых действий на Балканах, сама идея операции НАТО по противодействию ксенофобскому насилию выглядела достаточно лицемерной. Ведь силы альянса поддерживали иррегулярные формирования косовских албанцев во главе с безжалостным хорватским наемником, который всего несколько лет назад играл ключевую роль в изгнании четверти миллиона человек из сербских анклавов в Хорватии. Более того, в ходе возглавленной американцами кампании НАТО против Югославии широко использовались вертолеты «Апач» и крылатые ракеты «Томагавк» — поистине оруэлловская изощренность, заставившая журналиста французского «Le Monde Diplomatique» задаться вопросом: «Это цинизм? Амнезия? Или американцы просто не подумали о том, что оружие, которым они воюют против сербского режима и его одиозных этнических чисток, названо в честь индейцев, уничтоженных в прошлом веке?» («апач» и «томагавк» — слова индейского происхождения в американском английском — *Примеч. пер.*)²².

Американским официальным лицам, испытывающим отвращение к призракам собственного прошлого, еще предстоит повиниться в проведении одной из самых грязных секретных операций холодной войны: использовании ЦРУ и НАТО разветвленной нацистской шпионской сети

в тайной войне против Советского Союза. Решение принять на службу вскоре после Второй мировой войны несколько тысяч ветеранов Третьего рейха — включая и многих военных преступников — негативно сказалось на советско-американских отношениях и дало толчок толерантному отношению США к нарушениям прав человека и иным преступлениям, совершаемым именем антикоммунизма. Эти тайные «объятия» с нацистами дали толчок антидемократическим действиям ЦРУ в зарубежных странах²³.

По мнению американских политиков, интеграция Германии в западный мир и экономическая реконструкция страны были важнее активной денацификации. Выживание фашизма обеспечивалось жесткими требованиями противостояния Востока и Запада. Такая ситуация стала спасательным плотом для десятков тысяч нацистских преступников, получивших шанс избежать наказания, позволив сделать себя полезными инструментами в борьбе с коммунизмом. В темном мире шпионажа времен холодной войны нашли свое место и некоторые из наиболее высокопоставленных соратников Гитлера — носители смертоносных идей. По иронии судьбы некоторые бывшие нацисты, поступившие на службу ЦРУ, позднее играли ведущую роль в неофашистских организациях, ненавидевших Соединенные Штаты. Одним из последствий мерзкого союза ЦРУ с ветеранами шпионской службы нацистов стало возрождение в Европе движения ультраправых экстремистов, свидетелями которого мы сегодня являемся. Его идеи уходят корнями в Третий рейх, а его передаточным звеном стали фашистские коллаборационисты, работавшие на американскую разведку.

«Неофашизм и неонацизм завоевывают популярность во многих странах, особенно в Европе», — предупреждает Морис Глеле-Ахонханзо, специальный докладчик Комиссии ООН по правам человека. Особую озабоченность, как отметил Глеле-Ахонханзо в своем 10-страничном докладе Генеральной Ассамблее ООН в 1998 году, вызывает «рост влияния партий, придерживающихся ультраправых взглядов и процветающих в экономической и социальной ситуации страха и отчаяния». По мнению докладчика, такая ситуация спровоцирована «совокупным результатом глобализации, кризиса идентичности и социальной изоляции»²⁴.

Сегодня в Западной Европе насчитывается 50 миллионов бедняков, 18 миллионов безработных и три миллиона бездомных. В посткоммунистической Восточной Европе ситуация значительно хуже. Подобные условия создают благоприятную почву для ультраправых организаций, разнящихся по величине от крохотных групп раскольников и подпольных террористических ячеек до крупных политических партий. Бросающиеся в глаза группы скинхедов, как правило, используются в качестве ударных частей

ультраправых в Европе. В то же время, по мнению Глеле-Ахонханзо, более массовые неонацистские организации «провели преобразования, чтобы выглядеть скорее радикальными правыми демократическими партиями и смягчить свой образ, скрывая свою неизменную приверженность расизму и ксенофобии».

Послевоенное возрождение фашизма в Европе — это дело рук не «кидающего зиги» диктатора, окруженного людьми в коричневых рубашках со свастикой на рукавах. Скорее мы имеем дело с новым поколением правых экстремистов, которое олицетворяет фюрер Австрийской партии свободы Йорг Хайдер (Jorg Haider). Они приспособили свои идеи и облик к задачам сегодняшнего дня. Хайдер, утверждающий, что все солдаты Второй мировой войны, на чьей бы стороне они ни сражались, воевали за мир и свободу, получил на общенациональных выборах в марте 1999 года 42% голосов избирателей, что дало ему неплохие шансы в борьбе за пост канцлера страны. Еврейская общественность осудила результаты выборов, назвав их «катастрофой для Австрии».

В попытке помешать неумолимому движению Хайдера к власти, основные австрийские политические партии все в большей степени стали прибегать к лозунгам и политике ультраправых. «Постепенно правящие страной политики стали выполнять желания Хайдера иногда даже до того, как они были им сформулированы, — заметил Николаус Кумрат, глава работающей в Вене группы по поддержке иммигрантов. — Все смотрят на него, как кролик на удава. Как будто они боятся его взглядов и стремятся реализовать их до того, как это сделает он сам»²⁵.

Значение Хайдера и его европейских двойников заключается не в том, что они были на волосок от власти, а в том, как сильно они смогли навязать свои взгляды по ключевым вопросам традиционным европейским политикам. Даже проигрывая выборы, неонацисты являются своего рода токсином в водопроводной воде европейской политики. Они отравляют общественный дискурс и вынуждают партии истеблишмента занимать ранее считавшиеся экстремистскими позиции, чтобы отразить выпады со стороны крайне правых.

Французский политолог Пьер-Андре Тагиефф (Pierre-Andre Taguieff) называет этот процесс «лепенизацией политических дискуссий», подтверждая важную роль в современной политике Жана-Мари Ле Пена, лидера неонацистского «Национального фронта». Эта партия неуклонно расширяла свое влияние во Франции, возникнув из небытия в начале 1980-х годов. Сумев привлечь на свою сторону широкий спектр избирателей, организация Ле Пен превратилась в мощную политическую силу. К середине 1990-х годов

она стала достаточно популярной у французских рабочих, второй по значимости среди лиц, впервые пришедших на выборы, и, наконец, третьей партией в масштабах всей страны. В муниципалитетах, возглавленных представителями «Национального фронта», местные чиновники подвергали цензуре книги из библиотечного фонда, убрали с уличных указателей имена антифашистов и левых политиков, таких как президент Южной Африки Нельсон Мандела. Популярность «Национального фронта» в избирательных кампаниях вызвала панику у традиционных правых, расколовшихся по вопросу о том, следует ли им заключать союз с партией Ле Пена.

Сам «Национальный фронт» испытал серьезные внутренние противоречия, приведшие недавно к расколу партии. Тем не менее было бы преждевременно списывать ее со счетов, особенно принимая во внимание тот факт, что ее ксенофобский популизм продолжает вызывать симпатии у потерявших свои иллюзии избирателей. Ультраправые, как показывают недавние опросы общественного мнения, хорошо укоренились на французской политической сцене. Идеи Ле Пена продолжают пользоваться значительной поддержкой. По данным исследования Французской национальной комиссии, 38% французов признали, что являются расистами, 27% считают, что во Франции слишком много чернокожих, а 56% полагают, что в стране слишком много арабов²⁶.

Правозэкстремистские партии достигли существенных успехов в ряде стран Западной Европы. По данным опросов общественного мнения, их поддерживает свыше 15% населения Франции, Италии и Норвегии. Человеку, привыкшему к американской двухпартийной системе, этот процент может показаться незначительным, однако он способен сыграть заметную роль в парламентском голосовании и определении политического состава правительства²⁷.

Одним из основных игроков на бельгийской политической сцене стала неофашистская партия «Фламандский блок» (Vlaams Blok). Она разгромила конкурентов, завоевав свыше 30% голосов во втором по величине городе страны Антверпене. В Турции ультраправая Партия национального действия в 1999 году привлекла на свою сторону 18% голосов избирателей, став второй по величине партией в парламенте. («Турецкая нация превыше всех» — таким пронацистским был лозунг основателей этой партии, во время войны с энтузиазмом поддерживавших Гитлера.) Партия национального действия поддержала неонацистскую молодежную группировку «Серые волки», терроризировавшую турецкое общество с начала 1960-х годов. Сегодня эта партия входит в коалицию, сформировавшую правительство страны.

Правые экстремисты и антисемиты уже не отстают от популярных политиков и внедряются в политические системы всех стран Восточной

Европы, где связанные с окончанием «холодной войны» надежды довольно быстро затмил, пользуясь выражением Вацлава Гавела, «посткоммунистический кошмар». В соответствии с данными исследования, проведенного в 1998 году Всемирным банком, после крушения советского блока страны Восточной Европы испытали резкое сокращение промышленного производства и падение уровня жизни. По словам экономиста Всемирного банка Бранка Милановича, «общее число бедных в 18 странах, по нашим оценкам, выросло в 12 раз, с 14 миллионов, или 4% населения, до 168 миллионов, или приблизительно 45% населения»²⁸.

Нынешний экономический кризис, сопоставимый по размаху с Великой депрессией, обрушившейся на США и Германию в 1930-е годы, является «кормом» для демагогов, раздувающих тлеющие этнические противоречия между людьми, которые жили на территории находившейся под властью Советов Восточной Европы пусть и беспокойно, но без прямых актов межобщинного насилия. Сознательно привнесенная или просто ожившая ненависть к представителям другого народа стала заметной особенностью восточноевропейской политики в годы, последовавшие за «холодной войной». Большая часть этого региона, по словам чешского писателя Эзраима Козака, охвачена «настроениями абсолютных требований и праведного гнева, здесь царит дух разочарования и недовольства, глубокого и горького недовольства, рвущегося наружу»²⁹.

В Венгрии радикальная националистическая Партия справедливости, возглавляемая Иштваном Чуркой, в результате выборов 1998 года впервые завоевала места в парламенте. Избирательная кампания была омрачена случаями насилия. Резкий в своих высказываниях экстремист, клеветущий на цыган и поддерживающий примитивные антисемитские теории, Чурка оказывает пагубное влияние на венгерскую политику. Премьер-министр Виктор Орбан как-то с гордостью сказал, что не принимает языка этноцентрического популизма. Тем не менее он склоняется вправо, чтобы присоединить к себе бескомпромиссный электорат Чурки³⁰.

Половина румын считает, что при коммунистическом режиме они жили лучше, а три четверти хотели бы видеть во главе государства «твердую руку». Именно такие результаты показал опрос, проведенный институтом «Открытое общество» в 1998 году. Тот же опрос продемонстрировал значительный рост популярности ультранационалистической и антисемитской партии «Великая Румыния». Ее возглавляет Корнелиу Вадим Тудор, обвинивший правительство страны в том, что оно «продалось еврейским заговорщикам». Возрожденное движение легионеров, почитающее «Железную гвардию» (так в Румынии времен Гитлера называли нацистов), с успехом вербует в свои

ряды утратившую иллюзии молодежь. Недавно на одном из черноморских курортов румынскими фашистами был воздвигнут памятник «Железной гвардии» размером 12 на 6 метров. «Как гражданин я рад этому, — заявил Йон Василе, заместитель мэра Эфорие-Суд. — Это хорошая приманка для туристов, поскольку она пробуждает любопытство»³¹.

Вспышками расовой ненависти была отмечена и весенняя встреча ветеранов Waffen SS в столице Латвии Риге. Командующий вооруженными силами, а также глава полиции страны были отправлены в отставку, так как в полной парадной форме приняли участие в марше вместе с ветеранами пронацистского Латвийского легиона. Через несколько недель взрывами бомб в Риге были повреждены синагога, советский военный мемориал, а также российская дипломатическая миссия³².

В Загребе, столице Хорватии, закрыт музей, где были представлены свидетельства зверств режима усташей во время Второй мировой войны. По всей стране сторонниками усташей уничтожено около трех тысяч памятников антифашистского сопротивления. В это же время сторонник усташей Франьо Туджман успешно конвертировал свой образ твердой руки в личную финансовую выгоду. В 1997 году одна из австрийских газет назвала его «богатышем жителем Центральной Европы». На фоне охватившей Хорватию бедности семья Туджмана контролировала прибыльные беспошлинные предприятия и аппарат государственной безопасности. Большинство государственных компаний и коммунальных предприятий управлялись представителями коррумпированной экстремистской организации Туджмана — партии Хорватский демократический союз. Она сформировала правящую коалицию вместе с небольшой неонацистской партией. Не выносящий инакомыслия Туджман отказался признать явную победу хорватской оппозиции на местных выборах в Загребе, а одетые в униформу бандиты во время предвыборного митинга избили до бессознательного состояния его основного политического противника³³.

Ситуация, сложившаяся в Хорватии и других восточноевропейских странах, повторилась и в постсоветской России. В этой стране шумная кампания приватизации была использована в качестве дымовой завесы, под прикрытием которой маленькая группа воротил, сговорившись с правительственными чиновниками, получила контроль над огромными ресурсами. В результате этого беспрецедентного по масштабам «грабежа на большой дороге» обогатилось лишь ограниченное число лиц. Поддерживаемые программами экономической помощи, облегчившими кражу государственных предприятий, так называемые «семь банкиров» быстро получили огромные состояния на фоне беспрецедентной в Европе нищеты населения.

В погоне за несбыточной мечтой о свободном рынке Россия отбросила коммунизм и ринулась в «дикий капитализм» (термин Александра Солженицына). В XX веке ни одна из промышленно развитых стран не испытала столь масштабной и продолжительной экономической деградации. Статистика просто ошеломляет: на территории бывшего Советского Союза за чертой бедности оказалось 150 миллионов человек. От 70 до 80% населения страны получают доходы ниже или чуть выше прожиточного минимума. В России два миллиона бездомных детей. Средняя продолжительность жизни — 58 лет, это соответствует показателям беднейших стран третьего мира.

Образ одряхлевшего президента Бориса Ельцина можно применить для иллюстрации общего положения дел в его стране. Здесь не платили зарплаты, не собирали налоги, престарелые пенсионеры умирали от истощения. По числу убийств Москва и другие города страны занимали лидирующие позиции в западном мире. Полиция действовала как гангстеры, а судебная система агонизировала. Центральные структуры власти фактически прекратили свою деятельность. Вооруженные силы страны превратились в армию нищих, где новобранцы вынуждены были есть собачий корм. Представьте себе Германию времен Веймарской республики, только добавьте тысячи ядерных ракет, охраняемых людьми, которые зарабатывают меньше пяти долларов в месяц. Деморализованная постсоветская Россия стала питательной почвой для крайне опасной разновидности славянского фашизма³⁴.

Случившееся подготовило сцену для появления таких фигур, как Владимир Жириновский, напыщенный националист, почувствовавший суть момента и приведший свою неофашистскую партию к победе на парламентских выборах 1998 года. «Сумасшедший Влад» предложил депутатам российского парламента выпить банку своей мочи. Затем он угрожал распылить радиоактивные отходы в направлении любого прибалтийского государства, занимающегося дискриминацией этнических русских. Однако роль Жириновского в качестве громоотвода для народного недовольства вскоре сошла на нет по мере того, как он принялся конвертировать свой политический капитал в наличные средства.

Организация Жириновского была второй, наряду с коммунистами, политической партией, имевшей сторонников по всей стране. В этом качестве ее зачастую использовал Ельцин в ходе парламентских голосований. Чтобы добиться популярности, Жириновский осуждал политику Ельцина, однако несколько раз оказывал ему помощь. Жириновский воспользовался своим политическим весом, чтобы в 1998 году поддержать выдвинутую Ельциным кандидатуру премьер-министра, и заслужил чрезмерные похвалы в свой адрес. «Ваша партия сыграла видную роль в утверждении политического

плюрализма и создании в России настоящей многопартийной системы», — заявил Ельцин. Он также отметил роль Жириновского в защите «гражданских прав наших соотечественников за рубежом». Несколькими днями ранее в широко растиражированных прессой заявлениях Жириновский обвинил евреев в развязывании Второй мировой войны³⁵.

Нынешней весной атмосфера террора в Москве лишь сгустилась. Издеваясь над окружающими и запугивая их, около четырех тысяч бритоголовых прочесывали станции метро, рынки и площади города в поисках жертв нерусской национальности. Эти банды молодых расистов были в ответе за растущее число вызванных ненавистью преступлений в столице России. В их число вошло и зверское избиение афроамериканского морского пехотинца, служившего в посольстве США. Этот случай последовал сразу после еще более шокирующего происшествия, когда 20 бритоголовых молодчиков среди бела дня напали на двух женщин азиатской внешности на одной из главных улиц центра Москвы, избив их. В эти дни послы Южной Африки, Заира и Судана обратились с жалобой в российский МИД о резком росте нападений на граждан их стран. Полторы тысячи уроженцев Азербайджана вышли с протестом на улицы Москвы после того, как скинхеды закололи азербайджанского торговца. Свидетелями происшествия были сотрудники полиции, не вмешавшиеся в происходящее. Темнокожие люди систематически подвергались издевательствам со стороны сотрудников российской полиции. Эти данные содержались в документах, подготовленных правозащитной организацией Human Rights Watch и зафиксировавших случаи жестокого обращения со стороны полиции, в том числе пытки электрическим током, сексуальное насилие и убийства³⁶.

Нуждаясь в многомиллионном долларовом транше от Международного валютного фонда, Ельцин счел целесообразным предупредить о том, что фашизм представляет «серьезную угрозу для общества». Однако его правительство так и не предприняло решительных шагов против хотя бы одной из более чем 80 неонацистских групп. Они фактически безнаказанно действовали по всей территории страны, невзирая на статьи Уголовного кодекса, предусматривавшие наказание за терроризм, и содержащийся в Конституции запрет на возбуждение расовой или религиозной розни.

Хаос, воцарившийся после распада СССР, когда каждый выступал сам за себя, усилил позиции Александра Баркашова, эксперта по карате с прической «конский хвост». Он возглавлял ведущую националистическую организацию страны «Русское национальное единство» (РНЕ). К 1998 году сеть отделений РНЕ охватывала 64 из 89 субъектов Российской Федерации. На публичных мероприятиях члены организации появлялись в черной унифор-

ме с напоминающими свастику символами. Многие сторонники Баркашова служили в полиции, спецслужбах, армии. Организация ежегодно устраивала лагерь военной подготовки близ города Ставрополя. Бывшие военные готовили там молодежь к вооруженным схваткам, прививая им фашистскую идеологию. К баркашовцам часто относились с симпатией местные и региональные власти, действовавшие без особой оглядки на Кремль. Военизированные формирования РНЕ вместе с полицией патрулировали улицы города Кстова в Нижегородской области. Городские власти Боровичей, города вблизи Новгорода, игнорировали обращение малочисленной местной еврейской общины, которая жаловалась на террор со стороны громилы Баркашова и просила полицейской охраны. «Мы можем избить кого угодно, и нам ничего за это не будет», — хвастался член располагавшейся в Москве молодежной организации перед своими коллегами-неонацистами³⁷.

Еще большие опасения, чем распространение в России неонацистских групп, вызывает деятельность ультранационалистического крыла Коммунистической партии, возглавляемого генералом Альбертом Макашовым, одним из явных антисемитов среди депутатов Думы. На волне финансового краха, пережитого Россией летом 1998 года, Макашов призвал к возмездию в отношении «еврейского окружения», засевшего в правительстве Ельцина, которое, как утверждалось, и привело страну к экономическим трудностям. «Взять всех жидов и отправить их в мир иной», — обращался он к восторженным толпам в ходе своих поездок по регионам России³⁸.

Другие члены коммунистической иерархии, включая и партийного лидера Геннадия Зюганова, высказывали подобные взгляды или, по крайней мере, намекали на них. Зюганов говорил, что против евреев как таковых он ничего не имеет, однако утверждал, что сионисты, в течение многих лет бывшие мишенью советской пропаганды, тайно готовили заговор с целью прийти к мировому господству. Периодические всплески официального антисемитизма имеют глубокие корни в истории России и восходят к кровавым погромам эпохи царизма, в ходе которых погибли тысячи евреев. Обладавший даром предвидения Ленин говорил о вреде этнического национализма. В 1919 году он уничижительно писал: «Поскреби отдельных коммунистов — и найдешь русского шовиниста»³⁹.

Опасаясь разгула политического экстремизма в постсоветской России, евреи принялись массово эмигрировать из страны. Главный раввин России Адольф Шаевич высказал обеспокоенность «прохладной реакцией общества и бездействием властей» в условиях ожесточенных антисемитских высказываний и вспышек насилия. «При желании было бы легко обуздать всех этих людей», — заверял он. Вместо этого российский парламент достаточно

показательно отказался лишиться слова депутата Макашова после того, как не знающий компромиссов коммунист призвал к ликвидации евреев⁴⁰.

Расширявшийся блок НАТО подошел вплотную к границам бывшего Советского Союза, и это вызвало раздражение России. Весной 1999 года НАТО приняла решение о начале масштабных бомбардировок Югославии, традиционно являвшейся союзником России. Возглавлявшийся Соединенными Штатами удар с воздуха, совпавший с очевидным провалом проводившихся под руководством американцев экономических реформ, вызвал в России стойкое отвращение к заокеанскому партнеру и помог привлечь новых членов в экстремистские националистические группы. После того как по американскому посольству в Москве выстрелили из гранатомета, телевидение показало русских рабочих, мывших грязные полы тряпками с изображением американского флага. Враждебность к США вскоре превратилась в общенациональную идею, объединяющую тему, которой ранее не было в стране, лишившейся чувства национальной идентичности после своего развала.

Русские националисты были возмущены также засильем элементов американской культуры: музыки, фильмов, ресторанов быстрого питания, распространившихся в крупных городах. Если сегодня пройти по Тверской, главной улице Москвы, ее не отличишь от торговой улицы в каком-либо городе США. Конечно, все вывески используют кириллицу, однако фирменные логотипы выглядят очень знакомыми: McDonald's, Pizza Hut, гостиница Marriott, вездесущие банкоматы, забегаловка Kentucky Fried Chicken, где молодые москвичи в бейсболках с эмблемами американской футбольной лиги NFL поедают напичканное гормонами мясо.

Президент Клинтон говорил о «неумолимой логике глобализации», процессе, который не сможет избежать ни одна страна. Это, похоже, необратимое явление имеет экономическую основу, однако несет в себе серьезные культурные и социальные последствия. Совершенно несовместимая с традиционным укладом жизни и региональными различиями мировая торговля выступает в роли огромного гомогенизатора, размывая местную специфику и национальные черты, уничтожая уникальные этнические особенности. Люди боятся не только потерять работу (если, конечно, она у них есть), но и свою культуру и национальную идентичность. Там, где утрачивают свою силу национальные традиции, люди становятся разобщенными и лишаются своих психологических корней. Это делает их более уязвимыми для соблазнов ультранационализма, выступающего против того, что Бенджамин Барбер (Benjamin Barber) очень удачно назвал «немым и стерилизованным единством» мира McDonald's. Если смотреть правде в лицо, то глобализацию крайне сложно отличить от американизации. У глобальной монокультуры

уши Микки Мауса, она пьет кока-колу и пепси, ест «Биг Маки», смотрит бесконечные повторы сериалов Dallas и Melrose Place, работает на ноутбуках IBM с новейшей версией операционной системы Microsoft Windows.

Новые информационные технологии, которые парадоксально, с одной стороны, облегчают общение, а с другой — способствуют отчужденности, создали среду, особенно благоприятную для финансовых спекуляций и быстрого роста глобальной торговли. Все большую роль в мировой экономике начинают играть транснациональные корпорации, международное лобби, элитные торговые союзы, а не находящиеся на виду официальные лица. Эти глобальные силы нарушили целый ряд обычных прерогатив национального государства, ставя под вопрос демократические понятия политической власти и народного представительства. Способность национальных правительств регулировать собственную экономику была в значительной степени сужена глобализацией финансовых рынков.

Хотя в теории свободный рынок должен гарантировать максимальную эффективность, на практике он лишь усилил вопиющее неравенство и ускорил распад социальных структур, приведя к широкому распространению нестабильности, обнищанию, массовой миграции и этническим распрям. Можно констатировать, что на пороге XXI века мир увяз в постмодернистском феодализме, где крупный бизнес правит своими цифровыми вотчинами, не обращая внимания на слабые государства, в которых центральными органами власти становятся новые первосвященники — Международный валютный фонд и крупные банкиры. В то же время ослабление власти классического национального государства спровоцировало острую реакцию со стороны ультранационалистов, особенно в тех регионах, которые были поражены экономическими потрясениями.

В апреле 1999 года, в разгар тяжелой экономической рецессии, японские избиратели выбрали на пост мэра Токио отъявленного правого националиста Шинтаро Исихару. И в то время как большинство японских правых рассматривали Соединенные Штаты в качестве своего ближайшего союзника в борьбе против заклятого врага — СССР, Исихара публично обвинил несколько влиятельных американских евреев в запугивании Азии, призвав японское руководство занять более жесткую позицию по отношению к Вашингтону. Исихара назвал ложью так называемую «Нанкинскую резню» 1937 года, в ходе которой императорская армия Японии уничтожила 300 тысяч гражданского населения Китая⁴¹.

Болезненные последствия азиатских экономических неурядиц 1997 года ощущались во многих странах, включая Индонезию, где крах национальной валюты спровоцировал голодные бунты и этническое насилие. Толпа, искав-

шая виновников случившегося, нашла их в китайских владельцах магазинов. По всей стране на них нападали и убивали. В то же время банды, вооруженные охотничьими ружьями, копьями и клинками, прочесывали деревни на острове Борнео в поисках рабочих-мигрантов, которых также обвиняли в кризисе. Мигрантов как угрозу местным жителям поносили и терроризировали с пугающей регулярностью от Сеула до Южной Африки и Саксонии.

Оседлав гребень популистской реакции на глобализацию, ультраправые демагоги Европы сопровождали свои антииммигрантские тирады целенаправленной критикой Маастрихтского договора и предусмотренной им единой европейской валюты. Они извлекли максимальную выгоду из ожидавшихся опасений относительно деятельности Европейского платежного союза, который по существу является попыткой части крупных бизнесменов Европы приспособиться к реалиям современного мирового порядка. Полноценное членство в ЕС требовало болезненных бюджетных ограничений со стороны стран-членов, отказывавшихся от своих полномочий в ключевых финансовых вопросах в пользу никем не избранных банкиров из Франкфурта. Введение евро лишало национальные правительства возможности бороться с высокой безработицей и ростом неравенства в доходах путем коррекции курса национальной валюты и установления собственной процентной ставки⁴².

Неудивительно, что в результате значительно сократилось число избирателей, принимавших участие в выборах в различных странах Европы. Также было подорвано доверие к народным избранникам, которые совершенно очевидно не имели намерения или возможности осуществить свои самые важные предвыборные обещания. Разочарование традиционным политическим спектром было лишь усилено неспособностью ранее левых или центристских социал-демократических партий предложить альтернативу жесткой политике ЕС, ведущей, как предупреждал ранее работавший в журнале *The Ecologist* Николас Хиллард (Nicholas Hilyard), «к подрывающей демократию концентрации средств и власти».

Сторонники ЕС утверждали, что экономическая интеграция — это критически важный шаг в движении Европы к политическому единству, которое, как они надеялись, навсегда покончит с бичом безжалостного национализма, разрушающего континент. На деле происходит прямо противоположное. По мере того как после холодной войны ускорилась экономическая глобализация, породившая явных победителей и побежденных, стало расти и количество неофашистских и правоэкстремистских организаций. Процесс европейской интеграции, похоже, только способствует увеличению радикальных правых партий, успешно использующих разочарование людей в отношении не понимающих их нужд, безответственных правительств.

Бурно расцветающее националистическое движение является своего рода «сопутствующим ущербом», наносимым не знающей границ глобализацией, порождающей все те ужасы, которым она была призвана противостоять. С другой стороны, ультраправые, бунтующие против глобализации, тем самым оправдывают ее. Фактически крупные корпорации и мелкие нацисты кормятся друг от друга — это две стороны одной медали⁴³.

Праворадикальный популизм — результат разложения демократии. Его современный фашистский облик, принимающий неординарные формы в различных странах, может существовать только в ситуациях доминирования социальной несправедливости. Слабые личности, сокрушаемые порывами безжалостного ветра экономических и социальных перемен, попадают в правозкстремистские группировки не в результате своих патологических отклонений, но в силу злобы, отчаяния и смятения. По данным журналиста Чипа Берлета (Chip Berlet) из неправительственной исследовательской группы Political Research Associates, в настоящее время в Америке сформировалась субкультура христианских радикальных «патриотов», объединяющая порядка пяти миллионов человек. Они верят, что правительство США является объектом манипуляций со стороны тайных сил и клик заговорщиков, которые занимаются этой деятельностью уже не одну сотню лет. Опасаясь утраты национального суверенитета вследствие придуманного ими тайного заговора ООН с целью поработить Америку, эти самоназванные «патриоты» и их военизированные формирования принимают глобальную монокультуру за призрак мирового правительства. Подобное бредовое мышление может представлять опасность, так как оно распахивает двери перед неонацистскими вербовщиками, предлагающими быстрые и решительные меры для исправления глубоко укоренившейся несправедливости⁴⁴.

Никто не может с уверенностью предсказать эти внезапные моменты «коротких замыканий», когда опасения и недовольство отдельных личностей, остро переживающих свое бесправие, внезапно усиливаются, превращаясь в безумные всплески кровопролитного террора. Однако однонаправленные и сближающиеся тенденции в социальной, экономической и политической областях позволяют предположить, что все большее число людей, живущих в странах западной демократии, а также в других странах, будут с интересом внимать призывам неонацистов, маскирующихся под националистических популистов и предлагающих простые решения сложных проблем. Как мы знаем, простые решения зачастую становятся окончательными.

Ввиду этих обстоятельств мы обязаны обратить внимание на высказывания покойного Джорджа Мосса (George Moss) и других исследователей, доказывавших, что фашизм — это отнюдь не историческая случайность. Он

возник в Европе на основе общественного согласия. Он вырос из глубоко укоренившихся ценностей и традиций, которым не нашлось места среди засилья массовой культуры и популярных общественных взглядов. Однако успехи и неудачи фашистских движений, возникших в Европе в период между двумя мировыми войнами, не были predetermined. Нельзя исключать роли ключевых пособников. Возможно, Муссолини и Гитлер никогда не пришли бы к власти, если бы так не решила консервативная элита большого бизнеса, которая в поворотный момент развития решила поддерживать итальянских и немецких фашистов в качестве защиты от левых сил⁴⁵.

Может ли подобный союз возникнуть снова, даже несмотря на то, что сегодняшние оппортунистические лидеры правого движения часто громко критикуют глобализацию? Не соблазнятся ли новые лидеры глобальной экономики, как и политически «осажденные» бизнесмены Европы 1930-х годов, на поддержку правых авторитарных движений, чтобы направить растущее социальное недовольство на новых козлов отпущения?

«Сегодня мы сталкиваемся с пугающе очевидным фактом того, что зло, о котором предпочитают молчать, может снова выйти на сцену», — заявил премьер-министр Швеции Йоран Перссон на недавней конференции, посвященной возрождению европейского расизма и неонацизма. Неудавшиеся попытки перестройки значительной части Восточной Европы и стран третьего мира по рецептам свободного рынка, отказ левых социалистов от своих полномочий выражать общественное недовольство в Западной Европе, распространение по всему миру одинакового для всех бездушного транснационального капитализма — все это элементы очень мощного ведьмовского зелья. Оно орошает отравленную землю, и растущие не ней цветы зла способствуют возникновению все новых политических обид⁴⁶.

Незадолго до своей смерти в 1987 году переживший Холокост Primo Levi, бывший узник Освенцима, предупреждал о приходе «нового фашизма... идущего на цыпочках и называющего себя другими именами». Этот новый фашизм — современное явление, во многом не похожее на своих предшественников. Приход к власти Гитлера стал неожиданностью для всего мира. Те, кто слишком сосредоточиваются на образах фашистского прошлого, отрицая растущие опасности настоящего, снова рискуют оказаться застигнутыми врасплох⁴⁷.

Мартин А. Ли
10 августа 1999 года

Введение

20 июля 1944 года Адольф Гитлер и его ближайшие военные советники собрались в командном комплексе «Вольчье логово» в Восточной Пруссии на очередное совещание, посвященное обсуждению стратегических вопросов. Докладывал генерал-лейтенант Адольф Хойзингер, начальник оперативного отдела Генерального штаба сухопутных сил. Он сообщил об очередных неудачах Германии на Восточном фронте. Внезапно в помещении раздался сильный взрыв, и все бросились на пол. Зал наполнился густым дымом и пылью. Несколько офицеров услышали крик фельдмаршала Вильгельма Кейтеля: «Где фюрер?»

Чудом избежавший повреждений Кейтель пробирался через убитых и раненых и, наконец, нашел оглушенного Гитлера в рваной и окровавленной форме. Он помог ему встать на ноги. Гитлер посмотрел на фельдмаршала непонимающим взглядом, а затем, потеряв сознание, рухнул ему на руки. Фюрера доставили в госпиталь, где врачи обработали его раны. У него была порвана барабанная перепонка, оцарапана спина, обожжены ноги. Лицо и волосы обгорели, а правая рука оказалась временно парализована. Гитлер был потрясен — он едва уцелел после первой и последней попытки покушения.

Тем временем в Берлине воцарилось смятение. Небольшая группа немецких офицеров, организовавших взрыв, попыталась установить контроль над городом, но их усилия были тщетны. В дело вмешался майор Отто-Эрнст Ремер, ранее мало кому известный 32-летний командир охранного полка Grossdeutschland («Великая Германия»), отвечавшего за безопасность правительственных зданий столицы.

Как только в казармах распространились слухи о смерти Гитлера, Ремер получил от своего командира приказ арестовать Йозефа Геббельса, самого высокопоставленного из находившихся в тот момент в Берлине нацистских

руководителей. Держа наготове пистолет, Ремер во главе группы из 20 человек ворвался в Министерство пропаганды, где расположился Геббельс. В этот момент Ремер, вероятно, был самым важным военным деятелем своей страны.

Окруженный солдатами, держащими его на прицеле, Геббельс не потерял хладнокровия и сообщил Ремеру, что заговор провалился: Гитлер остался жив. Чтобы доказать свою правоту, он связался по телефону с «Вольчьим логовом» и передал трубку Ремеру. Услышав голос фюрера, высокий и крепко сложенный офицер вздохнул с облегчением. Гитлер назначил его командующим войсками берлинского гарнизона и приказал подавить путч. Всякий оказавший сопротивление должен был быть расстрелян на месте.

Вдохновленный полученным распоряжением Ремер немедленно взял бразды правления в свои руки, приказав войскам установить блокпосты и патрулировать улицы. Размещавшийся в городе командный пункт был изолирован, а комендатура, где сосредоточилась часть заговорщиков, окружена. Ремер находился у здания Министерства обороны, когда туда с группой вооруженных людей прибыл фанатичный сторонник Гитлера оберштурмбаннфюрер SS Отто Скорцени.

Ремер представился Скорцени и доложил ситуацию. Они решили, что никто, невзирая на звание и должность, не должен до окончания обыска войти или выйти из здания. Скорцени со своими эсэсовцами решительно пресек начавшуюся в министерстве волну расстрелов и самоубийств, с тем чтобы оставшиеся в живых подозреваемые смогли под пытками указать на других участников заговора и таким образом раскрыть его подлинный масштаб и только после этого отправиться на виселицу.

Встав во главе Министерства обороны, Скорцени быстро подавил восстание, и верховное командование смогло возобновить свою работу. В последующие недели он помог выследить оставшихся на свободе подозреваемых. Это была одна из наиболее жестоких охот на людей за всю историю человечества. Появился повод свести старые счеты. Вспышка братоубийственной войны в рядах немецкой армии привела к гибели двух тысяч человек, включая десятки высокопоставленных офицеров. Некоторые из главных заговорщиков были задушены рояльными струнами и повешены на крюках для мяса. Агония жертв снималась нацистскими операторами на пленку, с тем чтобы Гитлер смог ее просмотреть в личном кинозале¹.

Говоря о неоценимом вкладе полковника в ликвидацию последствий неудавшегося переворота, фюрер с благодарностью заметил: «Вы, Скорцени, спасли Третий рейх». Но в центре внимания все-таки оказался Ремер. Именно его решительные действия сыграли главную роль в восстановлении

порядка в Берлине. Гитлер оценил его усилия, присвоив Ремеру звание генерал-майора, мгновенно введя его в нацистскую элиту. С тех пор Ремер стал телохранителем Гитлера.

20 июля вошло в историю не только как дата, когда плохо подготовленным заговорщикам во главе с одноруким графом Клаусом фон Штауффенбергом не удалось свергнуть безумного диктатора. События этого вечера надолго раскололи германский народ. Убежденные нацисты и их сторонники рассматривали путч как еще один удар в спину, лишивший Германию законно принадлежавшей ей империи. Они восхваляли Отто-Эрнста Ремера как идеального солдата, символ непоколебимого сопротивления «предателям», разрушившим фатерланд изнутри и ставшим причиной поражения Германии. Для многих других 20 июля олицетворяло освобождение и искупление, став моральным побуждением для того, чтобы смыть с себя грехи нацистов и начать жизнь заново. После войны руководители Западной Германии обратятся к примеру восставших против Гитлера как к источнику своей исторической легитимности. Участники заговора будут названы блестящим примером «иной Германии», отважно выступившей против Третьего рейха.

Не являясь выражением общенационального протеста против гитлеровского режима, заговор 20 июля был делом сравнительно небольшой группы лиц, которую вовсе не обязательно вдохновляли высокие идеалы. Показания, полученные в ходе работы Нюрнбергского трибунала, свидетельствуют о том, что один из участвовавших в заговоре армейских офицеров был командиром айнзацгруппы — одного из эскадронов смерти нацистской Германии, осуществившего первые крупномасштабные убийства евреев на Восточном фронте².

Некоторые из тех, кто запоздало повернул оружие против Гитлера, сделали это не из моральных соображений, а опасаясь того факта, что проигрывают войну. Они предприняли отчаянную попытку восстановить авторитарное правление, свободное от внешних атрибутов нацизма, а во все не сделать первый шаг по направлению к политическому либерализму и демократии. По их мнению, полный распад Германии мог быть предотвращен только в случае свержения Гитлера. В этом заговорщиков поддерживал и американский виртуоз шпионажа Аллен Даллес, намекавший из своей штаб-квартиры в Швейцарии, что ненацистское правительство может избежать жестких требований о безоговорочной капитуляции. Игнорируя сведения, полученные в ходе Нюрнбергского трибунала, Даллес и позднее без колебаний давал высокую оценку деятельности заговорщиков и их усилиям «освободить Германию от Гитлера и его банды и установить в стране благопристойный режим»³.

Миф о «другой Германии», порожденный событиями 20 июля, послужил удобным алиби не только для правительства Западной Германии, но и для различных шпионских контор Запада, в первые годы холодной войны массово привлекавших в свои ряды ветеранов Третьего рейха. По мнению руководителей американской разведки, не имело особого значения, чью сторону эти люди занимали по отношению к событиям 20 июля, — главным был последовательный антикоммунизм. Среди тех, кто позднее работал в возглавлявшемся Алленом Даллесом ЦРУ, оказался и оберштурмбанн-фюрер Отто Скорцени.

Скорцени и Ремер сохранили дружеские отношения: они вращались в одних и тех же неонацистских кругах, занимаясь торговлей оружием и оказывая услуги военных советников. Теневая коммерческая деятельность втянула их в мир международных интриг, где шла игра с высокими ставками. Пути этих двух людей, впервые пересекшиеся 20 июля, в дальнейшем продемонстрировали двойственный характер послевоенных нацистских уловок. Вместе они смогли заложить основу для возрождения многоликого неофашизма, развернувшегося с пугающим размахом по окончании холодной войны.

После падения Берлинской стены ультраправые принялись утверждать себя с такой скоростью и неистовством, что это застало всех врасплох — не только в Германии, но и в других странах Европы и в Северной Америке. Растущее число ультраправых политических партий в Западной Европе, появление «красно-коричневых» в России, рост числа вооруженных группировок в США, охвативший большую часть Северного полушария разгул насилия в отношении беженцев, иммигрантов, гастарбайтеров, национальных меньшинств, а также лиц, ищущих убежища, — все это свидетельства широкомасштабного возрождения неофашизма. Подобному развитию ситуации способствовали также объединение Германии, распад коммунистического Советского блока, масштабные изменения в экономике. И в нынешнее время стремительная эскалация неофашизма является одной из самых опасных тенденций в международной политике.

Эта книга посвящена в основном ситуации в Германии, однако в ней затрагиваются события в США, России и других странах. Автор пытается понять, как и почему фашизм — полностью разгромленный и дискредитированный полвека тому назад — снова превратился в силу, заставившую считаться с собой. Следующие главы будут посвящены деятельности нескольких видных представителей послевоенного фашизма. Эти политические преступники продемонстрировали примечательные упорство и изобретательность, создав эффективную стратегию действий в эпоху, когда фашизм представлялся отжившей политической альтернативой.

Сразу после Второй мировой войны у фашистов не было иного выбора, кроме как оставаться в тени. Для ветеранов Третьего рейха это был своего рода «катакомбный» период. Невероятный масштаб нацистских преступлений, государственный террор и геноцид, беспрецедентные в истории человечества массовые разрушения — все это вынудило их занять оборонительную позицию. В результате развязанной Гитлером мировой войны погибло от 50 до 60 миллионов человек. Многие миллионы выживших вынуждены были перенести издевательства и лишения. Лицо мировой политики претерпело необратимые изменения. Армии Оси были разгромлены, западно-европейские союзники истощены, колонии находились на грани восстания. В мировом балансе сил возник серьезный вакуум. Единственными странами, обладавшими достаточной военной мощью и политической волей, чтобы заполнить эту брешь, были Соединенные Штаты и Советский Союз.

Возникновение холодной войны было отчасти спровоцировано борьбой сверхдержав вокруг способов интеграции Германии в новый мировой порядок. Несмотря на военное поражение и лишение политического суверенитета, страна сохраняла потенциал одного из важных игроков на европейском континенте. Даже будучи разделенной на западную и восточную части, Германия отнюдь не была игрушкой в чьих-то руках. «Теория холодной войны как периода советско-американского двоевластия иногда строится на том, что, в конечном итоге, США и Советский Союз полностью контролировали подчиненные им союзы, — отмечает Артур Шлезингер. — Однако практически с самого начала власти сверхдержав противостоял национализм — наиболее мощное политическое явление нашего времени». Конфликт де Голля с НАТО, разрыв Тито с Москвой, ожесточенный советско-китайский конфликт — вот только некоторые из приводимых Шлезингером примеров. В итоге он делает вывод: «Влияние клиентов на принципалов — это еще один аспект ненаписанной страницы холодной войны»⁴.

Германские националисты нашли свой способ воздействия на американо-советское противостояние. Лица, входившие в круг ветеранов Третьего рейха, быстро восстановили тайную сеть неонацистских групп, стремившихся использовать углублявшийся раскол между двумя сверхдержавами. Холодная война оказалась прекрасным подспорьем для нацистских шпионов, пытавшихся превратить свой полный военный разгром в частичную, однако значимую победу, достигнутую уже после того, как умолкли пушки.

Многие деятели нацистского режима, включая и Отто Скорцени, заслужили благосклонность спецслужб Запада, выставляя себя принципиальными антикоммунистами. Тайная среда, в которой они вращались, была полна интриг и непостоянных союзов, приводивших к кровопролитию,

а также неожиданных связей, необъяснимых с обычной точки зрения. Это был странный мир, в котором политические понятия «левого» и «правого» порой смешивались до неузнаваемости.

В разгар холодной войны ряд ученых, занимавшихся проблемой фашизма, создали своими работами питательную среду для пропагандистского соперничества Запада и Востока. Однако массовые фашистские организации никогда не были пешками в руках крупного бизнеса, как утверждали марксистские историки. Они не являлись и единомышленниками тоталитарных сталинистов, хотя такой взгляд был распространен среди пропагандистов антикоммунизма. Обе точки зрения игнорировали вопрос изначально присущей фашизму привлекательности, и ни одна из них не могла объяснить причины его возрождения в 1990-е.

Многие годы ученые в попытке дать универсальное определение фашизма вели бесплодные споры, вдавались в тончайшие семантические подробности, однако понятие так и не было найдено. Отсутствие единодушия по вопросу о «фашистском минимуме» (самом общем определении характерных черт, присущих всем разновидностям фашизма), возможно, объясняется отчасти изменчивой природой этого явления. Фашизм 1920—1930-х годов был идейно двусмысленным движением, прошедшим в своем развитии несколько этапов. Изначально фашистские партии завоевали популярность среди простонародья, выступая в образе социальных революционеров, борющихся с несправедливостями свободного рынка. Затем они стали серьезными претендентами на власть, завоевав консервативные элиты Германии и Италии обещаниями покончить с «красной угрозой». Там, где фашисты приходили к власти, они неизбежно нарушали свои прежние обещания, особенно в части борьбы с капитализмом. В конечном итоге их главным политическим противником стали выступавшие в интересах рабочих левые, которые рассматривали фашистов в качестве правых экстремистов⁵.

Некоторые фашистские лидеры, включая и Бенито Муссолини, начали свой путь социалистами, однако затем утратили веру в революционный потенциал рабочего класса. Чтобы мобилизовать инертный пролетариат, они прибегли к национализму. Миф о национальном возрождении очень пригодился фашизму, который принимал разные, порой резко отличные друг от друга формы, исходя из сочетания конкретных исторических и социальных факторов, присущих той или иной стране.

Возглавленная Гитлером Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei, NSDAP) уделяла особое внимание нордическому мистицизму, теориям расового превосходства и всемирного еврейского заговора, а также поставила себе на службу

агрессивный милитаризм. В период своего формирования НСДАП делила ультранационалистическую сцену с другими ненацистскими разновидностями фашизма, процветавшими в Германии в период так называемой Консервативной революции 1920-х годов. Варианты германского фашизма основывались на идеях фелькише и антисемитизме — в отличие от итальянского фашизма (также иногда называемого «корпоратизмом»), в котором тогда отсутствовала расистская составляющая. Последователи Муссолини могли считаться расистами в общем понимании этого слова, так как рассматривали неевропейцев или людей не с белым цветом кожи в качестве культурно отсталых. Однако их расизм не представлял навязчивой, всеохватывающей идеологии. То же справедливо и в отношении гиперавторитарных католиков из окружения Франко в Испании, которых зачастую отталкивали языческие и антихристианские идеи, к коим прибегали нацисты⁶.

К сожалению, слишком общая трактовка понятий «фашист» и «неофашист» не позволяет выявить различные, подчас конфликтующие тенденции, скрывающиеся за этими терминами. Умберто Эко описывал фашизм как «неявный тоталитаризм, смесь различных философских и политических идей, не обладающих квинтэссенцией». Само слово «фашизм» восходит к латинскому *fascis* (фасция), обозначавшему символ магистратской власти в Древнем Риме — связку прутьев с воткнутым в нее топором. Примечательно, что *fascis* в латинском языке связано также с понятием *fascinum* (очаровывать)⁷.

Действительно, фашистские заклинания «очаровывают» людей, направляя экономическое и социальное недовольство в сторону национализма и расизма. Заявляя о необходимости создания нового духа и нового человека, фашистские демагоги превозносили действие ради действия и романтизировали насилие в качестве очистительного средства. Хотя многие из их идей являлись побочным продуктом эпохи Просвещения, они страстно отрицали теории социального равенства, послужившие основой для французской революции 1789 года. Негативная составляющая фашизма разнообразна и достаточно хорошо известна: против демократии, марксизма, капитализма, материализма, космополитизма, буржуазии, либерализма, феминизма и так далее.

Но фашизм всегда представлял собой нечто большее, чем просто торжество отрицания. Скорее для него был характерен эклектизм, включающий элементы соперничающих идеологий, на словах якобы отвергавшихся сторонниками этого течения. Именно здесь заключался принципиальный парадокс фашизма: его способность объединять социальные и политические противоположности, быть одновременно элитарным и популист-

ским, традиционным и авангардным («Я и реакционер и революционер одновременно», — похвалялся Муссолини). В фашистской среде всегда существовала ностальгия по доиндустриальным временам, и в то же время тяга к современным технологиям, стремление к неконтролируемому зверству, и в то же время преклонение перед дисциплиной и порядком. Обещая излечить болезни и беззакония современной жизни, фашистские руководители обращались к глубоко укоренившемуся в людях стремлению к лучшей организации общества. Искаженный утопический импульс фашизма был основой его притягательности как политического движения, вызывавшего симпатии всех слоев общества: горожан и селян, молодых и старых, бедных и богатых, интеллигенции и необразованных.

Тяжелое поражение в ходе Второй мировой войны не изменило глубинных убеждений многих фашистов, продолжавших ждать того дня, когда они смогут вновь воплотить в жизнь свою извращенную мечту о новом порядке для всего мира. Среди неофашистов всегда существовала остаточная субкультура ностальгирующих лиц, упорно державшихся за наследие Третьего рейха и режима Муссолини. Литература, посвященная отрицанию Холокоста, а также другие радикальные писания по-прежнему распространялись в качестве своего рода политической порнографии для глубоко посвященных, продолжавших собираться в небольшие маргинализованные группы и тайные ячейки. Иные, более гибкие последователи учения пытались приспособиться к изменившейся реальности послевоенной эпохи. Конфликт Востока и Запада, изначально позволивший выжить этим проповедникам зловещих идей, привел их затем в гавань политики. Они поняли, что рано или поздно завалы «холодной войны» будут разобраны, а им на смену придут различные формы фашистского ревизионизма.

Более изобретательные тактики понимали, что существует масса способов продолжить игру в фашизм. Некоторые из них сочли за благо не афишировать свою принадлежность к течению. Отказ от фашистских воззваний стал первым шагом на пути к осовремениванию политического дискурса. Отныне речь шла не о превосходстве белых, а о необходимости поддерживать самоидентичность и культурное своеобразие. Второе пришествие фашизма сильно отличалось от первого. Выступая с позиций прагматизма и оппортунизма, неофашистские лидеры нашли для себя новое обличье, внося в свои политические платформы эвфемизмы, скрывавшие глубокую ненависть к демократическому процессу. Декларируя идеи национал-популизма, они смогли привлечь на свою сторону значительное количество голосов избирателей в ряде стран, преобразовав сложившийся после «холодной войны» политический пейзаж.

Это — история подпольного политического движения, пробудившегося к жизни после почти полувековой спячки. Это — история явления, которое, будучи скрыто в течение долгого времени, появилось в новой форме. Это — история идеи, некогда запретной, постепенно набирающей влияние и приобретающей респектабельность. Но прежде всего это — история о «старой гвардии» фашизма, сохранившей факел движения и передавшей его молодому поколению экстремистов, продолжающих сегодня свою борьбу.

ЧАСТЬ I

СЛИШКОМ МНОГО ШПИОНОВ

Глава 1

СМЕНА СОЮЗОВ

Лицо со шрамом

Отто Скорцени был двухметровым, атлетически сложенным широкоплечим гигантом с серыми глазами и жесткими темными волосами. Он родился в Вене в 1908 году и в юности испытал лишения и нищету, впервые попробовав масло в 15-летнем возрасте. Поступив в Венский университет, он учился на инженера, совмещая учебу с активным участием в фехтовальных секциях, привлекавших к себе крутую бесшабашную молодежь. Лютый, лишенный страха Скорцени обожал дуэли на эспадронах — обоюдоострых клинках с затупленным концом. Его худое мускулистое тело было отмечено 15 шрамами, а по левой стороне лица ото лба до подбородка протянулась живописная отметина от сабельного удара. Защитая на месте без обезболивания, эта безобразная рана стала причиной, по которой Скорцени получил прозвище Лицо со шрамом.

Лютый Скорцени одним из первых вступил в начале 1930-х годов в австрийскую нацистскую партию. Беспокойный и вспыльчивый, он наслаждался динамичностью политической жизни, а однажды даже выиграл организованные нацистами автогонки. Он стал заметной фигурой в Венском гимнастическом клубе — организации прикрытия для нацистов, активно поддерживавшей «аншлюс» Австрии (присоединение Австрии к Германии в 1938 году). С позиций сегодняшнего дня очевидно, что этот союз был решающим шагом ко Второй мировой войне. К 1938 году Скорцени уже входил в SS (Schutzstaffel) и гестапо. В том же году, согласно позднейшим

официальным свидетельствам, он принял участие в безжалостном погроме — Хрустальной ночи в Вене. В эту ночь гитлеровский рейх охватил террором всю свою территорию: запылали синагоги, лавки и дома евреев. Сто евреев было убито, 30 тысяч согнано в концентрационные лагеря¹.

С началом Второй мировой войны Скорцени забросил свою работу инженера и вступил в SS — не знавшее жалости подразделение немецких вооруженных сил. Великолепно подготовленные нацистские фанатики — элитные части SS — отметили свой путь по Восточной Европе убийствами, грабежами и насилием. Их невообразимый садизм стал основной причиной того, что после войны Нюрнбергский трибунал признал преступной всю организацию.

Боевые подразделения одетых в черное «охранных отрядов» (Schutzstaffel), дивизии SS в большинстве своем состояли из добровольцев, представлявших различные европейские этнические группы. Другие части, как и та, куда поступил на службу Скорцени, набирали исключительно из немцев. Прошедший подготовку в качестве специалиста-подрывника, Скорцени вскоре вступил в конфликт с командирами вследствие неподчинения приказам и недисциплинированного поведения. Он постоянно курил, зачастую бывал пьян и буянил, однако его храбрость заставляла начальство мириться с сумасбродствами подчиненного. В начале войны он служил во Франции, Голландии и Югославии. «Нас редко встречали улыбками», — с наглой откровенностью вспоминал Скорцени свое пребывание в Белграде².

После вторжения Германии в Советский Союз Скорцени отправился на Восточный фронт. В его багаже лежали книга Т. Э. Лоуренса «Семь столпов мудрости» и изрядный запас шнапса. Двигаясь к Москве и Ленинграду, германская армия и части SS оставляли за собой совершенную разруху и разорение. Некоторое время казалось, что весь континент очутился под сапогом Гитлера. Однако фюрер просчитался, полагая, что сможет уничтожить СССР с помощью той же тактики блицкрига, которая принесла ему успех в борьбе с противником на Западе. По мере удлинения коммуникационных линий страдавшие от морозов немецкие части стали все сильнее ощущать превосходство Советского Союза в промышленных ресурсах и численности войск.

В конце декабря 1942 года, когда немецкие войска были отброшены от Сталинграда, Скорцени едва не погиб от осколка советского снаряда, попавшего ему в затылок с такой силой, что он потерял сознание. Несмотря на тяжесть ранения, Скорцени отказался от медицинской помощи, обойдясь таблеткой аспирина и порцией виски. Через несколько дней он отправился обратно в Германию с камнями в желчном пузыре и мучительной головной болью, которая периодически будет возвращаться к нему до конца жизни.

Проведя несколько месяцев в армейском госпитале, Скорцени получил новое задание. Он с радостью встретил вызов в Берлин, поступивший от Вальтера Шелленберга, возглавлявшего SD (Sicherheitsdienst — зарубежная разведка SS). Шелленберг приказал Скорцени создать тренировочный центр для агентов спецслужб, где бы они обучались организации актов саботажа, шпионажу, а также проходили бы специализированную военную подготовку. Сто пятьдесят кандидатов, прошедших серию изнурительных физических и психологических тестов, были отобраны для службы в элитном спецподразделении, получившем название «502-й егерский батальон». Им командовал сам Скорцени, отныне формально находившийся в подчинении Шелленберга. Однако Лицо со шрамом зачастую действовал через голову своего руководителя, обращаясь напрямую к Гитлеру, который лично интересовался делами Скорцени.

Фюрер испытывал особую симпатию к Скорцени, отчасти объяснявшуюся тем, что оба они были австрийцами. Лицо со шрамом вспоминал их первую встречу в «Вольчьем логове» в июле 1943 года: «Я пережил незабываемые минуты. Передо мной был человек, сыгравший решающую роль в судьбе Германии в большей степени, чем любой другой руководитель государства. Это был мой хозяин, за которым я верно следовал долгие годы. Это был мой руководитель, которому я абсолютно верил»³.

Именно в ходе этой встречи Гитлер поставил перед Скорцени невыполнимую задачу — освободить итальянского диктатора Бенито Муссолини, незадолго до этого смещенного со своего поста и арестованного правительством Италии. Первый вопрос заключался в установлении места содержания Дуче. Отличавшийся эксцентричными взглядами глава SS Генрих Гиммлер прибег для разрешения этой загадки к черной магии. Скорцени действовал проще. Он обратился к сети информаторов, установивших, что Муссолини укрыт на удаленном лыжном курорте в горах Абруццо в центральной Италии, в месте, практически неприступном.

Скорцени не должен был принимать участия в действиях спасательной группы, направившейся к месту пребывания Муссолини на планерах. Физически он был очень крупным человеком, и это могло поставить под угрозу всю операцию. Однако Скорцени настоял на своем. 12 сентября 1943 года они спустились в горную твердыню, взяли штурмом гостиницу «Самро Импрегаторе», где содержался Дуче, и вызволили его из плена. Не теряя времени, Муссолини и Скорцени сели в легкий разведывательный самолет. Для того чтобы набрать скорость, пилот воспользовался трехсотметровым обрывом на одном из склонов горы. Выходя из пике, самолет едва не задел росшие внизу деревья. Небритый Муссолини побледнел от головокружения.

По пути на встречу с фюрером Муссолини, прослезившись, заявил: «Я знал, я был уверен, что мой друг Адольф Гитлер не оставит меня в беде»⁴.

Скорцени провел еще ряд операций по похищению людей, правда, не столь эффективных, как с Муссолини. Довольный Гитлер осыпал его наградами, среди которых был и почетный Рыцарский крест. Однако некоторые эксперты полагали, что роль Скорцени в успехе рейда была сильно преувеличена. Однако это не помешало министру пропаганды Йозефу Геббельсу быстро воспользоваться успехом удивительной операции, превзошедшей фантазии авторов триллеров. Геббельс понимал, что в его руках оказались все компоненты для крайне необходимой для поддержания духа деморализованных немцев легенды. Без промедления причисленный к числу святых Третьего рейха Скорцени стал обладателем почти что мифической репутации. В глазах тех, кто надеялся на какую-нибудь успешную операцию спецслужб, которая позволила бы совершить чудо и изменить ход войны, складывавшейся неудачно для Германии, Скорцени олицетворял собой тевтонского супермена. Относившийся с симпатией к своему герою автор биографии Скорцени позднее называл его «пиратом, военным разбойником с большой дороги и даже эффективным акробатом, на которого только и мог рассчитывать Гитлер в своей попытке спасти представление»⁵.

ЭНДШПИЛЬ

Адольф Гитлер надеялся, что спасение Муссолини придаст фашистской военной машине новый импульс и ободрит уставших от боев солдат. Однако реалисты из ближайшего окружения фюрера понимали, что после катастрофического поражения под Сталинградом в январе 1943 года все их усилия обречены на провал. Приступая к операции «Барбаросса», ее авторы ставили целью приобретение для гитлеровской «расы господ» жизненного пространства на Востоке. Однако по мере того как боевые действия разворачивались в сторону германской территории, нацисты заговорили уже не о жизненном пространстве, а о необходимости спасти западную цивилизацию от «азиатско-монгольской угрозы». Спасение Европы от большевистских орд стало главной темой новой пропагандистской кампании, разработанной в стенах трудившегося без устали Министерства пропаганды Йозефа Геббельса.

В то время как Гитлер еще продолжал свои проповеди о «тысячелетнем рейхе», высокопоставленные нацисты, не привлекая к себе особого внимания, начали готовиться к грозящему поражению. Они разработали стратегию, основанную на предположении, что политические отношения стран

антигитлеровской коалиции являются достаточно напряженными и сама конструкция, объединившая коммунистический Восток и капиталистический Запад, вряд ли окажется долговечной. Нацисты решили воспользоваться этой слабостью, посеяв недоверие между Советским Союзом и США.

Пока немецкая пехота вязла в грязи и снегах российских степей, высокопоставленные деятели нацистского режима стали забрасывать пробные шары о мирном договоре в американское OSS (Управление стратегических служб) — предшественника ЦРУ. Основные усилия в этом направлении предпринимал непосредственный начальник Скорцени Вальтер Шелленберг, согласовывавший свои действия с руководителем SS Гиммлером. Тайному диалогу между немцами и американцами способствовали различные силы: иногда это был Ватикан, порой свои услуги предлагали диктаторы Иберийского полуострова — испанец Франко и португалец Салазар. Все происходило за спиной Гитлера, тем не менее мы не можем с уверенностью утверждать, что переговоры велись помимо его воли.

Основным партнером по переговорам для утративших иллюзии руководителей Оси, стремившихся общаться с Западом напрямую, стал Аллен Даллес. Одетый в твид, с трубкой в зубах, этот ставший шпионом корпоративный адвокат возглавлял резидентуру OSS в нейтральной Швейцарии. В годы войны это был важнейший аванпост американской разведки в Европе⁶. Аллен Даллес привнес весь свой опыт дипломата и знание международных финансов в организацию располагавшегося в Берне шпионского гнезда. Первый сигнал от Шелленберга, который параллельно зарубежной разведке руководил германским филиалом американской корпорации Международная телефонная и телеграфная компания (International Telephone & Telegraph, ИТТ), поступил в декабре 1942 года, когда застыло движение немецких войск на Восточном фронте. Шелленберг направил в Берн князя Макса фон Гогенлоэ, прусского аристократа и бизнесмена. Он должен был выяснить, возможно ли сближение с Соединенными Штатами. Подобное примирение, как предложил посланник Шелленберга, позволило бы Германии сосредоточиться исключительно на борьбе с Советами. В последующих телеграммах, направленных в штаб-квартиру Управления стратегических служб, Даллес выступал в поддержку предложения Шелленберга, предупреждая, что, если США упустят эту возможность, «нацисты используют влиятельные силы, готовые пойти на сотрудничество с Россией»⁷.

Позднее в своих мемуарах Шелленберг признал, что вел с США и Советским Союзом двойную игру, пытаясь обострить противоречия между Западом и Востоком до такой степени, чтобы антигитлеровская коалиция распалась. «Поэтому, — писал он, — необходимо было, начав контактиро-

вать с Западом, в то же самое время установить и связи с русскими. Рост соперничества среди союзных держав укрепил бы наши позиции»⁸.

Таким образом, в то время как князь Гогенлоэ и другие тайные посланники встречались с Даллесом, нацистские шпионы вышли на связь с советскими спецслужбами, предупредив их о подготовке сепаратных сделок. Целью Шелленберга было укрепить сомнения Иосифа Сталина в искренности своих западных союзников и убедить его в том, что американцы попустительствуют Германии.

Русские ответили на инициативу Шелленберга, установив тайный канал связи с нацистами через Стокгольм. Надеясь на возможность очередного примирения с Германией по ходу военных действий, Сталин одобрил создание в Москве движения «Свободная Германия», которое возглавил фельдмаршал Фридрих фон Паулюс, взятый в плен в ходе капитуляции 6-й армии в Сталинграде⁹.

Тайная стратегия нацистов была обобщена в директиве, изданной 15 марта 1944 года адмиралом Вильгельмом Канарисом, главой Абвера — германской военной разведки:

Мы должны сделать все, что в наших силах, для того чтобы посеять среди наших врагов смуту и взаимное недоверие... Подобное отсутствие единства позволит нам быстро прийти к соглашению о сепаратном мире с одной из сторон... Необходимо приложить все усилия к тому, чтобы с помощью умело направляемой пропаганды возбудить в англо-саксонских странах политическое недовольство, которое настолько озлобит Советы, что они с радостью ухватятся за возможность заключения сепаратного мира с Германией... Сейчас шансы на заключение сепаратного мира с Западом представляются более высокими, особенно если нам удастся убедить врага средствами пропаганды и через наши «конфиденциальные» каналы, что политика «безоговорочной капитуляции», которой следует Рузвельт, подталкивает немецкий народ в объятия коммунизма... Мы должны указать на опасность возможного вынужденного сотрудничества Германии и России.

В завершение документа Канарис указал на то, что все лица, выступающие на переговорах и встречах в роли «противников нацистов» и поддерживающие связь с врагом, «должны соблюдать величайшую осторожность»¹⁰.

В попытке выпутаться из развязанной Гитлером войны аналогичные действия предпринимали представители военных, SS и деловой элиты. Порой они пользовались теми же тайными тропами, прибегали к услугам тех же посредников, тех же агентов союзников. Однако им предъявляли тот же

самый ультиматум: Гитлер должен уйти. Хотя Гиммлер и заигрывал с идеей сепаратного мира, ему не хватало смелости нанести фюреру удар. Однако это пытались сделать другие. После провала июльского заговора 1944 года SS предприняла быстрые и решительные действия против своих соперников. Она взяла на себя всю полноту власти, адмирал Канарис был казнен, а сама нацистская иерархия преобразована. Теперь во главе всего разведывательного аппарата Третьего рейха встал Вальтер Шелленберг. Отныне Скорцени стал работать в VI отделе Главного управления имперской безопасности, отвечавшем за внешнюю разведку, акты саботажа, военизированные операции и пропаганду. Это было своего рода ЦРУ нацистской Германии.

10 августа 1944 года, через 20 дней после неудавшейся попытки переворота, в страсбургской гостинице «Maison Rouge» собрались 67 руководителей наиболее крупных германских компаний, включая «Мессершмит», «Крупп» и «Фольксваген». Согласно протоколам, обнаруженным американской контрразведкой, во время этой секретной встречи была начата подготовка «послевоенной экономической кампании». Записи свидетельствуют о решении переместить большие объемы награбленного нацистами в нейтральные страны. Некоторые из германских фирм следовало заново учредить за рубежом, чтобы избежать репарационных выплат. Как утверждал протокол, целью было «построение после поражения нового, более мощного рейха»¹¹.

Ключевую роль в этой схеме экспатриации должен был сыграть эсэсовский мастер на все руки Скорцени. Он организовал физическое перемещение средств нацистов за границу. В последние дни войны группа одетых в маски боевиков SS, возглавлявшихся штандартенфюрером Йозефом Спасилом, совершила налет на берлинский Рейхсбанк, изъяв различные ценности на общую сумму в 23 миллиона марок. На тот момент это было крупнейшее ограбление в истории. Спасил передал добычу адъютанту Скорцени Карлу Радлю. Как утверждается, с помощью нескольких офицеров SS Скорцени зарыл сокровища Рейхсбанка в австрийских Альпах. Большая часть денег так и не была найдена, что породило слухи о том, что Скорцени изъясил их для финансирования своей послевоенной деятельности в интересах нацистов¹².

Третий рейх находился на грани краха, и Скорцени начал обхаживать крупных финансистов и руководителей SS, пытавшихся спасти свои личные состояния. Скорцени с удовольствием оказывал услуги богатейшим людям Германии, получая свой процент с каждой сделки. В попытке скрыть контрабандистскую деятельность Скорцени использовал для перевозки по южной Германии золота, драгоценностей и наличных денег кареты скорой помощи, принадлежавшие Красному Кресту.

К сентябрю 1944 года имелось уже несколько подтвержденных сообщений о том, что немецкие подлодки вывозили людей и материальные ценности из Испании в Южную Америку. Раскаявшийся нацистский шпион Анхель Алказар де Веласко позднее признал, что через порты южного побережья Испании в Аргентину было вывезено несколько сотен миллионов фунтов золота и других ценностей. Золото также вывозил и германский МИД, направлявший его в свои посольства в Лиссабоне, Мадриде, Стокгольме, Анкаре и Берне¹³.

В это время Скорцени находился в постоянном движении. Этот мародер-универсал одновременно руководил тайными операциями в Дании, Бельгии и Венгрии. Он также провел несколько тайных сделок за линией советско-германского фронта. Во всех операциях ему приходилось тесно сотрудничать с другим «кудесником» нацистского шпионажа — генералом Рейнхардом Геленом.

Возглавлявший в Генштабе отдел «Иностранные армии Востока» Гелен отвечал за армейскую разведку, работавшую на территории Восточной Европы и Советского Союза. Фактически это был главный шпион Гитлера, работавший против СССР. Происходивший из семьи прусских аристократов очкарик был вундеркиндом шпионажа и принимал деятельное участие в подготовке всех кампаний вермахта на Восточном фронте. При этом следует отметить, что он ставил под сомнение разумность вторжения в Советский Союз. Отличавшийся высоким профессионализмом и исполнительностью, он всегда исполнял любые приказы своего руководства, часто подписывая свои доклады военного времени «Ваш покорный слуга Гелен»¹⁴.

Несмотря на давнюю и глубокую вражду между офицерами германского Генерального штаба и SS, Скорцени высоко отзывался о качестве разведанных Гелена. Вместе эти два человека представляли достаточно странное зрелище. Неустанно гнавшийся за публичностью Скорцени, огромный, широкоплечий, с громоподобным голосом, олицетворял грубую физическую мощь рядом с небольшим Геленом, всеми силами старавшимся оставаться в тени. Гелен был чопорным и одновременно непритязательным человеком, не дотягивавшим ростом и до 170 сантиметров, с жидкими светлыми волосами, густыми усами и большими ушами, торчавшими на голове наподобие радиолокаторов. По замечанию одного историка, «всеми своими стремительными действиями и суетой Гелен напоминал грызуна; это впечатление усиливали его острые черты лица и ничего не упускавший взгляд». Напоминавшему мышь маленькому юнкеру предстояло сыграть заметную роль в послевоенных махинациях Скорцени¹⁵.

Впервые Скорцени появился рядом с Геленом в конце 1944 года, когда они занялись организацией движения сопротивления в советском тылу. Некоторые из запланированных ими операций были нацелены на проведение диверсий на основных путях сообщения с целью нарушить коммуникации Красной армии, другие предполагали спасение немецких солдат, оказавшихся отрезанными в глубине советской территории в ходе отступления германской армии. Силы специального назначения Скорцени должны были также устанавливать связь с указанными Геленом партизанами-антикоммунистами. Гелен обладал обширными связями среди группировок восточноевропейских фашистов. Румынская «Железная гвардия», «ястребы» из Латвии, хорватские усташа, ОУН, польские предатели, а также целая армия советских перебежчиков, возглавляемая генералом Власовым, — все это были составные части огромной мозаики, которую постоянно складывал Гелен. Эта сеть нацистских коллаборационистов составляла основу антикоммунистической шпионской структуры, которую он собирался использовать и в послевоенное время.

На фоне стремительно ухудшающейся ситуации на фронте наличие тайных групп повстанцев, действующих на территории противника, привело к мысли о создании аналогичных подразделений, которые могли бы стать последним оплотом на территории самой Германии. Сформированные в основном из членов гитлерюгенда и несгибаемых нацистских фанатиков, эти группы должны были вести нескончаемую войну, беспокоя захватчиков фатерланда, проводя против них акты саботажа и шпиона за ними. Скорцени и Гелену была поручена подготовка этого ополчения, названного «Вервольф». Само название было продуктом жутких фантазий Геббельса, вспомнившего средневековые предания о существе, по ночам превращающемся в волка-людоеда, а с рассветом принимающем человеческий облик. Именно так и должны были действовать оставшиеся в тылу врага нацистские боевики: днем они были нормальными гражданами, а под покровом ночи несли своим врагам смерть и разрушения. Состоявшие из ячеек по пять человек подразделения «Вервольфа» имели в своем распоряжении тайники с продуктами, рациями, оружием, взрывчаткой и прочими необходимыми предметами снабжения. К своим действиям они должны были приступить через год или два после прихода оккупационных сил.

Данные о том, что в Германии сформировано нацистское подполье, были получены целым рядом информаторов американских спецслужб. Контрразведка армии США подготовила подробный доклад, основанный преимущественно на данных Управления стратегических служб, в котором указывалось, с чем могут столкнуться американские войска на завер-

шающем этапе войны. «Разведка, служба безопасности, тайная полиция и военизированные формирования противника подготовили детально разработанные планы по созданию подполья на территориях, занимаемых нашими войсками. Предполагается, что деятельность этого организованно-сопротивления будет носить долговременный характер. На более поздних этапах партизанская война и спорадическое сопротивление... будет во многом осуществляться группами сопротивления и отдельными фанатиками»¹⁶.

Поступали сообщения и о том, что Скорцени обращался по радио со срочными воззваниями к народу Германии, призывая его присоединиться к сопротивлению союзникам по антигитлеровской коалиции. Это лишь укрепляло опасения части американских военных стратегов, предполагавших, что остатки нацистов могут укрыться в укрепленных убежищах на территории австрийских Альп. Считалось, что там, среди заснеженных вершин, в практически неприступных пещерах, ущельях и тоннелях верные Гитлеру отряды могут удерживаться годами. Выпущенный в апреле 1945 года меморандум Управления стратегических служб называл Лицо со шрамом ключевой фигурой всей операции: «Отто Скорцени и подготовленные им силы специального назначения, очевидно, возглавят операции по диверсиям и саботажу, которые будут осуществляться с территории “Альпийского редута”»¹⁷.

Однако схватка в Альпах, которой опасались столь многие, так и не состоялась. В планы Скорцени, очевидно, не входила гибель на богом забытой альпийской вершине в стиле, достойном Вагнера. Отбирая диверсионные группы для действий в тылу врага, он думал совсем о другом. Под его руководством было создано ядро послевоенного подполья, состоявшего из убежденных нацистов. Силы «Вервольфа» должны были оказать содействие в организации перемещения по «крысиным тропам» — путям, позволившим десяткам тысяч эсэсовцев и других нацистов выбраться в безопасные места после крушения Третьего рейха¹⁸.

Тем временем Аллен Даллес продолжал принимать череду нацистских переговорщиков с их обманными дарами. Одним из тех, кто усиливал активность Даллеса, был штурмбаннфюрер SS Вильгельм Хетль по прозвищу Вилли. Позднее он признал, что специально подогревал слухи о неизбежности последней схватки среди заледеневших вершин. «Были подготовлены фальшивые чертежи, и допущена утечка сведений к американцам. Казалось, что они больше других подготовлены к тому, чтобы воспринять всерьез столь романтический военный план», — вспоминал Хетль. Специалист по дезинформации из SS приправлял свои рассказы «разведывательной информацией, но не о Германии... а о том, что мы узнали про русских»¹⁹. Пе-

редавая в Управление стратегических служб антисоветские сплетни, авторы операции рассчитывали подобным образом проложить путь к большему взаимопониманию между западными союзниками и державами Оси, готовя сотрудничество в грядущей борьбе с коммунизмом²⁰.

Неудивительно, что, узнав от своей разведки о попытках Аллена Даллеса в последнюю минуту заключить сделку с некоторыми высокопоставленными нацистами, Сталин пришел в ярость. Он обвинил американцев в вероломстве. Президент Рузвельт немедленно выразил протест против высказанных советским диктатором «мерзких заблуждений», однако премьер-министр Великобритании Черчилль частным образом намекнул, что жалобы Сталина не были абсолютно безосновательны. Перепадка между Сталиным и Рузвельтом случилась незадолго до того, как последний умер от кровоизлияния в мозг 12 апреля 1945 года. Хотя оба политика желали продолжения сотрудничества Запада и Востока и в мирные времена, махинации нацистов привели к возникновению противоречий между двумя великими державами и ускорило раскол в их рядах²¹.

Генерал SS Карл Вольф, один из партнеров Даллеса по секретным переговорам, подтвердил, что нацисты изначально ставили перед собой такую цель. В ходе своего непродолжительного отбывания тюремного срока по окончании Второй мировой войны Вольф поделился своим видением будущего с двумя подчиненными из SS: «Мы возродим рейх. Наши враги передерутся между собой, а мы, оказавшись в середине, будем натравливать их друг на друга»²².

Размышляя о долговременных перспективах, Отто Скорцени придерживался аналогичных взглядов. По причине своей известности он не мог укрыться под чужим именем. Более разумным решением представлялось сдать американцам в качестве человека, способного внести важный вклад в предстоящую борьбу с коммунистами. 16 мая 1945 года он вместе с небольшой группой немецких солдат вышел из леса и направился на командный пункт 13-го пехотного полка армии США, располагавшийся поблизости от австрийского Зальцбурга. Возвышавшийся на две головы над окружавшими его солдатами Скорцени представился ошеломленному американскому лейтенанту. Гигант со шрамом на лице имел при себе пистолет и был одет в форму парашютиста, украшенную множеством наград, в том числе Рыцарским крестом. Говоря по-немецки, он небрежно заявил: «Я, оберштурмбаннфюрер SS Отто Скорцени, объявляю себя военнопленным».

Генерал Рейнхард Гелен, хорошо информированный коллега Скорцени, также был убежден в том, что США и Советский Союз скоро будут на ножах. Он понимал, что ни одна из западных держав не располагает разветвленной

агентурной сетью на территории Восточной Европы. Поэтому прусский стратег создал план, позволявший ему удержать своих опытных сотрудников. Гелен в максимальной степени сохранил тайные ячейки, радиооборудование и диверсионные группы, подготовленные им вместе со Скорцени на Востоке. Служа под началом Гитлера, Гелен накопил огромный архив информации, касающийся Советского Союза, его армии, разведывательных служб, промышленных и человеческих ресурсов. Он заснял на микрофильмы как можно больше этих материалов, трехкратно копируя наиболее важные из них. Незадолго до того как сдать союзникам, Скорцени помог Гелену зарыть его секретные досье в трех различных местах в баварских горах. Неподалеку были укрыты золото и документы самого Скорцени. Это должно было повысить ценность Гелена в его переговорах с американцами, которым недоставало как раз тех возможностей для шпионажа, которые он мог предоставить.

В последние дни войны Гелен укрылся в живописном уголке баварских Альп под названием *Misery Meadow*. Его взгляд на жизнь в то время очень хорошо отражал девиз, написанный у него над кроватью: «Не славайся ни при каких обстоятельствах». Вскоре он был арестован американской поисковой группой и интернирован в лагерь военнопленных в Висбадене. Здесь у него произошла случайная встреча с гросс-адмиралом Карлом Деницем, формальным преемником Гитлера на посту главы германского государства. Ярый приверженец протокольных процедур, Гелен хотел получить разрешение на дальнейшие действия у своего руководителя. Он поделился с Деницем своими планами заключить сделку с Соединенными Штатами. Дениц одобрил планы Гелена, невзирая на то, что незадолго до этого советовал другим нацистам пойти на сотрудничество с русскими. «Главное, — сказал Дениц в своем прощальном обращении к нацистским офицерам, — чтобы мы сохранили на самом высоком уровне царящий между нами дух товарищества. Только это единство поможет нам пережить грядущие нелегкие времена... Давайте употребим все наши силы на благо Германии!»²³

Критический вакуум

В феврале 1945 года руководители Большой тройки — США, Великобритании и Советского Союза — встретились в Ялте, живописном курортном местечке на берегу Черного моря. В ходе переговоров было достигнуто общее соглашение о разделе сфер влияния, а карта Европы была перекроена в связи с разгромом Германии. Существует легенда, что именно здесь Уин-

стон Черчилль решил судьбу послевоенной Польши с помощью трех спичек, показав ими Сталину новую границу страны по окончании боевых действий. Восточная граница Германии должна была быть сдвинута на запад и проходить по рекам Одер и Нейсе, а часть Восточной Польши отойти к России. Однако Черчилль предупредил: «Когда-нибудь немцы захотят вернуть свои земли, и поляки не смогут их остановить»²⁴.

Простой фокус со спичками после войны привел к перемещению миллионов беженцев на новые места. Множество этнических немцев было выброшено из домов и насильственно депортировано из Польши, Чехословакии и других регионов Европы. В процессе переселения люди зачастую подвергались издевательствам, а некоторые даже гибли. Остатки Германии были разделены на четыре оккупационные зоны, управлявшиеся советом военных губернаторов, представлявших страны Большой тройки и Францию. Одним из первых распоряжений Союзнического контрольного совета был запрет нацистской партии. Однако это было практически единственное решение, по которому удалось достигнуть согласия между союзниками за весь период между 1945 и 1949 годами, когда единого германского государства уже не существовало, а двух Германий еще не было.

В начале этого периода критического вакуума Германия представляла собой разбомбленную в щебень пустыню, над которой висела ошеломляющая тишина и отчетливо чувствовался запах смерти. Именно такой сюрреалистический пейзаж увидели перед собой триумфально вступившие на территорию страны союзные армии. Американские военные немедленно организовали группы специалистов, прочесывавших Германию в поисках остатков технических сведений и научных данных, которые можно было найти на дымящихся обломках Третьего рейха. Советский Союз, Франция и Великобритания также были заинтересованы в том, чтобы употребить себе на пользу немецкое ноу-хау. Среди союзников началась настоящая гонка за право пользования потенциалом немецких ученых²⁵.

В то время как победители собирали трофеи своей победы, большинство немцев замкнулось в сумрачной подчиненности. Они стали народом склоненных голов, повинующимся и в то же время завидующим своим покорителям. У них не было другого выбора, кроме как признать свое поражение, тем не менее многие не ощущали особых угрызений совести из-за преступлений Третьего рейха. Разлагающее влияние 13 лет гитлеризма на массовое сознание немцев было не так-то легко преодолеть²⁶.

Обнаруженные в конце войны концентрационные лагеря дали лишний аргумент тем, кто настаивал, что к немцам не следует проявлять милосердия. Размах варварства нацизма был настолько велик, его техническое обеспе-

чение было настолько мерзким и системным, что союзникам пришлось признать, говоря словами Комиссии ООН по военным преступлениям, что «большинство преступных действий, предпринятых врагом... имело совершенно новую природу». Исходя из этого, Большая тройка пообещала уничтожить немецкие промышленные картели, обезглавить Генеральный штаб, а также привлечь к ответу военных преступников, даже если их пришлось бы выслеживать «в самых отдаленных уголках земли»²⁷.

Конечно, далеко не всякий нацист искренне верил в идеи национал-социализма. Некоторые вступали в партию, боясь потерять работу. Другие, так называемые «маленькие нацисты», голосовали за Гитлера в пору экономических трудностей, надеясь облегчить свое положение. Они даже не подозревали о предстоящей трагедии, которую сами и помогли запустить. Однако после войны на свободе осталось и значительное число убежденных нацистов. Именно их в первую очередь стремились выявить подразделения американской армейской контрразведки SIC (Army Counterintelligence Corps), развернутые по всей американской оккупационной зоне в Южной Германии. Наиболее актуальной задачей первого этапа было обнаружение идейно стойких нацистов, заранее обозначенных как лица, которых необходимо задержать. По данным армейской контрразведки, к этой категории относилось приблизительно 120 тысяч человек: в основном члены SS и гестапо, высокопоставленные военные, а также некоторые правительственные чиновники. Представлявшие наибольшую, как считалось, опасность содержались в заключении и допрашивались американцами.

Именно так поступили и с оберштурмбаннфюрером Отто Скорцени. Его добровольная сдача в плен вызвала много шума. На диверсанта сразу же надели наручники и отправили в Зальцбург, где его допросили два сотрудника американской контрразведки. Уверенный в себе, словоохотливый Скорцени старательно подчеркивал свое искреннее желание продолжать борьбу против СССР, утверждая, что ему многое известно о промышленных объектах страны на Урале. Он также рассказал о своих связях с украинскими антикоммунистами, стремившимися начать восстание на территории Советского Союза. Предварительный доклад SIC характеризовал Скорцени следующим образом: «Несмотря на краткость допроса Скорцени, проводившие его агенты считают, что он действительно хочет выдать все имеющиеся у него сведения... Скорцени всерьез рассматривает возможность создания антикоммунистического блока западных держав. Это соображение совершенно очевидно являлось основным побудительным мотивом для добровольной сдачи в плен. Он надеется, что ему будет предоставлена возможность принять активное участие в этом процессе. Будучи австрий-

цем по происхождению, он ясно мыслит, поддается убеждению, однако его политическая близорукость граничит с наивностью»²⁸.

Позднейшие события показали, что наивностью страдали два неопытных сотрудника контрразведки, проводившие допрос, а вовсе не их собеседник. Как только завершился первый допрос, Скорцени оказался в кольце журналистов, примчавшихся в Зальцбург, как только до них дошли сведения об аресте легендарного командос Гитлера. Импровизированная пресс-конференция привлекла международное внимание. Газета «New York Times» назвала Скорцени «симпатичным, несмотря на шрам от уха до подбородка». Корреспондент «Christian Science Monitor» писал об «агрессивной личности, хорошо соответствующей своему физическому развитию, обладающей разумом, предназначенным для подрывной деятельности». Газета «Daily News» сообщала: «Это нацист до мозга костей. Он вошел, высоко держа голову, окруженный американскими солдатами, но готовый в любой миг вырваться на свободу»²⁹.

Через несколько дней Скорцени перевезли на джипе в центр проведения допросов 12-й армии, находившийся в Аугсбурге. Здесь ему снова долго задавали вопросы. Он сохранял приподнятое настроение, охотно рассказывая о подготовке военизированных формирований, новейших технологиях саботажа и прочих видах деятельности, специалистом в которых он был. Однако он ни словом не обмолвился о спрятанном им золоте и других ценностях. В целом, как отмечалось в отчете американской контрразведки СИС, «Скорцени пытался представить себя военным, а не политической фигурой». Доклады описывают и внешность заключенного: «овальное лицо», «большой рот с тонкими губами», «чисто выбритый», «телосложение Геракла», «большие, сильные руки», «музыкальный голос», «энергичен». Еще одно сообщение контрразведки отмечает его «высокомерие», походку, «исполненную важности», а также способность «пить за четверых»³⁰.

В сентябре 1945 года Скорцени был под охраной направлен в Нюрнберг, где в скором времени должны были начаться заседания трибунала. Здесь он вновь встретился с некоторыми членами гитлеровского кабинета. Некоторым казалось, что Скорцени должен взойти на эшафот вместе с другими высшими руководителями гитлеровского режима. Однако он просто смотрел со стороны на то, как 12 главам Третьего рейха был вынесен смертный приговор. Еще семеро были приговорены к тюремному заключению, а трое оправданы. Приговор трибунала закрепил то, во что верили многие американцы: Вторая мировая война была честной битвой за правое дело, а те, кто совершил гнусные преступления, понесли заслуженное наказание. Характерным для национального самосознания американцев был и миф

о том, что Соединенные Штаты искренне выступали против всех тех идей, которые защищались нацистами.

Даже до начала работы Нюрнбергского трибунала американские официальные лица начали постепенно отходить от своих обязательств по денацификации. Стремление разрушить германские корпорации и наказать промышленников быстро угасло, так как все внимание американцев переключилось на борьбу с красной угрозой — внутренней и внешней. Документально подтвержденный анализ Кристофера Симпсона (Christopher Simpson) и других исследователей демонстрирует, что политика США по отношению к Германии во многом определялась крупными инвестиционными банками, имевшими до войны тесные связи с гитлеровским Рейхом. К лету 1945 года эти финансисты пришли к выводу, что полной денацификации и декартелизации германской экономики предпринимать не следует, хотя для публики делались заявления совершенно иного рода³¹.

Изначально союзники планировали провести в Нюрнберге еще один трибунал, на этот раз посвященный преступлениям немецких промышленников, однако Соединенные Штаты внезапно прекратили его работу. Руководитель американского военного ведомства Роберт Паттерсон заявил, что американские официальные лица не намерены давать советским представителям возможности провести перекрестный допрос германских банкиров и промышленников «ввиду тесной связи немецкой и американской экономик в предвоенные годы». Отказавшись от идеи международного процесса, который мог стать проблемным, Соединенные Штаты предпочли судить промышленных руководителей Германии, а также ряд военных преступников отдельно, в американской оккупационной зоне. Однако вскоре и этот процесс был прекращен³².

Задний ход американцев в вопросе о денацификации позволил руководителям германской промышленности, многие из которых лично обогатились в результате безжалостной эксплуатации заключенных концентрационных лагерей, в значительной степени сохранить свой статус и престиж и после падения Третьего рейха. Вскоре США запустили план Маршалла, целью которого было восстановление экономик стран Западной Европы. Идея о том, что сильная и процветающая Германия послужит надежным оплотом против коммунизма, была основной причиной того, что на начальном этапе реализации плана она получила больше средств, чем какая-либо другая страна. Помогал направлять финансовые потоки скомпрометировавший себя в наивысшей степени директор Deutsche Bank Герман Абс, которого до отмены второго этапа Нюрнбергского трибунала союзники предполагали судить как военного преступника³³.

Часто восхваляемое послевоенное «германское экономическое чудо» во многом явилось следствием американской щедрости. Однако программа экономической реабилитации имела и очевидную обратную сторону: сконцентрировав богатства в руках немногих, она обнажила антидемократические и устремленные к сохранению неравенства тенденции в развитии немецкого общества. Бывшие нацисты с хорошими связями на Уолл-стрит оказались в явном фаворе. Настоящим чудом могла бы стать Германия, прошедшая подлинную денацификацию, но этого не произошло. Многочисленные ветераны Третьего рейха встретили весьма снисходительное отношение со стороны американских официальных лиц и их западных союзников.

Среди тех, кто был привлечен к суду в американской оккупационной зоне, оказался и Отто Скорцени. Любимый командос Гитлера был обвинен в военных преступлениях, совершенных им в ходе битвы в Арденнах в декабре 1944 года, когда немцы предприняли последнее контрнаступление на Западном фронте. По приказу фюрера Скорцени возглавил подразделение немецких диверсантов, одетых в американскую военную форму, которые должны были перейти линию фронта и посеять панику в тылу врага. (Некоторые из агентов Скорцени изображали американскую военную полицию, направляя колонны союзников в ошибочных направлениях.) Среди общей неразберихи холодным зимним вечером эсэсовцы расстреляли 71 американского военнопленного. Этот эпизод был позднее назван «бойня у Мальмеди».

Действия террористов Скорцени подняли целую волну слухов и посеяли в американских войсках определенную неуверенность. Это случилось именно в тот момент, когда они несли тяжелые потери в результате внезапного немецкого контрудара. Репутация Скорцени была такова, что американское командование считало его способным предпринять любой шаг, пусть даже самый невероятный. В какой-то момент американская разведка получила данные о том, что люди Скорцени направляются в Париж, чтобы совершить покушение на главнокомандующего войсками союзников генерала Дуайта Эйзенхауэра. Эйзенхауэр спокойно отнесся к тому, что ему пришлось встретить Рождество 1944 года в одиночестве из соображений безопасности, чтобы избежать похищения. В то же время на публике появлялся его двойник, на случай, если бы слухи о заговоре оказались правдой.

Эйзенхауэр отомстил, объявив не ограниченную никакими правилами охоту на нацистского диверсанта. По всей зоне боевых действий на Западе были распространены плакаты «В розыске», наподобие тех, что использует в своей практике ФБР. На них была помещена фотография Скорцени

с подробным словесным портретом. Плакат содержал предупреждение: «Этот человек очень умен и крайне опасен. Он может носить американскую или английскую военную форму, а также гражданскую одежду... Любая информация относительно этого человека должна быть немедленно передана в ближайшее отделение военной разведки».

Когда в размещавшемся в Дахау американском военном суде зачитывалось обвинение Скорцени, он был назван «самым опасным человеком Европы». Тем не менее в 1947 году с него были сняты обвинения в противозаконных действиях в ходе битвы в Арденнах. Это произошло после того, как некий английский офицер засвидетельствовал: Скорцени не делал ничего такого, что отличалось бы от действий союзников в аналогичной ситуации. Несмотря на вынесенный в Дахау приговор, главный командос Гитлера произвел настолько глубокое впечатление на Эйзенхауэра, что тот, даже став президентом Соединенных Штатов, хранил фото Скорцени в своем кабинете в Белом доме.

Гамбит Гелена

В то время как Скорцени три с лишним года пребывал в лагерях для интернированных, его бывший и будущий соратник генерал Рейнхард Гелен сделал американцам предложение, от которого те не смогли отказаться. Гелен сообщил допрашивавшим его об огромном архиве шпионской информации по СССР, спрятанном в горах. Он не только знал место, где было скрыто сокровище, но при необходимости мог привести в действие подпольную сеть убежденных антикоммунистов, умело расставленных таким образом, чтобы делать свои грязные дела на большей части территории Восточной Европы, а также в Советском Союзе³⁴.

Не успели еще высохнуть чернила на ялтинских соглашениях (которые предусматривали выдачу Соединенными Штатами Советскому Союзу любых захваченных в плен германских офицеров, принимавших участие «в действиях на Востоке»), а Гелен вместе с его тремя ближайшими помощниками уже находился на американской базе Форт-Хант, штат Вирджиния. Там он выпивал и обедал с американскими официальными лицами, чей аппетит к слухам вокруг холодной войны было невозможно утолить. Прусский генерал с оттопыренными ушами играл на чувствах своих слушателей, словно на пианино, а мелодия была столь обворожительно антисоветской, что представители американских спецслужб просто боролись за право работать с этим человеком.

Среди его основных собеседников на территории США был и вездесущий Аллен Даллес, продолжавший рассуждать о критически важной для Америки задаче — противостоять советской агрессии в Европе. Однако американская разведка, во многом продукт импровизаций военного времени, была плохо подготовлена к ведению тайной кампании против СССР. Этим и объяснялась востребованность Гелена, обещавшего закрыть брешь в шпионском аппарате США. Эта брешь стала еще шире с расформированием Управления стратегических служб. По иронии судьбы это произошло 20 сентября 1945 года, в тот самый день, когда прусский глава шпионов вступил на землю Соединенных Штатов.

За время своего 10-месячного пребывания в Форт-Ханте Гелен создал о себе впечатление разборчивого профессионала, человека, которого интересовало лишь погружение в карты, диаграммы и статистику. В основном этот искусственно созданный образ был обманчив. Пользуясь терминологией разведчиков, это была легенда, основанная на утверждениях Гелена о том, что основная его цель — борьба с коммунизмом.

Американские сторонники Гелена рассказывали, что его мрачные разведывательные сводки с Восточного фронта настолько вывели Гитлера из себя, что он сместил своего главного шпиона в последние недели войны. Для некоторых это стало доказательством того, что Гелен не был ни истинным нацистом, ни военным преступником. Однако Гелен, как и большинство офицеров германской армии, приветствовал захват власти нацистами. Во время войны он возглавлял отличавшуюся чрезвычайной жестокостью программу допросов советских военнопленных и поддерживал тесные связи с Генеральным штабом. Примечательным представляется тот факт, что нацистские фанатики не требовали привлечь Гелена к ответственности после провала путча 20 июля. Изучив деятельность Гелена в годы войны, английский историк Хью Тревор-Ропер (Hugh Trevor-Roper) пришел к следующему заключению: «По образу мышления Гелен был законченным нацистом. Из его мемуаров ясно, что единственной его претензией к Гитлеру было то, что тот проиграл войну»³⁵.

Гелен принадлежал к стороне, проигравшей на поле боя, однако в Форт-Ханте он совершенно очевидно чувствовал себя прекрасно. Американские переговорщики согласились практически на все выдвинутые им условия, предусматривавшие создание немецкой шпионской сети, которая должна была действовать под руководством самого Гелена, получая распоряжения и указания со стороны американцев. Целью финансирования Соединенными Штатами этой шпионской сети было продолжение сбора информации на Востоке, то есть та же работа, которой Гелен занимался

и ранее. Дав обещание не прибегать к услугам нераскаявшихся нацистов, Гелен был свободен в подборе агентов, которые в случае необходимости освобождались из лагерей военнопленных и мест заключения.

Соглашение, достигнутое в Форт-Ханте, имело серьезные последствия для будущих советско-американских отношений. «Начиная с лета 1945 года, — писал историк Карл Огльсби (Carl Oglesby), — когда армия США вывезла Гелена в Америку и заключила с ним секретное соглашение, «холодная война» стала неизбежной». Также на карту была поставлена судьба десятков тысяч кадров Третьего рейха, перевозивших свои заслуги в борьбе с коммунизмом, с тем чтобы понравиться американцам. Вместо обещания уничтожить нацистскую инфраструктуру создатели американской политики предпочли сохранить ее наиболее важную часть, чтобы использовать против Советского Союза. Играя роль тайных глаз и ушей Америки в Центральной Европе, люди Гелена сначала работали на армейскую разведку, а после создания в 1947 году ЦРУ — и на Управление. В этом качестве, а позднее и как руководитель западногерманской спецслужбы Гелен был в состоянии оказывать значительное влияние на политику США в отношении советского блока³⁶.

В будущем Германия могла стать ключевым полем битвы холодной войны, и Гелен получил от американцев полномочия как можно быстрее оживить свой старый отдел «Иностранные армии Востока» или, по крайней мере, то, что от него осталось. Вернувшись в Германию в июле 1946 года, он немедленно собрал воедино элементы сложного шпионского аппарата, ставшего известным под именем «Гелен Орг». Поддерживаемый регулярными субсидиями американских налогоплательщиков и состоятельных немецких промышленников, он обустроил свою оперативную базу в загадочном, окруженном высокими стенами комплексе зданий близ Мюнхена. Некогда там размещался аппарат Рудольфа Гесса и Мартина Бормана, заместителей Гитлера. Главной задачей Гелена стал сбор актуальной информации с Востока. Его американских спонсоров особенно интересовали подробности о перемещениях войск и другие военные вопросы, касавшиеся советской зоны оккупации Германии.

Несмотря на то что Гелен будто бы находился под наблюдением официальных представителей армии США, его «Организация» вскоре широко распахнула свои двери перед ветеранами гестапо, вермахта и SS — невзирая на торжественные обещания Гелена не принимать на работу убежденных нацистов. Даже преступники из преступников — высокопоставленные бюрократы, возглавлявшие центральный административный аппарат Холокоста — были с радостью встречены в рядах «Организации». «Похо-

же, — писала в редакционной статье газета «Frankfurter Rundschau», — что в штаб-квартире Гелена один ээсовец прокладывал дорогу другому, и элита Гимmlера с удовольствием отмечала встречи старых коллег»³⁷.

Пока Гелен деловито собирал у себя нераскаявшихся нацистов, агенты армейской контрразведки США продолжали охотиться за бывшими гитлеровцами. В рамках операции «Ясли» («Nursery») американская контрразведка СИС внедрила своих агентов в целый ряд подрывных групп, продолжавших национал-социалистическое учение. Шизофреническая составляющая оккупационной политики США стала очевидна для Николауса Рыжковского, охотника за нацистами из 7970-го подразделения СИС. Он попытался пресечь деятельность группы лиц, работавших на черном рынке Мюнхена, и внезапно узнал, что они обладают неприкасаемостью. «Я не смог арестовать их, потому что они работали на господина Гелена, — вспоминал Рыжковский. — Нетрудно представить, какие чувства я испытал»³⁸.

К 1947 году была официально признана «смена акцентов» — об этом говорилось в некогда секретном докладе контрразведки СИС. «Вопрос денацификации уступил свое место сбору актуальной информации» — это означало, что руководящим принципом деятельности контрразведки отныне была не охота за нацистами, а антикоммунистическая деятельность. Хотя оперативники СИС и продолжали выслеживать нацистов, теперь ее целью, как правило, был не арест, а вербовка. Американские официальные лица отдавали себе отчет в том, что шли на сделку с людьми, совершившими чудовищные преступления против человечности. Однако эта жестокость отступала на второй план по мере того, как набирал силу крестовый поход против коммунизма. По иронии судьбы некоторые из нацистов, работавших на американскую разведку, позже сыграют значительную роль в неофашистских организациях, развернувших ожесточенную пропаганду против Соединенных Штатов³⁹.

По крайней мере с полдюжины операций армии США, носивших пестрые названия «Pajamas» («Пижама»), «Dwindle» («Упадок»), «Birchwood» («Березовая древесина») и «Apple Pie» («Яблочный пирог»), имели своей целью использование гнусных навыков бывших сотрудников SS и гестапо. Преступный «лионский мясник» Клаус Барбье являлся одновременно информатором СИС и шпионом «Организации Гелена». Тем же занимались и многие из сообщников Барбье⁴⁰.

Растущая зависимость от сети Гелена в получении информации о советских вооруженных силах и вооружениях сделала американские шпионские организации легкой мишенью для дезинформации. Многие из своей продукции Гелен специально фабриковал для того, чтобы усилить опасения

относительно агрессивных намерений русских. Однажды ему удалось убедить генерала Люсиуса Клея, главу администрации американской оккупационной зоны, в том, что в Восточной Европе проходит крупномасштабная мобилизация советской армии. Это побудило Клея отправить в Вашингтон в марте 1948 года совершенно секретную телеграмму, предупреждавшую о том, что «война может начаться совершенно неожиданно»⁴¹.

Хотя тревога оказалась ложной, Гелен продолжал поставлять своим алчным американским хозяевам «подпорченную» информацию. Тем более что их не требовалось долго убеждать в наихудших стремлениях русских. Постоянно преувеличивая советскую военную угрозу, нацистский мастер-шпион сыграл значительную роль в эскалации напряженности в отношениях между сверхдержавами. При этом он подпитывал параноидальные мысли Запада относительно всемирного коммунистического заговора. «Управление обошло Гелена, потому что он говорил нам то, что мы хотели услышать, — признавался один из бывших сотрудников ЦРУ. — Мы постоянно пользовались его сведениями и передавали их в самые разные места: Пентагон, Белый дом, прессу. Им это тоже очень нравилось. Однако на деле все это было сильно преувеличенными страшилками о русских, сильно повредившими нашей стране»⁴².

Были ли сфабрикованные Геленом сообщения о действиях Красной армии просто импровизацией? Или это являлось частью сознательных усилий по направлению внешней политики США времен «холодной войны» в своих собственных целях? Стратегия Гелена основывалась на элементарном расчете — чем холоднее станет «холодная война», тем большее пространство для политического маневра получат наследники Гитлера. Он понимал, что «Организация» сможет процветать исключительно в условиях «холодной войны». В интересах организации, следовательно, было затягивать «холодную войну» до бесконечности. Однажды, говоря о Гелене, Хью Тревор-Ропер заметил: «Он жил благодаря “холодной войне” и по милости тех правительств США и Германии, которые верили в первостепенное значение “холодной войны”»⁴³.

Многие верили ЦРУ, и поэтому Управление получило зеленый свет на участие в политических акциях, пропаганде и военизированных операциях, которые в значительной мере основывались на услугах Гелена и его «жуткой нацистской лавочки», как назвал ее один из агентов ЦРУ⁴⁴. «Организация» уже насчитывала четыре тысячи немецких сотрудников, когда ее в 1949 году со всеми потрохами включили в ЦРУ. Это было в тот момент, когда американская шпионская сеть находилась на пике эры «цыпленка Цыпы» (персонаж комедийного мультфильма, убежденный в том, что небо должно вот-вот упасть на землю. — *Примеч. пер.*). Небо должно было вот-

вот упасть, по крайней мере, всем так казалось. Управление начало выплату 200 миллионов долларов (часть была взята из средств плана Маршалла), чтобы удовлетворить ненасытные аппетиты «Организации». Временами доклады с измышлениями Гелена просто перепечатывали на бланках ЦРУ и представляли президенту Трумэну на утреннем докладе разведслужб⁴⁵.

Самым видным сторонником Гелена в ЦРУ был Аллен Даллес. Он начал вести разведывательную деятельность в Восточной Европе подручными средствами из офиса своей юридической фирмы на Уолл-стрит еще до того, как официально поступил на работу в Управление в 1950 году. Через три года он стал директором ЦРУ и сохранял этот пост до провала вторжения на Кубу в заливе Свиней в 1961 году. Все это время Даллес был «крестным отцом» Гелена, защищавшим его от недоброжелателей, которые полагали, что в «Организации» что-то идет не так. Все это время «Организация» являлась своего рода подрядчиком ЦРУ в осуществлении легкомысленных схем по восстановлению ранее существовавшего политического строя, заброске по воздуху партизан и прочих обреченных на неудачу тайных попыток свергнуть коммунистические режимы Восточной Европы. Гелен не только предоставил американцам возможность убедительно отрицать их причастность к происходящему. Он также обладал доступом к бывшим руководителям практически всех марионеточных нацистских правительств от Балтики до Черного моря, а также к большому числу разнообразных фанатиков из числа ветеранов SS, присоединившихся к возглавляемой США кампании по «освобождению» их родных стран. «Здесь инстинктивно использовали любую сволочь, лишь бы только это был антикоммунист, — объяснял бывший руководитель операций ЦРУ на территории Советского Союза Харри Росицке. — Наем коллаборационистов просто означал, что вы не слишком подробно знакомились с их биографией»⁴⁶.

В разгар продолжавшихся неудач с военизированными операциями на территории Восточной Европы некоторые сотрудники ЦРУ начали задаваться вопросами, не проникли ли в «Организацию» советские агенты. С политической точки зрения Гелен представлял собой действительно неоднозначную личность. В разведывательном сообществе США не утихали споры относительно того, какие реальные выгоды получили американцы, поддерживая непонятную шпионскую сеть во главе с угрюмым офицером из бывших нацистов. Сотрудник ЦРУ Джеймс Критчфилд (James Critchfield), в течение восьми лет практически ежедневно общавшийся с Геленом, вспоминал: «В отношениях между “Организацией” и оккупационными властями возникали сотни поводов для тревоги». Подозрения достигли такой степени, что ЦРУ и армейская разведка начали шпионить за «Органи-

зацией». Результатом опасений, что американские спецслужбы не обладают эффективными средствами контроля за своим партнером, стала операция «Капмус» («Campus») — секретное расследование армейской разведкой деятельности Гелена⁴⁷.

Сыщики американской армии установили, что агенты Гелена использовали различные уловки, чтобы помешать разведке США. Так, например, во время допросов в лагерях для перемещенных лиц его люди велели заключенным не разговаривать с американцами, так как последние якобы тайно сотрудничали с Советами. Управление также узнало об откровенно нацистском бюллетене «Orientierung», распространявшемся среди сотрудников Гелена. «Это породило неловкое чувство того, что мы, американская разведка, использовали в интересах немецких националистов», — заметил один из оперативников ЦРУ. Однако до тех пор, пока Даллес оставался у власти, Гелен продолжал безоблачное существование. «Он на нашей стороне, и это все, что от него требуется, — говорил Даллес о своем немецком коллеге. — Кроме того, мы не обязаны приглашать его в наш клуб»⁴⁸.

Был ли прав Даллес, утверждая, что Гелен находится на американской стороне? «На самом деле у нас было соглашение о том, что мы можем взаимно использовать друг друга в наших национальных интересах», — отметил Критчфилд, считавший Гелена «прекрасным политическим оперативником»⁴⁹. Все шло нормально до тех пор, пока цели Гелена совпадали с устремлениями ЦРУ. Однако то, что он находился на содержании у США, еще не гарантировало его абсолютной лояльности. Гелен не только стремился удовлетворить запросы своего спонсора о подробностях, касавшихся их общего врага, но и преследовал иные цели, собирая в рамках своей «Организации» многочисленных военных преступников. Играя на антикоммунистической склонности ЦРУ, Гелен смог нейтрализовать непосредственную угрозу со стороны американской разведки, которая на самом деле могла бы заняться проведением более жесткой программы денацификации.

В итоге ЦРУ удалось выяснить, что гнездо, свитое нацистскими ветеранами в рамках «Организации», имело одну очень опасную особенность. Финансируя Гелена, Управление незаметно для себя стало объектом манипуляций со стороны иностранной спецслужбы, в которой действовала масса советских шпионов. Хотя большая часть нацистов укрылась на Западе, некоторые из них направились на службу Советам, которые пользовались любой возможностью, чтобы проникнуть в сеть Гелена. Некоторые ветераны Третьего рейха сотрудничали с русскими, одновременно делясь секретной информацией с американцами, англичанами и французами, в зависимости от того, кто предлагал больше денег. Эсэсовский специалист по дезинфор-

мации Вилли Хетль, позднее работавший на армейскую разведку США и «Организацию Гелена», описывал хаос, сложившийся в конце войны: «Германская секретная служба распалась, и ее обломки разлетелись на Запад и на Восток. Кто-то служит американцам, а кто-то — русским. Некоторые просто залегли на дно и следят, куда подует ветер. Кто-то играет с огнем по обе стороны от железного занавеса...»⁵⁰

Дело ODESSA армии США

Уже в 1947 году контрразведка армии США начала отслеживать деятельность подпольной просоветской сети, называвшейся «Тео» («Theo»). Она действовала в американской оккупационной зоне, вербовала в свои ряды бывших нацистов и занималась распространением слухов, «наносивших вред американским интересам». Как утверждалось, в «Тео» входили бывшие члены SS, интернированные в советских лагерях для военнопленных и тайно работавшие на советскую разведку. Как установила американская контрразведка CIC, многие из этих людей ранее служили под началом Отто Скорцени: «В их задачу входило содействие вторжению советских парашютно-десантных частей в случае его осуществления»⁵¹.

Русские также пытались склонить к сотрудничеству и самого Скорцени, находившегося в заключении. Тевтонский головорез показал в ходе проводившихся американцами допросов, что ему «открыто и откровенно предлагали возможность сотрудничать с коммунистами и советскими кругами». Подобные слухи, очевидно, распространялись и немецкой, и советской стороной. «Скорцени убежден, что Советы хотят его использовать и в качестве высококвалифицированного инженера, и в качестве приманки для молодых бывших эсэсовцев, чтобы привлечь их на советскую сторону», — делал вывод один из аналитиков ЦРУ⁵².

Скорцени отклонил предложения с Востока и присоединился к своему старому другу Гелену. Однако для начала ему следовало решить несколько важных вопросов, возникших в американском центре интернирования, где он содержался. В сентябре 1947 года он был освобожден от обвинений, связанных с его рейдом за линию фронта в Арденнах, однако это не решило всех проблем с законом. Правительства Дании и Чехословакии все еще стремились привлечь его к ответственности за военные преступления.

Непрерывно курящий австрийский гигант вызвал немалое удивление у захвативших его американцев, когда выяснилось, что, даже находясь в заключении, он продолжал оказывать значительное влияние на других

нацистов. Пытаясь разузнать больше о его деятельности, СІС внедрила в его окружение информатора. Вскоре ему удалось выяснить следующее: «SS создала тайную организацию, целью которой было содействие интернированным лицам в побегах и получении фальшивых документов. Как утверждает, группу возглавляет Скорцени, и она известна как “Группа Скорцени”». В соответствии с докладом СІС «было установлено, что “Группа Скорцени” является частью более обширной организации, известной под именем ODESSA (Organisation der Ehemaligen SS-Angehorigen — организация бывших членов SS)». Хотя точное число членов ODESSA было неизвестно, в СІС предполагали, что «многие бывшие члены SS знали о существовании организации и поддерживали контакт с ней». Как утверждалось, шупальца ODESSA протянулись по всей Германии. Некоторые из ее членов были вооружены; ходили слухи, что члены организации «перевозят наличные из советской оккупационной зоны в американскую»⁵³.

Пресловутая ODESSA — это послевоенная нацистская сеть. Приписываемые ей предприятия послужили сюжетом для множества литературных и кинематографических воплощений. Документы американской СІС подтверждают факт существования сети «Коричневая помощь» и участие Скорцени в ее деятельности. Это темное нацистское подполье известно под самыми разными именами: «Паук» («Die Spinne»), «Товарищество» («Kamradenwerk»), «Братство» («Die Bruderschaft»). В результате проведения операции «Бренди» («Brandy»), спланированной СІС для обнаружения ODESSA, были выявлены «следы хорошо организованной нелегальной сети для передачи письменных сообщений», действовавшей среди немецких военнопленных. Люди, проживавшие поблизости от мест интернирования, как утверждалось, «активно помогали военнопленным в организации побегов, снабжали их деньгами, избавлялись от похищенной собственности или хранили ее, предоставляли жилье посетителям лагерей»⁵⁴.

С целью выяснить, куда вели «крысиные тропы», агент СІС организовал побег из Дахау для себя и еще двух заключенных. Полученный в результате опыт стал дополнительным свидетельством существования «подпольного движения, носящего условное наименование ODESSA». СІС четко установила: «Отто Скорцени, направляющий движение из Дахау, является руководителем ODESSA». Одним из практиковавшихся Скорцени видов деятельности была организация внезапных исчезновений из лагеря. «Это делалось с помощью охранников-поляков, — выявила СІС. — Польские охранники помогают людям, получившим приказ от Скорцени, выйти на волю»⁵⁵.

Польские охранники лагеря Дахау нанимались американской армией, поскольку от них ожидали антикоммунистических настроений. Однако

они были всего лишь ничтожными колесиками огромного механизма, с помощью которого после войны десятки тысяч нацистов были доставлены в безопасные места в Латинской Америке и на Ближнем Востоке. Некоторые из членов ODESSA устроились водителями американских грузовиков на автобанах Мюнхен — Зальцбург и укрывали людей в кузовах. Действовавший при содействии людей в сутанах оживленный южный маршрут отхода состоял из цепи монастырей в Австрии и Италии. Организованный Ватиканом промежуточный пункт в Риме снабжал фашистских беженцев фальшивыми документами. Затем их перевозили на отдаленные пастбища. Отчет Госдепартамента с грифом «Совершенно секретно», подготовленный в мае 1947 года, характеризовал Ватикан как «крупнейшую организацию, вовлеченную в нелегальные передвижения эмигрантов». Среди эмигрантов было много нацистов⁵⁶.

Еще одна крупная «крысиная тропа» — «ODESSA Север» — протянулась через Данию, Швецию и Норвегию. Действовавшая там подпольная сеть ветеранов SS и «Вервольфа» перебрасывала беглецов по земле и морю, где они подбирались судами, следовавшими в Испанию и Аргентину. По данным датского журналиста Хенрика Крюгера (Henrik Kruger), бесперебойному функционированию маршрута содействовали сотрудники полиции скандинавских стран, а также аргентинские дипломаты. Ключевыми исполнителями «на земле» были люди, в конце Второй мировой войны прошедшие подготовку в структурах «Вервольфа». Активную роль в их подборе и обучении играл Скорцени, а некоторые из членов «Вервольфа» позднее стали оперативными сотрудниками ODESSA в Скандинавии, в то время как сам Скорцени руководил побегам нацистов из лагерей для интернированных лиц. Большое число фашистских коллаборационистов также нашли убежище в США, Канаде, Великобритании, Австралии и Южной Африке⁵⁷.

Конечно, полномасштабная эмиграция пособников фашистов была бы невозможна без молчаливого одобрения со стороны американского правительства, чьи усилия по привлечению к ответственности военных преступников постепенно сходили на нет по мере активизации «холодной войны». Скорцени все еще находился в американском заключении, когда в июне 1948 года Советский Союз начал сухопутную блокаду Берлина в ответ на предпринятые США шаги по консолидации трех западных оккупационных зон в рамках единой администрации. Несколькими месяцами ранее СССР поддержал военный переворот в Чехословакии. Коммунистические партии Италии и Франции также набирали силу. В условиях действовавшего с полной нагрузкой воздушного моста в Берлин денацификация уже не являлась важнейшей задачей для творцов американской политики.

К этому времени и ЦРУ, и армейская разведка изменили свое мнение о Скорцени. «Самый опасный человек Европы» теперь рассматривался в качестве потенциального ресурса в холодной войне. ЦРУ было особенно заинтересовано в его услугах. Предупрежденный американскими официальными лицами о том, что правительство Чехословакии может добиться успеха в своих требованиях об экстрадиции, Скорцени решил, что настало время сменить обстановку. Вечером 27 июля 1948 года автомобиль с регистрационными номерами американской армии, в котором находились три бывших офицера SS, прибыл в лагерь для интернированных лиц в Дармштадте, где тогда находился Скорцени. Эсэсовцы, одетые в американскую военную форму, вошли на территорию лагеря и заявили, что приехали за Скорцени, которого надлежало доставить на судебное заседание в Нью-Йорк, назначенное на следующий день. Через несколько минут Скорцени покинул территорию лагеря и исчез.

Когда позднее Скорцени расспрашивали об этом эпизоде, он постоянно утверждал, что сбежать ему помогли американские власти. Откуда у эсэсовцев взялась американская форма? «Они ее не украли, — настаивал Скорцени. — Ее предоставили сами американцы»⁵⁸.

По причине своей известности Скорцени считал целесообразным на некоторое время уйти в тень. Он скрывался на ферме в Баварии, арендованной графиней Илзе Лютье. Ее дядя Ялмар Шахт был министром финансов Гитлера. Встретив прекрасную племянницу Шахта, Скорцени влюбился в нее с первого взгляда. Илзе ответила взаимностью, несмотря на то, что у обоих уже были семьи. Вместе с Илзе они резвились и совершали романтические прогулки по лесу — счастливая передышка после трех лет заключения. «Отто был фантастически выглядящим животным, — признавалась графиня. — У него было все, чем должен обладать настоящий мужчина, — очарование, харизма, прекрасное чувство юмора»⁵⁹.

Пока Скорцени предавался амурным утехам, его устрашающая слава распространялась все шире. В сентябре 1948 года германская полиция сообщила, что в американской зоне оккупации возникло «Движение Скорцени». «Утверждается, что движение распространяется по всей территории Германии», — сообщалось в докладе, подготовленном американскими военными. Основной целью движения, как предполагалось, являлась «борьба с коммунизмом». В другом докладе армейской разведки отмечалось: «Группа бывших военнослужащих SS и парашютистов присоединилась к подпольному движению, возглавляемому Скорцени». Как утверждалось, это движение было связано с подпольными организациями в Австрии, а также с советской зоной оккупации. Английские официальные лица пришли к выводу,

что в это время Скорцени «работал на американскую разведку, занимаясь созданием организации по проведению актов саботажа»⁶⁰.

Некогда имевшие гриф «Секретно» документы ЦРУ и армии США указывают на то, что американские разведывательные структуры всерьез рассматривали вопрос принятия на службу преступного нацистского командос. Майор Сидни Барнс (Sidney Barnes) предложил американскому правительству финансово поддержать Скорцени. Однако другой армейский офицер, Джордж Накамура (George Nakamura), заявил: «Принимая во внимание... одиозность той популярности, которую в течение последних лет Скорцени получил в прессе, предполагается, что любая *открытая* (курсив автора. — *Примеч. пер.*) поддержка или финансовая помощь, оказываемая ему правительством США, может привести к серьезным международным осложнениям. Кроме того, не исключается возможность, что Скорцени использовал и продолжает использовать разведку США». Конечно, в «открытой поддержке» не было необходимости, поскольку ЦРУ вполне могло использовать в этих целях «Организацию Гелена»⁶¹.

Графиня Илзе вспоминала: когда Скорцени прятался на ее ферме в Баварии, он связывался с «Организацией». «Гелен был великолепен, — уверяла она. — Они с Отто очень уважали друг друга». Однажды, по словам Илзе, Гелен предупредил, что русские собираются выкрасть Скорцени. «Один из людей Гелена принес домой пулемет и посоветовал Отто соблюдать осторожность. Но Отто был бесстрашен. У него стальные нервы».

Иногда Скорцени выбирался с фермы в Мюнхен, где вместе с бывшим заместителем руководителя гитлерюгенда Германом Лаутербахером занимался отбором новых сотрудников для «Организации». Куда бы ни отправлялся Скорцени, он всегда искал нацистов и вовлекал их в орбиту интересов Гелена. Его экспансивность возрождала «командный дух» кадров Третьего рейха, и они массово присоединялись к «Организации»⁶².

Продолжавшиеся взаимоотношения Скорцени и Гелена символизировали важность союза между ODESSA и «Организацией», косвенно и с ЦРУ. Для многих из тех одиозных личностей, что составляли подполье ODESSA, Гелен был своего рода спасательным плотом. Именно он обладал инструментом, способным спасти «военное братство». В конце концов, наиболее важной работой «Организации» был вовсе не сбор информации для ЦРУ. «“Организация Гелена” предназначалась для защиты нацистов из ODESSA. Это была прекрасно срежиссированная диверсия», — утверждал историк Уильям Корсон (William Corson), отставной сотрудник ЦРУ⁶³.

Если рассматривать события под подобным углом зрения, первоочередной задачей Гелена была нейтрализация американской разведки с тем,

чтобы значительный контингент бывших членов SS, собранных в ODESSA, мог продолжать свою борьбу. Вместо того чтобы геройствовать на горных вершинах, они выбрали другую цель своих усилий — выживание, а в итоге и возрождение нацистского движения. Омерзительный шпионский союз, сложившийся у Гелена с ЦРУ, позволил многим нераскаявшимся фашистам, среди которых был и Скорцени, перевести дух, вновь найти себе место в обществе и ответить на серьезные проблемы новой политической эпохи. Американские официальные лица полагали, что в лице «Организации Гелена» они нашли постоянный канал доступа к коммунистическому миру. Но Гелен всегда имел свои собственные интересы — интересы германского национализма, совпадавшие с интересами Скорцени и ODESSA.

Подпольная деятельность Скорцени ненадолго прервалась после того, как случайный фотограф 13 февраля 1950 года заснял его в парижском кафе на Елисейских полях. На следующий день человек со шрамом появился на первых страницах всех французских газет. Снова настало время скрываться — на этот раз в Зальцбурге, где Скорцени встретился с немецкими ветеранами войны. У него были и личные причины посетить Австрию. Он нанял адвоката для того, чтобы начать бракоразводный процесс со своей супругой и жениться на Илзе. Затем он направился в Мадрид, где Илзе уже подыскала шикарные апартаменты в самом лучшем районе города. Отныне их база располагалась в Испании, однако они постоянно были в курсе всех событий, происходивших в Германии.

Глава 2

СТРАТЕГИЯ КАЧЕЛЕЙ

Телохраниитель Гитлера

На суде генерал-майор Отто-Эрнст Ремер с обидой смотрел на офицера английских оккупационных сил, не обращая внимания на требование вынуть руки из карманов. Казалось бы, мелочь, но таким образом высокий темноволосый военнопленный демонстрировал неуважение к суду. Ремер, по всей видимости, и не пытался скрыть своего отношения к своим английским повелителям. Проведя 20 месяцев в разных лагерях для интернированных лиц, он часто пребывал в плохом настроении. Сопровождавшиеся вспышками раздражительности редкие встречи с представителями союзников были порой единственной возможностью развеять однообразие заключения. Скука — вот что было самым страшным. Это буквально сводило его с ума.

У родившегося в 1912 году в германской земле Мекленбург Отто-Эрнста Ремера было много времени, чтобы подумать о своей злосчастной судьбе. Закончив кадетское училище и став солдатом, он совершенно иначе представлял себе свое будущее. Во время войны он был девять раз ранен, и его ротный командир называл его «образцом уважаемого и отважного бойца». Однако после пяти лет службы он поднялся всего лишь до майора, командовавшего охранным батальоном в Берлине. Судьбе было угодно, чтобы именно Ремер оказался на дежурстве в решающий момент 20 июля 1944 года, сумев в последнюю секунду спасти своим вмешательством ситуацию для Адольфа Гитлера⁶⁴.

В качестве награды за свои усилия Ремер стал главным телохранителем фюрера. «Я отвечал за личную безопасность Гитлера. Я часто встречался с ним и много раз беседовал, — вспоминал Ремер много лет спустя. — Я ни разу не встречал человека, обладавшего подобными качествами. То, что он говорил, было разумно и осмысленно. Гитлер был совершенно нормальным человеком, знавшим, что он хочет»⁶⁵.

Официально Ремер так никогда и не вступил в Национал-социалистическую немецкую рабочую партию, но из-за близких отношений с фюрером его включили в список подлежащих особому наблюдению немецких генералов, которые находились в английской и американской оккупационных зонах. Составленный в 1946 году, этот элитарный перечень включал в себя имена высокопоставленных германских офицеров, рассматривавшихся в качестве серьезной угрозы безопасности и вследствие этого ставших предметом пристального наблюдения со стороны военной разведки союзников. Характеристика Ремера, наиболее развернутая и подробная по сравнению с остальными, описывала его следующим образом: «Очень опасный человек, потенциальный руководитель “Вервольфа”. Самый молодой генерал германской армии... фанатичный нацист»⁶⁶.

Чтобы как-то разбавить отупляющий распорядок тюремной жизни и, по его собственным словам, «выправить историю Германии», Ремер согласился написать для американской армии отчет о битве за Арденнский выступ. Из своего собственного опыта он знал многое о боях в Арденнах. Это был очередной случай, когда их с Отто Скорцени военные пути пересеклись, — Скорцени в ходе арденнского наступления в декабре 1944 года формально подчинялся Ремеру.

Ремер работал над военной историей с декабря 1946 по февраль 1948 года. Выйдя на свободу из центра для интернированных лиц в Аллендорфе, он поступил на работу учеником каменщика на строительную фирму «Menkens», неподалеку от своего дома в Ольденбурге. Журнал «Der Spiegel» поместил о нем репортаж под рубрикой «Где он сейчас?». На обложке напечатали фотографию улыбающегося каменщика Ремера: втянувшиеся щеки, торчащие заостренные уши. Но вскоре бывший телохранитель Гитлера начал испытывать к перемешиванию бетона такое же отвращение, как и к смешению рас. Он решил бросить мастерок и попробовать свои силы в политике, чем и занялся в 1949 году⁶⁷.

Это был поворотный год для послевоенной Германии. В мае английская, французская и американская оккупационные зоны были объединены, результатом чего стало создание Федеративной Республики Германия со столицей в Бонне. Ряд политических партий был допущен союзнической

администрацией к участию в выборах на земельном и общенациональном уровнях. В августе первым канцлером Западной Германии был избран 73-летний представитель Христианско-демократического союза Конрад Аденауэр. Через два месяца Аденауэр сформировал свой кабинет, в который вошли несколько видных бывших нацистов. Вскоре после этого последовал ответ со стороны СССР, создавшего на востоке Германскую Демократическую Республику. Разделение Германии в результате «холодной войны» совершилось.

1949 год стал временем, когда свои силы впервые попробовали национал-социалисты и другие правые экстремисты, в первые послевоенные годы предпочитавшие вести себя незаметно. Это был важный инкубационный период, когда неприметно вызревали семена радикального национализма. Некоторые нацисты скрылись, взяв себе вымышленные имена и оформив фальшивые документы. Другие прошли процесс денацификации, зная, что им следует вести себя крайне осторожно в случае, если они рассчитывают когда-либо вернуться на политическую сцену.

Возрождение шло поэтапно. Первая волна возвращавшихся ультраправых поднялась в 1946 году, когда Соединенные Штаты признали программу денацификации слишком громоздкой и трудно управляемой и передали административные полномочия по ее осуществлению самим немцам. Тем самым союзники утратили все возможности выполнить свои обязательства по уничтожению остатков нацизма. Миллионы ветеранов Третьего рейха были амнистированы, не понеся наказания за преступления, совершенные ими в годы войны. На последующих этапах им были даны все демократические права, включая и право избирать и быть избранным. Американский Верховный комиссар по делам ФРГ Джон Макклой (John McCloy) в своем радиообращении в августе 1949 года признал, что «около 30%» постов в управлении страной и промышленности заняты бывшими нацистами. К этому времени в тюрьмах оставалось всего несколько сотен военных преступников⁶⁸.

По мере того как миллионы бывших гитлеровцев возвращались в общество, подробности их нацистского прошлого были «убраны под ковер» и там же погребены. После войны немецкий народ не испытал революционного самоочищения и освобождающего катарсиса. Не было сделано и попыток познакомить немецких людей с подлинными реалиями Второй мировой войны. Отсутствие открытого и недвусмысленного разоблачения ужасов Третьего рейха, по словам автора энциклопедического исследования «По ту сторону орла и свастики» («Beyond Eagle and Swastika, Kurt Tauber») Курта Таубера «...имело серьезные и неприятные последствия для политического

климата послевоенных лет. Оно создало предпосылки для возрождения радикальных антидемократических взглядов и организаций»⁶⁹.

Подобные издержки в ходе процесса денацификации вызывали у американских официальных лиц обеспокоенность политической «благонадежностью» Германии. Опросы общественного мнения показывали, что, несмотря на пугающие откровения об Освенциме и первые шаги в сторону демократии, в германском обществе присутствовали глубоко укоренившиеся антисемитские предрассудки. Исследование, проводившееся с 1945 по 1949 год в американской оккупационной зоне, показало, что от 15 до 18% взрослых немцев оставались убежденными нацистами⁷⁰.

Незадолго до назначения Макклоя на пост Верховного комиссара аналитики американской разведки достаточно точно предсказали возрождение национализма в Западной Германии. Возглавил это движение Отто-Эрнст Ремер, первый из гитлеровских генералов, вступивших на политическое поприще. В октябре 1949 года Ремер стал заместителем руководителя Социалистической имперской партии (Sozialistische Reichspartei, SRP), одной из первых неонацистских групп, появившихся на всей территории фатерланда, как грибы после дождя. SRP быстро опередила остальные ультранационалистические группировки и стала ведущей правой организацией Западной Германии. Она сразу же получила представительство в парламенте страны Бундестаге, когда о своем переходе в эту очевидно экстремистскую структуру заявили два депутата от других партий.

К Социалистической имперской партии присоединились и многие убежденные нацисты. Этому способствовала энергичная кампания, проводившаяся генерал-майором Ремером — лицом организации. Он с большим шумом начал привлекать в партию новых членов, обратившись к бывшим нацистам с наглым призывом: «Мы хотим их, они нужны нам!» В ходе вызывавших внимание агитационных поездок по стране Ремер выступал против «дерьмовой демократии», навязанной немцам американскими оккупантами. «Нацисты достигли большего, чем все современные партии вместе взятые!.. Я — национал-социалист и останусь им!» — кричал он под гром аплодисментов. Как заметил наблюдатель от американского Госдепартамента, «это была первая партия, в которой старые нацисты могут чувствовать себя как дома»⁷¹.

Партийные заседания обычно открывали исполнением военных маршей оркестрами, помещения украшали флагами и транспарантами с эмблемой Социалистической имперской партии — черным орлом на красном фоне с белым обрамлением. Символы и цвета были подобраны специально, чтобы пробуждать воспоминания об эпохе нацизма. Окруженный охраной из

подтянутых молодых парней в высоких ботинках, Ремер проповедовал идеи национального негодования, украшая свои речи нацистской риторикой. «Национал-социализм нельзя уничтожить. Идея продолжает свой путь. Христианство тоже не закончилось распятием Христа!» — заявлял Ремер так, будто бы он был святым Павлом неонацистского движения⁷².

В эпоху расцвета Социалистической имперской партии в начале 1950-х годов Ремер находился в постоянном движении и привлекал толпы народа своими зажигательными речами против компромиссов, на которые Бонн шел в своих отношениях с США. Он постоянно нападал на Аденауэра, называя его американской марионеткой, позорно согласившейся на раздел фатерланда. Он постоянно упоминал адмирала Карла Деница, назначенного Гитлером своим преемником, и называл его последним законным главой общегерманского рейха. Отметая рассказы о зверствах нацистов как пропаганду союзников, Ремер утверждал, что крематории Дахау были построены после войны по американскому приказу с целью дискредитации Германии. Он также настаивал на том, что фильмы о концентрационных лагерях являются подделкой⁷³.

Ораторские упражнения Ремера привели к целому ряду потасовок, когда на собраниях Социалистической имперской партии в воздух летели столы и стулья. Подобные эксцессы привели к тому, что местные власти запретили ему выступать на публике в Шлезвиг-Гольштейне и Северной Рейн-Вестфалии. В этих землях Западной Германии Социалистическая имперская партия пользовалась широкой поддержкой среди старых нацистов, разочарованной молодежи, немецких беженцев и других все потерявших избирателей. Это стало первым из многочисленных конфликтов Ремера с западногерманскими законами.

Неудивительно, что специалисты из американской разведки пристально следили за Ремером, часто «показывавшим язык» Вашингтону и его солдатам, которые только и умели, что жевать резинку. Сотрудники Госдепартамента стали составлять еженедельные доклады о деятельности Социалистической имперской партии, отмечая, что она отрицает какие-либо формы сотрудничества с западными державами. Вместо этого SRP выступила с идеей о Европе как о третьей силе, противостоящей и коммунизму, и капитализму и возглавляющейся сильным и единым Третьим рейхом. «Национально-нейтралистская» линия Ремера встретила горячий отклик у немцев, разделявших его уверенность в том, что канцлер Аденауэр зачастую отдавал предпочтение американским нуждам в ущерб интересам немецкого народа.

Американские оккупационные власти с тревогой наблюдали за ростом популярности SRP, насчитывавшей в своих рядах около 10 тысяч членов.

Партия создала целый ряд вспомогательных организаций, включая женское движение, молодежную группу и антимарксистский профсоюз. Ремер также основал «Reichsfront» — элитную военизированную организацию, члены которой набирались в основном из числа сотрудников созданной англичанами Германской организации обслуживания (организация объединяла вольнонаемный немецкий персонал, работавший на английских военных объектах в стране. — *Примеч. пер.*). По заявлениям английской прессы, приводившимся в документах американского Госдепартамента, большая часть «армии коричневорубашечников» Ремера размещалась в английских казармах. «Картинками и плакатами с изображениями Ремера, его лозунгами были покрыты все стены в помещениях, предоставленных англичанами немцам», — говорилось в одном из сообщений⁷⁴.

«Reichsfront» Ремера существовал недолго и был распущен по распоряжению из Бонна. В 1950 году, после того как Социалистическая имперская партия показала очень хорошие результаты на местных выборах, западногерманское правительство объявило партию врагом государства. Федеральные государственные служащие были предупреждены, что, вступая в SRP, они рискуют своей карьерой. Эта жесткая политика была поддержана сотрудниками американской разведки, рассматривавшими организацию Ремера «самой успешной и самой опасной» среди всех праворадикальных партий. «Будучи оставленной вне контроля, — предупреждал один из аналитиков Госдепартамента, — партия, подобная SRP, может в конечном итоге прийти к власти законным путем, как это уже сделали перед войной нацисты, и взять под свой контроль Бундестаг»⁷⁵.

В мае 1951 года был перейден важный рубеж. На земельных выборах в Нижней Саксонии Социалистическая имперская партия завоевала 11% голосов избирателей, опередив на ряде участков Христианско-демократический союз Аденауэра⁷⁶. Эти результаты наглядно подтвердили, что откровенное обращение к памяти о Третьем рейхе может мобилизовать большие массы людей. Случившееся перекликалось со словами известного немецкого драматурга Бертольда Брехта: «Еще плодоносить способно чрево, которое вынашивало гада».

Анализируя успех, достигнутый Социалистической имперской партией на выборах, западные обозреватели отметили полнейшее равнодушие, с которым население страны восприняло достижение неонацистов. Опрос общественного мнения показал, что лишь 20% населения были готовы «сделать все, что в их силах», чтобы не допустить прихода к власти сил, подобных SRP. Это сильно взволновало представителей Госдепартамента: «Любой рецидив германского национализма не может не вызывать

озабоченности и требует внимательного отношения к себе... Большие массы беженцев, ветераны войны, бывшие нацисты, группы, болезненно воспринимающие экономические трудности... и, в наибольшей степени, утратившая иллюзии молодежь, не нашедшая выхода своей энергии и устремлениям в разрушенной войной стране — все эти элементы испытывают недовольство политикой Бонна и могут не устоять перед соблазном воспользоваться коротким путем к политическому “золотому веку”»⁷⁷.

Реставрация

Канцлер Конрад Аденауэр никогда не был нацистом, однако он не мог игнорировать сохранявшиеся у немецкого электората симпатии к ультраправым идеям. Морщинистый старикашка, «передвигавшийся так, будто его ноги крепились на ржавых шарнирах», с напыщенным видом повторял националистические идеи в своих выступлениях и на предвыборных митингах, напоминая журналистам «внезапно заговорившую сморщенную мумию». Аденауэр пришел к власти с большим трудом — решающие голоса в его пользу были поданы в Бундестаге бывшими нацистами. После серии консультаций с Верховным комиссаром Макклоем канцлеру удалось создать весьма хрупкую правящую коалицию, возглавлявшуюся Христианско-демократическим союзом⁷⁸.

Как сообщал работавший в Бонне аналитик Госдепартамента, Аденауэр не был национал-социалистом, но нередко демонстрировал «диктаторские замашки». Здравомыслящий политик прекрасно понимал, что управлять страной без поддержки некоторых бывших нацистов будет невозможно. По мере того как росли успехи, достигнутые на выборах партией Ремера, националистические высказывания Аденауэра становились все более острыми. Один из сотрудников американского консульства в этой связи заметил: «Центристские политики теперь повторяют идеи Социалистической имперской партии, потому что признают их политическую выгоду»⁷⁹.

С ростом резкости высказываний центристов Макклой вынужден был с разочарованием отметить в своем докладе от декабря 1951 года: «К сожалению, большинство из популярных политических партий в своей деятельности опираются на идеи национализма... Они стремятся привлечь в свои ряды последователей ультраправых или предотвратить отток собственных членов, пытаясь показать себя такими же националистами, как и экстремисты... Наркотик ультра национализма требует все больших доз... Последствием

подобного курса, в случае если он будет продолжаться длительное время, станет всеобщая катастрофа»⁸⁰.

Аденауэр пытался укрепить свою непрочную правительственную коалицию, заигрывая с «Союзом изгнанных», организацией фанатиков-реваншистов, представлявшей интересы 11 миллионов немцев, вынужденных покинуть после войны сопредельные страны. Принимая во внимание, что беженцем был каждый четвертый житель страны, эта организация вызывала большие симпатии Бонна. Аденауэр постоянно повторял, что не признает законной границу по Одере и Нейсе (двум рекам, разделявшим Польшу и Восточную Германию). «Мы никогда не признаем эту границу!» — настаивал он⁸¹.

Во главе с бывшими офицерами SS, мечтавшими о возвращении так называемых восточных территорий, «Союз изгнанных» получил портфель в боннском кабинете министров. Аденауэр назначил министром по делам беженцев Теодора Оберлендера, ветерана батальона SS «Нахтигаль». Это было сделано, невзирая на то, что роль, которую сыграл в годы войны Оберлендер в преследованиях тысяч польских евреев, была хорошо известна. Другой член кабинета — министр внутренних дел Герхард Шредер — начал свою политическую карьеру гитлеровским штурмовиком. Теперь он возглавлял полицейский аппарат Западной Германии, в котором служили многочисленные ветераны SS и гестапо. По понятным причинам они не проявляли особого рвения в преследовании немецких военных преступников. Министр юстиции Фриц Шеффер некогда называл Гитлера «спасителем рейха», однако это не помешало Аденауэру назначить именно его на пост главного западногерманского борца с антисемитизмом и неонацизмом⁸².

Еще более противоречивым был выбор кандидатуры, предложенной Аденауэром на пост государственного секретаря ведомства федерального канцлера Западной Германии. Ганс Глобке, человек с хорошо известным нацистским прошлым, отвечал за ключевые назначения в аппарате правительства, а также контролировал отдел прессы и информации — ключевой орган пропаганды Бонна. Будучи главным помощником Аденауэра и его близким другом, Глобке, вероятно, был наиболее влиятельным чиновником в Бонне после самого канцлера. Журнал «Die Welt» характеризовал его как «единственного человека, имевшего постоянный доступ к Аденауэру, которому разрешалось звонить канцлеру в любое время»⁸³.

Кем же был Глобке? Будучи комиссаром Третьего рейха по вопросам защиты немецкой крови и немецкой чести, Глобке сыграл ключевую роль в подготовке расистских Нюрнбергских законов 1935 года, послуживших «юридической» основой для преследования евреев. Возглавляя отдел по

делам евреев в гитлеровском Министерстве внутренних дел, он тесно сотрудничал с оберштурмбаннфюрером SS Адольфом Эйхманом в деле депортации и уничтожения македонских евреев. Глобке также разрабатывал принципы «германизации» завоеванных народов в оккупированных странах. Его начальник во время войны, министр внутренних дел Вильгельм Фрик, называл Глобке «самым толковым и эффективным чиновником министерства». Однако Аденауэр предпочел поверить заверениям Глобке в том, что тот в свое время всячески пытался смягчить юридические шаги, на которых настаивал Гитлер⁸⁴.

Возможно, именно Глобке в наибольшей степени способствовал возврату к власти в западногерманском обществе множества бывших нацистов. Он отвечал за разработку закона, принятого в 1951 году Бундестагом, в соответствии с которым гражданские служащие, уволенные во время оккупации, должны были быть восстановлены в должностях. Хотя верхушка нацистской элиты была ликвидирована в результате самоубийств и бегства за границу или окончила свою жизнь на виселице в результате Нюрнбергского трибунала, многие высокопоставленные чиновники воспользовались новым законом, чтобы пробраться на высокие посты в государстве. Далее они, как правило, наполняли свои отделы коллаборационистами из Третьего рейха, еще раз подтвердив правоту старой немецкой пословицы «Regierung vergeht, Verwaltung gesteht» («Правительства приходят и уходят, а бюрократия остается»). В ходе проходивших в октябре 1951 года парламентских дискуссий Аденауэр признал, что его Министерство иностранных дел было полно бывших нацистов и протезе Йоахима фон Риббентропа, министра иностранных дел Гитлера. Почти половина нового штата дипломатического корпуса некогда состояла в партии нацистов. Многие из них принимали участие в подготовке и проведении политики фюрера на оккупированных землях, где преступлениям гитлеровцев не было числа⁸⁵.

Наподобие Ришелье, Глобке, получивший прозвище «Серое величество», захватил власть над послевоенным Бонном, используя находившуюся в его подчинении огромную западногерманскую секретную службу — «Организацию Гелена». Сам Гелен вспоминал свою работу под руководством Глобке как «приятную и пробуждающую энтузиазм». Вместе с Аденауэром, одобрительно называвшим Гелена «мой дорогой генерал», они сформировали могущественную тройку, игравшую ведущую роль в западногерманской политике до 1962 года, когда 85-летний канцлер наконец-то оставил свой пост⁸⁶.

Когда Аденауэр был практически неизвестен в Германии, Гелен пользовался поддержкой своих влиятельных американских знакомых,

чтобы поддержать его кандидатуру. На стороне Аденауэра выступили финансовые и промышленные олигархи района Рейн-Рура, которые, так же как и Гелен, одобряли его проатлантический подход к международным отношениям. Политическое долголетие Аденауэра обеспечивалось «Организацией», шпионившей за его соперниками внутри страны. Список целей включал практически всех, не согласных с движением канцлера в направлении экономической и политической интеграции с Западом.

Немецкие политические противники Аденауэра находились на прицеле еще одной организации — Союза немецкой молодежи (Bund Deutscher Jugend, BDJ). Это подготовленное ЦРУ элитное военизированное формирование состояло в основном из бывших членов гитлерюгенда, вермахта и SS. Среди членов этой ультранационалистической молодежной группы были и будущие заметные западногерманские фигуры откровенно неонацистского толка, такие как Фридрих Буссе (Friedhelm Busse), возглавлявший ряд ультраправых организаций в годы «холодной войны» и позже. В начале 1950-х Буссе и его друзья по Союзу немецкой молодежи рассчитывали в случае советского вторжения остаться в тылу оккупантов, чтобы проводить там акты саботажа и организовывать движение сопротивления — так, как это планировал делать «Вервольф» Скорцени. Однако, вместо того чтобы сосредоточиться на иностранных врагах, руководители организации Буссе составили другой ликвидационный список, в который входили, в частности, Вилли Брандт и ряд других видных социал-демократов из основной оппозиционной партии Западной Германии. Их следовало уничтожить в случае возникновения весьма туманно определявшейся «чрезвычайной ситуации в сфере национальной безопасности»⁸⁷.

В октябре 1952 года покров над Союзом немецкой молодежи был сорван. В западногерманскую прессу просочились сведения о том, что США поддерживает неонацистский «эскадрон смерти». Оказавшиеся в неловком положении сотрудники Госдепартамента, пытавшиеся скрыть истинный объем участия американцев в деятельности молодежной группы, в частных беседах признавали, что скандал привел «к серьезному ущербу престижа США». После непродолжительной бури в прессе немецкие части, предназначенные для действий в тылу оккупантов, были реорганизованы с помощью «Организации Гелена». «Организация», действуя по поручению ЦРУ, создала на территории Западной Германии несколько «находящихся в спячке» сетей по образу и подобию «Вервольфа»⁸⁸. Антиконституционные действия подобного толка были в порядке вещей при Аденауэре, наградившем Гелена в 1955 году постом руководителя BND — первой официально независимой Федеральной разведывательной службы (Bundesnachrichtendienst)⁸⁹.

К этому времени многие бывшие гитлеровцы нашли уютное прибежище в ХДС — Христианско-демократическом союзе (Christlich Demokratische Union Deutschlands, CDU). Консервативная партия Аденауэра служила удобным фасадом для тех, кто хотел вернуть себе руководящее положение, которое они занимали в Третьем рейхе. Верховный комиссар Макклой знал о том, что нацисты и антисемиты буквально заполонили гражданскую службу, включая образовательную и юридическую системы. Однако их присутствие в правительстве было терпимо до тех пор, пока они официально отказывались от своих нацистских взглядов и присягали на верность западным союзникам.

Роль троянского коня, которую партия ХДС сыграла для множества бывших нацистов, заставила поставить под вопрос заявления Аденауэра и его американских покровителей о том, что Боннская республика действительно началась с чистого листа. Она также гарантировала, что скрепами западно-германской политики станут большие «дозы» отрицания прошлого. «Страна была охвачена неким подобием общенациональной амнезии», — заметил историк Генри Эшби Тернер в своей истории послевоенной Германии. Не было предпринято никаких попыток «выветрить» или поставить под сомнение глубоко укоренившиеся националистические комплексы. Вместо этого полномасштабная реставрация нацизма во времена Аденауэра ввела в оборот двойные моральные стандарты, ставшие с тех пор неотъемлемой частью общественной жизни Германии. Политика американского правительства, включавшая в себя масштабную тайную вербовку фашистов в шпионских целях, вне всякого сомнения, способствовала развитию общенациональной амнезии относительно зверств нацистов и тех преступников, которые их осуществляли⁹⁰.

Возможно, излишне оптимистично было бы предполагать, что демократическая система, насаждаемая сверху, сможет успешно укорениться в обществе — в особенности, если демократия ассоциируется с поражением в войне, национальным унижением и оккупационными войсками на немецкой земле. В то время как бюрократы Глобке могли на время спрятать свою свастику и кнуты, на практике многие из них вовсе не являлись приверженцами нового политического порядка. Один из основателей Христианско-демократического союза Аденауэра — Фридрих фон дер Хайдте — откровенно заявил: «Сегодня в Германии модно быть демократом. Кстати, каждый немец — хороший демократ. Если вы хотите быть в обществе — у вас просто нет другого выбора. Но в душе своей немцы не приветствуют демократию. Они принимают ее, как принимают модную одежду, однако в глубине души они возмущаются свалившимся на них бедствием»⁹¹.

Умные чиновники быстро осознали, что их послевоенный успех во многом зависит от того, как им удастся избавиться от облика радикала и предстать трезвомыслящим сторонником следования конституционным принципам. В этой связи и на антисемитизм смотрели с показным неодобрением, особенно с учетом того, что Бонн приступил к выплатам финансовых компенсаций государству Израиль. Для некоторых жителей Западной Германии решение возместить еврейскому населению убытки было подлинным выражением раскаяния. Однако многие правительственные чиновники рассматривали ее исключительно как удобное и рассчитанное на внешний эффект средство очистить свою репутацию. В то же самое время руководители Федеративной Республики систематически удерживали компенсационные выплаты, предназначавшиеся вдовам бойцов антифашистского сопротивления и многочисленным жертвам преследований нацистов (включая цыган, гомосексуалистов и левых активистов). Бывшие гитлеровцы и члены их семей тем временем получали щедрые пенсии. Сторонники нацистов, вновь оказавшиеся у власти, понимали, что внешне придерживаться демократических процедур достаточно выгодно. На практике это означало дистанцирование от тех «неисправимых» сторонников Ремера, кто продолжал испытывать ностальгию по Третьему рейху, представляя постоянную головную боль для Бонна.

Оставшийся верным нацистскому учению Ремер с неодобрением смотрел на своих бывших сослуживцев, мгновенно превратившихся после войны в демократов. Американская разведка в конце 1940-х годов попыталась привлечь его на службу, действуя, как и со многими другими нацистами, однако столкнулась с ожесточенным отпором. «Я сказал, что не буду помогать им до тех пор, пока наша страна остается оккупированной», — вспоминал Ремер. Вместе с разрастающейся Социалистической имперской партией он предпочел критику существующей системы, неумоимо упрекая США и «проводимую Аденауэром политику американского сателлита» в том, что их родной фатерланд был расколот надвое. Посетив многолюдный митинг, организованный SRP, агент Госдепартамента сообщил: «Если бы страну можно было бы привлечь к суду за клевету и подрыв репутации, у нас было бы абсолютно выигрышное дело против SRP»⁹².

Партия Ремера продолжала показывать хорошие результаты на местных выборах, набрав в Бремене практически одинаковое количество голосов наравне с Христианско-демократическим союзом Аденауэра. Это произошло несмотря на то, что кандидатам от Социалистической имперской партии была запрещена предвыборная агитация. Вскоре после этого западногерманская полиция провела обыски в офисах SRP в Гамбурге и других городах,

митинги партии разгонялись дубинками и слезоточивым газом. Бонн также запретил газету «Reichszeitung», выразившую взгляды SRP, а также начал судебный процесс с целью запрета всей организации.

Это лишь лило воду на мельницу Ремера. Он пригрозил, что Социалистическая имперская партия ответит на террор террором. Усиливая свою радикальную риторику, он энергично осуждал западный союз, в то же время избегая критики Советского Союза и Восточной Германии. «Во внешнеполитическом отношении, — отмечалось в одном из документов Госдепартамента, — SRP придерживается радикально антиамериканских и антибританских позиций. По собственным признаниям, она также является антикоммунистической, однако при этом избегает критики Советского Союза или правительства Восточной зоны... Предполагается, что партия готова пойти на крупный компромисс с Россией с целью объединения Германии».

Для американских официальных лиц любая мысль о заключении соглашения с Востоком приравнивалась к политической ереси. Называя Ремера и других неонацистских демагогов «крысоловами», информатор Госдепартамента советовал «на благо страны раздавить Социалистическую имперскую партию, как ядовитую змею»⁹³.

Мадридское изгнание

Отто Скорцени пребывал в хорошем настроении, пируя и выпивая в «Horchers» — одном из самых шикарных ресторанов Мадрида, любимом месте встреч проживавших в Испании высокопоставленных беглецов из Германии. Он часто бывал в этом заведении в компании графини Илзе. Во рту у него постоянно была сигарета. Сегодня они собрались здесь, чтобы поднять бокалы в честь Ялмара Шахта, периодически навещавшегося в Мадрид, чтобы обсудить некоторые деловые вопросы со своей племянницей и ее знаменитым мужем. (В качестве министра финансов Гитлера, а затем президента Рейхсбанка Шахт выступал в пользу экспроприации еврейской собственности с целью поддержать экономическое развитие Германии.) Сменивший место жительства немецкий владелец ресторана Отто Хершер всегда готовил для встречи Шахта и Скорцени роскошный стол⁹⁴.

Некогда любимый берлинский ресторатор Геринга Хершер в 1944 году перенес свое дело в Мадрид. В это время германские агенты наводняли испанскую столицу в таких количествах, что корреспондент газеты «New York Times» как-то написал в своем репортаже: «В крупных гостиницах Мад-

рида собирается столько шпионов, что они становятся заметны даже для случайных посетителей». Контрразведка армии США вскоре установила, что ресторан «Hogcher's» служил своеобразным почтовым ящиком для немецких агентов. «Предполагается, что Хершер направился в Мадрид, чтобы организовать здесь центр немецкой подрывной и шпионской деятельности, — говорилось в подготовленном спецслужбой СИС докладе. — После войны ресторан превратился в место сбора немцев, бежавших в Испанию»⁹⁵.

Действовавшие на территории оккупированной Германии ищейки СИС вышли на след «большой структуры, занимавшейся организацией побегов» и позволявшей высокопоставленным офицерам SS, промышленникам, техникам и «рядовым исполнителям из огромного дипломатического, консульского и пропагандистского аппарата Германии обустроиваться в Испании с фальшивыми документами и паспортами». Испания также служила для нацистов перевалочным пунктом на пути в Южную Америку. Массовая миграция нацистов и утечка капитала были частью плана, запущенного на завершающем этапе войны главой SS Генрихом Гиммлером и его ближайшими помощниками с целью восстановить немецкое влияние в различных странах мира после краха Третьего рейха⁹⁶.

На момент, когда в феврале 1950 года Скорцени прибыл в Мадрид, в городе уже процветала колония из 16 тысяч нацистских экспатриантов. Встреченный испанскими властями с распростертыми объятиями, он поселился вместе с Илзе на большой вилле в районе Lopez de Hoyos. Вскоре сыграли свадьбу. Слуга из Баварии готовил еду для друзей и соратников, часто заглядывавших к Скорцени. «Складывалось впечатление, что у нас перебивала вся испанская армия, — вспоминала Илзе. — Прием следовал за приемом. Мы познакомились со всеми высокопоставленными военными и членами кабинета министров, включая и генерала Франко. Отто очень любил Франко».

Симпатия, очевидно, была взаимной. Будучи знаменитостью, Скорцени получил большую помощь от режима Франко, ранее имевшего тесные связи с нацистской Германией. Франко также обеспечил надежное укрытие немецким финансовым активам, перебрасывавшимся в конце войны в нейтральные страны. Согласно исследованиям Министерства финансов США, активы были секретно использованы для приобретения контрольных пакетов в 750 фирмах в различных странах мира (включая 112 испанских). Организация перевода больших сумм денег через сложную сеть подставных компаний и банковских счетов находилась в руках Ялмара Шахта. Опасаясь того, что оставшиеся на свободе нацисты смогут воспользоваться спасенными средствами в своих низких целях, американцы пытались пойти по следам

исчезнувших денег, однако были вынуждены отступить перед сложнейшими финансовыми манипуляциями Шахта⁹⁷.

После войны тесть Скорцени вновь стал одним из сильных мира сего в области финансов. Он открыл специализировавшийся на международной торговле банк в Дюссельдорфе, а также был консультантом различных правительств. В ходе состоявшейся в мае 1952 года поездки в Мадрид Шахт выступил перед испанскими и немецкими бизнесменами. Одетый в белый френч и с пенсне на носу, он не жалел уничижительных эпитетов, характеризуя экономическую политику, проводившуюся американцами в Германии. Едкие замечания Шахта были отмечены в предназначенном для служебного пользования докладе Госдепартамента: «Критические замечания в адрес Соединенных Штатов встречались тепло, а в ряде случаев сопровождались аплодисментами»⁹⁸.

Ехидное отношение Шахта к правительству США вызывало симпатии генерал-майора Отто-Эрнста Ремера и его Социалистической имперской партии. Экономическая платформа партии «практически полностью совпадала с принципами, реализовывавшимися Шахтом во времена Третьего рейха», как сообщал аналитик Госдепартамента. В ходе своих предвыборных митингов Ремер часто заявлял: «Чтобы преодолеть послевоенные экономические трудности, Германии нужен доктор Шахт». Ремер также одобрял предсказание Шахта о том, что в свое время национал-социализм завоюет мир, не прибегая к развязыванию очередной войны⁹⁹.

Заняв удобный наблюдательный пункт в Мадриде, Скорцени пристально следил за успехами неонацистской партии Ремера. Графиня Илзе вспоминала, что ее муж высоко ценил работу Ремера: «Отто считал Ремера хорошим человеком. Он полагал, что Социалистическая имперская партия — это выдающееся достижение, однако шансов на успех у Ремера нет». Скорцени чувствовал, что Ремер слишком спешит: если SRP не будет проявлять больше осторожности, она нанесет большой вред всему неонацистскому движению.

В то время как Ремер прокладывал себе дорогу на выборах в Германии, Скорцени вел работу с фашистскими беженцами, укрывшимися по другую сторону Пиренеев. Он тесно сблизился с Хорией Симой, руководителем кровожадной «Железной гвардии» Румынии, открывшим свою штаб-квартиру в Испании. К Симе присоединились и другие восточноевропейские коллаборационисты, включая членов венгерских «Скрещенных стрел» и хорватских усташей¹⁰⁰.

Ближайшим другом Скорцени в Испании стал бригадефюрер Леон Дегрель — отмеченный наибольшим количеством наград военный деятель

нацистов, не являвшийся немцем по происхождению. Он командовал добровольческой дивизией SS «Валлония» (название франкоязычной части Бельгии. — *Примеч. пер.*), испытывая на себе всю «пучину ужасов», — так Черчилль называл Восточный фронт. Дегрель был близок к Гитлеру и однажды испытал миг гордости, когда фюрер сказал: «У меня нет сына. Но если бы он у меня был, я бы хотел, чтобы он был таким же, как вы». В последние дни существования Третьего рейха Дегрель бежал на Иберийский полуостров. Заочно приговоренный бельгийским правительством к смертной казни за военные преступления, он поддерживал тесные связи со многими ветеранами нацистского движения, включая и Скорцени. «Мы каждую неделю ужинали вместе, — вспоминал Дегрель. — Он был моим очень хорошим другом»¹⁰¹.

Впервые встретившись с Дегрелем в Испании, Скорцени рассказал ему, что бежал из лагеря для интернированных лиц с помощью американцев. «Американцы были уверены в неизбежности войны с Советским Союзом и хотели, чтобы Скорцени оказывал им необходимую помощь, — рассказывал Дегрель. — Он был специалистом, обладавшим уникальными навыками, очень сильным человеком с железной волей. Это был солдат, а не философ, с очень простым взглядом на мир: Европа должна быть единой и антикоммунистической».

В начале 1950-х годов звездный командос фюрера вышел на связь с американским военным атташе в Мадриде. Его интересовала возможность организовать в Испании подготовку немецких солдат для войны с Советским Союзом. Офицер Военно-воздушных сил США, подружившийся с ним в это время, сообщал: «Когда Скорцени приветствует тебя, создается впечатление, что ты попал в лапы медведя или на тебя набросился крупный сенбернар. Скорцени любит говорить о войне и имеет достаточно высокое мнение о собственной доблести... Он предпочитает хороший шотландский виски и добавляет к нему лишь немного простой воды»¹⁰².

Говоривший по-английски с ярко выраженным британским акцентом, Скорцени рассуждал о своих планах по созданию антикоммунистических диверсионных групп, которые будут заброшены за линию фронта в случае советского вторжения в Западную Европу. Эти мысли он донес и до работавшего в Мадриде информатора ФБР, рекомендовавшего американским официальным лицам: «Лично я полагаю, что Скорцени не имеет в виду ничего плохого и сделает для нас все, что в его силах. По моему мнению, цена его услуг не будет слишком высокой». Однако ЦРУ уже приступило к реализации своих планов по созданию в Европе диверсионной сети на случай войны и не нуждалось в помощи Скорцени в этом проекте. Вскоре

Скорцени предстояло узнать, что американская разведка имеет на него совершенно другие планы¹⁰³.

Тем временем Скорцени активно занимался реализацией различных бизнес-проектов, во многом благодаря «дядюшке Шахту», научившему родственника надлежащему протоколу и открывшему ему необходимые двери к наживе. Скорцени, выступая под именем Рольфа Штейнбауэра, открыл инженерную фирму, а также импортно-экспортную контору. Они размещались в двух комнатах, выходящих на Gran Vía — главный бульвар Мадрида. Всего в нескольких шагах располагалась резидентура ЦРУ. Скорцени продолжил делать деньги с помощью своего обширного круга испанских и немецких знакомых. Прекрасная Илзе также оказалась предпринимателем, сыграв важную роль в ряде крупных коммерческих транзакций. «Мы представляли большой консорциум немецких компаний, выигравших в 1952 году контракт на постройку железных дорог в Испании», — объясняла она. Получив за подготовку сделки большие комиссионные, Скорцени и его предприимчивая жена сколотили в итоге состояние, оценивавшееся в 15 миллионов долларов¹⁰⁴.

Один из деловых партнеров Скорцени Вилли Мессершмитт в годы войны выпускал для военно-воздушных сил Гитлера отличные истребители. В 1945 году наступающие части Советской армии захватили на ракетном полигоне в Пенемюнде чертежи Мессершмитта. Они были переправлены в Советский Союз вместе с сотнями немецких ученых, использовавших конструкторские наработки Мессершмитта для создания опытного образца скоростного реактивного истребителя МИГ. Поскольку из-за введенных союзниками ограничений Мессершмитт в начале 1950-х годов не мог работать в Германии, он привез с собой в Мадрид 50 технических специалистов, чтобы с их помощью создать в Испании авиационную промышленность. Основываясь на данных других разведывательных служб США, ФБР отмечало, что Скорцени сотрудничал с Мессершмиттом «в физическом перемещении германской промышленности в Испанию». «Хотя они утверждают, что работают над этим проектом по заказу испанского правительства, вполне логично было бы предположить, что прямо у нас под носом воссоздается немецкое самолетостроение», — предупреждал агент ФБР¹⁰⁵.

Розыгрыш восточной карты

Время от времени Скорцени возвращался в Германию, чтобы встретиться с Ялмаром Шахтом и другими видными промышленниками. По данным

американской разведки, летом 1951 года он «объездил Германию вдоль и поперек с максимально доступной для его автомобиля скоростью». Эти странствия не могли не вызвать беспокойства американских спецслужб, что выразилось в обмене письмами между главой ФБР Эдгаром Гувером и директором ЦРУ Уолтером Бедделлом Смитом. Гувер считал, что, де-юре являясь беженцем, Скорцени «очевидно имеет возможность свободно путешествовать по зоне Западной Германии и обладает связями среди высокопоставленных немецких военных». Не ограничиваясь коммерческой деятельностью, Скорцени часто встречался «с друзьями и полезными людьми», а также держал руку на пульсе ситуации в Германии. «Периодически возникают слухи о том, что Скорцени находится в Германии, а также о том, что в нацистских кругах ощущается его влияние», — писал Макклой в своей телеграмме Государственному секретарю Дину Ачесону¹⁰⁶.

Другие донесения, полученные американской разведкой, указывали на активную закулисную деятельность Скорцени, «дергавшего за ниточки» в ряде организаций немецких ветеранов войны. Наиболее важной из них было Общество взаимопомощи (*Hilfsgemeinschaft auf Gegenseitigkeit*, HIAG), последовательно занимавшееся лоббированием интересов бывших кадров *Waffen SS*, проживавших в Боннской республике. HIAG было основано в октябре 1951 года и выступало за юридические и экономические меры, которые улучшили бы положение ветеранов *Waffen SS*, лишенных правительственных пенсий и иных привилегий в силу того, что на Нюрнбергском процессе *SS* как единое целое была признана преступной организацией¹⁰⁷.

Подхватив аргументы Геббельса, Общество взаимопомощи изображало *Waffen SS*, в том числе охранявшую концентрационные лагеря дивизию «Мертвая голова», идеалистами, защищавшими Западную Европу от азиатских орд большевиков. Немецких солдат также прославляли сотни изобилующих сценами секса и насилия рассказов и повестей о военных приключениях, массово издававшихся в Германии в начале 1950-х годов. Националистические издательства печатали многочисленные мемуары вояк Третьего рейха. Среди них было и несколько книг Скорцени, в которых он оправдывал режим Гитлера, приписывая зверства лагерей смерти проискам горстки сбившихся с правильного пути фанатиков. «Злостным искажением фактов являются утверждения о том, что *Waffen SS* имели какое-то отношение к ужасам концентрационных лагерей», — писал Скорцени в своей книге «Мы сражались — мы проиграли» («*We Fought — We Lost*»). Обозреватель газеты «*New York Times*», комментируя другую автобиографическую работу Скорцени, «Тайные задания Скорцени» («*Skorzeny's Secret Missions*»), сделал следующий вывод: «Если бы завтра

в Германии появился новый Гитлер, то, судя по этой книге, Скорцени был бы рядом с ним»¹⁰⁸.

Скорцени был настоящим героем для многих ветеранов *Waffen SS*, посещавших ежегодные собрания Общества взаимопомощи. Там старые солдаты, одетые в форму с запрещенными эмблемами *SS*, пили вволю пиво, распевали военные песни и слушали своих руководителей, призывавших работать над восстановлением «святого германского рейха». Подобная несдержанность была головной болью для канцлера Аденауэра, пытавшегося заручиться поддержкой ветеранов для своей главной политической инициативы — одобренного американцами плана по ремилитаризации Федеративной Республики Германия с целью защиты Западной Европы¹⁰⁹.

Изначально идея повторного вооружения встретила значительное противодействие на низовом уровне — в особенности среди бывших солдат, составлявших основную и потенциально разрушительную часть населения Западной Германии. Возмущенные отношением, которое они испытали на себе после войны, многие бывшие военные взяли на вооружение дерзкий лозунг генерала Отто-Эрнста Ремера «Без меня!» («*Ohne mich!*»). Лозунг стал боевым кличем Социалистической имперской партии, боровшейся с планами Бонна и Вашингтона по ремилитаризации страны. «Сначала нам говорили, что оружие и боеприпасы — это яд, а теперь яд превратился в конфеты, которыми нас угощают, — ехидствовал депутат Бундестага от Социалистической имперской партии Фриц Ресслер (выступавший под псевдонимом Франц Рихтер). — Но мы не какие-то негры или идиоты, с которыми можно делать все что угодно. Или мы, или они должны закончить свои дни в сумасшедшем доме»¹¹⁰.

Выступавший категорически против любого сотрудничества с Западом Ремер заявил: «Я буду обсуждать вооружение Германии, только когда будут получены гарантии того, что защищать надо всю Германию». Он настаивал на том, что немцы не должны прикрывать отход американских войск в случае успехов русских в будущей войне. Надсмехаясь над американскими официальными лицами, он заявил, что в случае возникновения военного конфликта «лично покажет русским дорогу на Рейн», и пообещал, что его товарищи по Социалистической имперской партии «встанут регуляторами на перекрестках, указывая русским, как быстрее передвигаться по Германии»¹¹¹.

В попытке перехватить инициативу у Социалистической имперской партии и избежать снижения личной популярности, канцлер Аденауэр стал горячим защитником Общества взаимопомощи и других ветеранских организаций. В первый год пребывания в должности он заверил делегацию

отставников вермахта в том, что его правительство «энергично противодействует всем попыткам очернения бывших военнослужащих». Что касалось *Waffen SS*, то Аденауэр заверял, что «они были такими же солдатами, как и все остальные». Его заигрывания с группой избирателей, испытывавших сомнения в целесообразности быстрой ремилитаризации на американских условиях, привели, в частности, к щедрой государственной поддержке ультранационалистических публикаций. Одно из финансирувавшихся Бонном изданий «*Deutsche Soldaten-Zeitung*», связанное с Обществом взаимопомощи, было запрещено в Австрии из-за «открыто пангерманского и неонацистского» содержания¹¹².

Многие ветераны поддались на убеждения Аденауэра, которые только укрепляли широко распространенное мнение о том, что Гитлер был прав в своей оценке советской угрозы, а союзники пошли по ложному пути. Проводившаяся США во времена «холодной войны» политика способствовала возрождению ревизионистских мифов, укреплявших склонность немцев воздерживаться от оценки своего прошлого¹¹³. Таким образом было оправдано соучастие германского Генерального штаба и армии в приходе Гитлера к власти и реализации планов геноцида. Вместо того чтобы понести наказание за свои преступления, многочисленные старшие офицеры эпохи Гитлера получали назначения от Аденауэра и его помощников, готовивших военные планы¹¹⁴.

Споры о ремилитаризации проходили в напряженной атмосфере, вызванной войной в Корее. Там американским солдатам впервые пришлось столкнуться на поле боя с коммунистами. Отзвуки корейского конфликта были слышны по всей линии соприкосновения Востока и Запада, в особенности в Германии, где американские солдаты стояли лицом к лицу с русскими. По мнению творцов американской политики, время не позволяло Бонну колебаться в выполнении своих обязательств перед Западом. На волне вторжения китайской армии в Корею и первого испытания Советским Союзом атомной бомбы американские военные стратеги открыто говорили, что вооружение Германии играет принципиально важную роль в спасении Западной Европы от коммунизма.

Американская паранойя и в этот раз подогревалась генералом Рейнхардом Геленом, пытавшимся убедить своих американских партнеров, что события в Корее — это генеральная репетиция советского вторжения в Западную Европу. Парадоксально, что США опасались противоположного развития событий — внезапного решения России вывести свои войска из Восточной Германии с тем, чтобы помешать наращиванию американского военного присутствия на Западе и подорвать тем самым еще не оперившу-

юся Организацию Североатлантического договора (НАТО). Несмотря на все более сомнительную репутацию Гелена, его шпионская организация продолжала играть ведущую роль и в новом союзе, предоставляя НАТО две трети всей информации о странах Варшавского договора¹¹⁵.

Еще до корейской войны Гелен разработал планы по возрождению немецкой армии. Важную роль в этой работе играл Адольф Хойзингер, в прошлом высокопоставленный офицер вермахта, переживший взрыв 20 июля (за это Гитлер наградил его серебряной медалью). Вместе с Геленом Хойзингер заложил основы будущего Генерального штаба. Он стал сначала главным военным советником Аденауэра, а затем председателем Постоянного военного комитета НАТО в Вашингтоне. В сентябре 1950 года канцлер предложил, чтобы Западная Германия создала квазиевровые «защитные полицейские силы» численностью в 150 тысяч человек. Этот шаг рассматривался в качестве первого этапа создания новой полноценной армии Западной Германии¹¹⁶.

В том же месяце, когда эта идея была высказана Аденауэром, группа германских аналитиков, работавших в Мадриде, выпустила для служебного пользования доклад, анализирувавший ситуацию в мире в свете корейского конфликта. Неофициально известный под именем «Германский геополитический центр», этот аналитический орган объединял в своих рядах группу ветеранов Третьего рейха, в основном из Министерства иностранных дел Риббентропа, в середине 1940-х годов нашедших себе работу в Испании. Признавая, что война в Корее «может принести Германии большие возможности, в случае если страна будет проводить благоразумную внешнюю политику», они предоставили наброски плана, имевшего целью трансформировать выгодное географическое положение Германии — в центре Европы — в сильную переговорную позицию.

В прошлом место Германии в качестве моста между Востоком и Западом приводило к проблемам и в немалой степени способствовало постоянному кризису идентичности страны. Однако работавшие в Мадриде аналитики полагали, что эта историческая уязвимость может быть превращена в тактический актив. Для этого требовалось умело маневрировать между сверхдержавами-соперницами, получая от них уступки в ответ на угрозы перехода в другой лагерь. В последние дни Второй мировой войны подобного образа действий с определенным успехом придерживались бригадфюрер SS Вальтер Шелленберг и другие нацистские шпионы.

В немецком языке существует специальное понятие «политика качелей» (Schaukelpolitik), обозначающее постоянные перемещения вперед-назад или игру на противоречиях сторон. Мадридский документ достаточно не-

двусмысленно говорил об этом: «Германия в максимальной степени воспользовалась напряжением между Востоком и Западом и должна продолжать усилия в этом же направлении... Янки хотят дорого заплатить за нашу помощь. Это с неопровержимостью доказывают все предназначенные для служебного пользования доклады, которые нам удалось добыть из кругов, близких к американскому Верховному комиссару». Побуждаемые своим антисоветским фанатизмом, американцы «стали обращаться за советами к нашим генералам, которых они раньше называли преступниками». Однако немецкий народ «не будет защищать Европу до тех пор, пока к нему относятся как к побежденному». Ввиду подобных соображений циркуляр рекомендовал действовать так, чтобы «выжимать уступки от победителей» с целью восстановления суверенитета Германии. «Американцы хотят, чтобы мы сейчас присоединились к ним для защиты Европы и стали их союзниками. Это усилит наши переговорные позиции в отношениях с русскими», — объяснялось в документе¹¹⁷.

Стратегия качелей в том виде, как она была сформулирована в этом масштабном документе, призывала немецких националистов «с осторожностью относиться к обеим сторонам, чтобы не оказаться проглоченным одним из колоссов. Долларовый империализм не менее агрессивен и безрассуден, чем коммунизм... Нам не следует обольщаться глупыми и бессмысленными лозунгами Вашингтона о “борьбе демократии против коммунизма”. Так называемая американская демократия не стоит жизни даже одного немецкого солдата». В документе также содержался эскиз независимой внешней политики, которая позднее привела к формированию сообщества стран третьего мира. В соответствии с этой политикой вновь возникающие государства могут получать преимущества, играя на противоречиях между Востоком и Западом. Предсказывая «грядущее восстание арабского мира», мозговой центр приходил к выводу, что Германии следует сосредоточиться на создании «нового политического блока» в Азии, Африке и Латинской Америке.

Работавшие в Мадриде коллеги Скорцени распространили документ среди влиятельных немцев в Бонне и в других странах мира. Тем временем бывшие сотрудники Риббентропа, оказавшиеся в Испании, продолжали поддерживать тесные связи со своими нацистскими коллегами — также учениками Риббентропа, которые теперь возглавляли Министерство иностранных дел Аденауэра. Это было своего рода братство, которое не утратило связи после Второй мировой войны в условиях, когда одни его члены продолжали официально работать на правительство Западной Германии, а другие находились в изгнании. Посредником между Бонном и неонацистской сетью в Испании выступал генерал Гелен, специальные задания которого

время от времени выполнял Скорцени. Позднее он сыграл свою роль в закулисных переговорах Испании и Западной Германии относительно создания на Иберийском полуострове совместной военной промышленности и даже открытия в Испании западногерманских военных баз вне ведения НАТО¹¹⁸.

Следуя советам МИД, Аденауэр занял достаточно жесткую позицию в отношениях с Верховным комиссаром Макклоем, настаивая на крупных уступках в вопросах суверенитета в обмен на сотрудничество с США и западным союзом. Канцлер последовательно добивался прекращения оккупации как таковой. Он надеялся максимально ускорить этот процесс, используя в качестве одного из главных козырей ремилитаризацию. Некоторые даже называли его «настоящим Макклоем», поскольку складывалось впечатление, что он манипулирует Верховным комиссаром. Макклоя все больше раздражала привычка канцлера увязывать любой вопрос со вкладом Западной Германии в укрепление обороны. Требования включали «полное восстановление суверенитета Германии в отправлении правосудия», разрешение устанавливать консульские и торговые отношения со всеми странами, с которыми правительство сочтет нужным это сделать, снятие ограничений на научные и промышленные исследования¹¹⁹.

Канцлер настаивал также на освобождении нескольких сотен военных преступников, все еще находившихся в заключении в Западной Германии, предупреждая, что поддержка перевооружения будет серьезно ослаблена, если не проявить снисходительность в вопросе о содержащихся под стражей. На повестке дня стояло будущее некоторых из самых отъявленных преступников времен Гитлера, включая офицеров SS Зеппа Дитриха и Иоахима Пайпера, осужденных военным судом США за руководство «бойней в Мальмеди» в ходе сражения в Арденнах. Тогда эсэсовцы расстреляли 71 безоружного американского военнопленного.

Аденауэр направил к Макклою своего главного военного советника генерал-лейтенанта Адольфа Хойзингера. Тот заявил с обезоруживающей прямотой, что освобождение солдат — это необходимая предпосылка для присоединения Западной Германии к западному оборонительному союзу. Аналогичное заявление поступило и из Мадрида, от Скорцени. «Если Пайпер умрет, сделки не будет, — угрожал он. — Мы предоставили себя в распоряжение американцев по своей доброй воле, даже с некоторым энтузиазмом. Однако я повторяю от имени всех германских офицеров, работающих во имя будущей победы Запада: если Пайпер умрет, мы и пальцем не пошевелим, чтобы помочь вам. Мы перейдем на противоположную сторону»¹²⁰.

В Вашингтоне сенатор Джозеф Маккарти развернул масштабную кампанию по пересмотру решений суда по делу Мальмеди. Он утверждал, что

критически важные для обвинения показания были получены в результате пыток немецких заключенных. Как утверждалось, у некоторых из них американские следователи повредили половые органы. Своими стараниями Маккарти завоевал определенную популярность. Вскоре именно он начнет знаменитую антикоммунистическую «охоту на ведьм». По иронии судьбы Маккарти основывал свои ложные утверждения на сведениях, полученных от доктора Рудольфа Ашенауэра, немецкого юриста. Последний был тесно связан с SRP Ремера и послевоенным нацистским подпольем, ранее представлявшим интересы ряда обвиняемых в ходе Нюрнбергского процесса¹²¹.

Получая удары со стороны всех немецких националистических групп, Верховный комиссар начал размышлять над просьбами об объявлении полной амнистии всем еще остававшимся в заключении преступникам, даже тем, кто обвинялся в массовых убийствах. Макклой был не из тех, кто уклонялся от непопулярных решений. Во время Второй мировой войны он выступал за интернирование американцев японского происхождения, однако в то же время был противником еврейской иммиграции в США. Он также успешно противодействовал ударам союзных сил по железнодорожным путям, с помощью которых обслуживались нацистские лагеря смерти, под тем предлогом, что подобные действия отвлекут средства «от решающих операций в других местах». Теперь ему предстояло решить проблему с осужденными нацистами ввиду решимости США возродить военную машину Западной Германии.

В январе 1951 года Макклой заявил о смягчении приговоров в 74 случаях из 104. Было оставлено в силе только пять смертных приговоров. Сроки заключения Зеппа Дитриха и Иоахима Пайпера были сокращены. Через несколько лет оба были амнистированы. Другие военные преступники SS, как, например, доктор Франц Зикс (командир «эскадрона смерти» на Восточном фронте), сразу после выхода на свободу присоединились к «Организации Гелена». По милости Макклоя на свободе оказались несколько высокопоставленных судей, работавших на нацистов и выносивших во времена Третьего рейха приговоры по указанию гестапо. Они возобновили свою деятельность в Западной Германии. Некоторые из этих судей бывшего Народного трибунала ранее выносили смертные приговоры за шутку в отношении Гитлера или сексуальные контакты с евреями. Из исправительных учреждений также вышли на свободу врачи, проводившие бесчеловечные эксперименты с узниками гитлеровских концлагерей¹²².

За пределами Германии подобное милосердие Макклоя вызвало шок и возмущение. Всего через пять с небольшим лет после окончания войны нацистские преступники такого масштаба вновь оказались на свободе.

Наибольшее возмущение вызвало освобождение Альфреда Круппа, чья гигантская сталелитейная компания помогла финансировать путь Гитлера к власти. Известный среди немецких промышленников под именем «супернаци», Крупп обвинялся в грабеже оккупированных территорий и использовании в годы войны рабского труда для повышения доходов компании. В дополнение к амнистированию стального магната Макклой также отменил ордер о конфискации имущества, восстановив не только промышленную империю, но и статус Круппа как одного из богатейших людей мира. Сияющий Крупп вышел из тюрьмы Ландсберг и отметил это событие шампанским в кругу своих сторонников. Илзе и Отто Скорцени сразу включили Krupp Steel в число своих наиболее привилегированных клиентов, став представителем компании в Испании и Южной Америке. Вскоре на предприятиях Круппа началась сборка реактивных истребителей и прочих необходимых вооружений для наращивания военной мощи Америки в годы «холодной войны»¹²³.

Шпион, не вернувшийся назад

Иосиф Сталин, глядя на то, как по приказу США и НАТО западно-германская военная машина начинает заводиться и прогревать двигатель, в очередной раз пережил кошмар англо-германского стратегического союза. Кремль осудил «планы воссоздания фашистского вермахта под руководством Америки», однако слова не могли остановить усилий Аденауэра и Макклой по встраиванию Федеративной Республики Германия в антикоммунистический военный союз. Западные державы уже приступили к «согласованию деталей контракта» с правительством Бонна относительно вопросов суверенитета.

Встревоженные быстрым развитием событий советские руководители решили прибегнуть к припрятанному козырю. В марте 1952 года они бросили Западу перчатку в форме «мирной бомбы», рассчитывая разрушить планы НАТО и пустить под откос процесс ремилитаризации. Сталин поддержал объединение Германии вместе с проведением свободных выборов и установлением границы по Одеру и Нейсе. Предложение было сделано в форме дипломатической ноты, указывавшей, что Германии будет разрешено иметь собственную армию и военную промышленность, будут сняты все ограничения на торговлю и промышленное развитие страны, а все иностранные войска будут выведены с территории страны в течение года с момента заключения соглашения. Нота также призывала полностью

восстановить гражданские и политические права «для всех бывших военнослужащих германской армии, включая офицеров и генералов, [и] всех бывших нацистов, за исключением отбывающих наказание по приговору суда за военные преступления». Единственным условием, на котором настаивал Советский Союз, было неучастие объединенной Германии в любых военных договорах со своими бывшими противниками или «присоединение к любой коалиции или военному союзу, направленному против любой державы, принимавшей своими вооруженными силами участие в войне против Германии». Не подлежащим обсуждению краеугольным камнем советского плана был нейтралитет¹²⁴.

Сталин совершенно верно предположил, что подобное радикальное предложение заставит колеблющихся отбросить сомнения и возбудит нейтралистские настроения в Западной Германии. Образ единой Германии был невероятно привлекателен. Опросы общественного мнения, проведенные аппаратом Верховного комиссара США, показывали, что большинство выступает за замораживание переговоров с Западом и внимательное изучение советского предложения. По данным некоторых исследований, отношение числа сторонников объединения к приверженцам идеи «вестернизации» было два к одному. Даже некоторые члены Христианско-демократического союза Аденауэра с одобрением отнеслись к советской ноте. В конце концов, все предложение целиком выглядело достаточно заманчиво: объединение и самоопределение без войны, германская армия под национальным, а не иностранным командованием, огромный потенциальный рынок для германской промышленности в СССР и странах Восточной Европы. Это было привлекательной перспективой по сравнению с американским планом, включающим увековечивание разделения страны, сохранение западногерманской армии в руках США и отказ от возвращения хотя бы части утраченных в ходе войны земель¹²⁵.

В течение года Сталин еще дважды выдвигал это предложение, и оба раза Аденауэр и Макклой отклоняли его под предлогом, что речь идет о пропагандистском трюке — посеять раздор в западном союзе. В то же время в частных беседах озабоченные сотрудники Государственного департамента признавали, что советская нота «является продуктом продуманной политики, а никак не пропагандистским шагом». Одним жестом разыгранный русскими гамбит привел бы к тому, что вся ответственность за разделение Германии была бы возложена на Соединенные Штаты. Разработчики американской политики внезапно осознали, что их загнали в угол. Они попытались найти выход, утверждая, что только избранное демократическим путем правительство Германии может принять решение о том, объединяться ли

ему с какой-нибудь из сверхдержав. Опасаясь, что нейтралитет Германии «в большей степени отвечает советским, нежели американским планам... и легко подвержен манипулированию с Востока», Государственный департамент отказался удовлетворить требования русских по этому вопросу. Недоверие американцев к Германии было слишком велико, чтобы пойти на подобную сделку. Шанс положить конец «холодной войне» был упущен¹²⁶.

Возрождение нейтралистских рассуждений, вызванное советской нотой, было просто кладом для генерал-майора Отто-Эрнста Ремера и его Социалистической имперской партии. Они рассматривали предложение русских как основу для настоящих переговоров и поносили Аденауэра за его упорную непримиримость. Социалистическая имперская партия оказалась в хорошей компании, так как противодействие американским планам по перевооружению Германии объединило весь спектр политических партий страны — от искренних пацифистов, уставших от войны, до социал-демократов, коммунистов и радикальных нацистов. Безумная смесь групп и фракций, составлявшая нейтралистское движение, порой приводила к очень странным политическим союзам. Так, например, Социалистическая имперская партия начала действовать совместно с Коммунистической партией Германии (Kommunistische Partei Deutschlands, KPD).

В мае 1951 года председатель SRP Фриц Дорлс (Fritz Dorls) встретился с лидерами KPD в попытке укрепить сотрудничество, направленное против Аденауэра. Обе партии выступали против интервенции США в Корее. Однако KPD, послушный инструмент советской внешней политики, не оказывала особого влияния на политику Западной Германии. SRP, напротив, была активно развивающейся структурой, популярной в широких массах и использующей нейтралитет в целях, отличных от целей коммунистов. Ремер и его коллеги поддерживали стратегические отношения с Советским Союзом. Они надеялись достичь объединения фатерланда, в будущем вооруженного до зубов и использующего свое выгодное географическое положение между Востоком и Западом для выхода на доминирующие позиции в Европе. «Единственная угроза нашим планам, — говорил Дорлс, — это взаимопонимание между США и Россией. Если подобное случится, то мы, конечно, проиграем. Но такого просто не может быть»¹²⁷.

Дорлс и другие деятели Социалистической имперской партии иногда пересекали границу между двумя сверхдержавами для тайных встреч с представителями восточногерманского «Национального фронта». Он был создан Советами в качестве своего рода половой тряпки, которая впитала бы в себя бывших нацистов, армейских офицеров и прочих лиц, замаранных сотрудничеством с гитлеровским режимом. Находившийся под присталь-

ным наблюдением коммунистов, «Национальный фронт» был одним из нескольких националистических формирований, возникших в советской оккупационной зоне после внезапного объявления русскими в 1948 году об окончании процесса денацификации¹²⁸.

Не вызывает никаких сомнений, что Советский Союз, понесший в годы Второй мировой войны наибольшие потери в ходе боевых действий, а также в лагерях для военнопленных и концентрационных лагерях, более тщательно, чем его западные союзники, ограждал государственные структуры от ветеранов Третьего рейха и активнее привлекал к суду нацистских военных преступников. Своих постов лишилось свыше полумиллиона бывших членов нацистской партии, а 13 тысяч военных преступников было осуждено к отбыванию длительных сроков наказания в восточногерманских тюрьмах. Однако по мере расширения «холодной войны» и первых шагов Соединенных Штатов по перевооружению Германии советская политика изменялась¹²⁹.

Вскоре Восточная Германия вступила на новый «националистический путь», а бывшие гитлеровцы, «искупившие вину честным трудом», вернулись обратно в общество. Практикуя переход в коммунистический лагерь, бывшие нацисты получили возможность немедленной реабилитации. Многие люди с темным прошлым вступили в ряды восточногерманской полиции и службы госбезопасности Штази (Staatssicherheitsdienst). Хотя и меньший по масштабам, чем в Западной Германии, возврат во власть многочисленных ветеранов гестапо, SS и вермахта заставил аналитика Госдепартамента заметить: «СССР решил пойти на риск, смирившись с бывшими нацистами в ожидании, что их можно будет использовать в прокоммунистической или, по крайней мере, полицейской и военизированной деятельности. Это может стать ящиком Пандоры и создать непредвиденные последствия для тщательно составленных советских планов». О том, что «ящик Пандоры» в Бонне уже готов, речи не шло¹³⁰.

Представители Социалистической имперской партии общались не только с бывшими нацистами, но и напрямую с русскими властями Восточной Германии. «Я посылал туда своих людей, — признавался Ремер многие годы спустя. — Всех их принимали в советской штаб-квартире в Панкове». В то время руководители SRP не склонны были афишировать эти связи. Обе стороны отбросили идеологические противоречия в интересах тактических соображений. Видимо, советская разведка считала неонацистскую SRP более оправданным финансовым вложением, нежели неэффективную Коммунистическую партию Германии. С другой стороны, нуждавшаяся в средствах SRP была готова «танцевать» с русскими. «Это один из забавных моментов

немецкой послевоенной истории, — объяснял один из близких соратников Ремера. — В начале 1950-х годов Социалистическая имперская партия финансировалась Россией, а Коммунистическая партия Германии — нет»¹³¹.

В Государственном департаменте подозревали, что Социалистическая имперская партия имеет какие-то тайные сношения с Советами. «Это первая значительная партия, демонстрирующая осязаемые признаки заигрывания с коммунистами», — предупреждал один из сотрудников Госдепартамента в декабре 1950 года. Через несколько месяцев другой документ Госдепартамента утверждал: «У SRP сложилась репутация организации, связанной с Востоком». Эти подозрения нашли свое подтверждение после того, как некоторые местные деятели SRP покинули партию, узнав о ее связях с советским блоком. Работавший в Берлине сотрудник Госдепартамента пришел к выводу: «Социалистическая имперская партия, несмотря на приверженность правому радикализму, получает помощь от властей Восточной Германии. В обмен на это они придерживаются линии коммунистов по таким вопросам, как нейтралитет. Предполагается, что коммунисты также используют потенциал SRP в качестве элемента дестабилизации Западного Берлина»¹³².

Как выяснилось позднее, Социалистическая имперская партия была далеко не единственной радикально националистической организацией, получавшей поддержку с Востока. Канцлер Аденауэр прекрасно знал, что даже в Германской партии, входившей в первую правящую коалицию в западногерманском Бундестаге, можно было обнаружить правых экстремистов, плясавших под советскую дудку. Бывший штурмбаннфюрер SS Фриц Брем (Fritz Brehm), видная фигура в баварском отделении партии, играл заметную роль в деятельности ряда продвигавших национально-нейтралистскую линию газет, которые финансировались Востоком¹³³.

Излишне говорить, что далеко не все неонацисты, придерживавшиеся антиамериканских взглядов, были платными агентами СССР. Курт Таубер объяснял: «Некоторые радикальные националисты по той или иной причине стремились к тому, что рассматривалось русскими стратегами как первоочередная цель. Поскольку они сами делали то, что было нужно Советам, коммунистам не было необходимости специально ублажать или подкупать их. В ряде других случаев сами радикальные националисты — опять же по самым разным причинам — искали возможность выйти на власти Восточной зоны или на русских»¹³⁴.

В то время как представления Ремера о независимой послевоенной Германии были связаны с поворотом на Восток, многие бывшие нацисты твердо верили в то, что союз с западными державами откроет наиболее за-

манчивые возможности для восстановления национального могущества. Эти взаимоисключающие взгляды привели к странной и до некоторой степени ироничной расстановке сил: с одной стороны, были такие люди, как Гелен и Глобке, действовавшие официальным путем и работавшие с западными разведслужбами, которые поддерживали авторитарных фанатиков и антидемократов; с другой стороны — Социалистическая имперская партия и подобные ей фанатики, которые иногда были связаны с коммунистами. Некоторые бывшие нацисты перемещались из одного лагеря в другой в зависимости от того, что представлялось более выгодным в конкретной ситуации.

Подобное бурление в среде радикальных националистов прекрасно демонстрирует специфическая судьба «Братства» («Bruderschaft»). Это была отчасти политическая, отчасти мистическая тайная организация, состоявшая из бывших членов гитлерюгенда, офицеров вермахта и SS. Основанная в 1949 году как военизированная в количестве 2500 членов, организация установила тесные рабочие связи с Социалистической имперской партией, а также поддерживала отношения с неонацистскими группами в Южной Америке, на Ближнем Востоке, в странах Европы. Она участвовала в работе «подпольной железной дороги», позволившей военным преступникам и другим беглецам из Третьего рейха обосноваться за границей. «Ввиду сравнительно небольшого числа членов, — сообщал Государственный департамент, — “Братство” не надеется когда-либо достичь своих целей в рамках демократических процессов»¹³⁵.

Альфред Франке-Грикш (Alfred Franke-Gricksch), бывший офицер SS и главный идеолог «Братства», являлся ярким сторонником концепции «Европа как третья сила». Действуя во многом аналогично SRP, он выступал за договор о ненападении с Советским Союзом. По приглашению генерал-лейтенанта Винсенца Мюллера, вице-председателя возглавлявшейся коммунистами Национал-демократической партии, действовавшей в Восточной Германии, Франке-Грикш совершил несколько поездок в советскую оккупационную зону, где провел ряд встреч для координации общей борьбы за объединение страны. Он быстро установил связи с советской военной администрацией и властями восточной зоны. Американское консульство в Бремене в своем еженедельном разведывательном отчете сообщало, что Франке-Грикш обсуждал свои поездки на Восток с Отто Скорцени, важной персоной в «Братстве»¹³⁶.

В то же время восточную зону посещал основатель и сопредседатель «Братства» Хельмут Бек-Бройшиттер (Helmut Beck-Broichsitter), но это было лишь частью той опасной двойной игры, которую вел этот человек. Будучи весьма деятельной личностью, Бек вел закулисные переговоры с Востоком, в то же самое время предлагая свои услуги американцам. В нескольких слу-

чаях он вел продолжительные переговоры с сотрудниками Госдепартамента, пытаясь заинтересовать их предложениями о создании военизированных подпольных формирований, отобранных самим «Братством», с целью противодействовать «красному террору» на территории Западной Германии. Курировавший его сотрудник американского консульства в Гамбурге вскоре узнал, что Бек и Франке-Грикш, не придя к единому мнению о том, на чью сторону встать в конфликте между Востоком и Западом, оказались вовлечены в крупный спор, приведший к расколу «Братства» на конфликтующие фракции и в конечном итоге погубивший организацию. Их вражда, как личная, так и политическая, была весьма характерна для радикальных группировок в рамках ультранационалистического движения с их постоянными расколами и слияниями¹³⁷.

По сообщениям, поступавшим в Государственный департамент из разных источников, Бек часто жаловался, что из-за щедрости восточных покровителей его соперник получает больше средств, нежели он сам. Бек также обвинял Франке-Грикша в вымогательстве денег у западногерманских промышленников, желавших таким образом оплатить свою защиту в случае советского вторжения. В ходе еще одной беседы Бек сообщил, что и он тоже «получал предложения о финансовой помощи» от советской стороны. Однако проницательный американский чиновник пришел к выводу, что тот всего лишь пользовался подобным рычагом в попытке получить деньги от американцев. «Бек пытается достичь своей цели окольными путями», — делал вывод Госдепартамент¹³⁸.

Подобные махинации не сулили ничего хорошего Франке-Грикшу, поскольку сведения о сотрудничестве Бека с американской разведкой вскоре стали известны русским. Подозревая, что «Братство» нафаршировано американской агентурой, советские власти начали с подозрением смотреть на Франке-Грикша. В октябре 1951 года он бесследно исчез в Восточном Берлине. Его жена, пытавшаяся разыскать мужа, также пропала. Через несколько лет она вернулась в Западную Германию и сообщила о том, что Франке-Грикш был приговорен к смерти советским военным трибуналом. Несколько десятилетий спустя сын Франке-Грикша станет известной фигурой в неонацистских кругах¹³⁹.

Золотые наручники

Загадочный конец Франке-Грикша показал, насколько высоки были ставки в шпионских драмах «холодной войны», разворачивавшихся на гер-

манской земле. Ветераны Третьего рейха практиковали свои навыки рыцарей плаща и кинжала по обе стороны границы, разделявшей сверхдержавы. Тайные попытки нацистов наладить связи с СССР после падения Третьего рейха составили целую главу в исторической драме с участием Германии и России.

Пруссия, ядро германского национального государства, постоянно смотрела на Восток. Это было многолетней традицией Генерального штаба, рассматривавшего Россию в качестве естественного союзника со времен вступления на трон Фридриха Великого в середине XVIII века. Несколько свадеб среди членов царствующих домов объединили прусскую монархию и Российскую империю. Важность этого геополитического союза была вновь подчеркнута в начале 1800-х годов, когда царская армия помогла Пруссии разгромить Наполеона. Богатая ресурсами Россия нуждалась в германских промышленных товарах, а Германия жаждала русского сырья. Две страны вели между собой оживленную торговлю со времен Бисмарка и до начала Первой мировой войны.

Униженная и озлобленная результатами Версальского договора Германия пошла на секретную сделку с осажденной Советской Россией, также отвергнутой победоносными западными державами. В попытке обойти предусмотренные Версальским договором ограничения на развитие вооруженных сил возглавляемый прусскими офицерами рейхсвер (название германской армии) с первых лет после русской революции начал сотрудничать с еще не оперившейся Красной армией. Консервативная прусская военная элита постоянно подчеркивала, что, невзирая на идеологические различия, национальные интересы Германии и России во многом совпадают. К взаимной выгоде обеих государств партнерство Германии и России было закреплено заключенным в апреле 1922 года договором в Рапалло¹⁴⁰.

В дни заключения договора в Рапалло укрепление связей с Россией встретило поддержку представителей всего политического спектра постверсальской Германии, включая и некоторых радикальных националистов, которые стали рассматривать себя как «правые большевики» или «национал-большевики». Опасаясь, что германский дух будет развращен американизацией, эти идейные диссиденты считали парламентскую демократию чужеродным изобретением, которому следует сопротивляться любой ценой. Это было очевидным для писателя Д. Г. Лоуренса, посетившего Германию в 1924 году. «Германский дух вновь склоняется на Восток, к России», — отметил он¹⁴¹.

В критическое десятилетие накануне прихода к власти Гитлера в Германию проникло несколько разновидностей фашизма ненацистского толка. Воспитанные в глубоко укоренившейся культуре отчаяния Освальд

Шпенглер, Артур Меллер ван ден Брук, Эрнст Юнгер и другие популярные критики, ассоциировавшиеся с идеями так называемой Консервативной революции, оплакивали распад традиционного общества и утрату народных корней. Настаивая на замене Веймарской республики диктатурой, эти погруженные в задумчивость пророки, по словам историка Фрица Штерна, «нападали, порой остро и справедливо, на недостатки германской культуры и германского духа». Они помогли создать тот интеллектуальный и психологический климат, который подготовил основу для движения нацистов, «собравшего воедино миллионы недовольных, о существовании которых так долго говорили консервативные революционеры и с целью облегчения участи которых были разработаны столь опасные и неопределенные идеи»¹⁴².

Многие ведущие мыслители Консервативной революции одобряли геополитический союз с большевистской Россией. Эту страсть разделял и Йозеф Геббельс — молодой политический подстрекатель, ставший лидером ориентированного на Восток крыла нацистской партии. Геббельс хвалил Советский Союз, называя его «союзником, данным самой природой, чтобы противостоять дьявольским искушениям и коррупции, надвигающимся с Запада». Однако договор о ненападении, заключенный Гитлером и Сталиным в августе 1939 года и с энтузиазмом встреченный в кругах прусских офицеров, на деле оказался лишь временной передышкой¹⁴³.

Несмотря на предупреждения своих военных советников, Гитлер ввязался в войну на два фронта. По иронии судьбы значительная часть оружия, сравнявшего с землей советские города в годы Второй мировой войны, была произведена на советских фабриках в рамках договора, заключенного в Рапалло. Сталинградская катастрофа лишней раз напомнила многим ветеранам Третьего рейха справедливость указания Бисмарка на то, что Германия не должна позволять своим интересам конфликтовать с интересами России. Такой же точки зрения, вне всякого сомнения, придерживались генерал-майор Отто-Эрнст Ремер и руководители Социалистической имперской партии.

Вспоминая о Рапалло, до сих пор остающемся примечательным символом и лозунгом в германо-российской дипломатии, Ремер подчеркивал, что национальные интересы Германии требуют договора с Востоком, на этот раз на основе советских предложений от марта 1952 года. Парадоксально, но жесткая просоветская позиция Ремера могла сыграть на руку тем немецким националистам, которые склонялись в пользу сотрудничества с Западом, пока им удавалось получать от Соединенных Штатов политические уступки.

Одновременно с тем, как угроза нового Рапалло бросала тень на американские планы по ремилитаризации Германии, Аденауэр осуществлял

нажим на Верховного комиссара Макклоя с целью достичь дополнительных компромиссов в ходе обсуждения всеобъемлющего договора, который должен был гарантировать независимость Федеративной Республики. «Время работает на нас, — заявил канцлер группе своих ближайших сподвижников в Бонне. — Требование американцев создать немецкую армию рано или поздно заставит западные державы уступить нашим требованиям»¹⁴⁴.

Макклой патологически боялся, что Западная Германия выйдет на нейтральную орбиту, если он отклонит просьбы Аденауэра. Поэтому он сдался практически по всем пунктам. Так называемый «Общий договор» был подписан в мае 1952 года. В нем предусматривались полномочия Бонна в области внутренней и внешней политики. Со своей стороны, Аденауэр согласился усилить силы обороны Европы 12 дивизиями. Суверенитет Западной Германии, до некоторой степени ограниченный старыми привилегиями союзных держав и новыми обязательствами перед НАТО, вступил в силу тремя годами позже.

Пользуясь вновь обретенной свободой, Бонн вскоре принял закон, позволяющий бывшим членам SS вступать в армию Западной Германии в звании, какое было у них в годы Второй мировой войны. Глава Общества взаимопомощи (НИАГ) Курт Мейер (по прозвищу Танк, Kurt «Panzer» Meyer) с энтузиазмом встретил позднее признание. «Да, друзья, — заявил он на встрече ветеранов SS, — эта Федеративная Республика — действительно наше государство». Бундесвер, как была названа новая армия, возглавлялся во многом теми же генералами, которые сделали свою карьеру в гитлеровском вермахте. Ветераны войны и бывшие нацисты получили щедрые государственные пенсии, а промышленники (включая делового партнера Скорцени Вилли Мессершмитта) — щедрые контракты на производство оружия для НАТО и западногерманских военных. Само существование в ФРГ оружейной промышленности было тщательно охраняемой тайной на протяжении всех 1950-х и 1960-х годов¹⁴⁵.

Однако какими гарантиями располагало правительство США относительно того, что возрожденная армия Западной Германии послужит надежным бастионом против Советского Союза? Станет ли сильная Западная Германия надежным союзником? Макклой ставил под вопрос политическую надежность немцев, однако это еще в большей степени заставляло его придерживаться курса, проводимого Аденауэром. Верховный комиссар считал предпочтительным пойти на риск, связанный с «холодной войной», нежели иметь дело с нейтральной и объединенной Германией, даже если в результате значительная часть страны оставалась под контролем коммунистов. Он не хотел неопределенностей, которые могла таить в себе ничем

не сдерживаемая и находящаяся вне союзов страна, которая способна была снова пустить в ход «политику качелей», играя с Востоком против Запада и наоборот, в итоге доминируя на континенте. Поэтому американские официальные лица придерживались политики двойного сдерживания, с одной стороны, надевая на Западную Германию золотые наручники, а с другой — ограничивая устремления Советского Союза. «Внешне НАТО была западным союзом, направленным на сдерживание СССР, — объяснял американский ученый Уолтер Рассел Мид. — На деле он имел еще одну задачу — сдерживать Германию». Историки Джойс и Габриэль Колко заявляют: «Основой этой комбинации было защитить Запад скорее от Германии, нежели от Советского Союза»¹⁴⁶.

Американские официальные лица полагали, что закрепление Бонна в атлантической системе послужит наилучшей преградой от возможного возврата националистических и ирредентистских настроений. Подобное развитие событий предвидел Макклой. «Всесокрушающая сила режима национал-социалистов заставляет многих бывших чиновников тосковать по власти, — сообщил Верховный комиссар в своем отчете за последний квартал 1952 года. — Скрытые тенденции националистического экстремизма могут привести к созданию политической комбинации, которая снова толкнет Германию на опасную авантюру». Однако он готов был рискнуть, предположив, что со временем, если будет продолжаться экономическое возрождение и рост уровня жизни, немцы смогут избавиться от своей навязчивой фёлькиш-идеи¹⁴⁷.

Первые признаки процветания Западной Германии показали привлекательность «золотых наручников», особенно в сравнении с поддержанными СССР репрессиями в Восточной Германии, где в июне 1953 года было быстро подавлено восстание рабочих. Выступавшие за нейтралитет неонацисты были ослаблены терзавшими их расколами. В конце концов споры о ремилитаризации вызвали острые противоречия. Они серьезно ослабили антикоммунистическую оппозицию Аденауэра, особенно после того, как он привлек на свою сторону правых лидеров министерскими постами и другими посулами. Раздавая пряники, канцлер не забывал и о кнуте, который предназначался неисправимым, таким как Отто-Эрнст Ремер и его Социалистическая имперская партия.

Находившиеся под пристальным наблюдением западных разведывательных агентств несколько руководящих членов Социалистической имперской партии были осуждены по различным обвинениям — от клеветы на Федеративную Республику до срывания западногерманского флага. Сам Ремер в 1951 году попал на четыре месяца в тюрьму, поскольку публично оскорбил

Аденауэра и других официальных лиц из Бонна. Отмечая «довольно странную реакцию» на приговор, американский вице-консул в Бремене сообщил, что все политики, с которыми удалось пообщаться представителям консульства, «...в частных беседах критиковали это решение, хотя все они и утверждали, что являются противниками Ремера... Общее впечатление таково, что Ремер сейчас превратится в жертву, и это пойдет на пользу его партии»¹⁴⁸.

Сам Ремер умело оборачивал в свою пользу трудности, с которыми ему приходилось сталкиваться, и сравнил преследования, которым он подвергался, с судьбой Иисуса Христа. Он назвал Верховного комиссара Макклоя «Понтием Пилатом, подвигшим Ирода на то, чтобы распять Социалистическую имперскую партию». Ремер полагал, что Макклой ополчился на него ввиду «последовательно проводимой SRP линии против ремилитаризации и приверженности Атлантическому договору». Параллель Ремер — Христос проявилась еще раз, когда он заявил: «Если нас запретят, мы, подобно ранним христианам, уйдем в катакомбы»¹⁴⁹.

Отбывая тюремный срок за оскорбление канцлера, Ремер был в то же время осужден за оскорбительные высказывания в адрес заговорщиков 20 июля. К этому времени в ультранационалистических кругах получило широкое хождение несколько книг, посвященных антигитлеровскому заговору. Среди самых популярных была написанная Ремером «20 июля 1944». Ставшее своего рода поворотным пунктом дело о диффамации, возбужденное против Ремера, сформулировало принцип, в соответствии с которым нацистское государство не являлось законным. Таким образом, заговорщики, планировавшие свергнуть Гитлера, не могли обвиняться в государственной измене. Приговор стал важным прецедентом для позднейших судебных преследований неонацистских пропагандистов, действовавших в Западной Германии¹⁵⁰.

Находясь в тюрьме, Ремер дерзко пригрозил организацией общенациональной забастовки. «Мы пойдем на любые меры, чтобы свергнуть существующий режим», — заявил он. Однако оставшиеся на свободе руководители Социалистической имперской партии все чаще враждовали между собой. Дни их партии были сочтены¹⁵¹.

Под сильным давлением со стороны правительства SRP начала расссыпаться. Ключевые члены бежали из партии и создали новые группировки. Некоторые из стойких приверженцев рассуждали о переходе, в случае необходимости, к продолжению борьбы в подполье. Понимая, что вскоре партия будет запрещена, некоторые создавали сложные планы по спасению по возможности большинства партийного аппарата. Рассуждали о переходе в другие партии с последующим захватом там власти и участия под лозунга-

ми SRP в общенациональных выборах 1953 года. Доктор Рудольф Ашенауэр (Rudolph Aschenauer) — выступавший на стороне нацистов адвокат, защитник ряда обвиняемых на Нюрнбергском процессе — согласился возглавить новую националистическую партию, которая должна была играть роль замаскированной приемницы SRP. Близкие связи Ашенауэра с просоветской SRP примечательны тем, что он сотрудничал с ярким антикоммунистом сенатором Джозефом Маккарти в попытке отменить приговор по делу о «бойне в Мальмеде»¹⁵².

Однако затея Ашенауэра по продолжению деятельности Социалистической имперской партии под новым именем была обречена, поскольку американская разведка быстро узнала о его намерениях. После 23 октября 1952 года верные сторонники SRP вынуждены были защищаться самостоятельно. Именно в этот день партия Ремера была поставлена вне закона решением Конституционного суда Западной Германии: SRP была названа прямой наследницей нацистской партии. Согласившись с обвинениями Бонна в том, что Ремер «увлечен идеологией национал-социализма» и «очевидным образом злоупотребляет основополагающим правом на свободу высказываний», суд лишил его права голоса и запретил занимать посты в государственных учреждениях¹⁵³.

Перед лицом второго тюремного заключения — на сей раз на три месяца — по делу о 20 июля Ремер кинулся в укрытие. Некоторое время он скрывался в охотничьем домике в баварских Альпах, принадлежавшем семье сторонников Социалистической имперской партии — карандашных фабрикантов Фабер-Кастеллов. Там Ремер размышлял над своими сужавшимися перспективами. Лишившись возможности заниматься политической деятельностью у себя в стране, он стоял перед выбором: прятаться в горах, отправиться в тюрьму или бежать из страны. Ему предстояло принять нелегкое решение, однако помощь была уже близка, и пришла она оттуда, откуда ее не ждали.

Глава 3

НЕОНАЦИСТСКАЯ ДИАСПОРА

Вотан в психушке

Гарольд Кейт Томпсон (Harold Keith Thompson), бизнесмен и специалист в области связей с общественностью, родился в Нью-Джерси. Большую часть 40–50-х годов XX века он занимался закулисной деятельностью, являясь главным представителем послевоенной сети поддержки нацистов «Паук» (Die Spinne) в США. Еще не достигший 30-летнего возраста, этот рослый темноволосый холостяк, по его собственным словам, стал «главным и практически единственным представителем интересов уцелевших представителей Национал-социалистической немецкой рабочей партии (NSDAP) и SS (Schutzstaffel) в Северной Америке»¹⁵⁴.

Дальний потомок прусских фельдмаршалов и шотландских дворян, Томпсон впервые почувствовал вкус идеологии нацизма еще подростком, когда он присоединился к Германо-американскому союзу (German-American Bund) и изоляционистскому движению «Америка превыше всего» («America First»). Обе организации тайно финансировались рейхом. В пору своего расцвета Германо-американский союз насчитывал 15 тысяч членов, сочувствующих было порядка 100 тысяч человек. На заседания члены союза приходили в униформе. Когда организация устраивала праздники, например танцы в честь дня рождения Гитлера, украшавшие зал портреты Джорджа Вашингтона были обрамлены свастикой. Союз устраивал летние лагеря для американских детей из немецких семей, в программу которых

наряду со спортивными состязаниями и культурно-просветительными мероприятиями входили и военизированные игры. «Руководство было не очень, — признавался Томпсон, — однако дух присутствовал, и мне это нравилось»¹⁵⁵.

Политические пристрастия Томпсона и склонность к тайной деятельности сделали его естественным союзником немецкой разведки в годы Второй мировой войны. «Я выполнял разные деликатные задания, — уклончиво вспоминал он. — Знаете ли, старшекласник со связкой книг не вызывает особых подозрений». Томпсон намекнул, что участвовал в актах саботажа, упомянув о «затонувшем пароходе и прочих подобных делах». Но в подробности не вдавался: «Все это было давным-давно. Нет смысла ворошить прошлое».

Автор может подтвердить, что 27 июля 1941 года Томпсон стал агентом отдела зарубежной разведки нацистской Службы безопасности рейхсфюрера (Sicherheitsdienst des Reichsführers, SD). Свидетельствующий об этом документ с личной подписью самого Гитлера был захвачен американцами, вошедшими в Мюнхен. «Это действительно так, — подтвердил Томпсон. — Оригинал документа хранится в архивах Интерпола».

Когда проигрыш Германии в войне стал очевиден, Томпсон с коллегами начали, говоря его словами, «потихоньку готовиться» к эпохе после Гитлера. Томпсон возобновил учебу в Йельском университете, который окончил в 1946 году. («Хорошее место, чтобы научиться пить по-настоящему», — саркастически говорил он.) Вскоре после этого он направился в экспедицию в Антарктику. Там у него было много времени, чтобы поразмышлять о падении Третьего рейха. «Позор. Проклятая Америка дважды вмешивалась в мировые войны, хотя в этом не было никакого смысла», — позднее заметил он.

Вернувшись в США, Томпсон с новой силой принялся помогать оставшимся на плаву сторонникам Оси, пытавшимся выжить в послевоенной неразберихе. «Настоящие национал-социалисты считали, что им сильно повезло, если удавалось выбраться из Германии, — утверждал он. — Это делалось по-разному. Существовало несколько организаций, занимавшихся такой работой. Люди получали фальшивые паспорта и прочие документы. На разных этапах процесса у них были помощники». Наиболее популярными пунктами назначения у фашистских беглецов были Южная Америка, Иберийский полуостров и Ближний Восток.

В ходе своей политической деятельности Томпсон познакомился с рядом важных представителей международного неофашизма, включая и главного создателя сетей эвакуации Отто Скорцени. «Скорцени не был интеллектуалом. Это был солдат, человек дела. Очень отважный. Он мог

взяться за любое дело, — отмечал Томпсон. — После войны он играл важную роль в организации путей ухода».

Универсальный специалист Томпсон предложил себя Скорцени и другим создателям «Организации бывших членов SS» (Organisation der ehemaligen SS-Angehörigen, ODESSA), когда тем необходимы были некоторые услуги на территории США. «Это были трудные годы, — признавался Томпсон. — Конечно, некоторые средства спрятать удалось. Однако, как правило, бежавшие из Германии люди зависели от щедрости тех, кто уже устроился на новом месте». Томпсон имел право подписи по одному из счетов ODESSA в банке Royal Trust в расположенном к западу от Торонто городке Китчнер провинции Онтарио. «Средств всегда не хватало, затраты на деятельность ODESSA были огромными, — объяснял он. — Надо было давать взятки официальным лицам (добрый старый американский способ), нанимать юристов, добывать или изготавливать удостоверения личности»¹⁵⁶. Томпсон был готов помочь любому убежденному нацисту, нуждавшемуся в подобной помощи, не исключая и руководителей Социалистической имперской партии (SRP) в Федеративной Республике Германия.

В начале 1950-х годов Томпсон был одним из активнейших сторонников SRP. В попытке добыть американскую помощь для вызывавшей неоднозначную реакцию немецкой партии он зарегистрировался в Министерстве юстиции США в качестве ее официального представителя. Это позволяло ему заниматься лоббированием среди американских чиновников и средств массовой информации с целью добиться более благожелательного отношения к SRP, а также собирать средства для тех, кого не оставлял в покое Бонн. Приятный и спокойный Томпсон связался с сотнями организаций немцев, проживающих в Америке, и сообщил им о судьбе своего идола Отто-Эрнста Ремера.

«Ремер был единственным человеком в послевоенной Германии, способным, по моему мнению, достичь определенной политической власти, и взгляды его в основном совпадали с моими собственными, — объяснял Томпсон спустя много лет. — Таких людей, как он, очень мало. По-моему, это был великий человек».

Когда в 1952 году его герой попал в тюрьму, Томпсон учредил Комитет за освобождение генерал-майора Ремера и начал забрасывать всех готовых внимать заявлениями и пресс-релизами. Он подавал иски от имени Ремера, надеясь таким образом освободить его из тюрьмы. «Я основал комитет для популяризации идей SRP, донесения до масс принципов борьбы партии и попыток ее подавить, — рассказывал Томпсон. — Мне даже удалось собрать для них некоторую сумму денег».

Угрожая направить обращение в ООН, Томпсон заявил в письме к Государственному секретарю Дину Ачесону, что тюремное заключение Ремера было «первоочередным делом в области международных гражданских свобод». В письме канцлеру Аденауэру и депутатам западногерманского Бундестага он призывал «прекратить преследования генерала Ремера и правых политических партий меньшинства». В неопубликованном письме в редакцию журнала «Time» Томпсон характеризовал Ремера как «молодого, энергичного и хорошо видящего перспективы страны лидера новой Германии». В его последнем обращении в Министерство юстиции говорилось о «мужественном руководстве генерала Ремера», которого он называл «надеждой Германии и свободного мира»¹⁵⁷.

После запрета Социалистической имперской партии Томпсон прекратил деятельность Комитета за освобождение генерал-майора Ремера. Однако он не порвал связей с ключевыми деятелями партии. «Пожалуйста, уведомите генерала Ремера о моей верности ему. Я готов предоставить ему всю необходимую помощь», — заверил Томпсон руководство Социалистической имперской партии. Признательный Ремер направил своему американскому другу письмо с благодарностью, завершив его афоризмом из Ницше: «То, что тебя не убивает, делает тебя сильнее»¹⁵⁸.

Преданность Томпсона Ремеру осталась непоколебленной, даже когда он узнал, что Социалистическая имперская партия получала средства из СССР. «Берите деньги там, где можете их взять, — заметил Томпсон, пожав плечами. — Я всегда говорил, что если русские готовы финансировать мою деятельность, я с радостью побегу в банк с этим чеком, надеясь, что он — подлинный». Защищая тактику Ремера, он утверждал, что несколько неонацистских организаций Западной Германии с радостью брали деньги от коммунистов «при условии, что они не должны были отказываться от своих политических принципов»¹⁵⁹.

Кейт Томпсон не только представлял Социалистическую имперскую партию, но и являлся официально зарегистрированным в США агентом журнала «Die Andere Seite» («Другая сторона»). Издание выходило в Мюнхене под руководством доктора Рудольфа Ашенауэра, одного из ведущих западногерманских адвокатов-ультранационалистов, тесно сотрудничавшего с партией Ремера, а также с сенатором Джозефом Маккарти. Ашенауэр с Томпсоном вели среди общественности активную пропаганду с целью освободить нацистских военных преступников из западногерманских тюрем¹⁶⁰.

Гросс-адмирал Карл Дениц, преемник Гитлера, после освобождения из тюрьмы в 1957 году поблагодарил Томпсона за поддержку. Деница

выпустили на свободу несколько позже других осужденных нацистов. Западногерманское правительство в полном объеме восстановило права Деница на получение пенсии благодаря в том числе и международной кампании, организованной Томпсоном, который вел оживленную переписку со сторонниками фашистов по всему миру. «У меня были хорошие связи, с националистическими партиями и организациями не только в США и Германии, но также в Канаде, Великобритании, Южной Африке, Аргентине, Бразилии, Испании, Португалии, Италии, Швеции и на Ближнем Востоке», — отмечал Томпсон.

Щупальца «Паука» протянулись и на территорию Восточной Европы. «Нашим кругам симпатизировал и ряд людей из властных структур Восточной Германии, — вспоминал Томпсон. — С некоторого времени я начал получать много восточногерманских пресс-релизов и публикаций их Института истории. Они хотели обмениваться информацией. В Восточной Германии у нас были связи с людьми, ранее работавшими на SD (зарубежную разведку SS)... Для восточных немцев нанимать бывших нацистов было разумным шагом. Эти люди знали, что к чему».

Томпсон также принял участие в деятельности неонацистской секты под названием Партия национального возрождения (National Renaissance Party, NRP). Размещавшаяся в Нью-Йорке организация взяла себе название из «Политического завещания» Гитлера, написанного им перед самоубийством: «Я умираю с легким сердцем... зная о зерне, которое тем или иным способом прорастет и приведет еще раз к славному возрождению национал-социалистического движения». В попытке добиться популярности для партии Томпсон согласился выступить на нескольких собраниях NRP. Собираясь в гостиницах и частных домах, горстка не имевших постоянного пристанища членов NRP слушала рассуждения о якобы совершенной правительством США несправедливости по отношению к нацистским военным преступникам и их родным¹⁶¹.

Джеймс Мадоле (James Madole), номинальный руководитель Партии национального возрождения, был лысоватым клерком, занимавшимся грузоперевозками. Ему было уже за сорок, жил он вдвоем с матерью, убежденной антисемиткой. Защищая цель NRP по созданию «расового националистического государства», Мадоле выступал за необходимость оградить арийскую расу от «загрязнения» путем депортации всех цветных. Он также обещал положить конец коммунизму, устранив всех евреев. «Хотя Адольф Гитлер мертв, — писал Мадоле в ежемесячном бюллетене NRP, печатавшемся на mimeографе, — его философия продолжает жить в растущей мощи фашистских сил в Америке, Европе и на Ближнем Востоке. То,

что Гитлер сделал в Европе, еще предстоит сделать Партии национального возрождения в Америке»¹⁶².

В хорошую погоду Мадоле можно было встретить ораторствующим перед парой десятков своих последователей в Йорквилле, районе Манхэттена, где проживало много немецких иммигрантов. Одета в форму нацистских штурмовиков, группа типов из Партии национального возрождения раздавала брошюры с зажигательным содержанием, например: «Прокоммунистическая еврейская пресса промывает вам мозги...» Эти хулиганские выходки неизменно привлекали противников, освистывавших Мадоле, который восхищался Гитлером и Муссолини и критиковал национальные меньшинства¹⁶³.

Подобные сборища, зачастую кончавшиеся кулачными боями, заставили Комиссию Конгресса по расследованию антиамериканской деятельности (НУАС) на время отвлечься от охоты на «красных», чтобы разобраться в деятельности приспешников Мадоле. Назвав Партию национального возрождения «общепризнанной неонацистской организацией», предварительный доклад НУАС рекомендовал Министерству юстиции удостовериться, «возможно ли преследование ее лидеров в рамках «Акта Смита» (принятый в 1940 году федеральный законодательный акт, рассматривавший как преступника любого человека, призывающего к свержению правительства Соединенных Штатов. — *Примеч. пер.*). Однако никаких конкретных шагов в этом направлении так никогда и не было предпринято¹⁶⁴.

Разбирательство, проведенное НУАС, установило, что главной фигурой, стоявшей за NPR, был немецкий ветеран Первой мировой войны Фредерик Вайсс (Frederick C. F. Weiss) (следует отметить, что никакой официальной должности в организации он не занимал). Краснолицый, с орлиным носом, Вайсс был самым примечательным сторонником Кейта Томпсона, когда последний был представителем Социалистической имперской партии. Оба входили в узкий круг нацистской интеллигенции, проживавшей в Нью-Йорке и окрестностях. Город был важным пунктом передачи информации в международной фашистской сети, возникшей после войны. С помощью Вайсса Партия национального возрождения поддерживала связи с большим количеством групп белых расистов в Соединенных Штатах и за границей. В частности, он был связан с «Молодежью викингов», отпочковавшейся от партии организацией. Она часто присылала макеты публикаций для печати. Много заказов из-за рубежа выполнялось компанией Вайсса и Томпсона «Le Blanc Publications». В течение всей «холодной войны» и даже после нее американские неонацисты играли важную роль в пропагандистской поддержке движения¹⁶⁵.

Время от времени Вайсс организовывал для расистов собрания на своей неприглядной ферме в предместье Нью-Йорка Миддлтауне. «Там я всегда чувствовал себя неуютно, — признавался Томпсон. — Жена Вайсса явно была сумасшедшей. В доме была такая грязь, что я опасался съесть там хоть что-нибудь. Жена постоянно рассказывала о том, как к ней приходит Вотан (древнегерманский бог), как встает из могилы ее отец, и всякий другой бред». Как оказалось, госпожа Вайсс со своей своеобразной психикой не сильно выделялась на фоне странной смеси фанатиков, социальных неудачников, тайных гомосексуалистов и информаторов правоохранительных органов, регулярно собиравшихся на ферме.

Среди тех, кто часто посещал жилище Вайсса, был Юстас Муллинс (Eustace Mullins), самопровозглашенный эксперт Партии национального возрождения по Федеральной резервной системе США. Кейт Томпсон характеризовал его как «сумасшедшего ветерана пропаганды ультраправых». Его перу принадлежала опубликованная в «Бюллетене национального возрождения» («National Renaissance Bulletin») статья «Адольф Гитлер: слова признания». Он также организовал Комитет за освобождение Эзры Паунда, когда этот фашистский поэт находился в одной из психиатрических клиник Вашингтона, округ Колумбия¹⁶⁶.

Иногда Муллинс присоединялся к членам Партии национального возрождения во время их уличных демонстраций. Там он рассказывал, как евреи убили Эйзенхауэра и заменили его двойником, который полностью находился в их власти. Он уснащал свои речи едкими замечаниями о «президенте Розенфельде» (антисемитское прозвище президента Рузвельта) и проводимом им «еврейском курсе» (Jew Deal, антисемитское название «нового курса» New Deal. — *Примеч. пер.*). Близкий друг Муллинса Мэтт Коэл (Matt Koehl) возглавлял подразделение охраны NRP. Его члены носили армейские головные уборы, черные галстуки и рубашки цвета хаки с нарукавными повязками с эмблемой молнии. В конце 1960-х годов Коэл возглавил Американскую нацистскую партию. Другой бывший охранник NRP, сильно неуравновешенный Дэн Баррос (Dan Burros), скрывал от коллег свое еврейское происхождение.

Человек со множеством псевдонимов

Среди всех странных персонажей, связанных с доморожденным американским неонацизмом послевоенных лет, самым примечательным является Фрэнсис Паркер Йоки (Francis Parker Yockey), темный интеллигент, внезапные наезды которого в Нью-Йорк никогда не оставались незамеченными.

ми. Йоки постоянно перемещался с места на место, встречаясь с видными фашистами Европы и Северной Америки. Скрывавшийся под множеством псевдонимов, Йоки стал одним из ведущих философов послевоенного фашизма. «Он не любил сидеть на месте. Это противоречило его природе», — вспоминал Кейт Томпсон, один из немногих друзей Йоки.

И где, вы думаете, они познакомились? В дорогом еврейском кафе в центре Манхэттена. Познакомил их Фредерик Вайсс, никогда не упускавший возможности бесплатно поесть за счет Томпсона. «Как обычно, Вайсс был хорошо навеселе. Он пил очень много греческого вина — того самого, которое делается из смолы или чего-то подобного», — вспоминал Томпсон. Обед в еврейском заведении был своего рода разведкой на вражеской территории. Счет оплачивал Томпсон, контора которого располагалась неподалеку¹⁶⁷.

Вспоминая их первую встречу, Томпсон признавался: «Я с радостью узнал, что Йоки был настроен столь же антиамерикански, как и я. Не могу сказать, что это чувство было у него сильнее, чем у меня, потому что, по моему, это невозможно. Мы хорошо поладили».

История Йоки подробно отражена в насчитывающем свыше тысячи страниц некогда секретном досье ФБР. Там он представлен одиночкой, «скрытным интеллигентом, не терпящим рядом с собой никого, кто бы не соглашался с его предложениями по решению мировых проблем». Обладавший блестящим интеллектом — IQ 170 — Йоки, по характеристике ФБР, был «нервным и возбудимым человеком, не имевшим склонности к порядку, непредсказуемым и обладавшим диктаторскими замашками». Его отличали «прямота в высказываниях», «начитанность», «большая эрудиция». Однако демонстрация собственного превосходства зачастую отталкивала от него людей. ФБР пришло к заключению, что у него была «уникальная способность портить отношения с людьми»¹⁶⁸.

Худой и жилистый Йоки внешне напоминал представителя богемы. У него были коричневые волосы, сильно выступавшая вперед нижняя челюсть, землистый цвет лица и темные, глубоко посаженные глаза. Одевался он, по словам Томпсона, «чуть лучше бомжа». Ходил он ссутулившись и засунув руки в карманы. Иногда отпускал себе гитлеровские усики.

Родился и вырос Йоки неподалеку от Чикаго, выучился на пианиста — исполнителя классики. Он мог играть произведения Шопена и Листа в концертном стиле. Одаренный оратор, Йоки уже в 1939 году, будучи всего 22 лет от роду, выступал в Чикаго на митинге профашистской группы «Серебряные рубашки». У него были связи с Германо-американским союзом и движением «Америка превыше всего». Несмотря на высокий интеллект, он, как утверждалось, был человеком крайне незрелым и склонным к истерикам¹⁶⁹.

Йоки получил степень бакалавра в Джорджтаунском университете и диплом юриста с отличием в Университете Нотр-Дам. По сообщениям ФБР, он привел в бешенство руководство университета штата Мичиган, где он также обучался, сыграв на факультетской вечеринке коммунистический гимн «Интернационал». Эта выходка опровергала его фашистские взгляды, бывшие очевидными для многих из его товарищей по учебе. Один из информаторов ФБР утверждал, что Йоки «был ярким противником лиц, исповедовавших иудаизм, и искренне придерживался философии германских нацистов». «Негры, евреи и коммунисты» не вызывали у него ничего, кроме отвращения. Он подчеркивал, что «никогда не сядет с ними за один стол в университетской столовой»¹⁷⁰.

Хотя Йоки высказывался против участия США во Второй мировой войне, он вступил в армию и был приписан к разведывательному подразделению, дислоцированному в штате Джорджия. Осенью 1942 года он на два месяца исчез из расположения части (ФБР предполагало, что он ездил с разведывательной целью в Мехико), а вернувшись, испытал нервный срыв. В июле 1943 года был «с почетом» отправлен на покой из вооруженных сил с диагнозом «негодность к службе вследствие параноидальной шизофрении неясного происхождения»¹⁷¹.

Йоки попробовал устроиться в Управление стратегических служб (Office of Strategic Services, организация-предшественник ЦРУ — *Примеч. пер.*), однако его кандидатура была отклонена — он находился в списках американцев, подозревавшихся в симпатии к нацистам. Это, однако, не помешало ему стать помощником окружного прокурора в графстве Уэйн, штат Мичиган. Кейт Томпсон вспоминал об испытанном им потрясении, когда Йоки рассказал, как сознательно проиграл несколько дел просто для того, чтобы «проверить свои возможности»¹⁷².

Несмотря на сомнительное прошлое, Йоки каким-то образом удалось после войны вновь поступить на службу в американскую армию в Германии — теперь он был гражданским обвинителем на проходивших в Висбадене процессах нескольких второразрядных военных преступников. «Несомненно, его побудительным мотивом было помочь некоторым из них», — утверждал Томпсон. Американские официальные лица пришли к выводу, что Йоки на деле играл роль «крота», имевшего целью развалить дела против нацистов. Отношения между Йоки и работавшими с ним юристами уже были напряженными, когда он, вдобавок ко всему, начал исполнять на пианино в офицерском клубе провокационные мелодии. Однажды он блестяще сыграл импровизацию на тему нацистского гимна «Германия превыше всего».

Вскоре после этого Йоки уволили. С тех пор он считал себя «меченым» человеком. В 1947 году армейская контрразведка США устроила обыск в его доме в Германии, однако Йоки удалось буквально на несколько минут опередить своих преследователей. Бросив жену и двух малолетних детей, он бежал в ирландский Бриттас Бей. Здесь, в тихой гостинице на берегу моря, Йоки решил перенести свои мысли на бумагу. Работая без предварительных набросков и доступа к библиотекам, он написал свое самое значительное творение: 600-страничный двухтомник «Империя» («Imperium») ¹⁷³.

Задуманная в качестве бесконечного пропагандистского выступления с претензией на философию, «Империя» была предназначена идейно продвинутым правым радикалам. Сам Йоки назвал эту книгу «первым ударом в грандиозной войне за освобождение Европы». Он выступил с исполненным оптимизма обращением к осажденным нацистам, призывая их присоединиться «к всемирно-исторической борьбе» именно в то время, когда общая ситуация для движения представлялась весьма печальной. Йоки утверждал, что разрушение национал-социалистической Германии было всего лишь временным отступлением, намечавшим путь к будущему триумфу: «Испытавшая трагедию, разгром и катастрофу западная душа восстает из руин с несломленной волей, более чистая, чем раньше, в своем духовном единстве... Она должна смотреть вперед, верить, когда, кажется, уже нет никакой надежды, она должна повиноваться, даже если речь идет о смерти, она должна биться до конца и не сдаваться. Поддерживает ее знание о том, что никакая материальная сила не может превзойти дух героизма» ¹⁷⁴.

Политический итог воззвания Йоки демонстрировал псевдонимом, под которым была опубликована книга, — Улик Варандж (Ulick Varange). Этот псевдоним как бы символизировал единую Европу, поскольку Улик (по-ирландски — «награда ума») указывал на западную границу, а Варандж (варяг — представитель северного народа, в IX веке принесшего цивилизацию в Россию) — на восточную. Однако концепция европейского единства входила в острое противоречие с тем, что Йоки описывал как «презренные планы отсталых душ “объединить” Европу в экономическое пространство, чтобы внеевропейские силы использовали это пространство в своих целях, в частности, укрепляя свой империализм». То есть Йоки считал, что США и СССР захватили европейский континент и превратили его в духовное болото ¹⁷⁵.

Убежденный в том, что Германии, Италии и другим странам возможно будет сохранить свой суверенитет только в результате согласованных действий, Йоки отвергал национализм как несостоятельное понятие. Он порицал «ограниченный стейтизм» европейских политиков, полагавших,

что они смогут самостоятельно достичь независимости. Он выступал не за отдельные национальные государства, а за единую Европу в качестве третьей силы, способной бросить вызов превосходству двух сверхдержав эпохи «холодной войны». «Политике придется свыкнуться с новой реальностью: народов Запада больше нет, грядет единый народ Запада»¹⁷⁶.

Многие идеи Йоки позаимствованы у Освальда Шпенглера, автора капитального труда «Закат Европы», одного из ведущих деятелей Консервативной революции 1920-х годов в Германии. Как и Шпенглер, Йоки ожесточенно критиковал парламентскую демократию и прочие возникшие в XIX веке политические формы, имевшие своим источником Французскую революцию. Всеобщие выборы влекли за собой «падение всего человеческого на уровень наименее ценных человеческих особей», замечал Йоки, отвергавший идею «основывать политическую власть на воле народных масс, выступающих прикрытием для беспрепятственного грабежа со стороны финансистов». Он приравнивал либерализм к слабости, называя его «уходом от жесткости к мягкости, от мужественности к женственности, от истории к стадности, от реальности к травоядным мечтаниям, от судьбы к счастью»¹⁷⁷.

В отличие от Гитлера, мечтавшего о несокрушимом «тысячелетнем рейхе», Шпенглер утверждал, что все цивилизации проходят определенный жизненный цикл, расцветая, увядая и в конце концов умирая. Во многом находясь под влиянием Шпенглера, Йоки прославлял Запад и оплакивал его распад под влиянием непреодолимой силы истории. Однако, в отличие от своего наставника в философии, Йоки считал, что законы, так сказать, «культурного тяготения» можно преодолеть, омоложив общество с помощью фашизма. Это было основой философии «культурного витализма» Йоки, подробно рассмотренной им в «Империи». Он верил, что героическое чувство цели, исходящее от элитной «сферы носителей культуры», проникнет в широкие массы, означая тем самым наступление новой квазиисторической «эры власти», противопоставлявшейся Йоки декадентской «власти денег». Это эпохальное преобразование разрушит еврейское «замедление культуры» и спасет белую расу.

Йоки также отличался от Шпенглера и тем, что последний не подчеркивал антисемитских настроений. «Империя», напротив, была полна юдофобии и ненависти к евреям. Йоки признавал, что евреям пришлось пострадать от рук христиан. В результате, по его мнению, не простившие их евреи принялись мстить, и эта месть в бурном воображении Йоки приняла поистине фантастические размеры. Его обуяла мысль о евреях-паразитах, проникших в принявшую их западную культуру и заразивших ее. Описывая

ку-клукс-клан как «реакцию американского организма на чужеродное присутствие», Йоки отмечал: «Антисемитизм в культурной патологии является полной аналогией формирования антител в крови в случае человеческой патологии. В обоих случаях организм сопротивляется чуждой жизни»¹⁷⁸.

Йоки рассматривал Вторую мировую войну как результат еврейского заговора против Америки и Европы с целью разрушить результаты «европейской революции 1933 года — луча надежды». Именно так Йоки называл приход к власти нацистов, увенчавшийся «славными днями 1941 и 1942 годов», когда гитлеровские армии захватили большую часть континента. Хотя Гитлер или нацисты ни разу не упоминались в «Империи», Йоки защищал их наследие, отрицая Холокост. Йоки одним из первых назвал «окончательное решение еврейского вопроса» мифом: «Были сфотографированы несуществующие газовые камеры, а «автомобиль-душегубка» был изобретен, чтобы потрафить людям с более техническим складом ума». В частных беседах Йоки с восторгом отзывался об уничтожении немцами евреев в ходе Второй мировой войны¹⁷⁹.

Однако в рассуждениях Йоки было одно серьезное отклонение от партийной линии гитлеровского рейха. Он критиковал расовые концепции, основывавшиеся исключительно на биологическом аспекте, называя их грубыми и временными. Отрицая базирующиеся на генетике материалистические теории, Йоки утверждал, что раса — это в первую очередь духовное понятие. После войны многие фашисты выступали против такой точки зрения. Раса, согласно Йоки, определялась не физическим типом, а психологическим складом или природным характером общества. Он утверждал, что вполне возможно родиться в США и вырасти полноценным европейцем, как сделал он сам¹⁸⁰.

Это было, пожалуй, единственное положительное замечание Йоки об Америке. По его мнению, Соединенные Штаты были сильно извращенной производной Европы, которой сильно повредили национальные меньшинства и их уродливые проявления — Голливуд, джаз, современное искусство, танцы буги-вуги и прочие подобные вещи. Йоки призывал всех истинных европейцев не поддерживать крестовый поход против Советского Союза, начатый США в годы «холодной войны» и приведший к расколу Европы. Выступая против коварного влияния американской культуры, Йоки приходил к выводу, что тяжелая рука военных репрессий, положенная Советским Союзом на Восточную Европу, в конечном итоге представляла собой «меньшее зло», поскольку она не портила и не развращала душу Запада в такой степени, как это делал американский капитализм. Признание Соединенных Штатов в качестве основного врага Европы было еще одной точкой конфликта Йоки со многими послевоенными фашистами¹⁸¹.

Фронт освобождения Европы

Написав «Империю» менее чем за шесть месяцев, Йоки взял еще не опубликованную рукопись с собой в Лондон. Там он разыскал Освальда Мосли, в свое время — первого ученика Гитлера в Великобритании. Проведя значительную часть Второй мировой войны в английской тюрьме, Мосли вернулся в большую политику, возглавив юнионистское движение. Как и Йоки, он утверждал, что европеизм является единственной разумной политикой послевоенного времени. «Страны Европы слишком малы, чтобы выжить, будучи зажатыми в тиски между США и Советским Союзом, — утверждал Мосли. — Поэтому им следует забыть о своей старой националистической вражде и как можно быстрее создать единую Европу»¹⁸².

Йоки познакомился с Мосли в 1947 году, когда пытался организовать помощь нескольким немецким офицерам, приговоренным к смерти за военные преступления. Однако Мосли, не желавший вновь вступать в конфликт с властями, теперь старался создать себе более респектабельный образ, в частности, снизив градус своего довоенного антисемитизма. Он с некоторым подозрением отнесся к Йоки — «молодому человеку с определенными талантами», который, по словам Мосли, был «неразумно одержим еврейским вопросом». Тем не менее в итоге Йоки некоторое время работал в отделе европейских контрактов юнионистского движения, что позволило ему установить связи с подпольными неонацистскими сетями Европы. Среди прочих он связывался и с Альфредом Франке-Грикшем, еще до таинственного исчезновения лидера неонацистского «Братства» в ходе выполнения секретного задания в Восточном Берлине¹⁸³.

Достаточно быстро Йоки стал вносить разлад в движение. Он покинул юнионистов после того, как Мосли ударил его по лицу в ходе диспута в Гайд-парке. Вскоре после этого Йоки присоединился к группе английских экстремистов, принявших его как фашистского гуру. Их первой задачей стало собрать достаточно средств, чтобы обеспечить более широкое распространение «Империи». В 1948 году благодаря щедрости баронессы Алисы фон Пфугель, состоятельной любовницы Йоки, лондонское издательство Westropa Press напечатало тысячу экземпляров первого тома и двести — второго.

Именно дома у баронессы Йоки и небольшая группа его сторонников в 1949 году решила организовать Фронт освобождения Европы (European Liberation Front, ELF). По словам Энтони Гэннона (Anthony Gannon), бывшего приверженца Мосли, перешедшего к Йоки, это была первая группа, использовавшая в своем названии словосочетание «фронт освобождения». Они заявили о своем выходе на послевоенную фашистскую сцену, опубли-

ковав «Лондонское воззвание» («The Proclamation of London»), адаптированные для широкой публики идеи Йоки, изложенные в «Империи».

Гэннон объяснял: Йоки давно вынашивал идею приурочить к 100-летию «Манифеста Коммунистической партии» публикацию нового общеевропейского манифеста, показывающего положение, в котором находятся «массы», а также призвать к освобождению Европы от оккупации внешними силами — США и СССР. Составленная Йоки программа Фронта освобождения Европы включала в себя 12 пунктов и настаивала на «немедленном изгнании всех евреев и прочих чужаков-паразитов с земли Европы», «упразднении незаработанных доходов», «очищении почвы Европы от этического сифилиса Голливуда». Фронт также выпускал ежемесячный бюллетень «Frontfighter», публиковавший политическую аналитику Йоки¹⁸⁴.

«Йоки мог быть очаровательным собеседником, с прекрасным чувством юмора и большим талантом пародиста», — вспоминал Гэннон о том, как Йоки изображал американского комика У. К. Филдса. Однако Гэннон признавал, что у его неотразимого американского приятеля была и другая сторона характера. «Йоки мог оскорблять и презрительно относиться к тем, кто, по его мнению, был излишне упрям или недостаточно быстро признавал свое поражение в споре. Конечно, такое поведение крайне затрудняло привлечение на свою сторону новых сторонников».

Возможно, самым противоречивым моментом в политических взглядах Йоки была убежденность в том, что разлагающее влияние американской культуры в конечном итоге несло Европе больший вред, чем военная интервенция коммунистов. Вместо того чтобы сотрудничать с американской разведкой, как это делало большинство европейских фашистов после войны, Йоки и Фронт освобождения Европы выступали за гибкий нейтралитет и панъевропейский подход к геополитике — во многом их действия напоминали те, что предпринимали в Западной Германии генерал-майор Отто-Эрнст Ремер и его Социалистическая имперская партия. По словам редактора «Frontfighter» Питера Хаксли-Блита (Peter Huxley-Blythe), Йоки «одобрял политику, проводившуюся в Германии Советами», и призывал своих товарищей «помочь ему организовать в Западной Германии подпольные диверсионные группы неонацистов, которые в сотрудничестве с советскими военными властями могли бы бороться против оккупации страны западными державами». Йоки обещал всем, кто окажет ему помощь в этой деятельности, «участие в громадной тайной организации, целью которой будет установить в Европе авторитарный режим»¹⁸⁵.

Йоки, переполненный адреналином, и его английские единомышленники с головой ушли в организацию международных заговоров. Однако

многим оказалось слишком тяжело вынести неуживчивость и снисходительно-пренебрежительное отношение американского руководителя. Будучи не в состоянии привести в порядок свои личные и политические отношения в Англии, Йоки ускользнул в Западную Германию, имея на руках фальшивые документы. Документы американской армии, называющие его не Йоки, а Джоки, утверждают, что он занимался «пропагандой национал-большевистского движения» и связывался с бывшими нацистами и офицерами вермахта. Путешествуя по континенту, Йоки раздавал экземпляры «Империи» ключевым деятелям международного неофашизма.

По сообщениям ФБР, в ходе своих странствий американский фашист также встречался с представителями Социалистической имперской партии, политическая платформа которой во многом совпадала со взглядами Йоки. Он организовал публикацию на немецком языке сокращенного варианта второго тома «Империи», вышедшего под названием «Der Feind Europas» («Враг Европы»). Высказывания наподобие «Прусская Германия — это страж судьбы Европы» сделали книгу необычайно популярной среди националистов-нейтраллистов Германии. Особо высоко ценил труды Йоки Отто-Эрнст Ремер, рекомендовавший их ряду своих сподвижников¹⁸⁶.

«Империя» заслужила широкое одобрение. В Нью-Йорке Партия национального возрождения назвала книгу «величайшим произведением расового национализма со времен “Mein Kampf”». В опубликованной в Южной Америке рецензии книгу назвали проектом следующей европейской революции. Ведущий французский фашист Морис Бардеш (Maurice Bardèche) был большим любителем книги Йоки. Вернувшийся к фашизму представитель итальянских художников-дадаистов Юлиус Эвола (Julius Evola) также превозносил «Империю», хотя и не соглашался с утверждением, что советский коммунизм представлял меньшее зло в сравнении с западным капитализмом¹⁸⁷.

В октябре 1950 года Йоки направился в Италию, чтобы принять участие в конференции, организованной «Итальянским социальным движением» (Movimento Sociale Italiano, MSI), первой неофашистской партией Европы. Эта последовательно антикоммунистическая структура была создана вскоре после войны ветеранами последнего предприятия Муссолини — Республики Сало. Итальянское социальное движение смогло закрепиться на итальянской политической сцене, невзирая на содержащийся в конституции страны запрет на возрождение фашизма. Как и в Германии, стремление официальных лиц наказать фашистских коллаборационистов быстро утратило после того, как американская разведка сосредоточилась на нейтрализации влияния могущественной итальянской коммунистической партии¹⁸⁸. Это

давало руководству Итальянского социального движения определенную свободу маневра. Оно уделяло очень много внимания международному сотрудничеству, что было своего рода практическим признанием того, что ни одна отдельно взятая страна Европы не является достаточно сильной, чтобы соперничать с политической и экономической мощью двух сверхдержав.

В надежде сформировать вместе с другими неофашистами единый международный фронт, руководители MSI пригласили на четырехдневный съезд, проходивший в Неаполе, представителей различных стран. Йоки участвовал в нескольких сессиях, посвященных обсуждению вопросов стратегии, однако прийти к какому-либо соглашению делегаты так и не смогли. Фанатики, рассуждавшие с биологических позиций о чистоте крови и далеко идущих еврейских заговорах, спорили с теми, кто призывал хотя бы из тактических соображений мягче говорить о своих антисемитских взглядах.

Послевоенные европейские фашисты много рассуждали о единстве Европы, тем не менее они не могли преодолеть национальный эгоизм, часто вырывавшийся наружу на подобных сборищах. Важной болевой точкой был, например, статус Южного Тироля, германоязычного региона северной Италии. Домогавшиеся этой территории австрийские неонацисты не могли не конфликтовать с итальянскими фашистами, которых совершенно естественно вывели из себя организованные конкурентами на территории Южного Тироля взрывы. Террористические акты, организованные неонацистами, с различной степенью частоты повторялись в этом регионе в последующие десятилетия.

Наряду с враждой с неофашистами из других стран MSI испытало сложности внутренней борьбы, едва не погубившей движение. Его члены безрезультатно пытались достичь согласия по вопросу о том, следует ли им придерживаться подхода «третьей силы» или выступить заодно с НАТО и западными державами. Эта ключевая линия раздела очень хорошо характеризовала двуличный характер послевоенного европейского фашизма, стремившегося следовать двум геополитическим перспективам: проатлантической и панъевропейской. Поддерживавшие последнюю выступали под лозунгом «Кровь Европы против золота США и стали СССР». Последовательный антикоммунизм сочетался у них с яростным отрицанием культурного, политического и экономического доминирования США в Западной Европе¹⁸⁹.

Придерживавшиеся «третьего пути» фашисты хотели воспользоваться тем народным энтузиазмом, с которым встречалась идея Европейского экономического союза, — тенденция, развивавшаяся параллельно и с большим успехом, чем их собственные усилия по созданию независимой геополити-

ческой силы, достаточно сильной, чтобы на равных общаться с Востоком и Западом. В этом смысле поддержка идеи единой Европы была удобным прикрытием для неонацистской деятельности¹⁹⁰. Однако панъевропейские фашисты не были едины в своих воззрениях. Например, им было непонятно, какое место в общей картине должна занять русская «Евразия». Люди, подобные Йоки, Ремеру и Томпсону, выступали за стратегический союз с СССР, но не могли убедить в этом других фашистских сторонников панъевропейства, например Юлиуса Эволу.

К началу 1950-х годов в Италии руководители Итальянского социального движения, выступавшие за оппортунистический антикоммунистический союз с НАТО и его главную опору — США, одержали верх над своими панъевропейскими противниками. Это создало основу для дальнейших встреч боссов MSI и членов Совета национальной безопасности США, а также для тайной поддержки американцами сотрудников секретных служб Италии, тесно связанных с неонацистскими силами¹⁹¹. Как и в Западной Германии, те, кто продолжал идентифицировать себя с концепцией «третьей силы», были официально отодвинуты на периферию, в то время как их противники, выбравшие атлантический путь, успешно встраивались в правящие структуры.

Раскаты пражского грома

После конференции Итальянского социального движения (MSI) Фрэнсис Паркер Йоки вновь отправился в путь. С собой он всегда брал огромный чемодан, набитый книгами и бумагами. С ним он беспорядочно перемещался по территории Европы и Северной Америки. Подозревая, что на хвосте у него сидят агенты американской разведки, Йоки запасся рядом масок, сменяя их после каждого поспешного отъезда. «Йоки всегда помнил, что за ним могут следить. Поэтому он верил лишь немногим людям и никогда не оставался долго на одном и том же месте, — вспоминал Томпсон. — Свои передвижения он всегда хранил в тайне. Он придумывал множество планов, чтобы направить по ложному пути тех, кто искал его».

Когда Йоки звонил по телефону своим политическим партнерам, то никогда не называл своего настоящего имени. Иногда он подписывал свои письма «Торквемада» — так звали испанского Великого инквизитора Средних веков. «Мне всегда приходилось дожидаться, когда он сам свяжется со мной, — вспоминал Томпсон. — Он называл себя Освальдом Шпенглером или каким-нибудь другим именем. Но я знал, кто это».

У охотника за юбками Йоки в Нью-Йорке была масса близких знакомых, включая Хейзел Гуггенхайм (сестра Пегги Гуггенхайм, известного коллекционера живописи и филантропа). Крупная еврейка Хейзел, часто менявшая мужей, высветляла свои волосы, пользовалась густой лиловой тушью для глаз и курила сигареты в длинном мундштуке. Ей, очевидно, нравились молодые люди, и мысль делить постель с фашистом казалась ей особенно возбуждающей. «Я уверен, что за оказанные ей услуги различного характера он получал финансовое вознаграждение», — утверждал Томпсон.

Когда Йоки не был занят своими подругами, он заходил в контору по связям с общественностью с Кейтом Томпсоном во главе. Она размещалась на 52-й улице и Мэдисон авеню, на Манхэттене. В начале 1950-х годов Кейт был занят многочисленными проектами, включая Комитет за освобождение генерал-майора Ремера, а также еще одним недолговечным начинанием, именованным «Американский комитет за выживание западной культуры». Вызвавшись помогать Томпсону в его политической деятельности, Йоки готовил пресс-релизы, письма в Государственный департамент, вел иную переписку. Красноречие Йоки отчетливо прослеживалось в направленном в октябре 1952 года письме Государственному секретарю Дину Ачесону, где цитировалась «Империя», а также высоко оценивалась деятельность Отто-Эрнста Ремера и недавно запрещенной Социалистической имперской партии¹⁹².

Поскольку, будучи зарегистрированным в качестве иностранного агента, Томпсон должен был указывать всех помогавших ему в работе сотрудников, он сообщил в ежегодном отчете для Министерства юстиции, что у него работал Фрэнк Хили (Frank Healy). Именно этим псевдонимом Йоки пользовался тогда в Нью-Йорке. Позднее Йоки сожалел, что упоминание о Хили просочилось в официальные документы. Его сотрудничество с Томпсоном вылилось в нежелательную рекламу, когда в 1954 году Дрю Пирсон (Drew Pearson), синдицированный обозреватель ряда общенациональных изданий, привлек внимание к сенсационному разоблачению газеты «The Reporter», охарактеризовавшему Йоки как «достаточно известную фигуру в политическом “полусвете” международного фашизма» и обсуждавшему его связи с немецкой Социалистической имперской партией и Партией национального возрождения в Нью-Йорке¹⁹³.

Понимая, что его деятельный единомышленник практически лишен средств к существованию, Томпсон несколько раз давал деньги на оплату типографских услуг по публикации статей, которые Йоки писал под разными псевдонимами. Он также приглашал Йоки на шумные вечеринки, которые устраивал Джордж Сильвестр Вирик (George Sylvester Vierick) в шикарной гостинице «Belleclaire» на Манхэттене. Прозванный «про-

ституткой Гитлера» за то, что он являлся самым высокооплачиваемым публицистом нацистской Германии в США, Вирик был обвиняемым в известном процессе о подрывной деятельности во время войны. Он заполнил миллионы почтовых ящиков и книжных магазинов по всей стране прогерманскими материалами — в результате ему пришлось провести некоторое время в тюрьме. Незадолго до того, как отправиться в заключение, Вирик доверил Томпсону — своему будущему литературному агенту — «маленькую черную книжку». По словам Томпсона, там содержались рукописные записи обо всех выплатах, произведенных Вириком до нападения Японии на Перл-Харбор американским конгрессменам и сенаторам, и услугах, полученных взамен. «Вирик не хотел, чтобы эти записи попали не в те руки, пока упоминавшиеся в них люди еще живы», — сказал Томпсон. В конце концов он в целях безопасности просто сжег эту книгу¹⁹⁴.

Обладавший определенной известностью как поэт, воспевавший «пансексуальность», Вирик по возвращении из тюрьмы часто устраивал вечеринки в своем салоне круглой формы в гостинице «Belleclair». Как правило, это были оживленные сборища — необычная смесь из интеллигентов, художников, сторонников нацистов и эксцентричных испытателей новых стилей жизни. Среди гостей можно было часто встретить доктора Альфреда Кинси, известного сексолога, и доктора Харри Бенджамина, пионера операций по смене пола (называвшего среди своих хорошо известных клиентов Джорджа Кристину Йоргенсон). У Йоки была связь с красивой секретаршей Бенджамина, Вирджинией Аллен, спавшей также и со своим начальником. Свободная атмосфера, царившая на вечеринках Вирика, где поощрялась бисексуальность, обостряла ощущение «жизни на краю», столь близкое многим послевоенным фашистам¹⁹⁵.

Йоки сразу понравился Вирику, когда Томпсон впервые привел его в «Belleclair». Кейт раздавал напитки, а все присутствующие разбились на маленькие группки. Йоки был умелым собеседником. Он остался очень доволен своим разговором с Лоуренсом Деннисом и Харри Элмером Барнсом, двумя прогерманскими «историками-ревизионистами», часто посещавшими Вирика.

Однако подобное поведение было явным исключением в сложных и порой тягостных взаимоотношениях Йоки с другими американскими правыми экстремистами. Он был крайне низкого мнения о примитивных антикоммунистах, одержимых исключительно идеями по поводу России и «красной угрозы». Выведенный из себя тошнотворными американскими правыми и явно ощущающий себя не в своей тарелке по эту сторону Атлантики, Йоки пожаловался одной из своих любовниц: «Америка всегда оставляет

у меня ужасное чувство того, что я не знаю, где нахожусь, ощущение того, что я отрезан на краю света...»¹⁹⁶

Йоки вновь ринулся в Европу, увозя письма Томпсона к друзьям из SRP и другим немецким неонацистам. Странные пути Йоки уже увели его достаточно далеко от типичной орбиты сторонника правых. Насколько широко он собирался раздвинуть свою сферу деятельности, стало очевидным, когда американский фашист объявился в Праге, центре советской шпионской деятельности, чтобы выступить свидетелем на знаменитых антисемитских показательных процессах, проходивших в конце 1952 года.

Четырнадцать чешских руководителей обвинялись в шпионаже, предательстве, саботаже и различных других преступлениях против государства. Из них 11 были евреями, включая и генерального секретаря Чехословацкой коммунистической партии Рудольфа Сланского. Сланскому и остальным были предъявлены обвинения в участии совместно с «сионистами» в заговоре, имевшем целью убийство ключевых лидеров страны, свержение правительства и восстановление капитализма. Обвинительный акт был полон характерных для Сталина страшилок: «троцкисты», «титоиисты», «западные империалисты», «сионистские авантюристы», «безродные космополиты», «прислужники буржуазии» и тому подобные были объединены в масштабный заговор против советского блока. Весьма ироничным смотрелся тот факт, что Сланского приговорило к смерти правительство, которому он так верно служил. По утверждениям израильских дипломатов, он был самым последовательным противником сионизма среди руководителей чешских коммунистов¹⁹⁷.

Находившийся на галерее для зрителей Йоки с напряженным вниманием наблюдал, как Сланский выступал «на автопилоте» и признал все обвинения. Он и другие осужденные евреи были преданы смерти через повешение. Для Йоки срежессированный вокруг Сланского спектакль знаменовал исторический водораздел, «очевидную поворотную точку, возвещавшую о начале конца американской гегемонии в Европе». Отмечая его интерес к событиям, происходившим в Восточном блоке, ФБР цитировало написанную Йоки статью, где говорилось, что показательный процесс в Праге «демонстрировал углубляющийся с каждым днем разрыв русских с еврейством. Подобное развитие событий, имеющее своей причиной полную идентичность американской и еврейской политики, весьма благоприятно для нашей борьбы за освобождение Европы»¹⁹⁸.

В своих рассуждениях Йоки зашел так далеко, что назвал антиеврейские чистки, произошедшие в 1950-е годы в ряде восточноевропейских стран, «объявлением Россией войны американско-еврейскому господству». Он осуждал «сатанинский проект создания германской армии с целью

воевать с Россией в интересах американско-еврейских оккупантов». При этом он вновь повторил свои утверждения о том, что неспособность Советского Союза предложить завоеванным им странам культурную альтернативу делает его меньше, чем США, угрозой Европе. «Российское руководство убивает евреев за то, что они предали Россию, служа еврейству. Этот факт невозможно опровергнуть или вывернуть наизнанку», — заявлял Йоки¹⁹⁹.

Он утверждал, что в сложившихся обстоятельствах тактически выгодно заключить союз с СССР, с тем чтобы попытаться освободить Европу от американского господства. Желание разыгрывать восточную карту подтолкнуло Йоки к сотрудничеству со спецслужбами Восточного блока. В 1950-е годы он стал платным курьером чешской секретной службы, бывшей орудием в руках советского КГБ. «Йоки пробился за «железный занавес». Он перевозил какие-то бумаги для чешской секретной службы. Он сам мне про это рассказывал, — вспоминал Томпсон. — Чехи были курьерами для советской разведки»²⁰⁰.

После пражских процессов Йоки вернулся в Нью-Йорк, где рассказал Томпсону и познакомившему их Фредерику Вайссу о том, что значили события в чешской столице. Они с энтузиазмом поддержали анализ, сделанный Йоки. Позднее тот повторил его в эссе «Что стоит за повешением одиннадцати евреев в Праге?» Вайсс передал экземпляр статьи Йоки Джеймсу Мадоле, лидеру Партии национального возрождения. До этого Мадоле, как и многие другие нацисты, был убежден в том, что большевизм является частью еврейского заговора с целью прийти к мировому господству. Однако комментарий Йоки перевернул взгляды недалекого фюрера NRP (Партии национального возрождения). Он опубликовал размышления Йоки о событиях в Праге, правда, без подписи, в «Бюллетене национального возрождения» («National Renaissance Bulletin»). Благодаря Томпсону и Вайссу, оплатившим дополнительный тираж, работа Йоки достаточно широко распространилась как в США, так и за рубежом²⁰¹.

Поддержав лихорадочную кампанию против «сионистов» и «безродных космополитов», развернувшуюся в СССР, Мадоле рассказал членам NRP о том, что коммунистическая идеология служила маской для российских националистов с тех пор, как «толстый крестьянин Сталин» (слова Йоки) силой победил своего главного соперника — Льва Троцкого, руководителя фракции евреев-интернационалистов. Благодаря Сталину еврейский большевизм был преобразован в национал-большевизм, который, в соответствии с логикой Йоки, следовало поддержать в борьбе с США, находившимися под контролем еврейства.

Подобное объяснение, совершенно очевидно, смогло привлечь симпатии нескольких бывших коммунистов, которые начали заглядывать в штаб-квартиру Партии национального возрождения в Нью-Йорке. Новую политическую линию отражало и убранство штаб-квартиры. В раме на стене теперь были представлены быстро сменяемые портреты Гитлера и Сталина — изображение менялось в зависимости от того, кто в данное время проводил в помещении свое мероприятие. Работавший под прикрытием оперативник, проникший в NRP, описывал штаб-квартиру как настоящий дурдом: «Весь день сюда непрерывным потоком шли коммунисты, нацисты в форме, члены банд мотоциклистов, какие-то балетные танцовщики... а также студент-медик с Ямайки, обучавшийся в Колумбийском университете и хранивший в коробке со льдом части трупов»²⁰².

Фредерик Вайсс, очевидно служивший мозгом Партии национального возрождения, опубликовал серию статей, с похвалой отзываясь о Советском Союзе. Так же, как и Ремер и его сторонники в Социалистической имперской партии, Вайсс призывал к возобновлению германо-русского союза. «Нам, немцам, следует понять, откуда мы можем получить больше — с Запада или Востока, — говорил Вайсс. — Я лично хочу поделиться своими самыми сокровенными мыслями: сотрудничая с Востоком, мы добьемся большего, чем сотрудничая с Западом. Обладая нашим опытом и знаниями, мы быстрее добьемся успеха вместе с СССР... Да, на словах Запад говорит об объединенной Германии, но на деле он боится объединенной и мощной Германии»²⁰³.

Помимо Томпсона, Вайсса и сторонников Социалистической имперской партии некоторые американские ультраправые экстремисты, познакомившиеся с анализом Йоки о «меньшей угрозе» со стороны России, также начали положительно относиться к Советскому Союзу²⁰⁴. Однако суждения Йоки были не по душе послевоенным фашистам, согласно которым любая попытка представить Советы в положительном свете была ошибочной и нетерпимой. Разочарованный тем, что его идеи не были единодушно приняты ультраправыми, «Торквемада» погрузился в глубокую депрессию. Он представлял себя героем в негероическую эпоху, непонятым пророком, идущим навстречу решающей встрече с судьбой.

Йоки кочевал из одной страны в другую, как и хрестоматийный «вечный жид», внушавший ему отвращение. Как-то раз он сказал лидеру Партии национального возрождения Джеймсу Мадоле о своем желании отправиться в Восточную Германию. ФБР подозревало, что Йоки «поддерживал связь с советскими официальными лицами» и, возможно, даже посещал СССР. Пытаясь получить дополнительные сведения о его действиях, глава ФБР

Эдгар Гувер связался с директором ЦРУ Алленом Даллесом и главой разведки ВМС США. Двадцать пять региональных отделов ФБР получили задачу следить за Йоки, в то же время агенты Гувера беседовали с его родственниками на Среднем Западе США, пытаясь найти какую-то информацию о его возможном местонахождении. Федеральным агентам удалось ненадолго выйти на его след в Лос-Анджелесе, где он, как утверждалось, играл роль альфонса при некоей богатой особе. Скитаясь по Соединенным Штатам, Йоки также подрабатывал игрой на пианино в дешевых барах и казино. Тем не менее фашисту удавалось успешно избегать отечественных и иностранных шпииков, преследовавших его²⁰⁵.

Воздушный ас

Пока Йоки боролся с одолевавшими его демонами, оберштурмбаннфюрер Отто Скорцени продолжал наращивать свое состояние, участвуя в различных деловых предприятиях. В качестве представителя Kurr он отправился в Аргентину. Там в начале 1950-х годов ему несколько раз удалось встретиться с президентом Хуаном Пероном. Скорцени договорился с Пероном, чтобы тот заключил с германскими фирмами контракты на строительство автострад, аэропортов, военных объектов, школ и других инфраструктурных объектов. Любивший развевающиеся накидки и белую военную форму Перон очаровал Илзе Скорцени. Но еще большее впечатление на нее произвела жена президента — Эвита, харизматичная бывшая актриса, гранд-дама Буэнос-Айреса, державшая в рабском поклонении народ Аргентины²⁰⁶.

В те девять лет (1945–1955), что победивший на всенародных выборах Перон правил страной, Аргентина стала любимым прибежищем для десятков тысяч нацистских военных преступников и тех, кто бежал из страны заодно с ними. Здесь также хранились большие запасы похищенных в Германии средств. Значительная часть наличности хранилась на контролировавшихся Эвитой Перон счетах в Банке Аргентины. С радостью принимая военных преступников, Перон периодически скреживал клинки с американскими официальными лицами, попрекавшими его тем, что он укрывает у себя фашистских беглецов. Эта критика представляется достаточно циничной, принимая во внимание то, как разведывательные службы США тайно способствовали массовой эмиграции нацистов в Северную и Южную Америку²⁰⁷.

Американских официальных лиц раздражала постоянная критика Перона в адрес империалистов-янки, а также его готовность принять у себя

диссидентствующих левых интеллигентов, которых привлекала выдвинутая им неоднозначная политическая доктрина «хустициализма». Во многом родственная итальянскому фашизму, идеология «третьего пути» Перона была откровенно националистической, вопиюще авторитарной и пренебрежительно отзывающейся как о капитализме, так и о коммунизме. Популярная среди большинства рабочего класса Аргентины, эта политика также привлекала множество беглецов из Третьего рейха, наводнивших Буэнос-Айрес в конце 1940-х — начале 1950-х годов²⁰⁸.

Наиболее известной личностью в колонии немецких эмигрантов был полковник Ганс-Ульрих Рудель, ас гитлеровских ВВС. Как утверждалось, молодой силезец совершил свыше 2500 боевых вылетов против союзных войск, уничтожив свыше 800 боевых машин, 500 танков и три линейных корабля. За это время Руделя 30 раз сбивали и пять раз ранили. В конце войны из-за ранения ему пришлось ампутировать правую ногу. Тем не менее Рудель продолжил свою службу в люфтваффе и не оставил штурвал самолета. Его военные подвиги были настолько выдающимися, что Гитлер учредил лично для него специальную награду. Рудель был единственным германским военным, получившим Рыцарский крест Железного креста с золотыми дубовыми листьями, мечами и бриллиантами — наивысшее военное отличие за храбрость в ходе Второй мировой войны²⁰⁹.

Глаза Руделя наполнились слезами, когда он узнал о самоубийстве Гитлера. Однако уход фюрера не подорвал нацистских убеждений аса. Проведя год в лагере для интернированных лиц, летчик-виртуоз стал одним из главных нацистских организаторов путей ухода из страны. Он основал организацию «Kamradenwerk» для помощи тем, кто еще находился в заключении. Он также направлял передвижение по «крысиным тропам» на север и юг. Эти тайные действия привели его к возглавлявшейся Скорцени сети «Организация бывших членов SS» (ODESSA), и два героя Третьего рейха стали друзьями на всю жизнь. Когда Скорцени приезжал в Аргентину, они проводили вместе много времени. В ходе нескольких поездок в Испанию Рудель гостил в летнем доме семьи Скорцени на острове Майорка. «Он приезжал к нам домой с целым набором деревянных ног, — с теплотой вспоминала Илзе. — Это был чудесный человек»²¹⁰.

Рудель ценил помощь, которую оказывали симпатизирующие нацистам представители Ватикана. В первые годы «холодной войны» они помогли многим перебраться в безопасные места. «Можно как угодно относиться к католицизму, — признавал Рудель. — Однако то, что Церковь и в особенности отдельные ее выдающиеся представители сделали в те годы, чтобы спасти, зачастую от неминуемой смерти, цвет нашей нации, не должно быть забыто никогда! Очень многое делалось в Риме, перевалочном пункте путей

ухода. Церковь, пользуясь своими огромными ресурсами, помогла многим из нас уехать на другие континенты. Таким образом, в тишине и тайне, происходило эффективное противодействие безумным требованиям победителей о мести и воздаянии»²¹¹.

Хотя ему и не было предъявлено обвинений в воинских преступлениях, Рудель решил присоединиться к своим соотечественникам в Аргентине. Здесь его встретили с распростертыми объятиями Хуан и Эвита Перон. Работая советником аргентинского правительства, он стал неотъемлемой частью приемов и торжественных обедов. Гламурный персонаж послевоенного нацистского сообщества Южной Америки, Рудель также являлся представителем компании Siemens, немецкого электротехнического гиганта.

Рудель воспользовался своим личным знакомством с Пероном, чтобы устроить на работу во вновь создававшиеся военно-воздушные силы Аргентины свыше сотни ветеранов люфтваффе. Некоторое время он работал летчиком-испытателем в размещавшемся в Буэнос-Айресе немецком конструкторском бюро доктора Вилли Танка, ранее являвшегося главным конструктором фирмы «Фокке-Вульф», выпускавшей военные самолеты для Третьего рейха. Получивший после войны заманчивые предложения от русских и англичан, Танк предпочел обосноваться в аргентинской столице, и Перон с радостью взял на работу талантливого немца с целью нарастить военную и промышленную мощь страны.

Доктор Карл Вернет, врач, бывший член датской нацистской партии, также нашел в Аргентине Перона тихую гавань. В ходе войны он проводил хирургические операции над гомосексуалистами, находившимися в заключении в концентрационном лагере Бухенвальд. Вступив на путь «исправления» так называемого девиантного поведения, Вернет кастрировал гомосексуалистов, а затем имплантировал им стальные капсулы с «мужским гормоном». Несколько участников его опытов по искусственной смене половой ориентации умерли мучительной смертью, однако Вернет продолжал заверять главу SS Генриха Гимmlера в том, что он нашел «лекарство» от гомосексуализма. Восхищенный Гимmlер приказал администрации концентрационных лагерей предоставить Вернету как можно больше гомосексуалистов. (Находившиеся в заключении гомосексуалисты должны были носить на своей одежде специальный знак — розовый треугольник, который указывал на их половую ориентацию. Лесбиянкам предоставлялась возможность избежать заключения в том случае, если они соглашались стать «аппаратами размножения» для расы господ). Доктор Вернет возглавил департамент здравоохранения Буэнос-Айреса и пребывал в этой должности до самой смерти в 1968 году²¹².

Еще одним нацистским врачом-маньяком, нашедшим пристанище в Аргентине, был зловещий доктор Йозеф Менгеле. Будучи врачом SS в Освенциме, он, как утверждалось, направил в газовые камеры свыше четырехсот тысяч заключенных. Тысячи погибли в результате его безумных и шарлатанских генетических экспериментов. Любимыми объектами для изучения у него были близнецы, карлики, великаны, горбуны и инвалиды. «Ангел смерти» вводил сыворотку в глазные яблоки, чтобы изменить их цвет, ампутировал конечности, а также по-новому устраивал внутренние органы своих беззащитных жертв, реализуя свои безумные идеи. Он производил абортс беременным, нанося удары по их животам, пытал заключенных электрическим током, чтобы выяснить порог их болевой чувствительности. Менгеле был на непродолжительный период арестован в Вене американскими военными, однако, согласно докладу Министерства юстиции США, он вышел на свободу, так как власти не поняли, кто попал им в руки. Он добрался до Буэнос-Айреса, где попал под опеку Руделя. Когда Менгеле посчитал необходимым покинуть Аргентину, Рудель убедил генерала Альфредо Стресснера, сочувствовавшего нацистам диктатора Парагвая, предоставить врачу из Освенцима необходимые документы о гражданстве. Пользуясь дружбой с Руделем как визитной карточкой, Менгеле в 1965 году побывал в мадридском доме Скорцени²¹³.

Рудель помог сотням нацистских эмигрантов обзавестись жильем и получить работу в разных странах Латинской Америки, где они пополнили ряды экстремистских организаций. Некоторые из них позднее стали советниками диктаторов Чили, Боливии, Перу, и, конечно, Аргентины, которая в годы правления Перона была переполнена военными преступниками из Германии и Восточной Европы. Главный администратор Холокоста Адольф Эйхман, жил в Буэнос-Айресе до 1960 года, когда его наконец захватили сотрудники израильских спецслужб. Гостеприимностью Перона также воспользовались не менее десяти бывших начальников концентрационных лагерей²¹⁴.

Некоторые из военных преступников предпочитали незаметную жизнь аргентинской глубинки. Однако не таков был Анте Павелич, во время войны бывший хорватским диктатором. В Буэнос-Айресе он создал состоявшееся из высокопоставленных лиц правительство в изгнании. Под руководством Павелича хорватские усташи совершали преступления, перед которыми бледнели даже зверства гитлеровцев. (После массовых убийств сербов, цыган и евреев несколько фанатиков-усташей, как утверждает, презентовали своему руководителю большую корзину, где лежало двадцать килограммов глаз). Ключевую роль в организации бегства Павелича в Буэнос-Айрес

сыграли хорватские римско-католические священники, направившие его по организованным Ватиканом путям ухода. В Аргентине он вместе с несколькими коллегами-устами преподавал аргентинской полиции уроки по достижению единомыслия в стране²¹⁵.

Практически авторитарное правление Перона было существенно мягче, чем репрессивные действия нацистской Германии и ее стран-сателлитов. Хотя Перон сам провоцировал, а затем смотрел сквозь пальцы на целый ряд эксцессов, тюрьмы страны никогда не превращались в бойни. Иногда он даже предупреждал своих последователей о необходимости сдерживать свой гнев в отношении большой еврейской общины Буэнос-Айреса. Тем не менее Перон предоставлял важное убежище тем, кто совершал чудовищные преступления против человечности, позволяя им перегруппироваться и выступать в послевоенную эпоху с новыми политическими инициативами²¹⁶.

Убежденный в том, что новый расцвет национал-социализма в Европе — это только вопрос времени, Рудель и его товарищи искали подходящие пути для дальнейшего распространения учения. Главным рупором нацистской колонии в Аргентине был ежемесячный журнал «Der Weg» («Путь»), прославлявший прусский милитаризм и восхвалявший нацистских специалистов по евгенике за их усилия по «улучшению здоровья немцев». «Der Weg» также высмеивал «главного раввина Аденауэра» и его американских хозяев. Несколько принадлежавших немцам аргентинских фирм покупали в журнале рекламные площади, он также получал поддержку со стороны состоятельных нацистов из Южной Африки, где у него было много подписчиков. В Германии издание было запрещено американскими властями, однако его экземпляры распространялись на мероприятиях, организовывавшихся в Социалистическую имперскую партию. Основной связью SRP в Аргентине был Ганс-Ульрих Рудель²¹⁷.

«Der Weg» опубликовал несколько статей Руделя с фотографиями, показывавшими бывшего аса в ситуациях, характерных для настоящего мачо — прыгающим с большой высоты в воду, занимающимся скалолазанием и катанием на лыжах — и все это, невзирая на инвалидность. Сила воли, проявлявшаяся одноногим Руделем, должна была пробудить к жизни утраченный дух германского героизма. Этим и занимался «Der Weg» на своих страницах. Перепечатывая материалы из наполненных ненавистью нацистских листов Европы, журнал также предоставлял свои страницы видным ветеранам Третьего рейха, таким как Отто Скорцени, представленный в редакционной статье «тем, кто продолжает сражаться с врагом даже после войны». Для журнала, ставшим наиболее значительным неонацистским изданием, выходившим в 1950-е годы за пределами Германии, писал и Отто-Эрнст Ремер²¹⁸.

«Der Weg» выпускало издательство Dürer Verlag, располагавшееся в Аргентине. Среди его публикаций были новые издания «Mein Kampf» Гитлера на немецком и испанском языках, а также мемуары видных нацистов, включая «Trotzdem» («Несмотря ни на что») и другие книги Ганса-Ульриха Руделя. Когда Руделю требовался литературный агент для того, чтобы подыскать американского издателя для своих книг, он обращался в нью-йоркский офис Кейта Томпсона, представлявшего интересы широкого спектра известных лиц, включая кубинского диктатора Фульхенсио Батисту, жившего в изгнании короля Румынии Кароля II, а также группы американских генералов и адмиралов. Как выясняется, Томпсон был также аккредитован в качестве корреспондента при ООН от «Dürer Verlag», издававшего «Der Weg». «Я получил необходимые документы и мог бродить в салоне для делегатов ООН, отыскивая интересовавших меня людей», — вспоминал он. Томпсон поставлял новости о деятельности евреев и прочие политические сплетни окружению Руделя в Буэнос-Айресе. В числе его материалов была и уничтожительная статья об Элеоноре Рузвельт, опубликованная в «Der Weg»²¹⁹.

В своих письмах Томпсону Рудель передавал братский привет Фредерику Вайссу, распространявшему большое число экземпляров «Der Weg» среди американских поклонников журнала. Вайсс, в свою очередь, предоставил немецкий перевод статьи Фрэнсиса Паркера Йоки о показательных процессах в Праге. «Der Weg» опубликовал ее невзирая на то, что у редакторов журнала не было единого мнения относительно политической линии, которой придерживался Йоки. Рудель, например, был поклонником «Империи». Он полагал, что договоренность с Советским Союзом наилучшим образом будет соответствовать интересам фатерланда. Его откровенные высказывания об этом заставили сотрудников посольства США в Буэнос-Айресе выразить озабоченность относительно «крайне подозрительной прокоммунистической деятельности Руделя»²²⁰.

Опасения Государственного департамента были беспочвенными. Рудель не был коммунистом, он испытывал отвращение к теориям Карла Маркса. Но он не испытывал никаких угрызений совести относительно сделки с Советами, если она могла бы послужить делу неонацистов. Рудель и его сторонники мечтали о «холодной войне», которая расколется сверхдержавы в Европе и ослабит их хватку. До тех пор неонацисты планировали продолжать свои геополитические маневры, пытаясь достичь каких-либо преимущества, играя с Западом против Востока и наоборот. Именно подобную тактику имел в виду Рудель, вернувшийся в Германию в начале 1950-х годов под предлогом того, что ему нужен новый протез. Он провел серию встреч с Отто-Эрнстом Ремером и другими руководителями радикальных наци-

оналистов, пытаясь собрать в единое целое разобщенные политические и идеологические фракции немецких крайне правых²²¹.

Рудель считал Социалистическую имперскую партию (SRP) «важнейшим этапом на пути к национальному возрождению», однако понимал, что тактика, которой придерживалась партия, была частично ошибочной и контрпродуктивной. Он продолжил действовать, ведя отсчет со времени, когда SRP была поставлена вне закона и когда скрылся опасавшийся очередного заключения Ремер. Многие сторонники SRP в новых обстоятельствах стали поддерживать Германскую имперскую партию (Deutsche Reichspartei, DRP), которую Рудель рекламировал в ходе поездок по Западной Германии. Подобная поддержка обеспечила партии в начале 1950-х годов статус преемницы SRP²²².

Воспринимаемый в качестве главного неонацистского святого, Рудель был хорошим оратором, способным произносить зажигательные речи. Он настаивал на том, что все немецкие солдаты должны отвергнуть ориентированные на Запад планы Бонна по перевооружению страны, в противном случае они станут «предателями, людьми не имеющими совести». «Что приобрела бы Германия в том случае, если бы американцы выиграли последнюю битву? — спрашивал он. — Никто не остался бы в живых, чтобы увидеть, как по могилам немцев, погибших от ядерного взрыва, марширует дивизия негров». Встревоженная его антиамериканским красноречием, армейская разведка США представляла Руделя «опасным болтуном», «извращенным и злобным фанатиком», несомненно, обладающим «большой личной привлекательностью»²²³.

После одного особенно невыдержанного пассажа Руделю запретили выступать на политических собраниях в Баварии. Хладнокровно игнорируя попытки помешать ему, «плакатный» нацист задумал фантастический заговор с целью освобождения более 100 немецких военных преступников, все еще содержащихся в тюрьме Шпандау, в английской оккупационной зоне. Побег предполагалось осуществить внезапно, на вертолетах, почти столь же смело, как это сделал Скорцени, освободив в годы войны Муссолини. Опасаясь, что план Руделя может нарушить планы Бонна по постепенному освобождению осужденных нацистов, один из депутатов Бундестага раскрыл предстоящую операцию²²⁴.

Тем временем Германская имперская партия потерпела сокрушительное поражение на общенациональных выборах в августе 1953 года, и канцлер Конрад Аденауэр остался на своем посту на второй срок. Христианско-демократический союз Германии одержал победу с большим преимуществом, что не в последнюю очередь объяснялось стремительным восстановлением экономики Германии. Подобная ситуация в сочетании с жесткой

антикоммунистической позицией Аденаура позволила завоевать голоса подавляющего большинства ультраправых избирателей, которые прекрасно видели, что возглавлявшееся ХДС правительство было до краев заполнено бывшими нацистами.

Результаты выборов 1953 года отрезвляюще подействовали на неисправимых нацистов, обманывавших себя иллюзией эффективного противостояния правительству Аденауэра демократическими методами. Если назвать вещи своими именами, то неонацисты оказались в тупике. Большое количество ветеранов Третьего рейха предпочитало работать в новой политической системе, получая все связанные с ней выгоды, что делало экстремистские партии все менее привлекательными. Старый гитлеризм не имел никаких шансов на возрождение, пока немецкие промышленники, получая огромные прибыли от экономического бума, продолжали поддерживать правящую коалицию Аденауэра.

Поддерживаемый значительной экономической помощью США, Аденауэр не собирался отказываться от своих обязательств перед НАТО и атлантической системой. В результате у радикальных националистов Западной Германии осталось два варианта: смириться с интеграцией Бонна в западный союз, подразумевавший ремилитаризацию и антикоммунизм, или остаться на политической периферии. Имея перед собой подобный выбор, обусловленный «холодной войной», убежденные неонацисты, выступавшие против прозападной политики Аденауэра, пытались найти эффективный ответ, который позволил бы им не исчезнуть в небытии.

Тем, чья вера в фашизм осталась непоколебимой, необходимо было признать биполярную реальность нового политического порядка. Некоторые поставили свои паруса, наполнив их веяниями нового времени, отказываясь от расистских и антисемитских высказываний, но в то же время не оставляя попыток возродить фашистскую идеологию в сильно изменившихся послевоенных формах. Они пытались планировать на далекую перспективу, разделяя общее мнение о необходимости завоевать политическую власть, однако расходясь в конкретных способах достижения этой цели. В условиях фракционного раскола, характерного для неонацистского движения, некоторые полагали, что наилучшим выходом станет создание достаточно аморфного внепарламентского подпольного движения. Оно было способно поддержать горение идейного огня до тех пор, пока не создадутся более выгодные условия для полномасштабного возрождения фашизма.

Разочарованные результатами своего участия в политической жизни власти, наиболее твердые последователи неонацизма энергично принялись создавать мифы, символы и социальные образы, которые смогли бы помочь

новому поколению активистов пережить долгую политическую засуху. Они напряженно работали над тем, чтобы, по словам Курта Таубера, «спасти из прошлого все еще годные к употреблению детали Консервативной революции, идеологию «фёлькиш» и национал-социализма, приспособив их к новому идеологическому трамплину, которым они смогут воспользоваться, чтобы когда-нибудь снова достичь своей цели». Естественной частью ревизионистской методологии были различные уловки, предназначенные для облагораживания образа нациста. Стандартным элементом их репертуара, например, было утверждение о том, что между ранней, благотельной формой фашизма и его позднейшим, запятнанным образом были существенные различия²²⁵.

Обращаясь к подобным доводам, ультраправые организации, такие, как DRP Руделя, смогли сохранить небольшую поддержку избирателей в середине и конце 1950-х годов. Особенно популярны они были среди тех, кто ставил под сомнение разумность тотального приятия НАТО, которое продемонстрировал Аденауэр. Эти сомнения были достаточны для того, чтобы поддержать несколько неонацистских групп, продолжавших придерживаться националистически-нейтралистской линии. Получавшие свое финансирование с Востока газеты и ассоциации вдохновлялись повторяющимися заявлениями преемников Сталина, поддерживавших мысль о возможности нейтральной и единой Германии²²⁶.

Чтобы продемонстрировать свою искренность, Советы предложили вывести войска из оккупированной Австрии в том случае, если так же поступят и западные державы. В 1955 году творцы американской политики преодолели свои сомнения, и советское предложение было реализовано. Это привело к возникновению нейтральной (но сильно склонявшейся в сторону Запада) Австрии. Однако, когда Советский Союз предложил аналогичное решение немецкой проблемы, официальные лица США дали задний ход. Американская несговорчивость повлекла за собой изменения в тактике Советов. В 1961 году по указанию Кремля была построена Берлинская стена — символ самой сути «холодной войны». Ее задачей было пресечь поток беженцев с Востока на Запад. Когда обе сверхдержавы начали выступать за «мирное сосуществование», неонацисты, выступавшие за нейтралитет, поняли, что оказались «вне игры».

Конечно, сохранялись отдельные эксцессы, например, когда в канун Рождества 1959 года молодые последователи Ганса-Ульриха Руделя разукрасили свастикой кельнскую синагогу. Этот случай положил начало серии антисемитских происшествий в Западной Европе. Однако по большей части отъявленные неонацистские выходки происходили на периферии общественной жизни. Французский фашист Морис Бардеш оплакивал судьбу

многолетних изгоев, признавая, что «эти банды потерянных солдат» переживали острый кризис идентичности. «На политической сцене мы всегда выглядим какими-то довесками, — жаловался Бардеш. — Армия ничтожеств заняла всю территорию, принадлежащую правым»²²⁷.

ЧАСТЬ II

СОЛДАТЫ ПОЛИТИКИ

Глава 4

СВАСТИКА И ПОЛУМЕСЯЦ

Переворот в Каире

Январь 1953 года. Бригада арабских солдат проходит церемониальным шагом по широкому каирскому бульвару. Около трибуны с почетными гостями они отдают торжественный салют. На трибуне среди прочих знаменитостей сидит выделяющийся своими темными очками Отто Скорцени. Нацистский герой приглашен принять проходящий на залитых солнцем улицах парад, посвященный государственному перевороту. Переворот был проведен шесть месяцев назад организацией «Свободные офицеры» и поверг коррумпированную египетскую монархию.

Молодые революционные руководители Египта — и среди них полковник Гамаль Абдел Насер, которого многие считали реальным правителем страны, — относились с большим уважением к Скорцени, теперь ключевому советнику секретной службы нового режима. Илзе Скорцени, часто сопровождавшая мужа в поездках на Ближний Восток, признавала, что между Отто и Насером были очень дружеские отношения. «Когда мы бывали в Каире, они проводили вместе много времени», — вспоминала она¹.

Посещая Египет, Скорцени также общался с бурно растущей колонией немецких беглецов, появившейся здесь вскоре после Второй мировой войны. Каир, наряду с Мадридом и Буэнос-Айресом, стал убежищем для тысяч немецких эмигрантов. Многие ветераны Третьего рейха поступили на службу к египетскому правительству.

Близкие связи между Германией и арабским миром возникли еще во времена Гитлера, поскольку геополитические эксперты фюрера придавали большое значение росту влияния нацизма на Ближнем Востоке. Хотя Гитлер и испытывал отвращение к арабам (однажды он назвал их «блестящими полюбозьянами, которым нужен кнут»), он был своего рода идолом военизированной организации «Зеленые рубашки», египетского протофашистского движения. Они называли его Абу Али (Хороший Боец). Возглавлявший Египет во времена Гитлера король Фарук также симпатизировал нацистам. Королевский дворец стал местом встреч шпионов и курьеров стран Оси. Члены королевской семьи занимались шпионажем в пользу фашистской Италии, а многие любовницы короля были также и нацистскими агентами².

В то время как армия Роммеля стремилась вырвать Египет из-под власти английской короны, военная разведка Германии активизировала свою деятельность в стране Сфинкса. У возглавлявшегося адмиралом Канарисом «Абвера» в Египте был ряд тайных агентов, среди которых числились и два молодых египетских лейтенанта — Абдель Насер и Анвар Садат, принадлежавшие к тайной организации офицеров «Стальное кольцо». «Мы установили связь с германской штаб-квартирой в Ливии, — вспоминал Садат о годах войны, — и действовали в полном согласии с ними». Отсидевший три года в английском заключении за свою подрывную деятельность, Садат позднее сменил Насера на посту президента Египта³.

Самым известным лидером арабского мира, искавшим союза с Германией, был пользовавшийся дурной славой Великий муфтий Иерусалима Хаджи Амин аль-Хусейни. Отпрыск известной мусульманской семьи из Палестины — подмандатной территории Великобритании, муфтий бежал со своей родины за два года до начала Второй мировой войны. Этот любящий мирскую жизнь человек с жидкой рыжей бородой, невзирая на свой статус беженца, оставался выдающимся руководителем палестинских мусульман.

В ноябре 1941 года муфтий встретился в Берлине с Адольфом Гитлером. Этот город стал местом его жизни в изгнании в течение всей войны. Хаджи Амину аль-Хусейни удалось произвести благоприятное впечатление на фюрера. Гитлер высоко отзывался об «исключительной одаренности» муфтия, которая позволяла ему «быть почти равным японцам». Муфтия также уважал Генрих Гиммлер — он часто отпускал комплименты о его голубых глазах, которые, по словам главы SS (Schutzstaffel), были «надлежащего нордического цвета». Так называемый эксперт по расовой принадлежности, работавший в Абвере, сделал вывод в разведывательном донесении, что муфтий был не слишком-то и арабом: «Чистая арабская кровь... не могла позволить ему так последовательно и систематично бороться с англичанами

и евреями — его бы перекупили. Однако присутствующая у него кавказская или арийская кровь заставляет нас в будущем ожидать от муфтия такой союзнической верности, на которую не способен обычный араб»⁴.

В то время как арабы в Германии испытали все «прелести» принадлежности к низшей, в соответствии с нацистскими теориями, расе, Великий муфтий разъезжал в «Мерседесе» с личным водителем и охраной из SS. Несколько преувеличивая свою дружбу с Гитлером, он пытался заручиться поддержкой в борьбе с англичанами и сионистами в Палестине. Однако требования муфтия, включавшие в себя публичное одобрение державами Оси самоопределения и единства арабов, вступали в конфликт с колониальными интересами фашистской Италии и вишистской Франции — союзников Германии в годы войны. Вследствие этого Гитлер воздерживался от полномасштабной поддержки требований арабов о независимости, даже невзирая на то, что официальные представители Третьего рейха достаточно часто прибегали к «антиимпериалистической» фразеологии, говоря об исламском мире.

Не пасовавший перед трудностями Великий муфтий был убежден, что непосредственные цели арабского национализма и нацистской стратегии совпадают, поскольку и у первых, и у вторых были общие враги — англичане, евреи и коммунисты. В распоряжение Великого муфтия были предоставлены мощные радиопередатчики, что позволило транслировать его зажигательные пропагандистские выступления в пользу держав Оси по всему арабскому миру. Он также способствовал созданию мусульманской дивизии SS, состоявшей из новобранцев с Балкан — в основном из Боснии, — а также из других регионов. Великий муфтий часто посещал эти войска, молился с ними и призывал биться во имя Аллаха. Он также благословлял подготовленные нацистами диверсионные группы перед их отправкой в Палестину, Ирак и Трансиорданию. По мере того как становился все более очевидным военный крах держав Оси, Хаджи Амин аль-Хусейни стал призывать Германию и марионеточные правительства ее восточноевропейских союзников сгонять тысячи евреев в концентрационные лагеря, не позволяя им эмигрировать в Палестину. При этом слова муфтия вряд ли играли решающую роль для нацистов, которые в деле ликвидации евреев не нуждались в дополнительных поощрениях⁵.

После войны Великий муфтий направился в Египет. Он расположился в роскошной вилле в Александрии, предоставленной ему королем Фаруком. Прибытие в 1946 году Великого муфтия стало прелюдией к целому потоку ветеранов Третьего рейха, решивших укрыться в Каире. Один из министров Фарука предложил нанять бывших нацистов в качестве советников, чтобы осовременить египетские вооруженные силы. Хотя король не выказал

особого энтузиазма по поводу предложения, некоторые из его офицеров использовали эту возможность, прибегнув к услугам ряда немецких технических и промышленных специалистов⁶.

В начале 1950-х годов 40 немецких парашютистов, артиллеристов, подрывников, водолазов и ветеранов-танкистов Африканского корпуса Роммеля начали делиться своим опытом со студентами египетских военных академий. Их вклад был высоко оценен Гамалем Абделем Насером и другими руководителями общества «Свободные офицеры», пригласившими немецких экспертов продолжить свою работу в стране и после свержения монархии 23 июля 1952 года. «Самым интригующим моментом восстания против короля Фарука, — отмечал журнал «Newsweek» в своем репортаже, — была роль, сыгранная в заговоре большой группой немецких советников, служивших в египетской армии». Несмотря на отсутствие свидетельств о том, что переворот был задуман бывшими нацистами, по свидетельству «Newsweek», «молодые офицеры, занимавшиеся планированием мятежа, консультировались с немцами по “тактическим вопросам”». Далее в репортаже предполагалось, что именно этими консультациями объясняется «гладкость проведения операции»⁷.

Насер стал неоспоримым лидером Египта в 1954 году, отодвинув в сторону Мохаммеда Нагиба, формально возглавившего государство после переворота, организованного «Свободными офицерами». Этот захват власти был поддержан ЦРУ, рассматривавшим Насера в качестве ценного антикоммунистического союзника. Одним из первых шагов, предпринятых Насером, был удар по Коммунистической партии Египта и заключение в тюрьму ее руководства. Его приспешники также арестовали несколько левых профсоюзных деятелей, которые были повешены после проведения над ними «упрошенного» суда⁸.

ЦРУ с охотой откликнулось на просьбу Насера помочь привести в порядок ветхую египетскую разведслужбу. Однако подобная деликатная миссия должна была проводиться таким образом, чтобы не повредить репутации американцев. Решено было действовать через посредников, тем более что под рукой была готовая «Организация Гелена».

Майлз Коупленд (Miles Copeland), резидент ЦРУ в Каире, работавший там все 1950-е годы, вспоминал: «В руках у американской разведки были немцы — их было немного, — которых сложно было назвать военными преступниками». Он вместе со своими подчиненными «прочесывал личные дела этих немцев в поисках таланта, который можно использовать иногда даже в США, но по большей части в других странах. В 1953 году эта работа уже подходила к концу, и тут выяснилось, что Насеру нужна внешняя помощь в организации работы службы безопасности и разведки. Наше

правительство сочло прямую помощь в высшей степени политически неправильной»⁹.

Посоветовавшись с Даллесом, Гелен решил, что наиболее подходящим исполнителем для этой работы будет Скорцени. Глава ЦРУ поддержал это мнение, будучи уверенным, что такой пламенный антикоммунист поможет упрочить позиции Насера среди египетских военных. «Скорцени был любимчиком американской контрразведки, он смог подружиться со многими из тех, кто его захватил, перед тем как сбежать от них. Предполагалось, что его темперамент и личные качества прекрасно подходят для того, чтобы поладить с Насером», — вспоминал Коупленд. Через некоторое время творцам американской политики пришлось пожалеть о своем решении¹⁰.

Сначала оказалось, что со Скорцени не так просто договориться. «Сначала к нему подошли обычным путем, — рассказывал Коупленд, — затем пришлось подключить более высокий уровень, а потом с ним лично встретился некий хорошо известный генерал-майор армии США». В конце концов только настойчивые уговоры Ялмара Шахта убедили зятя в том, что последнему следует отправиться в страну пирамид по заданию Гелена и американцев — это было в их общих интересах. Скорцени согласился выполнить задание только после того, как получил гарантии непродолжительности своего пребывания в Египте, а также того, что ЦРУ будет доплачивать ему сверх тех денег, что были предложены Насером¹¹.

Следующие полтора года Скорцени пользовался средствами ЦРУ для того, чтобы завербовать на службу ветеранов SS и других «знаменитостей» Третьего рейха. Они с радостью воспользовались, по словам Гелена, «возможностью вдохнуть новую жизнь и опыт в египетские секретные службы». По протекции Скорцени на службу поступило еще свыше 100 немецких советников. Некоторые из них были призваны из неонацистских организаций и остатков сетей «Организации бывших членов SS» в Мадриде. Среди людей Скорцени были и такие беглецы, как штурмбаннфюрер SS Леопольд Глейм, приговоренный к смерти за преступления, совершенные в годы войны, когда он возглавлял действовавшие в Польше подразделения гестапо, а также Франц Бюнше, работавший у Геббельса пропагандист. Он прославился своей порнографической книгой «Сексуальные обычаи евреев». Ветеран ЦРУ Майлз Коупленд высказался об этом достаточно кратко: «Возможно, кто-нибудь однажды придумает способ побудить утонченных джентльменов устраиваться на работу в службы безопасности. Однако совершенно очевидно, что такой способ не был известен ни Насеру, ни его американским советникам»¹².

Тот факт, что Египет формально находился в состоянии войны с Израилем, добавлял энтузиазма многим из людей Гелена, известным своими ан-

тисемитскими наклонностями. Они охотно помогали пришедшим к власти «Свободным офицерам». Гелен также отмечает в своих мемуарах, что арабские страны «были рады принять немцев с якобы нацистским прошлым». Что касается Насера, то он особенно уважал Скорцени. Для руководства египетских военных Скорцени был мастером засад, бесстрашным рыцарем плаща и кинжала, настоящим Джеймсом Бондом даже в сравнении с лучшими из них. Английские официальные лица, раздраженные снижением своего статуса на Ближнем Востоке, не испытывали особого энтузиазма от присутствия Скорцени в Каире. Выступая в палате общин, премьер-министр Уинстон Черчилль предупредил: «Египетская армия получает помощь и обучается нацистскими инструкторами и штабными офицерами, присутствующими там в совершенно несообразном количестве». Однако представитель египетского правительства немедленно выразил недоумение причиной подобной озабоченности: «Великобритания сама пользуется услугами более чем четырех тысяч немецких экспертов. Несколько тысяч работают в США, не отстают и другие страны»¹³.

Фашистская Мекка

Заселившись в свой номер в «Luna Park Hotel», Фрэнсис Паркер Йоки подошел к окну и посмотрел на город, который арабы называли «Мать мира». Он отчетливо видел массивный бастион крепости Саладина, одну из главных достопримечательностей Каира, а также три стройных минарета Аль-Ахзар, возвышавшихся над бескрайней панорамой мечетей и прижавшихся друг к другу крыш. За пределами старого города было видно несколько строящихся небоскребов. Вдали возвышались пирамиды, будто немые стражи тайны ушедших эпох.

Революционер, ищущий революцию, Йоки приехал в Каир летом 1953 года, именно тогда, когда туда же прибыл Скорцени с толпой немецких советников. Несколько месяцев пребывания в Каире американский фашист провел за написанием антисемитских пропагандистских материалов для Министерства информации Египта. Насера он считал «выдающимся и энергичным деятелем». Но Йоки не выносил палящей жары долины Нила. «Климат здесь настолько сух, что высасывает из человека все. Здесь работают 20 тысяч немцев, и они постепенно забывают свое прошлое. Они становятся черными. Если я здесь останусь, меня ждет то же самое, — писал он одному из знакомых. — Я очень чувствителен. Я всегда ненавидел солнце». Испытывая недостаток в деньгах, перед отъездом Йоки попытался продать один из своих американских паспортов¹⁴.

По мере того как все новые нацисты прибывали в египетскую столицу, роскошные бары и элитные клубы города превращались в сборище ветеранов SS, «специалистов по допросам» из гестапо, ученых-ракетчиков. Все они свободно общались с пылкими арабскими радикалами, нелегальными торговцами оружием и израильскими шпионами. Для генерал-майора Отто-Эрнста Ремера этот мир был особенно привлекателен. Бежав из Германии, чтобы скрыться от повторного тюремного заключения, он в 1953 году перебрался в Египет. В отличие от Йоки, солнце пустыни его не страшило. Ближний Восток — Каир, затем Дамаск — почти на 30 лет станет основным театром действий для Ремера. Он также поступит на службу к египетскому правительству в качестве, по его собственным словам, «политического советника Насера»¹⁵.

В Египте к Ремеру присоединилось несколько его сторонников из запрещенной Социалистической имперской партии. В их числе был и Эрнст-Вильгельм Шпрингер (Ernst-Wilhelm Springer), позднее участвовавший в различных схемах поставки оружия арабским клиентам. По сообщениям немецкой прессы, процитированным в докладах армейской разведки США, Ремер и Шпрингер выступили с предложением организовать в Египте новую полицейскую службу. Но в этом не было необходимости, так как правительство Насера уже привлекло для этой работы немецких специалистов¹⁶.

Живя в Египте, Ремер написал статью для «Der Weg» («Путь»), ежемесячного нацистского журнала, выходившего в Буэнос-Айресе. Заявляя, что и немцы, и арабы угнетаются «международным еврейством», он называл «национальным позором» принятое Бонном незадолго до этого решение о выплате репараций Израилю. (В отличие от Западной, Восточная Германия не выделила ни пфеннинга в качестве компенсации евреям, пострадавшим от нацистов.) Опасаясь, что эти выплаты способны «нарушить традиционную дружбу между арабским миром и немцами», Ремер резюмировал свои рассуждения: «Создание сильной арабской армии — срочная задача, имеющая непосредственное отношение ко всем немецким патриотическим силам, готовым направить для ее решения своих лучших людей»¹⁷.

Присутствие Ремера в Каире было в особенности неприятно для немецкого правительства, которое предпочло бы видеть его за решеткой. Находившийся также в Каире Скорцени умело избегал встреч с бывшим руководителем Социалистической имперской партии, имевшим склонность попадать в беду. Не успел прославленный телохранитель Гитлера бежать от правосудия фатерланда, как его за нарушение общественного порядка уже арестовали египетские власти. Это вполне могло бы послужить для местных властей предлогом для его заключения в тюрьму, если бы Ремер не был дружен с муфтием Амином аль-Хусейни¹⁸.

После свержения Фарука Великий муфтий жил в тщательно охраняемой вилле на улице Sharia Assuit в Гелиополисе, пригороде Каира. Здесь он принимал делегации со всех концов арабского мира, в то же время поддерживая тесные связи с радикальными националистами из Германии и других стран. Среди тех, кто в середине 1950-х годов собирался в доме муфтия, был и его дальний родственник Ясир Арафат, учившийся тогда в Каирском университете на инженера. Ремер, который впоследствии будет тесно сотрудничать с Арафатом, также несколько раз посетил высокочтимого Великого муфтия. За крепким арабским кофе они тепло вспоминали о Гитлере и, как обычно, рассуждали о том, как сбросить в море евреев¹⁹.

У муфтия была обширная сеть сторонников. «Пару раз я работал на него, доставал документы из досье, до которых другим нельзя было добраться», — вспоминал Кейт Томпсон. С мусульманским религиозным лидером сотрудничал и Скорцени. Видный английский фашист Энтони Фрэнсис Ксавьер Бэрон говорил, что Скорцени сыграл ключевую роль в направлении различным неонацистским группировкам по всему миру более чем одного миллиона долларов, собранных муфтием на антиссионистскую и антиеврейскую пропаганду²⁰.

Несколько немецких специалистов по пропаганде, перебравшись в Египет, взяли себе арабские имена. Один из самых ярых антисемитов Третьего рейха, работавший у Геббельса профессор Йоханн фон Леерс (Johann von Leers), принял ислам и стал называться Омар Амин. По протекции Великого муфтия он получил пост в Министерстве информации Египта. Под руководством фон Леерса пропагандистская машина Каира стала непрерывно выдавать антиеврейскую литературу и зажигательные радиопередачи. Помогали фон Леерсу десятки европейских нацистов, с радостью воспользовавшиеся новой возможностью продолжить свою вендетту против евреев. У них был регулярный доступ на «Радио Каира», использовавшее мощные передатчики, предоставленные ЦРУ для того, чтобы транслировать свои передачи на большинство стран арабского мира²¹.

Примеру фон Леера последовал и еще один протеже Геббельса, Ханс Аплер (Hans Appler). Он превратился в Салаха Сафара и начал готовить антисемитские материалы для режима Насера. К ним присоединился и Луис Хейден (Louis Heiden), или Луи аль-Хадж, работавший во время войны на Германское информационное бюро, а теперь переводчик «Mein Kampf» Гитлера на арабский язык. Египетское правительство также опубликовало арабский перевод «Протоколов сионских мудрецов» (печально известную фальшивку, сфабрикованную полицией царской России). Именно эту книгу в 1958 году Насер порекомендовал посетившему его индийскому журналисту. «Вам очень важно

познакомиться с этой книгой, — объяснил египетский президент. — Я подарю Вам экземпляр. Она не оставляет никаких сомнений в том, что три сотни сионистов, лично знакомых друг с другом, решают судьбы всей Европы»²².

До Второй мировой войны злобный европейский антисемитизм, нашедший свое выражение в «Протоколах», был практически неизвестен в арабском мире; хотя евреи здесь часто подвергались дискриминации, их редко преследовали. Однако, когда нацистские пропагандисты заняли ключевые посты в десятиэтажном здании Министерства информации в Каире, ситуация начала меняться. Расистские взгляды выходцев из Германии неизбежно оказывали влияние на египетских руководителей, начавших кампанию репрессий против местной еврейской колонии. Движимое и недвижимое имущество многих из них было конфисковано, а сами они выдворены из страны. Подобные меры были с одобрением встречены фон Леерсом и другими европейскими фашистами, нашедшими в середине 1950-х годов теплый прием у Насера²³.

Находившиеся на содержании у египетского правительства нацисты не ограничивались только словесными перепалками. По данным лондонской газеты «Таймс», немецкие ветераны войны не только служили советниками в египетской армии, но и готовили арабских добровольцев к возможной партизанской войне против английских войск, расположенных в зоне Суэцкого канала. Газета «Frankfurter Allgemeine Zeitung» также сообщала, что Отто Скорцени встречался с полковником Насером для обсуждения вопросов подготовки египетских командос²⁴.

Ряд молодых палестинских беженцев, включая и Ясира Арафата, присоединился к египетским солдатам, изучавшим нетрадиционные методы ведения боевых действий. Хотя изначально целью были англичане, будущий руководитель Организации освобождения Палестины понимал, что навыки командос помогут палестинским добровольцам вступить в битву за свою утраченную родину. Благодарный Арафат признавал огромный опыт и умение Скорцени в подобной деятельности. Между ними завязались отношения, продолжавшиеся многие годы. Палестинский руководитель явно испытывал симпатию к украшенному шрамом паладину. «Арафат готов был сделать для Отто все что угодно!» — заметила Илзе Скорцени²⁵.

В то время как Скорцени перемещался между Каиром и Мадридом, повседневную подготовку подразделений командос вела группа немецких специалистов, в числе которых состояли бывший оберфюрер SS Отто фон Дирлевангер (Otto von Dirlwanger), объявленный Польшей в розыск за военные преступления. Дирлевангер также готовил египетских охранников, отвечавших за личную безопасность Насера и его важных гостей. Эта же

задача стояла и перед Ойгеном Эйхбергером, одним из подчиненных Дирлевангера в годы войны, участвовавшим в уничтожении евреев на Украине²⁶.

В начале и середине 1950-х годов «иррегулярные» арабские подразделения провели десятки рейдов против Израиля. В результате большие пространства, граничившие с сектором Газа и западным берегом реки Иордан, фактически превратились в зону боевых действий. Проникавшие на израильскую территорию боевики убили свыше 300 израильтян, что вызвало ответные операции израильских солдат против Египта. Эти «контртеррористические» удары обычно имели цели, никак не связанные с нарушителями границы, что приводило к жертвам среди мирного населения, значительно превосходившим израильские²⁷.

Чтобы отомстить за непрекращающиеся операции арабских командос, в феврале 1955 года израильские военные провели крупную операцию, в результате которой был уничтожен штаб египетской армии в Газе. Насер ответил полномасштабной поддержкой дела палестинцев. Он распорядился, чтобы египетские офицеры контролировали действия подготовленной немецкими офицерами группировки палестинских партизан. Она насчитывала 700 человек и получила наименование «Федаины». Это древнее и почетное арабское слово обозначало человека, жертвующего собой во имя идеи. После ряда успешных вылазок в Израиль «Федаины» быстро стали легендой арабского мира.

Насер понимал ограниченную ценность рейдов в том случае, если они, в конечном итоге, не опираются на основательную военную мощь. Скорцени уже имел поверхностный опыт в международной торговле оружием и хотел помочь своим каирским друзьям. Увидев в египетских потребностях новые деловые возможности, Скорцени убедил генерала Франко продать Египту оружие (минометы, снаряды, пулеметы) на общую сумму в 3,5 миллиона долларов. Секретная сделка осуществлялась через швейцарскую фирму-посредника и стала одной из целого ряда операций, в ходе которых Скорцени, действуя от имени египетского правительства, занимался поставками военной, промышленной и потребительской продукции²⁸.

Однако Насер был убежден в том, что его армии нужна большая мощь, нежели та, которую мог обеспечить Скорцени. Поэтому египетский президент обратился за помощью к Соединенным Штатам. Американцы хотели, чтобы страна присоединилась к направленному против СССР военному союзу, что позволило бы разместить в Египте военные базы США. Однако Насер отказался, заявив, что это нарушит национальную целостность страны. Более того, у него не было никаких поводов конфликтовать с Советским Союзом. «СССР никогда не оккупировал нашу страну, — сказал он госу-

дарственному секретарю Джону Фостеру Даллесу. — Эта страна никогда не была ближневосточной империей. Я не понимаю, зачем мне превращать Египет в базу, угрожающую Советскому Союзу ядерными боеголовками, в то время как он никогда нам не угрожал»²⁹.

Даллес не верил, что Насер ведет себя таким образом только из националистических побуждений. Увязывая поставки оружия с условиями, рассматривавшимися Насером как нарушение суверенитета страны, американцы не оставили ему другого выбора, кроме как обратиться за помощью к советскому блоку. Если США возражали, они могли бы попробовать переманить его на свою сторону. По указке своих немецких советников Насер заявил, что будущее его страны заключается в том, чтобы не вставать на чью-либо сторону в «холодной войне». Он будет придерживаться своего собственного варианта «стратегии качелей», вступая в союз то с одной, то с другой сверхдержавой, чтобы получать выгоды с обеих сторон. По крайней мере, Насер надеялся на это.

Происки двойного агента

В апреле 1955 года Гамаль Абдель Насер отправился в Индонезию, где в городе Бандунг должна была состояться первая конференция неприсоединившихся стран. На встрече присутствовали представители 29 стран Азии и Африки, большинство из которых только что сбросило оковы колониализма или еще боролось за свою независимость. Они обсудили представлявшие общий интерес вопросы и подтвердили важность не присоединяться ни к одной из сторон в конфликте между Востоком и Западом. Иерусалимский муфтий появился на встрече в несколько странном образе — в качестве представителя Йемена, страны, где он ни разу не был. Однако его отодвинул на второй план Насер, предложивший резолюцию в поддержку борьбы палестинцев, которая была принята подавляющим большинством голосов³⁰.

На конференции неприсоединившихся стран, организованной новым революционным лидером Индонезии Сукарно, Насер предстал в качестве одной из наиболее крупных фигур. Во время этой исторической встречи Насер впервые встретился с министром иностранных дел Китая Чжоу Эньлаем. Египетский президент осторожно спросил его о возможности получать оружие из Советского Союза. Через несколько месяцев Кремль дал зеленый свет Чехословакии на продажу крупной партии военной техники в Египет. Незадолго до того как о сделке стало известно широкой публике, Насер встретился со Скорцени и попросил его передать сведения «по ме-

сту требования». Предупредив своих американских коллег о предстоящей поставке и других предложениях о помощи, поступивших от Советского Союза, Скорцени предложил попытаться перекупить Насера лучшим предложением. Для обсуждения вопроса непосредственно с президентом Египта прибыл представитель ЦРУ Кермит Рузвельт, однако эти секретные переговоры не увенчались успехом³¹.

Занимавший стратегическое положение моста между Азией и Африкой Египет рассматривался Советами в качестве ворот в арабский мир. Кремль уже давно пытался закрепиться на находившемся под властью Запада Ближнем Востоке, однако отсутствие подходящих специалистов подрывало все усилия советской разведки по проникновению в этот регион. Завербованные в южных республиках СССР мусульмане были ненадежными агентами, а сами русские шпионы особых успехов также не добивались. Первый прорыв состоялся в 1945 году, когда Советскому Союзу сдался вместе со всей своей шпионской сетью Фриц Гробба (Fritz Grobba), главный гитлеровский мастер плаща и кинжала на Ближнем Востоке. Бывший посол нацистской Германии в Саудовской Аравии и Ираке, он сыграл важную роль в организации сенсационной оружейной сделки между Насером и чехами³².

Одним из наиболее любопытных аспектов египетско-чехословацкой сделки на 80 миллионов долларов была важная роль, сыгранная за сценой доктором Вильгельмом Фоссом (Wilhelm Voss), ключевым немецким советником египетского Министерства обороны. Во время Второй мировой войны Фосс курировал заводы фирмы «Шкода» — большого оборонного предприятия на территории оккупированной Чехословакии. Трое ведущих инженеров «Шкоды» были позднее наняты Фоссом для работы в Египте. По данным журнала «Шпигель», на деле эти инженеры были «агентами коммунистов, работавшими под видом судетских беженцев». Судеты были населенной преимущественно немцами областью Чехословакии, захваченной Гитлером в самом начале войны. Чехи помогли Фоссу заключить договор со «Шкодой», предоставившей большую часть оружия, поставленного в 1955 году в Египет³³.

Закулисная деятельность доктора Фосса вызвала недоумение в Государственном департаменте. Посол США в Каире Джефферсон Каффри был убежден, что именно Фосс содействовал бегству в Египет Отто-Эрнста Ремера. Отношения руководителя Социалистической имперской партии с русскими не смущали Фосса, видевшего преимущества в развитии связей как с Западом, так и с Востоком³⁴.

Двойная игра Фосса не укрылась от внимания Эрнста Вольвебера (Ernst Wollweber), главы восточногерманского Министерства государственной

безопасности, убедившего своих советских хозяев в том, что ряд бывших офицеров SS, обладавших связями в арабском мире, могут быть полезны Москве. В первую очередь Волльвебер имел в виду Бернхарда Бендера (Bernhardt Bender), специалиста по Ближнему Востоку, некогда подполковника личного штаба Гимmlера. После войны Бендер появился в Каире, где возглавил политический отдел тайной полиции Насера. В этой должности Бендер (теперь под именем полковника Бен Салема) предоставил средства целой банде эсэсовских эмигрантов, работавших также и на Советы. В то же самое время секретная служба Великобритании и ЦРУ, пойдя по ложному следу, пыталась выявить среди египтян лиц, испытывавших симпатии к коммунистам³⁵.

Очевидно, что специалисты американской разведки так и не смогли понять, что в качестве инструмента коммунистического проникновения на Ближний Восток выступают бывшие нацисты. Тем не менее существует ряд свидетельств того, что и Скорцени, среди прочих, в годы «холодной войны» мог работать как на одну, так и на другую сторону. В феврале 1953 года, когда Скорцени тесно общался с Насером, ветеран SS, упоминаемый в докладе Государственного департамента под псевдонимом Клуф, обратился в американское консульство во французском Марселе и сообщил о существовании «тайной международной организации бывших офицеров SS, частично финансируемой Советами и действующей вместе с русскими против стран Запада». Клуф назвал Скорцени одной из ключевых фигур этой структуры. Осведомитель Госдепартамента заявил, что поддерживает контакт со Скорцени со времени совместной службы в годы войны. Он даже сообщил консулу США в Марселе Роланду Якобсу личный телефон Скорцени и сказал, что они недавно встречались в Испании. Именно там Клуф узнал о «курьерах из советской оккупационной зоны [в Германии], еженедельно или раз в две недели привозивших в Мадрид деньги или почту».

Кроме того, как показал Клуф, эта международная сеть неонацистов «получала деньги от немецких промышленников». В качестве одного из важных источников средств он особо отметил графиню Фабер-Кастелл (Faber-Castell), представлявшую крупного немецкого производителя карандашей. (Поддерживавшая Социалистическую имперскую партию в годы ее непродолжительного расцвета, графиня Фабер-Кастелл укрывала в своем баварском шале Отто-Эрнста Ремера перед тем, как тот бежал в Египет.) Клуф также рассказал представителю Государственного департамента, что «Ремер сотрудничал и с русскими». Далее он принялся говорить о представлявшихся совершенно фантастическими планах группы эсэсовских фанатиков, желавших организовать в Иране восстание против западных нефтедобывающих компаний. И хотя Клуф попал в цель своими сообще-

ниями о Ремере, Якобс пришел к заключению, что данные его информатора «не представляются правдоподобными», поэтому дальнейшая официальная проверка этой информации не проводилась³⁶.

Новые данные о связях Скорцени с Востоком были получены после того, как военная полиция Великобритании в январе 1953 года арестовала нескольких бывших высокопоставленных нацистов по обвинению в заговоре с целью организации переворота в Западной Германии. Одним из ключевых элементов этого таинственного дела была компания H. S. Lucht, экспортно-импортная фирма, под прикрытием которой и работали заговорщики. Ее владелицей была госпожа Леа Лухт (Lea Lucht, родственница находившегося в эмиграции бригадефюрера SS Леона Дегреля), а представителем загадочной фирмы в Мадриде был Отто Скорцени. Более того, H. S. Lucht активно участвовала в нелегальной торговле с советским блоком. У нее было представительство в восточногерманском Лейпциге, использовавшееся Скорцени для найма специалистов и военных экспертов для проведения специальных проектов на Ближнем Востоке³⁷.

Прислушивавшиеся к заверениям генерала Гелена стратеги американской разведки наивно полагали, что их нацистские наемники предотвратят уход Египта в советский лагерь. Однако именно в ту сторону со всей очевидностью и направился Насер в середине 1950-х годов. Его внезапный переход на сторону Москвы был поддержан Скорцени, сторонником «политики качелей», к применению которой в то время приступил египетский президент. Конечно, Насер не был ничьей марионеткой. Его не требовалось специально учить тому, как вести себя, лавируя между двумя соперничающими сверхдержавами. В то же время не следует преуменьшать влияния, оказанного на него Скорцени, Фоссом и подобными им личностями. Это еще один пример того, как нацисты играли с Востоком против Запада в своих собственных целях, чтобы поддержать арабских националистов и другие неприсоединившиеся силы третьего мира³⁸.

Майлз Коупленд, резидент ЦРУ в Каире, совершенно неправильно истолковал положение вещей, заявив, что крупной ошибкой Скорцени стал отказ от найма для службы в Египте «нераскаившихся нацистов». «Это было ошибкой, — заявлял Коупленд, — поскольку они, не будучи людьми принципов, пусть даже ложных, а заинтересованные лишь в собственном выживании, с легкостью адаптировались к левацким тенденциям правительства Насера». Дело выглядит так, будто Фосс и Скорцени всего лишь приспособлялись к неожиданностям, а не были одними из их создателей! Предпосылка, из которой исходили в ЦРУ, заключалась в том, что последовательный нацист по определению будет несгибаемым антикоммунистом.

До некоторой степени это соответствовало истине, однако в подобной ситуации идейные соображения играли не такую большую роль, которую им отводили профессионалы из ЦРУ³⁹.

Окончившиеся неудачей заигрывания ЦРУ с нацистами в Египте стали яркой иллюстрацией череды огромных просчетов, допущенных американцами в ходе вторжения на Ближний Восток. После оружейной сделки с чехами и решения Насера признать коммунистический Китай США отказались от своих обязательств по финансированию сооружения Асуанской плотины. Не желая соглашаться с заявлениями Насера о независимости, американцы не оставили ему другого выбора, кроме как обратиться за дополнительной помощью к Москве, которая немедленно согласилась не только участвовать в осуществлении асуанского проекта, но и предложила другие услуги. Щедрость Кремля, как представлялось, свидетельствовала об успехе политических игр на противоречиях сверхдержав. По крайней мере, к таким выводам пришел Насер, который после национализации в июле 1956 года Суэцкого канала смело заявил: «Если империалистическим державам это не нравится, пусть подавятся от ярости».

Через три месяца английская и французская авиация нанесла удары по аэродромам и военным объектам Египта, а израильская армия вступила на Синайский полуостров. Два западноевропейских государства, не согласные с тем, что эпоха колониализма закончилась, собирались свергнуть режим Насера с тем, чтобы вернуть себе контроль над важнейшим водным путем. Со своей стороны Израиль намеревался уничтожить базы движения «Федаин» в секторе Газа. В дни, предшествовавшие Суэцкому кризису октября 1956 года, израильские политики и журналисты неоднократно поднимали вопрос о нацистских советниках, действовавших в Египте. Ведущая израильская газета «Ма'арив» выпустила статью на целую полосу, озаглавленную «Свастика на землях Нила». В ней бывший эсэсовец Скорцени описывался как «человек, стоящий за спиной Арафата»⁴⁰.

Озабоченный возможным ростом престижа Советского Союза в арабском мире вследствие удара трех стран по Египту, президент США Эйзенхауэр осудил вторжение. В марте 1957 года Израиль под давлением США согласился вывести свои войска с Синайского полуострова в обмен на обещание Насера остановить вторжение к соседям палестинских боевиков. Хотя войска Насера понесли серьезное поражение, вызывающее поведение по отношению к Западу значительно повысило его популярность в арабском мире. В египетском президенте видели освободителя, своего рода Симона Боливера Ближнего Востока.

Успех «политики качелей» Насера показал, что неприсоединение в международных делах может принести ощутимые результаты. Русские, со своей

стороны, уделяли большое внимание упрочению связей с Египтом. Эти связи стали своего рода прецедентом для взаимодействия Советов с членами движения неприсоединения из третьего мира. Братья Даллесы были вне себя от ярости. Джон Фостер осудил нейтралитет как «аморальную и близорукую концепцию», в то время как Аллен устроил выволочку Майлзу Коупленду. «Если этот ваш полковник пойдет слишком далеко, мы переломим его пополам»⁴¹.

ЦРУ спешно разработало планы по свержению с пьедестала докучавшего им Насера. Один из них предусматривал тайно дать египетскому президенту дозу ЛСД, что заставило бы его странно вести себя на публике, разрушив героический образ и дискредитировав его в глазах сторонников. Когда этот план был признан неприемлемым, ЦРУ направило в Египет три группы наемных убийц, однако Насеру удалось избежать встречи с преследователями⁴².

Принимая во внимание отношение Насера к Западу, ЦРУ вступило в более тесный контакт со своими коллегами из Израиля — спецслужбой «Моссад». Это было сделано в попытке обуздать то, что воспринималось как рост советского влияния на Ближнем Востоке. Хотя США были первой страной мира, признавшей государство Израиль, изначально отношения между ними были достаточно прохладными. США не хотели ухудшать свои отношения с арабами. Сильная проарабская фракция в Государственном департаменте и ЦРУ, включавшая в себя Кермита Рузвельта и Майлза Коупленда, в начале 1950-х годов одержала верх. Однако их акции сильно упали после того, как политика заигрывания с нацистами бумерангом нанесла удар по Египту. «Позже, — признавал Рузвельт, — мы пришли к выводу, что идея о подготовке египетской секретной службы была неудачной»⁴³.

Шпионский провал в Каире открыл отличные перспективы перед руководителем «Моссада» Иссером Харелем и премьер-министром Израиля Давидом Бен-Гурионом. Они были убеждены в необходимости укрепить связи с союзом западных стран. В течение ряда лет израильская разведка снабжала американцев непрерывным потоком информации, полученной от еврейских иммигрантов из стран Восточной Европы. Им было что рассказать о жизни под сапогом Советов. После Суэцкого кризиса связи между ЦРУ и «Моссада» значительно укрепились. Одним из неоднозначных последствий этого сближения для израильтян стало развитие новых связей с «Организацией Гелена», официально ставшей в 1955 году Федеральной разведывательной службой Германии (Bundesnachrichtendienst, BND) — западногерманским аналогом ЦРУ. Связи между разведчиками стали прологом к военным контактам на высоком уровне, а затем и дипломатическому признанию, несмотря на сильные сомнения относительно целесообразности этого шага в обеих странах.

«Я всегда считал своего рода трагедией, — вспоминал в своих мемуарах Гелен, — что Западная Германия была последовательно втянута в союз с Израилем против арабских государств». Однако он признавал, что у Германии «есть политический долг перед евреями»: «Израиль начал представлять для нас большой профессиональный интерес. Мы давали им экспертные советы по развитию их маленькой, но мощной секретной службы, мы предоставляли им необходимые возможности, а также помогали размещать своих ключевых агентов в арабских странах, особенно после того, как Насер начал интенсивно развивать свои отношения с Москвой». Харель вспоминал о том же самом несколько по-другому: «Наши контакты с западногерманской разведкой носили весьма ограниченный характер, — утверждал он. — Гелен хотел много большего»⁴⁴.

Будучи хладнокровным прагматиком, Харель понимал, что «Организация Гелена» занимает совершенно особое положение в НАТО и всей атлантической системе. Это делало необходимым определенное сближение Бонна и Тель-Авива, даже при неизбежности общения с полным нацистов шпионским аппаратом BND. «Мы вынуждены были пойти на это, — пожимал плечами Харель, — поскольку Гелен был важен для Соединенных Штатов». Глава израильских шпионов не мог без определенной болезненности воспринимать тот факт, что «Организация Гелена» — BND — имела в своем штате гнусных военных преступников и защищала их, в то время как их место было за решеткой. Но он знал, что то же самое справедливо и в отношении многих других западногерманских организаций, полных бывшими нацистами. Даже когда Бонн начал выплачивать репарации евреям и государству Израиль, «Моссад» продолжал сбор улик о бывшей нацистской деятельности высокопоставленных западногерманских политиков⁴⁵.

После Суэцкого кризиса официальные отношения Западной Германии с Египтом ухудшились, однако некоторые важные советники из числа бывших нацистов, обладавшие хорошими связями в Бонне, продолжали помогать Насеру. Так, например, доктор Вильгельм Фосс продолжил оказывать помощь оружейному заводу в Хелуане близ Каира, а Альфред Крупп, стальной магнат из Рура, был призван разрабатывать месторождения железных руд близ строящейся Асуанской плотины. Крупнейшая немецкая фирма Siemens, использовавшая в годы Второй мировой войны рабский труд заключенных, вызвалась электрифицировать всю дельту Нила. В то же время Гелен, официально умывший руки в деле создания египетской секретной службы, продолжал поддерживать в Каире агентурную сеть⁴⁶.

В это время BND создала резидентуры в нескольких арабских странах, где развивались пронасерские настроения. Так, Гелен консультировал разведку

Саудовской Аравии и расширял операции своей службы в направлении Дамаска. Резидентом BND в сирийской столице в середине 1950-х годов стал Алоис Бруннер — бывший гауптштурмфюрер SS, бывший заместитель и личный секретарь Адольфа Эйхмана, главного организатора «окончательного решения еврейского вопроса». Охарактеризованный в ходе Нюрнбергского трибунала как «самый хладнокровный убийца в окружении Эйхмана», Бруннер любил вспоминать, как в 1943 году возглавлял бойню в концентрационном лагере Дранси к северу от Парижа. Он также занимался отбором заключенных в Освенцим. Эйхман во многом полагался на этого массового убийцу — кочевника, перемешавшегося из одной страны в другую и лично наблюдавшего за депортацией свыше 120 тысяч человек, большинство из которых было уничтожено⁴⁷.

Дважды заочно приговоренный к смерти французскими судами в 1954 году, Бруннер бежал в Каир, где принял участие в финансировавшейся ЦРУ программе подготовки служб безопасности Египта (его особой компетенцией была «техника допроса»). Когда Гелен сократил штат BND в Египте, Бруннер перебрался в Сирию, где продолжил свою разведывательную деятельность. Он сравнительно поздно влился в ряды дамасских неонацистов. Сирийские вооруженные силы уже с 1951 года получали наставления от группы немецких военных советников во главе с генералом Райнером Крибелем⁴⁸.

В то время как многие немцы то приезжали в Сирию, то покидали ее, Бруннер оставался в стране в последующие 30 лет. Он жил под псевдонимом (доктор Георг Фишер) в тщательно охраняемой квартире на улице George Haddad в фешенебельном районе Дамаска Абу Румане. Бруннер умел находить общий язык со сменявшимися друг друга сирийскими силовиками. В 1960 году он помог осуществить закупку в Восточной Германии двух тысяч электронных подслушивающих устройств. Это сделка была более чем странной, принимая во внимание явную связь Бруннера с западногерманской разведкой с Геленом во главе⁴⁹.

Через два года в Дамаске на длительный срок обустроился генерал-майор Отто-Эрнст Ремер. Они с Бруннером стали деловыми партнерами, заключая сделки в интересах правительств различных арабских стран. Ремер уже доказал свою пользу в качестве разностороннего посредника, помогая алжирским повстанцам вести войну с французами.

Гнев «Красной руки»

Один из наиболее жестоких эпизодов в истории африканского колониализма случился в 1830 году, когда оккупировавшие Алжир французские сол-

даты снимали серебряные браслеты, которые арабские женщины носили на руках и ногах, просто отрубая им конечности. Это были не единичные случаи безумия людей, испытывавших «бремя белого человека». Скорее, здесь демонстрировалось типичное поведение колониальных властей, безжалостно подавлявших местное население. У племен были отняты земли, и на них посажены французские «колоны», также известные под именем «черноногих». К 1954 году, когда война за независимость Алжира вошла в решающую фазу, примерно 25% плодородных земель принадлежало 2% населения, занятого в сельском хозяйстве. Свыше миллиона арабов были частично или полностью безработными, а еще два миллиона — занятыми не полностью⁵⁰.

Такие тяжелые условия подпитывали ненависть и решительность Фронта национального освобождения Алжира (FLN), поклявшегося освободить страну. В соответствии со старой арабской пословицей «Враг моего врага — мой друг» некоторые из руководителей FLN ранее сотрудничали с фашистами, надеясь, что союз с Гитлером позволит изгнать французов и открыть новую, более яркую эпоху. Одним из таких людей был Мохаммед Саид, всегда носивший стальной шлем немецкого образца, командуя диверсиями FLN у тунисской границы. Во время Второй мировой войны Саид вступил в мусульманскую дивизию SS, в формировании которой принял участие Великий муфтий Иерусалима. В 1943 году его, агента «Абвера», забросили с парашютом в Северную Африку. Здесь Саид был захвачен французами и приговорен к пожизненному заключению. Через несколько лет он вышел на свободу по амнистии и присоединился к только что образовавшемуся подпольному Фронту национального освобождения Алжира. Позднее он занял министерский пост в первом постколониальном правительстве Алжира во главе с президентом Ахмедом Бен Беллой.

Если Саид сотрудничал с нацистами, то Бен Белла за свою помощь союзникам получил одну из высших военных наград Франции — «Военную медаль» — из рук самого генерала Шарля де Голля, руководителя сражавшихся с нацистами войск «Свободной Франции». Конечно, будущий французский президент де Голль и не подозревал, что наградил человека, который позднее стал одним из руководителей антифранцузского мятежа⁵¹.

Проводившаяся Бен Беллой агитация против колониалистов привела его после войны в тюрьму Блинда, откуда ему удалось бежать (в стиле голливудских боевиков), перепилив решетку на окне ножовкой, спрятанной в буханке хлеба. К 1953 году Бен Белла перебрался в Каир, где к нему присоединились и остальные руководители Фронта национального освобождения Алжира. В египетской столице ими был открыт офис по вербовке арабских добровольцев для войны в Алжире. Каир стал мозговым центром восстания и местом

пребывания временного правительства страны, созданного FLN. Это было одной из главных причин участия Франции в Суэцком кризисе 1956 года — они надеялись нокаутировать руководство алжирских повстанцев.

Однако выставлять Насера в качестве закулисного руководителя арабского восстания в Алжире, как это делали французы, было сильным преувеличением. К большому сожалению Бен Беллы и других руководителей Фронта национального освобождения Алжира, несмотря на словоохотливость египетского президента, он нехотя предоставлял повстанцам материальную помощь. FLN постоянно просил Насера о помощи, но он направлял на поддержку дела алжирского народа крайне незначительные суммы денег и партии оружия. В основном поддержка носила словесный характер, так, например, в ходе проведения конференции неприсоединившихся стран в Бандунге Насер предложил принять резолюцию о праве Алжира на независимость. Делегация FLN высоко оценила этот жест, хотя на деле они гораздо больше нуждались в оружии для борьбы с французами.

Все указывало на то, что конфликт будет острым и продолжительным. Французские военные, только что потерпевшие унижительное поражение при Дьенбьенфу во Вьетнаме, были настроены твердо придерживаться своего курса в Северной Африке. Однако для французских сил было невозможно организовать тщательное патрулирование пустынной территории Алжира (на тот момент — десятой по величине стране мира), в особенности в ситуации, когда Фронт национального освобождения Алжира пользовался широкой поддержкой среди местного населения. Тем не менее повстанцам катастрофически не хватало оружия и подготовленных сил. В условиях ограниченного выбора руководители FLN с удовольствием приняли предложение ряда проживавших в Каире ветеранов Третьего рейха, которым удалось значительно поднять боевой потенциал египетской армии. Отто-Эрнст Ремер и другие немецкие советники были готовы предоставить алжирским повстанцам необходимые услуги.

Во время своего пребывания в Каире, где он укрывался от немецкого правосудия, Ремер обзавелся массой связей, которые сослужили ему добрую службу по возвращении на родину в 1954 году. Именно тогда в результате амнистии с него было снято обвинение в клевете. По мере перерастания алжирского конфликта в полномасштабную гражданскую войну Ремер стал представителем группы располагавшихся в Германии торговцев оружием, снабжавших своим товаром FLN и других арабских националистов. «Я никогда не забуду один из заказов, — вспоминал Ремер. — Алжирцам понадобилось пять тонн черного перца. Пряность нужна была им для того, чтобы скрыть запах взрывчатки. Было достаточно сложно выполнить просьбу, но я сделал это»⁵².

Ремер часто путешествовал, месяцами охотясь за заказами в разных арабских странах. Он обосновался в марокканском Рабате, где иногда встречался с Бен Беллой и другими руководителями Фронта национального освобождения Алжира. Близкие связи Ремера с алжирскими повстанцами создали для него серьезную угрозу со стороны французских спецслужб, направлявших группы ликвидаторов и диверсантов для подрыва европейской сети поддержки FLN. Несколько торговавших оружием неонацистов были убиты «Красной рукой», неофициальным подразделением французских секретных служб, на счету которого за годы войны в Алжире были десятки жертв. Обеспокоенный Ремер обратился к правительству земли Нижняя Саксония с просьбой о предоставлении ему специальной полицейской охраны, поскольку он чувствовал угрозу своей жизни. Однако немецкие власти отклонили этот запрос. «Я не мог передвигаться по Франции в силу моих связей с FLN», — заверял он⁵³.

Одним из первых в списке целей для «Красной руки» был доктор Вильгельм Байснер (Wilhelm Weisner), бывший офицер гестапо, в середине 1950-х годов живший в Каире и державший офис в Мюнхене. Байснер, после войны работавший у Гелена, участвовал в деятельности нескольких сетей по торговле оружием. Он был основным контактным лицом для группы северогерманских продавцов оружия, связанных с Ремером в Египте. В то же самое время Байснер работал для каирского дочернего предприятия располагавшейся в Мадриде Alfa Company Скорцени. В документах американской армейской разведки Байснер обозначался как «представитель Скорцени в Египте»⁵⁴.

Связанный как со Скорцени, так и с Ремером делами на черном рынке оружия, Байснер чудом выжил после подрыва начиненной поражающими элементами бомбы, которая сработала на крыше его автомобиля. Доставленный в госпиталь в критическом состоянии, Байснер уцелел, но до конца жизни остался инвалидом. Это была еще одна метка, оставленная «Красной рукой»⁵⁵.

Французы недвусмысленно дали понять, что всякий, кто поставляет оружие для FNL, должен быть готов попрощаться с жизнью. Это понял и Скорцени, который, наряду с другим бизнесом, занимался и поставкой оружия алжирским повстанцам. В нескольких случаях он даже лично приезжал в районы, располагавшиеся к югу от Сахары, где предполагалось наличие залежей урана. У него были обширные связи в Южной Африке, ставшей прибежищем для большого числа немецких нацистов, которым была по душе расистская политика государства апартеида. Во время своих африканских путешествий Скорцени также удалось завязать дружбу с выступавшими против колониализма вождями племен в Кении и в других стра-

нах континента, некоторые из которых позже приезжали к нему в Мадрид. Иногда этот поток раздражал даже гостеприимную графиню Илзе, и она жаловалась на наводнивших их дом посетителей. «Однажды в выходные к нам приехал даже король племени мяу-мяу!» — ворчала она⁵⁶.

Отто-Эрнст Ремер был одним из посетителей, постоянно навещавшимся в Мадрид все восемь лет войны в Алжире. Они встречались со Скорцени в офисе «Рольфа Штейнбауэра», чтобы согласовать поставки локомотивов в Египет, — оба принимали участие в этом деле. «Скорцени был хорошим другом. Я прекрасно его знал, — вспоминал Ремер. — Мы встречались с ним многие годы». С самого момента первой встречи, 20 июля 1944 года, они чувствовали себя товарищами по совместной борьбе. Соперничество сверхдержав представляло для них интерес только в той степени, насколько оно могло способствовать реализации их послевоенной политической стратегии.

В то время как национализм арабов и стран третьего мира стал приобретать всемирный размах, некоторые неонацистские пропагандисты принялись мечтать о германо-исламском нейтралистском поясе, который протянулся бы из сердца Европы до Южно-Китайского моря. Они призывали к созданию союза «третьей силы», международного альянса «не связанных договорами», а также неприсоединившихся стран, которых не устраивала ялтинская система раздела мира. Это привело к созданию множества немецко-арабских и евро-африканских обществ, возникших в середине 1950-х годов по обе стороны «железного занавеса», оказавшегося достаточно проницаемым для неонацистских предприятий. Для таких людей, как Отто Скорцени и дядя Шахт, стратегия «третьей силы» прекрасно согласовывалась с их собственным стремлением вернуть немецкой промышленности традиционные рынки сбыта⁵⁷.

Под прикрытием антиимпериализма некоторые немецкие неонацисты воздавали хвалу движениям неприсоединения в третьем мире. Типичным является высказывание Эрвина Шенборна (Erwin Schönborn), основателя германо-арабского общества в Гейдельберге и издателя ведущего западно-германского неонацистского печатного органа «Nation Europa»:

В борьбе арабских народов против колониализма как Запада, так и Востока мы видим судьбоносную параллель нашей собственной борьбе за свободу от вражеской оккупации и за единство Германии... Если бы мы жили на Востоке, то боролись бы с большевизмом... Поскольку мы живем на Западе, то целью нашей борьбы является другой, столь же опасный враг всех людей — либерально-капиталистический колониализм... Поэтому мы

призываем всех немцев влиться в наши ряды, чтобы работать и сражаться вместе до достижения общей цели всех угнетенных людей: освобождения от иностранного ига⁵⁸.

Подобные напыщенные заявления говорили не о законности борьбы стран третьего мира за независимость, а об уязвимости различных движений неприсоединения, пытавшихся вырваться из биполярного тупика «холодной войны». Неонацисты готовы были поддержать что угодно, лишь бы «разрушить тиранию демократического и коммунистического мира, под игом которой находимся с 1945 года» (как говорил протеже Геббельса фон Леерс). Фон Леерс поддерживал «героических алжирцев» в их борьбе против французского колониализма. В этом конкретном случае он и другие неонацистские пропагандисты выступали за правое дело, исходя из ложных предпосылок. Их рассуждения о третьей позиции были рассчитаны на то, чтобы смягчить политические разногласия. «Мы не стоим ни “справа”, ни “слева”... Мы считаем эти концепции неуместными», — заявлял Шенборн⁵⁹.

Помимо поставок оружия алжирским повстанцам, немецкие инструкторы проводили обучение в лагерях, расположенных в отдаленных районах Северной Африки. Новобранцы Фронта национального освобождения Алжира прибывали в тренировочный центр, расположенный в старом замке в трех километрах от Тетуана в Испанском Марокко. Его возглавлял бывший эсэсовец Риттер Франц фон Шолль (Ritter Franz von Scholl), потерявший в результате ранения в годы войны левую руку. Другой ветеран SS, граф Циммерман (Zimmerman), организовал в середине 1950-х годов так называемые летучие колонны алжирских повстанцев. В этот период, как говорят, Циммерман был своего рода исполнительным директором при Отто Скорцени. В это же время возникло и несколько не относящихся к Германии сетей, которые поддерживали FLN. Деятельность некоторых из них координировалась левыми французскими католиками. Вне зависимости от своей политической принадлежности, все эти сети наклевали на себя гнев «Красной руки», стремившейся любыми, законными или незаконными средствами прекратить поставки оружия в Алжир⁶⁰.

Возникшая в разгар североафриканского насилия, «Красная рука» стала незаконнорожденным результатом тайного союза французских колонизаторов-экстремистов и французской разведки. В то время как официальные представители Парижа упорно отрицали ее существование, «Красная рука» убивала и калечила людей в десятке стран, особенно активно действуя в Западной Германии и Бельгии. В числе ее дел были, например, взрывы судов, груженных оружием для Фронта национального освобождения Алжира,

в ряде европейских портов. Киллеры «Красной руки» уничтожали североафриканских дипломатов, профсоюзных деятелей, студентов, юристов и торговцев оружием. Иногда этим операциям позавидовал бы и агент 007. Одним из наиболее экзотических видов оружия, применявшихся «Красной рукой», была длинная южноамериканская духовая трубка, стрелявшая отравленными иглами. Именно с ее помощью в Женеве был убит Марсель Леопольд, немецкий торговец оружием⁶¹.

Среди целей «Красной руки» был и Ахмед Бен Белла, один из руководителей FLN. После нескольких угроз об убийстве в начале 1956 года у его штаб-квартиры в Каире взорвалась бомба. 22 октября того же года оперативники французской секретной службы осуществили самую дерзкую из когда-либо проводившихся ими операций — они заставили самолет, на котором летел Бен Белла, изменить курс и сесть в Алжире. Белла вместе с четырьмя другими руководителями FLN направлялся в Тунис из Рабата, где они встречались с Отто-Эрнстом Ремером. Их рейс стал первым в мировой истории случаем угона самолета. Захваченные алжирцы сошли на землю под дулами автоматов французских жандармов⁶².

На следующий год французы одержали, казалось бы, решающую победу в знаменитой «битве за Алжир». Однако это стало возможным исключительно благодаря подавляющему преимуществу колонистов в военной силе и частому применению пыток, что признавалось и французскими офицерами. Это была очень грязная война, унесшая жизни приблизительно 10% алжирского населения (свыше миллиона людей) и вынудившая еще 30% сменить место жительства. Восстание не удалось погасить, и это привело к кризису доверия в континентальной Франции, увенчавшемуся возвращением в 1958 году к власти генерала Шарля де Голля⁶³.

Надежды части французских «колонов» на то, что де Голль быстро и решительно закончит войну в Алжире, рухнули, когда он одобрил концепцию самоопределения алжирцев. Примерно в это же время де Голль заговорил о постепенном выводе французских войск из подчинения структурам единого военного командования НАТО. Антинатовские высказывания Парижа заставили Кремль игнорировать просьбы Фронта национального освобождения Алжира о военной помощи, пока де Голль заигрывал с «разрядкой».

Изменение политики де Голля по отношению к НАТО и самоопределению Алжира ошеломило французских колонистов и вызвало ярость придерживавшихся правых взглядов офицеров, служивших в Северной Африке. Когда президент начал переговоры с представителями FLN, в районах, населенных колонистами, стали возводить баррикады. Сопrotивляясь ветру перемен, непримиримые из числа французских военных, полиции

и ультраправых, находившихся в Алжире, в 1961 году объединились с остатками «Красной руки» и другими представителями спецслужб. Результатом стало появление своего рода Франкенштейна — Секретной вооруженной организации (Organisation de l'armée secrète, OAS).

После того как четыре французских генерала отказались подчиниться де Голлю и захватили Алжир, OAS поклялась свергнуть французское правительство и заменить его авторитарным режимом, готовым защитить все колониальные владения. Серия эффектных ограблений банков пополнила денежные запасы OAS, а члены тайной подпольной армии начали проводить акции устрашения мусульманского населения. «Фестивалем пластида» была названа серия взрывов бомб в Алжире и на территории самой Франции. В то же самое время составлялись списки видных французов, подлежащих ликвидации, целью номер один среди них был генерал де Голль. Президент пережил несколько покушений, организованных OAS, причем спасся только чудом⁶⁴.

Среди руководителей Секретной вооруженной организации было несколько нераскаявшихся французских фашистов, рассматривавших войну в Алжире как последний оплот христианства в борьбе против североафриканских варваров. В OAS был в моде воинствующий антисемитизм. Это привлекало в организацию большое число бывших коллаборационистов, поддерживавших режим Виши, а также французских ветеранов SS. Ударные части Секретной вооруженной организации носили рубашки цвета хаки со знаком кельтского креста, вызывавшего однозначно расистские ассоциации⁶⁵.

Излишне говорить, что протестовавшим против де Голля ультрам так же не нравилось большое число немецких неонацистов, поддерживавших Фронт национального освобождения Алжира. Война в Алжире расколола европейских правых на два лагеря. Один из них поддерживал OAS, призывая к созданию единого фронта белых европейцев против поднимающих голову масс мира цветных. Другой, верный созданному в годы Второй мировой войны союзу между нацистской Германией и арабскими националистами и радостно приветствовавший возникновение движения неприсоединения, поддерживал алжирских повстанцев.

Отто Скорцени был связан с обеими борющимися в Алжире силами. То, что он снабжал оружием алжирских повстанцев, не мешало ему встретиться в Мадриде с рядом руководителей Секретной вооруженной организации, нуждавшихся в его советах. Скорцени представлялось разумным защитить свои ставки, поскольку Франция, как представлялось, стояла на грани гражданской войны. В течение некоторого времени даже казалось, что OAS преуспеет в свержении де Голля. Однако многочисленные терро-

ристические акты на территории Франции настроили общественное мнение против радикалов и ослабили их поддержку.

Наконец, 1 июля 1962 года Алжир получил независимость. Вскоре после этого французские офицеры, поднявшие мятеж против де Голля, были преданы суду. Некоторые из них были приговорены к тюремному заключению, а ряд руководителей OAS обвинили в государственной измене и казнили. Однако полноценного возмездия не получилось, так как французские официальные лица опасались, что разоблачение деятельности «Красной руки» и французских секретных служб в период перед восстанием противников де Голля может создать неприятности для правительства страны⁶⁶.

Избежавшие преследования члены Секретной вооруженной организации рассредоточились по вооруженным бандам, составившим пеструю смесь групп и фракций, входивших в европейское неофашистское подполье. Некоторые вернулись к своим гангстерским корням, продолжив грабить банки. Самым известным случаем стало ограбление банка в Ницце в 1976 году. Тогда бывшим командос OAS удалось захватить свыше 10 миллионов долларов в деньгах и драгоценностях. Другие оасовцы занялись торговлей наркотиками и рэкето́м. Поскольку антиколониальное брожение в Африке продолжалось, новости о ветеранах этого движения всплывали еще не один год⁶⁷.

Процессы и другие бедствия

За месяц до того как Алжир получил независимость, Адольф Эйхман в последний раз смотрел на окружавший его мир. Он находился в израильской тюрьме, а на шею ему была надета петля. Главный творец «окончательного решения» знал, что был обречен с того самого момента, когда группа израильтян похитила его из дома на окраине Буэнос-Айреса. Эффектная операция, проведенная «Моссадом», посеяла серьезный страх среди нацистских военных преступников, укрывавшихся в различных уголках мира⁶⁸.

Руководитель «Моссада» Иссер Харель впервые узнал о местонахождении Эйхмана от доктора Фрица Бауэра, западногерманского прокурора, решившего поделиться информацией с Израилем. Бауэр опасался, что правительство его страны саботирует усилия по привлечению Эйхмана к ответственности. Из всех оставшихся в живых к тому времени нацистов, пожалуй, именно Эйхман в наибольшей степени олицетворял холодный бюрократический ужас гитлеровской политики геноцида. Именно он утвердил конструкцию первых газовых камер и осуществлял ежедневное наблюдение за реализацией дьявольского плана по уничтожению европейского еврейства.

Израильские официальные лица были убеждены, что не стоит ограничиваться только судебным процессом над Эйхманом. Его пример должен был стать своего рода моральным уроком и напоминанием как для евреев, так и для всех остальных людей. Казнь, состоявшаяся 1 июня 1962 года, стала кульминацией юридического процесса, привлечшего международное внимание. Официальные представители СССР и Восточной Германии, пытавшиеся заработать на процессе определенный политический капитал, утверждали, что Западная Германия небрежно относится к аресту нацистских военных преступников. При этом они ссылались на успешную карьеру правой руки канцлера Аденауэра Ганса Глобке, выступавшего в годы Третьего рейха за депортацию немецких евреев и экспроприацию их собственности. О Глобке вспоминала в ходе процесса и защита Эйхмана, утверждавшая, что именно он способствовал росту влияния и полномочий возглавлявшегося Эйхманом гестаповского подразделения. Приводились доводы о том, что ЦРУ после войны финансировало и предоставляло защиту нескольким старшим офицерам отдела Эйхмана. Однако премьер-министр Израиля Бен-Гурион не был склонен беспокоить Бонн или Вашингтон. Вместо этого он предпочел еще раз напомнить о сохранявшихся связях между нацистами и отдельными руководителями арабского мира. В своей попытке дискредитировать палестинцев обвинители Эйхмана постарались установить его связи с иерусалимским Великим муфтием, однако эта связь была крайне неочевидна⁶⁹.

Убежденные нацисты также решили разыграть свою пропагандистскую интермедию. Йоханн фон Леерс, возглавлявший тогда отдел по вопросам Израиля в Министерстве информации Египта, специально отправился в Испанию, чтобы обсудить ситуацию вокруг Эйхмана с Леоном Дегрелем. Основным вопросом переговоров было противодействие влиянию процесса на мировое общественное мнение, а совершенно естественным результатом — вал едких публикаций в неонацистской прессе всего мира. Так, например, американский бюллетень «Thunderbolt» («Удар молнии»), рупор Национальной партии за права штатов (политическое крыло Ку-клукс-клана), развернул кампанию «Помогите освободить Эйхмана!». Заявлялось, что суд над ним — это «громкая политическая мистификация», единственной целью которой является как-то поддержать утверждение о том, что нацисты убили 6 миллионов евреев. В Западной Германии доктор Рудольф Ашенауэр, адвокат, связанный с SRP и сотрудничавший с сенатором Джозефом Маккарти, организовал публикацию апологетической книги «Я, Адольф Эйхман». В книге утверждалось, что нацисты не собирались уничтожить евреев, а всего лишь хотели побудить их к эмиграции. Эту задачу не удалось

выполнить, так как страны западной демократии отказались принимать эмигрантов, объяснялся Эйхман⁷⁰.

Процесс над Эйхманом, несомненно, стал своего рода встряской для всех честных людей во многих странах. Было совершенно очевидно, что те, кто его защищал, защищали и других нацистских военных преступников, в том числе врачей лагерей смерти, искалечивших тысячи мужчин, женщин и детей. «Моссад» планировал пойти по следу некоторых из наиболее одиозных преступников, таких как доктор Йозеф Менгеле или глава гестапо Генрих Мюллер. Однако израильтяне полагали, что ответственность за то, чтобы загладить вину за позор, лежит прежде всего на немцах. В Западной Германии самые жестокие из нацистских преступников получали незначительные сроки, причем многие из них скоро выходили на свободу по амнистии⁷¹.

В результате рассмотрения дела Эйхмана один из западногерманских окружных судов выдал ордер на арест Алоиса Бруннера. В свое время Бруннер, которого Эйхман называл «своим лучшим сотрудником», разыскивался и австрийским правительством, требовавшим его экстрадиции из Сирии. В полученном из Сирии ответе утверждалось, что известный нацист не проживает в стране. Это была явная ложь. Бруннер не только жил там. Он работал советником сирийской полиции, готовя специальных сотрудников к проведению допросов. Он разработал оригинальное устройство для получения информации от упорствующих в своем неподчинении. В репортаже для английской газеты «Independent» Роберт Фриск рассказал, что пыточный агрегат Бруннера представлял собой «колесо, к которому привязывали допрашиваемого и били его электрическим проводом. Каждые несколько минут с помощью электрического насоса через колесо на тело пытаемого разбрызгивалась вода, открывавшая его раны. После этого его снова били проводом»⁷².

Хотя Сирия парировала неоднократные запросы об экстрадиции, Бруннеру не дали жить спокойно. Он лишился левого глаза и четырех пальцев на левой руке после подрыва посылок со взрывчаткой, направленных ему израильской секретной службой. У него всегда была с собой пилюля с ядом, которую он собирался проглотить, если бы его захватили израильские агенты. «Я не стану вторым Эйхманом», — заявил Бруннер⁷³.

Письма со взрывчаткой были направлены также нескольким немецким и австрийским ученым-ракетчикам, работавшим в Египте в начале 1960-х годов. Таким образом «Моссад» предупреждал их о необходимости воздержаться от участия в любимом проекте Насера — разработке баллистических ракет, способных нанести удар по Израилю.

Усилия по созданию с помощью немецких ученых египетской военной промышленности изначально входили в сферу компетенции доктора Вильгельма Фосса, организовавшего в 1955 году первую поставку оружия из Чехословакии. Фосс также нанял несколько специалистов-ракетчиков, ранее работавших на секретном полигоне нацистской Германии в Пенемюнде. Именно там производились знаменитые ракеты «Фау-2», терроризировавшие Лондон в годы войны. Некоторые из этих людей работали на авиазаводе в Хелуане, современном предприятии, основанном Фоссом⁷⁴.

В конце 1950-х годов, на пике сотрудничества между Египтом и СССР, многие немецкие технические специалисты были заменены советскими соотечественниками. Однако, как оказалось, отношения Насера с русскими были достаточно нестабильными. (Однажды советский премьер Никита Хрущев назвал египетского президента «достаточно горячим молодым человеком, берущим на себя больше, чем ему положено». Насер ответил, назвав Хрущева «надоедливым».) Когда СССР не поставил Египту необходимую партию запасных частей к реактивным истребителям МИГ, египетский президент вновь решил создать собственную авиационную промышленность. «Авиационному предприятию в Северной Африке требуются специалисты...» — такие объявления стали появляться в немецких газетах. В Каир прибыла новая волна немецких ученых, что вызвало одобрение ультраправых газет, таких как «Deutsche National-Zeitung» Герхарда Фрея (Gerhard Frey). В материале, посвященном Насеру, говорилось: «Он умеет играть несколькими мячиками сразу»⁷⁵.

К началу 1960-х годов над авиационными и ракетными проектами в Египте работало 500 европейцев. Среди них было несколько немецких ученых, которые потом будут разрабатывать химическое оружие для Ливии и Ирака. Так, например, Вальтер Буссе (Walter Busse) в конце 1950-х — начале 1960-х годов конструировал для Насера баллистические ракеты и реактивные двигатели. Позже он оказался советником у Саддама Хусейна, участвуя в его научно-исследовательских программах по разработке оружия в период до Войны в заливе 1991 года⁷⁶.

Германским ученым зачастую не удавалось заниматься своей профессиональной деятельностью в силу ограничений, наложенных союзными державами на научные и производственные программы Боннской республики. Это было одной из основных причин столь массового отъезда за границу. Процесс неявно поддерживался правительством Западной Германии, уже многие годы испытывавшим интерес к обеспечению доступа к авиационным и ракетным базам в Африке. Труд квалифицированных экспертов щедро оплачивался. Выбравшие Египет немцы обычно проживали в люксовых квартирах с кондиционерами и бассейнами, ездили на спортивных

автомобилях в эксклюзивные рестораны и клубы. Эту среду хорошо изучил Вольфганг Лотц (Wolfgang Lotz), израильский шпион, выдававший себя за германского аристократа-авантюриста.

Лотц появился в Египте в начале 1961 года и представился бывшим капитаном Африканского корпуса Роммеля. С помощью тонких намеков этот блондин с арийской внешностью распустил слухи о том, что он на самом деле в годы войны служил в SS. Это позволило ему выйти на секретные нацистские круги, включавшие в том числе и уже стареющего доктора Йоханна фон Леерса, часто устраивавшего вечеринки у себя дома. Там гости курили гашиш и потребляли изрядное количество спиртного. Лотца не слишком интересовали «непрерывающиеся потоки воспоминаний о временах Третьего рейха» или «распевание нацистских песен». Главным для него были высокопоставленные лица, посещавшие сборища. Каждый раз, приходя к Леерсу, израильский шпион, как губка, впитывал новости от фанатиков Гитлера, египетских официальных лиц и ключевых специалистов, занятых в ракетной программе. Полученные сведения Лотц отправлял в «Моссад» с помощью умело спрятанного радиопередатчика⁷⁷.

Каждый раз, когда Отто-Эрнст Ремер оказывался по делам в Каире, он навещал фон Леерса, а в начале 1960-х годов это происходило достаточно часто. «Я очень хорошо знал его, — признавал Ремер. — У меня были также хорошие связи с людьми, проектировавшими ракеты». В это время сам Ремер жил в Дамаске, где с недавних пор вел дела с любимцем Эйхмана Алоисом Бруннером. Некоторые выходы из Пенемюнде также работали над авиационным проектом в Сирии⁷⁸.

Однако основным местом приложения усилий для германских ученых была в это время дельта Нила. Невдалеке располагался конный завод Лотца. Там он выращивал скаковых лошадей, а заодно выискивал сведения об авиа- и ракетостроении, а также другие данные, имевшие военное значение. В конце концов Лотц был схвачен секретной службой Египта, однако информация, переданная им в «Моссад», уже распространилась мировой прессой. После того как американская разведка подтвердила успешное развитие египетской ракетной программы, Израиль потребовал от Насера немедленно выдворить из страны ее разработчиков. В то же самое время израильтяне заявили официальный протест Бонну относительно его попустительства в отношении присутствия в Египте германских специалистов. Глава «Моссада» Иссер Харель был убежден в лицемерности заявлений западногерманских официальных лиц о том, что ученые получили контракты от частных фирм, а не от иностранного правительства. Формально ни один из законов Западной Германии нарушен не был. Поэтому Бонн не

предпринимал никаких усилий для того, чтобы заставить немецких ученых вернуться домой. Также правительство Западной Германии не предприняло никаких шагов для ограничения экспорта в Египет стратегически важных материалов. «Это была преступная операция правительства Западной Германии», — настаивал Харель⁷⁹.

Получив отказ от официальных лиц Бонна, Харель принял решение приступить к осуществлению операции «Дамокл», целью которой было физическое уничтожение немецких специалистов-ракетчиков, а также других высокопоставленных нацистов, проживавших на Ближнем Востоке. По крайней мере двое ученых были похищены, другие получили ранения, вскрывая поступившие по почте посылки-ловушки со взрывчаткой. Целями для ударов с помощью взрывающихся писем были и специалисты Вилли Мессершмитта. Это повлекло за собой целый ряд смертей⁸⁰.

Любопытным эпизодом операции «Дамокл» была поездка группы оперативников в Мадрид. Харель послал их для встречи с Отто Скорцени, который продолжал поддерживать дружеские отношения со многими немецкими техническими специалистами, работавшими в Каире. Неизвестно, понял ли он, что имеет дело с израильскими агентами, посланными под видом представителей НАТО. Принимая во внимание, что большинство ученых, работавших в Египте, оказалось бывшими нацистами, «Моссад» предполагал, что некоторые из них могут находиться под влиянием своих бывших командиров. Проведя целый вечер за столом на роскошной вилле Скорцени в Мадриде, израильские шпионы убедили его в необходимости заставить немецких специалистов покинуть Египет.

Доктор Вилли Танк немедленно принял это указание как руководство к действию. В начале 1950-х годов он занимался самолетостроением в Аргентине, а затем прибыл в Египет, чтобы наблюдать за разработкой сверхзвукового истребителя Хе-300. В очередной раз ему нужно было сматывать удочки. Он принял предложение правительства Индии, которой требовалась помощь в создании своей собственной авиастроительной программы. Еще один немецкий ученый-ракетчик, доктор Вольфганг Пильц, покинув Каир, отправился работать в Китайскую Народную Республику, где сыграл важную роль в создании управляемых ядерных ракет. В связи с угрозами «Моссада» некоторые немецкие ученые быстро вернулись в Европу⁸¹.

Какую же роль на самом деле играл Скорцени во всех этих шпионских комбинациях? Был ли он действительно последовательным антикоммунистом, как об этом говорило ЦРУ? С одной стороны, да. И в то же время нет. Да, поскольку его воспитание и история всей жизни сделали его противником марксизма. Нет, поскольку идеология отступила перед реалиями после-

военной политики. Поэтому Скорцени не испытывал никаких угрызений совести относительно своего двурушничества, если оно шло на пользу его целям. Наем восточногерманских специалистов для работы в Египте с помощью фирмы H. S. Lucht продемонстрировал его желание играть с обеими сверхдержавами, лавируя между ними.

В этом отношении Скорцени не был одинок. Целый ряд ветеранов Третьего рейха, включая и доктора Вильгельма Фосса, в годы «холодной войны» выступали то на стороне Востока, то на стороне Запада. Так же вел себя и деловой партнер Ремера — Алоис Бруннер. Он оказал содействие Сирии в приобретении в Восточной Германии подслушивающих устройств, даже несмотря на то, что он являлся главным представителем BND в Дамаске. Вскоре после этого Рейнхард Гелен отказался от услуг Бруннера, поскольку профессиональная репутация главы германской разведки сильно пострадала в результате шпионского скандала, потрясшего Западную Германию в начале 1960-х годов.

Поскольку BND играла ключевую роль в североатлантическом альянсе, руководство ЦРУ было потрясено, узнав, что один из ближайших и наиболее влиятельных помощников Гелена Хайнц Фельфе (Heinz Felfe) оказался советским «кротом». Бывший эсэсовец Фельфе принимал активное участие в безумных погромах «Хрустальной ночи», однако это не помешало Гелену после войны нанять его на работу. В дополнение к обязанностям офицера связи Гелена по взаимодействию с ЦРУ и другими западными разведслужбами, Фельфе отвечал за поиск восточноевропейских шпионов, сначала в «Организации Гелена», а затем и в BND. Почти десять лет он снабжал советскую разведку копиями еженедельных донесений, направлявшихся Геленом в ЦРУ. Фельфе сравнивал свою увлекательную работу двойного агента с «пляской на двух свадьбах: с русскими и с Геленом»⁸².

Сенсационный процесс над Фельфе начался 8 июля 1963 года. В тот же день в Восточном Берлине открылся заочный суд над ближайшим советником Аденауэра — Гансом Глобке. Оба этих заседания негативно сказались бы на имидже Бонна и Вашингтона. Самым прискорбным для ЦРУ было то, что они так и не узнали, сколько еще «кротов» оставались в подчинении у Гелена после того, как Фельфе получил свои 14 лет тюрьмы. Позднее он был освобожден в ходе обмена шпионами. Объясняя мотивы своих поступков, Фельфе заявил, что считал себя обязанным защищать истинно немецкие ценности от «культурного варварства кока-колы, жвачки, наркотиков и секса», насаждавшегося Соединенными Штатами⁸³.

Традиция Гелена брать на работу бывших нацистов, а также готовность ЦРУ не препятствовать этой практике позволили Советскому Союзу с са-

мого начала проникнуть в недра западногерманской секретной службы. Фактически США наняли Гелена, чтобы он не допускал Советы в свои дела, однако все закончилось тем, что именно он открыл перед ними дверь! Такое масштабное проникновение русских агентов в «Организацию Гелена» стало возможным и потому, что многие бывшие нацисты поддерживали советскую политику по важнейшему вопросу об объединении Германии. Нечистое нацистское прошлое работавших у Гелена западных немцев делало их уязвимыми перед шантажом со стороны восточных немцев и Советов.

Тем не менее утверждение о том, что разведывательный аппарат Гелена был пронизан советскими шпионами, верно лишь отчасти. В деятельности двойных агентов скрывался разный смысл. В то время как Фельфе преданно и принципиально служил только своим московским хозяевам, для Скорцени и многих его послевоенных коллег не стоял вопрос окончательного выбора между «дядей Сэмом» и огромным русским медведем. Связь Скорцени с лейпцигским филиалом фирмы H. S. Lucht в начале 1950-х годов, которая не была тайной для Гелена, не сделала Скорцени сторонником СССР. Нельзя его считать и сторонником ЦРУ или «Моссада». Скорее его следует назвать радикальным немецким националистом, проводником «третьей позиции», оппортунистом на качелях, использовавшим деловые связи в кругах высокопоставленных лиц и навыки специалиста по специальным операциям в целях личной выгоды и получения политического капитала в годы «холодной войны».

Руководители ЦРУ, не сразу осознав, что некоторые неонацисты откажутся от союза с Западом, как только сочтут это тактически выгодным, слишком положились на сеть Гелена. «Одной из самых больших ошибок, когда-либо допущенных американской разведкой, был прием на работу Гелена», — признавался позже один из американских военных разведчиков. Когда смысл случившегося наконец дошел до Майлза Коупленда, он понял, что Гелен предал его, и назвал его «маленьким скользким интриганом». Гелен ушел в отставку в 1968 году. К этому времени все, что можно было испортить, уже было испорчено⁸⁴.

Глава 5

НОСТАЛЬГИРУЮЩИЕ И РЕВИЗИОНИСТЫ

Культ инквизитора

Более 10 лет Фрэнсису Паркеру Йоки удавалось скрываться от американских властей, перемещаясь по Северной Америке и Европе и заглядывая иногда за «железный занавес» или на Ближний Восток. Непрерывно путешествуя, «Торквемада» (прозвище Йоки) провел несколько недель в Гаване. Это случилось вскоре после свержения повстанцами Фиделя Кастро диктатора Батисты, опиравшегося на поддержку мафии⁸⁵.

Удача отвернулась от Йоки вскоре после того, как он вернулся в США в начале 1960-х годов. После долгих лет игры в кошки-мышки с агентами Эдгара Гувера блуждающий антисемит был замечен информатором ФБР на частной вечеринке в Сан-Франциско. В ходе застолья, как сообщал агент, со стены была снята фотография обнаженной женщины, и под ней обнаружилась свастика. Йоки и еще несколько присутствовавших рьяно исполнили нацистское приветствие, сопровождавшееся выкриками «Хайль Гитлер!»⁸⁶ Затем, направляясь на самолете в район Мексиканского залива, Йоки неудачно сдал свой чемодан. Служащий компании American Airlines в аэропорту Даллас — Форт-Уорт вскрыл багаж и обнаружил там семь свидетельств о рождении и три паспорта на разные фамилии, но с одной и той же фотографией.

ФБР проследило багаж до частного дома в Окленде, штат Калифорния, который иногда навещал Йоки. Когда он пришел за чемоданом, два агента арестовали его и доставили в тюрьму графства Сан-Франциско. Сорокасе-

милетний американский фашист был подвергнут сотрудниками полиции тщательному обыску с полным раздеванием. Но и этого унижения было недостаточно: Йоки пришлось еще отбиваться от репортеров после того, как в ходе слушаний дела его согласились выпустить под залог в 50 тысяч долларов — в десять раз больше, чем обычно назначалось в случае подделки паспорта. Когда местный тележурналист спросил, был ли он в России, Йоки закричал: «Убирайся отсюда, грязная свинья!» Источник в правительстве заявил корреспонденту газеты San Francisco Examiner: «Речь идет не о мелкой рыбешке. Этот человек нас крайне интересует»⁸⁷.

Находясь в тюрьме, Йоки высказал своему сокамернику сожаление по поводу недавнего захвата Эйхмана израильтянами. Опасаясь, что его камера прослушивается, он ночи напролет говорил шепотом о фашизме и о Гитлере как одном из величайших героев мировой истории. Затем, ранним утром 17 июня 1960 года, после 11 дней тюремного заключения, Йоки раскусил ампулу с цианистым калием. Его нашли лежащим на кровати, одетым только в нижнее белье и черные ботинки, фасоном напоминавшие эсэсовские⁸⁸.

Смерть Йоки была столь же загадочна, как и его жизнь. Многие ломали голову над тем, как он смог получить капсулу с ядом в камере, неоднократно обыскиваемой полицией в ходе его заключения. (Тем же способом избежал повешения в Нюрнберге Герман Геринг.) По словам Кейта Томпсона, «Йоки лишил себя жизни в тюремной камере, чтобы под пытками не выдать свои действия в интересах Фронта освобождения Европы, группы, выполнявшей распоряжения Москвы по работе с европейскими правыми»⁸⁹.

Через несколько лет Йоки станет культовым персонажем среди американских фашистов. В большой степени это станет результатом усилий Уиллиса Карто (Willis Carto), бывшего инкассатора и яркого пропагандиста ультраправых идей. Более, чем кто-либо другой, Карто способствовал сохранению и в то же время искажению наследия Йоки. Карто был последним человеком с воли (если не считать адвоката), встречавшимся с Йоки перед его самоубийством. В то время Карто был директором располагавшейся в Сан-Франциско и зарегистрированной в зоне со льготным налогообложением организации «Свобода и собственность» (Liberty and Property), издававшей бюллетень «Right». В своей публикации он восхвалял Йоки, называя его «величайшим творческим гением», «жертвой», «гонимым и затравленным, как дикий зверь»⁹⁰.

Опираясь на литературу белых расистов и антисемитские конспирологические теории, «Right» выступал в поддержку ряда политических проектов — от консервативных до откровенно неонацистских. Высоко оценив в конце 1950-х годов Американскую нацистскую партию и Национальную партию за права штатов, бюллетень Карто также приветствовал появление журнала

«Национальное обозрение» («National Review») и назвал его молодого редактора Уильяма Бакли (William Buckley) блестящим писателем. Тем не менее несколько лет спустя «Национальное обозрение» примет в отношении Карто уничтожающий обвинительный акт, раскритиковав его за пронацистские взгляды, приносящие вред облику консерваторов. (Карто подал на Бакли в суд за клевету, однако решение было принято в пользу «Национального обозрения».) Проработав недолгое время в Обществе Джона Бёрча (John Birch Society), Карто также не сошелся с его руководителем Робертом Уэлчем (Robert Welch), не разделявшим антисемитской одержимости Уиллиса. «Еврей — это чужак среди нас, и он останется чужаком, пока не будет изгнан или покорен», — заявил Карто в одной из публикаций «Right»⁹¹.

В то время как правые нативисты все более активизировались в ответ на расширение движения за права человека, Карто начал развивать обширную сеть групп прикрытия, а также распространять по почтовой подписке журналы. В 1957 году он организовал «Свободное лобби» (Liberty Lobby), ставшее институциональным центром его разрастающейся политической империи. После смерти Йоки «Свободное лобби» и несколько его дочерних организаций начали говорить об «Империи» как о «Mein Kampf» послевоенного американского нацизма. Приобретенное Карто в начале 1960-х годов издательство «Noontide Press» выпустило дешевый, рассчитанный на массового читателя вариант «Империи», а также «Протоколы сионских мудрецов» и другие популярные неонацистские книги. Одним из щупальцев созданного Карто спрута стал Институт пересмотра истории (Institute for Historical Review). В последующие годы эта организация развивала утверждение Йоки о том, что Холокост — это блеф.

Подготовленный издательством «Noontide Press» вариант «Империи», выдержавший множество переизданий, включал в себя и написанное Карто предисловие, где труд Йоки описывался как «пророческая работа визионера». Основатель «Свободного лобби» не мог удержаться от поэтических сравнений, описывая свою судьбоносную встречу с Йоки в тюрьме за несколько дней до самоубийства последнего. «Я сразу ощутил присутствие огромной силы... Я понимал, что рядом со мной стоит сама история. Насколько важна “Империя”? Ответить очень просто, — рассказывал Карто. — Теперь впервые в истории солдаты, вставшие на службу Западу, имеют основательно разработанную теорию, которая будет вдохновлять и вести их». Вспоминая о Третьем рейхе, он предсказывал, что книга Йоки «будет жить тысячу лет»⁹².

Хотя у Йоки после его смерти появилось много поклонников из числа ультраправых экстремистов, создается впечатление, что некоторые из его сторонников не понимали или не соглашались с его расовыми теориями. Как признавался в частной беседе Карто, Йоки не был «научным расистом».

Автор «Империи» не рассматривал генетику как начало и конец политики; будучи сторонником «духовного» фашизма, он рассматривал расу как состояние духа, а не цвет кожи или форму черепа. Карто, напротив, утверждал, что «необходимо генетическое истолкование расы, полезное и действенное в том случае, если мы хотим ясно и четко видеть проблему»⁹³.

Карто, со своей стороны, придерживался образа ультраамериканского патриота, драпируясь при любой возможности в государственный флаг. Это, несомненно, не понравилось бы Йоки, чьи философские размышления не совпадали с мыслями Карто и в ряде других ключевых пунктов. Карто не поддерживал идею Йоки о том, что Россия представляла меньшее зло, чем Соединенные Штаты. Хорошо знавший обоих Кейт Томпсон утверждал: «Йоки имел связи с Советами, однако та группа, что использует сейчас его имя, не хочет и слышать об этом». Действительно, для Карто было бы неудобно, а возможно, даже катастрофично с политической точки зрения признать, что человек, которым он восхищался, занимался шпионажем в интересах чешских коммунистов⁹⁴.

В начале 1960-х годов «Свободное лобби» открыло офис в Вашингтоне и начало развивать связи с Капитолием. Представляя себя в первую очередь как красно-бело-синего консерватора, а не расиста, Карто произвел благоприятное впечатление на нескольких конгрессменов, получавших от «Свободного лобби» определенные финансовые пожертвования. Организация также занималась определенной исследовательской деятельностью в интересах конгрессменов и оказывала им содействие в написании речей. Большинство из тех, кто поддерживал в Конгрессе «Свободное лобби», как, например, сенатор Стром Термонд (Strom Thurmond), были идеологическими последователями хлопковых рабовладельцев из южной глубинки и категорически возражали против законодательства о гражданских правах.

Предупреждая об опасности «смешения пород» в американских школах, Карто выступал за планы по репатриации, в соответствии с которыми негров следовало отправить обратно в Африку. «Равноправие негров будет обеспечено значительно лучше, если здесь их просто не будет. Таким образом они не смогут нарушить концепцию равноправия», — шутил он. Рассуждения подобного рода заслужили похвалу со стороны Джеймса Истлэнда (James Eastland), влиятельного председателя Комитета Сената по внутренней безопасности: «Карто — настоящий патриот, оказывающий большую услугу всем американцам». Радикально антикоммунистическое «Свободное лобби» нашло поддержку и у ряда отставных генералов и адмиралов, а также небольшой группы состоятельных бизнесменов⁹⁵.

Деятельность Карто получила большой импульс во время предвыборной кампании Барри Голдуотера, выдвинувшего свою кандидатуру на прези-

дентских выборах 1964 года. Хотя он и потерпел сокрушительное поражение, «Свободное лобби» привлекло к себе большую группу сторонников Голдуотера, распространив среди них свыше 20 миллионов экземпляров печатных изданий, поддерживавших республиканцев. Стратегия Карто заключалась в использовании тех, с кем он установил связи в ходе предвыборной кампании с целью получить влияние среди республиканцев. Прикрываясь консервативными декорациями, он стремился построить «партию внутри партии», с тем чтобы правые расисты могли тайно прийти к власти. Если бы этот подход провалился, сохранялся бы вариант с третьей партией. Карто хотел испробовать различные тактики.

С помощью жены-немки Элизабет Вальтруд (некоторые сотрудники «Свободного лобби» называли ее Евой Браун) Карто, преследуя свои политические цели, составил огромный список почтовой рассылки. Некоторые из американских конгрессменов поставили свои подписи под письмами о финансовой помощи. Их в огромных количествах «Свободное лобби» рассылало доверчивым правым. К концу 1960-х годов сложная сеть политических организаций Карто получала деньги примерно от четверти миллиона человек. Большинство доноров полагало, что перечисляет средства совершенно законным группам консерваторов. Тем временем сам Карто продолжал укреплять связи с неонацистскими и расистскими группировками. Обладая связями в Конгрессе и среди военизированных группировок, таких как «Минитмены» (Minutemen), «Свободное лобби» служило своего рода мостом между различными секторами американских ультраправых⁹⁶.

В конце 1960-х годов один из недовольных сотрудников «Свободного лобби» наткнулся на досье, в котором хранилась частная переписка Карто с некоторыми политиками. Содержимое показалось невольному осведомителю крайне интересным, и он передал копии документов обозревателю Дрю Пирсону (Drew Pearson). В одном из писем Карто говорил: «Поражение Гитлера было поражением Европы. И Америки. Как мы могли быть столь слепы? Во всем, похоже, виновато международное еврейство. Их пропаганда, ложь и требования ослепили Запад, не позволив ему увидеть то, что делала Германия»⁹⁷.

По словам бывшего сотрудника «Свободного лобби» Роберта Бартела (Robert Bartel), Карто неоднократно заявлял в разговорах с коллегами, что Соединенным Штатам нужна правая диктатура. Однако руководитель «Свободного лобби» не признавался в этом публично. Поддержав кандидатуру губернатора Алабамы Джорджа Уоллеса в качестве кандидата от третьей партии на президентских выборах 1968 года, Карто постарался взять под контроль движение «Молодежь за Уоллеса», переименованное в Национальный союз молодежи. Бывшие руководители молодежной группы поддержки

Уоллеса были крайне огорчены, узнав, что истинными закулисными воротилами политических структур Карто были члены подпольной неонацистской организации, известной под именем «Общества Фрэнсиса Паркера Йоки». «Они входят в тайные ячейки, — писал Дрю Пирсон, — где люди знают друг друга исключительно по прозвищам... Они поют старые нацистские песни, собирают нацистские реликвии времен войны и украшают свои сборища свастикой... Они хотят свергнуть демократию в Соединенных Штатах»⁹⁸.

Молодежная группа Уоллеса вскоре развалилась в результате острых внутренних противоречий, а поклонники культа Фрэнсиса Паркера Йоки отправились на поиски новых жертв. В последующие годы Уиллис Карто превратился в одну из самых долговечных фигур в мире американских ультраправых. Под его руководством «Свободное лобби» стало самой большой и лучше всех организованной антисемитской группировкой во всех Соединенных Штатах. Действуя в качестве ведущей «зонтичной организации» белых расистов, она установила тесные отношения с американскими военизированными организациями, а также обладала широкими связями среди правых экстремистов по всему миру.

Политика «Белой силы»

Негативные отзывы, опубликованные в ряде критических статей в ведущих газетах и журналах, убедили руководителей «Свободного лобби» в важности сохранять свои экстремистские предпочтения в тайне. В противном случае их ожидала перспектива окончить свой путь, как Джордж Линкольн Рокуэлл (George Lincoln Rockwell) — маргинализированный самопровозглашенный фюрер Американской нацистской партии. Отвратительный эксгибиционист, Рокуэлл полагал, что единственный способ быть настоящим нацистом — это исповедовать идеологию совершенно открыто. Он нетерпимо относился к скрытым нацистам, опасавшимся носить на рукаве свастику.

Изначально бывший поклонником сенатора Джозефа Маккарти, Рокуэлл считал, что антикоммунистическая «охота на ведьм» отличалась чрезмерным жеманством. В 1958 году он основал Американскую нацистскую партию, куда привлек достаточно пафосную группу сторонников, использовавшую шоковые методы для привлечения внимания к своему очевидно непопулярному делу. Штаб-квартира Рокуэлла располагалась в Арлингтоне, штат Вирджиния. Там он вместе с парой десятков штурмовиков, одетых в нацистскую форму, жил в пригородном доме, где был сооружен алтарь с бюстом Гитлера в центре. На стене висело изображение Джорджа

Вашингтона и портрет самого Рокуэлла. Печатный станок одну за другой выплевывал партии антисемитской пропаганды.

Рассказывают о знаковой встрече Рокуэлла с ветераном ультраправого движения в США Роем Франкхаузером (Roy Frankhauser). Последний впервые посетил «Холм ненавистников» (Hatemonger Hill) — так называлась штаб-квартира Американской нацистской партии. Тучный, не вынимающий изо рта сигареты Франкхаузер позвонил, чтобы договориться о встрече для себя и нескольких друзей, однако Рокуэлл, перевязанный после недавней операции на полости рта, с трудом мог говорить. В результате Франкхаузер и его компания, одетая в нацистскую форму и вооруженная до зубов, приехала по ошибочному адресу, откуда их шваброй прогнала пожилая женщина. Когда они наконец добрались до жилища Рокуэлла, их проводили в комнату для ожидания с очень низким потолком. Винтовки они взяли с собой. Один из охранников Рокуэлла, удивленный видом пришельцев, потянулся за пистолетом, случайно нажал на спусковой крючок и прострелил свои штаны, заодно оцарапав бедро. Через несколько секунд на место прибыл Рокуэлл, чтобы узнать, что здесь происходит. Франкхаузер с компанией немедленно вскочили по стойке «смирно», уткнувшись штыками в потолок, в то время как раненый охранник с ругательствами скакал вокруг на одной ноге.

«Кто вы такие?» — закричал Рокуэлл.

«Мы — нацистские солдаты», — честно ответил Франкхаузер.

«Черта с два, — выкрикнул Рокуэлл. — Вы банда голливудских ряженых!»⁹⁹

Это был достойный комментарий для словно сошедшего со страниц комиксов персонажа. Разыгрывая свой политический водевиль, он регулярно выезжал в столицу, где пикетировал Белый дом и оскорблял зевак. Франкхаузер присоединился к Рокуэллу во время одной из акций у памятника Вашингтону, где их забросала обедками группа туристов-евреев из Нью-Йорка. После еще одного инцидента Рокуэлл с полным основанием пожаловался, что одному из его людей «еврей чуть не откусил ухо»¹⁰⁰.

В 1963 году американский фюрер и несколько его щелкающих каблучками приспешников отправились в паломничество на могилу сенатора Джозефа Маккарти в штате Висконсин. Там они провели мемориальную службу в день рождения Гитлера. Затем Рокуэлл направился в Чикаго, чтобы выступить там перед членами организации черных мусульман Элайджи Мухаммада. Хотя Американская нацистская партия издавала литературу, оскорблявшую «негров», Рокуэлл был тепло встречен черными мусульманами, выступавшими в поддержку тех же идей о раздельном существовании рас. Связи между белыми расистами и черными мусульманами, в особен-

ности из организации Луиса Фарраhana, поддерживались на нерегулярной основе в течение многих лет.

Рокуэлл также посетил Англию, где укрепил связи с Британским национал-социалистическим движением, возглавлявшимся Колином Джорданом (Colin Jordan). Как и его американский коллега, Джордан был неизлечимым ностальгирующим нацистом, не согласным с мыслью о том, что советский коммунизм представлял для Европы меньшую угрозу, чем западный капитализм. Вместе они создали Всемирный союз национал-социалистов, рассматривавшийся основателями как критически важная дамба, сдерживавшая воды великого жидобольшевистского заговора. Они тоннами посылали расистскую литературу в Западную Германию, развивали связи со своими сторонниками в Южной Америке и на Ближнем Востоке. В начале 1960-х годов Джордан установил связь с военным атташе Египта в Лондоне, который позже стал одним из экстремистов-заговорщиков, организовавших в 1981 году убийство египетского президента Садата после заключения мирного договора с Израилем¹⁰¹.

Рокуэлл регулярно общался с неофашистами со всего мира, однако его основной задачей было взбаламутить ситуацию в Соединенных Штатах. «Он пользовался свастикой так же, как “Playboy” — голыми женщинами на обложке», — говорил Рой Франкхаузер. Неудивительно, что организация Рокуэлла привлекала в свои ряды уголовников, малолетних преступников, психопатов и прочих психически неуравновешенных людей, рассматривавших Американскую нацистскую партию в качестве средства продемонстрировать собственную значимость, а также ощутить чувство причастности к какой-то общности, которого у них не было. Зачастую эти неудачники дрейфовали от одной группировки к другой, причем смена сподвижников не имела никакого отношения к политическим воззрениям, а лишь отражала те личностные конфликты, которые были естественной частью неонацистской среды.

Так случилось и с одним из друзей Франкхаузера Дэном Барросом (Dan Burros), издателем бюллетеня Американской нацистской партии «Штурмовик» (Stormtrooper). Баррос покинул группу, так как, по его мнению, Рокуэлл придерживался слишком умеренной позиции. Бывший член Нацистской партии утверждал, что Баррос любил издеваться над собаками, включая и свою собственную, которую звали Gas Chambers (газовые камеры. — *Примеч. пер.*). Любопытно, что имя и адрес Барроса, а также Рокуэлла были обнаружены в записной книжке Ли Харви Освальда, человека, обвиненного в убийстве Джона Кеннеди. После этого убийства Баррос носил значок с надписью «Клуб любителей Ли Харви Освальда»¹⁰².

Баррос не только восхищался Освальдом, но и был искренним поклонником книги «Империя» Йоки, которую он называл «библией американ-

ских правых». Он снова и снова перечитывал эту книгу, обсуждал ее с друзьями. Затем он вступил в Партию национального возрождения (National Renaissance Party, NRP), чей руководитель Джеймс Мадоле опубликовал несколько очерков Йоки. Мадоле оценил убежденность Барроса и поставил его во главе «элитной» службы безопасности NRP. Однако спустя непродолжительное время они рассорились. Баррос, очевидно, хотел сбросить на коммунистический Китай водородную бомбу, в то время как эта страна начала все больше привлекать Мадоле. Мадоле был горячим сторонником Насера и с похвалой отзывался обо всех антиимпериалистических лидерах, таких как Кастро, Бен Белла, Сукарно и председатель Мао¹⁰³.

В то время как Мадоле восхищался левыми революционерами, Баррос привязался к Ку-клукс-клану. Он также стал приверженцем вотанизма (от имени германо-скандинавского бога войны Óдина, он же Вóтан. — *Примеч. пер.*) — якобы восходившей к дохристианским скандинавам религии солнцепоклонников. Баррос, толстый коротышка в очках, обладал неприятной привычкой держать голову склоненной набок и ходить таким образом. Нервничая или находясь в возбуждении, он непроизвольно посмеивался, что также производило странное впечатление на окружающих.

Несмотря на всю эксцентричность Барроса, Рой Франкхаузер любил его. 31 октября 1965 года молодой нацист гостил дома у Франкхаузера, в городе Ридинг, штат Пенсильвания. Именно в этот день в газете «New York Times» появился материал о Барросе, где сообщалось, что он еврей и отмечал бар-мицву. По словам Франкхаузера, занимавшего тогда в Ку-клукс-клане пост «Великого Дракона объединенных кланов Пенсильвании», уничтоженный этой статьей истеричный Баррос, «как буйнопомешанный», взбежал на второй этаж, разломал несколькими каратистскими ударами кровать Франкхаузера, схватил пистолет и вышиб себе мозги¹⁰⁴.

Баррос скончался от трех пулевых ран, что достаточно нетипично для самоубийства. Это заставило ФБР предположить, что Франкхаузер, возможно, довершил дело. Пятна крови и следы от пуль сохранялись на стенах и потолке дома еще 30 лет после случившегося. То, что он так и не озаботился счистить их, свидетельствует о странном образе мыслей Франкхаузера. Заходившие в его дом люди не могли не обращать внимания на фото линчеваний и зверств в концентрационных лагерях, развешанных на стенах, а также на многочисленные памятные вещи с нацистских времен и расистские украшения. «Все это выглядело, как сцена из фильма «Молчание ягнят», — вспоминал один из посетителей¹⁰⁵.

Успевавший везде куклуксклановец Франкхаузер был, мягко говоря, непростым типом. Кроме Американской нацистской партии и Ку-клукс-

клана он состоял членом около 30 различных ультраправых группировок, а также служил тайным информатором ФБР и ATF (Бюро алкоголя, табака, огнестрельного оружия и взрывчатых веществ — федеральное агентство США, входившее в тот период в структуру Федерального казначейства. — *Примеч. пер.*). Однажды ему даже пришлось выполнить некое секретное задание Совета национальной безопасности при президенте Никсоне¹⁰⁶.

Куратор Франкхаузера в ATF описывал своего толстого подопечного как «выдающегося мастера проникновения в закрытые организации и отличного информатора». После того как его несколько раз пытались убить неизвестные стрелки, Франкхаузер начал носить пуленепробиваемый жилет. Участвуя в каких-то арийских учениях, он лишился одного глаза, после чего прозвище «Благородный циклоп», которым члены Ку-клукс-клана традиционно приветствовали своего руководителя, зазвучало обоснованно. Как позднее рассказывал про себя Франкхаузер — эмоционально неуравновешенный человек, увлекавшийся шпионажем, — он был двойным агентом, использовавшим свое положение в государственных структурах для получения доступа к информации о своих ультраправых коллегах, которой располагали ФБР и ATF. Возможно, это звучало убедительно для его неонацистских приятелей, поскольку они продолжали воспринимать Франкхаузера своим, несмотря на широко распространившуюся информацию о том, что он работал на федеральные агентства¹⁰⁷.

Карьера Франкхаузера олицетворяет мрачную среду, в которой разведывательные операции переплетаются с неонацистской деятельностью, а кому на самом деле верны агенты-стукачи, определить крайне затруднительно. Несмотря на то что расистские организации белых, в которые входил Франкхаузер, обитали на политической периферии, осуждая расовых предателей, под контролем которых находилось правительство Соединенных Штатов, они порой охотно принимали участие в тайных операциях американских спецслужб, если считали, что их цели в данном случае совпадают. В этом заключался основной парадокс ультраправых в США: они выступали против правительства страны, в то же время поддерживая тайные операции, проводимые американской разведкой.

Так, например, в 1960-е годы армейская разведка США начала рассматривать священника Мартина Лютера Кинга как угрозу национальной безопасности, поскольку он осуждал участие США в войне во Вьетнаме. Слежка за Кингом и его сторонниками не знала границ. Армия использовала лазутчиков, перехват каналов связи, аэрофотосъемку с самолетов-разведчиков У-2. Расквартированная в Бирмингеме, штат Алабама, 20-я группа сил специального назначения вышла на членов Ку-клукс-клана и поставила им

задачу собирать информацию о лицах, принимавших участие в демонстрациях за гражданские права. «В обмен на военную подготовку, проводившуюся на ферме в Куллмане, штат Алабама, члены клана вскоре стали разведывательной сетью 20-й группы. Информация от них поступала в Пентагон», — сообщила через много лет газета «Commercial Appeal» из Мемфиса¹⁰⁸.

Если бы Джордж Линкольн Рокуэлл был жив в апреле 1968 года, он, несомненно, приветствовал бы убийство Мартина Лютера Кинга. Однако всего за восемь месяцев до этого он погиб от руки рассерженного новобранца, выброшенного из Американской нацистской партии. Тело фюрера было кремировано в ходе языческой церемонии, а пепел хранился у Мэтта Коэла (Matt Koehl), который назвал себя законным наследником трона американских нацистов. Как душеприказчик, которому отошло поместье Рокуэлла, Коэл возглавил организацию, переименованную в Национал-социалистическую партию белых.

Коэл, ранее один из авторов издания «Right» Уиллиса Карто, прежде чем примкнуть к Рокуэллу, был членом ряда ультраправых организаций, включая и NRP. Однако у Коэла отсутствовало порочное очарование нацистского наставника, поэтому ему было сложно удерживать группу как единое целое. Чтобы упрочить свой авторитет, он съездил в Западную Германию и привез оттуда свои фотографии с несколькими ветеранами Третьего рейха, лично знавшими Гитлера. На одном из них он пожимал руку другу Скорцени — Гансу-Ульриху Руделю. Рядом было помещено изображение Руделя, пожимающего руку самому Адольфу. Тот же сюжет повторялся и на изображениях с другими старыми нацистами рядом с Гитлером — как бы показывая прямую связь между ним и Мэттом Коэлом.

Однако попытки Коэла продемонстрировать, что он принят «старой гвардией» Германии, не произвели большого впечатления на молодых американских нацистов. Отвергая обвинения в гомосексуализме, Коэл безуспешно пытался удержать свою партию от раскола на несколько группировок, каждая из которых претендовала на роль истинной наследницы группы Рокуэлла¹⁰⁹.

В попытке поддержать свою пошатнувшуюся среди американских нацистов репутацию Коэл решил расширить сеть своих международных связей. Самым заметным предприятием в этой области стал его союз с Поулем Риис-Кнудсенем (Povl Riis-Knudsen), молодым и энергичным датским неонацистским лидером. Не испытывая иллюзий относительно перспектив реального возврата нацистов к власти в Европе, Риис-Кнудсен предполагал, что в неотягощенных подобным историческим багажом Соединенных Штатах возрождение национал-социализма более вероятно. Он был очень рад, когда Коэл назначил его генеральным секретарем Всемирного союза

национал-социалистов, трансграничной зонтичной организации, одним из основателей которой в начале 1960-х годов был Рокуэлл.

Однако Риис-Кнудсен достаточно быстро разочаровался в Коэле и его дутой организации. Особую тревогу у датских неонацистов вызвало решение Коэла основать новую религию — гитлеризм. С целью осуществить этот замысел Коэл с небольшой группой истинных приверженцев уединился в неонацистской коммуне в Нью-Берлине, штат Висконсин. Там они воздавали почести Адольфу как непогрешимому образу, всякое высказывание которого расценивалось как евангельское. Они взяли для себя название «Новый порядок», хотя в их реакционных воззрениях не было ничего нового. Они могли быть привлекательными только для тех, у кого было не все ладно с головой. «В этих кругах меня больше всего потрясло то, насколько редко там попадались нормальные люди», — вспоминал через много лет утративший свои иллюзии Риис-Кнудсен¹¹⁰.

Надеясь встряхнуть тех, кто испытывал ностальгию по Гитлеру, заставив их по-новому взглянуть на близкие им идеи, Кнудсен написал до некоторой степени провокационный очерк «Национал-социализм: левое движение» — критику правых консерваторов, которых устраивало сложившееся положение вещей. Риис-Кнудсен утверждал, что национал-социализм в основе своей был левым движением, поскольку он противостоял НАТО и доминирующей роли США в Западной Европе и, подобно левым революционерам, «не желал сохранения существующей системы ни целиком, ни в каких-либо ее частях». Подобная игра с политическим словарем была для Риис-Кнудсена своего рода маркетинговой стратегией, отражавшей как силу прогрессивных левых движений, которые испытали период расцвета в 1960-е годы, так и необходимость для неонацистов отойти от их извечной роли игроков, прозябающих на периферии общества. «Мы должны оставить позади все непроработанные правые воззрения и понять, что относимся к левым», — призывал он своих неонацистских последователей¹¹¹.

В этом очерке Риис-Кнудсен также хвалил Россию, которую посетил в 1978 году, называя ее кавказским бастионом. Он без всяких проблем получил визу, несмотря на то что советские официальные лица прекрасно знали о его связях с нацистами и должны были учитывать весь шум в прессе, поднявшийся, когда датские журналисты узнали о его планах отправиться в Москву. После поездки Риис-Кнудсен заявил: «Расовое чувство русских — главной нации Советского Союза — совершенно очевидно обещает лучшие перспективы для выживания арийской расы, и его не сравнить с теми фантазиями, которыми любят забавляться либеральные и консервативные американские политики... Да, на своей теории коммунизм не поддерживает

расовый подход, однако коммунистическая теория и практика — это совершенно разные вещи»¹¹².

Свидетельства о росте расового чувства в брежневской России произвели большое впечатление и на других западных неонацистов. Новая волна поддержанного на государственном уровне антисемитизма (на этот раз принявшего форму антисиионизма) свидетельствовала о том, что руководители страны чувствовали необходимость вспомнить о евреях — традиционном русском «пугале», с тем чтобы оживить падающую поддержку режима. Поворотным пунктом стала «шестидневная война» 1967 года, в ходе которой арабские союзники СССР потерпели унизительное поражение от Израиля. Советская пропаганда ответила продолжительной антисиионистской кампанией, вытащившей на свет старые черносотенные мифы о всемирном еврейском заговоре, основной целью которого являлось уничтожение матушки-России. Одной из основных опор антисиионистского крестового похода стало политуправление Советской армии¹¹³.

В книгах, выходявших большими тиражами в официальных советских издательствах, антисиионистские пропагандисты приводили обширные цитаты из «Протоколов сионских мудрецов», известной антиеврейской фальшивки, созданной в недрах царской охранки. Советские писатели взялись за практически талмудическую дискуссию о том, что для чего является инструментом — сионизм для американского империализма или империализм для сионизма. Обращаясь к этому вопросу, газета «Комсомольская правда», орган советского комсомола, цитировала фрагменты опубликованной в Каире неонацистской брошюры «Америка — колония сионистов» («America — A Zionist Colony»), одним из авторов которой был протеже Геббельса Йоханн фон Леерс. Возмущенный столь вопиющими проявлениями фанатизма, видный итальянский коммунист, сенатор Умберто Террачини, назвал антисемитские высказывания советской прессы «горой глупостей, основанных на тухлых цитатах»¹¹⁴.

На всем протяжении правления Брежнева советские пропагандисты увеличивали порции расизма, шовинизма, милитаризма и антисемитизма. Невольно подражая своим нацистским предшественникам, некоторые советские авторы добавили к списку заговорщиков, выступающих заодно с мировым еврейством, еще и масонов. Другие проповедовали своего рода гностический нацизм, выставляя русский народ как подлинных арийцев, расу господ, некогда правивших славной языческой цивилизацией¹¹⁵.

Наполненная нацистскими обертонами советская антисиионистская кампания встречала одобрение ультраправых фанатиков Европы и США, ощущавших расовую близость взглядов со своими русскими собратьями

и пренебрегавших былой озабоченностью идеологией коммунизма. Поль Риис-Кнудсен и другие неонацистские ревизионисты прекрасно отдавали себе отчет в том, что чистый, универсальный и всеобъемлющий коммунизм существовал только в умах марксистских мыслителей. В реальности коммунизм менял обличие в зависимости от страны. Советский Союз пользовался своим вариантом коммунизма, Китай и Куба — другими вариантами, отвечавшими их национальным интересам. Поскольку национальные интересы в конечном итоге одерживали верх над идеологией, некоторые неофашистские стратеги стремились найти союзников в коммунистическом мире.

Китайский вариант

Уроженец Брюсселя Жан-Франсуа Тириар (Jean-François Thiriart) никогда не встречался с Фрэнсисом Паркером Йоки и не читал «Империю», хотя и разделял многие мысли, высказанные в книге. Как и Йоки, он полагал, что американская оккупация Европы представляет большую опасность, нежели советская угроза, хотя бы потому, что воздействие США не было столь гнетущим и его сложнее было заметить. Как Йоки, так и Тириар были одержимы идеей единой Европы как третьей силы, способной бросить вызов гегемонии двух сверхдержав эпохи «холодной войны».

В политическом плане Тириар и Йоки мыслили во многом одинаково, но были очень разными людьми. Йоки вел богемный образ жизни, а Тириар был рафинированный буржуа, примерный семьянин и преуспевающий бизнесмен. У него, правда, тоже были свои причуды. Помимо жены и детей, в доме Тириара одновременно жило до 20 кошек, и помещение имело специфический запах. Экцентричный кошатник был одним из наиболее необычных теоретиков, вышедших из западноевропейского неофашистского подполья 1960-х годов. Его путь воинствующего активиста-политика показывает, насколько далеко зашли некоторые правые экстремисты в попытках преодолеть изоляцию и достичь своих целей.

Вначале Тириар не был фашистом. Темноволосый человек среднего роста, хорошо развитый физически и способный сойтись со своими противниками врукопашную, он начал свою политическую карьеру в старшей школе, вступив в ряды левой молодежной организации «Молодые социалистические гвардейцы». Его последующий идеологический разворот во многом вызван тем, что мать решила развестись с отцом и вышла замуж за немецкого еврея, который принялся обучать своего приемного сына идишу. Разъяренный и озлобленный таким изменением в семейной жизни, Тириар

восстал и в 1939 году, в возрасте 17 лет, присоединился к ультраправому Национальному легиону. Он стал также членом пронацистской валлонской организации «Ассоциация друзей германского рейха». Его любимым занятием были затяжные прыжки с парашютом. Он впервые попробовал себя в этом спорте в годы войны, тренируясь в одном из подчиненных Скорцени подразделений командос¹¹⁶.

После краха Третьего рейха Тириар провел три года в тюрьме за сотрудничество с нацистами. Выйдя на свободу, он организовал сеть оптометрических магазинов в нескольких странах Европы. Его авторитет в этой области был столь высок, что он возглавил Европейскую федерацию оптометристов. В ходе деловых поездок он встречался с ведущими представителями неофашистов, включая и Скорцени — к нему он часто ездил в Испанию.

Тириар старался не высказывать своих политических взглядов до начала 1960-х годов. Тогда Бельгия предоставила независимость Конго. Это решение вызвало значительное неудовольствие среди бельгийских поселенцев, почувствовавших, что правительство страны предало их, — во многом повторилась ситуация с французскими «черноногими» колонистами в Алжире. Обращаясь к тем, кто скорбел об утрате Конго, Тириар попытался оживить движение, которое бы заставило Брюссель вернуть себе африканскую колонию. В то же самое время он сформировал бельгийскую группу в поддержку французской Секретной вооруженной организации (OAS), которая вела ожесточенную борьбу с алжирскими повстанцами и правительством де Голля в Париже.

Когда от французских ультрас отвернулся успех, Тириар попытался увлечь руководство OAS идеей единой Европы. «Это было очень нелегко, — вспоминал он. — Большинство этих людей не могло выйти за рамки старых французских националистических концепций». По мнению Тириара, потеря Конго не была внутренним делом Бельгии, точно так же как утрата Алжира должна была беспокоить не только Францию. Это были общеевропейские проблемы, которые должны были решаться в масштабах континента. Однако правые экстремисты, выступавшие против деколонизации, зачастую не рассуждали в общеевропейских категориях. По мнению Тириара, именно в этом заключалась роковая ошибка, не дававшая им возможности выступать с успешными предложениями в политической и военной областях¹¹⁷.

После войны в Алжире Тириар решил создать организацию «Молодая Европа» («Jeune Europe»), которая должна была действовать по всему континенту. Точно такое же название было у эсэсовского журнала для студенческой молодежи, выходившего в Берлине во время Второй мировой войны. Создание новой группы было ознаменовано написанием Тириаром «Манифеста европейской нации», начинавшегося лозунгом «Ни Москва,

ни Вашингтон». Призывая к созданию единого европейского отечества со своим собственным ядерным арсеналом, он выступал за замену «болтливой и коррумпированного парламентаризма» динамичной правящей элитой, разрешающей частное предпринимательство только в тех случаях, когда оно «носит гражданский характер, упорядочено и контролируется народом». Обещая обратить вспять «предательство Ялты», он осуждал Общий рынок и легалистскую Европу Страсбурга¹¹⁸.

Благодаря неустанным организаторским усилиям Тириара отделения «Молодой Европы» быстро возникли в 13 странах (в основном сосредотачиваясь в Бельгии, Испании, Италии и Франции). Его импровизированное выступление начала 1960-х годов полно напыщенности:

США и Советская Россия терпят незрелую, слабую Европу. Мы же хотим настоящей, сильной Европы... Мы обращаемся к людям, готовым умереть за такую Европу... Из Европы пушек и воли возникнет Европа прекрасных замыслов и салонов... Европе надо в сто раз больше солдат, чем юристов, в сто раз больше лидеров, чем реформаторов... Европа станет Четвертым рейхом, протянувшимся от Бреста (французский порт. — *Примеч. пер.*) до Бухареста... Наша партия — это последний шанс для Европы!¹¹⁹

В 1964 году Тириар опубликовал свое важнейшее политическое заявление — книгу «Европа — империя 400 миллионов людей» («Europe — An Empire of 400 Million Men»). За свой счет он перевел его на несколько языков. Самые острые шипы публикации были нацелены на ряд близких для неофашистов целей. Президент Франклин Делано Рузвельт осуждался как дряхлый и извращенный мегаломан, «демократия болтунов» рассматривалась как ширма для плутократии, американцы были названы «молодыми самоуверенными варварами» и «самозванцами от культуры», превратившими Западную Европу в свою колонию. Представляя себя антагонистами, Соединенные Штаты и Советский Союз занимались «игрой во взаимные алиби», для того чтобы сохранить Европу в разделенном и угнетенном состоянии. Вашингтон ссылался на советскую угрозу, чтобы сохранить блок НАТО, а Москва утверждала, что ей необходимо оградить Восточный блок от американского империализма¹²⁰.

В исполненных снисходительного превосходства фрагментах Тириар писал о Европе как обладательнице «монополии на креативность», ее культурном превосходстве и уникальной задаче принести остальному миру «мораль». «В поезде истории, — утверждал он, — Европа представляет собой ту силу, которая движет локомотив, а черные расы — это не более чем вагоны

в составе». Вступавшие в смешанные браки назывались «отбросами обеих рас» — белой и черной¹²¹.

В то же самое время Тириар с негодованием отвергал обвинения в фашизме. Проницательный стратег понимал, что ему следует отойти от ностальгических воспоминаний об эпохе до Второй мировой войны и приспособиться к политическим и общественным реалиям 1960-х годов — десятилетию, когда на подъеме находились представители новых левых и революционеры из стран третьего мира. Считая национал-социализм «устаревшим», он насмехался над теми, кто щеголял свастикой на рукаве, называя их «жителями прошлого» и «нелепыми карикатурами». Вместо этого Тириар предлагал занять позицию за пределами обычного политического спектра: «Мы считаем себя в авангарде центра... Линейное представление о политическом мире, протянувшимся от ультралевых до ультраправых, является совершенно устаревшим»¹²².

Однако попытки Тириара дистанцироваться от фашистского прошлого имели лишь частичный успех. «Молодая Европа» (Jeune Europe) возникла как крайне правая структура, и память об этом сохранялась, несмотря на все усилия Тириара насадить звучащую по-новому политическую философию — «коммунитаризм», позволявший преодолеть различия между левыми и правыми. Дружеские связи с хорошо известными нацистами, такими как бывший ас Ганс-Ульрих Рудель, освещались в еженедельном журнале «Jeune Europe». В его заголовке присутствовал кельтский крест, символ с совершенно очевидной фашистской коннотацией. Это привлекало к движению Тириара воинствующих молодых представителей ультраправых. Многие из них были людьми с эмоциональными отклонениями, нуждавшимися в «образе отца». В какой-то момент Тириар даже вынужден был заявить: «“Молодая Европа” — это политическая организация, а не психиатрическая больница»¹²³. Лидер «Молодой Европы» мыслил масштабно: «Народы общаются между собой исключительно на языке силы... Сила заключается в размере». Утверждая, что страны в своей жизни «руководствуются интересами и конкретными фактами, а не идеологией», он характеризовал коммунизм как проявление панроссийской политики, скрывавшей традиционные империалистические притязания Кремля. «С 1935 года, — уверял он, — Москва стала намного более русской, нежели коммунистической». Тириар был убежден в том, что «инстинкт самосохранения в свое время перевесит все идеологические соображения, и Россия вынуждена будет обратиться к европейцам, чтобы спастись от желтой крови». Анализируя причины раскола между Китаем и СССР, Тириар предрекал неизбежность нового сближения между Европой и Россией. «Европа вернется к политике Бисмарка, установившей

связи между Берлином и Петроградом, — предсказывал он. — Когда это случится, расовые границы Европы совпадут с ее политическими границами»¹²⁴.

Тириар мечтал о могучем союзе белой нации, который протянется от французского Бреста до Владивостока. «Советский Союз — неотъемлемая часть нашей территориальной концепции, — утверждал он. — Это — евразийская Европа, Великая Европа, новая Римская империя...» Чтобы подобная идея смогла реализоваться, Советскому Союзу следовало отказаться от своих империалистических устремлений и перестать доминировать над Восточной Европой. Исходя из этой предпосылки, Тириар призывал европейских революционеров «использовать внутренние противоречия коммунистического мира, дифференцированно подойдя к каждой из разновидностей этого коммунизма». В особенности он призывал к тактическому союзу с красным Китаем, чтобы Советский Союз вынужден был уделять больше внимания своему южному флангу, ослабив нажим на Восточную Европу. «В краткосрочной перспективе, — рассуждал Тириар, — мы должны рассчитывать на антирусское давление со стороны Китая. В долгосрочной перспективе мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы помочь русским сдерживать азиатский потоп. Мы должны ослабить Россию, не захватывая ее». В будущем, добавлял он, Россия вольется в состав «огромной Европы»¹²⁵.

У Тириара был также план по изгнанию американцев из Западной Европы. Он заключался в поддержке латиноамериканских революционеров и сторонников «власти черных», что заставило бы Вашингтон заниматься ситуацией у себя дома. «Латинская Америка, как и Европа, должна сражаться против американского империализма... У нас общий враг, и это заставляет нас искать союзников», — утверждал он¹²⁶.

Подобные рекомендации никак нельзя было отнести к обычным фашистским рассуждениям. Его очевидный сдвиг влево оттолкнул некоторых членов «Молодой Европы». Чтобы побороть смтение в ее рядах, Тириар организовал в ряде стран Западной Европы тренировочные лагеря для «политических солдат». После внутренней перетряски его организация была преобразована в соответствии с принципами ленинизма, став партией революционного авангарда Европы. Примерно в это же время с обложки журнала «Молодая Европа» («Jeune Europe») исчез кельтский крест. Признавая, что протестовать против независимости Алжира и Конго было ошибкой, Тириар начал издание нового ежемесячника «Европейская нация» («La Nation Européenne»), отражавшего как его радикальный антиамериканизм, так и последовательный переход к идеям «национального коммунизма»¹²⁷.

Тириара очень интересовала ситуация в Румынии. Эта страна с момента прихода к власти в 1965 году Николае Чаушеску представлялась одним из

немногих ярких пятен мрачного пейзажа Восточной Европы. В отличие от тяжелого бюрократического стиля его предшественника, Чаушеску демонстрировал признаки свежего подхода к руководству страной. Он ослабил меры внутреннего контроля и повел свою страну к независимой внешней политике. В разгар китайско-советской напряженности он делал дружественные жесты в сторону Китая. Однако некоторые неприятные черты фашистского прошлого Румынии продолжали бросать тень на политическую культуру страны. Это стало ясным после того, как Чаушеску начал популяризировать радикальную форму румынского шовинизма, восходившую к 1920–1930-м годам. Похоже, что массовый послевоенный прием в ряды румынской тайной полиции ветеранов фашистской «Железной гвардии» оказал свое влияние на развитие национал-коммунизма в годы Чаушеску¹²⁸.

Летом 1966 года Жан Тириар побывал в Румынии, где познакомился с Чаушеску. Они восприняли друг друга как родственные души, и Чаушеску согласился написать статью для «Европейской нации». Он также организовал встречу Тириара с министром иностранных дел Китая Чжоу Эньлаем, которая состоялась в Бухаресте.

«Сначала, — вспоминал Тириар, — мой разговор с Чжоу Эньлаем свелся к обмену занимательными историями и воспоминаниями. На этом этапе все шло хорошо. Чжоу Эньлай интересовался моими исследованиями каллиграфии, я — его пребыванием во Франции, прекрасным временем его молодости. Затем мы заговорили о народных армиях — эта тема интересовала нас обоих. Когда разговор коснулся конкретики, стало хуже. Мне пришлось выслушать настоящую лекцию по учению марксизма-ленинизма. Затем Чжоу перечислил ряд серьезных психологических ошибок, допущенных руководством Советского Союза».

Тириар пытался убедить Чжоу Эньлая в том, что Европа может оказаться важным союзником во всемирной борьбе антиамериканских сил, однако ему не удалось добиться существенного успеха. Затем он попросил у китайского министра иностранных дел финансовой помощи, с тем чтобы он мог организовать в Европе революционную армию, которая могла бы начать прямые действия против американцев. Подобный элитный военный аппарат также нуждался в базе за пределами Европы, и Тириар полагал, что Китай сможет предоставить убежище его мятежникам. Не слишком впечатленный Чжоу посоветовал Тириару связаться с китайской секретной службой, однако ни к каким результатам это не привело¹²⁹.

Для Тириара маоистский Китай был в лучшем случае тактическим союзником, а не политической или идеологической моделью, которую следовало воспроизвести. В этом смысле его попытки установить связь с Пекином

встретили положительный отклик у ряда западногерманских неонацистов, включая и издателей «Nation Europa», выступивших в 1967 году за прокитайскую внешнюю политику: «Мы, немцы, не видим никаких причин, по которым нам следует выступать против Китая. Действительно, с чисто биологической точки зрения старый лозунг о “желтой угрозе” имеет определенный смысл для Европы. Однако сегодня у нас есть более насущные задачи. Сегодня мы отделены от Китая колоссальными просторами Советской империи, и нам нет никакого смысла подчиняться Советам, утверждающим, что мы лишены свободы волеизъявления, и конфликтовать с Мао»¹³⁰.

Примечательно, что даже генерал Рейнхард Гелен согласился с сутью предложения Тириара. «На мой взгляд, — писал Гелен в мемуарах, — нам крайне важно было забросить в Пекин пробный шар с тем, чтобы обеспечить разрядку в российском тылу. Если мы хотели усилить наши переговорные позиции в отношениях с русскими, нам следовало договариваться с нашими потенциальными противниками»¹³¹.

Одним из ближайших западногерманских союзников Тириара был Адольф фон Тадден (Adolf von Thadden), ветеран правых экстремистов, также мечтавший о неприсоединившемся европейском союзе. Моложавый вид принес ему прозвище «Буби». В 1950-х и начале 1960-х годов он возглавлял Германскую имперскую партию (DRP) — фактическую преемницу Социалистической имперской партии Ремера. Это были тяжелые годы для махровых нацистов фатерланда. За немногими исключениями они сохраняли молчание и инкогнито, предпочитая группироваться в тайных обществах и на встречах ветеранов, где демонстрировались преступные регалии, звучали нездоровые воспоминания, происходили бесконечные ссоры. Западногерманское законодательство недвусмысленно запрещало какое-либо возрождение нацистских программ, практически не оставляя им свободы маневра. Это послужило одной из главных причин того, чтобы неререформируемые наци вроде Ремера предпочли в послевоенный период длительное пребывание за границей.

Ультраправые Западной Германии продолжали находиться на мелководье до тех пор, пока на волне экономической рецессии середины 1960-х годов фон Тадден не организовал Национал-демократическую партию Германии (Nationaldemokratische Partei Deutschlands, NPD). Национал-демократы привлекли к себе тех избирателей, которые продолжали оставаться неисправимыми неонацистами, и недовольных консерваторов, разделявших протест Буби против НАТО, гастарбайтеров, ползучей американизации немецкой культуры и расцвета студенческого движения новых левых¹³².

Восстав против общества, позволившего стольким бывшим нацистам получить влиятельные позиции в правительстве и деловых кругах, многие

западногерманские студенты требовали старшее поколение к ответу за его добровольное молчание и нежелание признать правду об эпохе Гитлера¹³³. Левую молодежь в особенности возмущало то, что руководители NPD возлагали венки на могилы нацистских военных преступников. Возглавлявшаяся Буби фактически фашистская партия требовала немедленного вывода всех иностранных войск со «священной германской земли», возврата утраченных восточных территорий и признания ложью утверждений о том, что Вторая мировая война была развязана Гитлером. Повторяя призывы Тириара к китайско-европейскому союзу, фон Тадден призывал направить в Пекин лучшего немецкого посла¹³⁴.

В середине 1960-х годов Национал-демократической партии Германии удалось провести своих представителей в большинство земельных парламентов страны. Однако по мере улучшения экономической ситуации ее популярность пошла на спад, и партии Буби не удалось преодолеть пятипроцентный барьер на общенациональных выборах 1969 года и получить места в Бундестаге. После этой неудачи национал-демократы выдохлись и откатились на периферию политической сцены.

Флирт с левыми

Пока Буби фон Тадден поднимал шум в Западной Германии, Жан Тириар продолжал развивать свои радикальные геополитические идеи. К ним с интересом отнеслись несколько видных фашистских деятелей. В их числе был и генерал Хуан Перон, вынужденный спешно покинуть Аргентину после произошедшего в сентябре 1955 года военного переворота. Скорцени помог президенту-изгнаннику с комфортом обосноваться в Мадриде. Он познакомил Перона с Тириаром, и между ними завязалось тесное сотрудничество. Перон дал несколько интервью «La Nation Européenne», в которых высоко оценил политическую тактику и цели Тириара¹³⁵.

Перон выступал за единство третьего мира и поддерживал движение неприсоединения. Он рассматривал борьбу за освобождение Латинской Америки от гнета американского империализма как неразрывно связанную со стремлением Тириара изгнать Соединенные Штаты из Европы. Тириар предсказывал, что единая Европа однажды станет сестрой единой Латинской Америки — об этом же говорил и Перон. Оба они высказывали поддержку Фиделю Кастро и кубинской революции, относились как к знаменитости к Че Геваре, рожденному в Аргентине легендарному партизану¹³⁶.

В своей автобиографии «Перон как он есть» аргентинский генерал утверждал, что самой важной для Латинской Америки проблемой был не

Советский Союз, а экономическое, политическое и культурное доминирование со стороны американского гиганта. Перон предупреждал, что, если североамериканцы не изменят своего империалистического поведения, жители Латинской Америки могут вскоре в многократно увеличенном масштабе повторить драматическое противостояние Кубы и США. Обращаясь к леворадикальной аргентинской молодежи, очарованной революцией, Перон в снятом на кинолентку интервью назвал беспокойные 1960-е годы «часом народов» и процитировал Мао Цзэдуна¹³⁷.

Под влиянием Тириара Перон призвал своих сторонников взяться за оружие, чтобы свергнуть военную хунту, находившуюся у власти в Аргентине. Многие из тех, кто готовился сражаться во имя Перона, и не подозревали, что изгнанный аргентинский генерал активно обхаживал европейских неонацистов. Среди ближнего круга Перона в Мадриде можно было встретить несколько убежденных фашистов, таких, например, как Мила Богетич (Mila Bogetich), ветеран хорватских усташей, возглавлявший охрану резиденции Перона¹³⁸.

Странное объединение ультралевых и ультраправых в окружении Перона можно хорошо проследить на примере неонацистской военизированной организации сектантского типа Тасуага («Копье»), у которой были давние связи с аргентинскими спецслужбами. Когда в 1960 году израильскими агентами был захвачен Адольф Эйхман, члены Тасуага начали мстить, бросая бомбы в синагоги, обстреливая из автоматов дома и офисы, принадлежавшие евреям, расписывая здания Буэнос-Айреса лозунгами «Евреев — в газовые камеры!» и прочими дикими граффити. Через два года после казни Эйхмана они снова напомнили о себе, похищая студентов-евреев и вырезая им на теле свастики. Однако аргентинская полиция не торопилась призывать этих гангстеров-расистов к ответу¹³⁹.

В середине 1960-х годов новым командиром Тасуага стал Джо Бакстер (Joe Baxter) по прозвищу Хосе, загадочный аргентинец югославского происхождения. Вдохновленный революционным зарядом Фиделя Кастро, Бакстер резко сменил влево курс своей неонацистской организации. Такая смена политических взглядов шла во многом параллельно с изменением взглядов Жана Тириара, который, как представлялось, в это же время тоже начал дрейфовать влево. Их объединяло и другое — примечательно, что оба они были связаны с находившимся в Испании Хуаном Пероном¹⁴⁰.

С личного одобрения находившегося в изгнании генерала Бакстер начал реорганизовывать Тасуага в первую в Аргентине военную организацию для ведения боевых действий в городе. Несколько такуаристов, включая и самого Бакстера, посетили Гавану, где прошли курс военной подготовки. По данным ФБР и Государственного департамента, в 1965 году Бакстер также

посетил коммунистический Китай. По возвращении в Латинскую Америку он слил ядро Тасиага с различными группировками революционеров, сформировав «Монтонерос» — объединение молодых националистов, начавших вооруженную борьбу и подготовивших фантастическое возвращение Перона домой 20 июня 1973 года¹⁴¹.

Непримиримые противоречия в рамках популистской коалиции Перона, объединявшей левых и правых боевиков, ярчайшим образом проявились в тот момент, когда будущий спаситель Аргентины сошел с борта своего самолета в аэропорту Буэнос-Айреса Эзейза. Банды неонацистских преступников, организованные одним из главных советников Перона, открыли огонь из автоматического оружия по толпе «монтонерос», собравшихся, чтобы приветствовать своего героя. Полагая, что страна находится на пороге социальной революции, и считая себя ее основной движущей силой, «монтонерос» попытались занять принадлежавшее им «по праву» место прямо рядом с трибуной. Оттуда Перон должен был обратиться к народу, собравшемуся на крупнейший митинг в истории Аргентины. В конце концов, сам Перон в свое время прославлял «славную молодежь», продолжавшую его дело тогда, когда сам он находился в изгнании. Эти иллюзии были развеяны в ходе последовавшей кровавой бани, всего за несколько минут унесшей жизни свыше 200 человек¹⁴².

Перон, воспользовавшись «монтонерос» как боевой силой для политического возвращения, внезапно прекратил все разговоры о «социалистическом отечестве». Вскоре последовал еще один военный переворот, погрузивший Аргентину в семилетний период ужаса. Под предлогом угрозы со стороны уже разгромленного движения левых партизан военные руководители Аргентины вели грязную войну против безоружных мужчин, женщин и детей. За это время бесследно исчезло от 10 до 30 тысяч человек. Помощь аргентинской хунте оказывал ряд европейских неонацистов, специализировавшихся на пытках и убийствах¹⁴³.

Жан Тириар подчеркивал, что «роман» с левыми является лишь частью общего геополитического плана, нацеленного на ослабление Соединенных Штатов. Когда американские войска завязли в Юго-Восточной Азии, бельгийский экстремист приветствовал усилия Хо Ши Мина, мечтая о развязывании в Западной Европе вооруженного конфликта по образцу вьетнамского. Он должен был быть нацелен против поддерживавших США правительств. По мнению Тириара, Европа должна была стать ключевым полем боя. Если бы Соединенные Штаты потерпели поражение во Вьетнаме или другой стране третьего мира, это не оказало бы большого воздействия на общее положение вещей. Однако, если бы североамериканцы были разгромлены в Европе, утверждал он, последствия были бы колоссальными¹⁴⁴.

В 1968 году Тириар посетил ряд арабских стран в попытке заручиться поддержкой своей идеи «Европейской бригады». Он рассматривал ее как зародыш будущей диверсионной армии, которая будет противостоять на континенте американским «оккупационным силам». Он пытался убедить своих арабских хозяев в том, что им будет выгодно вовлечение Соединенных Штатов в войну «вслепую», когда в Европе им придется столкнуться с «террористами невидимыми и вездесущими»¹⁴⁵.

Именно с такими мыслями Тириар и прибыл в Ирак, где его тепло встретили официальные представители правящей партии «Баас». Осудив на устроенной в Багдаде пресс-конференции «сионистско-американский сговор на Ближнем Востоке», он провел встречи с быстро набирающим влияние в стране полковником Саддамом Хусейном. Иракские руководители все обратились в слух, когда Тириар знакомил их со своим планом создания европейской вооруженной силы, способной оказать им помощь в борьбе с Израилем. Молодые новобранцы Тириара должны были не только помочь делу арабов, но и набраться боевого опыта — он пригодился бы им по возвращении в Европу для нанесения ударов по американцам. По словам Тириара, подобные предложения были с энтузиазмом встречены иракцами, однако отклонены Советским Союзом. Ирак вынужден был подчиниться, поскольку сильно зависел от советской военной помощи¹⁴⁶.

После победы Израиля в Шестидневной войне лагеря палестинских беженцев погрузились в атмосферу отчаяния. Лишенные родины и находящиеся перед лицом неумолимого врага, палестинские лидеры понимали, что им не следует отказываться от помощи, сколь бы непривлекательны ни были те, кто ее предлагал. К арабским революционерам постоянно обращались их нацистские «поклонники». Опуская различия между евреями и сионистами как «тонкости для интеллигентов», Тириар установил тесные связи с Жоржем Хабашем (George Habbash), главой Народного фронта освобождения Палестины, угнавшего несколько пассажирских самолетов и принимавшего участие в ряде других актов международного терроризма и диверсиях¹⁴⁷. По словам секретаря Тириара Люка Мишеля (Luc Michel), «Хабаш давал деньги на издание “Европейской нации”, а Тириар поддерживал его в журнальных публикациях»^{148, 149}.

Проживая в Дамаске, Отто-Эрнст Ремер контактировал с руководителем Организации освобождения Палестины Ясиром Арафатом. «Естественно, я хорошо знаю господина Арафата, — уверял он. — Я встречался с ним много раз. Мы ели у него в штаб-квартире. Я знал всех его людей. Им очень много было от нас нужно». Для Ремера другом был любой враг Израиля, особенно если из этого можно было извлечь выгоду. Он утверждал, что ему удалось устроить несколько сделок между западногерманскими компания-

ми и ООП. Однако Ремер отрицал то, что поставлял ООП оружие. «Для меня это было невозможно, — говорил он. — Арафат получает все, что ему нужно, из СССР. Немецкому торговцу оружием тут делать нечего»¹⁵⁰.

Тириар продолжал рассматривать борьбу палестинцев в качестве трамплина для осуществления своей мечты об общеевропейской революции. Однако, обратившись за финансовой и материальной поддержкой к китайцам и нескольким арабским странам, он не получил практически никаких результатов. Отто Скорцени объяснил удрученному Тириару, что план создания партизанской армии, прекрасный сам по себе, никогда не сработает. Не желая прослыть великим теоретиком, на которого не обращал внимания никто из сильных мира сего, Тириар решил временно отойти от политической деятельности. В 1970-е годы он пропал из вида, дав лишь несколько интервью, в которых продолжал продвигать свои антиамериканские идеи. «Вся Европа, от Стокгольма до Неаполя, должна в течение 48 часов узнавать об убийстве очередного американца, — заявил Тириар в интервью французскому журналисту. — Единство Европы наступит только тогда, когда во всех ее концах погибнет от 200 до 300 американских оккупантов. Их гибель докажет, что обратного пути нет»¹⁵¹.

Некоторые из учеников Тириара приняли его слова близко к сердцу. Ренато Курчио (Renato Curcio), член *Giovane Europa* («Молодая Европа»), итальянского подразделения *Jeune Europe*, стал одним из руководителей «Красных бригад», группы левых террористов, похищавших и убивавших людей в Италии в 1970-е и начале 1980-х годов. Еще один протеже Тириара, Клаудио Мутти (Claudio Mutti), после захвата власти в Триполи полковником Муамаром Каддафи основал Общество итальянско-ливийской дружбы. Помимо публикации на итальянском языке «Протоколов сионских мудрецов» и «Зеленой книги» Каддафи, Мутти также основал организацию, названную «Народная борьба» (*Lotta di Popolo*). По-итальянски ее аббревиатура PLO имела одинаковый вид с аббревиатурой Организации освобождения Палестины, указывая на симпатии ее основателя. Имя было выбрано исходя из того, что оно не несет никаких явных указаний на правый или фашистский характер организации. Это облегчало привлечение в ее ряды левых студентов. Позднее Мутти сотрудничал с прокитайской студенческой группой, что послужило основой для странной итальянской политической мутации, известной под именем национал-маоизма. Под воздействием политической аналитики Тириара небольшая группа итальянских политических активистов взяла на вооружение совершенно невероятную подборку героев — Гитлера, Мао, Каддафи и Перона — и выступала под лозунгами: «Да здравствует фашистская диктатура пролетариата!» и «Гитлер и Мао едины в борьбе!»¹⁵²

Какая-либо возможность создания стратегического союза с Китаем была ликвидирована после того, как председатель Мао принял президента США Ричарда Никсона. Сближение Китая и США, начавшееся вскоре после временного ухода Тириара в тень, укрепило его веру в то, что сама судьба предписала Европе и Советскому Союзу стать равными геополитическими партнерами. Тириара особенно обрадовал интерес, проявленный советскими официальными лицами к его работам. Они были переведены на русский язык офицером Советской армии. После распада СССР его идеи вызовут большой интерес у нового поколения «национал-большевиков», возникших в беспокойной внутривосточной атмосфере России.

Сумерки идолов

В 1960-е годы Отто Скорцени был очень занятым человеком. Он занимался целым рядом бизнес-проектов, включая получение электричества с помощью ветряков. Однако основным источником доходов для него являлась торговля оружием. Являясь одним из крупнейших брокеров режима Салазара в Португалии, Скорцени работал с целым рядом занимавшихся этим доходным делом фирм, включая и располагавшуюся в штате Вирджиния компанию «Интерармс» (Interarms). Ею руководил бывший сотрудник ЦРУ Сэм Камминс (Sam Cummings). Скорцени также помог учредить в Бонне фирму «Мерекс» (Merex), тесно связанную с немецкой разведкой BND, которую до 1968 года возглавлял Гелен. С помощью «Мерекс» BND направляла излишки оружия на Ближний Восток и в другие горячие точки третьего мира, даже невзирая на то что подобные действия были запрещены в соответствии с международными договорами, подписанными правительством Западной Германии¹⁵³.

Партнером Скорцени по запуску «Мерекс» был бывший офицер вермахта Герхард Мертенс (Gerhard Mertens). В начале 1950-х годов, до того как возглавить «Мерекс», он служил военным советником у Насера в Египте. Из своего офиса в Бонне он управлял всемирной сетью агентов и торговцев оружием. Основным контактом Мертенса в Боливии был Клаус Барбье, прославившийся своей жестокостью гауптштурмфюрер SS. Его деяния в годы войны принесли ему прозвище «Лионский мясник». Он был заочно приговорен французским судом к смертной казни за военные преступления — это было отлично известно «Организации Гелена» и армейской контрразведке США, взявшим Барбье на службу как антикоммунистического шпиона. После неоднократных требований об экстрадиции, поступивших от французской стороны,

американские официальные лица закрыли глаза на побег Барбье в Латинскую Америку, предпринятый в 1951 году по «крысиной тропе» Ватикана. Вскоре он стал привычной фигурой в столице Боливии Ла-Пасе, где служил советником по безопасности у ряда сменявших друг друга военных режимов. Все это время он продолжал снабжать ЦРУ конфиденциальной информацией¹⁵⁴.

Послевоенная карьера Барбье демонстрировала, каким образом методы работы и идеология нацизма с помощью американской разведки экспортировались в Латинскую Америку. Он распространял фашистское учение среди ведущих представителей боливийских военных, являвшихся также членами тайной неофашистской ложи «Туле» (Thule). Лионский мясник проводил заседания ложи при свечах, рассуждая о принципах национал-социализма под огромной свастикой. Но он не был просто «стариком, с тоской вспоминающим о Третьем рейхе». Эрнесто Мила Родригес (Ernesto Mila Rodriguez), испанский неофашист, пересекавшийся с Барбье в Боливии, вспоминал: «Он был очень трезвомыслящий человек, понимавший, что рейх проиграл войну, что привело к гибели лежавшие в его основе идеи. Барбье пытался по-новому сформулировать и оживить эти идеи»¹⁵⁵.

Участие Барбье в торговле оружием неминуемо вело его к встрече с Отто Скорцени, с которым он виделся несколько раз во время своих деловых поездок в Испанию. Под вымышленным именем Мясник по крайней мере пять раз посещал с коммерческими целями США в конце 1960-х — начале 1970-х годов. Иногда он даже давал интервью журналистам, находясь в безопасности в Ла-Пасе. Военный преступник Барбье рассказал одному из французских журналистов, что работал на Гелена. Он также назвал Отто Скорцени руководителем «Паука» (Die Spinne) — международной сети взаимопомощи неонацистов¹⁵⁶.

Скорцени не ограничивался торговлей оружием. Он учил людей умело применять его в своих целях. Для этого он основал компанию «Паладин групп» (Paladin Group). По мнению Скорцени, она должна была стать «международным директором действующих в стратегических масштабах ударных частей, стирающих границу между военными операциями, проводимыми военнотрудовыми, и политической войной, которую ведут гражданские агенты». Штаб-квартира нового предприятия располагалась на побережье Средиземного моря близ испанского Аликанте. Основным видом деятельности стала боевая подготовка людей, зарабатывающих себе на жизнь убийством других людей¹⁵⁷.

Советское информационное агентство ТАСС обвиняло «Паладин групп» в том, что та в 1960-е годы готовила подразделения американских «зеленых беретов» к проведению специальных операций на территории

Вьетнама. Это представляется маловероятным, так как к тому времени методы Скорцени представлялись довольно устаревшими. По крайней мере, именно это установил американский наемник по имени Энтони Герберт (Anthony Herbert), посетивший базу «Паладин групп» в горах Страны басков. По словам Герберта, «Скорцени и небольшая группа бывших немецких военных создала компанию с целью вооружения и подготовки групп боевиков». После нескольких поездок в школу командос Скорцени Герберт пришел к выводу: «демонстрируемые техники были качественными, хотя и устаревшими». Новинкой для Герберта стало лишь «тонкое искусство поджога. Не так легко, например, сжечь крупную фабрику»¹⁵⁸.

Непосредственным руководителем «Паладин групп» был доктор Герхард Хармут фон Шуберт (Gerhard Harmut von Schubert), ранее работавший в Министерстве пропаганды Геббельса, а в послевоенные годы обучавший службы безопасности Аргентины и Египта. Под его руководством «Паладин групп» снабжала группу палестинских террористов под руководством Вадди Хаддада, спланировавшую и осуществившую ряд ударов по Израилю. Среди прочих клиентов «Паладин групп» были полковник Муамар Каддафи из Ливии, а также южноафриканская секретная служба. «Паладин групп» выполняла отдельные задания в интересах греческих «черных полковников», пришедших к власти в 1967 году и на семь лет установивших военную диктатуру в колыбели мировой демократии. Оперативников «Паладин групп» также нанимало Министерство внутренних дел Испании для ведения тайной войны с баскскими сепаратистами, пытавшимися вести вооруженную борьбу с режимом Франко¹⁵⁹.

Во многих отношениях это время было лучшим для Скорцени. Он купил в Ирландии ферму площадью в 170 акров. Там он разводил лошадей и вместе с Илзе отдыхал в летние месяцы. Периодически балуясь журналистикой, он писал статьи в «Deutsche Wochen-Zeitung», ультранационалистическую газету, служившую рупором для западногерманской Национал-демократической партии Буби фон Таддена¹⁶⁰.

Скорцени также консультировал руководство испанской неонацистской группы CEDADE (Circulo Espanol de Amigos de Europa). Созданный в 1966 году как клуб любителей Рихарда Вагнера, «Испанский кружок друзей Европы» считал Скорцени одним из своих отцов-основателей. Через несколько лет эта «культурная» организация развилась в крупный центр неонацизма, связанный с подобными группами в Португалии, Франции, Австрии, Великобритании, Бельгии и ряде латиноамериканских стран. CEDADE также была связана с американским «Свободным лобби». После гибели в результате покушения Джорджа Линкольна Рокуэлла, руководителя Американской нацистской партии, CEDADE направила в американское

посольство в Мадриде телеграмму с соболезнованиями: «Мы глубоко потрясены... просим вас передать наши искренние соболезнования по случаю тяжелой утраты семье [Рокуэлла], его друзьям и всему народу Америки»¹⁶¹.

Призывая к очистке Европы от «неполноценных рас», молодые члены CEDADE до такой степени идеализировали Гитлера, что вегетарианство (которого, как утверждается, придерживался фюрер) стало обычным в этой неонацистской секте. Принадлежавшее ей издательство «Ediciones Wotan» выпустило испанский перевод «Империи» Фрэнсиса Паркера Йоки, а также несколько книг близкого друга Скорцени бригадефюрера Леона Дегрелля. Через несколько лет гостеприимством CEDADE воспользуется генерал-майор Отто-Эрнст Ремер, в очередной раз скрывавшийся от тюремного заключения в Германии¹⁶².

После того как в 1971 году Скорцени перенес операцию в связи с опухолью спинного мозга, темп его жизни заметно замедлился. Он страдал и от других последствий ежедневного выкуривания трех пачек сигарет. Несмотря на свое ухудшавшееся физическое состояние, Скорцени продолжал вести активную светскую жизнь. Вместе с женой они продолжали принимать нескончаемый поток гостей. Часто у них бывал Ганс-Ульрих Рудель, заходил и Буби фон Тадден, когда отдыхал в Испании.

Гостеприимством Скорцени пользовались и другие известные неофашисты, включая и его старого итальянского друга, князя Юнио Валерио Боргезе, бежавшего в Испанию после неудачной попытки военного переворота в Риме в декабре 1970 года. С радостью встреченный Отто и Илзе, он легко вошел в высший эшелон экспатриантов, часто встречаясь с Хуаном Пероном и Леоном Дегрелем, высоко чтившим итальянского адмирала. «Он производил очень глубокое впечатление, — уверял Дегрель. — Самый важный человек в постфашистской Италии»¹⁶³.

Известный как Черный принц, адмирал Боргезе был потомком знатного рода, в течение многих веков поставлявшего Италии князей и римских пап. В годы Второй мировой войны он заслужил грозную славу, командуя «Десятой флотилией» — легендарным подразделением итальянских аквалангистов, которые провели серию отчаянных операций в духе Скорцени, уничтожив ряд союзных кораблей и судов и устроив диверсии в портах. Боргезе вместе со Скорцени работал над проектами, один из которых представлял собой начиненный взрывчаткой катер. Его пилот выбрасывался за борт непосредственно перед тем, как управляемый им аппарат поражал свою цель. Начав сотрудничество во время войны, два мастера нетрадиционного ведения боевых действий стали близкими друзьями и сохранили свои отношения даже через много лет после разгрома держав Оси¹⁶⁴.

Попав в конце войны в руки жаждавших возмездия партизан, Черный принц уцелел лишь благодаря тому, что в его судьбу в последний момент сумел вмешаться римский резидент Управления стратегических служб США (OSS) Джизус Энглтон. Узнав, что в Милане в руки коммунистов попал сам Боргезе, он кинулся в этот город, и по его настоянию князю сохранили жизнь. Это было сделано невзирая на то, что непреклонный фашист вел кровавую борьбу с движением итальянского Сопротивления на севере страны. Именно там еще сохранял формальную власть в Республике Сало Муссолини, спасенный в результате знаменитого рейда Скорцени. Впоследствии Боргезе был осужден как военный преступник, однако отсидел сокращенный срок в результате масштабной амнистии, объявленной правительством Италии. Аристократ-адмирал продолжал играть видную роль в послевоенном итальянском фашизме. К началу 1950-х годов Боргезе стал почетным президентом самой крупной неофашистской партии Европы — Итальянского социального движения (MSI)¹⁶⁵.

При побеге в Мадрид в декабре 1970 года князя Боргезе сопровождал 36-летний итальянец Стефано Делле Кьяйе (Stefano Delle Chiaie), также участвовавший в провалившемся путче. Небольшой жилистый человек, Кьяйе получил прозвище Коротышка (Casciola) из-за своего невзрачного внешнего вида. Однако его организаторские способности, а также политическая убежденность подарили ему уважение со стороны ряда ветеранов-нацистов, включая Отто Скорцени и Леона Дегреля. Боргезе также часто с уважением говорил о полутораметровом фашисте, называя его «одним из немногих людей, способных навести в Италии порядок»¹⁶⁶.

Главарь римской уличной банды Кьяйе прославлял насилие как средство очищения, способное пробиться сквозь послевоенное буржуазное болото. В 1960-е годы его организация «Национальный авангард» (Avanguardia Nazionale) рассматривалась как «дубина» послевоенного итальянского правого экстремизма. За руководством и вдохновением Делле Кьяйе обратился к Юлиусу Эвола, представителю реакционной интеллигенции, ставшему серым кардиналом послевоенного итальянского фашизма. Нигилистические бредни Эволы отчетливо прослеживались в его книгах, включая «Человек среди руин» («Gli uomini e le govine»), предисловие к которой написал Валерио Боргезе. «Вопрос заключается не в состязаниях и спорах, а в том, чтобы все взорвать», — заявлял Эвола. Эти слова произвели глубокое впечатление на Делле Кьяйе и его сторонников. После нескольких взрывов бомб в итальянской столице эта группа стала известна как выносящая наказания левым студентам и прочим «врагам». «Мы готовы сражаться лицом к лицу, — говорилось в одной из листовок

«Национального авангарда». — Выходя на задание, наши люди морально готовы ко всему, так что кости будут переломаны даже у тех, кто упал на колени и рыдает»¹⁶⁷.

Вскоре после того как Коротышка сбежал в Испанию вместе с Боргезе, обладающий хорошими связями князь взял его с собой к Скорцени. Они встречались и раньше, но только теперь, в начале 1970-х годов, когда беглец из Италии стал работать в Испании, Скорцени оценил его лидерский потенциал, и они установили тесные отношения. Рекомендации Скорцени открыли перед Делле Кьяйе все двери. Коротышка вошел в высший фашистский свет, встретив уже постаревших, однако известных людей: Дегреля, Перона и самого генерала Франсиско Франко, чей режим уже вошел в эпоху своего заката¹⁶⁸.

В апреле 1974 года Делле Кьяйе и Боргезе направились в чилийский Сантьяго, чтобы встретиться с генералом Аугусто Пиночетом, главой поддерживаемой ЦРУ военной хунты, свергнувшей демократически избранное правительство президента Сальвадора Альенде. В течение нескольких следующих лет Делле Кьяйе отметился серией террористических операций в Латинской Америке, продавая свои умения местным правым диктатурам. Он не только выполнял задания DINA — вызывавшей ужас чилийской тайной полиции, но и работал с аргентинской военной разведкой, превратившей свою страну в известное на всю Южную Америку место массовых расстрелов¹⁶⁹.

Опыт Коротышки был высоко оценен Роберто д'Обюссоном (Roberto d'Aubuisson), серым кардиналом сальвадорских эскадронов смерти, который обратился за советом, как организовать противоповстанческую кампанию против левых партизан. Действовавший в начале 1980-х годов в Латинской Америке Делле Кьяйе предложил свои услуги и никарагуанским «контрас», начавшим войну против сандинистов. Порой он согласовывал свои действия со Всемирной антикоммунистической лигой (World Anticommunist League, WACL), нефашистской зонтичной организацией. Последняя содействовала операциям, проводившимся американской разведкой в Латинской Америке в годы Рейгана. Составленный в то время доклад ЦРУ описывает беглого итальянца как «самого известного правого террориста... все еще находящегося в розыске»¹⁷⁰.

Наивысшего триумфа Стефано Делле Кьяйе добился в июле 1980 года, когда он помогал планировать и проводить «кокаиновый переворот», в результате которого к власти в Боливии на два года пришла профашистская военная хунта. Последствия этого жестокого путча, вызвавшего кокаиновый бум 1980-х годов и ускорившего появление латиноамериканских наркокартелей, ощущались еще многие годы. Работая в тесном контакте

с ветераном-нацистом Клаусом Барбье, Делле Кьяйе контролировал работу группы европейских наемников, обучавших боливийских солдат технике проведения пыток и защищавших процветающую торговлю кокаином, ставшую основным источником доходов для правящей хунты¹⁷¹.

Однако Отто Скорцени уже не мог порадоваться достижениям своего итальянского протеже. В пасхальное воскресенье 1975 года он слег с высокой температурой. Диагноз был неутешительным — запущенный рак легких и бронхов. 7 июля его не стало. Илзе была благодарна за то, что смерть наступила быстро. Тело ее мужа было кремировано в Мадриде. После этого останки Скорцени были доставлены в Вену и захоронены на пригородном кладбище Деблинг, недалеко от того места, где он родился. Церемония захоронения собрала свыше 500 нацистов со всех уголков земного шара. Они пришли отдать последние почести одному из своих героев. Многие были в форме и с военными регалиями. Среди них был и близкий друг и соратник Скорцени Ганс-Ульрих Рудель, произнесший прощальную речь.

В опубликованном «New York Times» некрологе говорилось, что Скорцени не раскаялся до самого конца. «Я горд тем, что верно служил моей стране и фюреру, избранному на свой пост подавляющим большинством немцев, — заявил он незадолго до смерти. — Я сожалею только об одном: что вся Европа, а не только Германия, разделена и разорвана на части теми державами, с которыми я имел честь сражаться». Некролог нью-йоркской газеты умолчал о том, что после войны Скорцени бежал из лагеря для интернированных лиц с помощью американских офицеров. Не упоминались и его последующие отношения с «Организацией Гелена» и ЦРУ¹⁷².

Через несколько месяцев верные идеям фашизма получили еще одну возможность собраться вместе. Теперь в мир иной наконец отошел давний защитник Скорцени генералиссимус Франко. Годом раньше скончались Валерио Боргезе и Хуан Перон. Уход этих гигантов зла знаменовал собой конец целой эпохи. Факел был передан новому поколению фанатиков, жаждавшему продолжения борьбы.

Глава 6

НАДВИГАЮЩАЯСЯ БУРЯ

Отброшенное табу

Каждое лето десятки тысяч человек со всего мира собираются в бельгийском городе Диксмюде, чтобы провести там выходные и полюбоваться на костюмированные представления и марширующие оркестры. Сотни желтых флагов с изображением черного льва Фландрии колышутся на ветру, а процессия одетых в форму людей проходит церемониальным маршем на лежащее неподалеку кладбище, где похоронены солдаты SS. Выступающие на разных языках ораторы произносят хвалебные речи в адрес Адольфа Гитлера и прославляют белую расу. Аудитория радостно встречает это нацистскими приветствиями.

В самом городе жители поют народные фламандские песни и танцуют на улицах. Кажется, они и не замечают толпы молодых правых экстремистов, которые бродят из одного кафе в другое, разыскивают нацистские побрякушки и раздают брошюры, где утверждается, что Холокоста никогда не было. Скинхеды в кожаных куртках с надписями на спинах «Солдаты ада» или «Национальная революция» торгуют нацистской атрибутикой. Выпиваются огромные объемы пива, что неизбежно ведет к пьяным ссорам. Понимая, что экстремистам лучше выпустить пар, представители бельгийской полиции предпочитают не вмешиваться до тех пор, пока насилие не угрожает выйти из-под контроля¹⁷³.

«Происходящее в Диксмюде абсолютно невероятно», — заметил один впервые оказавшийся на месте наблюдатель, проникнув в неонацистское

подполье в начале 1980-х годов. «Кажется, что ты попал в фашистский Диснейленд. Это не настоящий мир»¹⁷⁴.

Стартовавшее в свое время как праздник фламандского национализма и порицания франкоговорящих бельгийцев, это ежегодное мероприятие уже в конце 1960-х годов стало своего рода центром притяжения для правых экстремистов. Именно тогда военизированная организация Фламандский боевой союз (Vlaamse Militanten Orde, VMO) предложила неофашистам со всего мира прислать сюда свои делегации. Диксмюде скоро прославился как место, где убежденные нацисты могут открыто говорить о своих расистских взглядах и «перезаряжать батареи» в атмосфере карнавала.

Среди тех, кто в 1983 году посетил встречу в Диксмюде, был и генерал-майор Отто-Эрнст Ремер. Это произошло на следующий год после того, как бельгийское правительство официально объявило VMO террористической организацией и наложило запрет на ее деятельность. Многие члены VMO были арестованы, а некоторые даже попали на непродолжительное время в тюрьму. Тем не менее фламандские фашисты в рамках праздника в Диксмюде продолжали параллельно проводить свое мероприятие. Семидесятиоднолетний Ремер, прибыв на сборище, был встречен как член королевской семьи. Незадолго до этого знаменитый телохранитель Гитлера убрался из Сирии и обосновался в Восточной Германии. После двух десятилетий на Ближнем Востоке он был рад возобновить и расширить свои связи среди европейских неонацистов. Встреча в Диксмюде подходила для этого как нельзя кстати¹⁷⁵.

Пока подгулявшая молодежь бесцельно бродила вокруг, выкрикивая: «Зиг хайль!» или: «Дуче!», представители различных неофашистских организаций, включая и запрещенный Фламандский боевой союз, уединились для проведения ряда «мозговых штурмов» в неприметном баре на окраине Диксмюде. Каждый из присутствующих начал с того, что кратко обрисовал ситуацию с неофашистами в своем регионе. Итоговая картина оказалась не слишком радужной для собравшихся преступников, обреченных будто бы еще долгое время оставаться на периферии политической жизни.

Не особенно надеясь на улучшение своих перспектив в ближайшем будущем, несколько представленных в Диксмюде неонацистских ячеек в начале 1980-х годов обратились к терроризму. Их руководители обязались сохранять трансграничное сотрудничество в области военизированной подготовки и предоставления укрытия беженцам. Однако когда речь заходила о более конкретных вопросах, она зачастую сводилась к обмену желчными замечаниями между представителями различных группировок. Английских неонацистов, например, раздражали их бельгийские хозяева, поскольку

нацеленный на отделение от Бельгии Фламандский боевой союз лил воду на мельницу Ирландской республиканской армии. Конфликты подобного рода — неотъемлемая часть ультраправой среды — подрывали все усилия по созданию успешной общеевропейской стратегии.

У Ремера были свои мысли относительно того, как наилучшим образом развивать неонацистское движение. Он хотел провести презентацию в ходе встречи по стратегическому планированию в Диксмюде, однако в его пребывание во Фландрии внезапно вмешалась бельгийская полиция, арестовав и депортировав его. Это не остановило Ремера. Он продолжил свои поездки по Европе, встречаясь с неонацистскими активистами из разных стран. В правых кругах начали ходить слухи о том, что Ремер приехал с Ближнего Востока, груженный деньгами для поддержания нового антиссионистского политического проекта по созданию союза между Германией и СССР. Средства, как утверждалось, прибыли из Сирии, от самого верного союзника СССР в арабском мире¹⁷⁶.

Где бы ни был Ремер, он постоянно выступал в пользу геополитического союза между Германией и Россией, во многом повторяя идеи, высказанные им в ходе предвыборной агитации за SRP в начале 1950-х годов. Только подобная комбинация, утверждал Ремер, сможет победить американцев и освободить Западную Европу. «Вопрос заключается в том, кто обладает действительной властью в Соединенных Штатах, — заявлял Ремер. — Вне всякого сомнения, Уолл-стрит управляется сионистами. Именно оттуда и происходит зло, поскольку Израиль ведет агрессивную внешнюю политику. Израиль — это орудие в руках Уолл-стрит, и в результате на Ближнем Востоке существует постоянный очаг войны...»¹⁷⁷

В попытке осуществить свои геополитические идеи Ремер выступал за общеевропейское сотрудничество на пространстве от Иберийского полуострова до Урала. При необходимости оно предусматривало и участие России, озабоченной угрозой со стороны Китая (по крайней мере, так утверждал Ремер), и, соответственно, благодарной Германии за то, что та сможет держать в узде страны Запада. В соответствии с этим расистским сценарием Россия станет внешним щитом, оплотом белой расы Европы в борьбе против азиатских орд¹⁷⁸.

Поселившись в баварском городке Кауфбойрен, Ремер основал в 1983 году «Немецкое освободительное движение» (Deutsche Freiheitsbewegung). Искренне верящая в концепцию нового соглашения в Рапалло, эта организация опубликовала бессвязную 30-страничную декларацию, озаглавленную «Манифест Германии Бисмарка» («The Bismarck-German Manifesto»), содержащую изложение национально-нейтралистской политики Ремера.

«Американский образ жизни является для нас синонимом разрушения европейской культуры», — утверждал манифест. Категорически провозглашая, что Германия не станет «наконечником копья НАТО», декларация заявляла: «Мы — не легионеры НАТО и США... Мы не будем участвовать в войне НАТО против России».

Наиболее актуальным вопросом повестки дня для Ремера и других немецких ультранационалистов было объединение фатерланда. Чтобы добиться этого, Ремер советовал соотечественникам обратиться к примеру Бисмарка, «величайшего немецкого политика последних столетий... сохранявшего интересы немецкого народа от посягательств Запада и Востока». Ремер утверждал: «Мы должны понять и действовать соответственно, как это делал Бисмарк, видевший, что Россия — это сверхдержава на гигантском евразийском континенте, частью которого мы являемся географически, геополитически и экономически, даже культурно... Мы, как и Бисмарк, выступаем за тесное сотрудничество с Россией в политике, экономике, культуре, науке, технологии и исследованиях». То, что официальной идеологией Советского Союза являлся коммунизм, не должно было стать помехой для Германии в будущем союзе. «Кто бы ни имел дело с Москвой, он не должен обязательно быть или стать коммунистом», — настаивал Ремер¹⁷⁹.

Это было повторением доводов периода расцвета Социалистической имперской партии, завершившегося три десятилетия тому назад. Бывший телохранитель Гитлера провел за полтора года три с лишним сотни митингов. Несмотря на то что его ориентация на Восток вызывала смешанные чувства у немецких правых, продолжавшая следить за ним армейская разведка США опасалась, что он набирает популярность среди неонацистской молодежи. Отмечая «тенденцию к нейтрализму», а также «рост антиамериканских настроений» среди немецких ультраправых, подготовленный в 1985 году Разведывательным управлением Министерства обороны доклад особо подчеркивал частоту выступлений Ремера и его нескрываемую симпатию по отношению к СССР. «Среди многих неонацистов становится особенно модным придерживаться антизападных и антикапиталистических настроений, — утверждал сотрудник западногерманской спецслужбы. — В то же самое время Советский Союз рассматривается как потенциальный друг, а в некоторых случаях — даже союзник»¹⁸⁰.

При каждой возможности Ремер защищал наследие Третьего рейха, с гордостью заявляя о том, что он продолжает верить в национал-социализм. Для нового поколения ультраправых он был живым символом эпохи Гитлера. В этом качестве Ремер являлся своего рода связующим звеном между прошлым и настоящим. Он рассказывал своим молодым последователям

о нацистской идеологии и геополитике, постоянно подчеркивая важность германо-российских отношений в общей схеме вещей.

Своим неистощимым прозелитизмом Ремер заразил новую поросль неонацистов, вышедших на сцену в конце 1970-х — начале 1980-х годов. Наиболее значительным из них был Михаэль Кюнэн (Michael Kühnen). Этот человек с наивным, как у ребенка, выражением лица возглавлял «Фронт действия национал-социалистов» («Action Front of National Socialists», ANS). Как и Ремер, Кюнэн часто испытывал проблемы с законом и из-за своих политических предприятий провел несколько лет в тюрьме. Армейская разведка характеризовала Кюнэна как «одну из ключевых фигур среди западногерманских правых экстремистов и террористов». Талантливый оратор с коротко постриженными темными волосами и глазами стального цвета, он несколько раз выступал вместе с Ремером¹⁸¹.

Кюнэн родился в 1955 году в католической семье, принадлежавшей к среднему классу. Впервые принял участие в политической жизни в 15 лет, когда новые левые стали пробовать свои силы в Западной Германии. В течение некоторого времени считал себя приверженцем маоизма, воспринимавшегося им как «своего рода китайский национал-социализм». Работая на верфях в Гамбурге, Кюнэн присоединился к ультраправой молодежной группировке, связанной с Национал-демократической партией, возглавлявшейся в то время Буби фон Тадденом. В конце 1960-х годов Национал-демократическая партия Германии (NPD) победила на выборах в большинстве земель в Западной Германии, однако ее успех оказался непродолжительным. Выборы были не единственным мерилom той поддержки, которую имели в Западной Германии неонацистские идеи. Незначительные результаты, показанные кандидатами от крайне правых после запрета Социалистической имперской партии Ремера (исключая недолгий успех NPD), маскировали тот факт, что экстремистские воззрения продолжали иметь достаточно крепкие корни среди значительной, хотя и находившейся в меньшинстве по отношению к другим части западногерманского населения^{182, 183}.

Присоединившись к молодежной организации национал-демократов, Кюнэн быстро разочаровался в ее осторожном и осмотрительном подходе к политической деятельности исключительно в рамках демократической системы. Он чувствовал, что тактику давно пора менять. На прощание обозвав национал-демократов «стадом буржуазных свиней», Кюнэн вышел из партии и начал более открыто демонстрировать свои неонацистские симпатии¹⁸⁴.

Решение Кюнэна вступить на воинствующий путь совпало по времени с настоящим «помешательством на Гитлере», прокатившимся по Западной

Германии в середине 1970-х годов. Вся страна была затоплена потоком книг, фильмов, записей и журнальных статей, бросавшим ретроспективный — причем не всегда критический — взгляд на Третий рейх. Ранее этот период освещался слабо или рассматривался западногерманскими школьными учителями как некая историческая случайность. Тот факт, что многие педагоги получили свое образование и стали гражданскими служащими во времена правления нацистской партии, также сыграл свою роль в том, что западногерманская молодежь очень плохо представляла себе эпоху Гитлера. Это было выявлено в ходе нескольких исследований, показавших как серьезные пробелы в образовании учащихся, так и широко распространенное мнение о том, что Вторая мировая война прервала положительную в целом деятельность нацистского правительства. Самокопание в германской истории по большей части не поощрялось¹⁸⁵.

Прогитлеровская волна достигла своего пика в 1977 году. Именно в этом году Кюнена с позором уволили из немецкой армии за пронацистскую агитацию, которую он вел в казармах. Вскоре после этого он и основал «Фронт действия национал-социалистов», выставивший напоказ восхищение Кюнена Третьим рейхом. В это время создание неонацистских организаций было строжайше запрещено, и большинству радикальных националистов приходилось прилагать усилия, чтобы дистанцироваться от гитлеровского наследия. Но не таков был Кюнен. Точно рассчитанным вызовом он нарушил давнее табу, используя старые нацистские символы и лозунги для того, чтобы шокировать и породить вражду. «Мы — партия революционеров, и наша цель — восстановить ценности Третьего рейха, создать великую Германию для всех немцев и объединиться перед лицом той угрозы, что представляют сейчас коммунисты и цветные», — нагло заявил он. Что же касалось шести миллионов евреев, его ответ был также прост: «Это ложь, сознательно подготовленная победителями закончившейся войны»¹⁸⁶.

Кюнен знал, что, открыто выставя себя неонацистом, он привлечет внимание средств массовой информации, а также новых сторонников. Он организовал группу из молодого сброда, которая гордо расхаживала в высоких ботинках, коричневых рубашках и напоминающих бронезилеты безрукавках с запрещенной свастикой. Министерство внутренних дел Гамбурга описывало их как «конгломерат правоэкстремистских рокеров и скандалистов». Последователи Кюнена не просто тосковали по «новому порядку» Гитлера — они готовы были умереть за него.

Хотя изначально «Фронт действия национал-социалистов» состоял всего из нескольких десятков гамбургских подростков, группа Кюнена быстро

пробилась в заголовки новостей. В результате их публичных выходов жители Западной Германии внезапно осознали, что в их стране выросло новое поколение наглых неонацистских вояк. Для Кюнена не имело значения, что в прессе их выставляли как гангстеров и преступников, — главным для него было привлечь внимание и вербовать новых сторонников. Спустя короткое время ANS превратился в общенациональную сеть, разделенную на 32 секции, или «боевые группы». Кюнэн выстроил структуру «Фронта...» в форме «воензированной организации, основными правилами которой стали дисциплина и субординация». Именно так описывала ее американская военная разведка, тщательно отслеживавшая положение дел среди немецких ультраправых. Все члены «Фронта действия национал-социалистов» в обязательном порядке учились обращаться с оружием¹⁸⁷.

Объединив под своим началом несколько сотен человек, Кюнэн начал развивать международные связи, в первую очередь — с ветеранами SS. Для этого он направил делегацию «Фронта действия национал-социалистов» на ежегодную встречу неофашистов в Диксмиуде. Кюнэн также укреплял связи с другими немецкими неонацистскими группами, включая «Молодых викингов» (Viking Youth), организовавшую летние лагеря, где дети с горящими глазами изучали языческие таинства и рукопашный бой, а по вечерам собирались у костров, распевали националистические гимны и скандировали лозунги вроде «Кровь, теки везде рекой! Федеральную Республику долой!»¹⁸⁸

Организация Кюнэна и «Молодые викинги» провели ряд совместных акций, включая ограбления банков и кражи оружия. В феврале 1978 года одно из их подразделений (ячейка «Вервольф-Север») напала на караул НАТО в Западной Германии, убив двух голландских солдат и захватив несколько пулеметов. Этот успешный боевой рейд подчеркивал антинаатовскую и антиамериканскую ориентацию организации, а также их стремление повысить ставки, предпринимая вооруженные нападения. Позже в том же году полиция Западной Германии обнаружила тайник, где хранились несколько сотен единиц оружия, взрывчатка и взрывные устройства. Все найденное было связано с неонацистским подпольем¹⁸⁹.

По подозрению в организации нападения на голландский патруль НАТО Кюнэн был арестован. Ему предъявили обвинения в разжигании насилия и расовой ненависти. В сентябре 1979 года он предстал перед судом вместе с пятью другими неонацистскими боевиками. В ходе судебного разбирательства выяснилось, что наряду с планированием освобождения Рудольфа Гесса, бывшего заместителя Гитлера, отбывавшего пожизненное заключение в берлинской тюрьме Шпандау, Кюнэн также предполагал нанести удар по

Берлинской стене. В результате глава «Фронта действия национал-социалистов» был приговорен к трем с половиной годам заключения и вышел из тюрьмы только в декабре 1982 года.

Пока Кюнен находился за решеткой, ряд его последователей участвовали в ежегодных военизированных лагерях ультраправых, проводившихся в Испании, Австрии, Бельгии и Великобритании. Неонацисты приняли участие в нескольких террористических актах, направленных против американских военных объектов и баз НАТО в Западной Германии. В 1980 году случайно подрвался молодой неонацист, который собирался заложить бомбу на мюнхенском «Октоберфесте». В результате этого наиболее серьезного террористического акта за всю историю послевоенной Германии было убито 13, а ранено — свыше 300 человек¹⁹⁰.

Многие надеялись, что нацизм уйдет в прошлое естественным путем, по мере того как будут стареть и умирать фавориты Гитлера. Однако Кюнен и его молодые последователи стали свидетелями ложности этих надежд. Несмотря на то что их было мало и они подвергались политическому ostracismu, им все-таки удалось укорениться в сознании немцев. Были ли они просто напоминанием о прошлом, отказывающемся умереть, или предвещали что-то, сгущавшееся на горизонте?

Армии правых

Ганс-Ульрих Рудель, активно участвовавший в послевоенной нацистской деятельности вместе со своим близким другом Отто Скорцени, никогда не думал почивать на лаврах. Нераскаившийся ас выступал на неонацистских собраниях и посещал связанные с SS памятные места до самой своей смерти в декабре 1982 года. На его похороны пришли две тысячи человек, многие из которых почтили покойника нацистским приветствием и хоровым исполнением запрещенного нацистского гимна «Германия превыше всего». Самым неоднозначным моментом церемонии стало внезапное появление в небе двух реактивных самолетов люфтваффе, покачавших крыльями, салютуя самому заслуженному офицеру Третьего рейха. Министр обороны Западной Германии Манфред Вернер отказался расследовать этот несанкционированный полет. «Я не знаю политических взглядов Руделя, — лицемерно заявил Вернер, будущий генеральный секретарь НАТО, — но даже если бы мне пришлось их отвергнуть, я все равно уважаю его как солдата»¹⁹¹.

Через несколько дней после похорон Руделя Михаэль Кюнен вышел на свободу. Отбыв «от звонка до звонка» три с половиной года заключения,

он немедленно продолжил свою деятельность с того места, где она была прервана. По его призыву сразу же собралась пара сотен приверженцев, что заставило военную разведку США охарактеризовать «Фронт действия национал-социалистов» «наиболее опасной из ныне действующих немецких ультраправых организаций в силу ее хорошо организованной общенациональной системы управления». В 1983 году власти Западной Германии запретили «Фронт действия национал-социалистов», однако его филиалы в соседних странах продолжили свою деятельность. Голландское отделение возглавлял ветеран SS Эт Волсинк (Et Wolsink). В годы войны он был членом одной из диверсионных групп Отто Скорцени, а также руководил голландской ячейкой «Молодых викингов» (Viking Youth)¹⁹².

На домашнем фронте Кюннен создал новый организационный плацдарм, призвав своих сторонников влиться и захватить власть в Свободной немецкой рабочей партии (Freiheitliche Arbeiterpartei, FAP), маленькой и до сих пор не игравшей большой роли организации. В попытке ускорить рост неонацистского движения он создал план по возбуждению недовольства гастарбайтерами и лицами, прибывшими в Германию в поисках убежища. Выставляя иммигрантов в качестве козлов отпущения, Кюннен надеялся завоевать симпатии разочарованной рабочей молодежи, выкинутой на социальную и экономическую помойку. И он затронул болевую точку большинства населения. Проведенный в начале 1980-х годов опрос общественного мнения показал, что 79% населения Западной Германии разделяло убеждения неонацистов относительно того, что в стране слишком много иностранцев. Этот вопрос на долгие годы стал одним из основных факторов немецкой политики¹⁹³.

Однако попытки Кюннена увеличить число членов FAP столкнулись с серьезным препятствием — негативным образом нацизма. Пытаясь избавиться от определенной части обременительного багажа, связывавшего их с Третьим рейхом, многие неонацисты начали критиковать Гитлера, выдвигая на первый план лиц, бывших диссидентами в изначальном нацистском движении, таких как Грегор и Отто Штрассеры. До своей гибели от рук приспешников Гитлера в 1934 году, в «Ночь длинных ножей», Грегор Штрассер вместе с братом возглавлял так называемую левую фракцию в партии. Она, по крайней мере на словах, выступала за социалистическую и антикапиталистическую составляющие первоначального нацистского проекта. В отличие от братьев Штрассеров, Гитлер продался большому бизнесу и буржуазии. Именно в этом заключался смысл брошюры «Прощание с гитлеризмом», написанной двумя молодыми воинствующими неонацистами в 1982 году¹⁹⁴.

Как и возродившиеся к жизни последователи Штрассера, Кюннен пытался выработать новый ультранационалистический стиль, который, воз-

можно, был бы более приемлемым для широкой аудитории. Для этого он «призвал дух» руководителя SA («Штурмовые отряды») Эрнста Рёма, чьи «коричневые рубашки» терроризировали Германию, когда партия нацистов шла к власти. Рём также был предан и убит в «Ночь длинных ножей». Кюнэн чувствовал, что Гитлер совершил фатальную ошибку, уничтожив SA. Известно, что Рём был неколебим в поддержке фюрера, в отличие от Грегора Штрассера, сбежавшего из нацистской партии, чтобы создать свою собственную организацию. Поэтому для Кюнэна Рём был ближе, чем Штрассер. Был у Кюнэна и другой, личный, мотив пропагандировать хулигана в коричневой рубашке. Как и Рём, он был гомосексуалистом.

Когда в начале 1980-х годов Кюнэн публично сообщил об этом, среди его последователей разразился скандал. Молодой неонацистский лидер защищался, заявляя, что гомосексуалистами были несколько важных деятелей германской истории, включая и императора Фридриха Великого. Для Кюнэна быть одновременно нацистом и гомосексуалистом было проявлением некоего особого мужества, усиливавшего его впечатления от «хождения по лезвию», принадлежности к элите, которая должна воздействовать на общество. В беседе с западногерманским журналистом он отметил: «Гомосексуалисты особенно ценны в нашей борьбе, поскольку у них нет привязанности к жене, детям или семье». То, что тысячи гомосексуалистов и лесбиянок подвергались пыткам и были замучены в нацистских лагерях смерти, не беспокоило Кюнэна, не признававшего проводившийся Гитлером геноцид¹⁹⁵.

После того как Кюнэн раскрыл свою сексуальную ориентацию, Свободная немецкая рабочая партия (FAP) раскололась на две враждебные группировки. Генерал-майор Отто-Эрнст Ремер выступил на нескольких мероприятиях, организованных FAP, однако с сексуальными предпочтениями Кюнэна он согласиться не мог. Позже они помирились, а затем поссорились снова — подобные разлады и восстановления отношений были очень характерны для не склонной к нормальному функционированию «семьи» западногерманских неонацистов¹⁹⁶.

Несмотря на сложности, окружавшие его частную жизнь, Кюнэн оставался наиболее влиятельным из всех ультраправых лидеров Западной Германии. Его дурная слава привлекала нежелательное внимание западногерманских и американских разведывательных агентств. Опасаясь, что он будет арестован и осужден за подрывную деятельность, в марте 1984 года Кюнэн бежал в Париж. В изгнании он скрывался у Марка Фридриксена (Marc Frederiksen), руководителя подпольной неонацистской группы «Федерация национального и европейского действия» (Federation d'action nationale europeenne, FANE). По французским официальным данным,

в один из моментов времени 20% от 200 членов организации Фридриксена составляли офицеры полиции¹⁹⁷.

FANE была одним из ключевых пунктов темного неонацистского подполья Европы и обладала широкими международными контактами. Помимо связей с испанской CEDADE, фламандской VMO и итальянской сетью Стефано Делле Кьяйе, она также действовала как отделение Всемирного союза национал-социалистов, координировавшегося датским неонацистом Поулем Риис-Кнудсенем. FANE сотрудничала и с турецкими «Серыми волками» — неонацистской группировкой, наиболее известный член которой Мехмет Али Агджа в мае 1981 года совершил покушение на папу Иоанна Павла II¹⁹⁸.

В «изгнании» Кюннен сблизился с видными европейскими фашистами. Он посетил Испанию, где встретился со старым другом Отто Скорцени — бригадфюрером Леоном Дегрелем. Его квартира в Малаге на берегу моря была местом паломничества молодых неонацистов со всего мира. Украшенная подлинными римскими статуями, фламандскими картинами и другими бесценными произведениями искусства, резиденция Дегреля напоминала скорее музей, нежели убежище скрывающегося военного преступника. Хозяин провел для Кюннена подробную экскурсию, показав многие из своих фашистских памятных подарков, включая и Железный крест, повешенный ему на шею лично фюрером.

Дегрель был необычайно энергичен для своих 78 лет. Он был элегантно одет, редящие волосы зачесаны назад, на лице выделялся большой нос. Заметный живот мешал ветерану надеть на себя старую эсэсовскую форму, которая висела в шкафу подобно святыне. Потрясенный силой личности и проповедями Дегреля, Кюннен внимательно слушал истории старого валлонца о его военных подвигах. Дегрель сравнивал Waffen SS с религиозным орденом, имевшим свой устав и порядок подчинения, своего рода аристократическим меньшинством, которому была доверена священная миссия. Он говорил о фашистских идеалах словами, обращенными к новому поколению фанатиков. «Настоящая элита создается на фронте, — рассуждал Дегрель. — Именно там возникает рыцарство, рождаются молодые лидеры... Когда мы видим молодого революционера из Германии или другой страны, мы понимаем, что он — один из нас, потому что мы — это революция и юность. Мы — солдаты политики... мы готовим политические кадры послевоенного мира. Завтра у Европы будет такая элита, которую она никогда не знала. Армия молодых апостолов, молодых мистиков, ведомых верой, которая не знает преград...»¹⁹⁹

Кюннен оказался под впечатлением этого извращенного красноречия. Он ощущал себя одним из тех «солдат политики», о которых столь восторженно

говорил Дегрель. Для Кюнена было большой честью обсуждать совместные планы с человеком, которого Гитлер хотел бы видеть своим сыном. Молодой немец и старый эсэсовец быстро стали друзьями. Они начали раздумывать над тем, как отметить столетие рождения Гитлера в апреле 1989 года. Хотя до этого дня оставалось еще пять лет, они надеялись, что такая дата сможет оживить международное неонацистское движение. Дегрель согласился быть почетным президентом оргкомитета празднования, а Кюнен, с его одобрения, должен был выполнять всю практическую работу²⁰⁰.

Молодые фашисты пользовались любой возможностью, чтобы получить совет или напутствие у тех, кто входил в неумолимо сокращающуюся «старую гвардию» нацистов. Парижский хозяин Кюнена, глава Федерации национального и европейского действия, Марк Фридриксен, гордился своими тесными отношениями с генерал-майором Отто-Эрнстом Ремером. Он часто рассуждал о телохранителе фюрера в превосходной степени. Именно так руководитель английских неонацистов Рэй Хилл (Ray Hill) в начале 1980-х годов узнал о так называемых Бисмаркских предложениях Ремера. В то время никто из неонацистов и не подозревал, что Хилл на самом деле был разведчиком, выдававшим себя за убежденного нациста. Коренастый и лысоватый защитник расизма незадолго до этого сменил лагерь, став «кротом» лондонского антифашистского журнала «Searchlight»²⁰¹.

После нескольких опасных лет двойной жизни Хилл выступил в качестве свидетеля перед комитетом Европарламента по расследованию случаев расизма и ксенофобии. Он рассказал о своем мрачном путешествии в «сердце европейской тьмы», поведав отталкивающие подробности о полном насилии неонацистском подполье, состоящем из сети групп и психически нездоровых личностей. Среди прочего Хилл также раскрыл существование широкой сети «коричневой помощи» для неофашистских беглецов и «политзаключенных», действовавшей по обе стороны «железного занавеса»²⁰².

Некоторые из бывших английских сподвижников Хилла принимали активное участие в этой тайной деятельности, укрывая находившихся в бегах неонацистов из Западной Германии и других стран. Среди тех, кто в начале 1980-х годов воспользовался английским гостеприимством, был и Одфрид Хепп (Odfried Hepp), молодой неонацистский ренегат, организовавший ряд взрывов: бомбы ранили военнослужащих четырех американских военных баз в Западной Германии и повредили имущество. После непродолжительного пребывания в Англии Хепп начал зарабатывать 500 долларов в месяц, работая на Палестинский фронт освобождения (PLF), возглавлявшийся Мохаммедом Абу Аббасом. Одиссея террориста Хеппа внезапно оборвалась в апреле 1985 года, когда его арестовали при входе в парижскую квартиру

одного из членов PLF. Позже в том же году боевики PLF захватили итальянский круизный лайнер «Акилле Лауро». В переданном списке находящихся в заключении членов PLF, которых планировалось обменять на заложников, было и имя Одфрида Хеппа²⁰³.

Английские нацисты также помогли скрыться нескольким итальянским неофашистам, включая и Лучано Петроне (Luciano Petrone), разыскиваемого за убийство двух итальянских полицейских и участие в крупном ограблении банка в испанской Марбелье, в результате которого было похищено ценностей на 10 миллионов долларов. Петроне принадлежал к ультраправой террористической ячейке, организовавшей в августе 1980 года крупнейший взрыв на вокзале в Болонье, в результате которого погибло 85 человек, а свыше 200 было ранено²⁰⁴. Скрывавшийся Петроне весело проводил время с другим итальянским террористом — Роберто Фиоре, бежавшим в Лондон вскоре после взрыва в Болонье.

Рэй Хилл отметил, что в это время в Англию прибыло большое количество молодых итальянских фашистов. Многих беглецов отправили обратно, но это не коснулось Фиоре. Хотя он и числился среди подозреваемых в связи со взрывом в Болонье и был заочно осужден за участие в деятельности террористической группировки, неоднократные попытки итальянских властей добиться его выдачи окончились неудачей из-за каких-то формальностей. Такая пассивная реакция на итальянские запросы могла объясняться и тем, что Фиоре был информатором английской разведки MI6²⁰⁵.

Под влиянием таких учителей, как Фиоре, наиболее бескомпромиссная фракция английского «Национального фронта» начала преобразовываться в элитное военизированное формирование. Фанатиков приветствовал ветеран-неонацист Колин Джордан (Colin Jordan). Выступая за «тотальную войну... с целью вывести людей из комы рабского повиновения», Джордан призвал к созданию «оперативной группы», которая могла бы действовать по образу «специальных подразделений Отто Скорцени». Наряду с боевой подготовкой новобранцы также знакомились с неофашистским журналом для «солдат политики» «Rising» (в переводе с английского — «возрождение», «мятеж»). В нем были представлены картины легендарного доисторического прошлого, когда могучие белокурые воители побеждали неверных. Эти образы резко контрастировали с пестрой толпой скинхедов, составлявших основную массу новых членов «Национального фронта»²⁰⁶.

Рост числа скинхедов в рядах английского «Национального фронта» показывал глубину деградации этой организации, в 1977 году получившей на общенациональных выборах голоса четверти миллиона избирателей (в Лондоне за него проголосовало 10% из числа пришедших к урнам).

Столь резкое падение объяснялось тем, что консерваторы Тэтчер взяли на вооружение основной лозунг «Национального фронта» — протест против иммиграции. С сокращением числа своих избирателей неофашисты стали вовлекать в свои ряды молодых скинхедов, с тем чтобы использовать их в качестве «пушечного мяса» для расистских выступлений и прочих уличных акций. Великобритания стала основным поставщиком этих боевиков, сторонников альтернативной рок-музыки, международному фашистскому движению. К началу 1980-х субкультура скинхедов проникла из своей столицы — Лондона — в США и континентальную Европу.

Один из наблюдателей назвал бритоголовых «пролетарской карикатурой на глупую шутку». Их типичный представитель выглядел так, как будто только что прошел курс химиотерапии или содержался в концентрационном лагере. Пародия была мрачноватой, принимая во внимание грубый антисемитизм скинхедов. «Это культура парней, не содержащая в себе никаких загадок. Она практически мертва, и, чтобы оживить себя, прибегает к насилию», — писал Билл Буфорд (Bill Buford), сравнивавший их буйства с измененными состояниями сознания: «Насилие против общества доставляет им удовольствие... вызванную адреналином эйфорию, тем более сильную, что она порождается самим телом». Как заметил один из скинхедов, «насилие лучше, чем секс»²⁰⁷.

Хотя Михаэль Кюнел и не отказался от своей шевелюры, он осознал, какой потенциал скрывали в себе не вписывавшиеся в стандартные рамки бритоголовые. Руководитель немецких неонацистов смотрел на музыку скинхедов как на отличный способ общения с молодежью. Живя в парижском изгнании, он продолжал оказывать влияние на события, происходившие на родине посредством таких групп, как «Фронт Боруссия» (Vorussia Front) — банда скинхедов, сеявших беспорядки на футбольных матчах и подражавших при этом своим английским соратникам. Кюнел также имел связи с еще одной группировкой скинхедов — гамбургской «Дикой армией» (Savage Army, SA), члены которой напали на турецких гастарбайтеров и других иностранцев. «Скинхеды и футбольные болельщики — это те, кто нас поддерживает, — объяснял Кюнел. — Даже в том случае, если с политической точки зрения они не стопроцентно на нашей стороне»²⁰⁸.

В октябре 1984 года уже несколько месяцев находившийся в бегах Кюнел был схвачен французскими правоохранительными органами и выслан в Западную Германию, где на него было выдано уже три ордера на арест. В ходе состоявшегося во Франкфурте суда 29-летний активист защищал свои действия в поддержку «национал-социалистической революции», направленной против «американизации» Германии. Не сильно впечатленный

его доводами, судья приговорил Кюнена еще к четырем годам тюрьмы за демонстрацию запрещенной символики, призывы к отмене запрета на деятельность нацистской партии, а также вовлечение большого числа молодых людей в запрещенную политическую деятельность. «Он прекрасно знает, что законных путей бороться за достижение нацистских целей не существует», — заявил судья. Он назвал Кюнена «символом западногерманского неонацизма».

После оглашения приговора Кюнен вскочил на ноги и прокричал: «Сопrotивление!» Он обращался к заполнившим зал судебного заседания молодым неонацистам в черных кожаных куртках. Полиция быстро утихомирила его и отвезла в тюрьму. Однако карьера Кюнена-агитатора была еще далека от завершения.

«Новые правые» и старые приемы

Заявив о своем решении проголосовать за французскую коммунистическую партию на проходивших в 1984 году выборах в Европарламент, Ален де Бенуа посрамил как своих противников, так и сторонников. Видный интеллектуал в среде французских неофашистов, он, мягко говоря, с цинизмом относился к избирательному процессу в том виде, как он практиковался во Франции. Несмотря на презрение к марксизму, он отдал голос за коммунистов с тем, чтобы продемонстрировать свое отрицательное отношение ко всем формам либеральной бюрократии. Всякая крупная партия, включая бурно развивавшийся ультраправый «Национальный фронт», была верна Североатлантическому союзу и идеям свободного рынка, вызывавшим отвращение у де Бенуа.

Решение де Бенуа проголосовать за коммунистов было во многом символичным. Это означало развитие его политической мысли с той поры, как еще подростком он присоединился к неофашистскому движению «Молодая нация» (Jeune Nation), поднявшему в конце 1950-х годов вопрос французского Алжира. После того как французское правительство запретило «Молодую нацию», де Бенуа работал секретарем редакционной коллегии организации-преемника «Европа-действие» (Europe-Action). С восторгом отзывавшееся о «насилии, помогающем понять наше истинное я», «Европа-действие» держало в Париже издательство, специализировавшееся на профашистской и пронацистской литературе. Среди изданий был и французский перевод мемуаров Отто Скорцени. Как и многие другие неофашисты, де Бенуа был одержим идеей «защиты Запада» от коммунистов

и лиц небелой расы. В 1960-е годы он поддержал американскую интервенцию во Вьетнаме. Он также был одним из авторов защищавшей апартеид брошюры «Правда для Южной Африки» («Verite pour l’Africa du Sud»), отражавшей его расистские взгляды²⁰⁹.

Де Бенуа, однако, достаточно быстро разочаровался в затхлых, неэффективных и совершенно предсказуемых методах, которыми действовали французские ультраправые. Им не удалось потрясти основы голлистского режима. Правая идеология стала, по выражению Энтони Уэйкфорда (Anthony Wakeford), «прибежищем для трупов и паутины». Понимая необходимость нового подхода, де Бенуа и его сторонники отказались от биологического детерминизма как способа борьбы с эгалитаристскими принципами коммунизма и либеральной демократии. Такой идейный сдвиг знаменовал, как сказал об этом сам де Бенуа, «начало “долгого пути”, интеллектуальной революции». Этот процесс прошел несколько этапов. Идеи де Бенуа нашли особенно горячий отклик у неонацистов Западной Германии и других стран. Они дали возможность правым экстремистам наконец вырваться из того политического гетто, где они вынуждены были находиться с окончания Второй мировой войны²¹⁰.

Избегая теорий заговора ультраправых, де Бенуа попытался провести системный анализ современных социальных проблем. Именно с этой целью 25-летний француз организовал в 1968 году исследовательский центр «Группа изучения европейской цивилизации» (Groupement pour Recherche et d’Etudes par la Civilisation Européenne, GRECE). «Grece» по-французски означало Грецию, подчеркивая тем самым близость де Бенуа к древнему языческому наследию Европы. К проекту присоединилось и несколько других активистов «Европы-действия», в итоге он стал ключевым элементом «Новых правых» (Nouvelle Droite) — именно так называли парижский кружок де Бенуа французские средства массовой информации.

«Новые правые», как объяснял французский ученый Анри Руссо (Henry Rousso), «не только отрастили длинные волосы и спрятали свои монтировки на чердак, они также попытались реабилитировать само понятие “правые”, придав ему интеллектуальный блеск и отрицая позорные коннотации, связанные с этим словом». Основываясь на работах итальянского левого теоретика Антонио Грамши, де Бенуа и его сподвижники подчеркивали важность ведения войны идей на поле культуры. Именно это, по их мнению, и служило предпосылкой подлинных политических изменений. В соответствии с этим они уделяли значительное внимание воскрешению консервативного интеллектуального наследия Европы, дискредитированного опытом фашизма.

В целом ряде книг и статей де Бенуа и его коллеги по «Группе изучения европейской цивилизации» высоко оценивали правых (можно сказать «фашистских, но ненацистских») авторов, таких как Освальд Шпенглер, Эрнст Юнгер, Эрнст Никиш, Вильфредо Парето, Карл Шмитт («коронный юрист» Третьего рейха), и других мыслителей, забытых после 1945 года. GRECE утверждала, что Консервативная революция, охватившая Германию в промежуток между двумя мировыми войнами, была в большей степени сейсмографом, регистрировавшим глубину социального недовольства, нежели ключевым фактором, способствовавшим краху Веймарской республики. Даже если Консервативная революция, по словам Армина Молера (Armin Mohler), «была сокровищницей, из которой национал-социализм черпал свое идейное оружие», GRECE настаивала, что ее заповеди никогда не были воплощены на практике гитлеровским режимом²¹¹.

Эти логические утверждения не произвели большого впечатления на оппонентов, продолжавших утверждать, что французские «Новые правые» были теми же старыми правыми, только более стильно наряженными. Это соответствовало действительности, поскольку многие темы, поддерживавшиеся GRECE, включая интерес к язычеству, уже в течение долгого времени интересовали европейских правых.

Однако де Бенуа важнейшей задачей считал возрождение святого политеистического духа Европы, процветавшего еще до «колонизации» континента христианством. Его враждебные пассажи против христианства заставляли вспомнить итальянского нацистского философа Юлиуса Эвола. Несмотря на статус гуру неофашистского терроризма в послевоенной Италии, работы Эвола высоко оценивали члены «Группы изучения европейской цивилизации», искавшие подлинную европейскую идентичность, свободную от христианского наследия²¹².

Отрицая христианство как чуждую идеологию, навязанную индоевропейцам два тысячелетия назад, французские «Новые правые» отделяли себя от так называемых «Новых правых», появившихся в США в 1970-е годы. В идеологии GRECE было мало общего с американскими «Новыми правыми». Де Бенуа отвергал их, считая пуританскими моралистами, цеплявшимися за христианство как начало и конец всей западной цивилизации. Глава французских «Новых правых» принялся пускать свои острые стрелы в «американский образ жизни» с его бессодержательными телесериалами, хронической подвижностью населения, вездесущим фастфудом, преклонением перед всемогущим долларом, а также пассивным и аполитичным народом, которого держат в узде обманными уговорами, библейской ложью и другими медийными уловками.

Страстный противник свободного рынка, де Бенуа осуждал либерализм как идеологию всеохватывающего общества потребителей, которое имело врожденно тоталитарный характер, в силу того, что стремилось свести весь смысл существования в область экономической целесообразности. В своих рассуждениях он дошел до того, что стал считать экономический и культурный империализм США более опасным, чем советский коммунизм. «Лучше носить каску советского солдата, — писал де Бенуа в 1982 году, — чем питаться гамбургерами в Бруклине»²¹³.

Продолжая антиамериканскую линию, руководитель «Группы изучения европейской цивилизации» осуждал общество массового потребления как своего рода «мягкий тоталитаризм», который «кондиционирует ад и убивает душу». Он осуждал НАТО и выступал на стороне третьего мира, призывая к союзу Европу и исламский мир, поскольку им обоим угрожает стремящаяся привести все к единому образцу колоссальная сила американского капитализма. «Европа, третий мир — одна борьба» — такой лозунг выдвинул де Бенуа²¹⁴.

Его противодействие глобальной интервенции США и пропаганда свободной от союзов Европы, как могло показаться, перекликались с некоторыми идеями «Новых левых». Движение достигло своего апогея во время студенческого восстания в Сорбонне в мае 1968 года — именно в те дни, когда де Бенуа создавал свой исследовательский центр. Эта запоздалая идеологическая конвергенция послужила для некоторых из его изначальных сторонников из числа ультраправых доказательством его предательства. В то же самое время его неонацистское прошлое исключало возможность обосноваться среди левых радикалов. Они полагали, что руководитель GRECE, внешне не очень привлекательный человек в больших очках и с редкими волосами, изображает из себя философа лишь для того, чтобы и дальше заниматься политическим обманом и сеять беспорядок среди своих противников²¹⁵.

Наслаждаясь своей ролью овода, де Бенуа отверг попытки найти место среди левых. «Даже на международном уровне, — утверждал он в 1986 году, — основное противоречие заключается не между левыми и правыми, либерализмом и социализмом, “тоталитаризмом” и “демократией”. Линия раздела проходит между теми, кто хочет видеть мир одномерным, и теми, кто поддерживает многоликий мир, основанный на различии культур»²¹⁶.

Чествование «этноплюрализма» и разнообразия культур знаменовало собой важный поворот в интеллектуальном развитии де Бенуа. Бывший белый расист стал теперь истовым защитником исчезающих полностью или практикуемых меньшинствами культур, «различных образов жизни, вы-

тесняемых из мира, где единственным знаком различия являются деньги». Представляя в будущем «Европу ста флагов», де Бенуа выступал за культуру без стран, нации без государств — басков, каталонцев, бретонцев, ломбардцев, уэльсцев, шотландцев, фламандцев, саамов, трансильванцев, чеченцев и так далее. Его высказывания в пользу регионализма вызвали жесткие возражения со стороны Жана Тириара (Jean Thiriart), эксцентричного бельгийского оптика, который вскоре должен был вернуться к политической деятельности из своей добровольной отставки. Хотя оба они разделяли антипатию к Соединенным Штатам и американской культуре, де Бенуа отвергал призывы Тириара к созданию единого европейского государства, протянувшегося от Ирландии до дальних границ Сибири. Де Бенуа считал это наивысшим выражением национализма. Его мысли развивались в прямо противоположном направлении²¹⁷.

Де Бенуа рассматривал сохранение любой ценой культурной и этнической идентичности как способ противодействия разъедающей общество «единой модели», за которую выступали экономические силы, стремящиеся превратить весь мир в единый рынок. «Деградирует ли наша Земля в некую однородную массу в результате той декультурализации и деперсонализации, за которую сейчас самонадеянно выступает американский империализм? — спрашивал он. — Или люди смогут сопротивляться, используя свои верования, традиции и мировоззрение? Вот главный вопрос, на который надо дать ответ в начале нового тысячелетия»²¹⁸.

Неизвестно, собирался ли де Бенуа пропагандировать расовое превосходство, однако его анализ этноплюрализма и опасностей единой общемировой культуры был с успехом использован неофашистскими демагогами для оправдания своих расистских и ксенофобских кампаний. Идеи «Новых правых» совершенно очевидно в вульгаризованном виде повторялись лидером французского «Национального фронта» Жан-Мари Ле Пенем. Он взял на вооружение концепции де Бенуа об этнической специфичности и праве на различие культур. «Защищать наш национальный характер и самобытность — это не только наше право, но и обязанность», — заявил Ле Пен, призывавший французов защищать целостность своей культуры от «вторжения» иммигрантов из третьего мира, являвшихся якобы источником всех проблем Франции²¹⁹.

Прибегая к некоторым аргументам «Новых правых», Ле Пен и подобно ему мыслящие национал-популисты Западной Европы нашли новый и очень эффективный путь легитимизировать свои человеконенавистнические предрассудки. Эти предрассудки были бы сочтены совершенно неприемлемыми в случае, если бы для их оправдания использовались классические доводы про «расу господ». Усыпляющие термины этнопо-

пулизма позволяли им изображать озабоченность интересами тех самых людей, против которых и были направлены их расистские тирады. «Я люблю североафриканцев, но их место — в Северной Африке», — заявлял Ле Пен.

Толкуемое подобным образом «право на своеобразие», похоже, оправдывало опасение в смешении рас и требование к изгнанию чужаков и в то же время свидетельствовало о сложности современного расизма, который парадоксальным образом мог выражаться как в отрицании, так и в подтверждении идентичности другого человека или группы людей. Специалист по «Новым правым», исследователь Пьер-Андре Тагиефф (Pierre-André Taguieff), отметил появление в неонацистских кругах более мягкой, эфемистической формы расизма, которая превозносила разнообразие и при этом выделяла в первую очередь культурные, а не расовые различия. Назвав это явление «неорасизмом», Тагиефф отметил, что оно проще в использовании и, соответственно, вреднее старых биологических теорий, защищавших превосходство одной расы над другой²²⁰.

Когда в середине 1980-х годов «Национальный фронт» завоевал популярность в стране, несколько бывших коллег де Бенуа из «Новых правых» перешли в его ряды. Однако среди них не было самого лидера «Группы изучения европейской цивилизации». Он осудил поиск Ле Пеном «козлов отпущения» среди иммигрантов. В этом была некоторая ирония, поскольку именно де Бенуа позволил создать ту среду, в которой определенные ультраправые идеи могли высказываться, не вызывая критики. Именно после того, как де Бенуа начал продвигать свои идеи этноплюрализма и права на разнообразие, массовые неонацистские партии, такие как «Национальный фронт», обнаружили реальную теоретическую основу для пропаганды своих отвратительных взглядов. Развитию ультраправого пулизма в Западной Европе середины и конца 1980-х годов способствовал целый ряд факторов. При этом де Бенуа и его сподвижники разработали идеологические атрибуты, позволившие расизму и ксенофобии выглядеть респектабельно. Это оказало большое влияние на Западную Германию, где правые экстремисты начали возвращать себе утраченные позиции.

«Коричневые» и «зеленые»

Ален де Бенуа время от времени ездил в Федеративную Республику Германию, чтобы выступать там на митингах и обсуждать свои идеи. На одной из встреч, проходивших в апреле 1985 года в Люнеберге, он призвал своих немецких слушателей вернуть себе подлинную идентичность, выступая

за «отмену неокOLONиальных структур». Под этим подразумевался разрыв как с Соединенными Штатами, так и с Советским Союзом, хотя де Бенуа и верил, что германо-российское сближение в конечном итоге послужит основой системы коллективной безопасности Европы. Откровенное одобрение им региональной самостоятельности также нашло позитивный отклик у аудитории благодаря глубоко укоренившейся в Германии традиции федерализма²²¹.

Однако именно сила регионализма всегда затрудняла осознание Германией своей идентичности. Германия как единая нация оформилась лишь в 1872 году, когда Бисмарку удалось объединить под началом Пруссии массу германских княжеств (прусссы, кстати сказать, были прибалтийским народом). В течение долгого времени разделенная между католиками и протестантами «Германия» являлась производной от средневековой Священной Римской империи. Последняя была по своей природе экспансионистским образованием, не имевшим четких границ, что было характерно и для созданного Бисмарком государства. В силу своего географического положения в центре Европы, где происходили постоянные перемещения больших групп населения, германцы представляли собой достаточно пеструю смесь. Появившаяся в XIX веке мистическая концепция германского народа (Volk) — общности людей, связанных единой кровью, языком, территорией и обычаями, — была во многом формой компенсации, способом поддержать достаточно хрупкую этнонациональную идентичность²²².

«Германцам никогда не удавалось ощутить себя комфортно обустроившимися в своих границах, с непоколебимой уверенностью в себе, — заметил известный обозреватель Уильям Пфафф (William Pfaff). — Статус нации для них всегда был предметом для беспокойства». Эта тоска только усугубилась в 1945 году разделением Германии на два государства с различными общественными и политическими системами. Каждое из них было членом враждебного военного блока. После изменения национальных границ и крупных миграций населения немцы оказались среди австрийцев, голландцев, швейцарцев, французов, чехов, поляков, русских и итальянцев. Все эти факторы, увенчавшиеся несчетными преступлениями Третьего рейха, способствовали возникновению полномасштабного кризиса национальной идентичности, который в 1980-е годы стал одной из острейших проблем Германии²²³.

В этот период политика идентичности была основным вопросом, поднимавшимся немецкими ультраправыми, взявшими на вооружение многие риторические высказывания Алена де Бенуа. «Каждый народ имеет право на собственную идентичность. Те, кто отказывают ему в этом праве, играют с огнем», — заявлял европейский неофашистский журнал «Нация Европа»

(«Nation Europa»). Учрежденный в 1950 году бывшим офицером SS, он стал одним из многих немецких изданий, воспользовавшихся жаргоном, характерным для «фёлькиш» и этноплюралистов. Влияние «Новых правых» и консервативного революционного фашизма было также заметно в различных журналах («Wir Selbst», «Criticon», «Mut», затем «Junge Freiheit»), утверждавших, что у немцев есть право или даже обязанность защищать свою уникальную культурную идентичность, которой угрожали иммигранты, «отчуждение по причине многонациональности» и иное давление со стороны иностранцев²²⁴.

Как и во Франции, подобные понятия прекрасно совмещались с ненавистью к беженцам — людям, прибывшим в поисках убежища, и этническим меньшинствам. Однако эта враждебность до некоторой степени маскировалась поддержкой, которую немецкие «Новые правые» оказывали национально-освободительным движениям по всему миру — от басков в Испании и IRA в Северной Ирландии до народов Восточной Европы, украинцев, афганских моджахедов и никарагуанских сандинистов. Короче говоря, различные группировки «Новых правых», возникшие в Западной Германии в начале 1980-х годов, расценивали как фактического союзника любого смертельного врага сверхдержавы²²⁵.

Идеология, родственная той, что исповедовалась GRECE, была разработана немецкой ультраправой националистической организацией «Общество Туле» (Thule Seminar). Ее имя восходит к квазимасонской ложе, основанной в Мюнхене в 1917 году. Среди членов ложи было несколько людей, которые позднее вошли в ближний круг Гитлера. Эмблемой организации была свастика. Современная реинкарнация появилась в 1980 году, когда ее создатель Пьер Кребс (Pierre Krebs) собрал вокруг себя группу «убежденных европейцев», озабоченных будущим континента. Некоторое время организация действовала в качестве западногерманского филиала «Новых правых». Создатели «Общества Туле» мечтали о культурном возрождении Европы, которая должна была бросить вызов обеим сверхдержавам, более проблематичными из которых, несомненно, представлялись США. Кребс однозначно давал понять это в своих пламенных выступлениях, выдержанных в стилистике французских «Новых правых»: «Америка — это страна, целиком и полностью находящаяся под властью денег и крупных корпораций. Америка — родина *homo dollaricus uniformis* (человек долларовый единообразный)», — жаловался он. Хотя у США отсутствуют «высокие духовные принципы», они стремятся, «невзирая ни на что, быть образцом для всего остального мира». Подвергая насмешкам «телевизионную демократию» США, активисты «Туле» стремились популяризировать «личную и социаль-

ную идентичность», основанную на идеях «плюрализма фэлькише» и «доктрине дифференциации». Они стремились к тому, чтобы Европа, по словам Кребса, «не была стерта в пыль бездушным унифицированным миром».

В это же самое время возникло и движение «зеленых» — левоцентристской партии, выступавшей за мир и экологическое мышление. В Западной Германии оно приняло форму массового оппозиционного движения. Его деятельность была гальванизирована решением НАТО разместить в Европе новое поколение ядерных ракет среднего радиуса действия. В этой ситуации «зеленые» заняли нейтральную позицию по отношению к конфликту Запада и Востока. Их попытки найти третий путь между капитализмом и коммунизмом в определенной степени напоминали вопросы, задававшиеся интеллектуалами из среды «Новых правых», а также неонацистскими активистами, пытавшимися переиграть своих левых оппонентов. Они формулировали радикальную позицию по вопросам экологии, ядерного оружия, американского империализма и «национального освобождения». Некоторые правые экстремисты шли настолько далеко, что призывали к «революции снизу», которая должна была произойти в Германии по образцу стран третьего мира, боровшихся за свою независимость. Они часто прибегали к риторике левых, привлекавшей сторонников «зеленых», также одержимых мыслями о личной и коллективной идентичности. Многие «зеленые» с симпатией прислушивались к доводам о том, что объединение Германии — необходимая предпосылка прочного мира в Европе. Подобные вопросы обсуждались в изданиях «Новых правых», перемежавших статьи левых авторов с опусами неофашистских «национал-революционеров»²²⁶.

Подобное взаимное «обогащение», происходившее в это время в Западной Германии, предоставило новые возможности ультраправым стратегам, постоянно искавшим способ преодолеть свой статус маргиналов. Они решили попробовать «оседлать» успех «зеленых», набравших достаточное количество голосов, чтобы провести своих депутатов в Бундестаг — подвиг, в последний раз удавшийся представителям ультраправых партий в 1949 году. Хотя большинство «зеленых», вне всякого сомнения, были антифашистами, некоторым из них не доставало политического чутья, чтобы понять, что неонацисты и прочие ультраправые злодеи уже проникли в их ряды^{227, 228}.

В 1980 году западноберлинское отделение «зеленых», известное под названием «Альтернативный список», исключило из своих рядов группу «национал-революционеров», попытавшихся скрытно установить контроль. Это была всего лишь одна стычка в битве за контроль над «зелеными», где левые сражались с коричневыми элементами внутри партии. В итоге левые одержали победу, заставив экофашистов и их попутчиков создать

в 1982 году конкурирующую организацию «Экологическая демократическая партия» (Ökologisch-Demokratische Partei, ÖDP), которую возглавил Герберт Грюль (Herbert Gruhl)²²⁹.

Хотя немецкие неонацисты и интеллектуалы «Новых правых» высказывали озабоченность теми же темами, что поднимали и «зеленые», их интерес к экологии был зачастую не более чем предлогом для продвижения беспощадной идеологии социал-дарвинизма и скрытых форм расизма. Грюль, например, ссылаясь на некие законы природы для оправдания социальной иерархии. «Все стремления людей... к организованной социальной справедливости просто безнадежны», — утверждал он. Выступавший на собраниях отрицателей Холокоста и прочих неонацистских мероприятиях, Грюль, тем не менее, получил высшую официальную награду Западной Германии, орден «За заслуги» (Bundesverdienstkreuz)²³⁰.

Грюль вошел в историю как сторонник ряда сомнительных экологических доводов в пользу недопущения в Германию иностранцев. Он утверждал, что для процветания каждому народу нужна определенная среда. Как и в случае с любой хрупкой экосистемой, всякое внешнее воздействие может нарушить «естественную экологию народа». В соответствии с извращенной логикой экофашизма «только когда каждый народ сохраняет свои характеристики, мы можем сберечь то этническое разнообразие, благодаря которому человечество обладает своей приспособляемостью». Таким образом, защита окружающей среды имела первостепенное значение для сохранения биологической структуры и коллективной идентичности германского народа. Подобный образ мыслей в будущем позволит популярным политикам избегать расистской терминологии, выступая в защиту ксенофобских взглядов. «Мы должны думать об экологических последствиях ничем не ограниченной иммиграции», — заявил Отто Цайтлер (Otto Zeitler), министр по делам развития Баварии, после объединения Германии²³¹.

Рудольф Баро (Rudolf Bahro), бывший восточногерманский диссидент, ставший лидером западногерманских зеленых, рассматривал экологический кризис в совершенно апокалиптических терминах. Он потряс многих из своих бывших союзников, призвав их найти «положительное» в нацизме, с тем чтобы «освободить» подавленную «коричневую составляющую» немецкого характера. Оставив «зеленых» в середине 1980-х годов, он повторял за многими «Новыми правыми», что для спасения биосферы необходимо прибегнуть к авторитарным мерам. Сегодняшние проблемы с окружающей средой настолько серьезны, заявлял он, что их решение возможно только на пути создания «экологической диктатуры». И далее утверждал: «В народных глубинах зреет призыв к зеленому Адольфу». Людям не следует бояться

прихода подобного харизматичного «князя», настаивал Баро, поскольку «он сможет освободить германцев от их духовного забвения и повести в обетованную землю экологического спасения»²³².

Заявления подобного рода энергично опровергались истинными настоящими «зелеными», чьи отличия от ультраправых намного перевешивали сходство с ними же. «Зеленые» были убежденными сторонниками принципов эгалитаризма — в отличие от «аристократии коричневых». Для последних было характерно такое яростное ожесточение в отношении американской культуры, какое западногерманские левые не могли себе позволить. Несмотря на то что «зеленые» выступали за объединение Германии на основе разоружения и нейтралитета, они считали предосудительной концепцию Великой Германии, включавшей в себя Австрию, Силезию, Судеты и другие так называемые восточные территории. «Зеленые» не разделяли и утверждение правых о том, что раздел Германии был всего лишь следствием империалистической политики оккупационных властей. Подобное утверждение, заявляли «зеленые», «преуменьшало значение как гитлеризма, так и германского национализма». Кроме того, они не поддерживали мнение о том, что декриминализация немецкой истории была первым шагом к возрождению подлинно германской идентичности — эта мысль в середине 1980-х годов стала модной в среде консерваторов фатерланда. И наконец, «зеленые» не признавали того, что объединение может произойти в результате каких-то договоренностей с Советским Союзом, — на сторону этой политики вставало все больше правых экстремистов²³³.

Подобных взглядов уже в течение долгого времени придерживался генерал-майор Отто-Эрнст Ремер, самый просоветски настроенный неонацист Западной Германии. Ремер понимал, насколько важно запустить пробный шар с целью выяснить, какую цену запросили бы русские за объединение Германии. Он понимал, что Москва будет противником Германии до тех пор, пока ее сапог останется на шее Восточной Европы, в том числе Восточной Германии. Однако ситуация могла радикальным образом измениться, если бы советский блок под грузом экономических проблем начал «отрепываться по краям». Возможно, СССР пошел бы на объединение Германии при условии определенных гарантий безопасности и долгосрочной экономической помощи. С подобными мыслями Ремер пошел на встречу с Валентином Фалиным, бывшим послом Советского Союза в Западной Германии, одним из главных внешнеполитических советников президента Горбачева. «Я несколько раз беседовал с Фалиным», — вспоминал бывший телохранитель Гитлера. Беседа неизменно возвращалась к вопросу о возможности нового «договора в Рапалло» и возрожденного германо-российского союза²³⁴.

Ремер зашел настолько далеко, что высказывался в пользу диалога со всеми сторонниками нейтралитета Германии, включая «зеленых» и других левых сторонников мира. Таким образом предполагалось оказать давление на канцлера Гельмута Коля и его Христианско-демократический союз, вернувшийся к власти в 1982 году после 13 лет правления социал-демократов. Хотя конституция Западной Германии недвусмысленно призывала правительство действовать в интересах объединения, создавалось впечатление, что Коль не собирается делать конкретных шагов в этом направлении. Так, выступив в поддержку планов НАТО разместить в Европе ракеты «Першинг» и крылатые ракеты, он заявил о поддержке Бонном западного союза, что фактически подразумевало продолжение существования двух германских государств. Значительная часть западногерманского электората не одобряла предпринятого НАТО шага.

По данным проведенного в 1983 году службой Гэллапа опроса общественного мнения, 43% западных немцев в равной степени не доверяли ни США, ни Советскому Союзу. Еще один опрос, проведенный через год, показал, что 53% высказались в пользу единой и нейтральной Германии²³⁵.

Озабоченный ростом нейтралистских настроений, западногерманский канцлер решил, что необходим по крайней мере символический жест, чтобы утихомирить правых критиков. Коль нанес ответный удар, когда в Западную Германию прибыл президент США Рейган. 5 мая 1985 года Рейган должен был принять участие в скорбной церемонии возложения венков на военном кладбище в Битбурге. Там наряду с двумя тысячами солдат вермахта было похоронено и 47 эсэсовцев. Официальным поводом для церемонии была сорокалетняя годовщина окончания Второй мировой войны, однако Рейган воспользовался случаем, чтобы еще раз высказаться относительно «империи зла», — конечно, имелся в виду не Третий рейх, а Советский Союз. Немецкие ветераны войны, считавшие, что Гитлера не следует судить слишком строго, поскольку он боролся с «красной угрозой», почувствовали себя оправданными, когда Рейган ограничил свои комментарии о нарушениях прав человека исключительно случаями, имевшими место в коммунистических странах. Однобокий взгляд президента на историю превратил нацистских преступников в жертв. Он представил Третий рейх не как систему массового террора, но как результат действий единственного маньяка и деспота. «Павшие солдаты SS были такими же жертвами Гитлера, как и погибшие в концентрационных лагерях», — заявил Рейган. Освобождение Германии от грехов военного времени было благодарностью Колю от американского президента за поддержку непопулярного решения об увеличении числа ядерных ракет в Европе.

Неудивителен тот гнев, с которым встретили подобные заявления различные еврейские организации. К ним присоединились и американские ветераны войны. «Американский легион», обычно твердо поддерживавший президента, напомнил Рейгану, что Waffen SS убили свыше 70 безоружных американских военнопленных в Мальмеди, всего в 50 километрах от Битбурга. «Не те ли самые солдаты SS лежат на кладбище в Битбурге?» — задавался вопросом представитель «Легиона». Другие ветераны вспоминали, что именно Битбург был местом сосредоточения немецких войск (включая и подразделения SS под командованием Отто Скорцени), принявших участие в Арденнском наступлении на союзные силы. На кладбище в Битбурге были также похоронены солдаты второй танковой дивизии SS, уничтожившие в июне 1942 года 642 мирных жителя французского поселка Орадур-сюр-Глан²³⁶.

Для немецких нацистов и неонацистов реабилитация SS в Битбурге стала событием, достойным празднования. На ежегодной встрече клуба ветеранов SS HIAG (Общество взаимопомощи бывших членов войск SS) весной 1985 года за Рейгана был поднят отдельный тост. «Сионистов ничего не остановит, но президент — честный человек», — с удовольствием отметил один из членов HIAG, только недавно вычеркнутый из официального списка лиц, подлежащих наблюдению за экстремизм. Этот список готовился Verfassungsschutz, западногерманским аналогом ФБР. Президент Рейган заслужил слова признательности даже от генерал-майора Отто-Эрнста Ремера. «Давно пора было это сделать», — сказал Ремер репортерам и добавил, что собирается послать приветственные телеграммы Рейгану и Колю, чтобы поблагодарить их за жест доброй воли в отношении SS²³⁷.

Подавляющее большинство жителей Западной Германии (по данным некоторых опросов, до 70%) одобрило визит Рейгана, подчеркнув важность церемонии в Битбурге для Коля. Вскоре после прощания с американским президентом Коля публично поддержал государственные границы Германии 1937 года в ходе встречи с немцами, изгнанными из Силезии (после войны ставшей частью Польши). В ходе выступления канцлера над публикой поднялись реваншистские лозунги «Силезия остается нашей!», а присутствовавшие на выступлении неонацисты, ободренные спектаклем в Битбурге, подняли руки в приветствии, напоминавшем нацистское²³⁸.

Битбург послужил ярким напоминанием того, что эра нацизма была скрыта лишь тонким покрывалом современной германской политики. Содрав коросту самого темного периода в истории Германии, инцидент выставил на передний план многие так и не решенные вопросы вины и ее отрицания, правосудия и прощения, морали и политики силы. Вновь об-

остренное стремление немцев поддерживать спасительную амнезию ко всему относившемуся к Третьему рейху уже давно поощрялась американской политикой времен «холодной войны». Эта политика была направлена на преуменьшение масштаба проблемы нацизма и защиту тех, кто отвечал за зверства нацизма. Кульминацией процесса стали заявления Рейгана о том, что всего лишь один человек со странными усами отвечал за весь свершившийся ужас. Игнорирование правды о нацистской диктатуре неизбежно сказалось на немецкой психике. Западногерманский историк Хаген Шульце (Hagen Schulze) предупреждал: «То, что не переработано памятью, вернется как невроз или истерика». Его слова окажутся пророческими через несколько лет, когда рухнет Берлинская стена и Германия объединится²³⁹.

Политика отрицания

Как бы истово Коль и другие германские правые ни стремились создать положительную немецкую идентичность и свободный от вины патриотизм, перед ними вставало препятствие, которое невозможно было обойти, — Освенцим. Размах нацистских преступлений, олицетворявшихся лагерями смерти, ставил вопрос, возможно ли немцам с психологической точки зрения «выйти из тени Третьего рейха и снова стать нормальным народом» (именно так говорил премьер-министр Баварии Франц-Йозеф Штраус), особенно если этот процесс подразумевал возврат к имперским традициям, достигшим своего апофеоза при Гитлере. Преодоление преграды для «нормализации» стало задачей группы профессиональных историков, самым заметным из которой был Эрнст Нольте (Ernst Nolte). Он считал, что надлежащим образом поведение Германии в годы войны может быть рассмотрено лишь в сравнении с другими диктаторскими режимами и массовыми убийствами XX века. Изогранные попытки Нольте придать нацистским зверствам «относительный» характер вылились в 1986 году в напряженную общественную дискуссию, известную под именем «Спор историков» (Historikerstreit)²⁴⁰.

Отойдя от обычной стратегии немецких консерваторов, пытавшихся принизить эпоху Гитлера как своего рода отклонение от нормального хода исторического развития, Нольте утверждал, что национал-социализм был хотя и чрезмерным, но оправданным ответом на еще большую опасность, которую представлял собой советский коммунизм. Он ставил под сомнение исключительность Холокоста, приравнивая его к сталинскому террору, армянской резне в Турции, убийствам Пол Пота в Камбодже, ковровым бом-

бардировкам Дрездена союзной авиацией в конце Второй мировой войны, а также изгнанию этнических немцев из Польши и Чехословакии вскоре после ее окончания. Несмотря на весь ужас всех этих преступлений, Нольте отказывался признавать то, что делало нацизм уникальным в данном ряду. В отличие от других примеров, Холокост был результатом систематически проводимой государством кампании с использованием всех имевшихся в его распоряжении средств для уничтожения целого народа в этническом и религиозном смыслах этого слова. Более того, нацисты не просто уничтожали миллионы людей, но и использовали их останки в промышленной машине страны²⁴¹.

Большинство ученых-историков отвергло умозаключения Нольте. Тем не менее ему удалось показать, что процесс расплаты с прошлым часто можно повернуть вспять, манипулируя историческими данными, извращая их в угоду политической конъюнктуры. Ведь если Освенцим — всего лишь один из ужасов современного мира, то почему мы должны попрекать им Германию? Ультраправые взяли на вооружение аргументы Нольте, позволившие одним махом уничтожить основные возражения относительно объединения Германии.

Вступив на скользкий путь интерпретации истории, Нольте вплотную приблизился к признанию извращенного мировосприятия, согласно которому Холокоста никогда не было, а Освенцим — это фальшивка, созданная евреями в их собственных интересах. Существование газовых камер, утверждал Нольте, «ставилось под сомнение целым рядом авторов, многие из которых не были немцами или неофашистами». Это зачастую демонстрировало, по мнению Нольте, «благородные намерения» авторов, к работам которых следовало относиться серьезно. Он даже повторил некоторые из ложных обвинений, выдвигавшихся теми, кто отрицает Холокост, например тезис о том, что евреи, в особенности Всемирная сионистская организация, вскоре после вторжения вермахта в Польшу в сентябре 1939 года объявили войну нацистской Германии. Вследствие этого у Гитлера были основания для того, чтобы начать реализацию антиеврейской кампании²⁴².

Несмотря на то что отрицание Холокоста было органически присуще послевоенным фашистам, эти «убийцы памяти», как называл их французский историк литературы Пьер Видаль-Наке (Pierre Vidal-Naquet), смогли получить организационную базу для своей деятельности лишь в 1978 году. Тогда в Калифорнии был создан Институт пересмотра истории (Institute for Historical Review, IHR). Институт, выросший из «Свободного лобби» Уиллиса Карто, издавал «Журнал пересмотра истории» («Journal of Historical Review»), пытавшийся произвести впечатление на своих читателей научно-

образным видом своих статей с массой примечаний и прочими атрибутами серьезных исследований. Наряду с распространением большого количества книг, брошюр, аудио- и видеозаписей ИНР также организовывал выезды на ежегодный неонацистский фестиваль в бельгийском Диксмюде²⁴³.

Отрицатели Холокоста называли себя ревизионистами, хотя более правильный термин — «негационисты», поскольку их образ действий не подразумевает критического мышления, а посвящен скорее продвижению политической идеологии. Они понимали, что самым большим препятствием к возрождению национал-социализма является правда о прошлом — отсюда и необходимость убедить людей в том, что Освенцим — это ложь. С такой целью они не останавливались перед использованием противоречащих друг другу доводов: некоторые утверждали, что газовые камеры предназначались для уничтожения вшей, другие — что они были специально построены союзниками после войны с целью дискредитации немцев. Они отвергали такие доказательства, как, например, показания, данные в ходе Нюрнбергского трибунала комендантом Освенцима Рудольфом Гессом, описавшим, как эти камеры использовались для уничтожения узников. Сосредоточивая внимание на отдельных деталях, «негационисты» надеялись посеять среди молодежи семена сомнения, которые должны были сохраниться и после того, как уйдут из жизни последние узники концлагерей, способные рассказать правду о творившихся там преступлениях²⁴⁴.

Деятельность Института пересмотра истории активно освещалась в еженедельной газете «Свободного лобби» «Прожектор» («Spotlight»). В 1981 году тираж этого издания превышал 300 тысяч экземпляров, однако с тех пор сократился практически наполовину. Удачно названная «национальным опросником (enquirer) американских ультраправых» («National Enquirer» — популярный еженедельный журнал, издаваемый в формате таблоида. — *Примеч. пер.*), газета обычно воздерживалась от грубых расистских высказываний, характерных для изданий Ку-клукс-клана и неонацистов. Скрывая свою ненависть под маской критики «большого правительства», этот одержимый конспирологическими теориями таблоид ставил своей целью вскрыть могучие тайные силы, которые находятся в ответе за все тяжелые болезни нашего мира. Наряду с «преступными международными банками» излюбленными мишенями также являются Совет по международным отношениям, Бильдербергский клуб, Трехсторонняя комиссия, ООН и Федеральная резервная система США. В течение многих лет читатели «Spotlight» видели заголовки в стиле: «Дневник Анны Франк — подделка», «Бритоголовые: молодые, буйные и готовые постоять за Америку»²⁴⁵.

В призрачном мире «Spotlight» история перевернута с ног на голову. Здесь прославляются подвиги Waffen SS, а осужденные военные преступники, такие как бригадфюрер Леон Дегрель, предстают героями. В 1979 году «Spotlight» сообщил своим читателям, что Дегрель написал «Открытое письмо Папе Римскому об Освенциме», где призывал вновь избранного Иоанна Павла II не верить «мифу» о газовых камерах. Через год «Spotlight» опубликовал пространное интервью с избранным на пост сенатора Дэном Куэйлом, поблагодарившим «Свободное лобби» за поддержку его успешной предвыборной кампании. Другие консерваторы старались дистанцироваться от «Свободного лобби». Издатель ежемесячного консервативного журнала «American Spectator» Эммет Тиррел (Emmett Tyrell) высмеивал группу Карто, назвав ее «цветастым сборищем ханжей и простаков». К кампании присоединился и «Уолл-стрит джорнэл», назвавший Карто и «Свободное лобби» антисемитами, что послужило поводом для судебного иска. Суд вынес решение против Карто, заявив, что трудно представить себе дело, в котором доказательства антисемитизма были бы «более убедительными»²⁴⁶.

Среди тех, кто время от времени писал для «Spotlight» и «Журнала пересмотра истории», был старый знакомый Йоки Кейт Томпсон. Его приглашали войти в политический совет «Свободного лобби», однако он отказался после того, как получил от организации Карто письмо с предложением принести клятву верности. «Я уже принес одну клятву и не собираюсь клясться еще раз», — оскорбился он. Томпсон имел в виду клятву, принесенную им в годы войны нацистской Германии при вступлении в ряды агентов разведки SS²⁴⁷.

Томпсон совершенно открыто выразил свои чувства, выступая в сентябре 1983 года на съезде Института пересмотра истории. Эти ежегодные мероприятия проводились за закрытыми дверями, и попасть туда можно было только по приглашению. Заплатившие за него круглую сумму получали возможность выслушать нацистов, неофашистов и прочих «негационистов», рассуждавших о новейших открытиях в области отрицания Холокоста, а также о масштабном сионистском заговоре, убедившем массы в гибели шести миллионов евреев. В ходе своего выступления Томпсон обрушился на итоги Нюрнбергского процесса, а также напомнил о предпринимавшихся им после войны усилиях по реабилитации преемника Гитлера, адмирала Карла Деница. Закончил он речь призывом «быть верными Третьему рейху». Собравшиеся стоя аплодировали оратору, после чего Томпсон добавил: «Если, в конце концов, Холокост и состоялся, то тем лучше!» Во всяком случае, Томпсон высказался откровеннее любого другого болтуна из Института пересмотра истории^{248, 249}.

Первым исполнительным директором Института пересмотра истории стал английский неонацист Дэвид Маккалден (David McCalden). Однако вскоре он поссорился с Карто — достаточно обычная судьба многих, пытавшихся работать с крестным отцом «Свободного лобби». Порвав в 1984 году с Институтом, Маккалден стал выставлять на всеобщее обозрение грязное белье организации. Начали распространяться слухи о практиковавшемся в ее рядах «культе нацистов-гомосексуалистов». Утверждалось, что в него был, в частности, вовлечен молодой редактор «Журнала пересмотра истории» Кейт Стимли (Keith Stimely). Последовательный сторонник Йоки и протеже Кейта Томпсона, Стимли умер от СПИДа, уйдя от Карто после традиционной размолвки. Сам Маккалден через несколько лет скончается по той же причине²⁵⁰.

В течение всего срока пребывания у власти администрации Рейгана между Институтом пересмотра истории и Республиканской партией сохранялись негласные, но прочные связи. Верный сторонник Института Остин Апп (Austin App), написавший книгу «Мошенничество с шестью миллионами» («The Six Million Swindle»), был подручным «Немецко-американского национального конгресса», одной из ультраправых групп, связанных с Национальной конфедерацией американских этнических групп (National Confederation of American Ethnic Groups). Соучрежденная Аппом и находящаяся под влиянием апологетов нацизма, эта конфедерация сыграла важную роль в работе отдела по пропаганде среди этнических групп в ходе проводившихся Республиканской партией предвыборных кампаний²⁵¹.

Данные о связях старых фашистов с Республиканской партией оставались тщательно хранимым секретом практически до самого конца президентства Рейгана. Именно тогда в средствах массовой информации появились сообщения о том, что многие ключевые деятели отдела по пропаганде среди этнических групп были набраны из среды фашистских эмигрантов из стран Восточной Европы. Многие из этих подозрительных личностей обустроились в США благодаря ЦРУ, военным и Государственному департаменту, поддерживавшему в годы «холодной войны» «разведывательные ресурсы» нацистов. Пользуясь пробелами в иммиграционном законодательстве, этим структурам, как утверждает, удалось перевезти в Соединенные Штаты около 10 тысяч фашистских коллаборационистов²⁵².

По данным историка Кристофера Симпсона, эти ультраправые эмигранты прибыли в США не как отдельные личности, а как члены «опытных, хорошо организованных групп с совершенно ясными политическими целями, незначительно отличавшимися от тех, которые они реализовывали у себя дома». Поддержанные щедрыми субсидиями ЦРУ, некоторые воин-

ствующие эмигрантские организации закрепились в этнических сообществах Соединенных Штатов и приступили к созданию своей базы на крайне правом фланге американской политики. Объединившись с местными ненавистниками «красных», они сблизилась с консервативным крылом Республиканской партии и заняли видные посты в комитетах по пропаганде среди этнических групп²⁵³.

«Свободное лобби» и отдел по пропаганде среди этнических групп Республиканской партии выражали неприкрытую антипатию в отношении отдела специальных расследований Министерства юстиции США (Office of Special Investigations, OSI). Он был создан при президенте Картере с целью выявлять и наказывать пособников нацистов, нелегальным образом проникших на территорию Соединенных Штатов. После того как OSI успешно выдворил из страны несколько лиц, подозревавшихся в причастности к военным преступлениям, его действия подверг резкой критике Патрик Бьюкенен, бывший руководитель отдела по связям с общественностью в администрации президента Рейгана. Поклонник Франко, Пиночета, аргентинской хунты и южноафриканского режима апартеида, Бьюкенен проводил параллель между отношением союзников к немецкому населению после Второй мировой войны и тем, как сами нацисты относились к евреям. Как утверждается, именно Бьюкенен был автором ошеломляющей фразы Рейгана о том, что похороненные на кладбище в Битбурге солдаты SS «были такими же жертвами, как и жертвы концентрационных лагерей»²⁵⁴.

Бьюкенен описывал Гитлера как «человека большой личной храбрости, солдата из солдат», а воспоминания лиц, переживших Холокост, называл «групповыми иллюзиями мученичества». Подобные послания сделали его любимцем читателей «Spotlight» и журнала Института пересмотра истории. «Негационисты» получили повод для злорадства, когда общенациональной школьной программе по изучению истории Холокоста было отказано в федеральном финансировании. Администрация Рейгана, как объяснило Министерство образования, пошла на этот шаг под предлогом того, что в школьном курсе «не была представлена точка зрения по этому вопросу нацистов (невзирая на ее непопулярность), а также Ку-клукс-клана»²⁵⁵.

На следующий год Институт пересмотра истории, представленный адвокатом Марком Лейном, потерпел поражение в суде. Судья главного суда первой инстанции в Лос-Анджелесе вынес решение о том, что Холокост является установленным фактом, и, следовательно, Институт обязан выплатить 50 тысяч долларов бывшему узнику концентрационного лагеря Мелу Мермельштейну. Мермельштейн отозвался на призыв IHR выплатить

эту сумму любому, кто сможет доказать, что евреев в Освенциме направляли в газовые камеры²⁵⁶.

Продолжая зализывать раны, сотрудники Института пересмотра истории постарались поскорее забыть о деле Мермельштейна. Перед ними стояла более важная задача — принять Восьмую международную конференцию ревизионистов, которая должна была начаться 9 октября 1987 года в гостинице Holiday Inn в городе Ирвин, штат Калифорния. Было заявлено о нескольких выступающих, в том числе о «тайном специальном госте», который был обозначен, но не назван в рекламных публикациях Института.

В конференции приняли участие примерно 100 человек из нескольких стран. Она была посвящена памяти Остина Аппа, отрицателя Холокоста и заправилы этнических программ Республиканской партии, скончавшегося незадолго перед встречей. Когда слово для выступления получил Август Клаппрот (August Klapprott), руководивший в 1930-е годы Германо-американским союзом, он решил несколько взбодрить аудиторию, состоявшую почти исключительно из мужчин. Заявив, что тюрьмы при Франклине Рузвельте были намного хуже гитлеровских, Клаппрот вспомнил про свое заключение в годы войны в одной из них, в штате Мичиган. По его словам, она была заражена тараканами. Он в подробностях рассказал, как они с сокамерниками «согнали их в одно место, а затем уничтожили — все шесть миллионов!» Собравшиеся ответили грубым гоготом, а затем увлеченно заплодировали.

Наконец настало время представить с нетерпением ожидавшегося «таинственного гостя». Когда его имя было названо, зал затих в молчании. Перед ними должен был выступить не кто-нибудь, а сам генерал-майор Отто-Эрнст Ремер! Кейт Томпсон организовал 75-летнему нацисту поездку в США, чтобы он смог произнести главную речь на съезде Института пересмотра истории. Для Томпсона это был венец его карьеры. Будучи в 1950-е годы официально зарегистрированным американским представителем Социалистической имперской партии, он направлял послания руководству партии через Фрэнсиса Паркера Йоки, часто ездившего в Западную Германию. Тридцать пять лет спустя Томпсон замкнул круг, привезя Ремера на съезд отрицателей Холокоста. Съезд организовал Институт пересмотра истории, основанный одним из виднейших почитателей и посмертных пропагандистов идей Йоки.

Каким-то образом Томпсону удалось потянуть за нужные рычаги, чтобы позволить Ремеру приехать в страну, которую он так часто и упорно критиковал. Несмотря на то что он не раскаялся в своих нацистских взглядах и в годы «холодной войны» прямо выступал за германо-русский союз, Ремер

без всяких помех приехал в Калифорнию, а затем покинул ее. Это тем более странно, что западногерманский суд только что приговорил его к шестимесячному тюремному заключению за грубое антисемитское высказывание, вызвавшее бурю восторга на встрече ветеранов SS в Баварии. Вот как описывал случившееся корреспондент немецкого журнала «Stern»: «Ремер театральным жестом достал из правого кармана своего пиджака наполненную газом зажигалку. Он поднес ее к носу и слегка нажал на кнопку, чтобы медленно выпустить газ. “Что это?” — спросил он, пригнувшись, а затем ответил: “Это еврей, тоскующий по Освенциму”»²⁵⁷.

Вне всякого сомнения, подобная шутка была бы с радостью воспринята на съезде Института пересмотра истории, но на этот раз Ремер был расчетливее. В ходе своего выступления бывший командир элитного охранного батальона Grossdeutschland дал поминутный отчет о событиях 20 июля 1944 года, когда он вместе со Скорцени спас Третий рейх от заговорщиков. Переведенное редактором Института пересмотра истории Марком Вебером выступление было тепло встречено собравшимися. Всякий раз при упоминании национал-социализма или Гитлера в зале раздавались аплодисменты, а когда речь заходила о Рузвельте или Черчилле — недовольные вздохи.

После речи, изложение которой позднее было опубликовано в восторженной статье «Spotlight», потом целиком перепечатанной в «Журнале пересмотра истории», к Ремеру подошла группа молодых почитателей. Потрясенные, они ловили каждое слово одной из последних живых легенд Третьего рейха, непринужденно курившего сигарету и рассуждавшего о необходимости культурного возрождения Европы. Когда его попросили прокомментировать внешнюю политику своей страны, Ремер стряхнул пепел и ответил: «Политики нет, поскольку мы имеем дело с ложным государством. Германии нет... есть только оккупированное население двух стран»²⁵⁸.

Однако в будущем, как пообещал Ремер, вновь пробудившаяся Европа проложит путь к объединению всего континента под динамичным руководством Германии и России. Признав, что обе страны отличает бурная история, Ремер похвалил русских за их силу духа, руководимую «славянским авторитаризмом». В противоположность этому Америка со своей грубой рок-музыкой и «негроидной деградацией культуры», которые навязывались массам «еврейскими отравителями», была названа более коварным и мощным врагом. Недисциплинированный гигант, отягощенный расовым смешением, Америка производила безудержную посредственность, угнетавшую восприимчивость современных немцев и других народов, попавших под ее власть. Исправить положение может только неонацистское восстание, утверждал Ремер. Пока оно еще не началось, на всех национал-социали-

стах лежит обязанность нести факел скрытой сегодня славной культуры «традиционной Европы». Собравшиеся вокруг слушали с напряженным вниманием, разделяя его мечту.

Перед потопом

Через несколько месяцев после поездки Отто-Эрнста Ремера в Соединенные Штаты подошел к концу второй тюремный срок Михаэля Кюнена. Выйдя на свободу в 1988 году, он немедленно отправился в турне по Западной Германии, навещая старых друзей и вербуя новых сторонников. Наблюдавшая за его передвижениями американская военная разведка сделала позднее подтвердившееся предположение: «Деятельность Кюнена и его личное обаяние будут иметь решающее воздействие на будущее неонацизма. Скорее всего, он постарается объединить вокруг себя бывших сподвижников, чтобы вновь нападать на основополагающие ценности либерально-демократического общественного устройства»²⁵⁹.

Кюнен, который не лез в карман за словом, заявил в ходе своего радиointerview, что в Западной Германии необходимо установить нацистскую диктатуру. «Наша мечта — это нация европейских коричневорубашечников, активных политических солдат национал-социализма, способных сражаться на улицах», — сказал он корреспонденту журнала «Шпигель». Высказывания подобного рода заставили власти запретить в феврале 1989 года еще одну возглавлявшуюся Кюненом группировку — Nationale Sammlung²⁶⁰.

В это время Кюнен был занят подготовкой празднования столетнего юбилея со дня рождения Гитлера, которое было запланировано им в ходе состоявшейся пять лет назад поездки к бригадефюреру Леону Дегрелю в Испанию. Ожидавшееся с таким нетерпением событие прошло достаточно незаметно. На него прибыли неонацисты из Испании, Франции, Дании, Бельгии, Норвегии и Западной Германии. Поднимая бокалы с шампанским в честь фюрера, Кюнен и его коллеги имели все основания быть довольными. Недавно созданная партия «Республиканцы» (Die Republikaner) добилась существенного прорыва, завоевав 7,5% голосов избирателей Западного Берлина. Со времен успехов национальных демократов Буби фон Таддена в середине 1960-х годов ни одна ультраправая партия не показывала таких результатов на избирательных участках. «Националистическое мышление переживает возрождение, — заявил Кюнен. — Успех “Республиканцев” на выборах в Берлине укрепил уверенность как среди нас, так и среди всех националистических сил»²⁶¹.

Основанных в 1983 году и быстро набравших популярность «Республиканцев» возглавлял бывший баварский ведущий ток-шоу Франц Шёнхубер (Franz Schonhuber), который часто хвастал службой в SS в годы войны. Его партия выступала за запрет профсоюзов, отмену государственной системы социального обеспечения, выдворение из страны всех иностранцев и восстановление единой Германии в границах 1937 года. Шёнхубер также преуменьшал преступления нацистов, сравнивая разгром Германии в конце войны с тем террором, который она сама насаждала в захваченных странах. Однако в этом Шёнхубер не слишком отличался от многих видных политиков Западной Германии — разве что высказывался чуть наглее и откровеннее²⁶².

Шёнхубер избегал пользоваться терминологией, которая могла бы расцениваться как неонацистская. Он старался представить «Республиканцев» радикальной партией правого крыла, целью которой была защита интересов «маленького человека». Рост безработицы и социального расслоения привел к созданию «общества двух третей» (термин обозначает общество, в котором только две трети его членов имеют достойные человека условия существования. — *Примеч. пер.*). Оказавшаяся «на мели» после «западногерманского экономического чуда» часть населения страны все сильнее ощущала на себе удары рыночных сил, перед которыми она была бессильна. Вместо того чтобы высветить структурные проблемы, служившие питательной средой для социального неравенства, Шёнхубер обвинял практически во всех бедах Западной Германии иммигрантов, гастарбайтеров и беженцев. Продвигая политику, ориентированную на экономически разочарованных, он выступал с броскими лозунгами и простыми решениями в стиле «Наши люди прежде всего!» и «Германия для немцев!». Эта стратегия вновь доказала свою эффективность, когда «Республиканцы» завоевали 7,1% голосов на состоявшихся в июне 1989 года выборах в Европарламент. После такого результата уже мало кто сомневался, что они стали серьезной силой в западногерманской политике.

С учетом расистского подтекста идей, продвигавшихся «Республиканцами», неудивительно, что к партии примкнули и такие люди, которые были настроены экстремистски или слишком воинствующе для того имиджа, который стремился создать Шёнхубер. С самого момента создания партии в ней оказались верные Кюнелю убежденные неонацисты. Исходя из тактических соображений, Шёнхубер предпочел дистанцироваться от Кюнелю и его сподвижников. Отмечая, что в партии Шёнхубера у него есть друзья, Кюнелю как-то заметил: «Республиканцы говорят то, о чем думают многие. Я говорю то, о чем думают многие республиканцы»²⁶³.

В попытке представить «Республиканцев» патриотами, не имеющими никакого отношения к неонацистам, Шёнхубер последовал путем, который, как представлялось, успешно применялся другими ультраправыми популистскими партиями Западной Европы. Он прикрыл расизм понятиями «этноплюрализма», подчеркивая необходимость защищать отдельную национальную идентичность в качестве условия сохранения уникальных особенностей различных культур. Глава «Республиканцев» также взял на вооружение «национально-нейтралистскую» позицию, попахивавшую политикой Отто-Эрнста Ремера. «Россия к нам ближе, чем Америка, и не только географически, — заявлял Шёнхубер. — В этом я следую заветам Бисмарка, считавшего, что ключ к успешному развитию нашего фатерланда лежит в хороших отношениях с Россией»²⁶⁴.

И Шёнхубер, и Ремер признавали себя идейными последователями Бисмарка, однако отличались друг от друга по меньшей мере в одном критически важном аспекте — глава «Республиканцев» публично называл Гитлера преступником. Возможно, со стороны Шёнхубера это была своего рода прагматическая уступка, поскольку он понимал, что ностальгия по Третьему рейху не могла привести к успеху в современной Западной Германии. «Вероятность того, что Федеративная Республика будет побеждена тоталитарным врагом с легко узнаваемыми усиками и с любовью к коричневым рубашкам, крайне невелика, — говорил Шёнхубер. — Проверять на прочность боннскую республику второй Гитлер не придет, образ фюрера уже не пленит людей. На его место придет иной политик, соответствующий своему времени и его запросам. Эксперты смогут найти в этих двух персонажах в лучшем случае лишь отдаленное сходство»²⁶⁵.

Согласно докладу Комитета Европарламента по расследованию случаев расизма и ксенофобии, «Республиканцы» на политической сцене представляли собой «лишь верхушку огромного ультраправого айсберга, существовавшего в Западной Германии». Популистское наступление Шёнхубера, недовольное ворчание фёлькиш-интеллигенции «Новых правых», рост подпольной армии Кюнена — все это было проявлением возрастающей политической силы ультраправых, которые оказывали совершенно очевидное давление на канцлера Коля и бывший у власти Христианско-демократический союз. Серьезную озабоченность Коля вызывал тот факт, что многие из его прежних сторонников могут перейти в лагерь «Республиканцев»²⁶⁶.

Важнейшим результатом деятельности «Республиканцев», по словам отчета Европарламента, было «смещение вправо оси политических дискуссий в Западной Германии». Комитет по расследованию привел несколько вызывающих беспокойство примеров, в том числе прошедший в августе

1989 года в Ганновере массовый митинг, в котором приняли участие три министра федерального правительства. Они поддержали реваншистские требования националистов, перемещенных из Силезии. Также упоминалось высказывание официального представителя правительства Ганса Кляйна (Hans Klein) о том, что Waffen SS были всего лишь «группой солдат, защищавших свое отечество». Комитет делал вывод, что подобные заявления со стороны популярных западногерманских политиков не подрывали популярности «Республиканцев», однако служили делу «легитимизации многих ее идей в общественном сознании». Европарламент также с обеспокоенностью отметил, что, согласно ежегодному отчету Федеральной службы по защите конституции Германии (Verfassungsschutz), число верных последователей фашистов в Боннской республике возросло с 22 тысяч в 1988 году до более чем 30 тысяч в 1989-м²⁶⁷.

Михаэль Кюнел осознал, что политический ветер начинает разворачиваться в нужную для него сторону. Но ни он, ни кто-либо из его неонацистских последователей не мог себе даже представить, что со дня на день произойдет событие, которое потрясет весь континент. В ноябре 1989 года рухнула Берлинская стена. Два германских государства быстро объединились, а Советский Союз начал стремительно разваливаться. «В течение долгих лет мы практически ничего не могли сделать, — радостно заметил Отто Эрнст Ремер. — Затем все изменилось практически за ночь. Перед нами внезапно открылись перспективы, масштаб которых мы не можем даже представить»²⁶⁸.

ЧАСТЬ III

ФАШИЗМ ПОСЛЕ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Глава 7

ВОССОЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ

Катарсис

Вечером 9 ноября 1989 года в Берлине спонтанно вспыхнули народные гуляния. Молодые восточные и западные берлинцы взобрались на четырехметровый бетонный забор из плит, разделявший их город. Снимая витки колючей проволоки, ликующие незнакомые люди протягивали друг другу руки, помогая преодолеть ненавистное сооружение. Они обнимались, целовались, открывали шампанское и танцевали до утра. Сигналили автомобили, а веселящаяся толпа рекой лилась через Бранденбургские ворота. Среди праздновавших были канцлер Гельмут Коль и его близкий друг Гюнтер Штрассмайер, возглавлявший западноберлинское отделение Христианско-демократического союза Германии.

Пока во всем мире следили за телевизионными трансляциями торжеств, группа западногерманских скинхедов с нарукавными повязками с изображением свастики перебралась через стену и направилась на восток, не замеченная празднующей толпой. Это был своего рода намек на то, с чем предстояло столкнуться в эпоху после «холодной войны», которая закончилась в тот судьбоносный вечер, когда Берлин вновь стал единым городом. Вскоре волна насилия прокатилась по всему фатерланду, став пугающим напоминанием о прошлом, которое, как считали многие, ушло безвозвратно. Дата фактической ликвидации стены имела и глубокое историческое

значение — ведь она совпала с годовщиной «Хрустальной ночи» 1938 года. Кроме того, ровно за 15 лет до этого, 9 ноября 1923 года, Гитлер был арестован после неудавшейся попытки «Пивного путча».

После падения 155-километровой Берлинской стены произошло нечто бесповоротное. Воздвигнутая в 1961 году начиненная ловушками «полоса смерти» служила источником вдохновения для авторов шпионских романов и художников, расписавших стену разноцветными граффити и стихами. В попытках перейти через стену было убито не менее 255 человек. Руководитель восточногерманских коммунистов Эрих Хонеккер утверждал, что стена — это антифашистское ограждение, защищающее от западного империализма. В январе 1989 года он с уверенностью заявил, что Берлинская стена простоит на своем месте «еще сто лет». В тот же самый месяц опрос общественного мнения показал, что, хотя большинство жителей Западной Германии теоретически поддерживали воссоединение, только 3% полагали, что оно сможет произойти в ближайшее время.

Однако к концу года тектонические плиты мировой геополитики начали вибрировать, и Берлинская стена рухнула. Последовавшие за этим эпохальным моментом толчки продолжали ощущаться по всему миру долгое время после того, как сама стена была по кусочкам распродана туристам и собирателям безделушек. При этом исчезли покрывавшие стену граффити, а среди них и пророческая фраза Олдоса Хаксли, предостерегавшая против фанатизма и узости взглядов: «Не существует единого средства от того, что порождено множеством причин»¹.

Принимая во внимание масштаб случившегося, удивительно, что непосредственной причиной падения стены было случайное головопатыство неуверенных в себе властей Восточной Германии. Двумя днями ранее в отставку ушло престарелое руководство ГДР, оставив новому коммунистическому правительству весьма скромные шансы остаться у власти. Смена караула происходила на фоне масштабных демонстраций народного недовольства. Осенью 1989 года ГДР покинуло почти 350 тысяч человек, или 2% всего населения страны. Этот массовый исход сопровождался масштабными протестами на низовом уровне в самой Восточной Германии. Всего за несколько недель уличные демонстрации стали собирать свыше 100 тысяч участников. Это ненасильственное народное движение началось в Лейпциге, а затем стало распространяться по всей стране. Оно совпало по времени с аналогичными движениями в других странах Восточной Европы. Катализатором стали реформы, проводившиеся Михаилом Горбачевым в Советском Союзе. Эти демонстрации гражданского мужества были готовы преобразить политический ландшафт целого региона.

Слабая восточногерманская оппозиция во главе с художниками, экологами, протестантским духовенством, феминистами, борцами за мир и права человека никогда не рассчитывала на то, что ей удастся сбросить правящую коммунистическую элиту, — и вдруг это стало возможным после кристаллизации событий, которые с неизбежностью вели к воссоединению страны. Понятие «двух Германий», казалось, стало незыблемой частью их жизни. Они не собирались запускать процесс объединения. Несмотря на желание выпрыгнуть из коммунистической сковородки, большинство этих людей вовсе не хотело попасть в капиталистическое пламя. Они выступали за социалистическое обновление ГДР, за «особый путь», способный объединить достоинства двух систем. Однако эти утопические перспективы были раздавлены открытием границы, когда множество восточных немцев встало в очереди в западногерманские банки за обещанными им пособиями в марках, а затем стало закупать стереосистемы, видеомагнитофоны и телевизоры с большими экранами.

Как оказалось, эмоциональный катарсис, сопровождавший падение Берлинской стены, лишил революционный проект силы. Застигнутая врасплох диссидентствующая интеллигенция ГДР внезапно очутилась на краю бездны. Лидеров протеста, создавших себе в предшествующие годы уютную обстановку для выражения чувства хронической неудовлетворенности, заглушили голоса жителей Восточной Германии, которые вскоре после падения стены массово начали требовать воссоединения. Эти веяния отразились и в изменении лозунга: скандирование «Wir sind das Volk!» («Мы — народ!») сменилось на «Wir sind ein Volk!» («Мы — единый народ!»). Прошло немало времени, и на поверхность всплыла уродливая сторона германского национализма. В Лейпциге и других городах Восточной Германии в рядах демонстрантов, требовавших воссоединения страны, маршировали и молодые скинхеды, которые несли над собой знамена рейха 1937 года. Вскоре сторонники единства, включая и неонацистских боевиков, стали вступать в стычки с теми, кто еще льстил себя надеждой на сохранение независимого восточногерманского государства.

Почувствовав уникальную возможность осуществить то, что до недавнего времени казалось несбыточной фантазией, канцлер Коль предпринял ряд быстрых и решительных шагов по реализации в одностороннем порядке плана слияния ГДР и Боннской республики. Как только стена была пробита, опытный руководитель Западной Германии получил прекрасную возможность перехватить, хотя бы ненадолго, у мятежной республиканской партии ультраправых ее патриотические громы и молнии.

Подливая масло в огонь немецкого национализма, Коль гнал вперед процесс воссоединения с головокружительной скоростью. Он прибег

к двойной лжи, пообещав жителям Восточной Германии, что в результате объединения ни один из них не станет жить хуже (а многие — даже лучше), и заверив западных немцев в том, что для воссоединения не потребуется ни повышения налогов, ни урезания социальных программ. В марте 1990 года Христианско-демократический союз получил свою награду у избирательных урн, когда граждане ГДР в надежде на экономический подъем решились войти в более крупное национальное образование. Через несколько месяцев объединение Германии стало практически свершившимся фактом. Горбачев согласился на создание единого германского государства, не требуя его выхода из состава НАТО. Принимая во внимание огромную разницу в экономическом потенциале и политической легитимности между ФРГ и ГДР с точки зрения Запада, объединение должно было состояться на западногерманских условиях. Случившееся более напоминало аннексию под дулом пистолета, нежели равноправный брак.

Рывок к национальному единству помог закрепить свою популярность не только Колю. Он сыграл на руку и Михаэлю Кюнелю с его численно выросшими неонацистскими последователями. Армейская разведка США называла этих людей «наиболее важными представителями неонацистов в Федеративной Республике». Как только рухнула Берлинская стена, Кюнел и его ближний круг уже были готовы действовать. Они рассматривали Восточную Германию как плодородную почву для вербовки новых членов «Движения» (Die Bewegung). Именно так Кюнел называл свою полуподпольную сеть. В связи с этим он должен был сосредоточиться на установлении связей и развертывании пропаганды на территории «упраздненной» ГДР².

Тридцатитрехлетний Кюнел много перемещался между двумя германскими государствами. Он утверждал, что восхищенные поклонники «буквально захлестнули» его в одном из городов восточногерманской Тюрингии, куда он приехал в январе 1990 года. В этом месяце Кюнел и его ближайшие помощники разработали проект, названный «Рабочий план „Восток”» (Arbeitsplan «Ost»), в соответствии с которым вся территория ГДР была поделена на несколько организационных зон. Для связи в каждый из регионов были назначены ключевые фигуры с Запада. План был опубликован во внутреннем информационном бюллетене неонацистов «Новый фронт» («Die Neue Front»). Он предусматривал тайные действия, необходимые для создания нескольких внешне независимых друг от друга организаций, включая и легальную политическую партию, которые должны были послужить прикрытием для национал-социалистов. «За всей легальной деятельностью должно стоять твердое, как сталь, идеологически надежное кадровое ядро», информация о котором должна была оставаться в тайне

для непосвященных. «Посторонние должны знать как можно меньше как о ядре, так и о его идейных установках, — пояснял документ. — Ядро должно оставаться в подполье»³.

Соратники Кюнена организовали в восточноберлинском районе Лихтенберг сквот, ставший импровизированным местом жительства для 300 скинхедов-неонацистов, часто совершавших вылазки в другие районы города для нападений на «фиджийцев» (обобщенный термин, обозначающий всех выходцев из стран третьего мира). Вооруженные стальными прутьями и бейсбольными битами, они также принимали участие в ожесточенных стычках с антифашистской молодежью, оканчивающихся многочисленными травмами с обеих сторон. Многие из этих нападений были спровоцированы группировкой «Национальная альтернатива» (Nationale Alternative), весной 1990 года использовавшей ночлежку в Лихтенберге в качестве своей оперативной базы. «Национальная альтернатива» под управлением Кюнена была одной из нескольких неонацистских группировок, которые возникли в больших и малых восточногерманских городах вскоре после падения Берлинской стены⁴.

Одетый в короткую кожаную куртку и тяжелые черные ботинки, председатель «Национальной альтернативы» Инго Хассельбах (Ingo Hasselbach) произносил зажигательные речи, в которых обличал иммигрантов, евреев и других мифических врагов фатерланда. Голубоглазый, с рублеными чертами лица высокий молодой немец вел себя так, будто прошел кастинг на роль местного лидера ультраправых. Родившийся в Западном Берлине Хассельбах еще подростком бунтовал против коммунистического режима, сначала став своего рода хиппи, затем колючим блондинистым панком. В итоге он примкнул к восточногерманским бритоголовым, которые появились в стране в предыдущее десятилетие. В начале 1987 года, после ряда произошедших по различным поводам стычек с властями, Хассельбаха приговорили к шести месяцам тюремного заключения за выкрики «Долой стену!» на одном из общественных праздников⁵.

Выйдя из тюрьмы, Хассельбах присоединился к «Фронту Лихтенберг» (Lichtenberg Front, по названию района в Берлине), банде бритоголовых из Восточного Берлина, мечтавших о свержении коммунистического строя и воссоединении фатерланда. Вечером 17 октября 1987 года несколько вооруженных цепями членов этой ультранационалистической группировки ворвались на рок-концерт, проходивший в берлинской Ционскирхе. Эта церковь была популярным местом встреч для пацифистов, анархистов и прочей диссидентствующей молодежи, все еще разделявшей социалисти-

ческие идеалы. «Мы очистили церковь, — хвастался позднее Хассельбах. — Мы выкинули оттуда панков и избili их». Полиция наблюдала за кровавой свалкой, однако не вмешивалась в нее, дав скинхедам возможность уйти. Замедленная реакция правоохранителей породила волну слухов о том, что Штази (восточногерманская тайная полиция), возможно, использовала «Фронт Лихтенберг» для того, чтобы запугивать группы прогрессивных протестующих. Бернд Вагнер (Bernd Wagner), ранее возглавлявший в полиции Восточного Берлина отдел по мониторингу экстремистской деятельности, позднее подтвердил, что банды скинхедов иногда использовались в качестве инструмента против местного движения в поддержку реформ⁶.

Официальные лица ГДР цинично возложили вину за события у Ционскирхе на вдохновленных Западом хулиганов. Обвинять во всем Бонн стало традицией у восточногерманского руководства, которое в течение долгого времени догматично настаивало на том, что их страна не имеет ничего общего с фашистской эпохой в истории Германии. Нацизм, как утверждалось, был продуктом Запада, самой дикой формой монополистического капитализма. Поскольку ГДР была по определению антикапиталистической, ее население не должно было подвергаться обвинениям относительно того, что случилось в годы войны. Таким образом, как по взмаху волшебной палочки, миллионы восточных немцев, ранее поддерживавших Гитлера, вмиг превратились в убежденных социалистов. В результате критически важные психологические и политические вопросы в ГДР не поднимались и должным образом не прорабатывались. Лидеры страны искажали прошлое и в таком виде использовали его для легитимизации коммунистической системы. Игнорируя расовую политику нацизма, они утверждали, что жертвами концентрационных лагерей были в основном борцы коммунистического Сопротивления. Евреев, цыган и гомосексуалистов упоминали лишь мелким шрифтом. Рассматриваемый исключительно с классовых позиций Холокост стал одним из множества преступлений, совершенных нацистами-капиталистами. Именно это механически запоминала в школе немецкая молодежь, в том числе и Инго Хассельбах. Как и их западногерманских сверстников, учащихся ГДР не поощряли критически исследовать эпоху Гитлера⁷.

Вопреки ожидавшемуся результату ритуальный антифашизм Восточной Германии сделал реакционные идеи привлекательными для Хассельбаха и его приятелей-хулиганов. Они полагали, что преступления нацистов были выдуманы коммунистами в пропагандистских целях. Свастика для этой не нашедшей себе места в обществе молодежи стала наиболее ярким способом выразить свое недовольство системой угнетения. Практиковавшийся ими фашистский стиль не столько выражал их твердые политические убеждения,

сколько символизировал подымающийся из глубины души бунт против коммунистических властей. Выросшее к концу 1980-х годов приблизительно до полутора тысяч человек подполье скинхедов в ГДР по большей части не было политизированным. Политика пришла в их жизнь только после падения Берлинской стены, когда западные неонацисты принялись «обучать» своих восточногерманских коллег. С Хассельбахом связались Кюннен и его эмиссары, поставлявшие на восток ботинки военного образца, ножи с выкидным лезвием, военные флаги рейха, расистскую литературу и прочие неонацистские атрибуты. Ультраправые просто расцвели в обстановке хаоса, воцарившегося после ликвидации стены⁸.

Направляемые более опытными западногерманскими неонацистскими лидерами, лишенные иллюзий подростки из ГДР послужили грубой силой в нараставшей цепи уличных акций. 20 апреля 1990 года (101-я годовщина рождения Адольфа Гитлера) после завершения одного футбольного матча в Восточном Берлине 600 бритоголовых устроили массовые беспорядки. Они выкрикивали «Долой красных!», «Хайль Гитлер!», били витрины и нападали на прохожих, которые были потрясены этой демонстрацией насилия. Через месяц большая группа скинхедов собралась у мемориала Маркса и Энгельса на Александерплац — одной из достопримечательностей Восточного Берлина. Здесь они выстроились в форме свастики, демонстративно привлекая к себе внимание. Однако полиция лишь равнодушно наблюдала за происходящим. Подобные демонстрации были организованы и в других городах. Мародерствующие банды неонацистов отметились на большей части территории ГДР. Вспышки ненависти подобного рода совпали с ростом числа преступлений, совершавшихся западногерманскими неонацистами в период подготовки к объединению страны, запланированному на 3 октября 1990 года⁹.

Не все немцы одобряли поспешное слияние. Опасаясь роста праворадикальных настроений, выдающийся немецкий писатель послевоенного времени Гюнтер Грасс напомнил своим соотечественникам, «как однажды они уже быстро уступили национализму». Он утверждал, что после Освенцима Германия недостойна — и никогда не станет достойна — дара объединения. В то время как некоторые полагали, что прошлое Германии станет прививкой против распространения вируса нацизма, Грасс такой убежденности не разделял¹⁰.

Одной из основных тем для Грасса стала неспособность немцев честно отнестись к эпохе нацизма. В своем самом знаменитом произведении «Жестяной барабан» он описывает вымышленный ночной клуб, где посетители совершали особый ритуал разрезания лука, чтобы выжать у себя хоть несколько слез. Эта неспособность к скорби и расплате заставляла предпо-

ложить, что под тонкой коркой западной демократии и изобилия еще продолжала жить старая Германия, радикальная в своих помыслах. Для многих, по словам Гюнтера Грасса, признание вины было лишь «незначительными запоздалыми ритуальными выражениями». Те, кто психологически не переработал воздействие прошлого, передали их, пусть даже бессознательно, Боннской республике, а также сталинской ГДР. Посмотрите, например, на результаты опроса общественного мнения, проведенного летом 1990 года, показавшего, что свыше трети восточных и западных немцев считали: «Нам нечего стыдиться наследия германского фашизма»¹¹.

Рост расистского насилия с момента падения Берлинской стены ясно дал понять, что Германии еще предстоит уладить отношения со своей историей. Начавшееся в фатерланде возрождение неонацизма послужило стимулом для возникновения ультраправых движений в других странах Европы, где неофашисты, ранее нашептывавшие свои идеи с обочин, теперь стали говорить о них на публике во весь голос. Эта проблема, однако, не сильно волновала соседей Германии. Их заботила перспектива оказаться под игмом заносчивого соседа с мощной экономикой, расположенного в центре Европы и мечтающего о возвращении себе статуса великой державы. Ни одно из правительств Европы не испытало большой радости от грядущего объединения Германии.

Опасения относительно истинных намерений немцев только усилились, когда канцлер Коль, заигрывая с местной аудиторией правых «изгнанников», с большой неохотой признал западную границу Польши по Одере и Нейсе. Это было большим вопросом для неонацистов и других немецких реваншистов, считавших, что объединение будет неполным до тех пор, пока к фатерланду не присоединятся Австрия и восточные территории. Чтобы четко обозначить эту позицию, сторонники Михаэля Кюнена организовали несколько шумных демонстраций у польской границы.

И вот, наконец, наступил день объединения, который стал водоразделом в истории Европы. Биполярный мир Ялты закончился, все компасы оказались размагничены, а для неонацистов Германии и других стран открылись новые возможности. По всему миру исчезла существовавшая еще вчера уверенность в завтрашнем дне, вместо нее возникло чувство опасности перед грядущими переменами.

Военизированные формирования и отравляющий газ

«Мы в Берлине, мы в столице рейха, — гремел над залом, полным молодых неонацистов, голос Готфрида Кюсселя (Gottfried Küssel). На лице

32-летнего силача играли желваки. Он размахивал кулаком, рассуждая о героической борьбе «солдата политики»: «Если бы наша душа истинного немца хоть раз закипела бы! Она все еще лишь теплая, но ей надо разогреться, она должна закипеть! Она должна гореть любовью... Мы должны жаждать победы, ни на что меньшее мы не согласны! Будем верны и тверды, как скала: вы — на востоке, мы — на западе... Не успеете вы моргнуть глазом, а мы уже будем в Бреслау, мы уже будем в Кенигсберге». В своей речи он вспоминал города, бывшие немецкими при Гитлере¹².

Кюссель, выглядевший неистово и угрожающе, был одним из главных сподвижников Михаэля Кюнена. Назначенный региональным руководителем «Братских земель Востока» (так неонацисты называли родину Кюсселя — Австрию), он следил за распространением сети Кюнена в Лейпциге, Дрездене, Коттбусе и других городах Восточной Германии. Где бы ни появлялся Кюссель, за ним следовали вспышки расовых конфликтов. Осужденный преступник, называвший Гитлера «величайшим человеком в истории Германии», этот ультраправый фанатик любил петь песни о том, как «пустить евреев на мыло». Дай ему волю, он посадил бы в концентрационный лагерь все правительство Германии¹³.

Кюссель часто посещал сквот скинхедов в Лихтенберге. Однако Инго Хассельбаху не нравилось постоянно получать от него указания. Грубое и властное поведение Кюсселя раздражало и некоторых местных нацистов. В штабе Хассельбаха появлялись и другие люди от Кюнена, однако никто из них не обладал, в прямом и переносном смысле, таким весом, как Кюссель. Мясистый австриец был главой уличной армии Кюнена и находился в числе непосредственных кандидатов на пост фюрера неонацистского подполья. Зараженный ВИЧ Кюнен знал, что жить ему осталось уже недолго. Но этим секретом он не делился ни с кем из своих политических соратников.

Однажды, уже ближе к вечеру, Кюссель заглянул в неонацистскую ночлежку в Восточном Берлине вместе с темноволосым, с гитлеровскими усиками, американцем. Вновь прибывший приветствовал всех присутствовавших нацистским приветствием. Звали его Герхард Рекс Лаук (Gerhard Rex Lauck), и он возглавлял в штате Небраска организацию, именовавшую себя NSDAP-АО («Национал-социалистическая немецкая рабочая партия — иностранный отдел»). Так называемый «Фюрер пояса ферм» («Пояс ферм» — центральные штаты Среднего Запада США, где сосредоточены основные сельскохозяйственные угодья страны. — *Примеч. пер.*) с середины 1970-х годов работал в тесном контакте с Кюненом. Большая часть нелегальных пропагандистских материалов неонацистов, распространявшихся в Германии, поставлялась именно этим нескладным американцем, гово-

рившим по-английски с утрированным немецким акцентом. («Я думаю, что ефрей жил карашо в концентрационный лагерь, — шипел Лаук. — Этот ошипка мы не должны повторять»). К началу 1990-х годов Лаук выпускал разжигавшую ненависть литературу более чем на десятке языков мира, включая французский, голландский, испанский, португальский, датский, шведский, венгерский, русский и, конечно, немецкий и английский. Будучи ключевой фигурой мирового неонацистского подполья, он также распространял компьютерные дискеты с инструкциями по изготовлению бомб и ведению террористических кампаний. Среди других поставлявшихся им продуктов были наклейки на автомобильные бамперы с изображением свастики и соответствующим лозунгом: «Мы вернулись»¹⁴.

Германские неонацисты получали из-за океана и другую помощь. Заместитель Кюнена Гюнтер Рейнталер (Günter Reinthaler) часто ездил в Южную Америку, где собирал пожертвования от состоятельных сторонников нацистов. Часть средств использовалась на закупку вооружений у остатков некогда могучей Советской армии, все еще размещавшейся на территории Восточной Германии. За 300 марок на улицах Берлина можно было практически свободно купить автомат Калашникова, а деморализованные советские солдаты обменивали гранату на бутылку водки. Дополнительное оружие и взрывчатку неонацисты получали в ходе нападений на советские военные склады. Там хранились противотанковые гранатометы, динамит, оружие с лазерным наведением и другие технически сложные системы. «Достать оружие — не проблема. И никогда не было проблемой», — хвастался Кюссель¹⁵.

Одетое в камуфляж войско Кюсселя проводило боевую подготовку в лесу близ Вены. Там они изучали различные способы убийств. На практических занятиях использовались набитые соломой чучела, одетые, как заключенные концентрационных лагерей — в полосатую униформу с нашитыми звездами Давида. Кюнэн и его ближайшие соратники считали подобные учения необходимой подготовкой к дню «Д», когда неизбежный военный конфликт приведет к созданию Четвертого рейха.

Однако в военной подготовке участвовали не все пришедшие в организацию. Большинство «деточек», как называли самых молодых членов, присоединившись к неонацистам, практически ничего не знали ни о Гитлере, ни о нацизме. Кюнэн специально предупреждал своих заместителей о необходимости воздерживаться от тяжеловесных подходов к индоктринации. Новичков следовало подводить к пониманию политических идей постепенно. На первом этапе обсуждавшиеся вопросы должны были сводиться исключительно к жалобам на то, как союзники продолжают угнетать

Германию. Чтобы успокоить чувство вины и возбудить гнев, подросткам говорили, что Холокост — ложь. Однако на этой стадии идеология вообще не играла большой роли. Главное было дать молодым людям, страдающим от недостатка идентичности, возможность почувствовать себя частью общего целого, испытать дух товарищества.

Кюнелю повезло с тем, что в Восточной Германии было много впечатлительных молодых людей, которые после падения Берлинской стены утратили направление в жизни. Смущенные и беззащитные, они постепенно входили в жестокую субкультуру нацизма, который представлял собой тайный мир с собственным языком и мифами, своими героями и своими мрачными ритуалами. Коричневое отродье играло в видеоигры, где очки зарабатывались убийством иностранцев и направлением евреев в газовые камеры. Они слушали музыку скинхедов, что было своего рода способом связать вместе действующих членов общества и привлечь в его ряды новых людей. В Германии регулярно выступало приблизительно 50 рок-групп, пропагандировавших ненависть. Их песни о насилии и хаосе обычно продавались из-под полы. О национал-социалистической ориентации говорили и их названия: «New Storm Troopers», «Fetch the Rope», «Blood and Honor», «White Warrior», «Head Kicked In», «Rescue the Race», «Adolf Hitler, I Love You» («Новые штурмовики», «Тащи веревку», «Кровь и честь», «Белый воин», «Проломленная голова», «Спасите расу», «Адольф Гитлер, я люблю тебя»)¹⁶.

9 ноября 1990 года Германия праздновала первую годовщину падения Берлинской стены в обстановке непрекращающегося насилия со стороны правых экстремистов. Представителей власти критиковали за то, что они забывают историю и не упоминают в своих выступлениях другое 9 ноября — «Хрустальную ночь». В следующем месяце в объединенной Германии прошли первые общенациональные парламентские выборы. Они ознаменовались победой Коля и его Христианско-демократического союза, завоевавшего 43,9% голосов. Любопытно отметить, что точно такой же, вплоть до десятых долей, результат показал Гитлер с нацистами на выборах 5 марта 1933 года — последних общегерманских выборах. Но никто не сравнивал Коля с Гитлером. Образ Гитлера приберегался для иракского диктатора Саддама Хусейна, чья армия незадолго перед этим вторглась в Кувейт.

Пока Соединенные Штаты бряцали оружием и угрожали Багдаду, Михаэль Кюнелен связался с посольством Ирака в Бонне. Его усилия завершились подписанием меморандума о намерениях с иракскими официальными лицами, где указывалось, что Багдад будет финансировать и снабжать антиеврейский легион, укомплектованный неонацистскими наемниками из

Германии и других стран. Так называемый международный «Корпус свободы» должен был оказать Ираку содействие в случае возможного вторжения со стороны Соединенных Штатов. Кюннен, который должен был возглавить первую бригаду добровольцев, высоко оценивал Саддама Хусейна как борца за свободу. «У нас общие замыслы — создание мест проживания для различных людей и рас в соответствии с их собственной культурой и традициями». Называя Кувейт «иракской Силезией», Кюннен утверждал, что арабы были не марксистами, а националистами — «такими же, как мы», более того, даже с общим врагом — «Соединенными Штатами и поддерживающими их силы сионистами». Однако боевая ценность неонацистов, живописно круживших вокруг Багдада в форме SS, оказалась ничтожной. Как только на столицу Ирака стали падать первые бомбы, Кюннен со своим воинством поспешил обратно в Европу¹⁷.

Воинство Кюннена было не единственными фашистами, поддержавшими Саддама в ходе войны в Персидском заливе 1991 года. «Республиканцы» также направили в Багдад своего представителя. Там он был тепло встречен руководством страны. Жан-Мари Ле Пен из французского «Национального фронта» также был принят Саддамом с надлежащими почестями. Несколько английских неонацистов прибыли в Ирак незадолго до начала блицкрига во главе с американцами. Белые расисты Южной Африки также выразили Саддаму свою поддержку. Неудивительно, что Кюннен немедленно выступил с одобрением ракетных ударов Ирака по Израилю. Даже если бы Саддам Хусейн прибег к биологическому и химическому оружию, утверждал руководитель немецких неонацистов, он все равно заслуживал бы уважения за то, что выступил против Соединенных Штатов¹⁸.

Шум, поднятый Кюнненом по поводу Ирака, странным образом совпал с раскрытием информации о тайной политике, уже 10 лет проводившейся Бонном в отношении этой страны. При полной осведомленности и содействии со стороны федерального правительства и разведки BND десятки немецких фирм эффективно помогали Саддаму Хусейну создавать один из самых разнообразных арсеналов нетрадиционных вооружений в мире. Несколько крупнейших западногерманских компаний поставили необходимое оборудование и технологии для производства ядерного, химического и биологического оружия. Другие страны, включая и Соединенные Штаты, также получили свою долю от создания в 1980-е годы высокотехнологичной иракской машины смерти, однако вклад Бонна превзошел усилия всех остальных государств. Кроме создания подземного бункера Саддама и увеличения дальности действия ракет «Скад», чтобы достичь Израиля, немецкие инженеры спроектировали новые системы доставки отравляю-

щих газов, а также оказали местным специалистам содействие в разработке наиболее эффективных путей обогащения урана с целью использования его в ядерном оружии¹⁹.

Западногерманские компании, включая Siemens и другие фирмы, наживавшиеся на использовании рабского труда узников нацистских концлагерей, также приняли участие в возведении завода по производству химического оружия в ливийской Рабте²⁰. Ключевой фигурой в этой схеме был Фолькер Вайсхаймер (Volker Weissheimer), один из находившихся в тени ветеранов Третьего рейха. Во время войны его усилия в области разработки «специальных вооружений» были особо отмечены самим Гитлером. До того как заняться планами ливийского завода по производству боевых газов, Вайсхаймер принял участие в ряде бизнес-проектов Отто Скорцени. (В одном из рекламных проспектов компании RMS-Volker Weissheimer Group Скорцени был указан в качестве представителя в Испании и Северной Африке.) После смерти любимого командо Гитлера Вайсхаймер продолжал поддерживать связи с нацистами, появляясь на ежегодных встречах «старых друзей» Скорцени в одной из гостиниц Франкфурта²¹.

Официальные лица Западной Германии были в курсе разведдонесений BND об истинном предназначении завода в Рабте, однако Бонн в течение нескольких лет не предпринимал никаких попыток помешать деятельности компаний, предоставлявших Ливии смертоносные технологии. Когда Соединенные Штаты потребовали официального расследования, канцлер Коль обвинил Вашингтон в попытке развернуть кампанию по очернению его страны. После долгого сопротивления Коль наконец признал, что завод по производству химического оружия был построен Каддафи с помощью немецких фирм. «Мы всегда конфликтовали с немцами относительно того, что они делали в Ливии и других странах, — вспоминал Дуглас Джонс (Douglas Jones), сотрудник американской дипломатической службы. — Они продавали химикаты для производства удобрений, которые на месте сразу же перерабатывались в нечто намного более смертоносное... Коль утверждал, что не в состоянии до конца контролировать этот процесс, однако на деле все было совершенно по-другому»²².

Новый виток напряженности в отношениях Вашингтона и Бонна начался во время войны 1991 года в Персидском заливе. Невзирая на введенное ООН торговое эмбарго, более 50 немецких фирм продолжали снабжать Ирак деталями ракет, химическими веществами и современным техническим оборудованием практически до самого начала военных действий американцев против Багдада. Канцлер Коль вновь проигнорировал неоднократные требования правительства США расследовать эту незаконную

коммерческую деятельность. Позже выяснится, что спецслужба BND вела подготовку подразделений тайной полиции Ирака и Ливии²³.

Желание Германии идти своим собственным путем на международной арене вскоре привело к острому конфликту с западными союзниками.

Воспитание нового фюрера

8 апреля 1991 года сотня молодых людей, лица которых были закрыты лыжными масками, собралась во Франкфурте-на-Одере, восточногерманском городе, находящемся на границе с Польшей. Они пришли для того, чтобы протестовать против безвизового допуска в Германию польских туристов. Демонстрация была проанонсирована за несколько дней до ее проведения в специальной листовке, где под заголовком «Неонацисты прибывают на Одер» говорилось о «фюрере Кюнене». Не обращая внимания на полицию, толпа зигующих молодчиков кидала камни и пивные бутылки в автомобили и автобусы. Десятки людей, пытавшихся въехать в Германию, были травмированы стеклянными осколками. В течение того же месяца скинхеды нападали на польских путешественников еще в нескольких городах Германии, что заставило польские власти заявить официальный протест немецкому послу в Варшаве по поводу случаев насилия и бездействия немецких правоохранительных органов.

Вспышка насилия на польской границе была прощальным поклоном Кюнена. Ослабленный ВИЧ, истощенный лидер неонацистов понимал, что его конец близок. В течение некоторого времени он объяснял резкую потерю веса усиленными физическими упражнениями. Однако его ближайший друг Кристиан Ворх (Christian Worch) понимал: что-то идет не так. С фанатичным упорством Кюнэн продолжал политическую деятельность до тех пор, пока не стал уже с трудом передвигаться. Не в состоянии больше скрывать правду о своей болезни, он все рассказал Ворху²⁴.

25 апреля 1991 года Кюнэн умер в одной из больниц Касселя. Агентство «Франс пресс» посмертно назвало его «наиболее выдающимся и красноречивым сторонником нацизма со времен Второй мировой войны». Для своих последователей он стал своего рода неонацистским Моисеем, который вел их в обетованную землю национал-социализма, так и не добравшись до нее сам²⁵.

На траурную церемонию в Касселе собрались десятки видных деятелей ультраправых. Среди пришедших отдать последний долг был и представитель Stille Hilfe, организации, основанной 40 годами ранее для оказания финансовой и материальной помощи ветеранам Третьего рейха, осужденным

за военные преступления. Будучи одним из подразделений международной послевоенной системы взаимопомощи SS, организация изначально возглавлялась доктором Рудольфом Ашенауэром, адвокатом на Нюрнбергском процессе и пропагандистом Социалистической имперской партии. В Соединенных Штатах главой *Stille Hilfe* был Кейт Томпсон. К моменту смерти Кюнена он продолжал поддерживать группу деньгами. Подчеркивая связь между старой гвардией и новым поколением неонацистских активистов, венки от *Stille Hilfe* были украшены девизом SS: «Михаэль Кюнен: его честь — верность»²⁶.

Смерть Кюнена создала вакуум в руководстве именно в тот момент, когда неонацистское движение вновь набирало ход. К тому времени жестокие преступления на почве национализма стали повседневной реальностью объединенной Германии, где расизм уверенно заявил о себе. Совершалось много бандитских нападений, включая происшествия, в ходе которых жертву жестоко избивали ногами. Зачастую это насилие провоцировалось организованными группами неонацистов, целью которых были постоянные нападки на цыган и другие этнические меньшинства. Поджоги общежитий для эмигрантов, появление все новых банд скинхедов, осквернение памятников жертвам концентрационных лагерей и солдатам Красной армии — все это было выражением неофашистского возрождения, набиравшего обороты с момента падения Берлинской стены. Однако, вместо того чтобы сосредоточиться на общей картине, сподвижники Кюнена в основном спорили по второстепенным вопросам — например, уместно ли немецкому националисту есть итальянскую пищу или китайскую еду.

Более важные вопросы встали на повестку дня 1 мая, когда через неделю после кончины Кюнена в Коттбусе, восточногерманском городе земли Бранденбург, собралось 250 неонацистов. Целью встречи было определить стратегию и выбрать нового после Кюнена лидера. Кюнен создал целую сеть разбросанных по всей стране групп с разными названиями. Хотя казалось, что они действуют как независимые единицы, на деле они входили в общенациональную сеть ячеек, неофициально известную под именем «Патриотическое сообщество нового фронта» (*Gesinnungsgemeinschaft der Neuen Front*). В качестве преемника Кюнена на посту руководителя «Нового фронта» предполагался австриец Готфрид Кюссель. Однако этот здоровяк был арестован и помещен в предварительное заключение властями своей страны, даже не успев проявить себя, в качестве лидера «Нового фронта». Позднее его приговорили к 10 годам тюрьмы²⁷.

Поскольку Кюссель оказался за решеткой, власть над сетью Кюнена и прикрывавшими ее группами взяла в свои руки неонацистская хунта

из нескольких человек. Настоящим закулисным мозгом был Кристиан Ворх. Миллионер обладал недюжинным организаторским талантом, компенсировавшим его непрезентабельную внешность. Как душеприказчик Кюнена и его доверенное лицо в течение многих лет Ворх пользовался глубоким уважением среди ультраправых. Проведя четыре года в тюрьме, он мог дать совет своим сверстникам, как высказывать свои заразные взгляды, формально не нарушая никаких законов. (Одной из уловок было так называемое приветствие Кюнена на демонстрациях: на руке, поднятой в нацистском приветствии, вперед протягивалось только три пальца.) Армейская разведка США характеризовала Ворха как «страстного неонациста». Его квартира располагалась в достаточно престижном районе Гамбурга, а вход в нее защищала сейфовая дверь. Здесь он фигурировал как руководитель местной экстремистской группы, называвшейся «Национальный список» (National List). Личным кумиром 34-летнего неонациста был глава пропагандистского аппарата нацистов Йозеф Геббельс. «Он был своего рода артистом, — говорил Ворх про Геббельса. — Пропаганда была для него тем, чем для других людей является искусство»²⁸.

В отличие от многих своих друзей, Ворх знал пределы своих возможностей. В основном он удовлетворялся тем, что, оставаясь в тени, искусно руководил происходящим, в то время как несколько будущих фюреров боролись за место под светом прожекторов. Главным претендентом на неонацистский трон, несмотря на то что ему было еще 20 с небольшим лет, считался Франк Хюбнер (Frank Hübner). Бывший восточногерманский хулиган с внешностью кинозвезды, Хюбнер стремительно набирал популярность как руководитель организации «Германская альтернатива» (Deutsche Alternative), созданной Кюненом незадолго до смерти. Одетый в куртку, Хюбнер председательствовал на еженедельных встречах в пивной Коттбуса, где собирались члены «Германской альтернативы». Фанатики ультра национализма осуждали смешение рас, называя его «этническим убийством», и призывали ни много ни мало к воссозданию Германии в границах 1410 года — вершине развития Священной Римской империи. Основной проблемой Хюбнера было отсутствие опыта — он присоединился к сети Кюнена лишь в 1989 году²⁹.

Этого недостатка был лишен Бела Эвальд Альтханс (Bela Ewald Althans), еще один молодой и харизматичный лидер неонацистов. Он уже 10 лет был членом основного ядра боевиков, в течение нескольких лет обучался у своего бывшего руководителя, генерал-майора Отто-Эрнста Ремера. Позднее Альтханс создал свою собственную группу «Предприятие по обучению германской молодежи», привлекающую в свои ряды массу одетых в черные

кожаные куртки последователей. Свободно говоривший по-английски и по-французски, а также способный выразиться витиеватыми фразами, он совершенно очевидно был восходящей звездой среди правых экстремистов Германии.

После падения Берлинской стены 23-летний Альтханс стал своего рода самозванным пресс-секретарем неонацистского движения. У него был хорошо оборудованный офис в Мюнхене, откуда он руководил своей PR-фирмой, продавал расистскую литературу, значки и стикеры для пропаганды своих политических взглядов. Расположенный в фешенебельном районе, облюбованном адвокатами и финансистами, штаб Альтханса был легко заметен благодаря большому портрету Адольфа Гитлера, хорошо видимому в окна первого этажа. «Это открытый национал-социализм, — заявил он в интервью, данном в 1992 году. — Мне нравится провоцировать людей»³⁰.

Фигура почти двухметрового Альтханса, с коротко постриженными светлыми волосами и голубыми глазами, излучала уверенность в себе. Он спокойно говорил о своей ненависти к евреям и иностранцам, решимости вернуть так называемые восточные территории, своей твердой преданности делу Гитлера («Я являюсь живым свидетельством того, что Гитлер может вернуться!»), радости, которую вызывал у него рост неонацистского движения. «Я могу воспользоваться своим умом, чтобы найти работу в нынешней системе, заработать много денег и жить весело, — уверял он. — Однако мне этого не надо. Я думаю о будущем. Я думаю о власти. Я думаю о том, что система умирает, а когда система умирает, людям будут нужны герои».

Перемежая свои рассуждения цитатами из Ницше и других писателей, Альтханс олицетворял собой новое, элегантное лицо германского экстремизма — неонациста-яппи с утонченными манерами и развитым интеллектом, ценящего хорошее шампанское. Это представляло разительный контраст с толпой покрытых татуировками со свастикой скинхедов, сеявших хаос по всей Германии. С высоты своего достоинства Альтханс насмешливо говорил о неистовых неонацистских люмпенах как о малообразованных людях, «плохо знавших Гитлера». В то же самое время он признавал их пользу в качестве пушечного мяса при борьбе за идею. «Если бы ребята не дебоширили, обо мне никто бы и не вспомнил», — усмехался Альтханс³¹.

По его собственным словам, Альтханс родился «в типичной семье среднего класса» в западногерманском Ганновере. Его отец и мачеха воспитывали его в духе отрицания нацизма и уважения к правительству, однако Альтханс достаточно рано стал бунтарем. В свои 13 лет он попал под влияние группы ветеранов Третьего рейха, оценивших его лидерские задатки и начавших взращивать из него свою мечту, человека, который

сможет возродить национал-социализм. Альтханса обучали нацистской философии, ораторскому искусству, тайным партийным знаниям. «Я был потрясен гением фюрера. Он создал бесклассовое общество и проложил путь к сверхцивилизации», — вспоминал Альтханс, который изучал старые документальные фильмы о Гитлере, запоминал фрагменты его речей и учился копировать его жесты.

В начале 1980-х годов он присоединился к Михаэлю Кюену, возглавив ганноверское отделение «Фронта действий национал-социалистов» (Aktionsfront Nationaler Sozialisten) до того, как деятельность этой организации была запрещена правительством. Когда Кюен отправился в тюрьму, Альтханс принялся искать нового учителя. Исключенный из школы и отрекшийся от родителей подросток-бунтарь поселился у Эрнста Ремера, недавно переехавшего в Бад-Киссинген, маленький городок в горах Баварии. «Ремер стал моим политическим отцом. Это живая история, — признавал Альтханс. — Я стал частью его семьи. Он помог мне встать на ноги, предоставил мне кров, когда мне некуда было идти».

Ремер оказал влияние на целое поколение неонацистской молодежи, однако Альтханс, несомненно, был его первым учеником. Старый нацист взял его под свое крыло, объяснил, как организовать партийную ячейку, познакомил с ключевыми представителями международного фашистского подполья. Эвальд (Альтханс предпочитал свое второе имя, поскольку оно звучало по-тевтонски) возглавил молодежную секцию «Немецкого освободительного движения» (Die Deutsche Freiheitsbewegung), созданного Ремером в середине 1980-х годов. Целью движения было заключение нового соглашения между Германией и Советским Союзом по образцу Рапальского договора 1922 года. «Важнейшей идеей, которую мне привил Ремер, был тезис о том, что Германии нужна Россия, — объяснял Альтханс. — Так думал и Бисмарк».

Ремер давал своему воспитаннику советы самого разного характера, а также познакомил его с книгами, о которых жадный до чтения Альтханс никогда не слышал. Один из текстов, предложенных Ремером, принадлежал перу малоизвестного автора по имени Улик Варандж (Ulick Varange, псевдоним Фрэнсиса Паркера Йоки). Он также дал Альтхансу экземпляр «Империи» Йоки и посоветовал внимательно его прочитать. «Это важно», — настаивал Ремер.

Политические знания, полученные Альтхансом с помощью Ремера, убедили его в том, что страна обманута нечистоплотными историками, журналистами и правительственными чиновниками, целью которых было заставить немцев испытывать стыд и вину за то, что произошло в эпоху

нацистов. Согласно Ремеру, все это были звенья единого заговора с целью оправдать выплату репараций Израилю и обеспечить послевоенное господство Соединенных Штатов. «Америка колонизировала Германию, и люди устали от этого, — говорил Альтханс. — Мы должны устранить из нашей культуры все чуждое, не имеющее отношения к Германии».

В сентябре 1988 года, все еще работая у Ремера, Альтханс совершил первую из поездок в Соединенные Штаты. В течение месяца он жил в районе Бруклина Howard Beach. Именно там произошло широко освещавшееся прессой преступление расистов — убийство чернокожего подростка. Альтханс купил себе старый «шевроле» 1957 года выпуска и отправился через всю страну в Южную Калифорнию, где остановился у бывшего «Великого дракона» Ку-клукс-клана Тома Метцгера (Tom Metzger), гуру американских бритоголовых неонацистов. Несмотря на то что Метцгер всегда хвалил скинхедов как «бойцов первой линии», никогда не брился налысо. Весьма удачно названный «крысоловом ненависти», он возглавлял группу, именованную «Белое арийское сопротивление» (White Aryan Resistance, WAR). Эта группа устроила несколько концертов, названных «Рейх-н-ролл», а также не пользовавшийся особой популярностью «Арийский Вудсток». В попытке «перехватить инициативу у левых» WAR выступала за защиту окружающей среды, единство рабочего класса, а также расовую солидарность белого населения Соединенных Штатов и России.

Хотя Метцгер называл себя последователем нацистского «еретика» Грегора Штрассера, он радушно принял молодого гитлеровца Эвальда. Альтханс появился в еженедельной программе «Раса и разум». Она выпускалась Метцгером на кабельном канале, вещавшем в нескольких американских городах. Вскоре после того как Альтханс посетил Метцгера в городе Портленд, штат Орегон, бритоголовыми был убит мужчина-эфиоп. Метцгер был осужден за подстрекательство к нападению, названному на телефонной горячей линии WAR «исполнением гражданского долга»³².

Как Метцгер, так и Альтханс восхищались чернокожим мусульманским проповедником Луисом Фарраханом, чьи антисемитизм и призыв к расовому разделению звучали крайне привлекательно для многих неонацистов. «Этот человек мне по-настоящему нравится», — отмечал Альтханс, поддерживавший мысль Фаррахана о том, что евреи оказывают вредное воздействие на Соединенные Штаты. Евреи, утверждал Альтханс, контролируют все — от Белого дома до Уолл-стрит и СМИ. Евреи руководят Голливудом. Они руководят даже кинопромышленностью Германии. «Нам нужна Германия для немцев, а не для евреев», — настаивал он³³.

В ходе телетрансляции Альтханс внезапно прервал свою предсказуемую антисемитскую тираду и заявил, что у евреев ему нравится одна вещь: «Они могут смеяться над собой. Немцы абсолютно не умеют смеяться над собой».

«Эвальд, у тебя прекрасное чувство юмора. Может быть, в тебе тоже есть еврейская кровь?» — предположил я.

«Не думаю, — быстро ответил он, сверкнув глазами. — Я проверял и уверен, что это не так».

«Думаю, ты подтвердил свою мысль о том, что немцы очень серьезны, ведь я просто пошутил».

Альтханс на несколько секунд замер ошеломленно, а потом расхохотался.

Кадровое строительство

В прокуренном зале Lownbraukeller, одной из самых больших и известных пивных Баварии, собралось 800 человек. В столбах вечернего света, пробивавшегося сквозь большие окна на фасаде здания, был виден строй молодых людей в коротких кожаных куртках, стоявших у трибуны, размахивая имперскими военными знаменами и держа над головой транспаранты «Warhheit macht frei!» («Правда освобождает!»). Лозунг был очевидной вариацией на тему знаменитого девиза концлагерей «Arbeit macht frei» («Труд освобождает»). Неожиданно в зале появились несколько человек, наряженных ослими, которые принялись носиться между столами. Маскарад был устроен, чтобы высмеять Холокост, и собравшиеся радостно встретили его. Те, кто принимает за истину факт уничтожения в ходе Второй мировой войны шести миллионов евреев, были представлены ослими, готовыми поверить во все что угодно.

Прошедшее в Мюнхене 20 апреля 1990 года сборище «негацианистов» было организовано Белой Эвальдом Альтхансом. Дата была выбрана не случайно — это был день рождения Гитлера. На приглашение откликнулось множество апологетов нацистов, включая и Отто Эрнста Ремера, самочувствие которого заметно ухудшилось после перенесенного несколько месяцев тому назад инсульта. Собравшаяся в Lownbraukeller молодежь уважительно приветствовала человека, бывшего одним из последних звеньев, связывавших их с эпохой Гитлера. Хотя многие из присутствовавших порой ожесточенно спорили между собой, сегодня они забыли про это, чтобы сосредоточиться на общей теме, выраженной Альтхансом с присущей ему афористичностью: «Холокост — это фальшивка. Трупы, газовые камеры,

массовые убийства сняты Голливудом. Текст Тревор-Ропера, постановка Хичкока»³⁴ (Тревор-Ропер — английский историк, специализировавшийся на истории нацистской Германии. — *Примеч. пер.*).

Съезд «негацианистов» в Мюнхене был грубым нарушением германского законодательства, запрещающего отрицание Холокоста³⁵. (В 1985 году, после долгих лет юридических споров, Бундестаг принял закон об отрицании Холокоста, который в соответствии с популярной политической тенденцией релятивизации Освенцима приравнял послевоенное изгнание немцев из Восточной Европы к нацистскому Холокосту). Однако владельцы *Lohnbraukeller* договорились с полицией о невмешательстве. Основному выступавшему — английскому писателю Дэвиду Ирвингу (David Irving), иронично напомнившему о нацистских зверствах в полной шуток речи, — собравшиеся устроили овацию, встав с мест. Исторический анализ Дэвида Ирвинга, очевидно, произвел впечатление и на канцлера Гельмута Коля, на Новый год подарившего книгу этого автора одному из своих спичрайтеров³⁶.

Среди ближайших немецких соратников Ирвинга был приземистый лысоватый демагог по имени Карл Филипп (Karl Philipp). Он походил на спутника Робина Гуда отца Тука, только одетого в кожаные баварские шорты. В свои 50 лет Филипп был «большой шишкой» среди ревизионистов. Его политическая биография включала публикации в «CODE», ультраправом ежемесячном журнале, издававшемся Экхадром Франке-Грикшем. (Его отец, Альфред Франке-Грикш, был пророссийски настроенным руководителем «Братства». Он загадочно исчез в ходе тайной поездки в Восточный Берлин в начале 1950-х годов.) Франке-Грикш-младший прибыл на съезд в Мюнхене вместе с Карлом Филиппом, который помогал Альтхансу в организации мероприятия³⁷.

После того как Ремер перенес инсульт, Филипп стал его сиделкой на полдня. Обычно он находился рядом с 80-летним нацистом, когда тот принимал журналистов в своем доме в Бад-Киссингене. Подкрепив себя несколькими рюмочками шнапса, Ремер располагался в гостиной, украшенной бюстом Бисмарка, большой фотографией Гитлера, а также медальоном от Социалистической имперской партии. Практически без наводящих вопросов он рассказал мне [автору книги] о своей вечной привязанности к фюреру и фанатичной ненависти к евреям: «Это наши смертельные враги. Им нечего здесь делать. Их всех надо убить!»³⁸

«Ладно, ладно, — сказал Филипп, нежно успокаивая старика. — Мы ведь не хотим никого убивать, правда?»

Ремер продолжил вспоминать различные эпизоды своей послевоенной карьеры. Он рассказывал о времени, проведенном советником у Насера,

а также о перевозке контрабанды для алжирских повстанцев. Он также очень тепло отзывался о своем добром друге Отто Скорцени.

Ремер, практически не задумываясь, высказывал свое мнение о различных ближневосточных лидерах. Когда США нанесли бомбовый удар по Триполи, якобы в отместку за теракт в Западном Берлине, он осудил «гангстерские приемы» Рейгана.

«Что вы можете сказать о Каддафи?»

«Хороший человек, немного сумасшедший, но точно знает, чего он хочет».

«А аятолла Хомейни?»

«Каждого, кто доставляет неприятности Соединенным Штатам, можно только приветствовать».

Разговор неизбежно коснулся России, которую Ремер все еще рассматривал как главную надежду белых людей. «На кону стоит выживание белой расы, — настаивал он. — Русские — белые люди. Они в тысячу раз ближе к нам, чем проклятые американцы, перемешавшиеся черт знает с кем».

После двухчасовой беседы Ремер направился в свой рабочий кабинет, чтобы посмотреть новости по телевизору. После одного из сюжетов он потрянул головой и крикнул: «Чтобы поправить дело, нам нужен новый Гитлер». Через несколько минут телохранитель фюрера задремал.

Пока он спал, на цокольном этаже несколько пожилых женщин упаковывали в конверты письма, видеокассеты, брошюры и экземпляры собственного новостного бюллетеня Ремера «Ремер сообщает» («Reimer Despeche»), продолжавшего вещать о «мифе» Холокоста. «Газовых камер не было. Геноцида евреев не было», — зудел «Despeche». Когда усовершенствованные немецкими техниками иракские ракеты «Скад» в ходе войны 1991 года в Персидском заливе начали наносить удары по Израилю, Ремер утверждал, что эти удары инсценированы евреями с целью получить дополнительные средства от Бонна. В открытом письме президенту Германии Рихарду фон Вайцзеккеру он напыщенно утверждал: «Год за годом вы унижались перед этими изощренными еврейскими врунами, и это вызывало тошноту у честных граждан Германии...»³⁹

Пронацистские и антисемитские заявления Ремера спровоцировали длительную судебную тяжбу с Федеративной Республикой. В 1985 году он был осужден за клевету на мертвых путем распространения материалов, утверждавших, что Холокост был всего лишь уловкой. Разъяренный подобным решением суда Ремер обозвал находившихся у власти христианских демократов жабами. Затребованное по процедурным причинам повторное судебное разбирательство было отложено в связи с плохим состоянием

здоровья Ремера. Региональный суд позднее приговорил его к 22 месяцам тюрьмы за подстрекательство и распространение расовой вражды. Однако Ремер продолжил издание своего «Despeche», находясь на свободе в ожидании рассмотрения апелляции.

Когда Ремер, немного подремав, проснулся, был подан обед, а затем в гостиной продолжилась беседа. «Я вижу, что перед нами открываются очень большие возможности», — сказал он в проходившем в апреле 1992 года интервью, отвечая на вопрос о возрождении неонацизма в Германии. В то же время он признал, что испытывает смешанные чувства по отношению к скинхедам: «Мне не нравится создаваемый ими образ, однако в политический бой вступаешь с самыми разными людьми, с теми, кто оказывается под рукой». Отвечая на вопрос о бывшей Германской Демократической Республике, он заметил: «Многие молодые люди, в особенности из Восточной Германии, интересуются политической деятельностью. Многие из них мыслят более здраво и не так развращены деньгами, как люди Запада».

«Что является сегодня самой сложной проблемой для неонацистов?» — спросил я.

«У нас нет сильного лидера», — ответил он.

Когда-то Ремер надеялся, что эту роль сможет сыграть повзрослевший Бела Эвальд Альтханс, однако ученик подвел его. «Альтханс жил в этом доме. Мы с женой стремились воспитать его в нужном духе. Он толковый парень и мог стать кем-нибудь», — с сожалением заметил Ремер, покачав головой. Его голос затих.

Он понимал, конечно, что Альтханс его предал. Тот покинул «Немецкое освободительное движение» после того, как бывший телохранитель Гитлера перенес инсульт. В силу ухудшения здоровья влияние Ремера в среде неонацистов упало. Однако он был слишком упрям, чтобы признать, что ему уже недостает выносливости для того, чтобы участвовать в длительной политической борьбе. «Он еще был в состоянии произнести пятнадцатиминутную зажигательную речь, — вспоминал Альтханс. — Он вполне мог играть роль пожилого государственного деятеля, но его это не интересовало. Он всегда хотел быть генералом. Такой человек, как Ремер, никогда не смог бы примириться с тем фактом, что его место занял человек моложе его и с меньшим опытом».

С момента падения Берлинской стены Альтханс выступал в роли странствующего посланника неонацистов. В этом качестве он регулярно встречался с правыми экстремистами Европы, Северной и Южной Америки, Южной Африки. Среди его знакомых во Франции был Иван Бло (Ivan Blot), один из главных помощников руководителя «Национального фронта»

Жана-Мари Ле Пена, невзирая на утверждения последнего о том, что его партия не имеет ничего общего с неонацистами. Альтханс также подружился с руководителями CEDADE, испанской неонацистской группы, созданной с помощью Отто Скорцени. Каждый ноябрь CEDADE проводила торжественный съезд в честь генерала Франсиско Франко, на который собирались фашисты из многих стран. Альтханс вместе с другими немцами принимал участие в этом ежегодном паломничестве, позволявшем укрепить старые связи и установить новые⁴⁰.

Некоторые из зарубежных знакомых Альтханса начали ежегодно приезжать в Германию, чтобы принять участие в памятных мероприятиях, связанных с годовщиной смерти заместителя Гитлера Рудольфа Гесса. В возрасте 93 лет он после десятилетий пожизненного заключения повесился на электрическом проводе. Мемориальные мероприятия в честь Гесса вскоре стали важным элементом деятельности международного неофашистского сообщества. В августе 1991 года в Байройте собралось две тысячи ультраправых с целью принять участие в демонстрации в память Гесса, организованной Кристианом Ворхем и заранее разрекламированной Альтхансом. До воссоединения Германии невозможно было даже предположить, что такая большая группа неонацистов со свастикой и знаменами сможет публично пройти церемониальным маршем. Однако времена, к радости Альтханса и его товарищей, очень быстро поменялись.

Альтханс принадлежал к элитному кружку молодых неонацистских лидеров, вливших свежую кровь в движение немецких ультраправых. Согласно данным Федеральной службы защиты конституции Германии, число организованных правых экстремистов резко выросло с 32 тысяч в 1990 году до 40 тысяч в 1991-м (в это число не входили 28 тысяч членов партии «Республиканцы», официально не считавшейся экстремистской организацией). Примерно пять тысяч убежденных неонацистов были «лезвием ножа» ультраправых, объединенных в 76 различных организаций.

Никогда не отходя далеко от установленного в автомобиле телефона или факса, Альтханс носился по всей Германии на своем БМВ, плетя паутину связей и пытаясь объединить разрозненные экстремистские группы в эффективную политическую силу, способную бросить вызов правительству Германии. Он даже сотрудничал с ультраправыми политическими партиями, которые воздерживались от упоминания неонацизма в своих предвыборных кампаниях. Этот тактический компромисс не беспокоил Альтханса, обозначавшего свою основную задачу как «кадровое строительство». «Мы занимаемся кадрами, — объяснял он. — На практике это означает, что в каждой националистической группе Германии у меня есть два-три человека,

через которых я могу осуществлять свое воздействие. Это делает меня опасным с политической точки зрения, поскольку у меня везде есть свои люди».

Альтханс и Ворх также восстановили связи с неонацистами, порвавшими с Кюненом из-за гомосексуализма последнего. Смерть Кюнена облегчила процесс воссоединения ранее враждовавших групп. «Действительно, между группами националистов существуют определенные различия, — признавал Ворх. — Все по-своему понимают, что такое национал-социализм. Но различия между нами очень незначительны, а вот между нами и нашими врагами — громадны»⁴¹.

Неонацистские стратеги увидели свой шанс в быстром переходе Восточной Германии от коммунизма к капитализму. К середине 1992 года безработица на территории бывшей ГДР достигла 40%⁴². Эйфория от вновь обретенной свободы быстро улетучилась вместе с падением уровня жизни на востоке страны. Сотни тысяч госслужащих, а их в Восточной Германии было множество — от школьных учителей до дворников и чиновников правительственных структур — лишились работы. Это было частью лихорадочной кампании Бонна по удалению коммунистов с постов, где они могли сохранить какое-то влияние. Подобный процесс резко контрастировал с неспешными шагами по денацификации, предпринимавшимися Западной Германией после Второй мировой войны.

Когда обещанные канцлером Коелем лучшие времена так и не настали, многие восточные немцы разочаровались в демократии и стали с теплотой вспоминать «недобрые» старые дни в ГДР с гарантированной работой и системой социальных услуг. Сократились число заключаемых браков и рождаемость, резко выросла преступность, а медицинские центры наводнили люди, оказавшиеся не в состоянии справиться со страхом перед неопределенным будущим. Усиливали травму требования о восстановлении прав собственности со стороны западных немцев, претендовавших на пять миллионов домов на востоке. Последовавшие за этим судебные споры только усилили наступившее после объединения похмелье, приведя к заметному росту напряженности в отношениях между западом и востоком страны. Восточные немцы ощущали себя людьми второго сорта, а их западноевропейские родственники сокрушались по поводу того, что им приходится платить более высокие налоги для восстановления разрушенной экономики бывшей ГДР. В то время возникла популярная шутка: «Почему китайцы счастливее немцев? Потому что у них сохранилась их стена»⁴³.

Среди тех, кто ощутил наиболее сильный удар от перемен, была молодежь Восточной Германии. Поддерживавшиеся государством кинотеатры и молодежные клубы, куда они раньше частенько наведывались, после

ликвидации ГДР были закрыты. В тоске и разочаровании они стали легкой добычей для опытных неонацистских злоумышленников, таких как Эвальд Альтханс, чьи антидемократические пассажи зачастую окрашивались призывами к насилию. «По всему миру они безуспешно пытаются насадить демократию, — говорил Альтханс. — Однако люди востока не стали свободнее, чем раньше. Они только сменили старые ржавые цепи на новые, золотые. В Германии мы говорим: Русские украли свободу, но Америка крадет душу. Единственным выходом для нас является национал-социализм». Он предсказывал, что теперь, с распадом коммунизма, «капитализм будет рушиться быстрее».

Вульгарный антикапитализм, пропагандировавшийся Альтхансом, задел за живое сумрачный восток. Здесь неонацистские агитаторы нашли себе благодарную аудиторию. Идеи Альтханса были привлекательны для многих молодых людей, выброшенных на обочину жизни, отчасти и потому, что в них говорилось об агрессивной национальной идентичности, способной заменить память об исчезнувшей стране. Его попытки возложить вину на гастарбайтеров и беженцев представлялись тем более убедительными, что Гельмут Коль и другие популярные политики тоже стали искать козлов отпущения именно в этой среде.

Немецкая банда

В попытке отвлечь внимание от нарушенных обещаний своего правительства и трудностей с организацией процесса объединения канцлер Коль, исходя из политической целесообразности, указал пальцем на иностранцев. Он, как и другие руководители Христианско-демократического союза, осознавал весь тот потенциал популярности, который был заложен в расово окрашенном национализме. Партия не могла отказаться от соблазна завоевать дополнительные голоса путем продвижения ложных концепций, полуправды и откровенной лжи о беженцах. Их выставляли в качестве соперников в борьбе за ограниченные ресурсы, которые требовались и многим немцам. В Германии, общее население которой составляло 77 миллионов человек, проживало порядка шести миллионов иностранцев, включая почти два миллиона турецких гастарбайтеров.

«Германия не допускает к себе иммигрантов», — снова и снова повторял Коль, отказываясь признать, что гастарбайтеры, массовый приток которых в страну приветствовался на волне экономического бума конца 1950-х — начала 1960-х годов, заплатили в качестве налогов, социальных и пенсионных от-

числений намного больше, чем получили в ответ от государства. Несмотря на то что лицам, прибывшим в Германию в поисках убежища, официально запрещалось работать, они обвинялись в том, что занимают предназначенные немцам рабочие места. Прибегая к популярным неонацистским высказываниям, видные христианские демократы связывали иностранцев с наркоторговлей, махинациями с социальными выплатами и серьезными преступлениями⁴⁴.

Однако в частных беседах люди из ближнего круга Коля признавали, что проблема иммиграции была надуманным поводом. Вольфганг Шойбле, жесткий лидер Христианско-демократического союза, возглавлявший переговоры по объединению между двумя Германиями, откровенно сказал в беседе с высокопоставленным немецким чиновником, что страна имеет экономическую возможность успешно принять большое число беженцев (только в 1992 году в страну прибыло 438 тысяч человек). Подобное признание Шойбле просто поразительно, ведь в результате покушения этот человек прикован к инвалидной коляске. Фактически он заявил о том, что проводившаяся правительством кампания против иностранцев была в первую очередь обусловлена политическими причинами. Официальные лица Бонна использовали «проблему» беженцев в качестве дымовой завесы, чтобы скрыть свои собственные политические промахи⁴⁵.

Пытаясь спасти свой политический имидж и вместе с тем обойти своих ультраправых соперников, Коль постарался в максимальной степени извлечь дивиденды от присутствия в стране иностранцев. Руководители Христианско-демократического союза утверждали, что единственное спасение от грозящего затопить страну потока иммигрантов — это отмена конституционной нормы, в соответствии с которой убежище гарантировалось всем политическим эмигрантам. Указанный закон был принят в качестве компенсации за преступления Третьего рейха.

Непрекращающиеся рассуждения в правительстве и средствах массовой информации о «ложных искателях убежища» были настоящей музыкой для слуха Белы Эвальда Альтханса. В течение многих лет неонацистские активисты выступали против иммиграции, а теперь ту же песню затянул и Коль со своим окружением. Воспользовавшись аргументами ультраправых, популярные политики возбуждали атмосферу расовой ненависти. «Неонацисты восприняли это как сигнал, — заметил специальный следователь Комитета Европарламента по расследованию случаев расизма и ксенофобии Грэм Аткинсон. — Теперь их взгляды были легитимизированы, и они получили зеленый свет для активизации нападений»⁴⁶.

Желая воспользоваться проблемой беженцев, правительство Гельмута Коля оказалось глубоко вовлечено в возрождение неонацизма, начав-

шеся в Германии после падения Берлинской стены. Гюнтер Грасс даже позволил себе сравнить членов кабинета Коля с «бритоголовыми белыми воротничками», более опасными, чем уличные банды ультраправых. «Они хорошо одеты и причесаны. Они складно говорят. Но они думают так же, как молодые ребята, бреющие головы, и носят свастику напоказ, — отметил Грасс. — Они поддерживают эти идеи и насильственные действия»⁴⁷.

19 сентября 1991 года очередная вспышка насилия произошла в Хойерсверде — заброшенном промышленном городе Восточной Германии с населением в 70 тысяч человек. Беспорядки начались с того, что банда безработных бритоголовых забросала ночлежку для азиатских и африканских гастарбайтеров камнями, пивными бутылками и бутылками с зажигательной смесью. По мере того как новость о случившемся распространялась по региону, быструю мобилизацию своих сил провели «Германская альтернатива» и другие ультраправые группы. Свыше сотни приехавших в город неонацистов присоединились к происходящему, в то время как собравшиеся на месте событий местные жители приветствовали их аплодисментами. Общее настроение можно было охарактеризовать как веселую озлобленность. Правые экстремисты маршировали рука об руку, размахивали флагами Третьего рейха и выкрикивали: «Auslander raus!» («Иностранцев — вон!»), что напоминало старый лозунг нацистов «Juden raus!» («Евреев — вон!»). Окружив здание, где размещались политэмигранты, они начали забрасывать его камнями и заготовленными снарядами. Беженцы, пытавшиеся выбраться из здания, были безжалостно избиты собравшейся толпой.

Только на четвертый день после начала погрома прибывшая полиция приступила к эвакуации обитателей ночлежки. Местные жители выкрикивали оскорбления и кидали камни в отъезжавшие автобусы. Теперь Хойерсверда была свободна от иностранцев. Вместо того чтобы обрушиться на неонацистов всей своей мощью, государство пошло на поводу у их требований.

Почувствовавшую запах крови немецкую банду было нелегко успокоить. Неонацисты продолжали бушевать, с ножами нападая на эмигрантов на улицах, сжигая дома с их детьми, избивая десятки «не немцев» в больших и маленьких городах. По всей стране будто разлилось грязное, похотливое ликование. С особой ненавистью нападали на темнокожих, что в ряде случаев закончилось фатально. По официальным данным, в 1991 году было зафиксировано 1483 случая насилия по расовым причинам — это в 10 раз превышало суммарный показатель обеих Германий годом ранее⁴⁸.

Однако по мнению канцлера Коля, никаких причин для беспокойства не было. Его правительство постоянно преуменьшало опасность правого экстремизма и подвергало цензуре тех, кто отступал от линии партии. Она

формулировалась следующим образом: вылазки расистов носят неорганизованный характер, это спонтанные выбросы недовольства со стороны скупающих и не имеющих конкретных целей одиночек или небольших групп подвыпившей молодежи без какой-либо политической направленности. Бернд Вагнер (Bernd Wagner), возглавлявший полицейское подразделение по мониторингу ультраправых в пяти восточных землях, был в конце 1991 года уволен с работы за то, что однозначно связал волну жестоких нападений с деятельностью неонацистских организаций. Видимо, у Коля были другие соображения на этот счет. Традиционно обвиняя в произошедшем жертву, канцлер продолжал настаивать на том, что насилие было вызвано присутствием в Германии слишком большого числа иностранцев. Весной 1992 года он потряс всю страну, объявив, что Германия находилась на грани «общенационального чрезвычайного положения» по причине притока беженцев. И Красная армия в роли непосредственной угрозы с Востока была заменена на беженцев.

В то время как Коля вместе с Христианско-демократическим союзом пытался провалить внесение изменений в Конституцию Германии, к неонацистам, избивавшим иностранцев, относились скорее как к плохо ведущим себя детям, а не как к политическим террористам. Реакция на погром в Хойерсверде свидетельствовала об апатии правоохранительных органов Германии, которые зачастую не реагировали на просьбы о помощи, когда жертвами нападений становились иммигранты. Правительство утверждало, что восточногерманская полиция испытывала недостаток кадров, была плохо подготовлена и потому не могла противодействовать крупномасштабным волнениям. Еще одним не упоминавшимся фактором было то, что многие полицейские симпатизировали неонацистам. Исследование показало, что из 200 сотрудников вспомогательной полиции Берлина 99 имели судимости или были фашистами. Многие из них принимали участие в боевой подготовке, проводившейся правыми экстремистами. Другие исследования показали, что 60% полицейских земли Гессен и 50% полицейских Баварии (западных земель) поддерживали устремления ультраправой партии «Республиканцы»⁴⁹.

Разделявшие расистские взгляды сотрудники полиции зачастую пассивно наблюдали за тем, как неонацисты издеваются над иммигрантами. В некоторых случаях полиция присоединялась к ним и наносила удары по тем же иммигрантам после ухода неонацистов. «Международная амнистия» и другие правозащитные организации осуждали полицейское насилие в объединенной Германии. «Иностранцы и национальные меньшинства Германии должны были чувствовать, что полиция их защищает, однако вме-

сто этого многие из них попробовали на себе кулак, ботинок или дубинку полицейского», — делала вывод «Международная амнистия»⁵⁰.

Манфред Кантер (Manfred Kanther), министр внутренних дел Германии от партии Христианско-демократического союза, отклонил результаты исследования «Международной амнистии». Однако Юрген Булга (Jürgen Bulga), представлявший «Национальную рабочую группу критически настроенных полицейских», засвидетельствовал наличие «явно агрессивного отношения» к иностранцам со стороны немецких правоохранительных структур и утверждал, что результаты расследования «Международной амнистии» — это всего лишь «верхушка айсберга». Еще дальше пошло правительство Нигерии, направившее официальный протест в ООН и в правительство Германии в связи с гибелью 31 гражданина Нигерии, находившегося в заключении в немецкой полиции. Большинство скончалось от кровоизлияний в мозг. Ханой также заявил Бонну протест относительно недостаточной защищенности граждан Вьетнама, подвергавшихся постоянным нападениям с момента разрушения Стены⁵¹.

После того как полиция арестовывала неонацистов за преступления, связанные с насилием, последние обычно оказывались на свободе через несколько часов. Вернувшись на улицы, многие вскоре брались за старое. Те, чьи дела доходили до суда, обычно отделялись достаточно легко. Это подтверждается многочисленными примерами: Карл Поячек, руководитель неонацистов в Нижней Саксонии, получил восемь месяцев тюремного заключения условно за рану, нанесенную топором женщине-антифашистке; члены гамбургского «Национального списка» Кристиана Ворха получили условные сроки за зверское избиение беременной вьетнамки; 10 ультраправых получили условные приговоры после того, как сожгли в августе 1991 года приют для лиц, обратившихся с просьбой об убежище. Даже убийцы могли рассчитывать на скандально терпимое отношение, им достаточно было только заявить, что преступление совершено ими в состоянии алкогольного опьянения (именно так инструктировали их главари банд). Группа неонацистов была приговорена к срокам от двух до четырех лет с пребыванием в центре для несовершеннолетних правонарушителей после того, как забила до смерти гастарбайтера из Анголы в городе Эбервальде. Один из обвиняемых показал, что присутствовавшая на месте полиция ничего не предпринимала, в то время как африканец был избит до потери сознания. Указывая на отсутствие в деле политической подоплеки, судья охарактеризовал их действия как «типичное юношеское хулиганство»⁵².

Иногда выносились и более суровые приговоры, как, например, в случае, когда двое скинхедов убили немецкого капитана дальнего плавания

за отрицательное замечание об Адольфе Гитлере. Однако в большинстве случаев суды «баловали» неонацистскую молодежь, что породило целый ряд жалоб на то, что немецкое уголовное судопроизводство «ослепло на правый глаз». «Наказание за связанные с насилием преступления становится незначительным. Когда в деле присутствуют политические мотивы, с обвиняемым из лагеря правых, как правило, обходятся мягче, чем с представителем левых, — заметил Герман Блей (Herман Blei), профессор права из Свободного университета Берлина. — Мы видим результат тех тенденций, которые развивались в нашей стране в течение десятилетий»⁵³.

Нянчиться с правыми экстремистами начали еще в первые годы Боннской республики, заполнившей свои суды теми судьями, которые в свое время служили гитлеровскому режиму. Практически вся юридическая система Западной Германии ранее обслуживала нацистское государство, однако эти арбитры расовой ненависти сохранили свои посты и после войны, несмотря на то что именно они вынесли 45 тысяч смертных приговоров. Вернувшись в залы судебных заседаний Западной Германии, они отравили атмосферу немецкой юридической системы на все время «холодной войны» и позже⁵⁴.

Действия — а точнее, бездействие — полиции и судов, в целом следовавших линии, определяемой боннскими политиками, только поощряли дальнейший разгул неонацистов. Группа ультраправых, руководимая главой отделения «Республиканцев» в Циттау, атаковала хостел, где проживали украинские дети, страдавшие от лучевой болезни после чернобыльской катастрофы. Еще более вопиющий случай произошел в берлинском районе Тиргартен, где группа неонацистов схватила польского туриста и отрезала ему садовыми ножницами треть языка. За травмой последовало оскорбление, когда частично лишившийся языка поляк получил от госпиталя, следвавшего ему срочную операцию, весьма большой счет за услуги⁵⁵.

«Нам говорят о европейской цивилизации, но все, что я вижу здесь, — это варварство», — заметил один из африканских борцов с расизмом, проживающих в Германии. Ситуация ухудшилась до такой степени, что впервые со времен Второй мировой войны иммигранты начали покидать Германию, чтобы найти убежище в других государствах. Верховный суд Великобритании, страны, не замеченной в проведении либеральной иммиграционной политики, привлек к себе внимание решением предоставить убежище беженцу из Судана, опасавшемуся за свою жизнь в случае отправки его обратно в Германию. Голландия также распахнула двери перед иностранцами, изгоняемыми из Германии. Остававшиеся на территории фатерланда лица, прибывшие в страну в поисках убежища, подвергались сомнительным процедурам, напоминавшим расистские практики Третьего рейха. Новые пра-

вила, принятые Министерством внутренних дел Германии, предписывали лицам, не являвшимся гражданами ЕС или США и обращающимся с просьбой о виде на жительство, пройти измерения черепа и носа. Официальные опросники для иммигрантов содержали специальный вопрос о форме носа. Немецкая форма носа обозначалась «нормальной», а всем «ненормальным» формам приписывались соответствующие условные обозначения⁵⁶.

По мере того как росло число нападений на иностранцев, участились и антисемитские преступления. В 1992 году неонацистские вандалы забросали бутылками с зажигательной смесью «еврейские бараки» в концентрационном лагере Заксенхаузен. Это было всего лишь одно из 80 осквернений, произошедших в том году. Всплеск преступлений, вызванных ненавистью к евреям, происходил на фоне латентного антисемитизма, сохранявшегося в немецком обществе. После Второй мировой войны респектабельным немцам было «некошерно» открыто высказывать подобные настроения, поэтому «козлами отпущения» стали другие национальные меньшинства. Однако это табу также рухнуло вместе с Берлинской стеной. Опрос общественного мнения, проведенный в 1991 году журналом «Шпигель», показал: 62% немцев полагали, что лучше будет «подвести под прошлым черту» и «не говорить так много о преследованиях евреев». Другое исследование, проведенное на следующий год, показало, что 36% немцев были согласны с утверждением, что «евреи обладают слишком большим влиянием в мире»⁵⁷.

Когда в Германию начали прибывать еврейские беженцы из Советского Союза, министр внутренних дел Баварии Эдмунд Штойбер рекомендовал оставить в Германии только тех, у кого там проживали члены семьи. Редакционная статья в газете «Frankfurter Rundschau» оценила предложение Штойбера как «неприличную сатиру», принимая во внимание тот факт, что большая часть немецких евреев систематически уничтожалась нацистами⁵⁸. Те из них, кто пережил войну, оставшись в Германии, все равно рассматривались как евреи, а не как немцы. Это имело под собой юридическую основу, восходящую еще к Третьему рейху. По немецким законам, определяющим гражданство по этническому принципу, а не по рождению или проживанию на территории Германии, немецкая и еврейская кровь различаются между собой. Одержимость «немецкой кровью» снова вышла на первый план, когда помощники канцлера Коля, включая и министра здравоохранения, потребовали прекратить использование «иностранной крови» в немецких клиниках⁵⁹.

Сам канцлер также не брезговал использованием антиеврейских пред-рассудков, если это было необходимо для завоевания критически важных голосов избирателей. В марте 1992 года Коль встретился в Германии с покидавшим свой пост президентом Австрии Куртом Вальдхаймом. Это был

первый визит бывшего генерального секретаря ООН в западную страну после произошедшего шестью годами ранее разоблачения участия Вальдхайма в чинившихся немцами в годы войны расправах на Балканах. Когда несколько еврейских организаций выразили свое неудовольствие визитом, Коля оборвал их, заявив: «Я ни в чьих советах не нуждаюсь»⁶⁰.

В большей степени заранее рассчитанные, нежели импровизированные, подобные жесты были направлены на то, чтобы заручиться поддержкой Христианско-демократического союза среди консерваторов в то время, когда ультраправые партии, после небольшой паузы в момент объединения страны снова стали демонстрировать свою растущую популярность на выборах. В апреле 1992 года республиканцы взяли 11% голосов на земельных выборах в Баден-Вюртемберге, в результате чего Христианско-демократический союз утратил сохранявшиеся в течение 20 лет лидирующие позиции в регионе. Соперник «Республиканцев» из числа ультраправых «Германский народный союз» (Deutsche Volksunion, DVU) преодолел пятипроцентный барьер и провел своих кандидатов в земельные парламенты Шлезвиг-Гольштейна и Бремена. Названный американской военной разведкой «неонацистской политической партией» «Германский народный союз» во главе с Герхардом Фраем был ненамного более экстремистским, чем партия Шёнхубера. Однако острое личное соперничество помешало двум лидерам ультраправых сформировать единый фронт.

Рост влияния ультраправых заставил христианских демократов пойти на дополнительные изменения с целью предотвратить размывание своей электоральной базы. Изменения дошли до того, что, по словам журналиста «*Franfurter Allgemeine Zeitung*», политика Христианско-демократического союза и «Республиканцев» «сблизились настолько, что ее можно было спутать». Даже глава «Республиканцев» Франц Шёнхубер признал, что позиция Коля по ключевым вопросам «полностью соответствовала тому, к чему призывала их программа». Однако каждый сдвиг Коля вправо тем самым добавлял доверия по отношению к последовательным неофашистам, делая их доводы о «козлах отпущения» более приемлемыми. Эта коварная динамика подчеркивала обстановку фанатизма, способствовавшую демагогам и страстным неонацистским агитаторам. Новые погромы были неизбежны⁶¹.

Капитуляция

Число нападений на иностранцев, совершенных правыми экстремистами после воссоединения Германии, исчислялось тысячами, однако один

из этих случаев был наиболее символичен. В октябре 1991 года неонацисты осквернили кладбище в деревне Роендорф близ Бонна. Свастика была нарисована на десятках надгробных камней, в том числе и на памятнике Конраду Аденауэру, первому канцлеру Западной Германии. Осквернение этой могилы ясно показало ненависть преступников к демократической системе и страстное желание устранить ее.

Большинство неонацистских лидеров были достаточно умны, чтобы понять, что захват власти в данной ситуации был нереалистичным. Кристиан Ворх мог собрать на демонстрацию от двух до трех тысяч активистов, однако он знал, что само по себе это никак не угрожает государству. Однако утверждать, что неонацисты не играют никакой роли в политике Германии, как это делал канцлер Коль, было бы серьезной ошибкой. Им уже удалось изменить политический процесс в стране, привнеся в него этническую ненависть. Ворх и его соратники не зря били себя кулаками в грудь, приписывая себе заслугу в том, что Коль после падения Берлинской стены избрал себе в качестве цели иностранцев.

Неонацисты рассматривали себя движущей силой в быстром смещении правительства Германии вправо. Их усилиям по воздействию на политические программы основных партий содействовали и немецкие официальные лица, продолжавшие отрицать тот факт, что в основном расистские выходки осуществлялись организованными группами правых экстремистов. В то время как Коль и его сподвижники продолжали приписывать нападения «отдельным лицам, действующим без конкретной цели», а также аполитичным уличным бандам, неонацисты укрепляли связи между собой, в том числе и с помощью компьютерных технологий. Сеть «Туле», состоявшая более чем из 10 электронных досок объявлений, предоставляла информацию о предстоящих политических митингах, указания о том, как начать выпуск газеты, и даже инструкции по изготовлению бомб. Запрещенные в Германии книги, в том числе те, что ставили под сомнение Холокост, были легко доступны по электронной почте. Невероятный рост «электронного» фашизма стал важным моментом в обретении движением ультраправых подлинно международного масштаба⁶².

Иногда руководителям немецких неонацистов удавалось обыграть представителей властей в кошки-мышки, используя компьютеры, портативные рации, сотовые телефоны и автоответчики. Новые способы связи позволяли неонацистам избегать заблокированных полицейскими дорог и командовать колоннами своих сторонников, выдвигавшимися на политические демонстрации. Подобная высокотехнологичная поддержка была использована в конце августа 1992 года, когда Эвальд Альтханс и сотни его

сторонников под покровом темноты пробрались в восточногерманский балтийский порт Росток. Некоторые из них приехали из Австрии и Скандинавии, чтобы принять участие в неистовых этнических чистках.

Произошедшее в городе сильно напоминало сцену из 1930-х годов. Под восторженный рев тысяч местных жителей толпа неонацистов набросилась на центр по приему беженцев, где проживали румынские цыгане. Когда жилище иммигрантов вспыхнуло, восторженная толпа запела рождественскую песню «Tannenbaum» («Елочка») и «Германия превыше всего». Местный сотрудник правоохранительных органов Юрген Декерт позднее признавал, что «полиция договорилась с хулиганами о том, что не будет вмешиваться»⁶³.

В то время как бездействующие полицейские наблюдали за происходящим, неонацисты перестроились и забросали еще одно общежитие для иностранцев бутылками с горючей смесью. В горящем здании оказались заблокированными свыше 100 вьетнамских рабочих и членов их семей. Там же находилась и немецкая съемочная группа. В тщетной попытке вызвать помощь журналисты позвонили в полицию и пожарную охрану Ростoka. Задыхаясь от дыма, жители поднимались с этажа на этаж, пока, наконец, не оказались на самом верху двенадцатиэтажного здания. Внизу разъяренная толпа кричала: «Линчевать их!», «Пустить кровь!» Всего за несколько минут до того, как все здание превратилось в пылающий ад, им удалось взломать закрытую дверь металлическим прутом, выбраться на крышу и перепрыгнуть на соседний дом. Только чудом никто не погиб⁶⁴.

Правительственные чиновники земли Мекленбург — Западная Померания позднее сообщили, что у них заранее были сведения о планах нацистов «почистить» Росток, однако никаких предупредительных мер предпринято не было. Министр внутренних дел Рудольф Зайтерс отказался вызвать подкрепления из федеральной полиции, чтобы защитить центр по приему беженцев под предлогом недостатка наличных сил. Тем не менее, когда выразить поддержку осажденным иностранцам собралось свыше 1000 антифашистов, на месте сразу же оказалось множество вооруженных до зубов полицейских. Силы правопорядка внезапно решили воспользоваться своими полномочиями, арестовав 90 человек, две трети из которых пришли протестовать против насилия неонацистов. Настроившись на частоту вещания полицейских раций и глуша их, неонацисты в ходе уличных стычек получили совершенно очевидное преимущество перед своими противниками-антифашистами. Росток фактически превратился в поле боя. «Это было ужасно, прямо как гражданская война, — вспоминал потрясенный житель города. — Мы выключили дома весь свет и боялись подходить к окнам»⁶⁵.

Когда снимки неонацистов, забрасывающих бутылками с зажигательной смесью общежития иностранцев, разнеслись по миру, во многих посольствах и администрациях различных уровней зазвучали тревожные звонки. Внезапно люди начали задаваться вопросами, до того казавшимися невыносимыми. Неужели это повторится снова? Вернулись ли в мир германские демоны? «Вот так и началось нечто, закончившееся Освенцимом, — заявил премьер земли Бранденбург Манфред Штольпе. — Эти волнения — самое плохое из всего, случившегося в Германии с 1945 года». Президент Рихард фон Вайцеккер рассуждал о «серьезном отмеченном злом знаке будущего — предупреждении о возможности возврата фашизма»⁶⁶.

Продолжавшийся неделю погром начал утихать, когда германское правительство пошло на уступки банде неонацистов, вывезя всех беженцев из Ростока. Таким образом, экономически депрессивный город с населением в 250 тысяч человек стал свободен от иностранцев, как Хойерсверда и еще несколько оплотов этнической чистоты фатерланда. Затем последовало официальное объявление о том, что 100 тысяч цыган будут в ближайшее время депортированы в Румынию и другие страны Восточной Европы. Правозащитные организации подвергли серьезной критике решение Бонна. Они основывались на том, что многие цыгане сталкивались в этих странах со случаями физического насилия и иными формами преследования⁶⁷.

Вместо того чтобы разрядить напряженность, реакция правительства на события в Ростоке положила начало волне террора, не виданного со времен Гитлера. В течение двух недель правые экстремисты нанесли удары по иностранцам и другим целям более чем в 100 городах. «Росток повсюду!» — гласил заголовок в одной из газет. Самый крупный новостной журнал Германии «Штерн» не жалел слов, чтобы охарактеризовать серьезность ситуации: «Германия стоит перед лицом политической катастрофы... Власть закона капитулировала перед террором... События в Ростоке показали, что немецкие силы безопасности не имеют ни возможности, ни желания защитить невинных людей от ультраправых террористов»⁶⁸.

Вакханалия насилия продолжалась всю осень 1992-го. Небо было покрыто отсветами пожаров от горящих центров по приему беженцев. По официальным данным, в том году в ходе 45 нападений на почве расовой ненависти были убиты 17 человек. Счет раненых шел на сотни. Число преступлений, связанных со взрывами и поджогами, в сравнении с 1991 годом возросло на 33%. И эти цифры даже не в полной мере отражали размах насилия⁶⁹.

«След смерти от правых только намечен», — предупреждал Эрнст Урлау (Ernst Uhrlau), глава гамбургского отдела Ведомства по защите Конститу-

ции. Неонацистское насилие, по его словам, «приняло террористический размах». Он отметил, что ультраправые отработывали тактику противоповстанческой войны, стреляя по иммигрантам боевыми патронами. Он также сообщил, что число организованных правых экстремистов в Германии к концу 1992 года выросло до 65 тысяч. 10% из них были боевиками. Предупреждая, что ультраправый экстремизм, агрессивный национализм и ненависть к иностранцам будут продолжать расти, он высказал откровенное предостережение: «Это всего лишь верхушка движения социального протеста. Неонацизм приобретает совершенно новый характер. Они осмелели от своих успехов и готовы продемонстрировать это действием...»⁷⁰

Тревожное ощущение дежавю охватило и остатки еврейской общины Германии. «Когда мы видим горящие дома и бегущих людей, это напоминает о нашей истории, — заметила Ирена Рунге из располагающейся в Берлине Еврейской культурной федерации. — Как будто и не было 50 лет, и нынешнее поколение начало с того же момента, когда ушло предыдущее. Кажется, они забыли все, что было посередине между этими периодами». В открытом письме канцлеру Колю переживший Холокост Ральф Джордано призвал немецких евреев «вооружаться» и удивился, что остальные жертвы неонацистов еще не поступили таким же образом. «Мы утратили веру в то, что вы и ваше правительство могут обеспечить эффективную защиту от правого экстремизма и его преступников-антисемитов», — констатировал Джордано^{71, 72}.

Даже в самой партии Коля раздавались голоса несогласных. К ним принадлежал, например, Хайнер Гайслер (Heiner Geissler), бывший генеральный секретарь Христианско-демократического союза. Перейдя от слов к делу, он предупредил, что настоящей проблемой был вовсе не вопрос убежища для беженцев, а удар по демократии со стороны сил фашизма. «Бросать бутылки с зажигательной смесью в жилой дом — это покушение на убийство, — сказал Гайслер. — Настоящая подоплека этих преступлений в том, что правый радикализм стал одним из господствующих направлений в политике»⁷³.

Неонацистские лидеры могли только приветствовать подобное развитие событий. Идя навстречу их требованиям, правительство Германии позволило склонному к насилию меньшинству определять всю национальную политику. «Сначала люди говорили, что мы — сумасшедшие. Затем они говорили, что мы опасны, — заметил Кристиан Ворх. — Теперь они говорят, что мы в моде. Думаю, что мы останемся в моде надолго»⁷⁴.

На волне событий в Ростоке Ворх чувствовал, что многие граждане были на его стороне. Опросы общественного мнения показывали, что 51%

населения был согласен с лозунгом «Германия для немцев», а 37% считали, что приток иностранцев должен быть остановлен любыми средствами. Растущая поддержка идей неонацистов, похоже, совпадала с существовавшей среди немецкой молодежи ярко выраженной тенденцией минимизировать или вовсе отрицать ужасы Третьего рейха. Согласно данным опроса, проведенного журналом «Шпигель», четверть немецких школьников считала, что описания Холокоста «сильно преувеличены», а каждый пятый поддерживал лозунг правых «Евреев — вон!»⁷⁵

Некоторые руководители неонацистов поверили в то, что в Германии создалась предреволюционная ситуация, сравнимая с годами Веймарской республики. Налицо были все основные элементы: фашистские штурмовики, инертная полиция и масса потенциальных сторонников. Царившая на улицах атмосфера декаданса конца эпохи позволила Эвальду Альтхансу выступить с масштабными планами. «Против нас бессильна любая идеология, — заявил он. — Никто не предлагает альтернатив. Сегодня только неонацисты говорят: “Нам нужна страна. Нам нужна власть. Нам нужен мир”».

Слегка осудив неонацистское насилие, Гельмут Коль продолжал заявлять, что основным источником проблемы является «злоупотребление правом на убежище», а не расизм. Канцлер и его помощники не были озабочены ущербом, нанесенным иммигрантам. Их гораздо больше беспокоили неонацисты, которые вредили образу Германии и ее международному бизнесу. В дело были пущены различные стратегии минимизации урона, включая лживую попытку представить насилие «восточной проблемой», как будто бы речь шла о тяжелом наследии коммунистического режима. На самом деле свыше двух третей нападений расистов в 1992 году произошло на территории бывшей Западной Германии. Ряд опросов общественного мнения продемонстрировал, что ксенофобские взгляды имели меньшую распространенность в восточной части страны, где самые тяжелые случаи насилия были результатом взаимодействия местной молодежи и западных руководителей неонацистов⁷⁶.

Уровень неонацистского насилия на западе не ускользнул от внимания военной разведки США, составившей по итогам событий в Ростокке подробный отчет. В нем говорилось, что скинхеды «представляют угрозу личной безопасности американских военнослужащих в Германии», в особенности для тех, кто относится к «расовым и национальным меньшинствам». Армейские аналитики без колебаний признавали то, о чем не говорило вслух немецкое правительство: «Неонацисты планируют свои действия и координируют передвижения больших масс демонстрантов и ударных групп». Отмечая широко распространившуюся среди жителей Германии пассивность,

армейский доклад отмечал: «Порой на иностранцев нападали прямо на глазах немецких прохожих, которые не оказывали жертвам насилия никакой помощи... В случае нападения скинхедов американским военнослужащим также не следует рассчитывать на помощь местного населения»⁷⁷.

Разгул неонацистов в процветающей Западной Германии, где размещались американские солдаты, ставил под сомнение упрощенные социологические схемы, согласно которым рост ксенофобских преступлений объяснялся издержками модернизации или экономическими проблемами. Его нельзя было списать и на «буйство расистских гормонов» у полной энтузиазма молодежи — секундный спазм, который пройдет, как только Германия привыкнет к своей новой роли европейской сверхдержавы. Причины возрождения неонацизма были глубже. С падением Берлинской стены обнажилось нечто ужасное, коренившееся в травмах прошлого и удобренное десятилетиями отрицания. Фашистский зверь проснулся и вновь был готов выйти на охоту.

Консерваторы, входившие в правящую коалицию Коля, в полном соответствии со своими взглядами предпочитали рассуждать об опасности, которую якобы представляли левые радикалы. Типичными в этом смысле представляются высказывания генерального прокурора Германии Александра фон Шталя (Alexander von Stahl), который называл защитников животных «террористами», однако воздерживался от подобных откровенных обвинений в адрес совершавших насилие расистов. Некоторые союзники Коля утверждали, что самая серьезная угроза германской демократии исходит не от ультраправых, а от «зеленых» и бывших восточногерманских коммунистов, преобразовавшихся в Партию демократического социализма (PDS). Оживляя тень все еще внушавшей ужас Штази, немецкие официальные лица распространяли ложные сообщения о том, что расовые волнения в Росток и других городах востока страны были инспирированы сотрудниками спецслужб бывшей ГДР⁷⁸.

Действительно, с секретной полицией коммунистов сотрудничало достаточно большое число жителей Восточной Германии. Однако утверждения о причастности спецслужб послужили хорошим оружием для профессиональных ненавистников «красных». Они хотели загнать в угол своих критиков именно теперь, когда с объединением все пошло наперекосяк. Исходя из сиюминутных нужд, ряд «тяжеловесов» из правительства Коля занялся пересмотром истории, преуменьшая значение Холокоста и заявляя, как это, в частности, сделал Норберт Гайс, эксперт Христианско-демократического союза по юридическим вопросам: «Режим Восточной Германии был столь же преступен, как и нацисты»⁷⁹.

Осуждать призрак ушедшей в небытие ГДР было не самой лучшей реакцией на ужасные события, произошедшие 23 ноября 1992 года в западногерманском городе Мёльн. Трое туток — двое детей и их бабушка — сгорели заживо после того, как неонацисты подожгли их дом. Поджигатели позвонили в полицию, закончив разговор приветствием «Хайль Гитлер!» По словам генерального прокурора фон Штала, это имело «особое значение». Это указывало на то, что преступники (двое из которых были позднее приговорены к длительным срокам тюремного заключения) намеревались «восстановить в Германии национал-социалистическую диктатуру»⁸⁰.

Шталь будто внезапно проснулся и обнаружил, что в его стране существует проблема неонацизма. Долгое время утверждавшие, что эпидемия расистского насилия не имеет под собой политической подоплеки, немецкие официальные лица вдруг развернулись на 180 градусов и призвали к принятию законодательства, уместного разве что для полицейского государства. Целью объявлялась борьба с только что обнаруженным неонацистским бедствием. Однако они так и не смогли объяснить необходимость новых законов. Ведь в их распоряжении уже был доказавший свою эффективность закон от 1972 года, применявшийся в борьбе с левыми террористами.

Через несколько недель после трагедии в Мёльне германская полиция провела свыше 100 операций против неонацистских банд по всей Германии. Несмотря на все усилия, в раскинутые сети попало всего восемь человек. Это породило волну слухов о том, что официальные лица могли заранее предупредить лидеров экстремистов о готовящихся операциях. К концу 1992 года четыре неонацистских организации были признаны незаконными. Предварительно их открыто предупредили о намерениях правительства, позволив уничтожить все компрометирующие материалы. Невзирая на это, генеральный прокурор фон Шталь расценил операцию как несомненный и крупный успех. В феврале 1993-го он заявил, что неонацисты взяты под контроль, и правительство может вновь уделять свое внимание более серьезной угрозе со стороны левых. Через несколько месяцев крайне благоприятное интервью с фон Шталем было опубликовано в неонацистском бюллетене Эрнста Ремера «*Remer Despeche*»⁸¹.

«Запрет не оказал практически никакого воздействия, — объяснил в июне 1993 года Кристиан Ворх, — поставленные вне закона организации могли с легкостью продолжать свою деятельность, просто сменив имя». Именно это и имел в виду Кюннен, создавая разветвленную сеть групп прикрытия, — всякий раз, когда против какой-либо из них принимались меры, ее члены могли отсидеться в стороне, сохранив большую часть своей структуры. Так, например, Франк Хюбнер, руководитель «Германской аль-

тернативы», продолжил председательствовать на еженедельных собраниях, проводившихся все в том же баре в Коттбусе. Те, кто звонил ему в офис, слышали тот же самый автоответчик: «Говорите после пулеметной очереди»⁸².

Неонацистское движение было потревожено, но практически не затронуто позерскими попытками правительства восстановить закон и порядок. Сильнее оно пострадало в результате бегства одной из своих молодых звезд. Измученный угрызениями совести после бойни в Мёльне Инго Хассельбах покинул ряды неонацистов. Он написал книгу воспоминаний о своей деятельности главаря неонацистской банды в Восточном Берлине, о распространении сети Кюнена на Восточную Германию и неиссякаемом денежном потоке, которые ультраправые боевики получали от немецких врачей, юристов и других «белых воротничков», представлявших средний класс. Хассельбах также отметил в высшей степени важную помощь, поступавшую от неонацистов США и других стран⁸³.

Хассельбах был не единственным, кого встревожили события в Мёльне. Несмотря на холод, по всей Германии прошли демонстрации, на которых люди несли свечи в память о погибших. Участники шествий, представлявшие все слои общества, осуждали шквал расистских нападений. Однако канцлер Коль, опасаясь оттолкнуть от себя правых избирателей, в очередной раз не выразил сочувствия к жертвам. Тем не менее уже стало ясно, что необходимо предпринять какие-то шаги для восстановления репутации Германии, пошатнувшейся после актов насилия. В решении Бонна запретить несколько неонацистских групп большую роль, несомненно, играл фактор воздействия на общественное мнение. Однако почему правительство Германии так долго ждало, прежде чем прибегнуть к подобным мерам? И почему десяткам неонацистских организаций по-прежнему было разрешено продолжать свою деятельность?

Свыше двух лет Коль очернял тех, кто просил убежища в Германии, в то время как политическую ситуацию в стране в значительной степени определяло неонацистское насилие. Стал ли он заложником правых экстремистов? Или неонацисты представляли собой «пятое колесо» государственной политики, принуждая иностранцев покинуть фатерланд под градом пуль, бомб и бейсбольных бит? Хайо Функе, профессор-политолог из Берлина, был среди тех, кто утверждал, что правительство Коля терпело волну расистских выходов, чтобы оказать давление на своих главных противников — социал-демократов. Целью этого давления было изменение 16-й главы Конституции Германии (гарантия права на убежище). Без поддержки социал-демократов правящая консервативная коалиция не могла набрать необходимых для этого двух третей голосов депутатов. Однако насколько легко можно

было «перекрыть кран» неонацистам после того, как ультраправые банды выполнили свою функцию и перестали приносить политическую пользу?

Осенью 1992 года канцлер Коль наконец добился осуществления своих планов. Социал-демократы сдались и согласились захлопнуть дверь перед политическими эмигрантами. Излишне говорить, что именно на этом уже давно настаивали неонацисты. Несмотря на жесткое осуждение со стороны правозащитных организаций, Бундестаг 27 мая 1993 года принял значительно урезанный закон о предоставлении убежища. Отныне лица, попавшие на территорию Федеративной Республики, должны были прибыть непосредственно из страны, где они подвергались преследованиям. Был запрещен въезд с территории так называемой «безопасной страны», которую беженец или беженка пересекали по пути в Германию. Верховный комиссар ООН по делам беженцев в июне 1993 года предупредил, что новый немецкий закон о предоставлении убежища создал предпосылки для «чрезвычайных страданий и ненужных смертей десятков тысяч людей, бегущих от преследования»⁸⁴.

Лидеры неонацистов приветствовали решение парламента как победу своего движения. «Достаточно и того, что мы заставили правительство сделать эти изменения», — заметил Ворх, приветствовавший решение Министерства внутренних дел создать вдоль восточной границы электронную стену, чтобы не пропускать в страну нежелательных иностранцев. Был воздвигнут «коричневый занавес», использовавший для выявления лиц, нелегально пересекающих границу, приборы ночного видения и инфракрасные датчики. Следует заметить, что современные приборы наблюдения попали и в руки неонацистов и скинхедов, вошедших в число новых сотрудников пограничной службы, в том числе патрулировавших границу.⁸⁵

Вместо того чтобы защищать страну от потенциального нападения Красной армии, расширенный контингент солдат-полицейских пытался повернуть вспять волну находившихся в отчаянии беженцев. Однако «коричневый занавес» не помешал немцам отправиться в Восточную Европу. После падения Берлинской стены многие неонацистские группы быстро начали осваивать эту территорию. К ним присоединилась армия бизнесменов, дипломатов и шпионов, пристально следивших за соблюдением интересов своей страны в этом регионе. Германия снова смотрела на восток — на обширные территории, еще недавно находившиеся под властью Советской России.

Глава 8

ТЕНЬ С ВОСТОКА

«Пруссия жива!»

17 августа 1991 года, когда часы пробили полночь, гроб с останками Фридриха Великого занял свое законное место упокоения во дворце Сан-Суси близ Потсдама. Возвращение короля домой было обставлено подобающим ритуалом — черные конные экипажи, имперские флаги, военный почетный караул, прямая трансляция по германскому телевидению. Канцлер Гельмут Коль и с ним еще 80 тысяч человек пришли отдать дань памяти легендарному прусскому правителю, значительно расширившему королевство с 1740 по 1786 год. Некоторые зеваки одобрительно кивали при виде плаката «Пруссия жива!» Богато украшенная и пышная церемония ознаменовала собой окончание долгих скитаний тела Старого Фрица, останки которого в последние дни Второй мировой войны были вывезены в Западную Германию, чтобы предотвратить их захват советскими оккупационными войсками. Крах коммунистического режима Восточной Германии проложил Фридриху обратный путь в фамильную усыпальницу.

Экзгумация и перезахоронение воинственного прусского владыки вызвали недоумение у тех, кого тревожили реваншистские тенденции в новой Германии. Некоторые полагали, что подобное обожествление мертвых будет превратно истолковано неонацистами и прочими правыми экстремистами. В этих кругах Фридрих считался культовой фигурой по причине своих военных достижений. Он часто вторгался в чужие земли, хвастался тем, что «проглотил

Силезию, как артишок». Превознося Фридриха Великого как яркий символ тевтонского духа, Адольф Гитлер в 1933 году специально приехал в Потсдам, чтобы на могиле покойного короля провозгласить создание Третьего рейха.

Чествуя Фридриха Великого менее чем через год после объединения Германии, правительство канцлера Коля оживило дискуссии о постыдном прошлом: король оставил после себя двойное наследство, олицетворявшее и лучшие, и худшие немецкие традиции. Наряду с ведением экспансионистских войн Фридрих защищал евреев и другие религиозные меньшинства, запретил пытки, покровительствовал искусствам, сочинял музыкальные симфонии, был другом Гете и Вольтера (как утверждалось, с последним Фридрих вступал в интимную связь). Вместо того чтобы демонизировать монарха, Коля настаивал на том, чтобы немцы приняли обе стороны этой противоречивой фигуры — эстета и воина — и таким образом разобрались в своей непростой истории. Однако скептики задавались вопросом, возможно ли это сделать, не превознося насилие и милитаризм. «Многие немцы уже не чувствуют связь между вчерашним и сегодняшним днем, и это безразличие может оказаться опасным», — заявлял историк Хайнц Кноблех⁸⁶.

По символическому стечению обстоятельств через два дня после того, как Старый Фриц наконец-то обрел покой (очевидно, в последний раз), советские сторонники жесткого курса предприняли неудачную попытку свержения Михаила Горбачева и его правительства. Хотя путч потерпел фиаско, он засвидетельствовал смертельную болезнь Советского Союза. К концу года президент России Борис Ельцин отодвинул Горбачева в сторону и объявил о кончине некогда могущественного СССР. Внезапный коллапс державы, после которого на ее территории осталось 15 независимых государств, привел к огромному вакууму власти на континенте. Вакууму, который суждено было заполнить объединенной Германии — благодаря ее центральному положению на континенте и экономической мощи. Более не стесненная границами Атлантического блока, Германия должна была вновь стать верховным судьей в Mitteleuropa (Центральной Европе). Эта геополитическая структура была в спячке, пока Федеративная Республика в годы «холодной войны» являлась пограничным государством. Региональная гегемония Германии, произошло это сознательно или нет, стала свершившимся фактом. «Центральная Европа вновь будет сильно пахнуть Германией, — заметил отставной сотрудник Госдепартамента Дуглас Джонс. — Эта страна, пусть даже непреднамеренно, может стать серьезным дестабилизирующим фактором»⁸⁷.

Некоторые эксперты американской разведки ощущали наследственную тягу Германии к экспансионизму, полагая, что судьба страны определяется ее географическим положением. На основании подобного тезиса один

из аналитиков ЦРУ предсказал, что к концу века Германия не сможет удержаться, чтобы не порвать швартовы, связывающие ее с Западом, и не отправиться в новую серию авантур в духе Бисмарка. В прошлом германский «Drang nach Osten» — натиск на Восток — осуществлялся с помощью военной силы. Однако среди немецких националистов ранней постсоветской эпохи преобладала уверенность, что задачу, оказавшуюся в свое время не по плечу вермахту, выполнит германская марка. В силу высокой стоимости объединения Германия инвестировала средства в этот процесс не безоглядно, а руководствуясь стратегическими соображениями. Внимание было сосредоточено на ключевых областях: поставка энергоресурсов, транспорт, телекоммуникации и средства массовой информации. Германские экономические завоевания трансформировались в необходимость более масштабного политического влияния. Хозяйские замашки проявились и в требовании Германии предоставить ей место в Совете Безопасности ООН, и в настойчивых попытках сделать немецкий язык одним из официальных языков ЕС⁸⁸.

Вновь обретенная напористость Германии проявилась и в военной области. Якобы отреагировав на события на территории бывшей Югославии, германский Конституционный суд в июле 1994 года принял решение, что немецкие вооруженные силы могут принимать участие в военных операциях и помимо НАТО. «Это решение предоставило Германии свободу действий на внешнеполитической арене. Тормоза, сдерживавшего нас, больше нет», — заявил министр иностранных дел Клаус Кинкель, ранее возглавлявший западногерманскую спецслужбу BND. Хотя немецкие официальные лица публично заверили в том, что их страна не будет придерживаться интервенционистской или милитаристской внешней политики, министр обороны Фолькер Рюэ заявил в опубликованной в 1994 году «Белой книге», что отныне немецкая армия будет служить «инструментом внешней политики»⁸⁹.

К этому времени Германия стала вторым по объемам экспортером оружия в мире, уступая только Соединенным Штатам. Поглотив армию Восточной Германии, Федеративная Республика сократила численность своих вооруженных сил до 350 тысяч человек, оставшись крупнейшей армией Европы. Германия вернула себе статус важнейшей военной державы континента благодаря политикам США и НАТО, искавшим помощи Бонна в защите Западной Европы от СССР в годы «холодной войны». Хотя, как предполагалось, НАТО должна была сдерживать как Германию, так и Россию, она оказалась средством восстановления военной мощи Германии. Теперь, когда противостояние сверхдержав завершилось, немецкие лидеры продемонстрировали свою готовность создать новые структуры безопасности, уже вне

рамок НАТО. Эти планы включали создание европейских вооруженных сил, состоявших на первом этапе из 35 тысяч французских и немецких солдат. Подобные планы вызвали беспокойство официальных кругов США, пытавшихся помешать восстановлению национального характера военной политики Германии. Еще одной сферой беспокойства Соединенных Штатов стала программа немецких исследований в области ядерных вооружений. Идеи «мозговых центров» немецких военных были высказаны издателем журнала «Шпигель» Рудольфом Аугштайном, заявившим о возможности возникновения ситуации, когда Германия будет вынуждена обзавестись собственным ядерным оружием, «незвизрая на существующие международные договоры»⁹⁰.

Генерал Клаус Науманн, первый военный руководитель объединенной Германии, хотел превратить свою армию в независимую военную силу с «психологией победителей». Описываемый газетой «Die Zeit» как человек «со склонностью к фанатизму», Науманн стал движущей силой новой наступательной стратегии бундесвера, в центре которой была «стратегическая бдительность, а не пассивное реагирование на военную угрозу». Отставной немецкий адмирал Эльмар Шмалинг публично обвинил Науманна в подготовке военной агрессии по образцу его прусских предшественников⁹¹.

Переход к агрессивной военной позиции совпал по времени с официально одобренными усилиями по переоценке военных достижений нацистов. Науманн настаивал на внесении изменений в старый западногерманский закон об обороне, который гласил: «Связь традиций бундесвера с гитлеровским вермахтом как государственным институтом невозможна». Под руководством Науманна такая связь была не только возможна, но даже желаемая. Подобная смена взглядов нашла свое отражение и в издании «Европейская безопасность» («Europäische Sicherheit»), тесно связанном с немецкой армией. Там говорилось о необходимости «найти общую основу с поколениями наших отцов и дедов, что является совершенно естественным в других странах». Поэтому бундесвер не будет «отделять себя от корней, самоотверженно посаженных в землю нашими предшественниками из вермахта, ибо эти корни уходят глубоко в прошлое и в военную историю Германии»⁹².

В рамках новых усилий по «созданию традиций» бундесвер заявил, что на могильных камнях немецких военнослужащих обязательно указание их звания (включая войска SS). Данное решение распространялось и на военные захоронения в Центральной и Восточной Европе. Генерал Науманн высказался относительно этого с деревенской прямоотой: «Восточноевропейские страны, возражающие против этого решения, узнают на себе, что такое тиски для пальцев, поскольку зависят от нашей крупномасштабной экономической помощи»⁹³.

На самом деле разрыва с нацистским прошлым никогда не происходило. Необходимо учитывать, что первоначально руководство западногерманского бундесвера было набрано из высших эшелонов гитлеровской армии. В 1976 году только трое из 217 генералов бундесвера не были ветеранами Третьего рейха, а 37 военных баз в Боннской республике были названы в честь военнослужащих, прославившихся во времена Гитлера. При согласии Науманна бундесвер одобрил проведение слета, организованного Ассоциацией кавалеров ордена Рыцарского креста Железного креста (Ordensgemeinschaft der Ritterkreuzträger). Церемония прошла 16 октября 1993 года в замке Целле. На нее собралось свыше 100 из оставшихся в живых 800 нацистов, лично отобранных фюрером для вручения высшей награды вермахта за мужество. Несколько несгибаемых ветеранов, воздававших почести своим ушедшим соратникам, приветствовали друг друга нацистским салютом. Собранных встречал военный оркестр, а делегация 334-й танковой дивизии бундесвера возложила памятный венок в честь тех, кто сражался за Третий рейх⁹⁴.

Объясняя, почему бундесвер оказал содействие в проведении подобного мероприятия, его официальный представитель заявил, что Ассоциация кавалеров Рыцарского креста «олицетворяла традиционные солдатские достоинства — верность, дружбу, смелость и дисциплину... качества, полезные и для нас». Организация сварливых ветеранов и сама воспитывала правый экстремизм и реваншизм. В бюллетене, изданном для членов организации, рассуждалось о вине Франклина Рузвельта и Черчилля в развязывании Второй мировой войны. Он также обвинял союзников в том, что из-за них Германия утратила свои восточные территории, которые теперь намерены вернуть старые и молодые германские нацисты.

Официальные попытки привить солдатам чувство патриотизма могли стать еще одним стимулом к росту экстремистских настроений в германских вооруженных силах. Военнослужащие имели очевидные пробелы в исторических и политических знаниях, особенно касающиеся периода Второй мировой войны. Это неудивительно, если принять во внимание тот факт, что военные привлекали членов ультраправых «Республиканцев» для политической подготовки новобранцев и для обучения их истории. «Единственное преступление Германии заключалось в том, что она проиграла две мировые войны», — заявил глава «Республиканцев» Франц Шёнхубер, хвалившийся своими связями среди высокопоставленных офицеров бундесвера⁹⁵.

Кристиан Краузе, чей отец в начале 1990-х годов был членом кабинета канцлера Гельмута Коля, утверждал, что, будучи призванным на десятимесячную военную службу, столкнулся с многочисленными проявлениями неонацизма. «Во время праздников всегда произносился тост в честь Гитле-

ра, — рассказывал Краузе, — а выпив, многие офицеры начинали обмениваться нацистским приветствием, выкрикивая “Зиг хайль!”» Ряд сообщений показывал, что в немецкой армии процветал черный рынок, где продавались сборники эсэсовских песен, «Mein Kampf» Гитлера, музыка скинхедов, флаги со свастикой и прочая противозаконная нацистская атрибутика. Подобные вещи можно было приобрести в казармах Франца-Йозефа Штрауса в Баварии. Там солдаты отмечали день рождения Гитлера, распевая нацистские гимны и просматривая пропагандистские фильмы времен Третьего рейха. «Было совершенно ясно, что некоторые из наших командиров хотели привить молодым солдатам традиции вермахта», — рассказал журналистам журнала «Штерн» один из проходивших подобное обучение.

В 1992 году находившиеся на действительной службе военнослужащие стали участниками 68 связанных с неонацистами происшествий, в результате чего погибли три человека; более чем в 10 случаях немецкие солдаты применяли свое оружие против иностранцев. В этом же году опрос, проведенный собственной социологической службой бундесвера, выявил, что армия «становится все более популярной среди молодых людей, слабо или вовсе не интересующихся демократическими ценностями». Это частично объяснялось пробелами в немецком законодательстве, позволявшем трети населения выбирать вместо военной гражданскую службу. Вследствие этого в армии собирались люди с более консервативными убеждениями, нежели в обществе в целом. Другим фактором было то, что фашистские группы побуждали своих членов идти в армию, чтобы приобрести там необходимую военную подготовку. Сама атмосфера боевой подготовки после окончания «холодной войны» стала намного жестче. Об этом свидетельствует случай с немецким военным инструктором, на вопрос которого «От чего растет трава?» его подчиненные должны были хором выкрикивать: «Кровь, кровь, кровь»⁹⁶.

Узнав, что некоторые из его подчиненных присоединились к неонацистским бандам, генерал Науманн демонстративно осудил проявления расизма и антисемитизма. Он также посетил мемориал «Яд Вашем» в Иерусалиме, чтобы почтить память жертв Холокоста. В других случаях он вел себя по-иному. После объединения Германии он с энтузиазмом заявил своему Генеральному штабу о том, что они достигли конца исторической эпохи, начавшейся не в 1945, но «в 1789 году, когда произошла Французская революция». Его стремление разделиться с демократическими принципами «свободы, равенства и братства» не могло не напомнить о знаменитом замечании Йозефа Геббельса: задачей национал-социализма является «стереть 1789 год из германской истории»⁹⁷.

Антипатию Науманна к 1789 году разделяли и теоретики «Новых правых», возглавивших идейное наступление на либерализм в Германии, начав-

шеся после окончания «холодной войны». Возникшие в «мертвый сезон» неофашизма, немецкие «Новые правые» до падения Берлинской стены оставались достаточно маргинальным явлением. Затем, оживившись, они попытались покорить интеллектуальные высоты. Их основным рупором стал качественно издаваемый и хорошо финансируемый еженедельник «Молодая свобода» («Junge Freiheit»).

Основанный в 1986 году девятнадцатилетним Дитером Штайном (Dieter Stein), еженедельник «Молодая свобода» опубликовал несколько статей и интервью руководителя GRECE («Группа изучения европейской цивилизации») Алена де Бенуа. Однако германские «Новые правые» не соглашались с некоторыми из последних идей де Бенуа, в частности, о том, что классическое национальное государство не имеет будущего. Для них было принципиально важно искупление ультранационализма. Они хотели реабилитировать дискредитированных мыслителей Консервативной революции 1920-х годов. Издание было полно мемориальных материалов, посвященных Эрнсту Юнгеру, Карлу Шмитту, Освальду Шпенглеру и прочим антидемократическим идеологам, превозносившим языческие истоки немецкой культуры и содействовавшим приходу Гитлера к власти⁹⁸.

Для Штайна и других интеллектуалов «Новых правых» главным врагом всегда оставалось в первую очередь американское общество потребления, а не коммунизм. С крахом советского блока Соединенные Штаты стали единственным врагом — эта ситуация была очень благоприятна для «Молодой свободы», пытавшейся завоевать сердца и умы широких масс. Как и его фашистские предшественники времен Консервативной революции, он отвергал парламентскую демократию как чуждую форму правления и подчеркивал необходимость для немцев вновь открыть свою истинную идентичность, вспомнив о былой славе и ослабив связи с Западом.

Редакционные статьи Штайна в пользу независимой военной политики Германии с удовлетворением воспринимались руководством бундесвера. В нескольких случаях статьи из еженедельника перепечатывались немецкими военными изданиями. «Молодая свобода» также публиковала работы ультраправого историка Эрнста Нольте (Ernst Nolte), считавшего преступления Гитлера защитной реакцией на советский коммунизм⁹⁹.

Еженедельник «Молодая свобода» пользовался особой популярностью в немецких и австрийских университетах, где возрождались ультраправые студенческие общества, так называемые «братства» (Burschenschaften). Известные своим злобным национализмом, эти объединявшие исключительно мужчин содружества выпивохов пропагандировали дуэли на саблях без защитных масок, оставлявшие отметины на многих практиковавших эту «мужскую» забаву.

(Аналогичным образом получил свое увечье и Отто Скорцени.) По данным социолога Герхарда Шафера из Бремена, «заметное меньшинство членов Burschenschaften может быть отнесено к неофашистам». Некоторые из этих сообществ дуэлянтов оказывали материальную поддержку еженедельнику «Молодая свобода». Студенты, вступавшие в «братства», зачастую разделяли те же пангерманские воззрения, что и еженедельник «Молодая свобода», рекламировавшийся в Австрии как «газета для Австрии и остальной Германии»¹⁰⁰.

Штайн, однако, отрицал любые связи со скинхедами и неонацистами, даже невзирая на то, что некоторые редакторы еженедельника происходили из организаций, связанных с Михаэлем Кюненом. Практически ежедневно в Германии происходили нападения на иностранцев, но Штайн утверждал, что угроза неонацистского насилия сильно преувеличивается средствами массовой информации. «Немцы проявляют крайнюю сдержанность, не нападая на иностранцев», — уверял он¹⁰¹.

Штайн также пытался дистанцироваться от неонацистского подполья, чтобы не подорвать усилия «Молодой свободы» по налаживанию связей с националистически мыслящими представителями политических и деловых кругов. Однако ему не удалось обмануть министра внутренних дел земли Северный Рейн — Вестфалия Герберта Шнора (Herbert Schnoor). «В отличие от правых экстремистов старого времени, я считаю “Новых правых” более опасными», — заявил он. Шнор предупреждал, что реакционно мыслящая интеллигенция пытается насадить авторитарную атмосферу в немецких студенческих городках. «Они действуют так умело, что человек даже не замечает, как попал в их сети, — заявлял Шнор. — Возможно, им удастся сдвинуть демократические партии вправо»¹⁰².

Смущенный Штайн продолжал призывать к восстановлению Германии в границах 1937 года. «Германия — это Гулливер, с которого срезали путы, — говорил он. — Просто Гулливер еще этого не заметил»¹⁰³.

Территориальный императив

Когда представителю правительства был задан вопрос об официальном германском календаре на 1993 год, он назвал его ошибкой, сделанной в спешке. Изданный и распространявшийся Министерством внутренних дел крупноформатный календарь представлял фото различных «немецких» городов — по одному на месяц. Однако два изображенных города находились в Польше, а третий был столицей только что ставшей независимой Эстонии. Несмотря на последовавшее веселье, сверху поступили указания

не убирать вызвавший такую реакцию календарь из тысяч немецких школ и колледжей¹⁰⁴.

Инцидент с календарем вряд ли можно назвать аномалией для пережившей «холодную войну» Германии, где призывы к «исправлению границ» стали совершенно обыденным явлением. «Путешествуя по стране и беседуя с представителями низовых партийных организаций, понимаешь, сколь сильно там влияние “Новых правых”», — заметил депутат Бундестага от христианских демократов Фридберт Пфлюгер. Он признал, что в ходе многих проводившихся им встреч «поднимался вопрос о западной границе Польши и выдвигались требования о возврате Силезии и Восточной Пруссии». Высокоставленные немецкие официальные лица достаточно спокойно говорили о «Центральной Германии», имея в виду территории бывшей коммунистической Восточной Германии. В телевизионном обращении к немецким студенческим сообществам Вольфганг Шойбле (второй человек после Коля и его явный преемник) заявил о территории, некогда бывшей «востоком Германии», что на самом деле «она находится в центре Германии». Продвигая эту опасную точку зрения, Шойбле и его коллеги поддерживали неонацистов, настаивавших, что земли к востоку от объединенной Германии принадлежат фатерланду¹⁰⁵.

В отличие от внепарламентских неонацистов, официальные лица Германии имели возможность подкрепить свои реваншистские рассуждения значительными финансовыми средствами. В начале 1990-х годов федеральный бюджет Германии, отдельной позицией в котором указывалась «Центральная Германия» (Mitteldeutschland), подразумевавшая территорию бывшей ГДР, щедро выделял средства для «Союза изгнанных» (Bund der Vertriebenen), зонтичной организации с десятками филиалов, разделявшей мнение неонацистов о том, что Германия должна восстановить свои «истинные этнические границы». Они мечтали о «Великой Германии», которая охватит не только значительные территории на Востоке, но также немецкие анклавы во Франции, Бельгии, Австрии и североитальянском Южном Тироле¹⁰⁶.

После Второй мировой войны свыше 11 миллионов немцев были изгнаны из домов, располагавшихся в спорных восточных зонах, где границы перемещались с места на место в течение многих веков. Когда прежние немецкие территории вошли в состав советского блока, озлобленные изгнанники стали естественными союзниками ЦРУ и «Организации Гелена» и начали вербовать агентов из числа перемещенных лиц. Ряд организаций «изгнанных», возникших в начале 1950-х годов, возглавлялись бывшими офицерами SS. Эти воинствующие изгнанники и их потомки создали в Западной Германии

мощное правое лобби — ведь перемещенные лица составляли более 20% всего населения страны. В течение многих лет они приносили заметное число голосов Христианско-демократическому союзу, во главе которого стоял Аденауэр, затем — Гельмут Коля. Партия предоставляла средства, а также уделяла внимание активистам «изгнанных», несмотря на то что многие из них придерживались пронацистских взглядов. Некоторые руководители «изгнанных» использовали выходящие на государственные средства публикации для доказательства того, что Холокост был всего лишь антигерманской пропагандой¹⁰⁷.

Лоббистские группы «изгнанных» «всегда полагались на Коля», вспоминал бывший сотрудник дипломатической службы США Дуглас Джонс. Не желая не отталкивать от себя мощную и хорошо организованную группу избирателей канцлер и ряд других членов его кабинета в годы «холодной войны» несколько раз подтверждали, что рассматривают немецкие границы 1937 года в качестве законных. В 1984 году федерация изгнанников наградила Коля почетной медалью за его заявления о том, что «территориальный вопрос остается открытым». Всегда готовое прийти на помощь ассоциациям изгнанных правительство Германии значительно увеличило их финансовую поддержку после падения Берлинской стены, даже в условиях сокращения затрат на социальную сферу. (Эти урезания объяснялись необходимостью покрытия расходов на объединение.) Подобное поклонение фанатикам-ирредентистам «сформировало часть политического ритуала, согласно которому безответственно и упорно отказывались и от причин, и от последствий войны, начатой и проигранной немцами», заявлял писатель Гюнтер Грасс¹⁰⁸.

Официальные лица Госдепартамента США считали, что снисходительность Коля к открыто реваншистским группировкам — это точно рассчитанный ход с целью сохранить контроль над экстремистами, стремившимися расширить германские границы. Однако такая аргументация не могла успокоить тех, кто в этих призывах угадывал более опасные ноты. Возможно, правительство и не имело подобных намерений, однако официальная поддержка организаций изгнанников способствовала реализации планов неонацистских лидеров, которые часто выезжали на восточные территории, надеясь на их будущее вхождение в фатерланд. Порой неонацистские агитаторы координировали свою деятельность с «изгнанными», получавшими государственное финансирование и возглавлявшимися высокопоставленными германскими официальными лицами.

Одним из таких людей, в начале и середине 1990-х годов «сидевших на двух стульях», был и Эдуард Линтнер (Eduard Lintner). Он одновременно являлся заместителем министра внутренних дел Германии и ключевой фигурой в финансирувавшемся правительством «Объединении судетских

немцев» (Sudetendeutsche Landsmannschaft, SL) — филиале «Союза изгнанных», выступавшем за немецкую экспансию на территорию соседней Чехословакии. Эта группа, в свою очередь, была тесно связана с пронацистской организацией Sudeten German Witikobund. По иронии судьбы одной из задач Линтнера на посту заместителя министра внутренних дел было расследование неонацистской деятельности¹⁰⁹.

Связи «Объединения судетских немцев» с неонацистами и их родственниками из «Новых правых» соответствовали политическим корням организации. Основанное бывшими офицерами SS и ветеранами вермахта, объединение никогда не прекращало призывать к возврату Судет, аннексированных Гитлером в 1938 году. Тяжелые воспоминания о нацистской оккупации делали чехов весьма чувствительными к грубой тактике ассоциаций немецких изгнанников, увеличивших свою активность после завершения «холодной войны»¹¹⁰.

В конце 1992 года Чехословакия распалась на два государства. Этому расколу отчасти поспособствовали действия немецкого фонда, тесно связанного с Христианским социальным союзом (баварской партией, тесно связанной с Христианско-демократическим союзом Коля). Он снабжал деньгами словацких сепаратистов и поддерживал набиравшего популярность Владимира Мечиара, «сильную руку», сотрудничавшую с Бонном. В это время «Объединение судетских немцев» и его неонацистские союзники упорно настаивали на том, чтобы разрешить этническим немцам, изгнанным из Судет (занимавшим треть территории Чешской Республики), и их потомкам вернуться на старые места проживания, при этом сохранив свое немецкое гражданство.

В ответ на требования выплаты компенсаций чехам, пострадавшим от гитлеровского режима, Бонн поднял вопрос о возмещении убытков, связанных с экспроприацией собственности двух с половиной миллионов судетских немцев после краха Третьего рейха. После того как чешские суды отвергли это требование, министр финансов Германии Тео Вайгель сделал политический «залп»: прозрачно намекнул о возможности заблокировать вступление Праги в ЕС. Чешские официальные лица были в ярости, но не могли позволить себе скрестить клинки с Бонном. Поскольку немецкий капитал давал львиную долю инвестиций в экономику Чешской Республики, у Бонна был очень хороший рычаг для давления на более слабого соседа. «Статус Чешской Республики изменился. Теперь мы уже не советский сателлит, а немецкий протекторат», — заметил обозреватель газеты «Prague Post»¹¹¹.

Польское правительство в свою очередь опасалось аналогичных действий Германии в Силезии, Померании и районах, ранее входивших в территорию Восточной Пруссии. Неонацисты из-за Одера и Нейсе не упускали возможность поддержать претензии Германии на большие территории Польши. Как

и в Судетах, неонацистская агитация проходила параллельно, а иногда и в дополнение к усилиям групп «изгнанных». Они поддерживались Бонном и проводили реваншистскую пропаганду в анклавах этнических немцев на территории Польши. Несколько неонацистских групп сосредоточили свое внимание на Верхней Силезии, территории, богатой углем, железом и другими природными ресурсами. Наиболее активной считалась группа «Национальное наступление», созданная в 1990 году бывшими последователями Михаэля Кюнена. Годом позже «Национальное наступление» купило дом в польской деревне Дзевковице, вскоре сменившей название на прежнее — Фраунфельд. Дом стал оперативной базой для деятельности лидера «Национального наступления» Гюнтера Бошютца (Günter Boschütz), издававшего на немецком языке студенческий журнал «Silesian Report». Вместе с финансируемыми Бонном группами «изгнанных», такими как «Кружок друзей Германии» (Deutsche Freundeskreise), «Национальное наступление» занималось установкой двуязычных дорожных знаков и организовало круглосуточное радиовещание на немецком языке. В мае 1992 года Бошютц организовал слет в Кадубе, где одним из выступавших был ультранационалист Бела Эвальд Альтханс, много раз приезжавший в Силезию¹¹².

В декабре 1992 года польские власти признали Бошютца нежелательным иностранцем и вышвырнули его из Силезии. В тот же месяц немецкие власти запретили «Национальное наступление». Этот запоздалый шаг Бонна лишний раз продемонстрировал двусмысленное отношение немецкого правительства к воинствующим неонацистам, которые то поддерживали официальную политику страны, то нет. Убежденные неонацисты и интеллектуалы «Новых правых» принципиально отрицали парламентскую демократию, но были заодно с властями в попытках ограничить иммиграцию и поддержать этнических немцев, проживающих за пределами Федеративной Республики. Неонацистские группы обычно занимали крайние позиции, что позволяло правительству Германии, преследуя гегемонистские цели, выглядеть достаточно умеренно.

Следует заметить, что часть культурных проектов, поддерживавшихся Бонном, были совершенно безобидными, например, курсы по пошиву силезских народных костюмов. Более разумные представители «изгнанных» старались, чтобы средства, полученные от фатерланда, шли на пользу не только немцам, но и полякам. Однако многие польские фольксдойче (Volksdeutsche — обозначение «этнических германцев». — *Примеч. пер.*) достаточно неуклюже выражали свою возродившуюся национальную гордость. Десятилетия коммунистического угнетения не смогли полностью вытравить старый германский шовинизм. (Изучение немецкого языка

в школах Силезии было запрещено до 1990 года.) Сдерживавшиеся национальные чувства сделали немецкое меньшинство легким объектом для манипуляций со стороны ультраправых реваншистов, чьи постоянные разглагольствования о «Великой Германии» вывели из себя польское руководство. Президент Лех Валенса обвинил силезских немцев в участии в нелегальной кампании «изгнанных» по установке памятников немецким солдатам, погибшим во Второй мировой войне¹¹³.

Официальные власти Польши уже не раз высказывали свою озабоченность выходками неонацистов против поляков, посещавших Федеративную Республику. Новые искры вспыхнули в феврале 1993-го, когда польский губернатор подверг критике немецких дипломатов за организацию «неофициальных групп» и проведение несанкционированных встреч с руководителями германских общин Силезии. В следующем месяце офицер польской армии немецкого происхождения был приговорен к тюремному заключению за шпионаж в пользу Бонна. Эти факты свидетельствовали о нервозности польского руководства в связи с экономическими посягательствами Германии и подрывной деятельностью немцев, изгнанных из Силезии. Однако Варшаве пришлось подчиниться требованиям Бонна и предоставить немецкому меньшинству, проживающему в Польше, специальные права и привилегии. Таким образом, польские фольксдойче, проживавшие в Силезии и Померании, отныне могли участвовать в немецких выборах и путешествовать с германскими паспортами. В то же время парламент Федеративной Республики отказался принять закон, защищающий права этнических меньшинств на территории своей страны. Подобная политика «двойных стандартов» только усилила впечатление того, что Бонн занимается проведением традиционной политики с позиции силы¹¹⁴.

Еще одной целью пангерманской националистической пропаганды стал Калининград. Ранее называвшийся Кенигсбергом, этот старый прусский порт после Второй мировой войны превратился в крупную базу советского военного флота. После падения СССР он стал географическим курьезом, отрезанным от России и зажатым между Польшей и прибалтийскими государствами. В качестве первого шага к «регерманизации» города Бонн предложил финансовую помощь, которая должна была подвигнуть фольксдойче перебираться туда на жительство. Вскоре город, словно магнитом, стал притягивать к себе правых экстремистов, включая и вездесущего Эвальда Альтханса, искавшего расположения растущего немецкого населения призывами возобновить в Калининграде германское управление. И снова действия неонацистов, как казалось, во многом совпали с намерениями популярных немецких политиков¹¹⁵.

В Калининграде заработал филиал «Дойче банка», а немецкие предприниматели открыли магазины и рестораны, чтобы оказывать услуги потоку туристов из Федеративной Республики, хлынувших в область. В некоторых районах города таблички с названиями улиц сменили с русских на немецкие. Не упоминая о полноценном «аншлюсе», руководители немецкого бизнеса начали мечтать о демилитаризованном Калининграде, которому будет предоставлен специальный статус свободного порта и зоны свободной торговли. Пока они с энтузиазмом рассуждали о новом Гонконге на Балтике, действовавшая при поддержке Бонна группа реваншистов «Ассоциация немцев зарубежья» («Verein für das Deutschtum im Ausland», VDA), не привлекая к своей деятельности особого внимания, занялась захватами земель в регионе¹¹⁶.

Продвигаясь далее по побережью Балтики, немецкие ультраправые попробовали свои силы в Латвии. Иоахим Зигерист (Joachim Siegerist), немец, ставший гражданином Латвии в силу латышского происхождения своего отца, организовал в принявшей его стране политическую партию «Народное движение Латвии». На состоявшихся в октябре 1995 года выборах партия завоевала 15% голосов избирателей. С подобным результатом Зигерист внезапно стал заметной фигурой в политической жизни страны, даже невзирая на то, что немецкий суд приговорил его к 18 месяцам тюремного заключения за нарушения закона о расистских высказываниях. Ветеран кампании за освобождение Рудольфа Гесса, Зигерист использовал свои обширные связи среди немецких ультраправых, поддержавших его «вылазку» в латышскую политику¹¹⁷.

Успех Зигериста стал отражением резкого «поправения», наступившего в Латвии после «холодной войны», когда отрицание Холокоста и обеление военных преступников поощрялись правительством. Латвийская молодежь записывалась в возрожденное движение «Лесных братьев», изначально представлявшее собой профашистские ополченческие формирования, в годы Второй мировой войны сотрудничавшие с нацистской Германией и по собственной инициативе проводившие еврейские погромы. Одетые в форму старого образца, эти политические экстремисты патрулировали улицы Риги, столицы Латвии, как будто бы Гитлер одержал победу. Латвийское правительство также сформировало 15-тысячную военизированную организацию «Земессардзе» («Национальная гвардия»), в которую было включено два почетных подразделения ветеранов SS. В апреле 1993 года латвийский парламент почтил минутой молчания павших солдат «Латышского легиона SS». В том же году правительство Германии заявило, что будет выплачивать ежемесячную пенсию бывшим латышским эсэсовцам. При этом Бонн не соглашался на компенсации латышам, пострадавшим от гитлеровского режима¹¹⁸.

Балканская топка

Над военным лагерем, расположенным в затерявшейся в горах деревушке Клек, развевался флаг со свастикой. Таблички с сербскими названиями улиц были сорваны, а центральная площадь теперь получила новое имя: площадь Рудольфа Гесса. На рассвете там собрались солдаты в черной форме. Они пили джин и хвастались оружием. Это были члены интернациональной бригады неонацистов, прибывшие воевать за Хорватию, отколовшуюся от Югославии в 1991 году. Самые ожесточенные бои проходили в Боснии, где схлестнулись территориальные претензии хорватов, сербов и мусульман. Это повлекло за собой эскалацию насилия с обеих сторон.

В зону боевых действий на Балканах направилось две сотни добровольцев из числа немецких неонацистов. К ним присоединились правые экстремисты из Франции, Великобритании, Австрии, Испании, Португалии и Соединенных Штатов. Руководитель немецких неонацистов Кристиан Ворх благословил поход наемников в своем издававшемся в Гамбурге журнале «Index»: «Несмотря на то что дома у “солдат политики” есть много срочных задач, мы считаем важным поддержать отважно сражающийся и страдающий народ Хорватии»¹¹⁹.

Большинство из прибывших из-за рубежа вояк действовали вместе с Хорватскими оборонительными силами (HOS), нерегулярными войсками, обладавшими большей боеспособностью, чем официальная армия страны. Имея под ружьем 15 тысяч человек, HOS стремились создать государство, не только большее по территории, но и основанное на идеях национал-социализма. Их форма с высокими воротниками и черными беретами копировала ту, которую во время Второй мировой войны носили усташы. Тогда в Хорватии правило марионеточное нацистское правительство Анте Павелича. Этот сумасшедший преступник с наклонностями вампира возглавил уничтожение сотен тысяч сербов, евреев и цыган. Даже поддерживавшие хорватов нацисты были потрясены зверствами усташей, оставившими глубокий след в коллективной памяти сербов. Неудивительно, что сербское население опасалось бойцов Хорватских оборонительных сил, которые обменивались нацистскими приветствиями и щеголяли символикой усташей, напоминая Павелича. Даже многие солдаты регулярной хорватской армии пользовались знаками различия усташей.

Жестокость усташей восхваляли неонацистские издания, в частности выпускавшийся в США Герхардом Лауком на многих языках журнал «Новый порядок» («New Order»). После окончания «холодной войны» и распада Югославии на мелкие национальные образования «Новый порядок» публи-

ковал от имени Хорватии многочисленные воззвания, вербуя наемников для войны против сербов. Ряд неонацистов из Западной Европы, сражавшихся за Хорватию, были ветеранами антисионистской «интербригады» Михаэля Кюнена и отправились затем в Багдад с тем, чтобы продемонстрировать свою поддержку Саддаму Хусейну в ходе войны в Персидском заливе 1991 года.

В то время как операция в Багдаде была во многом пропагандистской задумкой, неонацистские авантюристы в Хорватии принимали участие в настоящих кровопролитных стычках с врагом. «В Сербии мы убиваем последних коммунистов и завтра разрушим тиранию демократии», — объяснял Мишель Фаси (Michel Faci), французский неонацист, тесно связанный с сетью Кюнена¹²⁰.

Хорватские оборонительные силы создали для Фаси и его коллег тренировочные лагеря для подготовки к диверсиям, ночным нападениям и рейдам в сербский тыл, обучения подрывному делу. Некоторые получали военные награды за убитых сербов. После службы в Хорватии они возвращались домой с вновь обретенными знаниями в обращении с оружием и тактике. Бонн не предпринимал никаких действий против этих неонацистских наемников, даже невзирая на то что их участие в боевых действиях в Хорватии представляло собой явное нарушение немецких законов¹²¹.

Тем не менее никакая помощь иностранных наемников не могла сравниться с политической и военной поддержкой, которую оказывало хорватам немецкое правительство. В то время как Соединенные Штаты и страны — члены Европейского сообщества пытались предотвратить распад Югославии, Бонн в конце 1991 года в одностороннем порядке признал Хорватию как независимое государство, а затем принялся выкручивать руки другим странам, чтобы они последовали его желаниям. Позднее Соединенные Штаты обвинили Бонн в том, что он спровоцировал кризис в Югославии, существовавшей как единая страна с 1919 года, за исключением того краткого периода, когда Гитлером на ее территории было создано марионеточное хорватское государство.

Упреждающие дипломатические маневры объединенной Германии привели к эскалации гражданской войны на Балканах, унесшей сотни тысяч жизней и сорвавшей со своих мест проживания свыше миллиона человек. Бонн только усилил интенсивность конфликта, поставив Хорватии большое количество оружия. В период с 1992 по 1994 год Германия экспортировала в страну военной техники на 320 миллионов долларов — в том числе истребители МиГ, ракеты «земля-воздух» и новые модели танков. Все это происходило, несмотря на установленное ООН эмбарго на поставки оружия в Хорватию. На дороге в балканский хаос можно было встретить колонны в полторы тысячи военных машин из Восточной Германии. Германия также

готовила хорватских летчиков и снабжала своих союзников по борьбе с общим врагом разведывательной информацией. Эксперт по вопросам военной политики Германии Хелено Сано рассказал о психологической подоплеке этой политики: «В своем “историческом бессознательном” немцы продолжали негодовать на сербов со времени Второй мировой войны, поскольку, несмотря на то что Гитлер направил в страну 30 дивизий, им так и не удалось разгромить антифашистских партизан под командованием Тито»¹²².

Под эгидой НАТО немецкие самолеты впервые с 1945 года приняли участие в боевых вылетах, препятствуя сербским истребителям в действиях над территорией Боснии. Когда же в 1995 году удача оказалась на стороне Хорватии, Бонн согласился направить на место до четырех тысяч военнослужащих, чтобы поддержать хрупкие мирные соглашения. Германская интервенция широко описывалась в гуманитарных терминах, однако генерал Клаус Науманн, занимавшийся закулисным лоббированием более активного участия военных в операции, имел на этот счет собственные планы. В то время как некоторые немецкие официальные лица совершенно искренне сомневались в целесообразности вмешательства в тех районах, которые в свое время были опустошены Гитлером, Науманн видел в этом возможность проверить своих людей в боевой обстановке.

Решение Бонна направить в регион войска имело значительные последствия, сказавшиеся далеко за пределами балканской топки. Оно знаменовало собой постепенный, шаг за шагом рост влияния Германии на континенте — процесс, тщательно спланированный лидерами страны. Критики предупреждали, что вмешательство в Боснии распахнет двери будущим военным интервенциям в других регионах, — Германия была готова к такому повороту событий, создав 50-тысячную ударную группировку, способную быстро развернуться в любом регионе мира¹²³.

В краткосрочной перспективе основным выгодоприобретателем от новой военной политики Германии стала Хорватия, страна, возглавлявшаяся беспринципным оппортунистом, прибегавшим к лозунгам о самоопределении, чтобы манипулировать общественным мнением. Моральные качества президента Франьо Туджмана были столь же сомнительны, как и у его сербского коллеги Слободана Милошевича. Оба они были карьеристами, выступавшими за политику «сильной руки» вкупе с ультранационалистической мечтой о чистой национальной идентичности, которую следует сохранять любой ценой. Хотя и хорваты, и сербы уничтожали своих врагов с одинаковой жестокостью, Туджмана меньше критиковали за рубежом. Это частично объяснялось тем, что в начале гражданской войны Хорватию представляли жертвой агрессии со стороны сербов. Свою роль сыграло и запоздалое же-

лание Туджмана заключить союз с боснийскими мусульманами. Туджман также завоевал симпатии Запада своими лживыми утверждениями о том, что Хорватия была демократическим государством, боровшимся против сербской коммунистической тирании. В ряде случаев НАТО наносила по сербам «удары возмездия», однако когда хорватские самолеты летом 1995 года преднамеренно обстреляли позиции миротворцев ООН, убив несколько человек, никаких ответных действий со стороны альянса предпринято не было¹²⁴.

Туджман тем временем увлеченно занимался переписыванием истории Хорватии. Его книга «Пустоши исторической действительности» минимизировала роль хорватов в геноциде сербов в годы Второй мировой войны. Туджман утверждал, что усташы убили намного меньше сербов, чем принято считать. Он также называл преувеличением и шесть миллионов евреев, «якобы уничтоженных» в годы войны. Его попытка преуменьшить значение Холокоста (это слово он всегда писал в кавычках) приветствовалась калифорнийским Институтом пересмотра истории. «В то время как в ряде стран подавляется ревизионизм в отношении Холокоста, в Хорватии он имеет поддержку на самом верху», — ликовали в Институте¹²⁵.

Вместо того чтобы отречься от пронацистского прошлого Хорватии, Туджман подчеркивал преимущество своего правительства и марионеточного режима усташей, отражавшего, по его словам, «вековечные чаяния хорватского народа». По настоянию Туджмана в стране была принята новая денежная единица «куна», имевшая хождение при усташах. В столице Хорватии Загребе Площадь жертв фашизма была переименована в Площадь хорватских властителей. Произошла реабилитация ведущих деятелей режима усташей, включая и римско-католического священнослужителя Алоизие Степинаца, сотрудничавшего с нацистами; именно он помог Анте Павеличу и многим его приспешникам бежать после войны в безопасные края. Правые хорватские эмигранты, особенно в Южной Америке, США и Канаде, активно содействовали приходу Туджмана к власти. Он отплатил им, назначив несколько бывших официальных лиц режима усташей на правительственные посты. Из уважения к своему главному стороннику Туджман позаботился о том, чтобы по хорватскому телевидению не показывали фильмов, изображавших Германию агрессором в годы Второй мировой войны¹²⁶.

Хорватия была не единственной восточноевропейской страной, искажившей историю военных лет, чтобы выставить в более благоприятном свете сражавшихся на немецкой стороне. Кампания по реабилитации маршала Иона Антонеску, жестокого лидера румынской «Железной гвардии», союзника стран Оси, пользовалась широкой поддержкой как среди оппозиции, так и среди членов правительства, пришедшего к власти в Бухаресте после «холодной войны». В мае

1991 года парламент Румынии почтил память Антонеску минутой молчания. Хотя этот жест и не был одобрен президентом страны Ионом Илиеску, он, тем не менее, сформировал правящую коалицию с участием ряда ультранационалистических партий, превозносивших Антонеску как жертву^{127, 128}.

К 1992 году в Румынии была воссоздана «Железная гвардия». Ее возрождению способствовала деятельность немецкого «Фонда Ганса Зайделя» (Hans-Seidl Stiftung), который был связан с баварским Христианско-социальным союзом — партнером канцлера Коля по консервативной коалиции. Низкопоклонство перед Антонеску и «Железной гвардией» ярко проявилось на проходившем в июне 1995 года в Сигете (город на севере Румынии) симпозиуме, профинансированном Фондом Ганса Зайделя. Сопровождавшая его выставка демонстрировала положительные портреты ряда деятелей диктатуры «Железной гвардии» времен Антонеску, а также руководителя румынской секции нацистской партии Гитлера¹²⁹.

Фонд Ганса Зайделя также оказывал финансовую поддержку словацким сепаратистам. Для последних образцом было марионеточное государство отца Йозефа Тисо, существовавшее в годы Второй мировой войны и полностью соответствующее их мечтам о национальной независимости и суверенитете. Попытки реабилитации Тисо и его подготовленной немцами «Гвардии Глинки», сыгравшей важную роль в депортации в Освенцим около 70 тысяч словацких евреев, стали после «холодной войны» одним из основных направлений словацкой политики. Правящая коалиция во главе с Владимиром Мечиаром включала и представителей ультраправой «Словацкой национальной партии», открыто превозносившей Тисо. Станислав Панис, депутат Федеральной ассамблеи Словакии, с пренебрежением высказался о гибели в годы Второй мировой войны шести миллионов евреев¹³⁰.

«Народ, который не может отречься от своего фашистского прошлого, может осудить себя на фашистское будущее», — писал Майкл Игнатъев, канадский историк, публицист и политик. Это высказывание относится к большинству стран Восточной Европы, куда после распада СССР вернулись, чтобы мстить, радикальные националистические движения. Как и в Восточной Германии, многие здесь наивно ожидали быстрого перехода к процветающей экономике «свободного рынка». Однако вместо мгновенного улучшения ситуации демонтаж коммунистической системы привел к бедности, бездомности, недоеданию, разгулу преступности и «беспримерному ухудшению благосостояния во всем регионе», делало вывод проведенное в 1994 году UNICEF исследование¹³¹.

Искавшие козлов отпущения демагоги всегда использовали экономические и социальные трудности. Постсоветская Восточная Европа в этом отно-

шении не стала исключением. Национал-шовинисты распространяли слухи о каких-то темных и злых силах, именно на них возлагая ответственность за обычные скрытые интриги. Антисемитизм снова стал «явным и тайным языком эксклюзионистов и ксенофобов от политики», и это невзирая на то, что евреев в большинстве мест уже просто не осталось. Нетерпимость принимала самые разные формы — от осквернения кладбищ неонацистскими вандалами до использования циничными политиками низменных инстинктов избирателей для завоевания голосов. Антисемитизм был своего рода показателем экономических и социальных бедствий, обрушившихся на бывшие коммунистические государства. Однако основной удар ксенофобского насилия пришелся по более доступным целям: цыганам и национальным меньшинствам — именно на ними охотились банды скинхедов, действовавшие во всех странах региона¹³².

Начавшееся в Восточной Европе после «холодной войны» возрождение расизма и неофашизма подпитывалось доходившим до одержимости стремлением создать моноэтническое государство. Его граждане должны объединяться по принципу крови, происхождения и языка, а не проживанием в рамках официально признанных границ или подчинением единому набору законов, обеспечивающих равные права и равную защиту всем гражданам. Недавний пожар на Балканах показал, сколь опасным может быть заблуждение, связанное с этнической чистотой. Однако этого «опыта» было недостаточно для разоблачения тех, кто продолжал поддерживать подобные сказки. Более того, деятельность ультраправых популистов была легитимизирована Германией, сильнейшей страной европейского континента, основавшей свое законодательство на расистской концепции гражданства¹³³.

Взлет национализма в Восточной Европе был не просто реакцией на годы советского доминирования, как будто пар сорвал крышку пароварки. В регионе происходили более сложные события. Не в силах оправдать завышенные ожидания, созданные собственной пропагандой, коммунистические руководители манипулировали народными предрассудками для поддержания непопулярной системы. Расистские тенденции поддерживались националистическими фракциями, которые входили во все коммунистические партии Восточной Европы. Эти тенденции находили свое выражение в кампаниях антисемитизма, периодически возникавших при поддержке государства как во времена Сталина, так и после него¹³⁴.

Когда завершилась «холодная война», многочисленные коммунисты сбросили свои марксистские украшения и стали активными участниками ультранационалистических групп, росших как на дрожжах. Аналогичные процессы происходили в России и других бывших республиках Советского Союза — и здесь неонацисты из Германии пытались наладить связи.

Флирт с матушкой-Россией

В течение нескольких месяцев российские спецслужбы следили за деятельностью неонацистской террористической ячейки «Легион Вервольф», располагавшейся в Москве. Когда в июле 1994 года в ее штаб-квартире был проведен обыск, контрразведчики обнаружили ящик со взрывчаткой. Они также нашли стеклянную банку, в которой хранилось два заспиртованных человеческих уха.

Они принадлежали одному из членов ячейки, пытавшемуся поджечь московский Дворец спорта, где проходила конференция миссионерского общества «Евреи за Иисуса». Неудачливый поджигатель после провала задания был убит своими товарищами. Его уши хранились в банке как предупреждение для остальных членов неонацистской группировки, в которую входило несколько наемных убийц и бывших заключенных. Руководитель «Вервольфа» позднее признал, что планировал поджог и других объектов, включая московские кинотеатры. Там демонстрировали фильм «Список Шиндлера», посвященный Холокосту и с сочувствием представлявший евреев¹³⁵.

В России евреев редко изображали с симпатией. В этой стране антисемитизм, замаскированный под «антисионизм», был отличительной чертой советской пропаганды с конца 1960-х годов. Ряд широко публиковавшихся российских авторов, таких, например, как Лев Корнеев, ставили под вопрос уничтожение нацистами в годы войны миллионов евреев. Утверждая, что «подлинные цифры составляют по меньшей мере половину или треть от обычно принятой оценки», он подверг эти данные новому пересмотру и заявил о «сотнях тысяч евреев», убитых в ходе Второй мировой войны. Книги Корнеева публиковало государственное издательство «Правда» в конце 1970-х — начале 1980-х годов; автор ссылался на отрицавшие Холокост западноевропейские и американские тексты¹³⁶.

Пропитав население юдофобией, Кремль прервал свою крикливую антиссионистскую кампанию с приходом к власти Михаила Горбачева. Однако этот официальный «крестовый поход» оставил глубокий след среди населения. Одним из неожиданных последствий «гласности» стал взрывообразный рост антисемитского движения, которое продолжило деятельность государственных «разжигателей вражды», но в то же время отказалось от его жестко антиссионистской направленности.

Проявления антиеврейских предрассудков резко выросли после ухудшения в постсоветское время социальной и экономической ситуации. На улицах Москвы и Санкт-Петербурга открыто продавались антисемитские тексты, включая «Протоколы сионских мудрецов», а также работы Гитлера и Геббельса. Наряду с этим после падения коммунистического режима как

грибы после дождя появились полторы сотни ультранационалистических газет. Некоторые неонацистские плакаты несли в своих заголовках символы, напоминавшие свастику. Карикатуры с носатыми евреями продавались в киосках рядом с модными гостиницами, где проститутки предлагали свои услуги западным бизнесменам. Формально российское законодательство запрещало расистские публикации, однако власти практически не мешали широкому распространению желчных статей, обвинявших во всех прошлых и нынешних проблемах страны «жидомасонский заговор».

Несмотря на давние российские традиции антисемитизма, носившие заразный характер, в публичных проявлениях нацизма в стране, столь пострадавшей от рук Гитлера, чувствовался глубокий парадокс. Видный российский неофашист Александр Баркашов так объяснял отсутствие у себя недоброжелательства по отношению к Третьему рейху. По его словам, Вторая мировая война стала результатом еврейского заговора с целью расколоть два великих арийских народа — русских и немцев. «Еврейский холокост был создан искусственно, с тем чтобы скрыть вдохновленный евреями геноцид, в результате которого погибло свыше 100 миллионов русских», — уверял Баркашов¹³⁷.

Бывший ефрейтор и инструктор по карате российской армии, Баркашов заявил о своих экстремистских взглядах, вступив в общество «Память». Это была разношерстная группа фанатиков-антисемитов, устраивавших в конце 1980-х годов шумные публичные демонстрации. Члены «Памяти» носили черную форму в знак скорби по своей стране и раздавали листовки с лозунгами «Россия для русских!» и «Смерть жидам!» Один из руководителей организации Валерий Емельянов провел несколько лет в психиатрической лечебнице, после того как убил и расчленил жену. Еще один руководитель «Памяти» Дмитрий Васильев утверждал, что «еврей Эйхман» заставил Гитлера ненавидеть славян, введя нацистов в заблуждение по расовым вопросам. «Для того чтобы быть евреем, не обязательно родиться евреем... Все во власти — или евреи, или имеют жен-евреек», — заявлял Васильев¹³⁸.

В запутанном клубке советской политики, характерном для эпохи Горбачева, «Память» поддерживали сторонники «твердой линии», выступавшие против перестройки и процессов реформ. Именно этой поддержкой объясняется полученное «Памятью» в ряде городов разрешение проводить свои встречи в зданиях, принадлежавших Коммунистической партии. При поддержке влиятельных сил в Кремле в последние дни СССР это движение стало центром всего правого экстремизма России¹³⁹.

Однако в итоге Баркашов разочаровался в «Памяти», разрывавшейся на фракции и неспособной, по его мнению, проводить серьезные антиправительственные акции. В 1991 году он создал свою собственную органи-

зацию — хорошо иерархически выстроенную военизированную структуру «Русское национальное единство» (РНЕ). Объединившее убежденных сторонников расовой чистоты, РНЕ было крупнейшей и наиболее опасной из всех неонацистских групп, возникших в постсоветской России. Все вступавшие в РНЕ должны были принести Баркашову клятву в абсолютной верности. Сам Баркашов призывал к истреблению «расово ущербных людей» и «генетическому излечению» матери-России. Руководитель РНЕ часто выражал свои симпатии к «Адольфу Алоизовичу» Гитлеру. «Да, я нацист, — хвастался Баркашов. — Что в этом плохого? “Нацист” состоит из двух слов — национализм и социализм. Первое — это возвышение, возрождение своей нации, а социализм — социальная справедливость...»¹⁴⁰

Одетые в военный камуфляж с напоминавшими свастику эмблемами на рукавах, члены РНЕ упражнялись в рукопашном бое и стрельбе, а также проходили политическую подготовку. Некоторые из молодых и хорошо тренированных боевиков приняли участие в обороне московского Белого дома, когда Борис Ельцин в октябре 1993 года распустил парламент страны и подавил своих противников с помощью вооруженной силы.

По мнению Баркашова, постсоветские руководители России были всего лишь наемниками. «Наш главный противник совершенно очевиден — это мировой сионизм со своими веселыми марионетками: Соединенными Штатами и другими странами Запада, — заявлял руководитель «Русского национального единства». — Они пытаются разорвать и уничтожить Россию, потому что Россия — это единственная сила, стоящая на пути всемирного еврейского господства. Они также хотят превратить Россию в поставщика дешевого сырья для Запада»¹⁴¹.

РНЕ располагало офисом близ Кремля, не испытывало недостатка в финансировании и развивало связи со своими сторонниками во властных структурах России. Баркашов утверждал, что пользуется поддержкой высокопоставленных представителей армии, милиции, Министерства внутренних дел и бывшего КГБ. Официальный представитель МВД России Алексей Петренко подтвердил, что некоторые сотрудники этой структуры с симпатией относились к РНЕ: «Я уверен в том, что ряд наших офицеров разделяет взгляды Баркашова, однако они не высказываются об этом в открытую»¹⁴².

Баркашов одобрял неудавшуюся попытку путча, организованную в августе 1991 года растерянными и частично утратившими чувство реальности советскими реакционерами. Этот напоминавший комическую оперу переворот создал предпосылки для более решительного захвата власти, теперь уже Ельциным, и ускорил крах СССР. К концу года из пепла советской империи возникла новая, суверенная Россия. Во внезапных переменах

Баркашов видел для себя новые возможности. «Я нутром чувствую... наше время приближается», — утверждал он¹⁴³.

Распад Советского Союза стал одновременно и катастрофой, и катализатором правозэкстремистского движения в России, пытавшегося заработать капитал на утере ориентиров, отчаянии и унижении, охватившем многих жителей страны. Это трагическое событие на многие годы вперед определило направление политики России. Когда в конце 1991 года Советский Союз перестал существовать, свыше 25 миллионов русских внезапно оказались на территории других государств. Именно они стали целью для все более напористого антирусского национализма — важной темы для Баркашова и других русских шовинистов. В то же самое время на территории России проживали представители более чем 100 национальностей. Как и немецкие неонацисты, русские фашисты играли на недовольстве по отношению к иностранцам и этническим меньшинствам, которые периодически становились объектом нападения банд ультраправых¹⁴⁴.

Помимо того что распад советской сверхдержавы привел к исчезновению чувства личной защищенности и возникновению политической неопределенности, он обострил уже существовавший кризис российской идентичности, отчасти вызванный географическими причинами. Здесь имеет смысл вновь прибегнуть к сравнению с Германией с ее часто менявшимися границами. Германия расположена в центре континента и разрывается между Западом и Востоком, а Россия протянулась на два континента. Русским всегда было сложно определить, относятся они к Европе, или к Азии, или, может быть, их ожидает некая особая «евразийская» судьба. В глубине национальной психики русских присутствует идея «Третьего Рима» — страны, которой доверена историческая и духовная миссия по спасению человечества.

Испытывая тягу в двух противоположных направлениях — к Европе и Азии, русская политическая культура оказалась фактически расколота между двумя лагерями: западников и славянофилов. Первый олицетворяла фигура царя Петра Великого, насмехавшегося над российской отсталостью и подчеркивавшего необходимость следовать примеру Запада. Представители другого лагеря утверждали, что национальные методы управления и институты в большей степени подходят России, нежели капиталистическая система экономики и демократическая форма правления. Убежденные славянофилы, такие как Баркашов, умаляли значение западного материализма и осуждали эпоху Просвещения как источник морального разложения, который уничтожил древние русские ценности и отравил душу русских¹⁴⁵.

Озабоченность моральным вырождением либерализма вообще и американской культуры в особенности занимала центральное место в национали-

стической мысли России. Подобным образом были одержимы и немецкие неонацисты. В этом и заключалась основа для идейной близости правых экстремистов обеих стран. «Мне ближе русские патриоты, нежели американские космополиты, — заявил проживавший в Гамбурге лидер неонацистов Кристиан Ворх, осуждавший Соединенные Штаты как поставщика декаданса. — Америка находится на другом континенте, и ее народ — это не тот фольк (Volk), как мы понимаем это в Германии. Соединенные Штаты — это смесь различных рас». Ворх особо подчеркнул: «Русские — белые люди. Они социально и географически намного ближе к нам».

Именно об этом уже давно говорил генерал-майор Отто-Эрнст Ремер, однако противостояние США и Советского Союза исключало какую-либо возможность возрождения германо-российского союза. «У Ремера был ряд интересных мыслей, но он опережал свое время, — заметил Ворх, несколько раз встречавшийся со стареющей легендой нацистов. — Ремер хотел иметь дело с русскими коммунистами для продвижения немецких интересов, а не по идейным соображениям. В годы «холодной войны» это было нереально»¹⁴⁶.

После краха СССР перспективы создания оси Берлин — Москва в качестве защиты от США значительно улучшились. Однако к этому времени Ремер был уже слишком стар, чтобы принять активное участие в реализации проекта. Осуществить эту мечту попытаются некоторые его ближайшие сторонники, включая Белу Эвальда Альтханса.

В начале 1990-х годов немецкие неонацисты развернулись веером на всех обломках Советского Союза. Некоторые из них направились на Украину, где в августе 1993 года серию публичных встреч в Киеве и Львове провели ветераны дивизии SS «Галичина», сформированной из украинских коллаборационистов, сражавшихся против СССР. Некоторые из них в годы «холодной войны» продолжали свой крестовый поход, теперь уже под руководством ЦРУ. Прожив в эмиграции в США, Канаде и Великобритании, некоторые из этих несгибаемых фашистов вернулись домой, чтобы приветствовать своих товарищей по оружию. Часть из них осталась на Украине в качестве советников нового правительства. «Здесь происходят просто фантастические вещи», — с восторгом говорил Альтханс, посетивший Украину и встретившийся с местными группами неонацистов, выступавших за тесные связи с Германией^{147, 148}.

Украинские события вселяли оптимизм в Альтханса и ему подобных, однако основной целью оставалась Россия. Несколько делегаций неонацистов посетили Москву и Санкт-Петербург, где встретились со своими российскими коллегами. Два раза — в 1992 и 1993 годах — сам Альтханс выехал в Россию для знакомства с ситуацией на месте. Он проводил встречи

по стратегическому планированию с ведущими национал-социалистами, включая Александра Баркашова. Поездки финансировал Эрнст Цундел (Ernst Zündel), проживавший в Торонто отрицатель Холокоста и расист, ставший после окончания «холодной войны» основным спонсором Альтханса. Цундел с большим энтузиазмом отнесся к перспективам возрождения германо-российских связей. «Если мы всерьез возьмемся за дело, вопрос будет решен еще при нашем поколении. Если где-то в мире и может появиться национал-социалистическое правительство, то это, несомненно, в России, — предсказывал он в 1995 году. — Я предвижу его приход к власти в течение ближайших 10 лет»¹⁴⁹.

В августе 1994 года Альтханс снова приехал в Россию. На этот раз он сопровождал своего начальника — канадского эмигранта. «Я был потрясен, увидев экземпляры российских газет с изображением свастики, звезд Давида с капающей с них кровью, — вспоминал Цундел, купивший в центре города экземпляр «Mein Kampf» с золотым тиснением. В ходе визита он завел дружбу с представителями баркашовского РНЕ и другими видными противниками Бориса Ельцина. «Я беседовал с рядом бывших офицеров армии и КГБ, которые рассуждали так, будто беседовали с фон Риббентропом, — рассуждал Цундел. — Они все мыслили геополитическими терминами»¹⁵⁰.

Особенное впечатление на Цундела произвел Александр Стерлигов, высокий и эффектный бывший генерал КГБ, голубоглазый, с волнистыми волосами и острыми славянскими чертами лица. Ему было около 50 лет. Стерлигов, как и обхаживавшие его немецкие неонацисты, страстно ненавидел демократию и обвинял практически во всех проблемах евреев. «Мы говорили о панславизме в новой форме — белом расизме, — вспоминал Цундел. — И о том, как русские сегодня стали тем, чем ранее для всей Европы была Германия. Русские сейчас охраняют расовую чистоту восточной границы. Они взяли на себя задачу обороны от притока мусульман с юга и китайцев с востока».

В попытке создать антиправительственный альянс, пользующийся широкой поддержкой, Стерлигов, который ранее занимал высокий пост в КГБ, объединился с Баркашовым, убежденным неонацистом. Вместе они приняли участие в создании зонтичной организации для структур боевиков — «Русского национального собора» (РНС), призывавшего к объединению всех славян, проживающих на территории бывшего СССР. «Органы государственной безопасности всегда состояли из патриотично мыслящих людей, боровшихся против разрушения нашей нации, — объяснял Стерлигов. — Многие мои бывшие коллеги занимаются тем же, что и я»¹⁵¹.

Тот факт, что значительное число членов РНС составляли действующие офицеры разведки, укрепляло позиции Стерлигова среди мешанины анти-

правительственных групп, возникших в постсоветской России. Генерал был признан в качестве одного из ключевых лидеров зарождавшейся «красно-коричневой» оппозиции. На деле так называемый «красно-коричневый» союз неокommунистов и правых националистов был назван не совсем точно, так как зарождавшаяся коалиция включала в себя достаточно большое число «белых», выступавших за возвращение к монархии. В то время как «белые» романтизировали царскую Россию, «красные» ждали второго пришествия Сталина. Несмотря на все свои различия, антиельцинские силы были едины в одном — для того чтобы спасти Россию от бесчинств Запада, необходима «сильная рука». Опыленные великодержавным шовинизмом, они хотели перекроить границы страны с тем, чтобы напомнить о лучших временах ушедшей империи. Их стремление к расширению территорий было хорошо понятно Эвальду Альтхансу и другим неонацистам, обхаживавшим матушку-Россию после распада Советского Союза.

Приход национал-большевиков

К восторгу своих сербских друзей, Эдуард Лимонов, один из самых харизматичных представителей нового поколения лидеров русских националистов, облачился в военную форму и присоединился к группе снайперов, располагавшихся на передовой заставе в горах Боснии и Герцеговины. Телекамеры зафиксировали, как симпатичный русский импрессарио прицелился и с веселым выражением на лице выпустил пулеметную очередь в сторону видневшегося в долине Сараево. Лимонов, посетивший остатки Югославии вскоре после начала гражданской войны, любил сниматься вместе с представителями сербских нерегулярных частей. Российская пресса вскоре сообщила, что боснийское правительство назначило за его голову награду в 500 тысяч долларов, — эта история только укрепила имидж Лимонова как культового героя своей страны¹⁵².

«Русские и сербы — братья по крови», — повторял Лимонов. Он был одним из более чем тысячи русских добровольцев, отправившихся в Сербию, как в паломничество. Сербия и Россия связаны этническими узами, кириллицей и православной религией. Поэтому высокопоставленные делегации русских националистов регулярно посещали Белград, где встречались с руководством Сербии. Все они приезжали, чтобы воевать за Сербию, традиционного военного союзника русских. И подобный жест сразу сталкивал их с немецкими неонацистскими наемниками, поддерживавшими Хорватию. Лимонова, направлявшегося в отряд четников в сербском анклав в Боснии, приветствовал сам президент Сербии Слободан Милошевич¹⁵³.

Как и немецкие коллеги, русские наемники, прибывавшие на Балканы, рассматривали происходящее как возможность освежить военные навыки ввиду грядущих столкновений возле собственного дома. Лимонов с коллегами рассуждал об использовании «сербской тактики» (обычно известной под названием «этнических чисток») в попытке вернуть под контроль регионы бывшего СССР с компактным проживанием русского населения. Российские бойцы принимали участие в многочисленных вооруженных конфликтах на территории бывших советских республик, включая Грузию, Молдову, Таджикистан, Армению и Азербайджан. Лимонов похвалялся тем, что «понюхал пороху» в пяти зонах боевых действий.

Для Лимонова война была «вершиной» жизни. Писатель по профессии, он не видел противоречий между призванием художника и страстью к войне. Его называли «одетым в кожу плохим парнем» среди русских радикалов. Писатель-диссидент Лимонов провел 18 лет за границей — сначала в Нью-Йорке, затем в Париже. Одним из своих героев он называл русского анархиста Михаила Бакунина («наша национальная гордость») и Сталина («большевистский император нашей страны в пору ее расцвета»). Лимонов восхищался итальянскими футуристами, вдохновлявшими Муссолини, он видел родственную душу в Юкио Мисиме, японском ультранационалисте, совершившем в 1970-м харакири. «Мисима и я принадлежим к одному и тому же политическому лагерю, — объяснял Лимонов. — Он — такой же традиционалист, как и я»¹⁵⁴.

Однако образ действий Лимонова сложно было назвать традиционным. Скорее, воспользовавшись выдуманном персонажем якобы автобиографических историй, бисексуалом Эдичкой, он создал свой облик кинозвезды с короткой стрижкой, умеющей действовать голыми руками. В роли хулигана Лимонов быстро заслужил репутацию Джонни Роттена (вокалист английской панк-группы Sex Pistols. — *Примеч. пер.*) русской эмиграции. Однажды на пресс-конференции писателей он ответил на антирусскую насмешку одного из английских авторов, ударив того по голове бутылкой из-под шампанского. Лимонов с удовольствием «показывал средний палец» более уравновешенным русским эмигрантам, которые возмущались независимым стилем его работ, напоминавшим подчас нечто среднее между Эрнстом Юнгером и Генри Миллером. Александр Солженицын презирал молодого Эдуарда, называя его «мелким насекомым, которое пишет порнографию». Однако Лимонов был популярен в России. Когда в начале 1990-х годов его произведения начали публиковаться в стране, они быстро стали бестселлерами.

Очевидными были разногласия Лимонова с такими советскими диссидентами, как, например, Андрей Сахаров, который идеализировал Запад, не обладая знаниями о существовавшем там положении вещей. Прожив шесть

лет в Нью-Йорке, Лимонов пришел к выводу, что американское общество — это все что угодно, но никак не осуществившаяся мечта. Он высмеивал банальность американской культуры и называл демократию не более чем ширмой для корпораций, не подотчетных никому и игравших ведущую роль в западной политике. Он полагал, что, не являясь панацеей от болезней России, подобная «демократия» только усугубит ситуацию. «Мы — страна, лежащая в руинах, умирающая страна, — говорил Лимонов. — Нас может спасти только революция».

После долгих лет изгнания Лимонов вернулся в Россию, где присоединился к растущему движению «красно-коричневых». 23 февраля 1992 года он принял участие в проходившем в Москве марше протеста. «Я впервые увидел красные знамена с серпом и молотом рядом с черно-желто-белыми флагами старой России, — вспоминал Лимонов. — Это было безумно красиво, сочетание совершенно естественное». Однако демонстрация переросла в стычки с милицией, в них участвовали Лимонов и другие экстремисты. В результате один человек погиб, а еще несколько получили ранения. Это столкновение было всего лишь предвестником более кровавых битв, развернувшихся в ближайшие месяцы.

Лимонов предложил несколько средств для спасения находящейся в беде родины — возрождение докоммунистической культуры России, создание подлинно социалистической экономики, расширение границ страны, с тем чтобы включить в нее территории соседних республик, где проживало преимущественно русское население. «Совершенно нездоровая ситуация, — утверждал он. — Свыше 25 миллионов русских живут за границами своей страны. Новые границы России должны по крайней мере совпадать с этническими границами проживания русского народа». Лимонов также утверждал, что внешняя политика страны должна строиться на укреплении связей со старыми союзниками, такими как Ирак и Куба. Он даже выступал за то, чтобы предоставить Сербии ядерное оружие.

Что же касалось возможной встречи Германии и России в будущем, то Лимонов полагал: «К сожалению, думать так — это выдавать желаемое за действительное, поскольку подобное сближение принесло бы слишком много пользы обеим странам». Он считал, что первоочередные задачи Германии неизбежно вступят в конфликт с интересами России на Балканах, в Калининградской области, на Украине и в других регионах. В этом отношении Лимонов отличался от Александра Баркашова, который с большим оптимизмом смотрел на перспективы сближения с Германией. Хотя они и считали друг друга товарищами по единой борьбе, Лимонов чувствовал, что фетишизация нацизма Баркашовым идет во вред делу. «У свастики

в нашей стране нет шансов, — говорил Лимонов. — В войне с Германией мы потеряли столько людей, что у нас выработался стойкий иммунитет»¹⁵⁵.

В попытке найти свое собственное место в «красно-коричневых» рядах, Лимонов создал «Национал-большевистский фронт» (НБФ). НБФ представлял собой объединение нескольких групп, в основном молодежных, разделявших взгляды «Эдички» на то, что открытые проявления неонацизма не способны достичь в России значимого успеха. Национал-большевизм рассматривался как течение, более близкое массам. После того как два члена фронта были арестованы за хранение ручных гранат (Лимонов утверждал, что они были подброшены), НБФ привлек к себе внимание, призвав к бойкоту западных товаров. «Мы хотим, чтобы американцы убралась из России. С собой они могут забрать кока-колу и Макдональдс», — заявил Лимонов. На политических митингах члены его организации выкрикивали лозунги: «Рублю — да, доллару — нет!», «Янки, убирайтесь домой!»¹⁵⁶

Хотя подобные лозунги сложно назвать оригинальными, Лимонов настаивал, что национал-большевизм — наиболее передовое политическое движение в мире. И оно не было новым явлением. Национал-большевизм имел долгую и сложную историю, восходящую к 1920-м годам. Поддерживаемый такими писателями, как Эрнст Никич и Эрнст Юнгер, он был одной из разновидностей ненацистского фашизма, возникнув в сумбуре германской Консервативной революции перед приходом к власти Гитлера¹⁵⁷. Германская версия национал-большевизма у себя на родине по большей части осталась интеллектуальной диковинкой. В России она предстала заметной политической тенденцией, популярной как в правящей элите, так и в определенных диссидентских кругах.

Корни национал-большевизма в СССР восходят к беспокойному периоду, последовавшему за Октябрьской революцией. Чтобы стабилизировать режим и одержать победу в гражданской войне против белых, Владимир Ленин и его соратники осознали, что им следует сделать определенную уступку этническим чувствам русских. Выразив «1917» в национальных понятиях и ассоциируя себя с интересами России, они надеялись до некоторой степени развеять недовольство быстро рушившейся царской империей¹⁵⁸.

Многие белые перешли на сторону красных, когда увидели, что режим большевиков — это наиболее обоснованная надежда на восстановление России в качестве великой державы. Именно поэтому в Красную армию пришли многие офицеры и генералы царского верховного командования. Они составили примерно половину 130-тысячного офицерского корпуса новой армии. Большевики также привлекли на свою сторону ряд сторонников «Черной сотни» (русские банды, вошедшие в историю еврейскими

погромами начала XX века)¹⁵⁹. Непрерывный поток перебежчиков из лагеря ультраправых способствовал развитию в России национал-большевизма и создал основы для будущего союза «красно-коричневых»¹⁶⁰.

После создания в 1922 году Советского Союза официальная идеология СССР превратилась в своего рода национал-большевизм. Это произошло после того, как Сталин выдвинул лозунг о «построении социализма в отдельно взятой стране». Знаменитое изречение Сталина имело под собой геополитические соображения: коммунистическая Россия хотела заверить капиталистическую Германию в том, что дух Рапалло одержит верх над идеей экспорта мировой революции. Когда Гитлер обманул своего советского партнера, напав на СССР, Сталин поднял народ на борьбу под лозунгом «Великой Отечественной войны». Конечно, Сталин продолжал причислять интернационализм к основополагающим принципам коммунизма, однако грузинские корни позволяли ему скрывать свой ярко выраженный русский шовинизм¹⁶¹. В годы «холодной войны» советское руководство пыталось мотивировать массы ссылками на русскую гордость. В то же самое время они продолжали твердить традиционные заклинания марксизма-ленинизма. Результатом стал непростой синтез коммунизма и русского национализма, которые, с одной стороны, противоречили друг другу, а с другой — усиливали друг друга. Советские лидеры отдавали себе отчет в том, что розыгрыш националистической карты способствует росту патриотического духа. Однако постоянно присутствовал риск того, что это послужит спусковым крючком для реакции со стороны этнических меньшинств, населявших Советский Союз (как это и получилось в итоге), и подорвет доктрину интернационализма, которая все еще служила ключевым источником легитимности кремлевского режима. Германский ученый Клаус Менерт удачно сравнил Советскую Россию с самолетом, приводимым в движение двумя идеологическими двигателями: одним — марксистско-ленинским, а другим — националистическим, причем работа их не синхронная. Раньше или позже это приводит к неизбежному падению самолета¹⁶².

Национал-большевики удачно использовали ситуацию краха. В отличие от диссидентов, ставивших под сомнение легитимность Советского Союза и зачастую оканчивавших свой путь в трудовых лагерях, многие национал-большевики встроились в систему с целью поддержания могущественного государства. Вместо того чтобы с порога отвергать коммунизм, они стремились преуменьшить его значение, обращаясь к «традиционным русским ценностям». Это соответствовало устремлениям глубоко окопавшейся в правящей элите СССР националистической фракции. Распространение идей национал-большевизма определенными государственными средства-

ми массовой информации¹⁶³ было очевидным доказательством того, что подобные взгляды считались политически целесообразными и желательными такими мощными силами, как часть аппарата Коммунистической партии (в особенности ее молодежной организации) и Красная армия¹⁶⁴.

Когда в декабре 1991 года все-таки настал гигантский крах, змея национализма выбралась из своего коммунистического яйца уже с полным набором зубов. Она проскользнула в неразбериху постсоветской политики, где неосталинисты сотрудничали с монархистами, фашистами, православными христианами, язычниками, консервативными экологами и прочими странными партнерами. Все они вращались в странном идеологическом водовороте, который невозможно было определить обычными терминами. «То, что сейчас происходит в России, — это совершенно новая политика, — заявлял Лимонов. — С новыми целями и новыми движениями, для описания и классификации которых не подходит старый словарь, где левые противостоят правым. Это определение принадлежит прошлому. Подходить с такой меркой к постсоветской России неправильно»¹⁶⁵.

Эту точку зрения разделял и Ален де Бенуа. Он посетил Россию в марте 1992 года и вместе с видными деятелями оппозиции принял участие в ряде публичных мероприятий. В течение многих лет ведущий философ французских «Новых правых» обосновывал необходимость уйти от старого противопоставления левых и правых. С момента окончания «холодной войны» подобное разделение совершенно устарело, утверждал де Бенуа. Вместо того чтобы противопоставлять правых и левых, разумнее было бы мыслить в категориях «центра», занятого истеблишментом, и противостоящих ему периферийных антисистемных сил. Концепция противостояния центра и периферии пришлась по душе принимавшим его русским. Они также были рады услышать резкую критику, которой де Бенуа подверг «глобализацию», а также разделяли его мнение о Соединенных Штатах как о главном враге¹⁶⁶.

Впервые Лимонов повстречал де Бенуа в Париже. Город наводил тоску на русского эмигранта, так как, по его словам, «здесь не было войны». Тем не менее он часто возвращался во французскую столицу, где у него было много знакомых среди бунтарей, включая и еще одного страстного сторонника национал-большевизма Жана-Франсуа Тириара. Эксцентричный оптик из Брюсселя недавно вышел из политического бездействия и с радостью откликнулся на предложение выступить на коллоквиуме в Париже. В это время Тириар сотрудничал с располагавшейся в Бельгии «Коммунитарной национал-европейской партией» («Parti communautaire national-européen», PCN) — небольшой организацией, состоявшей из бывших маоистов и неофашистов, выступавших против «американо-сионистского империализма»

и «космополитизма». Возглавлял ее Люк Мишель (Luc Michel), называвший себя «национал-коммунистом». В течение долгого времени он был связан с неонацистами. РСН занималась переизданием и распространением книг Тириара, идейного руководителя группы¹⁶⁷.

В августе 1992 года Тириар возглавил делегацию национал-коммунистов Западной Европы, направлявшихся в Россию. Там он обсуждал свои взгляды с ведущими представителями политической оппозиции. В то время как Эвальд Альтханс и его немецкие соратники всегда посещали логово неонацистов Александра Баркашова, Тириар встретился с другой группой «красно-коричневых» деятелей. Будучи в Москве, бельгийский экстремист вел себя как геополитический мэтр, давая советы таким людям, как Егор Лигачев, главный консерватор советского Политбюро, фактически второй человек в Коммунистической партии до его увольнения Горбачевым в 1990 году. В ходе беседы Лигачев положительно отнесся к предложению Тириара о создании континентального партнерства, которое объединило бы Европу и Россию в качестве противовеса Соединенным Штатам. Однако Лигачев добавил следующее условие: «Думаю, что подлинное объединение с Европой будет возможно лишь тогда, когда мы восстановим Советский Союз, возможно, под новым именем». Тириар утвердительно кивнул¹⁶⁸.

«Евразия против Америки» — в этом заключалась основная точка соприкосновения Тириара с его вновь обретенными российскими товарищами. Среди них был и 30-летний журналист, которого звали Александр Дугин. Именно Дугин предложил Эдуарду Лимонову создать «Национал-большевистский фронт». Дугин был влиятельной фигурой в кругах «красно-коричневых». Он участвовал в написании программы Коммунистической партии Российской Федерации, возглавлявшейся Геннадием Зюгановым. С Тириаром он строил стратегические планы. Зюганов редко ссылался на Маркса и Ленина, предпочитая называть Россию «страной мечтателей» и «страной мобилизации». Влияние Дугина чувствовалось и в словах Зюганова: «Мы [русские] являемся последней страной на планете, способной бросить вызов новому мировому порядку — глобальной диктатуре космополитизма»¹⁶⁹.

Громкий критик теории «единого мира», Дугин создал и редактировал журнал «Элементы» — русскую версию бельгийского издания. В его первом номере была помещена большая хвалебная статья о Тириаре. Молодой русский разделял то восхищение, которое европейские «Новые правые» испытывали перед событиями Консервативной революции 1920-х годов. Дугин попытался организовать в Москве некое подобие сети «Новых правых», однако де Бенуа спугнул его лихорадочный национализм. «Элементы» восхваляли одновременно монархическое и сталинское прошлое и в то же

время превозносили деятелей от Артура Меллера ван ден Брука до Генриха Гиммлера. Читателям был предложен первый русский перевод Юлиуса Эволы, итальянского философа-нациста, «традиционалиста», пользующегося большим почетом у неофашистов всей Европы. Перевод сделал Дугин, однако он умолчал о связях Эволы с SS. «Дугин — это парадоксальный человек, способный одновременно разделять 10 разных точек зрения», — заметил Лимонов о своем близком друге и политическом союзнике¹⁷⁰.

В дополнение к «Элементам», ориентированным в первую очередь на интеллигенцию, Дугин принимал участие в издании газеты «День» — пламенного националистического еженедельника, выходившего большим тиражом. Позиционируемый как голос российской «духовной оппозиции», «День» печатал фрагменты из «Протоколов сионских мудрецов», а также с одобрением отзывался о деятельности западных неонацистов. Колонка политического юмора была заполнена грубыми антисемитскими шутками. В каждом выпуске содержался раздел «конспиратологии» (термин, предложенный редакцией издания), где публиковались сумасбродные истории о том, как мозг Ельцина был изменен в ходе его поездки в Соединенные Штаты. «День» также утверждал, что люди, откликнувшиеся на призыв Ельцина выйти на улицы в ходе неудавшегося путча 1991 года, были «зомбированы» с помощью «психотронных генераторов», установленных в посольстве США в Москве¹⁷¹.

Дикие конспирологические теории были отличительной чертой российских правых экстремистов. В этом отношении они походили на единомышленников — неофашистов других стран. «Конспиратология» «Дня» поддерживалась некоторыми членами российского парламента, входившими в состав его редколлегии наряду с бывшим генералом КГБ Александром Стерлиговым. Еще более важен тот факт, что «День» выступал в качестве неофициального рупора «Фронта национального спасения» (ФНС), ведущей зонтичной организации российских «красно-коричневых». Главный редактор «Дня» Александр Проханов был сопредседателем ФНС, который представлял собой обычное смешение различных идеологий, не исключая и национал-большевизма¹⁷².

Во время своего пребывания в Москве Тириар принял участие в нескольких встречах по планированию совместных действий с неокommунистами и правыми националистами. Эти мероприятия завершились созданием «Фронта национального спасения» в сентябре 1992 года. Эдуард Лимонов, также внесший свой вклад в учреждение организации, вошел в его руководящий орган. «Национал-большевистский фронт» во главе с Лимоновым и Дугиным стал одной из 40 с лишним воинствующих организаций, вошедших в ФНС и поддержавших его призыв к свержению правительства

России. В своем первом манифесте, опубликованном в газете «День», «Фронт национального спасения» нападал на «грабительские эксперименты» администрации Ельцина, включавшие приватизацию, свободные цены и другие меры шоковой терапии, которые привели к огромным трудностям по всей стране. Ельцин ответил попыткой запрета «Фронта национального спасения» и пригрозил нанести удар по «Дню» и некоторым другим ультранационалистическим газетам, однако его усилия были парированы депутатами российского парламента, многие из которых поддерживали «красно-коричневую» оппозицию.

Вернувшись в Брюссель, Тириар продолжал следить за развитием политической борьбы. Он собирался вновь посетить Россию, однако этому не суждено было случиться. 23 ноября 1992 года 70-летний бельгиец скончался во сне от сердечного приступа. Внезапно умершему Тириару отдали почести российские националистические издания, включая «День», опубликовавший некоторые его работы. Одна из статей умоляла его коллег национал-большевиков продолжить работу над созданием мощного континентального блока, о котором он так долго мечтал. «Необходимо выстроить идейные, теоретические и политические связи между ясно мыслящими элитами бывшего СССР и Западной Европы, — писал Тириар. — Эта революционная элита должна объединиться, чтобы изгнать американских захватчиков с европейской земли»¹⁷³.

Западноевропейские ученики Тириара, исполняя его заветы, создали «Европейский освободительный фронт» («European Liberation Front», ELF), поддерживавший регулярные связи с российским «Фронтом национального спасения». Случайно или нет, название ELF уже использовали Фрэнсис Паркер Йоки и его английские сподвижники в конце 1940-х годов, когда они пытались создать подпольную неонацистскую сеть, которая должна была совместно с Советским Союзом действовать против американских оккупационных сил в Западной Европе. Поздний «Европейский освободительный фронт» был образован из мелких групп «национал-коммунистов» нескольких европейских стран, включая Бельгию, Францию, Италию, Швейцарию и Венгрию. Каждая из этих крохотных «красно-коричневых» структур состояла из неофашистов и неосталинистов, разделявших политическое кредо Тириара¹⁷⁴.

«Европейский освободительный фронт» приветствовал заявление руководства «Фронта национального спасения» о создании теневого правительства России и подготовке к захвату власти. В сентябре 1993 года Ельцин распустил российский парламента. Этот указ положил начало кровопролитным столкновениям между верными Ельцину кругами и так называемыми

«патриотическими силами», собравшимися у Белого дома в Москве, где находился парламент страны.

Чувствуя, что столь долго ожидавшаяся гражданская война начнется с минуты на минуту, Лимонов со своими сторонниками прибыл к зданию парламента. К ним присоединились тысячи «красно-коричневых» экстремистов, включая штурмовиков-чернорубашечников Баркашова, которые, ожидая столкновений, прибыли на место вооруженными. По мере роста напряженности «Европейский освободительный фронт» направил в Москву несколько своих представителей, чтобы подчеркнуть свою солидарность с российской оппозицией. Представлявший «Европейский освободительный фронт» французский неонацист Мишель Шнайдер (Michel Schneider), ранее сопровождавший Тириара в его поездке в Москву, был ранен около Белого дома, когда в начале октября Ельцину удалось убедить армию послать на штурм танки¹⁷⁵.

В ходе штурма погибли сотни людей, гораздо большее число получило ранения. Лимонов и ряд других руководителей оппозиции были отправлены в тюрьму. Однако Баркашову с десятками вооруженных боевиков после ожесточенного сопротивления удалось покинуть осажденное здание по подземным тоннелям. Через несколько недель неизвестный выстрелил в Баркашова из проезжавшего мимо автомобиля. Силы безопасности арестовали главу российских неонацистов в больнице, где он выздоравливал. Баркашов тоже отправился за решетку.

Тем временем Ельцин предпринял ряд спешных шагов, чтобы заставить замолчать своих критиков. Он закрыл «День» и некоторые другие антиправительственные газеты. Была запрещена деятельность нескольких политических партий. В конце года создалось впечатление, что российский президент одержал верх. Затем произошло нечто совершенно неожиданное.

Мечты о новом Рапалло

«Когда я приду к власти, настанет диктатура... Я сделаю это без танков на улицах. Тех, кого надо арестовать, арестуют тихо, ночью. Возможно, мне придется расстрелять сотню тысяч человек, но остальные 300 миллионов будут жить в мире»¹⁷⁶.

Так говорил Владимир Вольфович Жириновский, деятельный рыжеволосый ультранационалист, разгромивший своих соперников на парламентских выборах в декабре 1993 года. Талантливый оратор с гитлеровской харизмой, этот потенциальный тиран вызывал своих врагов на дуэли и совершенно спокойно делал шокирующие заявления. Жириновскому,

похоже, нравилось играть роль «юродивого», эксцентричного политического клоуна, чьи непредсказуемые выходки каким-то образом содержали в себе элементы русской народной мудрости. Буквально за секунду он мог сменить образ святого дурачка на святого тирана: «Я всемогущ!.. Я последую примеру Гитлера»¹⁷⁷.

Жириновский часто говорил о суровой расовой угрозе, стоящей перед «белой цивилизацией». Его рецепт для России был прост: «Мы должны поступать с меньшинствами так же, как Америка поступала с индейцами, а Германия — с евреями».

Менее чем через два месяца после повлекшего за собой многочисленные жертвы противостояния у Белого дома партия Жириновского, не совсем корректно называемая Либерально-демократической, получила 25% голосов, сильно обойдя всех остальных участников предвыборной гонки. Поскольку Жириновский остался в стороне от кровавой стычки, он оказался в благоприятном положении, чтобы воспользоваться результатами протестного голосования, в то время как большинство «красно-коричневых» лидеров находилось в тюрьме. Обещавшая золотые горы и дешевую водку, его крикливая предвыборная кампания нашла отклик в уязвленной гордости и глубоком отчаянии, охватившем население. С предвыборных плакатов Жириновский обещал: «Я подниму Россию с колен»¹⁷⁸.

Ударная волна от победы Жириновского обошла весь мир и потрясла президента Бориса Ельцина, которому теперь противостоял новый парламент — столь же «красный» и более «коричневый», чем тот, с которым он незадолго перед этим разделался. Ослабление позиций Ельцина стало очевидностью в 1994 году, когда российский парламент амнистировал его политических противников — зачинщиков попытки августовского путча 1991 года и участников октябрьского восстания у Белого дома 1993 года. На свободу вышли десятки «красно-коричневых» боевиков, а печатные станки вновь начали выпускать едкие оппозиционные газеты. «День» возродился под новым названием «Завтра» и сразу же призвал к уничтожению без суда ближнего круга Ельцина. Осмелевшие в результате неожиданного поворота событий неонацистские последователи Александра Баркашова прошли маршем по улицам Москвы в годовщину дня рождения Гитлера в апреле 1994 года, выкрикивая антиправительственные и антисемитские лозунги. На свет вышел и Эдуард Лимонов. Он начал выступать на политических митингах и издавать свою газету «Лимонка» (название не только обыгрывало имя издателя, но и означало на сленге «ручная граната»).

Лимонов быстро признал замечательный талант Жириновского-оратора и разделил его склонность к эксгибиционизму. «Я пришел к нему в нача-

ле 1992 года, — вспоминал писатель-панк. — Я выбрал Жириновского из толпы политиков, поскольку думал: он обладает потенциалом, чтобы стать настоящим лидером. Он был необычным политиком. У него была бешеная энергетика». Сначала Лимонов смог найти у Жириновского только одну слабость — его отец был евреем. «В нашей стране это большой недостаток», — признавал Лимонов¹⁷⁹.

Впоследствии двум ярким личностям предстояло столкнуться, однако в течение некоторого времени Лимонов был восторженным сторонником деятельности Жириновского. Когда последний создавал теневой кабинет, Лимонову были предложены портфели министра обороны и начальника тайной полиции. В теневой кабинет также входила пара неонацистских рок-музыкантов, а в штаб-квартире Либерально-демократической партии продавались записи хеви-метал группы «Рвота», российского аналога музыки бритоголовых¹⁸⁰.

В сентябре 1992 года Лимонов вывез Жириновского в Париж и организовал его встречу с Жан-Мари Ле Пенем, главой ультраправого «Национального фронта». Позднее Ле Пен поддержал выдвижение кандидатуры Жириновского на пост президента России. Броский российский политик также посетил в Багдаде Саддама Хусейна. В течение четырех часов они обсуждали необходимость объединения против «американо-израильского заговора» с целью мирового владычества¹⁸¹.

Темп зарубежных поездок Жириновского резко возрос после того, как его партия одержала сенсационный триумф на состоявшихся в декабре 1993 года выборах. В ходе поездки в Австрию он гостил у Эдвина Нойвирта (Edwin Neuwirth), ветерана SS, утверждавшего, что нацисты никогда не использовали газовые камеры для убийства евреев. Во французском Страсбурге (месте пребывания Европарламента) Жириновский кидался землей в еврейских пикетчиков. После этой истерики он заявил французским журналистам: «Как только вы становитесь американизированы или сионизированы, для вас все кончено»¹⁸².

Жириновским восхищались многие неонацисты, особенно в Германии. В ходе одной из своих поездок в Москву Эвальд Альтханс встретился со скандальным русским болтуном. С Жириновским также общался и наставник Альтханса, Эрнст Цундел, однако живущий в Торонто отрицатель Холокоста остался не особенно впечатлен встречей. «Жириновский — интересный человек и умный тактик, — признал Цундел. — Он рассказал мне, что если бы он не устраивал свои шоу, на него никто не обращал бы внимания... Он прирожденный человек из заголовков, который будет говорить все что угодно, если это приведет его к власти». Но во что на самом деле верил Жириновский?

Для Цундела и Альтханса антисемитизм был верой. Как представлялось, для Жириновского это была всего лишь уловка, циничная попытка воспользоваться популярным российским предрассудком. Цундел задавался вопросом, был ли Жириновский действительно фашистом или темным дельцом¹⁸³.

У Герхарда Фрая, главы размещавшейся в Мюнхене партии «Немецкий народный союз» («Deutsche Volksunion», DVU), подобных сомнений не возникало. Он был главной немецкой связью Жириновского и самым активным его пропагандистом в фатерланде. Жириновский выступал на двух съездах DVU, в августе 1992 и октябре 1993 года, и Фрай, преуспевающий издатель, оказывал финансовую поддержку его политическим кампаниям. Ультраправая DVU позднее подписала договор о сотрудничестве с партией Жириновского^{184, 185}.

Для Фрая и его коллег по партии «Немецкий народный союз» Жириновский был столь же дорог, как сосиска к пиву. Причина подобного энтузиазма лежала в призывах российского политика к «стратегическому союзу между Россией и Германией». Фактически Жириновский выступал за возобновление договора, заключенного между Гитлером и Сталиным в 1939 году, утверждая, что с юридической точки зрения он до сих пор сохраняет свою силу. «У Германии и России снова должна быть общая граница», — заявлял он. Это подразумевало новый раздел Польши, возвращение Германии Восточной Пруссии и Кенигсберга. Жириновский поддерживал подобное развитие событий при условии, что Россия сохраняет за собой Прибалтику, Украину и другие бывшие советские республики. Согласно плану Жириновского, Германия могла также претендовать на Австрию и Чешскую Республику. В обмен на это немцы должны были содействовать расширению России на Юг. Если Германия и Россия будут действовать вместе, настаивал Жириновский, бросить вызов им не сможет никто¹⁸⁶.

Хотя позднее Жириновский высказывался в пользу уничтожения Германии ядерным оружием в случае, если она будет вести себя неподобающим образом, его тесные связи с партией «Немецкий народный союз» шли на пользу обеим сторонам. Русские получили наличность, в которой сильно нуждались, в то время как Фрай, достаточно маргинальная фигура в немецкой политике, благодаря своим связям с Жириновским стал часто мелькать в средствах массовой информации. Это способствовало укреплению репутации Фрая среди немецких неонацистов, конфликтовавших в годы «холодной войны» с DVU, так как последний поддерживал НАТО и Атлантический союз. Еще до того, как Фрай в 1971 году создал «Немецкий народный союз» с заявленной целью «спасения Германии от коммунизма», он получал закулисную поддержку от генерала Рейнхарда Гелена, могуще-

ственного главы боннской разведки. Однако после окончания противостояния сверхдержав лидер DVU быстро сменил пластинку и начал настаивать на выходе Германии из НАТО. Его газеты стали публиковать зажигательные статьи, критиковавшие США и выставившие Россию в качестве наиболее приемлемого партнера Германии после окончания «холодной войны». Фрай также присоединился к хору неонацистских агитаторов, выразивших солидарность с Саддамом Хусейном и осуждавших войну против Ирака, начатую в 1991 году возглавлявшейся США коалицией¹⁸⁷.

Внезапный разворот Фрая был очень характерен для весьма поверхностной лояльности, которую испытывали многие немецкие националисты по отношению к «Западу». В конце концов это была во многом искусственная структура, основанная на политическом разделении Европы и поддерживавшаяся экономической и военной мощью Соединенных Штатов. Германия и Россия, напротив, принадлежали к одной и той же географической общности — Евразии, и у них была длительная и сложная общая история. После падения Берлинской стены Германия стала крупнейшим торговым партнером России, между военными двух стран также существовали прочные связи. Подобное развитие событий находилось под пристальным наблюдением разведывательных служб США, опасавшихся восстановления оси Берлин — Москва и пытавшихся задуть ее в зародыше. Хотя о таком никогда не говорилось в открытую, это была одна из причин, по которой Вашингтон присоединился к Германии в тайной помощи наращиванию военной мощи Хорватии, невзирая на введенное ООН эмбарго на поставки оружия в эту страну. Вначале американские дипломаты раскритиковали признание Германией Хорватии. Сменив направление действий и приняв сторону Загреба, американские политики умиротворили Бонн, вызвали недовольство Москвы и спровоцировали напряженность в отношениях Германии и России, и без того омрачавшихся шпионскими скандалами и иными проблемами¹⁸⁸.

Стремительный взлет Жириновского на место самого популярного и раскрученного политика поставил перед американскими стратегами ряд новых вопросов. Фашистского буффона надо было принимать в расчет не только потому, что он отражал широко распространенные в своей стране настроения, но также и в силу его несомненного влияния на Ельцина, который начал занимать все более конфронтационную позицию по отношению к НАТО и Соединенным Штатам. Вскоре Ельцин и его ближайшие помощники начали порой говорить на том же антизападном языке, которым ранее изъяснялись только Жириновский и другие русские ультранационалисты. Армейская разведка США предсказывала, что поворот Ельцина вправо послужит лишь для того, чтобы «легитимизировать некоторые доводы

Жириновского и еще более затруднить появление в стране либерального национализма^{189 190}.

Поскольку социальная и экономическая ситуация в России продолжала ухудшаться, Ельцин решил разыграть расовую карту, чтобы поддержать свою популярность у населения. Он дал приказ провести масштабные облавы на «незарегистрированных лиц» в Москве и других городах, сосредоточив основное внимание на лицах нерусского происхождения. Этнический трал предназначался для выходцев из республик Кавказа — армян, азербайджанцев, грузин и чеченцев, которые воспринимались многими русскими как «черные». Милиция захватила и выслала на родину десятки тысяч смуглых уличных торговцев и их родственников. Создавалось впечатление, что это решение нашептал Ельцину сам Лимонов. Бывший эмигрант критиковал столицу России за «чрезмерное благодушие» и зараженность «гнилыми людьми и спекулянтами». «Москва — это больше не русский город, — усмехался Лимонов. — Его надо закрыть и долго поливать ДДТ». Жириновский сделал еще один шаг, призвав депортировать всех этнических китайцев и японцев на российский Дальний Восток¹⁹¹.

В 1994 году Ельцин бросил армию против Чечни — небольшого, населенного преимущественно мусульманами региона близ Каспийского моря. Ряд экстремистских лидеров, включая и Жириновского, поддержали этот шаг. Жириновский даже удостоился отдельной похвалы от министра обороны правительства Ельцина за его «выдающийся вклад в укрепление защиты Родины». Лимонов также одобрил вторжение в Чечню, заявив: «Мы не любим вас, господин президент, но мы с вами. Да здравствует война!» А главный неонацист России Баркашов предложил подчинить своих боевиков правительственным силам с тем, чтобы воевать с чеченскими сепаратистами¹⁹².

Однако кровавая баня в Чечне, участие в которой осуждало большинство бывших союзников Ельцина из «демократического» лагеря, также внесла раскол и в «красно-коричневую» коалицию. Ключевые фигуры, связанные с «Фронтом национального спасения», также критиковали вторжение, встав в оппозицию Лимонову и Баркашову. Прошло немного времени, и руководитель «Национал-большевистского фронта» заявил, что порывает все связи с политическими предателями из ФНС, занявшими позиции «умеренных». К этому времени Лимонов уже успел раскритиковать и Жириновского, назвав его «оппортунистом» и «шарлатаном без реальных убеждений»¹⁹³.

Жириновский вызывал особое возмущение среди «красных» и «коричневых», чувствовавших, что его клоунские эскапады опошляли и делали посмешищем святые для них идеалы. «Мы никогда не будем работать с ним, и не потому, что он еврей, а потому, что он — сумасшедший», — заявил

Баркашов. Некоторые из недоброжелателей Жириновского называли его агентом сионистов. Его еврейские корни, которые он пытался скрыть, были особо подчеркнуты в ходе ожесточенной дискуссии, названной «Лимонов против Жириновского» и опубликованной летом 1994 года. «Еврей, выдающий себя за русского националиста, это болезнь, патология, — говорил Лимонов о своем бывшем друге. — Мы не хотим, чтобы власть попала в руки Эдельштейна-Жириновского»¹⁹⁴.

Плохо ладивший практически со всеми, Лимонов прекрасно находил общий язык с неонацистом Александром Баркашовым, которого называл «политиком с твердыми принципами». Но, как признавал Лимонов, фашизм все еще оставался ругательством среди русских, не забывших зверства гитлеровских армий. Наследие Второй мировой войны делало идеи и практики национал-социализма неприемлемыми в России — если их удавалось выявить. Чтобы добиться успеха, они должны были входить «с черного хода», пользоваться, так сказать, иным словарем. В подобных обстоятельствах национал-большевистское движение располагало большими шансами на успех, нежели откровенно неонацистское предприятие. Баркашов признал это в 1995 году, представ в виде «серьезного политика», порвавшего со своим неонацистским прошлым. После своего рода идеологической «пластической операции» руководитель РНЕ продолжил свое сотрудничество с Лимоновым и его НБФ¹⁹⁵.

Многочисленные обозреватели и историки отмечали пугающие соответствия между Веймарской республикой и постсоветской Россией, где обнищавшим массам пришлось столкнуться с высокой безработицей и инфляцией, падением рождаемости и продолжительности жизни, разгулом преступности и коррупцией в органах государственной власти. Униженные, но не сломленные до конца националисты среди российских военных призывали к возвращению утраченных территорий. Как и в Веймарской Германии, мрачный политический климат способствовал распространению небылиц об «ударе в спину» со стороны еврейских финансистов, либеральной интеллигенции и прочих внутренних врагов и предателей, в то время как большинство русских искренне желало прихода «железной руки», способной навести порядок. Прекрасно зная об этих параллелях, неонацисты Европы и Северной Америки смотрели на постсоветскую Россию как на «Великую белую надежду», маяк возможностей. «В России есть чудесная молодежь, которая думает так же, как и мы, — напыщенно говорил бригадефюрер SS Леон Дегрель. — Русские семьи — это великий биологический резерв Европы. Возможно, какой-нибудь молодой русский возглавит европейскую революцию»¹⁹⁶.

После нескольких лет мучительных экономических перемен, обогативших лишь немногих россиян, если они не относились к организованной преступности и отпрыскам советской номенклатуры, существовали достаточно веские опасения относительно того, что финансовая катастрофа или социальный взрыв смогут проложить путь в Кремль ультралибералам. Президент Ельцин уже приготовил сказочный дар своим преемникам, кем бы они ни оказались, — практически неограниченную власть, освященную новой Конституцией. По Москве ходили оживленные разговоры о русском Бонапарте или военной диктатуре в духе Пиночета. Катастрофическая политика Ельцина доказала лишь одно: демократия и реформы «свободного рынка» в России несовместимы. Для продолжения реформ было необходимо пожертвовать демократией, как это было сделано в Чили в 1970-х. Весьма вероятным представлялось авторитарное решение в духе национал-большевизма, поскольку большинство населения в результате реформ получило лишь одно — возможность открыто жаловаться на свою несчастную судьбу.

Глава 9

С ОБОЧИНЫ НА СЕРЕДИНУ ДОРОГИ

Игра с огнем

Тысячи цветов покрывали мостовую перед обугленным и лишенным крыши домом в восточногерманском городе Золинген. Плакат с текстом «Здесь родились, здесь сгорели» был развернут на месте одной из самых жестоких вылазок расистов после объединения Германии. Три турецких девочки и их 18-летняя мать сгорели в огне, а еще одна турчанка разбилась насмерть, выпрыгнув из окна. Соседи слышали, как кто-то выкрикнул «Хайль Гитлер!», а затем облил крыльцо и переднюю дверь бензином и поджег дом турецкой семьи, которая жила в Германии уже 23 года.

Убийство в Золингене, родном городе Адольфа Эйхмана, произошло 23 мая 1993 года, всего через три дня после того, как немецкий парламент под давлением ультраправых отменил положение Конституции о гарантии убежища всем политическим эмигрантам. Однако 1,8 миллиона турок, живших в Германии, не искали там убежища. Они были частью стабильного сообщества гастарбайтеров, а их семьи внесли значительный вклад в создание «германского экономического чуда». Побуждаемые к иммиграции Бонном, турецкие рабочие начали в больших количествах прибывать в страну три десятилетия назад, чтобы облегчить ситуацию с многолетней нехваткой рабочих рук. В течение долгого времени они выносили всю тяжесть расистских отношений со стороны западных немцев, обычно называвших турок «Kanaker» (презрительно-уничужительный термин,

примерно соответствующий американскому «ниггер»). В Западной Германии не существовало законов, защищающих ее турецкое население от дискриминации.

Турецкая община долго молчала и сдерживала свои обиды. После убийства в Золингене, вызвавшего волну ярости как в стране, так и на международном уровне, она наконец взорвалась. Четыре вечера подряд турецкая молодежь выходила на улицы в ряде германских городов. С криками «Нацистов долой!» люди перекрывали дороги, били витрины и разбегались от размахивавшей дубинками полиции. Министр иностранных дел Клаус Кинкель призвал всех турок, проживающих в стране, демонстрировать сдержанность. «Мы обращаемся ко всем туркам, проживающим в Германии, с просьбой не проявлять избыточной реакции, а использовать для выражения своего недовольства демократические способы», — заявил он¹⁹⁷.

Предложенное Кинкелем «использование демократических способов» стало очередным оскорблением для людей, и без того подвергавшихся многочисленным унижениям. В силу расистского характера немецких законов о натурализации туркам-налогоплательщикам было практически невозможно получить гражданство — право на него определялось исключительно по принципу крови. Это означало, что живущие в Германии турки второго или третьего поколения, свободно говорившие по-немецки и посещавшие немецкие школы, не имели права голосовать и реализовывать другие демократические права. В то же время родившийся и выросший в российском Поволжье, но имеющий возможность доказать наличие у себя немецких предков (достаточно было нацистского партбилета отца или деда), имел полное право стать гражданином Боннской республики.

Президент Рихард фон Вайцеккер, выступая на похоронах турок, погибших в Золингене, затронул этот больной вопрос. Занимавший в немецкой политике во многом церемониальный пост фон Вайцеккер стал своего рода олицетворением голоса разума. Он стоял на трибуне перед четырьмя гробами, покрытыми турецкими флагами. Два из них, где лежали тела девятилетней Гюли Генч и ее четырехлетней сестры Самии, были в ширину не больше обувной коробки. Обращаясь не только к скорбящим туркам, но и ко всей Германии, седовласый президент заявил, что волна террористических актов «не была цепью отдельных зверств, но стала результатом климата, созданного ультраправыми». «Не будет ли честнее и гуманнее, — спросил он, — называть их “германскими гражданами турецкого происхождения”? Они живут по немецким законам, однако не в состоянии, в отличие от других граждан, влиять на эту жизнь. Должна ли подобная ситуация сохраняться вечно?»¹⁹⁸

Канцлер Коль, который никак не реагировал на призывы предоставить немецкое гражданство туркам, долгое время проживавшим в Германии, предпочел не посещать траурную службу в Золингене. Вместо этого его аппарат выступил с формальным осуждением насилия в отношении иностранцев и предостерег турок и прочих не германцев от ответных, в том числе незаконных, мер. Сочтя случившееся в Золингене сферой компетенции полиции, а не политиков, помощники Коля спешно возложили вину на местных поджигателей, по их мнению, явно не имевших никакого отношения к организованным неонацистам. Шестнадцатилетний бритоголовый Кристиан Риха, по утверждению генерального прокурора Александра фон Шталя, действовал в одиночку.

Кроме Рихи, были арестованы еще трое правых экстремистов. И фон Шталь продолжал плести паутину лжи и полуправды в попытке скрыть связи подозреваемых с неонацистскими группами. Однако парламентское расследование вскоре подтвердило, что Риха и его сообщники часто посещали золингенскую школу боевых искусств, которой руководил Бернд Шмитт (Bernd Schmitt) по прозвищу Каратист. Спортивный клуб «Хак Пао» служил местом встреч и центром подготовки почти для 200 местных неонацистских боевиков. Трое молодых людей, обвиненных в поджоге в Золингене, «учились» в школе Шмитта, где наряду с техникой рукопашного боя обучали и нацистской идеологии¹⁹⁹.

Шмитт был не последним лицом в неонацистском подполье объединенной Германии. У него были хорошие связи с несколькими неонацистскими группами, своими знакомыми он называл Белу Эвальда Альтханса и других руководителей ультраправых. Школа боевых искусств Шмитта поставляла охранников для встреч, на которых выступали, в частности, такие визитеры, как Эрнст Цундел, благодетель Альтханса из Торонто. Шмитт также поддерживал связи с немногочисленными ветеранами Третьего рейха, включая генерал-майора Отто Эрнста Ремера, являвшегося «ассоциированным членом» спортивного клуба «Хак Пао»²⁰⁰.

К моменту событий в Золингене Шмитту стукнуло 50 лет. У него на счету было 17 уголовных судимостей (некоторые — за нападения с особой жестокостью), а его неровная карьера неонациста длилась с конца 1960-х годов. В попытке избежать тюрьмы Шмитт начал снабжать информацией о происходящем в неонацистских кругах Ведомство по охране Конституции (западногерманский аналог ФБР). Одним из его многочисленных заданий было держать своих хозяев из секретной службы в курсе всего, что планировалось в Золингене «коричневыми». В течение многих лет он занимался разведкой и для самих неонацистов, поскольку у них и спецслужбы были

общие враги — левые радикалы. Шмитт снимал антифашистские демонстрации и распространял фото левых активистов, переданные ему людьми из секретной службы.

Статус Шмитта как платного осведомителя был подтвержден в ходе судебного заседания об убийствах в Золингене. Однако этот факт породил больше вопросов, чем ответов. Знал ли он о неизбежности нападения? Какова его вина в подстрекательстве к завершившемуся убийством нападению? Свидетели подтверждали, что Шмитт наставлял своих учеников: «Мы должны оторвать головы этим иностранцам». Разоблачение Шмитта как осведомителя разворошило целое змеиное гнездо. Немецкие власти попытались смягчить проблему, ограничив его в показаниях в ходе разбирательства событий в Золингене. В результате сведения о неонацистах, обвинявшихся в совершении поджога, так и остались нераскрытыми²⁰¹.

Разоблачение Шмитта как тайного агента, по крайней мере, подтвердило, что германским спецслужбам удалось не только проникнуть в ряды правых экстремистов и отследить их деятельность, но и оказать помощь в создании, поддержке и направлении расистских групп, в то время как резко возросло число нападений на иностранцев. Это, в свою очередь, добавило убедительности предположениям о том, что отдельные немецкие официальные лица косвенным образом санкционировали это насилие, полагая, что его можно безопасно использовать в политических целях для проталкивания отмены закона о предоставлении убежища.

Темная история Шмитта сильно напоминает отношения, установившиеся между специальными службами США и Ку-клукс-кланом (ККК). Эти сложные и грязные связи использовались в качестве тайного инструмента для выслеживания и нанесения ударов по защитникам гражданских прав на Юге в 1960-е годы. Военная разведка использовала Ку-клукс-клан, чтобы следить за Мартином Лютером Кингом. В свою очередь, ФБР и агенты полиции проникали в ячейки Ку-клукс-клана, занимавшиеся убийством активистов-правозащитников, поджигавшие дома и церкви афроамериканцев. В некоторых случаях спецслужбы даже организовывали эти ячейки. (В то время ФБР располагало сетью из почти двух тысяч информаторов, работавших в Ку-клукс-клане и других американских группах белых расистов, что составляло приблизительно 20% от их общего числа.) Гари Томас Роу, страстный сторонник ККК, находившийся на содержании у ФБР, застрелил негра, однако по настоянию Бюро скрыл свою роль в преступлении, чтобы не быть разоблаченным. Выступая на съезде Ку-клукс-клана, другой агент ФБР заявил: «Мы восстановим права белых, даже если для этого нам придется перебить всех черномазых»²⁰².

К началу 1980-х годов Ку-клукс-клан начал тесно сотрудничать с неонацистами как в США, так и за границей. Его отделения возникли в Великобритании, Швеции, Канаде и Австралии. В Германии вербовкой новых членов занимался сержант американских ВВС, служивший в Битбурге. Он игнорировал запрет американских военных властей на деятельность Ку-клукс-клана. Нацификация ККК совпала с движением американских расистов по сбору средств для их немецких коллег. Незадолго до смерти Михаэль Кюннен активно занимался развитием сотрудничества своей сети и американских кукуклуксклановцев²⁰³.

В сентябре 1991 года Деннис Мэхон (Dennis Mahon), глава «Белых рыцарей» Ку-клукс-клана в городе Талса, штат Оклахома, отправился в девятидневный тур по объединенной Германии, посетив 25 городов. Мэхон вспоминал в бюллетене клана «Белый берет» («White Beret»): «Таможню я прошел без малейших проблем, несмотря на то, что мой 40-килограммовый багаж был битком набит национал-социалистическими и кукуклуксклановскими футболками, стикерами, сувенирами и литературой». Хотя в Германии было запрещено нацистское приветствие, Мэхон похвалялся, что «сотни раз делал это по всей стране».

Наряду с посещением рок-концерта, где выступала группа английских скинхедов, в Дрездене Мэхон встретился с несколькими российскими солдатами. Встреча произвела на него глубокое впечатление. «В этих русских была видна гордость белого человека, — заявлял он. — Все они были арийской внешности, воспитанные, с хорошей армейской выправкой. Думаю, что наша зараженная негритосами армия — не ровня этим людям с их современным оружием». В каждом пункте по пути следования Мэхон призывал своих германских товарищей к нападениям на иностранцев, называя это «патриотическими действиями». Будучи иностранцем, Мэхон чувствовал себя в Германии, особенно в Берлине, как дома. После посещения Рейхстага Мэхон заливался: «Пройти по ступеням, по которым некогда ходил Гитлер, — это вдохновляет»²⁰⁴.

Венцом пропагандистской поездки Мэхона стала церемония сожжения креста, проведенная на сумрачной лесной поляне близ Берлина. В ритуале, украшенном флагами нацистов, Ку-клукс-клана и конфедератов, приняли участие 60 одетых в белое молодых немцев. «Да здравствует арийская раса!» — воскликнул один из сторонников «Клана» под радостные возгласы собравшихся, когда запрыгал трехметровый крест. Одетый в зеленую шелковую накидку с капюшоном, Мэхон закончил свою краткую речь неистовым «Зиг хайль!» «Мы вызвали духов SS и тевтонских рыцарей и освободили их силу, — позднее объяснил он. — Вот что делает огненный крест»²⁰⁵.

Соратниками Мэхона в Германии была группа «Националистический фронт» (Nationalistische Front), которая и организовала церемонию по сожжению креста. Среди этой группы выделялся тот же инструктор по боевым искусствам из Золингена Бернд Шмитт, подрабатывавший также шпионом у правительства. Наряду с организацией «военных игр» на конференции «Фронта» в августе 1992 года он обеспечивал охрану высокопоставленных гостей немецких неонацистов²⁰⁶.

«Националистический фронт» был основан в 1985 году и быстро превратился в одну из наиболее опасных неонацистских организаций Германии в количестве нескольких сотен членов. «Национал-революционные» идеи «Фронта» восходили к братьям Штрассерам и носили отчетливо антикапиталистический характер. Формально «Фронт» также поддерживал «освободительные движения» в странах третьего мира. Для того чтобы достичь своей цели — построение государства для народа, — «Фронт» призывал ликвидировать паразитический правящий класс, землевладельцев, а также еврейских финансовых акул, высасывавших кровь германского народа. Руководители «Фронта» мечтали о полностью восстановленном рейхе, включающем в себя Австрию и Швейцарию, а также отдельные районы Италии, Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и России. Частью кампании за «расовый социализм» были огненные ритуалы, проводившиеся в новолуние и в день летнего солнцестояния.

Осенью 1991 года, вскоре после проведения куклуксклановской церемонии сжигания креста, «Националистический фронт» организовал сеть мобильных боевых групп, состоявших из наиболее преданных делу организации членов. Их целью было нанесение внезапных ударов по иностранцам, левым, а также по буржуазному порядку в целом. Охватившая всю страну операция командос была задумана Майнольфом Шёнборном (Meinolf Schönborn), лидером «Националистического фронта». Крупный, с волнистыми волосами, возрастом около 35 лет, Шёнборн ранее был пресс-секретарем партии «Республиканцы». Своих уличных бойцов он считал наследниками штурмовиков Эрнста Рёма. За вдохновением и наставлениями Шёнборн обратился к своему любимому старому нацисту, генерал-майору Отто-Эрнсту Ремеру. Консультантом «Фронта» также выступал Герберт Швайгер (Herbert Schweiger), австрийский ветеран SS, в годы Второй мировой войны воевавший под началом Скорцени²⁰⁷.

Объединенные в подпольные ячейки, члены «Националистического фронта» поклялись сделать жизнь иностранцев «хуже некуда». Последователи Шёнборна много раз нападали на общежития беженцев. Однажды они избili человека, принятого ими за еврея, пропитали его одежду спиртом,

подожгли его и выкинули мертвое тело на дороге сразу за голландской границей. Однако наибольшую тревогу вызвал тот факт, что богатые жители деревни Долгенбротт (близ Берлина) собрали деньги для бритоголовых из «Националистического фронта» за то, чтобы они сожгли дом, построенный в конце их улицы. Он предназначался для лиц, обратившихся за убежищем. «Никого не опечалило подобное решение проблемы», — заявил мэр Долгенбротта²⁰⁸.

В ноябре 1992 года «Националистический фронт» стал первой неонацистской группой, запрещенной германским правительством в годы после падения Берлинской стены. Заранее предупрежденный Шёнборн затаился в своем укрытии в Силезии. Там он держал контору, торговавшую по почте различными нацистскими принадлежностями. Позднее он организовал магазин в Дании. К тому времени его группа уже возродилась под разными именами, в том числе «Прямые действия Центральной Германии». Члены этой группы занимались идеологической обработкой будущих террористов в нацистском духе. Через достаточно короткое время «Прямые действия Центральной Германии» и другая организация — преемник «Националистического фронта» «Социал-революционный рабочий фронт» также оказались под запретом. Однако эти наказания, в сочетании с решением отменить либеральное немецкое законодательство в сфере предоставления убежища, не привели к спаду неонацистского насилия. В полном противоречии с заявлениями официальных представителей Бонна расисты продолжали свои нападения с ошеломляющей регулярностью.

Арийские махинации

Под высокими кленами и соснами играли дети. Рядом стояли охранники с автоматическими винтовками, одетые в синюю форму с эсэсовскими знаками различия. На фоне большого знамени со свастикой группа журналистов брала интервью у священника Ричарда Батлера (Richard Butler). Он рассказывал о своей службе в годы Второй мировой войны солдатом американской армии. «Сражаясь за американцев, я воевал против собственного народа», — заявил морщинистый человек, которому шел уже восьмой десяток лет²⁰⁹.

Батлер был пастором Церкви христиан Иисуса Христа, располагавшейся на отдаленном участке площадью в 20 акров в городке Хейден Лейк, штат Онтарио. Он также возглавлял ее боевое политическое отделение «Арийские нации». Чтобы попасть в самую церковь, нескромно названную Батлером

«Международной штаб-квартирой белой расы», надо было пройти через прихожую, украшенную флагами стран Северной Европы. На стенах висели картины, изображавшие молодых нордических воинов, поражающих копьями змею и дракона, на которых были нарисованы шестиконечная звезда Давида и коммунистические серп и молот. Вытащив на свет старую утку о всемирном еврейско-большевистском заговоре, Батлер сравнивал распад СССР с «закрытием филиала»²¹⁰.

Батлер пускал в ход самый банальный шаблонный антисемитизм и антиафриканизм. В соответствии с идеями расистского движения, известного как «Христианская идентичность», он проповедовал, что арийцы — это богоизбранный народ, а евреи — порождение Сатаны. Люди, не относившиеся к белой расе, были «грязными существами» низшего сорта. «Христианская идентичность» считалась главным религиозным учением белых расистов и была той идейной связью, которая объединяла различные ячейки Ку-клукс-клана и неонацистов по всей стране. Чтобы верить в «Христианскую идентичность», необязательно было быть убежденным сторонником Третьего рейха, тем не менее секта Батлера открыто поклонялась свастике как «вращающемуся кресту возрождения». В церкви можно было увидеть множество нацистских символов, включая идеализированный портрет Адольфа Гитлера с высокими скулами, благородным лбом и пронзительными блестящими глазами. У алтаря лежал памятный венок в честь Рудольфа Гесса.

«Арийские нации» с Батлером у руля приобрели известность в качестве стратегического узла, объединявшего различные структуры и личности белых расистов. Они стали вторым домом для таких людей, как Деннис Мэхон, едкий руководитель Ку-клукс-клана, объездивший объединенную Германию, и его близкий друг Том Метцгер, руководитель «Белого арийского сопротивления» в Калифорнии. Воодушевленный воссозданием «Железной гвардии» в Румынии и возрождением фашизма в других странах Европы и бывшего Советского Союза, Метцгер поддерживал связи с многочисленными «белыми воинами» за рубежом. Хорошую возможность для встреч одинаково мыслящих активистов из разных стран предоставлял Всемирный съезд арийских наций, ежегодно проводившийся Батлером в глуши Айдахо. Троекратное «Слава Победе!» (английский аналог «Зиг хайль!») сопровождало сожжение креста, которым завершались эти летние сборища, куда съезжались представители разрозненных церквей «Христианской идентичности», а также групп, соединивших в своих учениях революционный милленаризм, безумные конспирологические теории и насильственный антисемитизм.

Предметом ненависти для «Арийских наций» было «сионистское оккупационное правительство» — ZOG (Zionist Occupation Government) — ибо

они были уверены, что Америка оккупирована евреями. Батлер и его последователи видели единственный выход в создании «Бастиона американских белых» в пяти северо-западных штатах США, лежащих близ Тихого океана. Впоследствии он должен был отделиться от «Еврейских Штатов Америки». На религиозных службах Батлера часто обсуждалась цель создания отдельной родины только для белых. В своей хорошо вооруженной крепости он проводил также обряды бракосочетания.

Среди связавших себя узами в логове «Арийских наций» был и Кирк Лайонс (Kirk Lyons), техасский адвокат, который защищал в суде неонацистов и белых расистов. В сентябре 1990 года состоялась свадьба, представлявшая собой двойное бракосочетание в шотландском стиле, с килтами и волынщиками. Лайонс и его приятель Нил Пэйн женились на двух сестрах — Бренне и Бет Тейт. Их брат Дэвид Тейт в это время находился в тюрьме, куда был заключен за убийство дорожного полицейского в штате Миссури. Дэвид был членом «Ордена», террористической группировки, отпочковавшейся от «Арийских наций» и в начале 1980-х годов организовавшей ряд ограблений банков и убийств. До того как попасть в руки полиции, Тэйт принял участие в нескольких нападениях на инкассаторские броневики²¹¹.

Известный также под названием «Молчаливое братство» («Die Brüder Schweigen»), «Орден» возглавлялся молодым неонацистским фанатиком Робертом Джейм Мэтьюсом (Robert Jay Mathews). Посещая штаб-квартиру «Арийских наций», он вербовал себе новых членов. Мэтьюс представлял себя современным Робин Гудом, грабившим евреев и отдававшим деньги арийцам. Используя ворованные и фальшивые деньги, он вел террористическую кампанию, построенную по образцу книги «Дневники Тернера» («The Turner Diaries»), описывающей успешное восстание белых расистов США. Ее автор, Уильям Пирс (William Pierce), выступал с речами в Хейден Лейк и впервые примкнул к расистам, вступив в ряды «Американской нацистской партии». После гибели Джорджа Линкольна Рокуэлла в результате покушения Пирс основал в Западной Вирджинии группу «Национальный альянс»²¹².

Созданный Пирсом образ «День веревки», когда расовые предатели по всей территории Соединенных Штатов «встретят своего Создателя», вдохновил Мэтьюса, Тейта и десяток других членов «Ордена». Вместе они составили планы проведения диверсий на плотинах, водозаборах, коммунальных предприятиях и линиях связи, что, по их расчетам, должно было послужить началом полномасштабной расовой войны. Не успев поставить «сионистское оккупационное правительство» на колени, в декабре 1983 года Мэтьюс был окружен агентами ФБР на острове Уидби в штате Вашингтон.

Отказавшись сдаться, он погиб в ожесточенной перестрелке с агентами. В ходе операции сотрудники ФБР были одеты в бейсболки с надписью «ZOG» — мрачный юмор, не характерный для представителей данной спецслужбы. Однако в последние минуты своей жизни Мэтьюс отчетливо видел эти буквы.

«Мэтьюс полагал, что единственный способ достичь своей цели — территориальной самостоятельности — это затерроризировать правительство США до такой степени, что «дядя Сэм» будет рад нас отпустить», — объяснял идеолог «Арийских наций» Роберт Майлз (Robert Miles). Рубаха-парень и бывший «Великий дракон» Ку-клукс-клана из штата Мичиган, Майлз играл в расистском подполье роль старейшины. Как и европейские сторонники «третьего пути», он рассматривал правительства США и СССР в качестве двух дьяволов. «Для нас капитализм и коммунизм — это практически одно и то же», — говорил он перед распадом СССР. Майлз выступал в поддержку революционных движений третьего мира, а также был сторонником сотрудничества между правыми и левыми экстремистами. Он также одобрял многоженство как наилучший путь выживания белой расы²¹³.

В 1988 году 13 белых расистов, в том числе Майлз и священник Батлер, были привлечены к суду за участие в заговоре с целью свержения правительства США. Федеральные власти утверждали, что подсудимые задумали свои коварные планы пятью годами ранее, встретившись в штаб-квартире «Арийских наций». Майлз, Батлер и третий обвиняемый, Луис Бим-младший (Louis Beam Jr.), были названы главарями преступников, махровейшими из махровых, секретно руководившими «Молчаливым братством». Под их руководством члены «Ордена», как утверждали американские официальные лица, убили несколько человек, а также похитили свыше четырех миллионов долларов. Власти подозревали, что большая часть похищенных средств осела в сундуках американских неонацистских групп.

Кирк Лайонс, которому тогда едва исполнилось 30 лет, представлял своего техасского приятеля Луиса Бима в ходе суда в Форт-Смит, штат Арканзас, над подстрекателями к мятежу. Служивший во Вьетнаме стрелком вертолета, Бим стал «Великим драконом» Ку-клукс-клана в Штате одинокой звезды (неофициальное название Техаса. — *Примеч. пер.*). Чтобы избежать ареста по обвинениям, относящимся к деятельности «Ордена», он вместе с женой бежал в Мексику. Находившийся в списке «десяти самых разыскиваемых ФБР преступников», Бим был захвачен в Гвадалахаре после перестрелки и возвращен в Соединенные Штаты. Затем он служил в качестве «посла по особым поручениям» «Арийских наций». Однако федеральному правительству не удалось осудить Бима и других подсудимых

по обвинению в заговоре с целью государственного переворота. Лайонс со своим клиентом отпраздновали это событие в мемориальном комплексе, посвященном конфедератам, который находился прямо напротив здания суда. Там Бим заявил о победе над врагом: «Мне кажется, что сегодня «сионистское оккупационное правительство» потерпело страшное поражение. Думаю, что все смогли разгадать головоломку и поняли, что меня наказывали только за то, что я был громким и откровенным противником ZOG»²¹⁴.

Процесс в Форт-Смит ознаменовал собой начало деятельности Лайонса на посту адвоката белых расистов. Успешная защита Бима сделала его своего рода знаменитостью среди ультраправых, ведь речь шла об одном из ключевых деятелей американского неонацистского подполья. Помимо того что он был главным военным стратегом движения, технически продвинутый Бим создал первые компьютерные доски объявлений для «Арийских наций» и ряда других групп «Христианской идентичности». Кирк Лайонс и позднее остался одним из его ближайших помощников. А сам Бим был свидетелем на свадьбе Лайонса в Хейден Лейк²¹⁵.

Симпатизировавший взглядам своих клиентов, Лайонс защищал многих членов «Арийских наций», обвинявшихся в самых разных преступлениях, — от нарушений законодательства об оружии до убийств. Он также координировал прохождение апелляции лидера «Белого арийского сопротивления» Тома Метцгера, после того как его признали виновным в совершенном скинхедами убийстве эфиопского иммигранта в городе Портленд²¹⁶.

Еще одним лицом, пользовавшимся юридическими консультациями Лайонса, был Фред Лейхтер (Fred Leuchter), проживавший в Бостоне продавец и установщик электрических стульев, оборудования для смертельных инъекций и прочих средств казни. Телекомпания «ABC News» как-то назвала его «Доктор Смерть». Проблемы с законом возникли у Лейхтера в связи с отсутствием надлежащей лицензии на оказываемые им технические услуги. А прославился он после того, как в качестве самозваного эксперта съездил в Освенцим, взял там несколько образцов почвы и на данном основании пришел к выводу, что все рассказы о газовых камерах — это миф. Так называемый «Доклад Лейхтера» стал результатом «исследования», на финансирование которого канадец немецкого происхождения Эрнст Цундел выделил 37 тысяч долларов.

Институт пересмотра истории быстро воспользовался «научными результатами» Лейхтера. Их одобрили также генерал-майор Отто-Эрнст Ремер и ряд других убежденных отрицателей Холокоста. В октябре 1992 года Лейхтер и Лайонс посетили организованную Институтом пересмотра истории конференцию в Южной Калифорнии. Там они встретились с видными

представителями негационистских кругов, включая и Белу Эвальда Альтханса. «Я получил большое удовольствие от конференции, — вспоминал Лайонс. — Собравшиеся там были в основном старыми людьми с очень интересными взглядами на Вторую мировую войну. Я поддерживаю все формы ревизионизма... Когда от нас уйдут ветераны Второй мировой войны, думаю, что ревизионизм вступит в свои права»²¹⁷.

После этого Альтханс организовал для Лайонса и Лейхтера германское турне по сбору пожертвований. Безопасность обеспечивалась подготовленными Берндом Шмиттом группами физической защиты. Хотя Шмитт был и неонацистом, и осведомителем секретной полиции, в ходе десятидневной совместной поездки он не вызвал никаких подозрений у Лайонса. Вместо этого у него возникли серьезные сомнения относительно Альтханса. Лайонс был выведен из себя тем, что его молодой немецкий коллега прикарманил большую часть средств, предназначенных для охранников Лейхтера²¹⁸.

В ходе своей предыдущей поездки в фатерланд Лайонс познакомился с человеком, которого можно назвать его немецким двойником, — Юргеном Ригером (Jürgen Rieger). Газета «Die Zeit» называла его «неонацистом в адвокатской мантии». Ригер возглавлял располагавшуюся в Гамбурге группу «Общество антропологии, евгеники и этологии». В этом качестве он издавал псевдонаучный журнал «Новая антропология» («Neue Anthropologie») для интеллектуалов-расистов, веривших в превосходство арийской расы. В то же время Ригер выступал защитником в делах Михаэля Кюнена, Кристиана Ворха, Эрнста Цундела и других ключевых неонацистов. Пользуясь большим уважением, Ригер был всегда окружен представителями ультраправых Германии²¹⁹.

Лайонс поддерживал постоянные связи с германским неонацистским движением с помощью созданной им в Блэк Маунтин, штат Южная Каролина, группы CAUSE. Название представляло собой акроним «Canada, Australia, United States, South Africa, Europe» (места, где, по мнению Лайонса, демократические права белых находились под угрозой). CAUSE действовала в качестве информационного центра и генератора сплетен для правых экстремистов в США и за рубежом. Юрген Ригер был одним из немногих немецких адвокатов, связанных с CAUSE²²⁰.

Еще одной ключевой фигурой, связанной с германским нацистским подпольем, был Герхард Лаук, проживавший в штате Небраска поклонник Гитлера, говоривший по-английски с искусственным немецким акцентом. Выпускавший огромное количество пробуждавшей ненависть литературы, Лаук тесно сотрудничал с сетью Кюнена с самого момента ее создания в конце 1970-х годов. Как и Лайонс, а также один из руководителей Ку-

клукс-клана Деннис Мэхон, он был связан с «Арийскими нациями», распространявшими одно из изданий Лаука — «Новый порядок» («New Order»). В 1994 году один из заместителей Лаука выступил на ежегодном собрании в Хейден Лейк. Когда на следующий год Лаука арестовали в Дании, «Арийские нации» призвали его сторонников обратиться к датскому правительству с требованием не депортировать его в Германию, где ждало обвинение в распространении неонацистской пропаганды²²¹.

«Арийские нации» устраивали слеты для молодежи — обычно приуроченные ко дню рождения Гитлера. На них выступали музыкальные группы, проповедовавшие ненависть, например ведущие североамериканские скинхеды «Bound for Glory». Источником вдохновения для них были «солдаты рейха, вопреки всему сражавшиеся с красным потоком из любви к фатерланду». Героями группы были бригадфюрер Леон Дегрель, ас Ганс-Ульрих Рудель и командос Отто Скорцени²²².

Называя Соединенные Штаты «сионистским растлителем народов», «Bound for Glory» пропагандировали свои расистские взгляды во время выступлений в объединенной Германии, где среди неонацистской молодежи вошли в моду фотографии Ку-клукс-клана и знаки с флагом конфедератов.

Немецкие скинхеды ввели в употребление английские выражения «White Power», «White Aryan Resistance» («Белая сила», «Белое арийское сопротивление»). Общий словарь символизировал «перекрестное опыление» между американскими неонацистами и их немецкими товарищами. Они связывались друг с другом по факсу, электронной почте, телефону и проводили личные встречи для стратегического планирования. Неофашистские руководители из нескольких стран, включая Германию, посещали ежегодные встречи «Арийских наций» в Айдахо. Комментируя эти международные связи, глава «Белого арийского сопротивления» Том Метцгер заявлял: «Существует только одно движение. Наши цели одинаковы». С ним соглашался Кирк Лайонс. «Мы ведем общую борьбу с общим врагом», — писал он в журнале немецких скинхедов²²³.

Между неонацистской средой Германии и США существовали очевидные параллели. Защитники идеи «Белой силы» по обе стороны Атлантики верили, что в момент окончания «холодной войны» достигли исторической развилки, которая предоставила им уникальное «окно возможностей». Некоторые полагали, что их идеи, будучи должным образом поданными, могут вызвать отклик у масс. «Хотя число этих групп сравнительно невелико, они активно сотрудничают и обмениваются данными, — предупреждал бывший аналитик ЦРУ Стэнли Бедлингтон. — Они очень опасны. Не обращая на них внимания, мы создаем себе серьезную угрозу»²²⁴.

В середине 1990-х годов «Арийские нации» показали резкий рост после привлечения новых сторонников и открытия представительств в ряде стран. Они стали наиболее серьезным из 30 неонацистских объединений, действующих на территории Соединенных Штатов. В стране было примерно 25 тысяч убежденных активистов расистского движения и около 150 тысяч симпатизировавших им лиц. Членство в этой полуподпольной среде не было постоянным, новообращенные перемещались между различными сектами. Однако сплоченный внутренний круг влиятельных руководителей обеспечивал слабо связанной конфедерации ультраправых организаций преемственность и скоординированную стратегию действий. Кирк Лайонс и его верный подручный Луис Бим входили в эту руководящую элиту. Наряду с укреплением связей с немецкими неонацистами они играли ключевую закулисную роль в быстро развивавшемся ополченческом движении Америки (*militia*) — развитии незаконных вооруженных формирований.

Дорога в Оклахома-Сити

Для большинства американцев взрыв административного здания в Оклахома-Сити, в результате которого погибло 169 и было ранено свыше 500 человек, прогремел как гром среди ясного неба. После долгих лет, в течение которых средства массовой информации говорили исключительно об арабских, исламских и иных террористах из третьего мира, новость о том, что в Соединенных Штатах существовала разветвленная местная сеть антиправительственных боевиков, была по меньшей мере неожиданной. Однако тем, кто внимательно следил за развитием ситуации, не пришлось гадать на кофейной гуще, чтобы понять, что в самом центре страны зреет что-то зловещее. Произошедшее 19 апреля 1995 года в Оклахома-Сити лишь по масштабу отличалось от насилия со стороны ультраправых, которое уже в течение некоторого времени ощущалось в стране²²⁵.

Вооруженные отряды в Америке к середине 1990-х годов насчитывали от 40 до 100 тысяч членов. По территории Соединенных Штатов они были распределены неравномерно, невзирая на законодательство многих штатов, запрещавшее или регулировавшее военизированную деятельность. В бурную реку военизированного движения вливались различные притоки, включая противников контроля за оружием, сторонников запрещения абортов, недовольных налогами, фундаменталистов, защищавших семейные ценности, ветеранов войны во Вьетнаме, мечтавших о возмездии в стиле Рэмбо, противники защитников окружающей среды, выступавшие за ее «разумное

использование» (wise use), внесистемные «свободные люди», признававшие только первые десять поправок к Конституции и воздерживавшиеся от получения водительских прав и карточек социального страхования.

Военизированное движение представляло собой сложное и многоплановое явление, составной частью которого являлись белые расисты и неонацисты. По крайней мере 25% от приблизительно 225 ультраправых военизированных формирований на территории Соединенных Штатов имели тесные связи с расистами. И хотя последние зачастую занимали руководящие позиции в движении, утверждать, что все формирования носили расистский или антисемитский характер, было бы преувеличением.

Тем не менее через эти структуры проходило достаточно большое количество желчного бреда. Так, например, «Militia News», издававшиеся «Ассоциацией христианских гражданских свобод» в местечке Эфтон, штат Теннесси, уделяли много внимания «жидобольшевикам». В публикациях также утверждалось: Хиросима и Нагасаки были выбраны целями для атомных бомбардировок потому, что в этих городах заметную часть населения составляли христиане. Подобного рода материалы часто распространялись на встречах членов военизированных формирований. Расистские идеи часто стояли на втором плане — их прикрывала тема ношения оружия. Белые расисты включались в обсуждение этих вопросов, скрывая старую ненависть за новыми словами. Пытаясь сделать свои взгляды более популярными и привлечь к себе новых сторонников, руководители военизированных формирований обрушивались с критикой не на этнические меньшинства, а на правительство США²²⁶.

Убежденные *расисты*, то есть *те, кто сознательно воспринимал расизм как идеологию*, находились в численном меньшинстве, тем не менее они были движущей силой военизированного движения с момента его возникновения. Проживавший в Торонто немецкий неонацист Вольфганг Дрёге (Wolfgang Dröge) признавал, что его американские коллеги использовали тактику уловок, чтобы направить действия военизированных формирований в нужном им направлении. «Если бы они позиционировали себя белыми расистами, то утратили бы доверие. Поэтому некоторые важные люди в военизированных формированиях уклонялись от этого ярлыка. Но я уверен, что втайне они продолжают поддерживать движение “Белой силы”», — заявил Дрёге на встрече со стратегами американского ополчения, когда они посещали Канаду²²⁷.

Одним из пионеров и ключевых представителей возникшего после «холодной войны» военизированного движения был Джон Трочман (John Trochmann), создавший в феврале 1994 года «Ополчение Монтаны» (Militia

of Montana, MOM). Оно получило прозвище «Мать всех ополчений», поскольку стало прототипом многочисленных военизированных групп, быстро формировавшихся по всей территории Соединенных Штатов. Как и у многих других военизированных объединений, в основе MOM были неонацисты и профессиональные белые расисты.

Руководителя MOM Джона Трочмана хорошо знали в лагере «Арийских наций» в Северном Айдахо. Когда он в 1990 году выступал на очередном конгрессе «Арийских наций» в Хейден Лейк, жидкая длинная борода делала его похожим на библейского пророка. Трочман воспользовался возможностью, чтобы заявить, что им следует отказаться от свастики и капюшонов в пользу Иисуса Христа и Библии. Именно так он и поступил, создавая «Ополчение Монтаны». Приглушив чисто неонацистскую тематику и скрыв свои расистские верования, Трочман надеялся заинтересовать широкую аудиторию недовольных американцев, которых, несомненно, оттолкнул бы гитлеровский бред²²⁸.

Кирку Лайонсу и Луису Биму тактика Трочмана представлялась разумной. Все они были друзьями и сторонниками ветерана Вьетнама Рэнди Вивера (Randy Weaver), одержимого «сионистским оккупационным правительством» и несколько раз посещавшего Хейден Лейк. Вивер прославился среди ультраправых после того, как был ранен в перестрелке с федеральными агентами США в августе 1992 года, причем тогда погибли его жена и сын. В ходе осады уединенной хижины Вивера в лесной глуши Руби Ридж в Северном Айдахо был убит и федеральный маршал США. В течение 18 месяцев Вивер вместе с семьей отбивались от агентов ФБР и Бюро по контролю над оборотом алкогольных, табачных изделий и огнестрельного оружия. Члены «Арийских наций», включая Трочмана, доставляли Виверам в их забаррикадированный дом еду и прочие необходимые припасы. Позднее Трочман и Бим создали группу поддержки Рэнди Вивера «Граждане, объединенные борьбой за правосудие» (Citizens United for Justice). Лайонс также предложил подать иск против правительства США за нарушение гражданских прав Вивера²²⁹.

Лайонс и Бим подливали масла в огонь, используя любую возможность. Как пара стервятников, почуявших падаль, они появились и на месте продолжавшегося 51 день противостояния федерального правительства и секты «Ветвь Давидова», возглавлявшейся Дэвидом Корешем (David Koresh). Бим и несколько других белых расистов собрались близ находившегося неподалеку от города Уако, штат Техас, ранчо, где размещалась секта, чтобы продемонстрировать свою поддержку приверженцам религиозного культа. В то же самое время Лайонс заявил, что представляет интересы матери

Кореша. В этом качестве он попытался получить ордер на временное приостановление действий федеральных правоохранительных органов, однако запрос был отклонен судьей. Пожар на ранчо в апреле 1993 года, возникший в результате плохо подготовленного рейда федеральных агентов, погубил 85 человек. После бойни Лайонс подал от имени родственников некоторых жертв трагедии иск на сумму в 520 миллионов долларов. «Правительство США — это величайшая сила зла, на сегодня это крупнейшая в мире угроза гражданским свободам», — заявил Лайонс, который позднее выступал в качестве юридического консультанта для многих групп американских ополченцев²³⁰.

«Нет новым Уако, нет новым Виверам!» — такие слова стали боевым кличем обозленных правых экстремистов, разделявших антипатию Лайонса по отношению к федеральному правительству США. Две этих трагедии оказались своего рода запалом, вызвавшим стремительный рост числа военизированных организаций. Реальная стратегия создания общенациональной военизированной сети была сформирована на закрытой встрече, состоявшейся в Эстес Парк, штат Колорадо, 23 октября 1992 года. Среди 150 руководителей ультраправых организаций были и Лайонс с Бимом. Встреча была организована пастором «Христианской идентичности» Питом Петерсом (Pete Peters), напыщенным белым расистом, утверждавшим, что Библия оправдывает убийство гомосексуалистов. Петерс десятью годами ранее благословил членов «Ордена» на их смертоносный крестовый поход, но позднее начал осознавать контрпродуктивность неонацистских лозунгов. «Петерс привел свои идеи в соответствие с требованиями 1990-х годов, — объяснял бывший член «Арийских наций» Флойд Кохран. — Он не поддерживает Гитлера. Он не использует свастику или балахоны Ку-клукс-клана. Вместо этого он прибегает к помощи Библии и американского флага. Петерс говорит привычным нам языком. Его ненависть замаскирована Богом»²³¹.

Во время встречи в Скалистых горах несколько выступавших поддержали идею создания низового военизированного движения, которое должно было послужить и в качестве центров кристаллизации массового движения против контроля за оружием, и в качестве источника вербовки новых членов террористических ячеек. Посланник «Арийских наций» Бим стал ключевой фигурой в этом обсуждении. Он предложил свой план «Соппротивление без руководителей», подразумевавший создание мелких автономных групп из пяти или шести убежденных бойцов, связанных вместе общей идеологией, а не единым командованием. «Все члены тайных ячеек или отдельные лица, скорее всего, будут одинаково реагировать на внешние события в соответствии с общей тактикой сопротивления, — объяснял Бим. — Средства

распространения информации, такие как газеты, листовки, компьютеры, широко доступны для всех, позволяют всем находиться в курсе текущих событий и обеспечивают спланированный ответ, который примет самые разные формы. Нет необходимости отдавать приказы. Идеалисты, преданные делу свободы, начнут действовать, когда поймут, что их время пришло. Или получают подсказку от тех, кто начал свои акции раньше».

Одним из преимуществ предложенного Бимом сценария внутренней войны было снижение риска выявления военизированных структур и проникновения в них правительственных агентов или осведомителей. Секретная структура позволяла скрыть ведущих тактиков, таких, как он, предоставляя в то же время подпольным ячейкам практически неограниченную свободу действий. Сам Бим заметил по этому поводу: «Самое худшее для правительственных агентов — если им, конечно, предоставить свободу выбора — это противостоять тысяче тайных ячеек»²³².

Предложения Бима вскоре были приняты большинством движения боевиков в качестве одной части сложной двухуровневой стратегии, позволявшей сторонникам «Белой силы» скрывать свои не имевшие командиров ячейки сопротивления в широко распространившейся сети официальных, иерархически структурированных военизированных организаций. Так действовало и «Ополчение Монтаны» (МОМ) Трочмана. Оно быстро стало нервным центром всего военизированного движения, распространяя устав по ведению боевой деятельности среди сотен вновь появившихся групп. Наставление МОМ открывалось библейским оправданием действий «патриотов» по подготовке войны с правительством США и другими врагами. Это руководство для террористов содержало подробные инструкции по проведению различных операций: взрывов, налетов на хранилища оружия, ударов по уязвимым зданиям федеральных органов, похищений важных лиц, уничтожений собственности лиц, не относящихся к американцам, диверсий на продовольственных складах, уничтожения нежелательных лиц²³³.

МОМ и другие военизированные формирования использовали коротковолновое радио, факсы, обучающие видеозаписи, компьютерные доски объявлений, группы интернет-пользователей и саму сеть для рассылки своих подстрекательских сообщений среди «патриотов». «Похоже, здесь мы имеем дело с первым низовым социальным движением, члены которого общались преимущественно с помощью нетрадиционных электронных средств обмена информацией», — заметил Чип Берлет из «Political Research Associates», независимой наблюдательной организации ультраправых. «Ополчение Монтаны» утверждало, что может менее чем за час разослать оповещение своим сторонникам с помощью «сети факсов патриотов» (Patriotic Fax Network). В подоб-

ных обстоятельствах было предсказуемо, а скорее всего, даже неизбежно, что некоторые не обладающие здравым рассудком личности проглотят наживку и начнут действовать, исходя из собственных диких фантазий, по-своему реализуя боевой план, составленный неонацистскими стратегами²³⁴.

МОМ подкрепляло свои боевые указания конспирологической литературой, рассказывавшей о международной банковской элите и войсках ООН, предназначенных исключительно для введения военного положения в интересах всемирного правительства. В этом отношении они повторяли многие идеи «Свободного лобби» (Liberty Lobby). Издававшийся «Лобби» еженедельный таблоид «Прожектор» («Spotlight») официально заявлял о совместной деятельности с «Ополчением Монтаны». «Мы благодарим Бога за “Spotlight”», — заявил Трочман на конференции «Свободного лобби» в Вашингтоне, состоявшейся через несколько месяцев после взрыва в Оклахома-Сити²³⁵.

Представители МОМ часто давали интервью «Spotlight». Это издание было популярно среди белых расистов, неонацистов и других членов военнизированных организаций. Распространяя сказки о таинственных черных вертолетах и о других символах «нового мирового порядка», в своих публикациях «Spotlight» часто основывался на «сенсациях» и фотографических «доказательствах», предоставленных Трочманом и его сторонниками. «Ополчение Монтаны» также рекламировало в «Spotlight» свои материалы, включая и видеофильм о том, как правительство США наняло городские уличные банды для конфискации оружия у богобоязненных американцев. Подобные сообщения, невзирая на всю свою смехотворность, были для боевого движения хлебом насущным²³⁶.

Возможно, еще большее беспокойство, чем крупные арсеналы, собранные боевиками, вызывал тот факт, что исповедуемые ими фобии в духе «не наступай на меня» (имеется в виду так называемый «Гадсеновский флаг» — один из первых флагов США, на котором была изображена свернувшаяся гремучая змея и начертан девиз «Не наступай на меня»; после замены на звездно-полосатый использовался как символ патриотизма, разногласий с властью и поддержки гражданских свобод. — *Примеч. пер.*) хорошо совпадали с широко распространенными предчувствиями и тревогами. Говоря не столько о решении проблем, сколько о «козлах отпущения», боевики привлекали к себе глубоко разочарованных людей с реальными домашними проблемами. Отодвинутые на обочину жизни действиями транснациональных корпораций, многие из этих людей испытывали серьезные экономические трудности и стремились отыскать виновников своих неудач. Они приходили к выводу, порой до некоторой степени оправданному, о том, что

политический процесс идет в интересах горстки могущественных избранных, выступающих против интересов простых людей. Хотя эта вера имела под собой рациональные основания, члены ополчений ошибочно возлагали переживаемые ими тяготы на некие масштабные всеохватывающие заговоры. Более трезвый анализ выявлял молчаливый сговор различных групп самодостаточной правящей элиты, приводивший к неуклонному снижению реальных доходов подавляющего большинства²³⁷.

Принимая во внимание количество американцев, вошедших в ряды различных ополчений, бредовые идеи начали овладевать миллионами недовольных. Этот процесс не могли остановить крохи, достававшиеся массам со стола преуспевающих социальных групп. Среда ополченцев наполнилась дикими слухами. Это были и планы правительства по управлению мыслями граждан, и торнадо, вызванные экспериментами ЦРУ с погодой, и секретные отметки на обратной стороне дорожных знаков, которые должны были способствовать неизбежному вторжению сил ООН. Получилась «американская мечта» наоборот: все указывало на «огромный заговор», как выразился некогда сенатор Маккарти, а также на зловещую кабалу и безрадостное будущее. Единственным ответом, как представлялось, было вооруженное восстание.

Здесь мы впервые встречаемся с Тимоти Маквеем (Timothy McVeigh) и его предполагаемым сообщником Терри Николсом (Terry Nichols), обвиненными в подрыве здания федеральных учреждений в Оклахома-Сити 19 апреля 1995 года. Оба они проходили военную службу в одной и той же пехотной части в Форт-Рили, штат Канзас, потом оба находились в той взрывоопасной зоне, где движение ополченцев пересекается с безумными расистами. В конце военной службы Маквей оказался вовлечен в деятельность гражданской правой группы с ярко выраженными антиправительственными взглядами. Убежденный в том, что военные врачи вживили чип ему в ягодицу, он превратился в скитающегося с места на место параноика с мрачным лицом. Фанатично любивший оружие, он всегда носил его при себе.

Ненависть Маквея к правительству усугубил катастрофический рейд федеральных сил на ранчо в Уэйко в Техасе, где укрывались члены секты «Ветвь Давидова». Он посетил это место, а также побывал у заброшенной хижины Рэнди Вивера в Руби Ридж. Истории о перестрелке с Вивером представляли собой большой пласт фольклора ополченцев. Осенью 1994 года Маквей несколько раз побывал в городке Кингмэн в штате Аризона, где познакомился с членами «Арийских наций». Он также посетил ежегодный съезд журнала «Солдат удачи» («Soldier of Fortune») в Лас-Вегасе, собирав-

ший наемников, где одним из главных выступающих был Кирк Лайонс, сообщивший о поданном им иске в связи с событиями в Уэйко²³⁸.

Вслед за своим армейским приятелем Николсом Маквей отправился в Мичиган, где они вместе посещали встречи ополченцев. Тесно связанное с организацией Трочмана в Монтане, «Ополчение Мичигана» было одной из сильнейших и наиболее влиятельных военизированных организаций США. Как и МОМ, оно имело связи среди белых расистов. Утверждается, что Маквей был также замечен на встрече ополченцев во Флориде²³⁹.

Связавшись с неприглядной стороной ополчения, Маквей и Николс погрузились в изучение газет и видеозаписей ультраправых. Они жадно читали «Spotlight». Когда Маквей решил продать противотанковую пусковую установку и 37-миллиметровые сигнальные ракеты, он разместил объявление в газете «Свободного лобби». Просматривая это издание, он был в курсе всех новостей об «Арийских нациях» и их мероприятиях, анонсировавшихся в календаре «Spotlight». Журнал также помещал рекламу литературы, издававшейся «Христианской идентичностью», прочую расистскую пропаганду. Повесть «Дневники Тернера» («The Turner Diaries»), подтолкнувшую членов «Ордена» к вакханалии грабежей и убийств, Маквей также читал, продавал и раздавал²⁴⁰.

Используя полученную от «Spotlight» карточку для междугородних телефонных звонков, Маквей за две недели до взрыва в Оклахома-Сити связался с Элоим-Сити — раскинувшимся на 400 акрах поселении «Христианской идентичности» на границе штатов Арканзас и Оклахома. По словам главы Элоим-Сити Роберта Миллара, Маквей хотел поговорить с Андреасом Штрассмайером, бывшим лейтенантом немецкой армии, который занимался в поселении белых расистов вопросами безопасности и военизированной подготовки. Отвечая на вопрос, почему он с 1991 года выбрал местом своего жительства Элоим-Сити, где прихожане в религиозном экстазе вели бессвязные речи и участвовали в квазирелигиозных ритуалах, разжигавших ненависть, Штрассмайер был краток: «Меня привлекал альтернативный стиль жизни».

Штрассмайер утверждал, что ничего не помнит о загадочном телефонном звонке Маквея. Однако немецкий специалист по военизированной подготовке сообщил в данных суду письменных показаниях, что вскоре после событий в Уэйко встречался с Маквеем на оружейной выставке в городе Талса. Тогда Штрассмайер продал Маквею боевой нож и дал свою визитку. По словам Штрассмайера, на этом их знакомство закончилось, и больше он не имел с Маквеем никаких дел.

Будучи в Талсе, Штрассмайер побывал дома у своего собутыльника Денниса Мэхона, проживавшего в Оклахоме куклуксклановца, сжигавше-

го кресты в объединенной Германии. Мэхон часто проводил выходные в Элоим-Сити, попивая пиво вместе со Штрассмайером. («Когда ты много пьешь с человеком, хорошо узнаешь его», — говорил Мэхон, после своей поездки в Германию возглавивший «Белое арийское сопротивление».) Мэхон и Штрассмайер подружились с Кэрол Хоу, привлекательной молодой женщиной, работавшей платным осведомителем государственного Бюро по контролю над оборотом алкогольных, табачных изделий и огнестрельного оружия (АТФ) и присматривавшей за местными неонацистами. Позже Хоу показала под присягой, что видела Маквея в компании Штрассмайера в Элоим-Сити. Она также рассказала своим кураторам в АТФ, что слышала, как Штрассмайер и Мэхон обсуждали планы подрыва зданий федеральных учреждений в Оклахоме за несколько месяцев до произошедшего в апреле 1995 года теракта. Однако обвинения Хоу не были подкреплены доказательствами, а сама она не вызывала особого доверия, так как регулярно меняла ключевые элементы своих показаний²⁴¹.

Штрассмайер отрицал какую-либо причастность к теракту в Оклахома-Сити. Тем не менее у него, несомненно, были широкие связи в кругах бандитов из расистского подполья США. В Элоим-Сити Штрассмайер проживал в одной комнате с Майклом Брешиа (Michael Brescia), позднее признавшимся в членстве в «Арийской республиканской армии» (ARA). Эта секта фанатиков-расистов планировала свергнуть правительство США, очистить страну от негров и евреев и установить новое законодательство, целиком основанное на их странном толковании Библии. (Четверо из шести известных членов ARA жили в Элоим-Сити или часто наведывались туда.) Чтобы собрать деньги на свою деятельность, ARA в середине 1990-х годов совершила ограбления 22 банков в восьми штатах Среднего Запада. Эти вооруженные нападения были осуществлены экстремистами ARA, которых обучил тактике и навыкам обращения с оружием не кто иной, как Штрассмайер. Во время ограблений обладавшие определенным чувством юмора бандиты выглядели достаточно эксцентрично, скрываясь под масками графа Дракулы и Рональда Рейгана. Признанный руководитель группы Питер Лэнган (Peter Langan)) по прозвищу Командор Педро был трансвеститом, брившим гениталии и красившим ногти на ногах розовым лаком. На момент выхода этой книги он отбывает длительный тюремный срок, а остальные фанатики из «Арийской республиканской армии» или уже на том свете, или также за решеткой²⁴².

Немцу, работавшему инструктором военизированной подготовки «Арийской республиканской армии», удалось избежать «длинной руки» закона даже невзирая на то, что патрульные штата Оклахома получили

ориентировку на Андреаса Штрассмайера. Это означало, что он был вооруженным и потенциально опасным «нелегальным чужаком». Несмотря на то что в ряде правительственных агентств США знали о его пребывании в Элоим-Сити, иммиграционные власти даже не предпринимали попыток его депортировать. Наиболее вероятным объяснением подобной халатности являлось наличие у семьи Штрассмайера хороших связей во влиятельных немецких кругах. Отец Андреаса, Гюнтер Штрассмайер, некоторое время являлся фактическим руководителем аппарата канцлера Гельмута Коля. Один из наиболее видных деятелей христианских демократов в Берлине, Гюнтер был близким другом и советником Коля. В ноябре 1989 года они вместе отмечали на улицах падение Берлинской стены. Известно, что Гюнтер воспользовался имевшимися в его распоряжении дипломатическими рычагами, когда у его сбившегося с пути сына возникли неприятности.

В 1991 году американский адвокат Андреаса Штрассмайера, вездесущий Кирк Лайонс, посетил родителей своего клиента в их пышной резиденции в Берлине. Лайонс заверил их, что Андреас наслаждается своей жизнью в Оклахоме. Возможность приехать в Америку Андреасу обеспечил в первую очередь сам Лайонс. Он также познакомил своего молодого немецкого друга с людьми из Элоим-Сити.

18 апреля 1995 года, за день до взрыва в Оклахома-Сити, в юридическую фирму Кирка Лайонса в Северной Каролине позвонил под вымышленным именем Тимоти Маквей. Разговор длился 15 минут. Маквей уже подготовился к взрыву здания в Оклахома-Сити. Движение «патриотов» было наготове, поскольку «Ополчение Монтаны» призвало всех своих сторонников к оружию по случаю второй годовщины событий в Уэйко. Именно тогда Маквей, при содействии Николса и «других неизвестных» (как говорилось в федеральном обвинительном акте), решил нанести свой удар. Задержанный вскоре после теракта Маквей будет осужден к смертной казни. Николс позднее, в ходе отдельного процесса, был приговорен к пожизненному заключению²⁴³.

Предполагается, что Маквей входил в небольшую террористическую ячейку, действовавшую в соответствии со стратегией «Сопrotивления без руководителей», предложенной специалистом «Арийских наций» по тактике Луисом Бимом. Ее целью было породить антиправительственное насилие, в то же самое время снабдив полуподпольные ополченческие организации средством отрицания своего участия в этой деятельности. Это позволило бы замаскировать их связь с отколовшимися от них экстремистами.

Первой реакцией со стороны ультраправых на события в Оклахома-Сити было безграничное веселье. Свое радостное возбуждение не смог

скрыть и Деннис Мэхон. «Взрыв был просто прекрасен. Я просто ненавижу федеральное правительство... Удивляюсь, что такого не произошло на всей территории страны», — задумчиво говорил он²⁴⁴.

Стареющий поклонник Гитлера Кейт Томпсон сначала также разделял энтузиазм Мэхона. «Честно говоря, новости о взрыве в Оклахома-Сити обрадовали меня. Насилие — это единственное, что люди понимают», — заметил он. Однако, по словам Томпсона, его мнение поменялось, когда он «понял», что правительство США спровоцировало этот террористический акт с целью дискредитировать ультраправых. «Взрыв не мог быть организован парочкой оболтусов», — заключил он²⁴⁵.

Вскоре именно эта гипотеза стала официальной линией поведения, которой придерживались друзья Томпсона в «Spotlight» и ополченческое движение в целом. Они утверждали, что за повлекшим множество жертв взрывом стоит федеральное правительство, а Маквей — всего лишь козел отпущения. Они соглашались с тем, что американские официальные лица воспользуются случившимся, чтобы разгромить движение ополченцев, которые теперь в глазах общественного мнения стали неразрывно связаны с массовым убийством. Как и другие события, бойня в Оклахома-Сити прекрасно вписывалась в теорию Большого заговора.

Христианские патриоты движутся вперед

К моменту взрыва в Оклахома-Сити «Свободное лобби» (Liberty Lobby) продолжало оставаться ведущей «зонтичной организацией» американских расистов. Оно служило мостом между различными секторами ультраправых как на американской территории, так и за границей, без меры восхваляя военизированное движение и его героев. После того как Рэнди Вивер выиграл судебный процесс против правительства, «Spotlight» анонсировал его в качестве одного из «выдающихся спикеров» на встрече «Христианской идентичности» в Лейк-Тахо, штат Невада. Он оказался в компании стратега «Арийских наций» Луиса Бима и основателя «Свободного лобби» Уиллиса Карто, которые также должны были делать доклады на этом мероприятии²⁴⁶.

«Свободное лобби» также участвовало в предвыборной борьбе в разных странах, поддерживая кандидатов, которые рассматривались в качестве «популистских» — условное обозначение для отдельных лиц и групп, более точно описываемых как «неонацистские» или «неофашистские». Популисты, которых обхаживал «Spotlight», включали в себя Владимира Жириновского из России — человека, который в ходе своего визита в Соединенные

Штаты предупреждал белых американцев о том, что они могут «сдать» свою страну чернокожим и испанцам. (По словам Жириновского, Республиканская партия разделяла его взгляды по этому вопросу.) «Spotlight» отмечал «разумность высказываний» Жириновского, даже невзирая на то, что он не так давно угрожал нанести ядерный удар по ряду стран. «Свободное лобби» восхваляло также лидера французского «Национального фронта» Жана-Мари Ле Пена, неонацистский Deutsche Volksunion в Германии, а также миллиардершу с Филиппин Имельду Маркос²⁴⁷.

У себя дома «Свободное лобби» сыграло видную роль в организации политической карьеры бывшего куклуксклановца Дэвида Дюка (David Duke). Некогда носивший свастику Дюк был членом небольшой группы, отколовшейся от «Американской нацистской партии». «Spotlight» посвятил ему статью еще в середине 1970-х, где назвал Дюка очень смышленным. В то время в Ку-клукс-клане он был «Имперским мудрецом Рыцарей Луизианы». Он привлек к членству в организации таких людей, как Луис Бим и Том Метцгер, которые позднее стали видными деятелями расистского подполья Америки. В течение нескольких лет Дюк распространял с помощью каталога заказов по почте неонацистскую классику, включая и «Империю» Фрэнсиса Паркера Йоки²⁴⁸.

Оставив Клан, Дюк создал «Национальную ассоциацию содействия прогрессу белого населения» (National Association for the Advancement of White People, NAAWP), которую назвал правозащитной организацией, имевшей целью защиту идентичности и интересов белых американцев. NAAWP выступала за разделение Соединенных Штатов на отдельные территории по расовому признаку. Чтобы избежать негативных ассоциаций с «белым расизмом», Дюк и ряд других неонацистов пользовались более невинно звучащим термином «белый сепаратизм».

Дюк, как и его советники из «Свободного лобби», был яростным отрицателем Холокоста, называя его «мифом, навязанным христианам евреями». В 1986 году глава NAAWP посетил конференцию негационистов, проводившуюся в Южной Калифорнии Институтом пересмотра истории. В ходе этого сборища была сделана магнитофонная запись разговора Дюка и одного из его коллег-неонацистов. «Не стремлюсь быть, как Макиавелли, но посоветовал бы вам не так много публично говорить о [национал-социализме]...», — заявил Дюк. На вопрос «почему?» он пояснил: «Я, как барабанщик, пытаюсь привлечь новых людей. Проблема в том, что, если вас обзовут нацистом, это прозвище прилипнет накрепко... Это повредит вашей способности общаться с ними. К сожалению, дела обстоят именно так... Для того чтобы сместить правительство, могут понадобиться десятилетия».

В разговор вступил коллега Дюка: «Для того чтобы начать дело, не требуется очень много людей. Гитлер начинал с горстью...»

«Правильно! — воскликнул Дюк. — И вам не кажется, что все может произойти прямо сейчас, если нам удастся все правильно скомпоновать?»²⁴⁹

Именно о правильной компоновке и думал Дюк, когда реализовывал предложенную «Spotlight» «трехпартийную» предвыборную стратегию. Она предусматривала работу с двумя основными партиями совместно с поддержкой независимой третьей — в зависимости от того, что представлялось более перспективным. В 1988 году Дюк принял участие в праймериз президентских выборов, проводившихся в южных штатах, как представитель демократов. Затем, быстро перебежав на другую сторону, он стал кандидатом в президенты уже от ультраправой Популистской партии, еще одного порождения сторонников Карто. Позже Дюк боролся за место в ходе специальных выборов в Законодательное собрание штата Луизиана уже как кандидат-республиканец. Для того чтобы собрать деньги на поддержку своей кандидатуры, он воспользовался общенациональной сетью спонсоров, созданной на основе позаимствованных им обширных списков из почтовой рассылки «Свободного лобби». В организации самой рассылки ему помогали штатные сотрудники «Свободного лобби», которые также консультировали Дюка по вопросам правильного составления отчетности о финансировании кампании. После того как он с небольшим преимуществом одержал победу на состоявшихся в феврале 1989 года выборах, Дюк нанял в качестве своего юридического советника давнюю сторонницу «Свободного лобби» Тришу Катсон (Trisha Katson), регулярно публиковавшуюся в «Spotlight»²⁵⁰. Тридцатидевятилетний Дюк утверждал, что порвал с расистским прошлым и стал подлинным республиканцем. Однако, даже будучи законодателем, он продолжал продавать отрицавшую Холокост литературу и прочие публикации издательства «Noontide Press», принадлежащего «Свободному лобби». Он с восхищением высказывался о Йозефе Менгеле, нацистском враче, проводившем чудовищные эксперименты над узниками Освенцима. «Это был гений, — сказал Дюк в 1989 году своему коллеге-законодателю из Нового Орлеана. — Его генетические исследования на близнецах просто невероятны»²⁵¹.

В 1991 году Дюк принял участие в напряженной кампании по выборам губернатора штата Луизиана. Его поддержал созданный «Свободным лобби» «Комитет народных действий», собравший деньги, обратившись к подписчикам «Spotlight». Идеально причесанный и сияющий голливудской Дюк усердно избегал грубых расистских формулировок. Вместо превосходства белых и неполноценности черных он подчеркивал культурные различия.

«В руках Дюка расизм приобретает человеколюбивый, позитивный облик», — отмечала Лесли Сэван, корреспондент еженедельника «Village Voice». Она смогла вскрыть самую суть проблемы, указав на то, что Дюку «удалось переформулировать свой предрассудок в предмет плюралистической гордости». Выступая по общенациональному телевидению, Дюк выглядел толерантным и разумным человеком. «В том, что люди с черным цветом кожи гордятся своим культурным наследием и своей расой, нет ничего плохого, — настаивал он. — Точно так же нет ничего плохого и в том, что этим гордятся белые люди»²⁵².

Кампания Дюка, слишком гладкая в высказываниях, смутила многих из тех, кто мог бы узнать экстремизм, облаченный в нацистский или ку-клуксклановский наряд, однако не распознал его в скользких фразах, характерных для популярных республиканских политиков, критиковавших систему социального обеспечения, неучтенную иммиграцию, пренебрежение положением меньшинств и меры по преодолению последствий дискриминации. Несмотря на то что Дюк обращал внимание на те же вопросы и пользовался теми же выражениями, которые принесли в последние годы заметные успехи Республиканской партии, он подвергся осуждению со стороны как президента Джорджа Буша, так и остальных республиканских лидеров. Однако, даже проиграв гонку за кресло губернатора, Дюк собрал голоса большинства белых избирателей. Достигнутый им на выборах результат показал, что взгляды белых расистов, оформленные соответствующим образом, могут привлечь широкие массы избирателей²⁵³.

Одним из малозаметных нюансов губернаторской кампании Дюка стала ее поддержка священником Билли Маккормиком (Billy McCormick), главой луизианского отделения «Христианской коалиции». Возглавлявшаяся телевизионным проповедником Пэтом Робертсоном (Pat Robertson), «Христианская коалиция» являлась наиболее влиятельной низовой организацией в рамках Республиканской партии. В союзе с организацией Дюка «Христианская коалиция» стремилась взять под свой контроль организацию Республиканской партии штата Луизиана. Это было частью работы по постепенному, округ за округом и штат за штатом, захвату власти в Республиканской партии. С этой целью «пехоте» Робертсона был дан приказ смягчить высказывания о своих религиозных убеждениях и при необходимости скрывать связь с «Христианской коалицией», которая, как считалось, действует как освобожденная от налогообложения внепартийная группа²⁵⁴.

В 1995 году «Христианская коалиция» заявляла, что в ее рядах находится свыше полутора миллионов человек. Их союз с Дюком в Луизиане казался на первый взгляд удивительным, принимая во внимание отвращение, ко-

торое бывший куклуксклановец испытывал к Израилю и евреям вообще, — это противопоставляло его просионистским проповедникам наподобие Робертсона. Однако поддержка Робертсоном Израиля не свидетельствовала о теплых чувствах по отношению к евреям. Он рассматривал их как «духовно глухих» и «духовно слепых». Скорее, эта поддержка проистекала из одного относящегося к концу света новозаветного пророчества о том, что перед вторым пришествием все евреи должны собраться в государстве Израиль, чтобы массово обратиться в христианство или погибнуть в битве при Армагеддоне²⁵⁵.

Симпатии «Христианской коалиции» по отношению к Дэвиду Дюку станут понятнее, если мы ближе познакомимся с паранойей Пэта Робертсона. В 1992 году он выпустил ставшую бестселлером книгу «Новый мировой порядок», разоблачавшую сложнейший и тянувшийся уже многие столетия заговор сатанинской клики масонов, оккультистов и европейских банкиров. Все они «совершенно случайно» носили еврейские имена. Возрождая старую утку о горстке богатых евреев, поддерживавших как безбожный коммунизм, так и монополистический капитализм в рамках далеко идущего тайного плана, глава «Христианской коалиции» утверждал, что проявлениями заговора являлись все события мировой истории — от французской и русской революций до покушения на президента Авраама Линкольна²⁵⁶.

«Песнопения» Робертсона напоминали не только антисемитские мотивы прошлого — в своей библиографии он ссылался на ряд печально известных антисемитов, — но и басни современных боевиков²⁵⁷. В своих книгах и на своем популярном кабельном телеканале Робертсон выступал против единого мирового правительства и ООН. Вечернее телевизионное шоу Робертсона «Клуб 700» («The 700 Club») также популяризировало взгляды ополченцев относительно инцидента в Уэйко и вопросов контроля над оружием. В качестве экспертов программы выступали представители «Ополчения Монтаны». Они комментировали фото черных вертолетов и другие подвергавшиеся ложному толкованию явления, якобы угрожавшие американским гражданам. Обозреватель газеты «New York Times» Фрэнк Рич выразился, пожалуй, удачнее всех: «Пэт Робертсон плещет бензин в горящую психику неуправляемых ополченцев, которые носятся по всей стране»²⁵⁸.

Несмотря на то что «Христианская коалиция» и военизированное движение расцвели на одном и том же зловонном компосте конспирологических теорий, долго перегнивавшим в среде американских маргиналов, их подход к политике был разным. «Христианские солдаты» Робертсона шли курсом, рассчитанным на большинство избирателей, пытаясь захватить

систему изнутри. Ополченцы брались за оружие и объявляли войну «республикратам», правившим страной от имени злобных скрытых сил. Как и Робертсона, некоторых стойких приверженцев ополченцев беспокоили масоны и иллюминаты XVIII века; другие были одержимы международным еврейским заговором. Неважно, носили ли эти конспирологические теории расистский характер или нет. Они отражали один и тот же антисемитский архетип — хотя многие сторонники ополчения этого и не замечали. Подобная широко распространенная безграмотность показывала огромный потенциал ненависти, сосредоточенный на ультраправом фланге, где вчерашние тайные общества легко превращались в «сионистское оккупационное правительство».

Перекрестное опыление между американскими белыми расистами и их до некоторой степени менее радикальными (и намного более многочисленными) правыми религиозными братьями символизирует глубокие политические изменения, катализатором которых выступило окончание «холодной войны». До краха СССР идеологическим клеем, скреплявшим различные фракции американских правых, был антикоммунизм. Он предоставлял удобное прикрытие сегрегационистам, нападавшим на движение защитников гражданских прав, обвиняя в принадлежности к коммунистам Мартина Лютера Кинга (к этим обвинениям присоединился и «Spotlight»). Когда Советского Союза не стало, антикоммунистический клич стал скорее архаичным, нежели объединяющим, и наступившая пустота была заполнена вновь появившейся расистской тематикой. Окончание «холодной войны» не только способствовало возрождению ультраправых — как на национальном, так и на международном уровне, — но и перестроило силы, размывавшие грань между консерваторами и ранее маргинальными секторами правых расистов.

Американские неонацисты и религиозные правые различались по взглядам на ключевые моменты, но были едины в негативном отношении к контролю над оружием, к абортам, гомосексуализму, цветной иммиграции. Последние вопросы были в центре борьбы Патрика Бьюкенена за выдвижение своей кандидатуры от Республиканской партии на выборах президента США²⁵⁹. «Наша культура превосходит все другие культуры. Она превосходит их потому, что нашей религией является христианство», — заявлял он. Исполненная патриотической христианской риторики, его речь была направлена против иностранцев и выставляла козлами отпущения неизвестных «чужаков» («Слушай, Хосе, теперь мы тебя сюда не пустим!») и призывала к протекционистским мерам во внешней торговле. В ходе республиканских праймериз 1996 года Бьюкенена поддерживали несколько

видных правых религиозных деятелей, а также «Свободное лобби». «Предвыборная платформа Бьюкенена представляет собой не что иное, как формулировку позиций «Свободного лобби» по этим же вопросам», — отмечал «Spotlight»^{260, 261}.

После окончания «холодной войны» на сцене вновь появилась и дискредитированная евгеника, заявившая о себе публикацией книги «Изгиб колокола» («The Bell Curve») Чарльза Мюррея и Ричарда Херренстайна. Названный бестселлер утверждал, что интеллект — это генетически обусловленная характеристика конкретной расы, а значит, не следует тратить драгоценные ресурсы в бесплодных попытках улучшить участь тех, кому суждено постоянно оставаться в бедности. К классу генетически ущербных людей были отнесены чернокожие и мулаты. Авторы основывали свои заключения на «доказательствах», взятых из сомнительных источников. Библиография книги полна ссылок на псевдонаучные журналы, наподобие ежеквартального издания «Человечество» («Mankind Quarterly»), которое публиковал активный поклонник евгеники Роджер Пирсон (Roger Pearson). Пирсон однажды опубликовал статью, заявлявшую, что евреи в погоне за мировым господством поддерживали борьбу черных за свои права, с тем чтобы ослабить гены белых путем расового кровосмешения²⁶². Ряд размышлений Пирсона относительно превосходства арийской расы был опубликован издательством «Свободного лобби» «Noontide Press»²⁶³.

Авторы книги «Изгиб колокола» придали легитимность бредовым идеям Пирсона. Газета «Уолл-стрит джорнэл» недвусмысленно одобрила книгу, а журнал «Ньюсвик» в крайне благожелательной рецензии охарактеризовал изыскания как находящиеся на магистральном пути научного поиска. «Изгиб колокола», основанный на работах псевдоученых, связанных с неонацистами, стал тем редким случаем, когда взгляды «Spotlight» и серьезной прессы совпали²⁶⁴.

Многие из упоминавшихся в книге экспертов, в частности, Роджер Пирсон и другие авторы ежеквартального «Человечества», финансово поддерживались грантами от Фонда «Пионер» (Pioneer Fund), названного лондонской газетой «Сандей телеграф» «неонацистской организацией, тесно связанной с ультраправыми американскими политиками». Фонд был основан в 1937 году американскими сторонниками проводившейся Гитлером программы по практическому воплощению идей евгеники. Свою деятельность фонд посвятил «улучшению расы» с помощью селекционного скрещивания. Хотя чудовищные преступления Третьего рейха принесли евгенике после Второй мировой войны дурную славу, «Pioneer Fund» продолжал поддерживать жизнь научного расизма в кругах американских иссле-

дователей. Ежегодно выделялись миллионы долларов на проведение работ по выяснению взаимосвязей между расой, наследственностью и интеллектуальным уровнем. При поддержке фонда проводилось множество исследований, пытавшихся доказать умственную неполноценность чернокожих²⁶⁵.

Однако авторам «Изгиба колокола» не требовалась финансовая поддержка от неонацистов. Мюррей и Херренстайн получили средства от Института американского предпринимательства (American Enterprise Institute, AEI), одного из виднейших «мозговых центров» Вашингтона, поставлявшего в телевизионные шоу массу ученых мужей для защиты позиций крупных корпораций. Поддерживаемый множеством компаний, входивших в список Fortune 500, Институт также санкционировал публикацию книги Динеша Д’Сузы «Конец расизма», защищавшей рабство и представлявшей сегрегацию как попытку защитить негров. Подобно «Изгибу колокола», эта книга возродила унижительные расовые стереотипы. Однако вместо того чтобы прибегнуть к аргументам из генетики, ее автор объяснял трудности, с которыми приходилось сталкиваться афроамериканцам, очевидной ущербностью их культуры²⁶⁶.

То, что две этих заметных книги финансировались Институтом американского предпринимательства, показывает, как ультраправые идеи, некогда отвергавшиеся washingtonским истеблишментом, переместились с периферии в центр сцены. Это также демонстрирует стремление руководства ряда связанных с крупными корпорациями политических сил США поддержать расистскую пропаганду в попытке перенацелить недовольство среднего класса, вызванное экономическими трудностями, в сторону бедняков и цветных. Американские политики, выступавшие за резкое сокращение программ социального обеспечения, теперь могут мотивировать свою позицию некогда запретным (а теперь вполне уважаемым) утверждением о том, что предполагаемым выгодоприобретателям помочь невозможно в силу их природной когнитивной или культурной неполноценности. Именно об этом в течение многих лет говорили Дэвид Дюк и его друзья — куклуксклановцы. «“Контракт с Америкой” Гингрича — это практически мои слова. Это та платформа, с которой выступал я сам», — заявил Дюк, весьма польщенный подобным развитием политической ситуации. «Подражание — это самый искренний вид лести», — добавил он²⁶⁷.

Тяжелая доля бедного иммигранта

Охранники тюрьмы Union County в штате Нью-Джерси макали голову неизвестного иностранца в унитаз, выкрикивая: «Говори, что Америка —

это номер один!» В 1995 году в той же самой тюрьме другой нелегальный иммигрант был обыскан с раздеванием догола и избит. При этом ему сломали ключицу. Трое сотрудников этого исправительного учреждения были позднее осуждены и приговорены к различным срокам тюремного заключения за избиения иммигрантов и издевательства над ними.

Приводя Union County в качестве примера, адвокат Питер Шей утверждал, что популярные политики сознательно поощряли антииммигрантские настроения, которые способствовали психологическим и физическим издевательствам над лицами, находившимися в местах предварительного заключения. «Провокаторами являются безрассудные политики, которые, выставляя свои кандидатуры на повторные выборы, ищут объекты для обвинений за неудачи в фискальной политике, за безработицу, недостаточную занятость — на кого можно свалить все недовольство избирателей». Именно такую точку зрения высказывал Шей, исполнительный директор расположенного в Лос-Анджелесе Центра прав человека и конституционного права²⁶⁸.

Американские неонацисты, как и их немецкие единомышленники, были в первых рядах тех, кто «прославился» жестоким отношением к иностранцам в 1970–1980-е годы. В годы своей наивысшей активности в Ку-клукс-клане и Дэвид Дюк, и Том Метцгер, и Луис Бим принимали участие в насильственных действиях против иммигрантов. Однако лишь после окончания «холодной войны» иммиграция стала по-настоящему большим вопросом, и американские официальные лица поспешно присоединились к кампании против беженцев²⁶⁹. В 1993 году прогрессивный обозреватель Рут Коннифф (Ruth Conniff) так охарактеризовала изменившуюся политическую ситуацию: «То, что некогда считалось правыми взглядами на иммиграцию — “вторжение” третьего мира на территорию США, угроза со стороны иммигрантов для американской экономики и образа жизни, необходимость укрепления границ, — теперь является частью общепринятого мнения»²⁷⁰.

В годы правления администрации Клинтона Служба иммиграции и натурализации США начала масштабное техническое перевооружение, которое обошлось казне в 300 миллионов долларов. Его целью стала попытка создать вдоль всей границы с Мексикой «электронную стену», которая должна была предотвратить недокументированное проникновение иностранцев на территорию США. Операция «Gatekeeper» («Привратник»), проводившаяся Пограничной службой США с целью сократить количество нелегалов, проникающих в Калифорнию, вынудила многих будущих иммигрантов пересекать границу с риском для жизни, что за четыре года, прошедших с 1994-го, привело к гибели более чем 300 человек. Правозащитная организация «Международная амнистия» осудила злоупотребления со

стороны Пограничной службы, утверждая, что задержанные подвергались избиениям и изнасилованиям. Они не получали пищи и воды, содержались в холоде, а также в течение длительного времени им не оказывали медицинскую помощь.

Иммигранты стали целью для политиков не только в США и Германии, но и в других странах Западной Европы, где, по данным Европарламента, в середине 1990-х годов каждые три минуты совершалось преступление с расистскими мотивами. Настораживающая частота связанного с ксенофобией насилия на Европейском континенте совпала с ростом популярности нескольких радикальных правых популистских партий, насладившихся широко распространившейся к моменту окончания «холодной войны» атмосферой неуверенности²⁷¹. Крах коммунизма вызвал массовую миграцию из стран Восточной Европы на более преуспевающий Запад. Туда же устремились и беженцы из стран третьего мира. Хотя западные правительства ранее осуждали «фараонов» восточного блока за нежелание отпустить свои народы, теперь, когда люди могли свободно путешествовать, «добро пожаловать» было убрано. Призыв «*Ausländer raus!*» («Иностранцев — вон!») стал не только лозунгом бешеных немецких неонацистов где-то на периферии общественной жизни. Отныне он отражал мнение значительной части западноевропейской публики.

Присутствие в Западной Европе 20-ти миллионов иммигрантов было, возможно, самым очевидным знаком тех хаотичных структурных изменений, которые сопутствовали появлению глобальной экономики с ее взаимозависимыми рынками, неограниченными возможностями по движению капитала и новыми информационными технологиями. Все эти факторы оказали огромное влияние на рабочую силу Западной Европы, пытавшуюся бороться с высокой безработицей и стагнирующими зарплатами. Как и в Соединенных Штатах, многим людям приходилось напрягаться гораздо сильнее, а получать меньше, чем раньше. Те, кто не смог приспособиться к быстрым переменам, попадали в сложные обстоятельства. Именно эту ситуацию зачастую отказывались признать популярные политики. Вслед за разжиганием антииммигрантских настроений ультраправые популисты набрали дополнительные очки, примерив на себя образ оппозиционеров и обрушившись на коррумпированное двухпартийное «статус-кво». По крайней мере, они утверждали, что отличаются от других, — именно этого и ждали разочарованные в политиках избиратели. Число тех, кто при возможности выступил бы против «тех, наверху», постоянно росло.

Ультраправые демагоги затронули очень болезненный вопрос, увязав показатели безработицы с числом гастарбайтеров или иммигрантов,

прибывших в страну. К этой уловке обманным и разрушительным путем прибегло руководство «Фламандского блока» («Vlaams Blok»), наиболее откровенно ксенофобской, если не сказать расистской, из крупных популистских партий Западной Европы. Призывая к созданию свободного от иностранцев фламандского государства, «Фламандский блок» получил свыше 25% голосов избирателей Антверпена на выборах 1991 года. В результате блок стал крупнейшей политической партией города. Четыре года спустя партия получила 13% голосов всех избирателей Фландрии. Среди ее ведущих стратегов был ряд бывших членов неонацистской организации «Фламандский военный орден» («Vlaamse Militanten Orde», VMO), запрещенной бельгийским правительством как террористическая²⁷².

«Фламандский блок», возглавляемый недавними обитателями политической периферии, оказал большое влияние на всю Бельгию. Под давлением ультраправых бельгийское правительство ограничило иммиграцию, а генеральный комиссар по вопросам беженцев поощрял своих юристов за каждое отвергнутое прошение об убежище²⁷³.

Аналогичные процессы происходили и во Франции, где признанные политические лидеры пресмыкались перед бунтарями из «Национального фронта» Жан-Мари Ле Пена. Именно благодаря Ле Пену для французских официальных лиц стало политкорректным уничижительно высказываться о дурно пахнущих чужаках, вторгающихся в их страну. В 1994 году Национальное собрание Франции, надеясь лишить ветра паруса Ле Пена, внесла изменения в закон, предоставлявший гражданство страны всем рожденным на земле Франции. Отныне определять французское гражданство следовало в первую очередь по принципу крови. На состоявшихся в следующем году президентских выборах «Национальный фронт» завоевал 15% голосов избирателей. Это привело к приходу к власти консервативного правительства, воплотившего в жизнь многое из предложенной Ле Пенем политики. Иммигранты по всей стране подвергались внезапным и достаточно жестким проверкам со стороны полиции, что заставило организацию «Международная амнистия» провести свое расследование. В результате она осудила французские правоохранительные органы за злоупотребления, в частности за неспровоцированную стрельбу и убийство нескольких молодых мусульман. По примеру своих германских коллег французские официальные лица депортировали десятки тысяч иностранцев. То, что эти меры стали прямым ответом на высказывания Ле Пена, ни для кого секретом не являлось²⁷⁴.

Кем же был этот зловещий человек, длинная тень которого опустилась на Францию? Бывший регбист, выцветавший волосы с целью под-

черкнуть арийское происхождение, Ле Пен в молодости лишился левого глаза в стычке с политическими противниками. Известный высказываниями в поддержку нацизма, который он считал «массовым движением, носившим исключительно народный и демократический характер», Ле Пен в 1972 году создал «Национальный фронт». Чтобы собрать деньги на его деятельность, он продавал аудиозаписи речей Гитлера и военных песен Третьего рейха. Комитет, основавший «Национальный фронт», включал в себя сторонников режима Виши, ветеранов Waffen SS, католических интегралистов, а также бывших членов террористической группировки белых расистов, пытавшихся убить генерала Шарля де Голля²⁷⁵.

Планируя войти в число признанных политических деятелей страны, Ле Пен утверждал, что его движение не имеет ничего общего с фашизмом, который он называл устаревшей итальянской политической доктриной. Однако это не помешало ему установить связи с «Итальянским социальным движением» (Movimento Sociale Italiano, MSI), старейшей неонацистской партией Западной Европы. Это произошло после того, как «Национальному фронту» удалось в 1984 году провести горстку своих представителей в Европарламент. Годом ранее на митинге, охранявшемся скинхедами, Ле Пен продемонстрировал свое истинное лицо, предложив: «Давайте соединим фации наших национальных сил с тем, чтобы все вновь услышали голос Франции — сильный и свободный». Свой антисемитизм он едва скрывал. Однажды Ле Пен сказал о Холокосте как о «незначительном эпизоде истории». В другой раз он подал иск в отношении журналиста, назвавшего его «духовным сыном Гитлера», однако апелляционный суд принял решение в пользу репортера. Несгибаемый нацист генерал Леон Дегрель называл Ле Пена «близким другом», а представители «Национального фронта» посещали Дегреля в его роскошном приморском жилище в Испании²⁷⁶.

На руку «Национальному фронту» сыграло и стечение некоторых благоприятных обстоятельств. Его успехи на выборах в середине 1980-х послужили примером для целого ряда правоэкстремистских партий Западной Европы. Ключевым вопросом неизбежно была иммиграция. Именно иммиграцию Ле Пен считал причиной роста безработицы, уличной преступности, наркомании, эпидемии СПИДа. Однако наихудшим, по мнению «Национального фронта», было то, что приток мигрантов в Европу представлял смертельную угрозу французской идентичности. Подчеркивая острую необходимость национального возрождения, партия Ле Пена зачастую получала до 30–35% голосов на местных выборах и в середине 1990-х годов уже контролировала муниципальные собрания четырех городов.

Ксенофобские призывы пользовались популярностью среди утратившего покой населения, но на Алена де Бенуа шоу Ле Пена не производило впечатления. «Утверждать, что в основе проблем, с которыми сталкивается сегодня наше общество, лежит присутствие в стране большого числа иммигрантов, — это абсурд, — заявлял он. — Даже если бы во Франции не было ни одного иммигранта, ситуация была бы точно такой же». Де Бенуа недвусмысленно отрицал утверждение о том, что иммигранты угрожали французской идентичности. В конце концов, заявлял он, «не они создали идеологию потребления». Иммигрантов нельзя было обвинить и «в колонизации Франции — ведь сами французы смотрят по телевизору исключительно американские фильмы». Франция не может справиться с иммиграцией только потому, утверждал де Бенуа, что уже находится в серьезном сомнении относительно своей собственной идентичности.

Принимая во внимание неопровержимость критических высказываний де Бенуа, по иронии судьбы именно его идеи этноплюрализма позволили Ле Пену и «Национальному фронту» обойти обвинения в расизме. Ведь Ле Пен утверждал, что не имеет ничего против иностранцев, но лишь стремится защитить национальную идентичность. Признавая, что его мысли злоупотребили в ксенофобских целях, де Бенуа призывал к солидарности с беженцами и лицами, находящимися в поисках убежища. Эти люди, покинув свою родину, в наибольшей степени рисковали утратить свою идентичность и традиции, указывал де Бенуа. Более того, иммиграция вызывалась экспансией капитализма и насильственной утратой корней, связанной с быстрыми структурными изменениями в развивающемся мире. «Молчание о капитализме не должно жаловаться на иммиграцию», — утверждал де Бенуа²⁷⁷.

Последнее замечание было ударом по Ле Пену, превратившемуся в восторженного сторонника идей «свободного рынка». Он пытался стать Рейганом для Франции 1980-х²⁷⁸. В годы противостояния Востока и Запада «Национальный фронт» придерживался пронатовских позиций и призывал к укреплению Атлантического союза. Однако после краха СССР и объединения Германии антикоммунизм утратил смысл своего существования, а партия Ле Пена соответствующим образом пересмотрела свою политику. Как и в США, так и в Западной Европе конец «холодной войны» послужил катализатором возрождения и перестройки ультраправых сил.

С исчезновением СССР все большее место у правых радикалов стал занимать антиамериканизм. Атлантически ориентированные экстремисты, такие как Ле Пен, сблизилась с теми, кто ранее высказывал панъевропейские взгляды, придерживался «третьей позиции»²⁷⁹. В то же самое время Ле

Пен начал дистанцироваться от Вашингтона. Это стало очевидным, когда руководитель «Национального фронта» назвал Саддама Хусейна «великим арабским патриотом», осудив возглавленную США войну с Ираком²⁸⁰.

Еще одним важным изменением, последовавшим вслед за окончанием «холодной войны», стал отход «Национального фронта» от позиций фундаменталистов свободного рынка. Их сменил национально-популистский подход, призывавший к большему вмешательству со стороны государства, в частности к введению протекционистских мер, предназначенных для защиты Франции от превратностей глобальной экономики. Основная борьба, по словам Ле Пена, теперь разворачивалась не между капиталистами и коммунистами, а между экономическими националистами и интернационалистами. С тех же самых позиций выступал и противник войны в Персидском заливе Патрик Бьюкенен, сменивший свой мотив свободного рынка после окончания работы в администрации Рейгана. «Я прочел программу Патрика Бьюкенена, и она практически полностью совпадает с нашей», — заметил один из ответственных деятелей «Национального фронта»²⁸¹.

Такие же изменения в экономической стратегии — замену банального невмешательства в экономические дела национально-популистской программой — провела в начале 1990-х годов и австрийская Партия свободы. Опиравшийся на ксенофобские высказывания и собственную телегеничность глава партии Йорг Хайдер стал наиболее успешным ультраправым политиком Западной Европы. В октябре 1996 года его партия завоевала 27,6% голосов избирателей на выборах в Европарламент, буквально чуть-чуть отстав от двух правящих партий. Они попытались сократить поддержку Хайдера, приняв расистские законы об иммиграции. Однако вместо ожидаемого результата легитимность Партии свободы повысилась. Как и Ле Пена, Хайдеру удалось переформатировать политические дебаты в своей стране, перетянув центристские партии направо. Сочетая свои антииммигрантские высказывания с резкой критикой Маастрихтского договора 1991 года — гаранта экономического и политического единства Европы, Партия свободы завоевала больше мест в национальном парламенте, чем какая-либо другая правоэкстремистская партия континента.

Хайдер — популист, ездивший на «Порше», — воздерживался от открытого антисемитизма, но выражал свое восхищение ветеранами Waffen SS. Он также восхищался политикой Гитлера в области трудоустройства, не упоминая рабского труда узников концлагерей. Он лишь называл их «лагерьями для наказания», как будто бы их заключенные заслуживали того, чтобы там находиться. Когда Италия выпустила на свободу австрийского военного преступника Вальтера Редера, осужденного на пожизненное заключение за

участие в убийстве в 1944 году 1800 итальянцев, являвшихся гражданскими лицами, Хайдер заметил, что тот был «просто солдатом, исполнившим свой долг»²⁸².

Попытки Хайдера преуменьшить преступления нацистов являлись продолжением традиции, заложенной еще при создании партии в середине 1950-х годов. Тогда она стала прибежищем бывших членов SS и других нацистов, многие из которых предпочли бы видеть Австрию не независимым государством, а одной из германских провинций. Подавляющее большинство населения в 1938 году приветствовало аншлюс (присоединение) к гитлеровской Германии, а непропорционально большое число граждан вступило в ряды SS и руководило этой машиной уничтожения. Как и в Германии, послевоенная денацификация была проведена во многом поверхностно. В результате многие бывшие гитлеровцы заняли ключевые места в австрийском обществе. Союзники лишь содействовали нежеланию Австрии признавать свою неприглядную роль в годы войны, назвав ее первой жертвой Гитлера, а не его первой союзницей. Высокий уровень послевоенного антисемитизма вкупе с умолчаниями в школьных учебниках истории создал в стране ложное представление о Второй мировой войне, что было напрямую связано с возрождением ультраправых после «холодной войны». «Возрождение неонацизма является симптомом, демонстрирующим, что мы не пришли к согласию о нашем прошлом, — заявил Вилли Ласек из венского «Центра современной истории». — Существуют, конечно, и другие факторы, такие как безработица... но прошлое нельзя отделить от этого»²⁸³.

Приблизительно пять сотен австрийских внепарламентских активистов были тесно связаны с немецким неонацистским подпольем. Хайдер, несмотря на свой лоск состоявшегося политика, был объектом восхищения для VAPO, австрийского филиала сети Кюнена. Некоторые фанатики из VAPO в середине 1990-х годов были замешаны в организации серии подрывов спрятанных в конвертах бомб, в результате чего пострадало более 10 человек, включая и бывшего мэра Вены. В другой раз установленная неонацистами мина-ловушка также убила несколько цыган. Кровавые инциденты учащались во время предвыборных кампаний. Это заставило руководителя австрийской Партии зеленых обвинить Хайдера, завзятого ненавистника иммигрантов, в том, что тот являлся «приемным отцом правого терроризма». Хайдер немедленно подал иск о диффамации, однако Верховный суд Австрии вынес решение против него²⁸⁴.

По мере того как Хайдер приближался к коридорам власти, он смягчал свой тон. В 1995 году он уволил сотрудника Партии свободы, отказавшегося признать факт Холокоста. К этому времени пангерманские оды Хайдера со-

шли на нет, поскольку он сменил свой образ на австрийского патриота. Оппоненты настаивали: это было сделано, чтобы получить больше голосов²⁸⁵.

Джанфранко Фини, молодой и харизматичный лидер неофашистского «Итальянского социального движения», также пошел по пути модификации образа, чтобы улучшить свои перспективы у избирателей. Безупречно выглядевший в своих пошитых на заказ дорогих костюмах и очках в золотой оправе, Фини был решительно настроен вывести «Итальянское социальное движение» из политической глуши, в котором оно находилось с 1946 года. Именно тогда и была основана эта партия, а главной ее задачей заявлено сохранение фашистского наследия. В течение 45 лет партийные результаты на выборах измерялись однозначными цифрами, а число депутатов парламента не превышало нескольких человек. Однако конец американо-советского противостояния положил начало крупным переменам в жизни Италии, и они пошли на пользу Фини.

Будучи искусственным стратегом, Фини понял, что после окончания «холодной войны» у его партии появились прекрасные позиции для резкого усиления влияния. Этому способствовала и дискредитация итальянского политического истеблишмента в результате разоблачения масштабной коррупции в правительственных кругах²⁸⁶. В 1993 году Фини выдвинул свою кандидатуру на пост мэра Рима и едва не победил, набрав 47% голосов избирателей. На следующий год опросы общественного мнения показали, что Фини стал самым популярным политиком Италии. В рядах Итальянского социального движения находилась и еще одна восходящая звезда: внучка Муссолини Алессандра завоевала место в парламенте, проведя свою кампанию под антииммигрантскими лозунгами, призывая к «закону и порядку». Одетая в свою фирменную мини-юбку и шелковую блузку, младшая Муссолини заявила, что восхищается политикой своего деда и намерена продолжать указанный им путь.

Внезапное возрождение «Итальянского социального движения», произошедшее, по словам Алессандры Муссолини, «словно во сне», совпало с резким ростом преступлений против иммигрантов. По свидетельству итальянского министра внутренних дел Никола Манчино, во многом оно было инспирировано волной нападений на иностранцев, захлестнувшей объединенную Германию. Итальянские «нациголовые» совершали антисемитские акции в Риме и других городах, однако ксенофобское поведение не ограничивалось только современными наследниками Гитлера. Ватикан выступал против антииммигрантской политики итальянского правительства и называл иммиграцию одним из основополагающих прав человека, осуждая тех, кто использовал этот вопрос для «политического шантажа».

«Некоторые, в том числе и считающие себя католиками, не могут простить иммигрантам самого факта их существования», — отмечала газета «L'Osservatore Romano», полуофициальный печатный орган Ватикана²⁸⁷.

Фини совершил настоящий прорыв, добившись союза с Сильвио Берлускони — медиамагнатом и крупным владельцем недвижимости, избранным в марте 1994 года премьер-министром Италии. Впервые за послевоенную историю страны подлинно фашистская партия вошла в правящую коалицию одной из крупнейших стран Западной Европы. Люди Фини получили пять министерских постов и ряд других ключевых назначений.

Вскоре после этого Фини начал называть себя «постфашистом», поскольку он хотел преобразовать «Итальянское социальное движение» в консервативную партию наподобие английских тори или французских голлистов. Он направил в Освенцим делегацию возложить венки и осудил расовые законы Муссолини, дискриминировавшие евреев. В то же время он называл Муссолини «величайшим политиком» XX века и утверждал, что высадка союзных войск в Европе в 1944 году «ознаменовала утрату Европой своей культурной идентичности». Дух Муссолини жил и в заявлениях официальных представителей Итальянского социального движения о возможном расширении границ Италии. (Имея в виду некоторые территории бывшей Югославии, в официальной внешнеполитической программе движения было заявлено: «Италия должна быть объединена так же, как объединилась Германия».) Выдвинутый «Итальянским социальным движением» кандидат в Европарламент поднял шум своим заявлением о том, что гомосексуалистов следует поместить в концентрационные лагеря²⁸⁸.

В январе 1995 года сторонники «Итальянского социального движения» собрались на свой последний съезд. Заявив, что настало время открыть новую страницу истории, Фини сообщил опечаленной аудитории о прекращении деятельности партии. Отныне они должны были действовать под именем «Национального альянса». Большинство верных членов движения, зиговавших при открытии съезда, присоединилось к новой организации.

Хотя правительство Берлускони оказалось недолговечным, участие в нем «Итальянского социального движения» имело серьезные последствия не только для Италии, но и для всей Европы. Оно разрушило существовавшее в течение многих лет антифашистское табу и создало прецедент для консервативных политиков, ранее сторонившихся союзов с ультраправыми. Был перейден важный политический порог, отныне приемлемыми и более вероятными в будущем стали правящие коалиции с участием неофашистов, выступающих в обличье правых популистов.

Пятьдесят лет спустя

Франц Шёнхубер, властный 70-летний лидер «Республиканцев», был обрадован результатами выборов, прошедших в марте 1993 года в германской земле Гессен. Его ультраправая партия завоевала более 8% голосов (в сравнении с немногим более процента четырьмя годами ранее), и почти 10% во Франкфурте. Консервативное правительство Бонна, возглавлявшееся Христианско-демократическим союзом канцлера Гельмута Коля, немедленно ответило на успех «Республиканцев», заявив о начале реализации общенациональной политики трудоустройства «сначала — немцы», носившей дискриминационный характер по отношению к иностранцам²⁸⁹.

Проведенный в этом же году опрос общественного мнения показал, что только 54% западных и 41% восточных немцев заявили, что удовлетворены демократической системой. Это был еще один знак того, что жители страны называли *Politikverdrossenheit* (недовольство политикой). Как и их ультраправые сподвижники в других странах Западной Европы, «Республиканцы» извлекли пользу из политических изменений, приведших к сокращению идеологических различий между двумя ведущими партиями. Увлеченные импульсом национализма, ранее занимавшие левоцентристские позиции немецкие социал-демократы сдвинулись вправо настолько, что уже с трудом могли претендовать на роль оппозиционной партии. Основывая свою политику не столько на принципах, сколько на результатах опросов общественного мнения, и Христианско-демократический союз, и социал-демократы, похоже, испытывали недостаток свежих идей — создав вакуум, благотворно влиявший на рост ультраправых²⁹⁰.

Посоветовавшись со своими активно действовавшими на улицах сподвижниками, лидер неонацистов Кристиан Ворх открыто заявил, что поддержит «Республиканцев» на общенациональных выборах, запланированных на октябрь 1994 года. «Мы хотим видеть наших людей в парламенте, хотя бы для того, чтобы потрясти политическую систему», — объяснил он. Его ссылка на «наших людей» была откровенным признанием того, в каком качестве немецкие неонацисты рассматривали организацию Шёнхубера. Сами «Республиканцы» предпочитали высказываться сдержанно, чтобы сохранить свой демократический облик. Однако условные термины, применявшиеся неофашистами после окончания «холодной войны», — самоопределение, идентичность, экология и отрицание мультикультурального общества — были совершенно понятны Ворху²⁹¹.

Вопреки ожиданиям неофашистов, «Республиканцы» достаточно слабо проявили себя в 1994 году, набрав всего 3,9% голосов в ходе июньских

выборов в Европарламент (это составляло приблизительно половину от их показателя 1989 года и было ниже минимального порога, необходимого для того, чтобы получить представительство). В октябре им не удалось собрать достаточного количества голосов, чтобы пройти в Бундестаг. Выступая с позиций жесткого соблюдения «закона и порядка», чтобы привлечь на свою сторону сторонников «Республиканцев», Христианско-демократический союз опередил своих соперников буквально на волосок. Успеху Коля, впервые в истории избранного канцлером в четвертый раз подряд, способствовали и голоса приблизительно 50 тысяч немцев, проживавших в Польше, чьи «специальные права» позволили им принять участие в голосовании по почте.

Бледное выступление «Республиканцев» объяснялось целым рядом причин. Они утратили свой основной предвыборный аргумент с отменой Бундестагом либерального немецкого закона о предоставлении убежища. Их тусклый лидер Шёнхубер не пользовался особой популярностью в Восточной Германии, где большинство голосов протестного электората получила левая Партия демократического социализма (Partei des Demokratischen Sozialismus, PDS). В то время как «Республиканцы» дрались с другими ультраправыми партиями, PDS завоевала себе место в новом парламенте, став крупнейшей политической силой Восточного Берлина и большей части бывшей ГДР, где результаты объединения Германии вызвали большое разочарование. Возврат преобразованных коммунистических партий к власти стал характерным для стран бывшего советского блока. Это уже произошло в Венгрии, Польше и Литве²⁹².

Захлопнув двери перед политическими беженцами, власти временно ослабили «Республиканцев», однако не положили конец неонацистскому насилию в Германии. В соответствии с данными Федерального ведомства по охране конституции, в 1994 году было зафиксировано 7952 преступления, совершенные правыми экстремистами. Показатель был ниже по сравнению с 1993 годом (10 561 случай), однако выше показателя 1992 года. Количество нападений на иностранцев в 1994 году сократилось по сравнению с 1993 годом, однако число антисемитских выступлений выросло вдвое. Осквернению подверглись мемориалы на месте нескольких бывших концлагерей, а вандалы-антисемиты подожгли синагогу в Любеке. Это был первый со времен Третьего рейха поджог еврейского храма. Скинхеды также избili афроамериканского бобслеиста и его приятеля — американского спортсмена. В другом случае неонацистская банда пристала к девушке-подростку в инвалидной коляске и вырезала свастику ей на щеке, когда та отказалась декламировать непристойные лозунги об иностранцах и инвалидах. Об этих

случаях стало известно от лиц, обвинявших немецких чиновников в недостаточно эффективной борьбе с неонацистским насилием²⁹³.

В течение нескольких лет агрессивные выходки неонацистов были только на руку правительству в усилиях по изменению закона о беженцах. Как только закон был принят, немецкие официальные лица, заботившиеся о своем имидже, посчитали нападения со стороны скинхедов избыточными и контрпродуктивными. После долгих колебаний было решено покончить с неонацистскими пропагандистами. Информаторы спецслужб навели полицию на склады оружия, в домах ультраправых активистов прошли обыски, десятки человек попали в предварительное заключение, а несколько неонацистских группировок было запрещено. Кроме того, министр внутренних дел Манфред Кантер поставил «Республиканцев» под наблюдение после того, как Шёнхубер попытался заключить союз со своим многолетним соперником Герхардом Фраем. Фрай возглавлял более радикальный «Немецкий народный союз» (Deutsche Volksunion, DVU), который уже находился в правительственном списке подрывных структур. Ранее Кантер утверждал, что Христианско-демократический союз «должен реализовывать политику, за которую могут проголосовать и сторонники “Республиканцев”»²⁹⁴.

В невод правительства попали и ключевые неофашисты, включая Майнхольфа Шёнборна из запрещенного «Националистического фронта», — все они в итоге оказались за решеткой. Предполагалось, что туда же должен был отправиться и генерал-майор Отто-Эрнст Ремер, поскольку федеральный суд оставил в силе приговор о его заключении под стражу за отрицание Холокоста. Однако 81-летний нацист так и не появился 14 марта 1994 года в тюрьме Байрота, где он должен был в течение 22 месяцев отбывать свое наказание. После того как полиции не удалось обнаружить его дома в Бад Киссингене, земельный прокурор подписал общенациональный ордер на его арест. Бывший телохранитель Гитлера, отличавшийся своей дерзостью, не собирался проводить свои последние дни в тюрьме. Вместо этого он бежал в Испанию, где получил убежище у местных неофашистов²⁹⁵.

Протеже Ремера Эвальд Альтханс также ощутил давление со стороны закона. В декабре 1994 года суд Мюнхена приговорил его к 18 месяцам тюремного заключения за распространение видеоматериалов, отрицавших Холокост. В отношении него были выдвинуты и обвинения в участии в документальном фильме «Профессия: неонацист» («Profession: Neo-Nazi»). Альтханс стал настоящей звездой этого фильма. В фильме показали его поездку в Освенцим, где он утверждал, что это место — центр отдыха с плавательными бассейнами, а не концентрационный лагерь нацистов. «Про-

исходящее здесь — фарс!» — кричал Альтханс, обращаясь к нескольким посетителям мемориала.

Полгода, проведенные в тюрьме, похоже, сказались на Альтхансе — он сломался. На берлинском суде летом 1995 года он стал утверждать, что больше не является неонацистом, однако его показания были полны противоречий. Свидетелями защиты выступили его друзья из сообщества мюнхенских гомосексуалистов. Они подтвердили слухи о бисексуальности Альтханса. Альтханс также утверждал, что с 1991 года работал на Федеральное ведомство по охране конституции. Представитель спецслужб Баварии подтвердил, что Альтханс был готов продать пять тысяч адресов неонацистов в Германии и за ее пределами, однако это предложение было отклонено — он запросил за него 250 тысяч долларов. Бывшие тайные агенты, внедренные в неонацистское движение, утверждали, что по крайней мере 10% его членов работали в качестве информаторов на правительство. В то же время представляется маловероятным, что Альтханс действовал именно в этом качестве. Рассказанная им история была скорее лишь частью неудавшейся стратегии с целью сократить свое тюремное заключение²⁹⁶.

Берлинский судья назвал Альтханса «умственным поджигателем», чья деятельность привела к волне насилия в отношении иностранцев, и добавил ему три с половиной года заключения к сроку, который тот уже отбывал. Это был тяжелый удар для 29-летнего «парнишки с плакатов с Гитлером», которого воспитывали для того, чтобы он стал следующим фюрером. Его жалкое выступление на суде вызвало отвращение у бывших товарищей, обозвавших Альтханса проституткой и предателем.

Наперекосяк пошла жизнь и у Герхарда Лаука, отвратительного американского неонациста. Он был депортирован в Гамбург, где предстал перед судом за масштабную контрабанду в Германию неонацистской пропагандистской литературы и был приговорен к четырем годам тюремного заключения. Однако к этому времени компьютерные технологии и интернет вытеснили традиционные способы распространения Лауком пропагандистской литературы. Уход в Сеть и совершенствование способов связи стало одним из ответов неонацистов на давление со стороны правительства Германии. Некоторые сегменты движения ушли в еще более глубокое подполье, сформировав тайные террористические ячейки, основанные на модели сопротивления в отсутствие руководителей, разработанной стратегами американских ополченцев. Другие стремились скрыть свою связь с неонацистами за студенческими сообществами дуэлянтов, поддерживавшимися правительством группами «изгнанных», интеллигенцией из рядов «новых правых», а также консервативными политическими партиями²⁹⁷.

Хотя правительству и удалось упрятать за решетку основную часть убежденного неонацистского руководства, эти запоздалые шаги отвлекли внимание от других настораживающих событий. Было очевидно, что высокопоставленные немецкие официальные лица не смогли освободиться от тяги к национализму.

В январе 1995 года в Гамбурге в самом престижном военном училище Германии с успехом выступил скандально известный отрицатель Холокоста Манфред Рёдер (Manfred Roeder), уже переживший тюремное заключение неонацистский террорист. Общеизвестно, что германское правительство ведет подробнейший учет политических экстремистов. Однако руководство училища впоследствии утверждало, что не имело ни малейшего представления о том, что Рёдер — попадавший на первые страницы газет фанатик — отсидел восемь лет за участие в теракте. Тогда в результате подрыва зажигательной бомбы погибло двое вьетнамских иммигрантов. До этого инцидента Рёдер несколько раз в роли неонацистского посла посещал США, выступая перед «Арийскими нациями» в штате Айдахо, «Свободным лобби» в Вашингтоне и другими расистскими группами Северной Америки.

Выйдя из тюрьмы в 1990 году, Рёдер стал вице-президентом организации «Германо-российское общее дело — Союз по поддержке Северо-Восточной Пруссии», реваншистской секты, призывавшей к реколонизации Калининграда немцами. Именно об этом говорил Рёдер в своей речи в элитной военной академии Гамбурга. После выступления он был почетным гостем на торжественном банкете. Внутреннее расследование, проведенное Министерством обороны, позднее назовет случившееся с Рёдером «поразительной ошибкой», однако не объяснит, каким образом возглавляемая бывшим нацистом организация смогла заручиться материальной помощью от немецкой армии. Рёдер собирался заселить регион, ранее называвшийся Восточной Пруссией, этническими немцами из России и других бывших республик СССР. С одобрения МИД Германии Бундесвер в 1993 году предоставил этому политически неоднозначному проекту деньги и автомобильную технику из своих запасов.

В то же самое время германский МИД неоднократно отвергал обращения со стороны располагавшейся в Аахене благотворительной организации «Двадцать третий псалом», пытавшейся оказать экстренную материальную помощь бедным детям из Санкт-Петербурга. Обращения были отклонены под предлогом того, что «речь не идет о деле, представляющем очевидный национальный интерес». В то же самое время немецкие официальные лица рассматривали деятельность Рёдера как продвигающую национальные интересы страны²⁹⁸.

О Манфреде Рёдере вновь услышали в ходе уличных демонстраций протеста против выставки «Преступления вермахта», прошедшей в ряде немецких городов в середине и конце 1990-х годов. На ней были представлены страшные фотографии, показывавшие не войска SS, а обыкновенных немецких солдат, совершавших на Восточном фронте чудовищные преступления против гражданского населения. Выставка была громогласно осуждена членами правящей коалиции в Бонне. Они постоянно и лживо утверждали, что преступления военных лет — это исключительно дело рук эсэсовцев, но не регулярной армии. Когда выставка прибыла в Дрезден, Рёдер и толпа неофашистов столкнулись с демонстрацией антифашистов. В ходе другой акции протеста неонацистские бритоголовые прошли в одном строю с солдатами, находящимися на действительной службе, и мэром Мюнхена.

В течение нескольких лет в Германии разворачивались серьезные перемены, потенциально намного более опасные, чем хулиганство бритоголовых подростков. Консервативная смена политической культуры (Wende), начавшаяся в начале 1980-х годов с приходом к власти канцлера Коля, ускорила после падения Берлинской стены. Внезапно целый ряд мыслителей и официальных лиц открыто заинтересовался национализмом, который подчеркивал германскую мощь и идентичность и был направлен против иностранцев в целом и американского влияния в частности. Декларируя необходимость дисциплины, твердой власти и «внутреннего обновления», эти новоявленные националисты изображали душераздирающую картину своей страны, стоящей на пороге мультикультурного хаоса. Они с пренебрежением говорили о сравнительно либеральном консенсусе, существовавшем в бывшей Западной Германии, которая, по их мнению, не была подлинной Германией, поскольку находилась под отупляющим воздействием низкопробной американской культуры.

Председатель Совета протестантской церкви в Германии Манфред Кок предупреждал, что рост «интеллектуального радикализма» способствует росту насилия, связанного с ксенофобией. Кок и многие другие немцы опасались, что рост общественной поддержки консервативных националистов отвечал целям неонацистов, насильственно изгонявшим из немецких городов иностранцев. Следует отметить, что этот консерватизм восходил к имперским традициям еще догитлеровской эпохи.

Те, кто находился на переднем крае начавшегося после «холодной войны» возрождения германского национализма, не полагались на старые символы и лозунги нацизма. Вместо этого они черпали полной чашей из идейного арсенала движения «Консервативная революция», проложившего путь к власти Гитлера. Интеллигенция «Новых правых» поднимала на щит искателей

былого величия веймарской эпохи, называя их подлинными выразителями немецкого консерватизма и вводя моду на них. Взывая к «Консервативной революции», правые экстремисты стремились осуществить свою мечту восстановления ультра национализма, оставив в стороне крайности, связанные с именем Гитлера. О том же напряженно думало все большее число ученых, высокопоставленных военных, политиков и лидеров общественного мнения, что лишь подтверждало живучесть и влияние консервативной идеологической традиции Германии.

Возрождение германского национализма сопровождалось масштабной тоской по имперской славе прошлых лет. По словам философа и социолога Юргена Хабермаса, подобная тенденция «набирала силу». Ученый отметил стремление возродить проект Бисмарка по созданию великой державы. «Если посмотреть на немецкие элиты, — заметил Хабермас в 1994 году, — то можно заметить могучее желание превратить Германию в независимую сверхдержаву, располагающуюся в центре Европы и устремляющую свои взоры на Восток»²⁹⁹.

По мере того как немецкое правительство готовилось к перенесению столицы из Бонна в Берлин, представлялось неизбежным, что центр тяжести экономического локомотива Европы также сместится в восточном направлении. Будет ли возврат в Берлин — город примерно на половине пути от Москвы до Атлантики — способствовать установлению нового равновесия на континенте, служа мостом к новым хрупким демократиям Восточной Европы? Или это станет предвестником радикального преобразования Европы, когда объединенная Германия начнет играть своими тевтонскими мускулами и оказывать политическое влияние в такой форме, которая заставит нервничать другие страны континента?

Озабоченность чрезмерным усилением Германии присутствовала и в решении Вашингтона поддержать расширение НАТО на Восток. «Включив Германию в более широкую евроатлантическую структуру, — объяснял бывший советник президента Збигнев Бжезинский, — расширение НАТО решает центральную проблему безопасности Европы, вставшую в XX веке: как эффективно справиться с реалиями германского могущества»³⁰⁰.

На будущие события, несомненно, повлияет и то, насколько честно будет Германия относиться к своей истории. В течение нескольких десятилетий после Второй мировой войны существовала тенденция «стерилизовать» прошлое, минимизируя роль «обычных» немцев в Холокосте. Только когда сменилось поколение, немцы стали говорить о временах нацизма. Как только завеса молчания рухнула, развернулась ожесточенная дискуссия между теми, кто признавал национальную ответственность за Холокост, и теми,

кто пытался освободить немцев от каких-либо обвинений за преступления эпохи нацизма.

Когда «холодная война» ушла в историю, все более громкий хор националистов стал призывать немецкий народ рассматривать свое прошлое, не испытывая особого чувства вины. Конечно, на официальном уровне осуждать Гитлера не перестали. Даже невзирая на то, что немцы продолжали пересматривать свои воспоминания о временах Третьего рейха. За месяц до 50-летней годовщины окончания Второй мировой войны в консервативной немецкой газете «Frankfurter Allgemeine Zeitung» появилось заявление. Его подписали 280 представителей правой интеллигенции и политиков. В документе оспаривалось положение о том, следует ли считать 8 мая 1945 года, день капитуляции нацистов, днем освобождения. Окончание войны, как утверждалось в заявлении, ознаменовало собой наступление мрачного периода изгнаний, раскола государства и иностранной тирании. Подчеркивая необходимость сохранения памяти о страданиях немцев, ревизионистский документ ни словом не упоминал о тех ужасах, которым Германия подвергла народы других стран, а также об ответственности немцев за поддержку Гитлера. В нем ничего не говорилось и о том, что конфликт был начат Германией, которая вторглась на территорию своих соседей³⁰¹.

Заявление, цинично названное «Против забвения», породило бурю. Озабоченность вызвала не только содержащаяся в нем идея, но и имена подписавших его немцев. В списке присутствовали не только откровенные фашисты и представители интеллигенции «Новых правых», но и действующие и отставные военные, директора банков, полицейские начальники, руководители Христианско-демократического союза и его партнеров по коалиции. Сварливый тон документа отчетливо обозначил ту «серую зону» немецкой политики, где ультраправые смешивались с консерваторами. Он показал, что экстремистский образ мышления стал преобладающим в политике, поразив, подобно раковым метастазам, правящие круги Германии.

Постоянные усилия по релятивизации Холокоста, приравнивание его к другим зверствам, свидетелями которых стал XX век, оказали свое воздействие на значительную часть населения Германии. В соответствии с данными опроса, проведенного журналом «Шпигель», 36% немцев считали: «Изгнание немцев с восточных земель было таким же преступлением против человечества, как и Холокост в отношении евреев». Это искаженное восприятие истории поддерживалось и канцлером Коелем, пытавшимся представить Германию в некоторой степени как жертву, а не только как преступницу, развязавшую Вторую мировую войну. Хотя сам Коель и не подписал заявления, он высказал свое расположение к тем, кто это сделал.

В их числе был и его близкий политический союзник Альфред Дреггер, в то время занимавший пост почетного председателя парламентской фракции Христианско-демократического союза. За несколько недель до публикации заявления Дреггер привлек к себе внимание, заметив, что 8 мая «не было освобождением». Он также с похвалой отзывался о «порядочности» армии Гитлера и утверждал, что «большинство немцев ничего не знало об убийствах евреев». Эти высказывания были достаточно типичными для ревизионистской мифологии, согласно которой в ходе Второй мировой войны одновременно развернулись две битвы: одна за Германию, другая за национал-социализм. Точно так же Коль говорил и о зверствах, совершенных «именем Германии»: будто бы речь шла о какой-то неземной силе, действовавшей, пока сам немецкий народ оставался в стороне³⁰².

В течение многих лет в Берлине сознательно поддерживали память о Второй мировой войне, сохраняя заросший щебень, оставшийся от разбомбленных зданий, поврежденные фасады домов. Сам город был разделен стеной на западную и восточную части. Однако многие из примет прошлого уничтожались строителями и реставраторами. Германское правительство готовилось переехать, причем без каких-либо задних мыслей, в те самые здания, которые ассоциировались с самыми мрачными эпизодами истории Третьего рейха. Финансовые эксперты объединенной Германии с комфортом разместились в здании Имперского министерства авиации Геринга; военные размышляли над стратегиями в тех же самых кабинетах, где гитлеровские генералы планировали вторжение на Восток; Министерство труда заняло бывшие помещения Геббельса. Министерству иностранных дел предстояло определять политику в просторных помещениях Рейхсбанка, где ранее хранилось ворованное золото и прочие полученные преступным путем активы. Германскому парламенту предстояло вернуться в печально известное здание рейхстага.

Следующими шагами были планы правительства Баварии превратить руины альпийского убежища Гитлера, так называемого «Орлиного гнезда», в фешенебельный курорт. В Польше «Волчье логово» (штаб-квартира Гитлера на Восточном фронте) предполагалось сделать частным тематическим парком развлечений, где служащие, одетые в воссозданную форму вермахта и люфтваффе, должны будут вести ночные танцы на «дискотеке гитлеровского бункера»³⁰³.

Медленно, но уверенно, порой незаметно, а порой тяжело и грубо прошлое Германии преобразовывалось, полировалось, ретушировалось и замалчивалось, нормализовалось, коммерциализировалось, переупаковывалось и забывалось. Как будто история — это какой-то трюк, который

живые проводят с мертвыми. В Восточном Берлине на месте, где некогда располагался памятник жертвам фашизма и милитаризма, был воздвигнут новый военный мемориал. Однако на нем не были упомянуты ни фашизм, ни милитаризм. Этот памятник «не делал различия между жертвами и преступниками», как отметил глава еврейской общины Берлина Ежи Канал. Неподалеку, в центре города, работавшие на государственные средства художники воссоздали фасад дворца Гогенцоллернов, с тем чтобы жители Берлина смогли с гордостью созерцать через прутья решетки символ старой имперской славы.

Накануне 50-й годовщины разгрома Третьего рейха вандалы во второй раз за 14 месяцев подожгли синагогу в Любеке. На следующий день свастикой была покрыта установленная в Дрездене мемориальная доска в честь убитого скинхедами гастарбайтера из Мозамбика. Она напоминала о 28-летнем Джорди Гомандаи, первой жертве неонацистского террора после объединения Германии. Доска была повреждена всего через несколько часов после того, как по всей Европе прошли торжественные церемонии, посвященные окончанию Второй мировой войны. С момента гибели Гомандаи германские ультраправые экстремисты убили еще 70 человек. Каждая новая жертва становилась очередным напоминанием о том, что прошлое Германии живо в глубинах ее настоящего.

Заключение

Отто-Эрнст Ремер сидел на испанском Коста-дель-Соль, потягивая шнапс, в большом уютном кресле на вилле с прекрасным видом на Средиземное море. За последние годы он пережил два инфаркта, так что нацистский ветеран был не в очень добром здравии. Но, по крайней мере, он оставался на свободе.

Бежав из Германии, Ремер вместе со своей женой Аннелизе направился в Марбелью. Обживаясь на новом месте, он встретился с рядом нацистских эмигрантов, живших в Испании, в том числе с бригадефюрером SS Леоном Дегрелем. Нацистский военный преступник скончался 31 марта 1994 года, всего через несколько дней после встречи с Ремером. На похоронах Дегреля Ремер предстал прежним борцом, отрицая Холокост. В ходе продолжительного интервью испанскому телевидению он вновь убежденно подтвердил, что в годы войны евреев не убивали в газовых камерах¹.

Вскоре после своего выступления по телевидению Ремер был задержан полицией в аэропорту Малаги. Он направлялся в Мадрид, чтобы обсудить в Министерстве внутренних дел Испании вопрос о предоставлении политического убежища. Германское правительство потребовало его экстрадиции, однако адвокаты Ремера заявили, что в Испании отрицание Холокоста не является противозаконным, и, соответственно, Ремера не за что депортировать. (По испанским законам экстрадиция возможна только в случае, если преступление признается таковым в обеих странах.) Вместо того чтобы направить Ремера в Германию, судья поместил его под домашний арест. Однако перед воротами дома в Марбелье не был выставлен полицейский пост, который следил бы за выполнением решения суда, а Ремера в кресле-каталке, сопровождаемого друзьями, можно было часто встретить в центре города.

Невзирая на плохое самочувствие, Ремер продолжал следить за событиями на родине. В честь ухода английских, французских и американских войск

18 июня 1994 года германская армия провела перед Бранденбургскими воротами парад в прусском стиле, с зажженными факелами. Бросалось в глаза отсутствие русских — их не пригласили участвовать в этой церемонии прощания². Однако не все радовались выводу войск. Сотрудник Госдепартамента США Дуглас Джонс заметил: «Уход союзных войск из Берлина наполнил страхом руководителей этнических сообществ, поскольку они привыкли воспринимать союзников как защиту, но не от русских, а от самих немцев»³.

Памятные мероприятия, связанные с различными эпизодами войны, проходили чуть ли не каждую неделю. 20 июля 1994 года официальные лица Германии отмечали годовщину антигитлеровского заговора, едва не закончившегося полвека тому назад гибелью фюрера. К недовольству Ремера, канцлер Коль высоко отозвался о героизме тех, кто потерял свои жизни в результате неудачного покушения. В торжественных и лицемерных заявлениях было проигнорировано несколько важных фактов: германскому правительству еще только предстояло реабилитировать тех, кто был наказан за отказ служить в армии Гитлера, и тех 30 тысяч, кто дезертировал; большинство участников Сопротивления по-прежнему являлись предателями с юридической точки зрения; германские суды продолжали считать законной экспроприацию большинства еврейских предприятий, совершенную во времена Третьего рейха под предлогом «арианизации» экономики⁴.

То, что Ремер встретил полувековую годовщину путча именно в Испании, было не случайно. Ведь именно здесь после войны поселился его товарищ по 20 июля — Отто Скорцени. CEDADE, местная неонацистская группа, к созданию которой в середине 1960-х годов приложил руку сам Скорцени, занималась делами Ремера во время его ссылки.

Когда верная ищейка нацистов Кейт Томпсон узнал, что его старый друг бежал в Испанию, он вновь предложил свою помощь. После того как Томпсон послал Ремеру и его жене небольшую сумму денег, они написали ему ответное письмо, в котором поблагодарили за многолетнюю верность и «чрезвычайные усилия». Годы сказались также и на Томпсоне — на исходе седьмого десятка лет он был не в лучшей форме. Однако его верность делу нацизма осталась непоколебимой. Размышляя над крахом Советского Союза, он понимал, что время доказало правоту Фрэнсиса Паркера Йоки, считавшего, что США представляют для Европы большую опасность, чем Россия. «Во многих отношениях скверно, что на месте СССР остался еще один сателлит США и Израиля, экономически зависимый от американских налогоплательщиков, к тому же управляемый пьяницей, — жаловался Томпсон. — Мне во многом нравится Жириновский, он совершенно очевидно лучше Ельцина»⁵.

Томпсон с унынием наблюдал за ожесточенным юридическим спором, разгоравшимся между основателем «Свободного лобби» Уиллисом Карто и сотрудниками Института пересмотра истории. В то время как его коллеги-негационисты грызлись между собой, Томпсон продолжал следовать той же стратегии, что и несколько ведущих представителей правых расистов, — он развивал связи с Республиканской партией США. Финансово состоятельный Томпсон не скупясь поддерживал участие в президентской гонке некоторых кандидатов-республиканцев, включая сенатора Джесси Хелмса, Дэвида Дюка и Патрика Бьюкенена, а также выдвигавшего свою кандидатуру на пост сенатора скандально известного полковника Оливера Норта. Благодаря своей щедрости Томпсон стал официальным кавалером президентской награды за заслуги от Республиканской партии, а также получил многочисленные благодарственные письма от Национального комитета республиканцев и его различных филиалов⁶.

Однако подлинной страстью Томпсона продолжала оставаться нацистская Германия. «Я посвятил всю свою жизнь Третьему рейху», — с гордостью заявлял он. После тайной службы на Германию в годы Второй мировой войны он стал в Северной Америке основным контактным лицом для уцелевших ветеранов SS и нацистов всего мира. Работая в контакте с Эрнстом Ремером, Отто Скорцени и другими занимавшими стратегически важные позиции сотрудниками ODESSA, Томпсон оказал большую поддержку многим убежденным нацистам, очутившимся в трудном положении после краха Третьего рейха. Руководствуясь зачастую инстинктом, а не планами заговора, они стремительно лавировали между сверхдержавами, настраивая их друг против друга в первые годы «холодной войны». Используя стратегию качелей, многие фашисты смогли остаться на плаву и даже до некоторой степени восстановить свое влияние.

С годами становилось яснее, что сотрудничество с разведывательными службами, обеспечивая неприкосновенность многим позорным личностям, не способствовало продвижению идей неонацизма в массы. Сулившая поначалу надежды на спасение, «холодная война» затем обернулась трясинной, выбраться из которой у фашистов не было возможности. В течение нескольких десятилетий они прозябали на обочине истории, мечтая о том времени, когда им удастся вернуться к власти. В попытках победить политическую изоляцию использовались самые причудливые схемы. Однако гегемония западного капиталистического порядка представлялась непреодолимой. Ведущий испанский неофашист Эрнесто Мила Родригес так охарактеризовал сложившуюся ситуацию: «Западное общество похоже на бриллиант. Он очень тверд, и его практически невозможно расколоть. Однако если нажать на него точно в нужном месте, он треснет»⁷.

Шакалам ультраправых показалось, что они нашли эту критическую точку, — основным пунктом своих программ они сделали иммиграцию. В то время как сеть ультраправых организаций продолжала действовать в качестве авангарда ксенофобского насилия, отдельные представители европейского неонацистского подполья откололись от них с целью сформировать массовые политические партии. Одним из успешных результатов этого двупланового усилия стало то, что последовательные активисты, пройдя определенную «пластическую операцию» и смягчив свои высказывания до приемлемого для избирателей уровня, смогли принять участие в выборах.

К середине 1980-х годов в демократическом обществе свил себе гнезда целый выводок ультраправых партий. Первые успехи «Национального фронта» во Франции и его клонов в других странах показали уязвимость больших сегментов западноевропейского общества перед лозунгами национал-популистов и сохранявшимися тоталитарными соблазнами. Силы национал-популистов окрепли в момент падения Берлинской стены и распада Советского Союза. Некоторые западные аналитики быстро затрубили в фанфары, возвестив «конец истории», как будто либеральная демократия одержала несомненную победу. Однако вместо того чтобы принять новый мировой порядок, полный звенящих кассовых аппаратов и заполненных кабин для голосования, внезапные перемены вызвали головокружение, негативно повлиявшее как на Восток, так и на Запад. Лишившись биполярной уверенности ушедшей эпохи, многие почувствовали, что их срывает с якоря. Вслед за приходом свободы последовали социальный хаос, политическая нестабильность, бешеный национализм и болезненные вспышки этнической ненависти.

Крах коммунизма не только не устранил одну из главных причин правого экстремизма, а, напротив, способствовал его возрождению во всем Северном полушарии. Со времен Третьего рейха присутствие правых, несших с собой злобу и опасность, не ощущалось в таком большом масштабе. Проследив путь Гитлера к власти, Джордж Моссе отметил, что «одной из принципиально важных побед, одержанных нацистами еще до того, как они возглавили страну», было принуждение левых и центристов «вести споры на территории, уже захваченной правыми расистами». На подобную победу спустя полвека после Второй мировой войны могут претендовать и европейские, и американские правые популисты. Даже проигрывая выборы и не входя официально в правительство, ультраправые оказывали значительное влияние на политику. Их рассуждения, направленные на поиски «козлов отпущения», во многом сформировали ключевые вопросы для дискуссий и определили политическую повестку дня в годы после «холодной войны»⁸.

Фашизм снова на марше. Однако у нас нет простой формулы, способной предсказать, какую силу наберут современные фашистские движения или их функциональные аналоги. Полная энергии демократическая культура не способствует росту фашизма. Однако бесконтрольная мощь межнациональных корпораций в значительной степени свела на нет демократический процесс, и эта болезнь послужила питательной средой для фашистских группировок в Европе и Соединенных Штатах. Английский ученый Роджер Гриффин (Roger Griffin) уподобил фашизм «супервирусу, который в условиях изменения окружающей его среды постоянно развивается и производит большое количество новых штаммов, невосприимчивых к традиционной профилактике»⁹.

Если проводить параллели с межвоенными годами, сегодняшние неофашистские движения возникли ввиду уникального стечения обстоятельств. Их успех во многом определялся их способностью дистанцироваться от исторического образа фашизма. В то время как неонацисты ностальгического толка продолжали думать о свастике, более проницательные теоретики европейских новых правых поняли, что усилия по оправданию Гитлера и фашистских режимов прошлого тщетны и наивны. Большая часть переработанной идеологии новых правых была подхвачена замаскированными неофашистскими организациями, включившимися в борьбу за власть. Позиционируя себя в первую очередь защитниками культурной идентичности и экономического процветания Западной Европы, правые экстремисты смогли проложить себе путь в большую политику.

«Фашизм 1990-х годов, под новым именем и возглавляемый “ответственными” лидерами, станет респектабельным. Это всего лишь вопрос времени», — предсказывал историк Пол Джонсон (Paul Johnson). Однако этих современных фашистов будет не так легко распознать. Некоторые из них будут выступать даже в образе антифашистов. Так, например, в мае 1995 года в Москве группа видных ультранационалистов заявила о создании «Антифашистского патриотического центра». Одним из ключевых персонажей, сделавших этот шаг, был Борис Миронов, уволенный с поста министра печати при Ельцине после заявления: «Если русский национализм — это фашизм, тогда я — фашист». Миронов подал иск о диффамации в отношении газеты «Московские новости», после того как это издание назвало его фашистом, однако проиграл дело. Очевидно, суд решил, что такое наименование было точным¹⁰.

Точно так же проникали в антифашистское движение и американские боевики, заявлявшие, что Гитлер выступал за контроль за оборотом оружия. Некоторые ополченческие группы даже приглашали в свои ряды

евреев и цветных. Однако целью этого было показать, что открытый белый расизм и неонацистские взгляды уже не являются лакмусовой бумажкой для определения угрозы ополченцев. Параноидальный стиль уже давно являлся в США элементом политической культуры, вместе с правыми военизированными группами, такими как Ку-клукс-клан, минитмены, Posse Comitatus. Однако в годы после «холодной войны» военизированному движению удалось повторно изобрести фашизм, на этот раз американский. Он сочетал в себе туманные доводы в пользу конституционализма, ограничивавшего «большое правительство» и традиционные призывы к изоляционизму, реакционные конспирологические теории, а также мифы про освоение «дикого Запада» (в духе Рэнди Вивера), обещавшие национальное возрождение через насилие¹¹.

Несмотря на доказанную «склонность» ополченцев к насилию и кровопролитию, у них был целый ряд сторонников — как в Республиканской партии, так и на Капитолийском холме. Официальные представители республиканцев часто выступали на местных встречах ополченцев, множество претендентов на пост президента искали благословения от Пэта Робертсона, чей конспирологический взгляд на мир лишь немногим отличался от антисемитизма, которым оперировали многие неонацисты. После взрыва в Оклахома-Сити спикер Палаты представителей Ньют Гингрич блокировал проведение уже давно необходимого парламентского расследования военизированной деятельности американских правых. Вместо этого подконтрольный республиканцам Конгресс провел подробнейшие слушания по неправомерным действиям правительства в Уэйко, штат Техас, а также в Руби-Ридж, штат Айдахо¹².

В разгар этих слушаний американцам была предложена новая книга, соавтором которой выступил Гингрич. Этот фантастический роман был озаглавлен «1945», а главным злодеем выставлен не кто иной, как Отто Скорцени. Сюжет вращался вокруг достаточно традиционного замысла: «что было бы, если бы войну выиграла Германия». Согласно фабуле сочинения, Германия, захватив Европу и Советский Союз, вступила в состязание с американцами, чтобы опередить их в создании атомной бомбы. Скорцени был направлен Гитлером в США для уничтожения секретного ядерного исследовательского центра в Теннесси. Однако ему помешала группа местных шерифов, ветеранов войны и гражданских ополченцев со своими верными винтовками¹³.

В реальной жизни Скорцени после войны наряду с тысячами других нацистов и фашистов был взят на службу американской разведкой. По иронии судьбы часть этих людей, и среди них Скорцени, позже стали работать с ультраправыми организациями, питавшими особую ненависть к правительству

США. Эти неофашистские группы, в свою очередь, стали симптомом более широкого заболевания — авторитаризма. Об этом еще в середине XX века предупреждал Теодор Адорно, и правоту его слов подтверждает ситуация, свидетелями которой мы являемся в конце 1990-х годов. Адорно считал: «Нынешнее существование национал-социализма *в рамках* демократии представляет большую опасность, чем существование фашистских тенденций, *противостоящих* демократии». Его исследования показали наличие потенциала для развития фашизма в самой культуре общества массового потребления, порождающей слабых личностей, сильно зависящих от своих потребностей. В результате ими легко манипулируют как рекламные агентства, так и политические демагоги. Рассматриваемый в подобной перспективе, фашизм сохраняет потенциал для своего продвижения во всех развитых промышленных обществах, включая и Германию после «холодной войны»¹⁴.

В то же время, через 50 лет после окончания Второй мировой войны, риск возникновения в Германии еще одной фашистской диктатуры представлялся весьма отдаленным. Многие лидеры неонацистского движения находились за решеткой, а само движение, как казалось, слабело. Канцлер Коль смог обезвредить ультраправых соперников, взяв на вооружение многие элементы их программы. Однако точно рассчитанная попытка остаться у власти, успешная в краткосрочной перспективе, породила проблемы, которые в будущем способны привести к возникновению еще более изощренного варианта национализма.

Ограничение иммиграции не ослабило глубоко укоренившуюся в германском обществе ксенофобию, служившую источником насилия на расовой почве. Не прекратились нападения скинхедов, а немецкая полиция все так же жестоко избивала тех, кто приехал в страну в поисках убежища. Ксенофобия не убывала, она была словно поселившаяся в сердце привычка, словно вкус на языке. Дуглас Джонс, один из высокопоставленных сотрудников американского посольства в Берлине, так говорил об этом явлении незадолго до своей отставки в июне 1994 года: «Я не знаю ни одного иностранца, включая и меня, у которого по крайней мере хотя бы раз не сложилось бы впечатления — в результате какого-нибудь происшествия или замечания со стороны немца, — что ему не рады в этой стране, он чужак, что его “инаковость” вызывает неприятное внимание»¹⁵.

Тот, кто не вполне понимает, кто он на самом деле, часто определяет себя от противного. Первопричина ксенофобии немцев и других европейцев в большей степени была связана с их внутренним смущением и неуверенностью, чем с присутствием среди них иностранцев. Уменьшение числа политических беженцев не могло разрешить немецкого кризиса

идентичности, выражавшегося как в ненависти к другим, так и в подчеркивании собственной исключительности. (Проведенный после окончания «холодной войны» опрос общественного мнения показал, что большинство немцев воспринимают себя «чище и умнее» представителей других национальностей.)

В то время как беспокойные 1990-е годы в Германии заметно отличались от 1930-х, в стране сохранялось ощущение, что что-то идет не так. «Я замечаю в нашей стране тоску по авторитарным решениям, — заметил психолог Хорст-Эберхард Рихтер (Horst-Eberhard Richter). — Многие люди считают, что сложные проблемы могут быть решены только авторитарными методами, словно открытое общество не способно справиться с капитализмом, и что эффективными могут быть только твердая рука и стальная метла»¹⁶.

Озабоченная стагнирующей экономикой, исчезающими рабочими местами, напряженными отношениями между жителями востока и запада, взрывоопасной этнической политикой, а также неудовлетворенным стремлением к «нормальной» идентичности, Германия, чтобы пробудить веру в себя, нуждалась во внутреннем враге. Вместо того чтобы рассказать правду об иммиграции, немецкие политические руководители предпочитали играть в прятки с реальностью. В Германии (в основном на западе) проживало семь миллионов иностранцев, что составляло приблизительно 9% от общего населения страны. В то же время высокопоставленные руководители продолжали настаивать, что их страна не должна стать «страной иммигрантов» — чем она, по существу, уже являлась. Не обладая гражданским мужеством честно говорить о проблемах Германии и пытаясь отвлечь внимание от своих собственных политических неудач, влиятельные политики продолжали ворошить ксенофобские страхи и ненависть.

Поскольку между процветающей Западной Европой и слабыми экономиками Восточной Европы и третьего мира продолжало сохраняться вопиющее неравенство, Германии суждено было оставаться зоной иммиграции. Изменения в конституции и усиление пограничных патрулей создавали дополнительные препятствия для беженцев, но не останавливали их. Они пробирались через границу небольшими группами, проползая через кустарники или преодолевая болотистую реку Одер, отделяющую Польшу от Германии. Несколько десятков беженцев утонули, пытаясь пересечь проходящую по реке границу ночью. Однако в Германии никто так и не взял на себя ответственность за то, чтобы похоронить их, так как цена этого была слишком высока. В результате раздувшиеся трупы были унесены течением.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

¹ Francis Parker Yockey, *Spotlight*, стр. 22, 7 сентября 1998 года. «Должны ли молодежь Америки пассивно ждать... пока мясники не устроят здесь свою кровавую баню? — писал Йоки. — Проснись, молодость Америки. Это — твоя проблема и твоя задача». Ряд примечательных фактов изложен также в биографии Йоки, подготовленной Кевином Куганом (Kevin Coogan).

² По состоянию на декабрь 1997 года в производстве ФБР находилось свыше 900 дел, касающихся правых экстремистов. Сравните это с сотней дел перед терактом в Оклахома-Сити в апреле 1995 года. В средства массовой информации попали следующие факты: план вооруженной группировки в Мичигане организовать подрывы автострад, федеральной собственности и одной из теплостанций; заговор семи ополченцев (*militia*) из Западной Вирджинии с целью сбора и перевозки взрывчатки для уничтожения федерального центра по сбору отпечатков пальцев; план четырех снайперов из хорошо вооруженной Ассоциации минитменов Южной Калифорнии во главе с отставным сотрудником полиции Лос-Анджелеса убивать нелегальных иммигрантов, пытающихся пересечь границу; план трех членов расистской группы, именуемой «Новый порядок», провести диверсию на крупном водозаборе, отравив его цианистым калием, а также подготовить подрывы правительственных учреждений; осуждение по обвинению в убийстве, похищении людей и организации заговора трех самозванных «послов Яхве» (обвинение основывалось на их планах свергнуть федеральное правительство и создать «Арийскую народную республику», интенсивно населять которую планировалось с помощью многоженства); захват заложников членами неконформистской организации «Техасская республика», которая объявила независимость от Соединенных Штатов, предварительно завалив судебную и банковскую системы штата фальшивыми исками о праве собственности, недействительными чеками, залогами и мелкими судебными исками.

³ Юридическая служба Southern Poverty Law Center сообщила, что в 1998 году в США было 537 групп, объединенных на почве ненависти, на 63 больше, чем в 1997 году. В то же самое время число расистских интернет-сайтов выросло почти на 60%, их насчитывалось 254.

⁴ Fairness & Accuracy In Reporting, «The CCC in Its Own Words», *Extra!*, март – апрель 1999 года.

⁵ Michael Powell, «White Wash», *Washington Post*, 17 января 1999 года; Sam Francis, «Cultural Bolshevism on Campus», *Spotlight*, 21 декабря 1998 года; Еже-недельная синдицированная колонка Фрэнсиса публикуется как в издаваемом «Свободным лобби» *Spotlight*, так и на интернет-сайте Совета консервативных граждан.

⁶ В марте 1999 года руководители Республиканской партии в Конгрессе с помощью сенатора Трента Лотта заблокировали составленную в сильных выражениях резолюцию, осуждавшую Совет консервативных граждан за его подлый фанатизм. Республиканцы отклонили резолюцию под тем предлогом, что выделять всего одну возбуждающую ненависть организацию неразумно, поскольку на самом деле подобных групп достаточно много. Однако об этих доводах даже не вспомнили, когда Конгресс единогласно осудил злобные антисемитские высказывания лидера чернокожих мусульман Халида Мохаммеда, одного из ближайших сподвижников Луиса Фарраха.

⁷ Thomas B. Edsall, «GOP Chairman Denounces ‘Racist’ Group», *Washington Post*, 20 января 1999 года. Ряд влиятельных деятелей республиканцев тепло общался с Советом консервативных граждан, выступал на организованных им мероприятиях. Среди них были конгрессмен Боб Барр из Джорджии, один из основных сторонников импичмента Клинтона; Кирк Фодрис в бытность его губернатором Миссисипи; сенатор от Северной Каролины Джесси Хелмс; член Национального комитета республиканцев из Южной Каролины Бадди Уизерспун, так и не раскаявшийся член Совета.

⁸ Мощная отповедь противникам мер по преодолению последствий дискриминации, а также сторонникам теории «обратной дискриминации» содержится в книге William G. Bowen, Derek Bok, «The Shape of the River» (Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1999).

⁹ The Southern Poverty Law Center, «Sharks in the Mainstream», *Intelligence Report*, зима 1999 года; Kim Murphy, «Last Stand of an Aging Aryan», *Los Angeles Times*, 10 января 1999 года. В попытке изыскать средства для своей деятельности отдельные «христианские патриоты» стали участвовать в незаконном обороте наркотиков. Доходы от лабораторий по синтезу метамfetамина активизировали деятельность групп белых расистов и ополченческих формирований (militia). Одним из последствий этого шага стало быстрое распространение в конце 1990-х годов метамfetамина из городов в сельскую местность. В это время возросло число правых экстремистов, привлеченных к ответственности за наркоторговлю для финансирования революции. Рэнди Грэм, член ополченческой

организации северного Мичигана, был осужден за выращивание марихуаны с целью финансировать заговор по убийству руководителей штата, подрыву здания федеральных учреждений в городе Бэтл-Крик, а также подрыву здания налоговой службы в другом городе.

¹⁰ The Southern Poverty Law Center, «The Alliance and Its Allies», *Intelligence Report*, зима 1999 года. Вышедшая в 1998 году автобиография Дюка «My Awakening» полна конспирологических теорий и осмеяний негров, евреев и гомосексуалистов.

¹¹ Общая информация содержится в книге Jeffrey Kaplan, Leonard Weinberg, *The Emergence of a Euro-American Radical Right* (New Brunswick, N. J.: Rutgers University Press, 1998); а также Jeffrey Kaplan, Tore Bjorgo, *Race and Nation* (Boston: Northeastern University Press, 1998).

¹² Erik Kirschbaum, «Germany says far-right crime surges in 1997», *Reuters*, 6 мая 1998 года; «Bomb Factory Linked to neo-Nazis», *AP Online*, 13 февраля 1998 года; «German Police Confiscate Arms», *AP Online*, 25 марта 1998 года. Согласно данным германского Федерального ведомства по охране Конституции, число преступлений правоэкстремистской ориентации в стране в 1997 году выросло до 11 719 в сравнении с 8730 годом ранее. Статистика, опубликованная германской армией, свидетельствует, что за тот же период в четыре раза выросли случаи неонацистских проявлений в вооруженных силах. Размах неонацистской деятельности шел параллельно с ростом количества случаев антисемитского насилия на 27%, цифра составила 790. В их числе было 13 покушений на убийство и 677 нападений. Непропорционально большое количество подобных случаев произошло в восточных землях, ранее относившихся к коммунистическому государству. Там в результате действий неонацистов только в 1997 году было убито шесть человек, а пострадало свыше тысячи.

¹³ Организация «Международная амнистия» высказала свою озабоченность случаем насилия над Амиром Агибом, 30-летним выходцем из Судана, прибывшим в страну в поисках убежища и умершего в заключении 28 мая 1999 года. В это время германская полиция пыталась силой депортировать его на родину из аэропорта Франкфурта. Ранее курдский беженец, которого должны были депортировать в Турцию, совершил акт саможжения. Занимающиеся помощью беженцам адвокаты высказали претензии правительству Германии за ненадлежащее обращение с албанскими беженцами из Косово в месяцы, предшествовавшие натовским бомбардировкам. Военные действия, проходившие при поддержке Германии, были развязаны под предлогом защиты прав человека на Балканах.

¹⁴ Ray Moseley, «Specter of ‘ethnic cleansing’ haunts Germany», *San Francisco Examiner*, 5 апреля 1998 года; Ian Traynor, «German neo-Nazi tide creates no-go zones for foreigners», *The Guardian*, 21 января 1998 года; Martin A. Lee, «Germany Goosesteps to the Right», *Moment*, июнь 1998 года.

¹⁵ Roger Boyles, «Neo-Nazi poll blitz wins jobless voters», *The Times* (London), 23 апреля 1998 года.

¹⁶ Национал-демократическая партия Германии (Nationaldemokratische Partei Deutschlands, NPD) стала прибежищем последовательных неонацистов, нуждавшихся в легальном «зонтике» для своей политической деятельности. Поскольку партия была признана официально, ее марши редко запрещались, позволяя неонацистам устраивать публичные демонстрации. 1 мая 1998 года три тысячи неонацистов собрались в Лейпциге на митинг, организованный Национал-демократической партией. В результате стычек с группами антифашистов все закончилось массовыми беспорядками, волнениями, мародерством и горящими баррикадами. По данным Федерального ведомства по охране Конституции, за этот год число активных сторонников правых экстремистов выросло до 53 600 человек в сравнении с 48 400 годом ранее. Число занимавшихся насилием также увеличилось — с приблизительно 7600 до 8200 в 1998 году.

¹⁷ Andrei S. Markovits, Simon Reich, *The German Predicament* (Ithaca: Cornell University Press, 1997), стр. 150–182. По иронии судьбы именно Европейский Союз поддерживал право своих граждан покупать недвижимость и селиться в любом месте на территории Союза. Многие поляки и чехи опасались, что присоединение к ЕС сделает их страны уязвимыми перед состоятельными и охочими до приобретения земли немцами, у которых были свои планы на возврат утраченных домов и недвижимости в спорных районах. Хотя правительство Германии официально отвергло свои претензии на польскую территорию в качестве одной из предпосылок объединения страны, оно оставило открытыми требования о возврате земельных участков, выдвигавшиеся частным образом. Эта вызывавшая взрыв эмоций тема вновь возникла в ходе предвыборной кампании 1998 года, когда германский парламент принял резолюцию, осуждавшую послевоенное изгнание свыше пяти миллионов этнических немцев из Польши, назвав ее нарушением международного законодательства. Возобновившиеся призывы к выплатам компенсаций немецким изгнанникам вызвали гневную отповедь польских законодателей, осудивших тот факт, который представлялся им «опасной тенденцией, по праву вызывающей озабоченность не только в Польше». В течение нескольких лет германское правительство выступало с противоречивыми высказываниями по пограничным вопросам. Решение, вынесенное в 1973 году Конституционным судом в Карлсруэ, подтвердило законность германских границ 1937 года — и это решение никогда не было официально отменено. Фактически это означало, что одна из наиболее уважаемых правительственных структур страны утверждает, по крайней мере теоретически, что достаточно большая часть территории Польши на самом деле принадлежит Германии.

¹⁸ Ullrich Fichtner, «Germany's Energetic Taboo-Breakers», *Frankfurter Rundschau* (онлайн-версия на английском языке), 23 апреля 1998 года.

¹⁹ Ряд факторов, включая жесткую антииммигрантскую политику, за которую выступали социал-демократы и их основные противники — христианские демократы, снизили популярность ряда неонацистских и ультраправых партий, завоевавших в общей сложности голоса 2 280 219 (или 4,6%) избирателей на общенациональных выборах, прошедших в Германии в сентябре 1998 года.

²⁰ Roger Boyles, «Postwar generation seeks release from shackles of Nazi guilt», *The Times* (London), 9 ноября 1998 года.

²¹ Tim Judah, «German spies accused of arming Bosnian Muslims», *Daily Telegraph*, 20 апреля 1997 года; «Neo-Nazi Incident Reported in Bosnia», *AP Online*, 18 февраля 1998 года.

²² «Apaches and Tomahawks», *Le Monde Diplomatique*, май 1999 года.

²³ Martin A. Lee, «The CIA's original sin», *Miami Herald*, 21 сентября 1997 года.

²⁴ Thalif Deen, «U.N. Worried Over Alarming Rise in Xenophobia», *Interpress Service*, 20 сентября 1998 года.

²⁵ Andrew Gimson and Peter Hoffer, «Austrian urged to quit over insults», *Daily Telegraph*, 3 июля 1997 года; Tracy Wilkinson, «Rising Star of Austrian Nationalism», *Los Angeles Times*, 11 декабря 1997 года; Michael Leidig, «Hitler fan is voted back in power in Austria», *Daily Telegraph*, 9 апреля 1999 года. Издающийся в Лондоне антифашистский журнал «Searchlight» сообщил, что Партия свободы Хайдера объединяет в своих рядах некоторых из наиболее отъявленных фашистов и антисемитов Австрии, включая заместителя мэра Клагенфурта Рейнхарда Гаугга, заявившего, что понятие Nazi расшифровывалось как New, Attractive, Zealous, Ideas-Rich («Новые, привлекательные, усердные, полные свежих идей»), а также Маркус Эртль, адвокат Партии свободы из австрийского города Шпитталь-ан-дер-Драу, заявивший, что жертвы Освенцима погибли в результате налетов англо-американской авиации.

²⁶ Ignacio Ramonet, «Neo-fascism», *Le Monde Diplomatique*, апрель 1998 года; Thalif Deen, «U. N. Worried Over Alarming Rise in Xenophobia», *Interpress Service*, 20 сентября 1998 года.

²⁷ Норвежская Партия прогресса, возглавляемая Карлом Хагеном, по результатам парламентских выборов 1997 года стала второй по величине политической силой страны, завоевав 15% голосов избирателей и 25 мест в парламенте. Норвежская политика в области иммиграции и предоставления убежища уже была настолько жесткой, что даже Хаген затруднялся предложить новые законы, вводящие дополнительные ограничения. Тем не менее правые экстремисты из Партии прогресса сочли приемлемым для себя заняться очернением саамов (коренных жителей Лапландии), несмотря на то что они составляют мизерную часть населения страны. Ультранационалистическая Датская народная партия завоевала 14 мест в парламенте на общенациональных выборах, состоявшихся в марте 1998 года. Итальянский Национальный альянс, возглавляемый самопровозглашенным «постфашистом» Джанфранко Фини, завоевал на общенациональных выборах 15,7% голосов и 53 места в парламенте. Набиравший популярность Фини претендовал на то, чтобы сменить на посту безоговорочного лидера итальянских правых, погрязшего в обвинениях в коррупции и даче взяток, медиамагната Сильвио Берлускони.

²⁸ Отчет Всемирного банка цитируется в «Ex-communist states' plight like Great Depression», *Reuters*, 22 мая 1998 года.

²⁹ Эзраим Козак цитируется в Laszlo Kurti, *The Emergence of Postcommunist Youth Identities*, а также в Kaplan Tore, *Race and Nation*, стр. 194.

³⁰ «Hungary's right plays nationalist card in election», *Independent* (London), 11 мая 1998 года.

³¹ «Communism was better, Romanians say in poll», *Reuters*, 26 ноября 1998 года; «Followers of Fascist Iron Guard Build Monument on Romanian Beach», *Associated Press*, 1 августа 1997 года.

³² Roger C. Paddock, «Old Ethnic Rifts Run Deep in Latvia», *Los Angeles Times*, 6 апреля 1998 года; «Bomb damages Russian mission in Latvia», *UPI*, 6 апреля 1998 года; «Blast damages Latvian Soviet war memorial», *Reuters*, 4 мая 1998 года.

³³ Tom Walker, «Hard-faced men of Balkans still doing well out of the war», *The Times* (London), 28 мая 1997 года; Tracy Wilkinson, «Prognosis Uncertain for Croatia, Leader», *Los Angeles Times*, 22 июня 1997 года; «Croatia's Dangerous Extremism», *New York Times*, 28 апреля 1997 года; Marinko Culic, «Croatia and Serbia — Two Sides of a Bent Penny», *Interpress Service*, 25 января 1998 года; Chris Hedges, «Rival of Croatian President Is Attacked at Rally», *New York Times*, 7 июня 1997 года.

³⁴ Moshe Lewin, «A Country Falling Apart», *Le Monde Diplomatique*, ноябрь 1998 года; Stephen F. Cohen, Katrina van den Heuvel, «Help Russia», *The Nation*, 11/18 января 1999 года.

³⁵ Mark Franchetti, «Method lurks behind Zhirinovsky's madness», *Sunday Times* (London), 12 апреля 1998 года; «Yeltsin in message of support to neo-fascist Zhirinovsky's party», *Irish Times*, 27 апреля 1998 года.

³⁶ Nick Wadhams, «Moscow Skinhead Violence Growing», *Associated Press*, 14 мая 1998 года; Mark Franchetti, «Nazi race attacks sweep Moscow», *Sunday Times* (London), 10 мая 1998 года; «Neo-Nazis carrying out threats?» *Orange County Register*, 8 мая 1998 года; Phil Reeves, «Russia's racist skinheads terrorize foreigners», *Independent*, 8 мая 1998 года.

³⁷ ИТАР/ТАСС, обзор российской печати, 8–9 июня 1998 года; Robin Lodge, «Synagogue bomb marks sinister rise of Russia's neo-Nazis», *Daily Telegraph*, 17 мая 1998 года; James Meek, «They wear the swastika and hate Jews but no-one dares to call them fascists», *The Observer* (London), 5 июля 1998 года; Celestine Bohlen, «Russia's Stubborn Strains of anti-Semitism», *New York Times*, 2 марта 1999 года; «Trial exposes Russian nazis' official links», *Searchlight*, апрель 1998 года.

³⁸ James Meek, «Russian left descends into dark well of anti-Semitism», *Guardian*, 5 ноября 1998 года; Richard Beeston, «Russia's Jews in plea to the West», *The Times* (London), 9 декабря 1998 года.

³⁹ Ленин цитируется в «Economic Ills Give Rise to Anti-Semitism in Russia», *Los Angeles Times*, 22 ноября 1998 года. Общую информацию см. в книге Yitzhak M. Brudny, *Reinventing Russia: Russian Nationalism and the Soviet State* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1998).

⁴⁰ «Rabbi pans indifference to anti-Semitism in Russia», *Reuters*, 9 марта 1999 года; «More Jews leave Russia amid crisis, anti-Semitism», *Reuters*, 15 марта 1999 года.

⁴¹ Японские власти до сих пор не признают зверств, совершенных Отрядом 731 японской армии, проводившим бесчеловечные эксперименты по испытаниям химического и биологического оружия на китайских и корейских пленных. Их специально заражали сибирской язвой, холерой, чумой и другими возбудителями заболеваний как до, так и в ходе Второй мировой войны. Японское правительство продолжает хранить молчание о происходившем, оставляя молодые поколения в неведении относительно камер пыток Отряда 731 и других моментов истории Японии. Соседи Японии, в первую очередь Китай и Корея, опасаются, что отрицание Японией совершавшихся в годы войны зверств увеличивает вероятность отказа в ближайшее время от «мирной» конституции страны и возрождения японского милитаризма.

⁴² Стивен Кастл сообщал в опубликованном в «The Independent» репортаже (22 июня 1999 года): «Подтверждая опасения евроскептиков о том, что жизнь с единой валютой может напоминать горящий дом, из которого нет выхода, Брюссель вчера настаивал на том, что у Италии нет юридически законного способа выйти из зоны евро».

⁴³ Peter Berg, Martin A. Lee, «Bioregionalism Versus Fascism», *Raise The Stakes: Planet Drum Review*, № 28, весна 1998 года. Общую информацию см. также в книге Benjamin R. Barber, *Jihad vs. McWorld* (New York: Times Books, 1995).

⁴⁴ Chip Berlet, «Dances with Devils: How Apocalyptic and Millennialist Themes Influence Right-Wing Scapegoating and Conspiracism», *The Public Eye*, осень 1998 года.

⁴⁵ Общую информацию см. в книге George Mosse, *The Fascist Revolution* (New York: Fertig, 1999). Выдвигая во многом аналогичные аргументы, Марк Мазовер заверяет в своей книге *Dark Continent* (New York: Knopf, 1999), что национал-социализм «является частью магистрального пути не только немецкой, но и европейской истории в намного большей степени, чем это признает большинство людей». Мазовер в своем утверждении идет дальше: «Как нам теперь известно, Швеция, Швейцария и ряд других европейских стран до сравнительно недавнего времени продолжали применять в своей социальной политике стерилизацию и иные принудительные меры. Подобные практики делают опыт гитлеровской Германии не таким уж большим исключением. Этот опыт находится ближе к основным течениям европейской мысли, чем когда-то казалось возможным».

⁴⁶ Йоран Перссон цитируется в «International effort to raise Holocaust awareness», *Reuters*, 7 мая 1998 года.

⁴⁷ Цитата Примо Леви по книге *Fascism* под редакцией Roger Griffin (New York: Oxford University Press, 1995), стр. 392.

ВВЕДЕНИЕ

¹ Среди казненных был и граф Клаус фон Штауффенберг, основной руководитель «Валькирии». «Валькирия» была условным названием заговора. Другими жертвами начавшихся после 20 июля репрессий стали 21 генерал, 33 полковника, два посла, семь высокопоставленных дипломатов, один министр и трое заместителей министров. Описание событий 20 января от лица Скорцени см. в Otto Skorzeny, *Skorzeny's Secret Missions*, стр. 162–167.

² Kai Bird, *The Chairman*, стр. 332.

³ Allen Dulles, *Germany's Underground*, стр. 12.

⁴ Arthur Schlesinger, «Lessons from the Cold War», в *End of the Cold War* под редакцией Michael J. Hogan, стр. 60–61.

⁵ В своей книге *Roads to Dominion* (стр. 9) Сара Даймонд (социолог и адвокат, автор ряда книг по истории американских «правых». — *Примеч. пер.*) приводит примечательное определение: «Быть правым — значить поддерживать государство в качестве силы, насаждающей порядок, и противодействовать государству в его роли более равномерного распределителя благосостояния и власти в обществе».

⁶ Ученые продолжают спорить относительно того, как соотносятся между собой фашизм и нацизм. В предлагаемой книге я рассматриваю нацизм как наиболее радикальный вариант фашизма. Согласно этой трактовке, все нацисты являются фашистами, но не все фашисты представляют собой нацистов. Аналогично все фашисты — это правые экстремисты, но не все правые экстремисты — это фашисты.

⁷ Умберто Эко, «Ug-Fascism», *New York Review of Books*, 22 июня 1995 года. Другие утверждают, что фашизм обладает неким, хотя и сложно определяемым, теоретическим ядром. «Фашизм, — пишет историк и политолог Вальтер Лакер, — напоминает порнографию в том смысле, что ее сложно, а может быть, и невозможно определить юридически корректно, однако опытные люди могут сразу узнать ее, лишь увидев». В попытке создать четкое определение скользкого политического явления некоторые ученые стали составлять список «врожденных» качеств, которыми, очевидно, обладают все фашистские движения. Так, например, Стэнли Пейн подчеркивает крайний национализм, воспитание силой, культ лидера и ряд других ключевых особенностей. Его научная методология подверглась критике со стороны политолога Роберта Пакстона, заявившего: «Изучение фашистских движений должно в равной мере сосредотачиваться на окружающих обстоятельствах и пособниках, а не только на собственно движениях», с тем чтобы объяснить их успех или поражение. (По общим вопросам см. Stanley Payne, *A History of Fascism*; Walter Laqueur, *Fascism: Past, Present, Future*; а также Robert O. Paxton, «The Uses of Fascism», *New York Review of Books*, 28 ноября 1996 года.)

ЧАСТЬ I

¹ «Отто Скорцени, он же ‘SOLAR’». Помощник начальника штаба, G-2 (Разведка армии США), 13 июня 1951 года. Общую информацию о Скорцени см. в Robert S. Wistrich, *Who's Who in Nazi Germany*, стр. 286–288; Louis L. Snyder, *Hitler's Elite*, стр. 299–316; Philip Rees, *Extreme Right Since 1890*, стр. 362; а также Glenn B. Infield, *Skorzeny*.

² Gerald Reitlinger, *The SS: Alibi of a Nation*, стр. 161.

³ Paul Meskil, *Hitler's Heirs*, стр. 87.

⁴ Snyder, *Hitler's Elite*, стр. 299.

⁵ William Tuohy, «SS Officer Wrongly Credited with Deed, Historian Says», *Los Angeles Times*, 26 декабря 1987 года; Charles Foley, *Commando Extraordinary*, стр. 139.

⁶ Работая в Швейцарии, Даллес пользовался сведениями многочисленных источников в деловых и дипломатических кругах, которыми он обзавелся в годы работы в качестве партнера в «Салливан и Кромвель». Эта элитная адвокатская контора из Нью-Йорка обслуживала влиятельных клиентов по обе стороны Атлантики, включая и ряд германских фирм, поддержавших приход к власти Гитлера. Даллес был юрисконсультангом англо-германской банковской империи Шредера, включавшей в себя преуспевающий Stein Bank из Кельна. Председатель его правления Курт фон Шредер был спонсором Гимmlера. Когда Гитлер в начале 1930-х годов размышлял о захвате власти, Шредер привлек на его сторону крупных промышленников. Тем не менее это не помешало Аллену Даллесу работать директором в одной из дочерних фирм Шредера в США. Банковская компания Шредера и «Трест Шредера» в 1950-е годы служили ЦРУ для передачи денег. Управление тогда возглавлял Аллен. Его старший брат и будущий Государственный секретарь Джон Фостер Даллес также работал партнером в фирме «Салливан и Кромвель». Наряду с представлением интересов Банка Испании вскоре после прихода к власти Франко он лично оказывал адвокатские услуги фирмам, подобным IG Farben (огромный химический картель, становой хребет нацистской военной машины). Ряд крупных американских фирм, включая «голубые фишки» «Салливана и Кромвеля», втайне продолжали сотрудничать со своими германскими деловыми партнерами даже в то время, когда американские солдаты сражались с нацистами на полях Второй мировой войны.

⁷ Изложенная Гогенлоэ версия встречи была зафиксирована в немецких документах, попавших после войны в руки американских вооруженных сил. Заявив, что «устал постоянно выслушивать вышедших в тираж политиков, эмигрантов и предвзято относящихся к ситуации евреев», Даллес якобы сказал Гогенлоэ, что ему нравится идея сепаратного мирного договора, который следует заключить как можно быстрее. Предпосылкой мира должно было стать отстранение Гитлера от власти. Интриган из Управления стратегиче-

ских служб рассуждал о создании в Восточной Европе «санитарного кордона» для сдерживания большевиков. Он также не удержался от дружеского совета, порекомендовав SS «более умело действовать в решении еврейского вопроса» с тем, чтобы избежать «большого переполоха». (Christopher Simpson, *Splendid Blonde Beast*, стр. 122–123, 347; Heinz Höhne, *Order of the Death's Head*, стр. 521.)

⁸ Walter Schellenberg, *The Labyrinth*, стр. 300–301.

⁹ Simpson, *Splendid Blonde Beast*, стр. 124.

¹⁰ Т. Н. Tetens, *Germany Plots with the Kremlin*, стр. 234–235.

¹¹ 30 марта 1945 года Госдепартамент заявил о наличии у союзников копий немецких планов по выводу из страны германского капитала, вывозу технического персонала и агентов для ведения послевоенной пропаганды и с иными целями. Доказательства были взяты в основном из распространенного 27 ноября 1944 года доклада Верховного штаба союзных экспедиционных сил в Европе (Supreme Headquarters, Allied Expeditionary Forces, Europe, SHAEF). В нем рассматривались планы действий после поражения Германии, утвержденные несколькими месяцами ранее в Страсбурге. (См. Foreign Economic Administration, бюллетень Госдепартамента, 1 апреля 1945 года, «Discovery of Nazi post-war plans», 537–538, демонстрационный файл, ящик 991, группа хранения 169, Национальный архив США, Сьютленд, штат Мэриленд).

¹² Ограбление Рейхсбанка упоминалось в Книге рекордов Гиннеса за 1957 год под рубрикой «Крупнейшее нераскрытое ограбление». Агентами армейской контрразведки США в различных местах Баварии и Западной Австрии обнаружено около 12 тонн золотых слитков и монет. Среди них и тайник в амбаре близ Зальцбурга. Как считалось, это были личные средства Гимmlера. Золотые запасы на сумму 500 тысяч долларов, спрятанные в Австрии, были обнаружены Управлением стратегических служб, которое также содействовало Госдепартаменту в проведении программы «Safehaven» («Тихая гавань»). Как следовало из ее названия, программа была предназначена для выявления махинаций с иностранной валютой, а также распространявшимися нацистами фальшивыми деньгами. В рамках программы также отслеживалось движение похищенных средств через международную сеть отмывочных контор, приведенную в действие после конференции в Страсбурге. (Glenn B. Infield, *Secrets of the SS*, стр. 222; Ian Sayer and Douglas Botting, *Nazi Gold*, стр. 42–45; Sayer and Botting, *America's Secret Army*, стр. 228; Charles Higham, *American Swastika*, стр. 247–248; Anthony Cave Brown, ed., *Secret War Report of the OSS*, стр. 562–563; общие сведения также приводятся в Marc Jean Masurovsky, *Safehaven Program*, диссертация доктора наук, American University, 1990 год.)

¹³ Tom Bower, *Pledge Betrayed*, стр. 75; *Kolnische Rundschau*, 30 сентября 1962 года; Sayer, Botting, *Nazi Gold*, стр. 176. Попав в конце войны в плен, Вальтер Шелленберг показал, что к 1944 году только в Швейцарию было переправлено украденного золота на 600 миллионов долларов.

¹⁴ Лучшими источниками информации о Гелене являются: Heinz Höhne, Hermann Zolling, *The General Was a Spy*; Christopher Simpson, *Blowback*; а также Mary Ellen Reese, *General Reinhard Gehlen and the CIA*.

¹⁵ Burton Hersh, *Old Boys*, стр. 162.

¹⁶ Sayer, Botting, *America's Secret Army*; стр. 202. За два месяца до конца войны официальные представители Госдепартамента США заявили, что им было известно о нацистском плане сорвать военную победу союзников и обеспечить мир для Германии. Об этом 31 марта 1945 года рассказала газета «New York Herald Tribune»: «Сегодня Государственный департамент заявил, что достоверная информация, собранная правительствами союзников, однозначно свидетельствует о том, что правящий в нацистской Германии режим разработал подробные планы на послевоенный период, предусматривающие сохранение нацистской доктрины и влияния. Некоторые из этих планов уже осуществляются, другие готовят к реализации в большом масштабе по окончании военных действий в Европе». 7 апреля 1945 года заместитель Государственного секретаря Джулиус Холмс подогрел аппетит публики следующим заявлением: «Мы, американцы, охотно верим тому, что таких вещей не должно происходить. Но это не так. Этот заговор составлен злодеями. Они будут искать любую лазейку в военных планах союзников по установлению контроля над Германией. Один из самых интересных моментов немецкого плана — попытка расставить технических сотрудников на такие места, где они принесут наибольшую пользу нацистскому подполью... Некоторые нацисты будут выдавать себя за коммунистов, социалистов и профсоюзных деятелей. Эти люди получили от нацистских стратегов задание проникнуть в антинацистские круги как в Германии, так и за ее пределами».

¹⁷ Sayer, Botting, *America's Secret Army*; стр. 208; «Memorandum on Nazi Resistance Plans, OSS German Section, № 2–290, USAISC», цитируется в Infield, *Skorzeny*, стр. 114.

¹⁸ Henrik Kruger, *Over the Green Border* (неопубликованная рукопись).

¹⁹ Hersh, *Old Boys*, стр. 112. По утверждениям Хетля, «радиограммы Даллеса в Вашингтон... перехватывались, в большей своей части расшифровывались и передавались немцам венгерской службой радионаблюдения... Это позволяло немецкой секретной службе... получать точное представление о его взглядах» (William Höttl, *Secret Front*, стр. 285).

²⁰ Представляется, что для некоторых высокопоставленных сотрудников американской разведки «холодная война» началась уже тогда, когда еще шла Вторая мировая. Управление стратегических служб вело слежку за итальянскими коммунистами по крайней мере с 1944 года, несмотря на то что они сражались против общего врага — фашистов. То же самое можно сказать и об оперативниках Управления стратегических служб, действовавших во Франции и на Балканах, где коммунисты также играли ведущую роль в антифашистском сопротивлении. Томас Пауэрс написал об этом: «История Управления стратеги-

ческих служб, которую невозможно отделить от тайной политической истории войны, отмечена интересом к коммунистам, который по силе практически не уступал желанию одержать победу над Германией». (Roger Faligot, Pascal Krop, *La Piscine*, стр. 26; Hersh, *Old Boys*, стр. 196; Thomas Powers, *Man Who Kept the Secrets*, стр. 25.)

²¹ Hersh, *Old Boys*, стр. 131.

²² Bradley F. Smith, Elena Agarossi, *Operation Sunrise*, стр. 191.

²³ Höhne, Zolling, *The General Was a Spy*, стр. 61; Charles Allen, *Heusinger*, стр. 16. См. также Generalplan 1945, с инициалами адмирала Карла Деница и фельдмаршала Вильгельма Кейтеля. В документе, датированном 5 апреля 1945 года, говорилось: «Два великих народа, русские и немцы, имеют великолепные возможности для развития без столкновения своих интересов». Далее документ рекомендовал создание «союза молодых социалистических сил против старых прогнивших держав Запада». (Tetens, *Germany Plots with the Kremlin*, pp. 239–242.)

²⁴ Timothy Garton Ash, *In Europe's Name*, стр. 406.

²⁵ Bower, *Pledge Betrayed*, стр. 96–97; Simpson, *Blowback*, стр. 26; Sayer, Botting, *America's Secret Army*, стр. 77–78. Дополнительная информация о послевоенном трудоустройстве нацистских ученых содержится в Linda Hunt, *Secret Agenda*, а также в Clarence Lasby, *Project Paperclip*. См. также «Soviet Recruitment of German Scientists», Национальные архивы, группа хранения 319, ящик 31, дело № ZE152328, NND844013.

²⁶ В июле 1945 года, через два месяца после окончания боевых действий, это стало очевидным для американских медицинских экспертов, проводивших плановую проверку клиники для душевнобольных в Кауфбойрене, Бавария. К своему ужасу, они обнаружили, что заведение продолжало оставаться центром по уничтожению людей. Психически неполноценных взрослых и детей по-прежнему медленно убивали голодом или с помощью смертельных инъекций. Последующее расследование показало, что местное население не испытывало никакого чувства раскаяния, хотя им было известно, что клиника «проводила эксперименты по улучшению человеческой породы». (Bower, *Pledge Betrayed*, стр. 143.)

²⁷ Президент Франклин Делано Рузвельт был, очевидно, обуреваем чувством мести, когда сказал: «Нам надо или кастрировать всех немцев, или обращаться с ними так, чтобы они не могли продолжать воспроизводить людей, которые хотят продолжать поступать так же, как они это делали раньше». Он поддерживал план послевоенного устройства Германии, предложенный его энергичным министром финансов Генри Моргентау. План предусматривал превращение страны в преимущественно аграрную с незначительной долей промышленности. Индустриальная долина Рура («котел войн») должна была стать международной экономической зоной, где Германия лишалась права проводить торговые операции. Чтобы гарантировать, что Германия не сможет

вновь превзойти своих соседей экономически, Рузвельт специально запретил американским военным властям предпринимать какие-либо действия, способствующие укреплению экономики страны. Однако кончина президента положила конец всем этим планам.

²⁸ «SKORZENY, Otto», документ контрразведки армии США от 19 мая 1945 года, подписан специальными агентами Джорджем Пеппером и Питером Риджесом. Примерно 650 страниц посвященной Скорцени документации армии США с незначительными купюрами доступны в рамках Закона о свободе информации: Управление разведки и безопасности армии США (INSCOM) досье № XE00 0417, а также Национальные архивы, группа хранения 165, ящик 739, инвентарный номер 179, дело допроса вражеского военнопленного MIS-Y 1943–1945.

²⁹ *New York Times* и *Christian Science Monitor* цитируются в Infield, *Skorzeny*; стр. 126; *Daily News* цитируется в Foley, *Commando Extraordinary*, стр. 154.

³⁰ «The German Sabotage Service», 23 июля 1945 года, Объединенный отчет о допросе (CIR) № 4, Штаб, Центр допросов вооруженных сил США на европейском театре военных действий, АРО 655; «Сотрудники VI отдела РСХА», 6 апреля 1945 года; «Vienna; RIG-554», 11 февраля 1945 года; «Доклад о допросе Альваро де Паолиса», приложение А, 18 сентября 1944 года.

³¹ Simpson, *Splendid Blonde Beast*, стр. 251.

³² Bower, *Pledge Betrayed*, стр. 323. Американские судьи и обвинители провели судебные процессы 177 германских функционеров, армейских офицеров, судей, врачей, промышленников и руководителей SS. Из 25 обвиняемых, приговоренных к смерти, было казнено 13 человек. Последние заключенные вышли на свободу к 1958 году.

³³ Bower, *Pledge Betrayed*, стр. 322; Hersh, *Old Boys*, стр. 486n.

³⁴ Этот эпизод из жизни Гелена излагается несколькими источниками, включая Höhne, Zolling, *The General Was a Spy*, стр. 70.

³⁵ Simpson, *Blowback*, стр. 44; Höhne, Zolling, *The General Was a Spy*, стр. 10, 38–39.

³⁶ Carl Oglesby, «The Secret Treaty of Fort Hunt», *Covert Action Information Bulletin* 35 (осень 1990 года).

³⁷ Типичными сотрудниками «Организации» Гелена были Вилли Кирхбаум, гестаповец, фанатично ненавидевший участников заговора 20 июля; штурмбаннфюрер SS Ганс Зоммер, прославившийся поджогами парижских синагог; Хайнц Йост, возглавлявший деятельность гестапо за пределами Германии. Здесь же нашли себе прибежище фашистские коллаборационисты из Румынии, Хорватии, Украины, Белоруссии, Венгрии, Польши и стран Прибалтики. (Reese, *General Reinhard Gehlen and the CIA*, стр. 83, 104, 136; Höhne, Zolling, *The General Was a Spy*, стр. 199, 282.)

³⁸ Интервью автора с Николаусом Рыжковским, 30 июня 1993 года.

³⁹ Sayer, Botting, *America's Secret Army*, стр. 319. Внезапно прерванная Вашингтоном денацификация оставила без наказания приблизительно 640 тысяч человек, в отношении которых можно было выдвинуть «серьезные обвинения».

⁴⁰ Simpson, *Blowback*, стр. 73; Sayer, Botting, *America's Secret Army*, стр. 224–229.

⁴¹ Höhne, Zolling, *The General Was a Spy*, стр. 107; Jean Edward Smith, *Lucius D. Clay*, стр. 466; Simpson, *Blowback*, стр. 54–55, 140–141.

⁴² Simpson, *Blowback*, стр. 65.

⁴³ Höhne, Zolling, *The General Was a Spy*, стр. 11.

⁴⁴ Директива Совета национальной безопасности, принятая в августе 1948 года и имевшая гриф «Совершенно секретно», уполномочивала ЦРУ на проведение «пропаганды, экономической войны, превентивных прямых действий, включая саботаж и контрсаботаж... подрывной деятельности в отношении враждебных государств, включая содействие подпольным движениям сопротивления, партизанам, освободительным группам из числа беженцев, поддержку местных антикоммунистических элементов». (U. S. Senate, *Final Report of the Select Committee to Study Governmental Operations with Respect to Intelligence Activities*, том IV, 23 апреля 1976 года, стр. 31.)

⁴⁵ E. H. Cookridge, *Spy of the Century*, стр. 158; Bird, *The Chairman*, стр. 304; Simpson, *Blowback*, стр. 53.

⁴⁶ Stewart Steven, *Operation Splinter Factor*, стр. 29, 63, 223; Simpson, *Blowback*, стр. 159.

⁴⁷ Hersh, *Old Boys*, стр. 268; Reese, *General Reinhard Gehlen and the CIA*, стр. 134–135.

⁴⁸ Reese, *General Reinhard Gehlen and the CIA*, стр. 93, 119; Hersh, *Old Boys*, стр. 277; Höhne, Zolling, *The General Was a Spy*, стр. 15. Как выясняется, на самом деле Даллес водил Гелена не в один, а в несколько клубов, включая роскошные «F Street» и «Chevy Chase». Меньшее радушие он выказывал к американским офицерам: майор Артур Трюдо, высказавший серьезные опасения относительно «Организации», был смещен с должности по настоянию Даллеса.

⁴⁹ Reese, *General Gehlen and the CIA*, стр. 110, 120.

⁵⁰ Höttl, *Secret Front*, стр. 319.

⁵¹ Dale M. Garvey, «Alleged Soviet-Sponsored Organization to Recruit Former SS Personnel», 5 октября 1946 года; Ignacio Carranza, Special Agent, CIC, «Alleged Soviet-Sponsored Organization to Recruit Former SS Personnel», 17 октября 1946 года; Joseph Radford, Jr., Special Agent, CIC, «Recruiting of Former Military Personnel in the Soviet Zone», 19 июня 1947 года; Bill Grubert, Special Agent, CIC, «THEO, Pro-Soviet SS Group», 29 марта 1948 года. Указанные документы находятся в Национальных архивах, группа хранения 319, ящик 39, «Alleged Soviet-

Sponsored Organizations to Recruit Former SS Personnel», август 1945 — март 1948, том 1, дело № XE131926.

⁵² «Доклад о допросе ОТТО СКОРЦЕНИ», штаб, 7707 разведывательный центр Европейского командования, APO 757, Армия США, 19 февраля 1948 года.

⁵³ ODESSA, CIC dossier 41878; «Organization ODESSA» 970th CIC Detachment, APO 139, Армия США, 15 июля 1947 года. Национальные архивы, группа хранения 319, ящик 64, дело № ZF015116, «Odessa Organization».

⁵⁴ Документ армейской контрразведки США от 7 сентября 1946 года (без названия).

⁵⁵ «Operation BRANDY», CIC Region IV, APO 205, 15 января 1947 года; «Operation BRANDY, RE: Organization ODESSA», 970th CIC Detachment, 20 января 1947 года.

⁵⁶ Vincent La Vista, «Illegal Emigration Movement in and through Italy», Доклад Госдепартамента США, 15 мая 1947 года.

⁵⁷ Kruger, *Over the Green Border*. См. также «Werewolf Activities in Denmark», Strategic Services Units, War Department, Mission to Germany, U. S. Forces, European Theater, APO 757, 24 апреля 1946 года.

⁵⁸ Infield, *Skorzenu*, стр. 151. Илзе Скорцени подтвердила утверждения своего мужа о том, что ему помогли бежать американцы.

⁵⁹ Интервью автора с Илзе Скорцени 3 июня 1993 года. Все заявления Илзе Скорцени, если не указано иного, взяты из данного интервью.

⁶⁰ «Request for Intelligence Information», 15 сентября 1948 года; «SKORZENY Movement», Headquarters, U. S. Constabulary, G-2, 10 декабря 1948 года; «German Nationalist Underground (Communist Penetration)», документ контрразведки армии США, 8 декабря 1948 года.

⁶¹ «SUBJECT», BARNES, Sidney U., Major USAR, 0—116600 (S), 18 октября 1955 года.

⁶² Еще одним бывшим офицером SS, занимавшимся вербовкой новых сотрудников «Организации Гелена», был доктор Эмиль Аугсбург, ранее работавший в «Институте Ванзее», где нацистское руководство строило планы по уничтожению евреев.

⁶³ Корсон цитируется в Oglesby, «The Secret Treaty of Fort Hunt».

⁶⁴ «РЕМЕР Отто-Эрнст (Биографический запрос)», 11 августа 1952 года, документ армии США. Национальные архивы, группа хранения 319, ящик 371, дело № XE062963, NND 931149.

⁶⁵ Интервью автора с Отто-Эрнстом Ремером, 16 апреля 1992 года. Если не указано иного, все высказывания Ремера взяты из указанного интервью.

⁶⁶ «Список подлежащих наблюдению германских генералов в английской и американской оккупационных зонах, а также на территории Великобритании», 3 апреля 1946 года, Национальные архивы, группа хранения 319, ящик 37, дело № ХЕ049474, «Список германских генералов».

⁶⁷ *Der Spiegel*, 5 декабря 1949 года.

⁶⁸ Thomas Alan Schwartz, *America's Germany*, стр. 47.

⁶⁹ Kurt Tauber, *Beyond Eagle and Swastika*, стр. 22.

⁷⁰ По состоянию на октябрь 1948 года 57% немцев все еще верили, что национал-социализм был «хорошей идеей, однако плохо реализованной». В исследовании, проведенном в том же году, только 20% полагало, что Германия ответственна за развязывание Второй мировой войны. Аналогичный процент поддерживал политику Гитлера в отношении евреев. Еще 19% в целом поддерживали ее, но полагали, что Гитлер зашел слишком далеко. (Bower, *Pledge Betrayed*, стр. 139; Charles Rand Lewis, *Right-wing Extremism*, стр. 80; Otto Dov Kulka, *History and Historical Prognoses*, в *Danger of Antisemitism* под редакцией Yehuda Bauer; см. также Anna J. and Richard L. Merritt, *Public Opinion in Occupied Germany*.)

⁷¹ Ernest Leiser, «The Blackshirts March Again», *Saturday Evening Post*, 31 мая 1952 года; Tauber, *Eagle and Swastika*, стр. 94; Roger Dow, «Report on the SRP (Sozialistische Reichspartei)», 1 декабря 1950 года, Документ Госдепартамента США № 762A.00/12–150 в отделе гражданских записей Национальных архивов.

⁷² Tauber, *Eagle and Swastika*, стр. 88.

⁷³ Ремер цитируется по «SRP Literature», *Wiener Library Bulletin*, май — август 1952 года.

⁷⁴ «Утверждения о проникновении Социалистической имперской партии в структуры английских обслуживающих подразделений», сообщение дипломатической службы США № 5843, 4 июня 1951 года, документ Госдепартамента США № 762A.00/6–451 в отделе гражданских записей Национальных архивов.

⁷⁵ Dow, «Report on the SRP (Sozialistische Reichspartei)»; «Weekly Political Report for Hamburg, Schleswig-Holstein and Lower Saxony», 22 февраля 1952 года, документ Госдепартамента США № 762A.00/2–2952 в отделе гражданских записей Национальных архивов.

⁷⁶ 11% — не такой большой результат по американским стандартам выборов, но он имеет значительный вес в странах с пропорциональным представительством. В подобной системе решающими для политического баланса и формирования правящей коалиции могут быть показатели, лишь ненамного превышающие 5%.

⁷⁷ Schwartz, *America's Germany*, стр. 216; Leon Fuller, «Major Political Trends in the German Federal Republic», 30 июня 1951 года, документ Госдепартамента США № 762A.00/6–3051 в отделе гражданских записей Национальных архивов.

⁷⁸ Schwartz, *America's Germany*, стр. 49.

⁷⁹ Schwartz, *America's Germany*, стр. 83; Jerome K. Holloway, Jr., «Forwarding Research Study on SRP», 16 мая 1951 года, документ Госдепартамента США № 762A.00/5–1651 в отделе гражданских записей Национальных архивов.

⁸⁰ Доклад Верховного комиссара США, цитируется в Tetens, *Germany Plots with the Kremlin*, стр. 105.

⁸¹ Т. Н. Tetens, *New Germany and the Old Nazis*, стр. 63.

⁸² Angelo Del Boca, Mario Giovana, *Fascism Today*, стр. 110; Tetens, *New Germany and the Old Nazis*, стр. 50–51.

⁸³ Сообщение *Die Welt* цитируется по Tetens, *New Germany and the Old Nazis*, стр. 40.

⁸⁴ Wistrich, *Who's Who in Nazi Germany*, стр. 93–94; Tetens, *New Germany and the Old Nazis*, стр. 37–40; Bower, *Pledge Betrayed*, стр. 356.

⁸⁵ Аденауэр признавал, что среди 383 сотрудников его ведомства 134 ранее состояли в партии нацистов, а 138 работали у фон Риббентропа. Вальтер фон Кубе, директор Баварской радиосети в свою очередь сообщил, что 85% лиц, занимавших руководящие посты в Министерстве иностранных дел Бонна, ранее были членами нацистской партии. (Tetens, *New Germany and the Old Nazis*, стр. 46–47; Michael Heinz-Mansfield, «You Have Returned, You Ghostly Creatures», *Frankfurter Rundschau*, 1–6 сентября 1951 года; Tauber, *Eagle and Swastika*, стр. 950.)

⁸⁶ Reinhard Gehlen, *The Service*, стр. 151.

⁸⁷ «German Saboteurs Betray U. S. Trust», *New York Times*, 10 октября 1952 года; Tauber, *Eagle and Swastika*, стр. 369–370, 1076, 1171; Simpson, *Blowback*, стр. 146–148; Jonathan Kwitny, «The CIA's Secret Armies in Europe», *The Nation*, 6 апреля 1992 года.

⁸⁸ Союз немецкой молодежи представлял собой западногерманский компонент поддерживавшейся ЦРУ сети подпольных формирований, покрывших своей сетью всю территорию некоммунистической Европы. В некоторых других странах эти сети также опирались на неонацистов и неофашистов. Во Франции в ее состав входил ряд известных коллаборационистов, таких как Рене Буске, возглавлявший полицию режима Виши, одобдившего в ходе Второй мировой войны депортацию французских евреев в лагерь смерти. Итальянские формирования, предназначенные для диверсий «на случай советской оккупации», включали бывших сотрудников тайной полиции Муссолини. В Греции члены так называемых «ячеек сопротивления» сыграли видную роль в государственном перевороте 1967 года, в результате которого к власти пришла ультраправая военная хунта. Турецкие структуры действовали в тесной связи с «Серыми волками» — известной своим насилием молодежной неонацистской группировкой. Подразделения, предназначенные для действий на оккупированной территории, имелись также в Португалии, Голландии, Бельгии, Дании, Люк-

сембурге и Великобритании, а также в якобы нейтральных странах, таких как Швеция и Австрия.

⁸⁹ Norris B. Chapman, «Bundestag Debate on BDJ Affair», 24 октября 1952 года, документ Госдепартамента США № 762A.00/10–2452 в отделе гражданских записей Национальных архивов; «Government Confirms Gladio Existence, Activities», Hamburg Deutsche Press Agency, 14 ноября 1990 года, цитируется Foreign Broadcast Information Service (Western Europe), 16 ноября 1990 года; Gehlen, *The Service*, стр. 187; Höhne, Zolling, *The General Was a Spy*, стр. 29, 30, 189–191, 323.

⁹⁰ Henry Ashby Turner, Jr., *Partition to Reunification*, стр. 8.

⁹¹ Del Boca, Giovana, *Fascism Today*, стр. 122.

⁹² Brewster H. Morris, «Ultra-Nationalist Organizations in Western Germany», 28 декабря 1950 года, документ Госдепартамента США № 762A.00/12–2850; Ernest E. Ramsaur, Jr., «SRP Electoral Campaign Activities in Bremen», 14 сентября 1951 года, документ Госдепартамента США № 762A.00/9–2151, оба хранятся в отделе гражданских записей Национальных архивов.

⁹³ Ramsaur, *SRP Electoral Campaign Activities in Bremen*; Tauber, *Eagle and Swastika*, стр. 713.

⁹⁴ Много общавшийся с американцами Шахт в конечном итоге разочаровался в Гитлере. После провала июльского путча 1944 года он ненадолго оказался в тюрьме. Это заключение стало важным аргументом, когда Шахту в ходе Нюрнбергского трибунала были предъявлены обвинения в военных преступлениях. У него в рукаве был и еще один козырь — он много знал о сделках, заключенных во времена Третьего рейха между немецкими промышленниками и их американскими и английскими партнерами. Юридические советники Госдепартамента США были в курсе этих событий и поэтому негласно помогали защите Шахта. В отличие от других нацистов, также находившихся под судом, Шахт был оправдан. Решение было вынесено, несмотря на доводы обвинителя Роберта Джексона, заявившего: «Немногие бизнесмены имели столь тесные, как Шахт, связи с режимом или занимали посты, позволявшие знать о политических планах и агрессивных намерениях, связанных с перевооружением страны». (Simpson, *Splendid Blonde Beast*, стр. 64–65, 228; Bower, *Pledge Betrayed*, стр. 320.)

⁹⁵ Harold Denny, «Germans Pour Agents into Spain in Last Stand Against Shift to Allies», *New York Times*, 17 января 1944 года. Peter Nadseri, «Spanish Activity, Re: Restaurant HORCHER, MADRID, Spain», 18 апреля 1948 года, документ контрразведки армии США, Национальные архивы, группа хранения 319, ящик 34, «Illegal Emigration to Spain, June 1946 — November 1948», NND 853108.

⁹⁶ Peter R. Renno, «Escape Organization to Spain, Re: Operation BRANDY», 13 февраля 1947 года, документ контрразведки армии США, Национальные архивы, группа хранения 319, ящик 34, «Illegal Emigration to Spain, June 1946 — November 1948»; NND 853108; *Newsweek*, 15 января 1945 года.

⁹⁷ Masurovsky, *Safehaven Program*, автореферат докторской диссертации в American University, стр. 40; Del Boca, Giovana, *Fascism Today*, стр. 78.

⁹⁸ Ivan B. White, «Speech of Dr. Hjalmar SCHACHT in Madrid, May 8, 1952», 10 июня 1952 года, документ Госдепартамента США № 762A.00/12–150 в отделе гражданских записей Национальных архивов.

⁹⁹ По данным аналитика Госдепартамента США Роджера Доу: «Ремер вышел на политическую сцену в 1949 году в тени Ялмара Шахта и других крупных нацистов». См. Dow, «Report on the SRP (Sozialistische Reichspartei)», and Ernest E. Ramsaur, Jr. «The SRP», 19 июля 1951 года, документ Госдепартамента США 762A.00/7—1951 в отделе гражданских записей Национальных архивов; Carl R. Hebbe, «Meetings in Rodenkirchen and Jaderberg», 12 января 1950 года, документ контрразведки армии США, Национальные архивы, группа хранения 319, ящик 371, дело № XE062963, NND 931149; Erna Paris, *Unhealed Wounds*, стр. 144.

¹⁰⁰ Del Boca and Giovana, *Fascism Today*; стр. 476n.

¹⁰¹ Интервью автора с Леоном Дегрелем, 23 мая 1993 года. Если не указано иного, все высказывания принадлежат Дегрелю.

¹⁰² «SS Colonel Otto SKORZENY, Alias Rolf Steinbauer», Информационный доклад разведки ВВС США, 28 июня 1951 года.

¹⁰³ «To: Director, FBI; From: LA, Madrid, Spain; Re: COLONEL OTTO SKORZENY, Internal Security — GE», 17 октября 1951 года.

¹⁰⁴ Omer Anderson, «Noted Adventurer Power Behind the Throne», *Montreal Star*, 3 марта 1960 года. Илзе Скорцени часто выезжала с деловыми поездками в США, Западную Германию и другие страны, официально недоступные для ее мужа. Она устраивала выгодные сделки с американскими военными поставщиками, такими как Honeywell. Она часто бывала в квартире у своей сестры в Нью-Йорке, завела знакомства среди видных представителей деловых кругов и шоу-бизнеса, включая телевизионного ведущего Арта Линклеттера. Благодаря своим связям ей удалось стать почетным членом нью-йоркского клуба женщин-республиканок. В ходе одного из своих приездов в середине 1950-х годов она безуспешно пыталась получить американскую визу для Отто.

¹⁰⁵ «OTTO SKORZENY, wa. Rolf Steinbauer», документ ФБР от 18 июля 1951 года; «To: Director, FBI; From: LA, Madrid, Spain; Re: COLONEL OTTO SKORZENY, Internal Security — GE», 17 октября 1951 года.

¹⁰⁶ «To: Director Central Intelligence; From John Edgar Hoover, Director Federal Bureau of Investigation; COLONEL OTTO SKORZENY, Internal Security — GE», 6 декабря 1951 года; «To: Director, FBI; From: LA, Madrid, Spain; Re: COLONEL OTTO SKORZENY, Internal Security — GE», 17 октября 1951 года; входящая телеграмма Макклоя Государственному секретарю от 17 августа 1950 года, документ Госдепартамента США 762A.00/10–3152 в отделе гражданских записей Национальных архивов.

¹⁰⁷ «To: Director, FBI; From: LA, Madrid, Spain; Re: COLONEL OTTO SKORZENY, Internal Security — GE», 17 октября 1951 года.

¹⁰⁸ Dennis Eisenberg, *Re-Emergence of Fascism*, стр. 207; Lawrence van Gelder, «Otto Skorzeny, Nazi Commando, Dead, Rescued Mussolini from Italian Peak», *New York Times*, 8 июля 1975 года. Сотрудники Госдепартамента США высказывали озабоченность тем, что определенная часть доходов от продажи мемуаров Скорцени использовалась на поддержку неонацистской деятельности в Германии (см. исходящую телеграмму из Франкфурта от 7 августа 1950 года, документ Госдепартамента США № 762A.52/8—750 в отделе гражданских записей Национальных архивов).

¹⁰⁹ David Clay Large, «Reckoning without the Past: The HI AG of the Waffen-SS and the Politics of Rehabilitation in the Bonn Republic, 1950—1961», *Journal of Modern History* 59 (март 1987 года); «Nationalist Journals», *Wiener Library Bulletin*, сентябрь — декабрь 1953 года; Tetens, *New Germany and the Old Nazis*, стр. 102.

¹¹⁰ Dow, *Report on the SRP (Sozialistische Reichspartei)*.

¹¹¹ Tetens, *New Germany and the Old Nazis*, стр. 78; «Weekly Political Report», 22 июня 1951 года, документ Госдепартамента США № 762A.00/6—2251 в отделе гражданских записей Национальных архивов.

¹¹² Charles Whiton, *Adenauer*, стр. 89; Del Boca, Giovana, *Fascism Today*, стр. 103; Large, *Reckoning without the Past*; Tauber, *Eagle and Swastika*, стр. 300—301.

¹¹³ Проведенный в 1953 году опрос общественного мнения показал, что более половины населения (55%) не соглашались с критикой поведения немецких солдат на оккупированных землях, и только 6% считали подобную критику оправданной. На следующий год, как сообщала газета «New York Times», «значительная часть, возможно, даже большинство, населения Германии и депутатов Бундестага были не согласны с доктриной германской вины».

¹¹⁴ Отдельные официальные лица США заблуждались, называя немецкую армию антигитлеровским бастионом. На самом деле она была естественным образом связана с SS. Известный исследователь Омер Бартов сказал об этом так: «Армию никто не принуждал поддерживать режим террором и запугиваниями. Ее не вовлекли в сотрудничество обманным путем силами меньшинства нацистов и оппортунистически настроенных офицеров, и она поддерживала режим не по ошибке, якобы не понимая истинных целей национал-социализма и его значения... Вермахт был армией народа, послушным инструментом режима в большей степени, чем какой-либо из его военных предшественников».

¹¹⁵ Cookridge, *Spy of the Century*, стр. 351.

¹¹⁶ Высших постов в военной иерархии НАТО достигли еще несколько высокопоставленных военных чинов Западной Германии. Среди них был и генерал Ганс Шпайдель, занимавший пост командующего сухопутными войсками Альянса. По данным Чарльза Аллена, к началу 1960-х годов на руководящих постах в НАТО находились свыше 200 немецких офицеров, из них по крайней

мере 18 были бывшими генералами вермахта (Höhne, Zolling, *The General Was a Spy*, стр. 87; Cookridge, *Spy of the Century*, стр. 351; Allen, *Heusinger*, стр. 9, 19, 208–209).

¹¹⁷ «Madrid Circular Letter» цитируется в Tetens, *Germany Plots with the Kremlin*, стр. 209–232.

¹¹⁸ Omer Anderson, «Noted Adventurer Power Behind the Throne», *Montreal Star*, 3 марта 1960 года.

¹¹⁹ Bird, *The Chairman*, стр. 320.

¹²⁰ Infield, *Secrets of the SS*, стр. 9.

¹²¹ «Personality Report — IV-10515 — ASCHENAUER, Rudolf», 2 сентября 1949 года, документ контрразведки армии США; «Malmedy Case (U. S. Senate Subcommittee Investigation)», 15 сентября 1949 года, документ контрразведки армии США, оба хранятся в отделе военных документов Национальных архивов, группа хранения 319, ящики 8А и 8В, дело № XE260416. Американские сторонники Маккарти предполагают, что сенатор мог быть обманут Ашенауэром, которого они ошибочно называют агентом коммунистов. См. также Richard Halwort Rovere, *Senator Joe McCarthy*, стр. 110–117; Thomas C. Reeves, *Life and Times of Joe McCarthy*, стр. 183–185; Fred J. Cook, *Nightmare Decade*, стр. 136–138.

¹²² Bower, *Pledge Betrayed*, стр. 354; Simpson, *Blowback*, стр. 46–49; Bird, *The Chairman*, стр. 369; общую информацию см. также Ingo Müller, *Hitler's Justice*. Среди тех, кто был амнистирован досрочно, была доктор Герта Оберхойзер, приговоренная к 20 годам заключения за свою роль в медицинских экспериментах, приведших к смерти свыше тысячи женщин — заключенных концентрационного лагеря Равенсбрюк. Она проводила хирургические операции по удалению конечностей или жизненно важных органов, а затем втирала в раны стекольную крошку или опилки. Освобожденная через год после того, как срок ее заключения был сокращен Макклоем, Оберхойзер вернулась к практике семейного врача в Шлезвиг-Гольштейне, оплоте SRP. Правительство Западной Германии даже предоставило ей грант на восстановление медицинской практики.

¹²³ Bower, *Pledge Betrayed*, стр. 316; Wistrich, *Who's Who in Nazi Germany*, стр. 179–181; интервью автора с Илзе Скорцени, 3 июня 1993 года.

¹²⁴ Schwartz, *America's Germany*, стр. 262.

¹²⁵ «Neutrality in Berlin», 19 мая 1952 года, документ Госдепартамента США № 762A.00/5–852 в отделе гражданских записей Национальных архивов; Schwartz, *America's Germany*, стр. 264.

¹²⁶ «Outline of factors bearing on the Western reply to the Soviet note on Germany», 14 марта 1952 года, документ Госдепартамента США № 762A.00/3–1452; «Neutrality in Berlin», оба в отделе гражданских записей Национальных архивов. Общую информацию см. также Carolyn Eisenberg, *Drawing the Line*.

¹²⁷ Edmund Taylor, «Germany: Where Fascism and Communism Meet», *Reporter*, 13 апреля 1954 года; Drew Pearson, «Reds, Nazis Renew Act», *Denver Post*, 31 марта 1954 года; *New York Times*, 20 марта 1950 года; «Weekly Political Report № 61», 27 марта 1952 года, документ Госдепартамента США № 762A.00/3—2752 в отделе гражданских записей Национальных архивов.

¹²⁸ Taylor, *Germany: Where Fascism and Communism Meet*.

¹²⁹ Paul Hockenos, *Free to Hate*, стр. 94—95; Tauber, *Eagle and Swastika*, стр. 191—192; Walter Laqueur, *Russia and Germany*, стр. 292; Charles Ashman, Robert J. Wagman, *The Nazi Hunters*, стр. 17; Bower, *Pledge Betrayed*, стр. 361. К 1950 году Западная Германия (состоявшая из бывших английской, французской и американской оккупационных зон) подвергла наказанию приблизительно 6500 нацистов. В то же самое время в два раза меньшая по размерам Германская Демократическая Республика осудила практически в два раза больше преступников. Всего в Югославии, России и Восточной Германии были осуждены приблизительно 25 тысяч военных преступников. Американцы осудили в Дахау и Нюрнберге 1814 военных преступников (в основном немцев), англичане — 1085, французы — 2107, голландцы — 197, норвежцы — 92, поляки — 5452.

¹³⁰ «Legislation to end and partially undo 'Denazification' in the Soviet Zone», 16 ноября 1949 года, документ Госдепартамента США № 862.00/11—1649 в отделе гражданских записей Национальных архивов; Höhne, Zolling, *The General Was a Spy*, стр. 243; Höttil, *Secret Front*, стр. 303; Simpson, *Blowback*, стр. 79n. Примеры ветеранов Третьего рейха, работавших в полицейских и разведывательных службах Восточной Германии: генерал-лейтенант абвера Рудольф Балмер возглавил отдел в штаб-квартире госбезопасности в Восточном Берлине; гауптштурмфюрер SS Луи Флагемейстер возглавлял занимавшееся допросами подразделение в Шверине; выходец из гестапо Йохан Занитцер также служил в подразделении полиции Восточной Германии.

¹³¹ Интервью автора с Отто-Эрнстом Ремером, 16 апреля 1992; интервью автора с Белой Эвальдом Альтхансом, 21 апреля 1992 года.

¹³² Dow, *Report on the SRP (Sozialistische Reichspartei)*; Brewster F.I. Morris, «Recent Activities of the Sozialistische Reichspartei», 11 мая 1951 года, документ Госдепартамента США № 762A.00/5—1051; «Report on the SRP», 12 апреля 1951, документ Госдепартамента США № 762A.00/1—25; La Verne Baldwin, «The Split in the SRP in North Rhine-Westphalia», 15 июня 1951 года, документ Госдепартамента США № 762A.00/6—1451; Cecil B. Lyon, «SRP in Berlin», 2 января 1952 года, документ Госдепартамента США 762A.00/1—252, все в отделе гражданских записей Национальных архивов. Эберхард Стем, один из берлинских организаторов SRP, покинул группу, узнав, что она получает помощь от Компартии Западной Германии. Флейнрих Кесеберг, возглавлявший региональное отделение SRP в земле Северный Рейн — Вестфалия, вышел из членов партии под предлогом того, что у него имелась масса доказательств сотрудничества с Востоком как Отто-Эрнста Ремера, так и Фрица Дорлса.

¹³³ Tauber, *Eagle and Swastika*, стр. 198, 888.

¹³⁴ Там же, стр. 151.

¹³⁵ Там же, стр. 122; «Weekly Political Report», 14 сентября 1951 года, документ Госдепартамента США № 762A.00/9–1451; «Quarterly Political Review», 5 октября 1951 года, документ Госдепартамента США № 762A.00/10–551; La Verne Baldwin, «History and aims of the Bruderschaft, with brief notes on ‘Chancellor’ Franke-Gricksch», 3 ноября 1950 года, документ Госдепартамента США 762A.00/11–350, все три в отделе гражданских записей Национальных архивов.

¹³⁶ Tauber, *Eagle and Swastika*, стр. 260–273; Roger Dow, «The Bruderschaft and the ВНЕ», 22 сентября 1950 года, документ Госдепартамента США № 762A.00/9–2250; Baldwin, «History and aims of the Bruderschaft», оба в отделе гражданских записей Национальных архивов; «Die Spinne», 30 августа 1951 года, документ контрразведки армии США.

¹³⁷ Robert T. Cowan, «Interview with Beck-Broichsitter and Dr. Achenbach of the Brotherhood (Bruderschaft)», 12 октября 1950 года, документ Госдепартамента США № 762A.00/10–1250; Robert T. Cowan, «Bruderschaft Activities: Conversation with Helmut Beck-Broichsitter, Bruderschaft leader», 20 ноября 1950 года, документ Госдепартамента США № 762A.00/11–2050, оба в отделе гражданских записей Национальных архивов; Tauber, *Eagle and Swastika*, стр. 260–273.

¹³⁸ Tauber, *Eagle and Swastika*, стр. 260–273; Cowan, «Bruderschaft Activities: Conversation with Helmut Beck-Broichsitter»; Robert T. Cowan, «Resignation of Helmut Beck-Broichsitter from the Bruderschaft», 2 марта 1951 года, документ Госдепартамента США № 762A.00/3–251, оба в отделе гражданских записей Национальных архивов.

¹³⁹ Tauber, *Eagle and Swastika*, стр. 1055.

¹⁴⁰ Столкнувшись с установленным Версальским договором ограничением по численности германской армии в 100 тысяч человек, генерал Ганс фон Сект, возглавлявший вооруженные силы Веймарской республики, с успехом провел масштабную операцию по обману западных держав, ошибочно полагавших, что идеологические разногласия сделают невозможным сколько-нибудь серьезное сотрудничество в военной области между капиталистической Германией и коммунистической Россией. Как отмечал историк Эдуард Халлетт Карр, фон Секту удалось достичь соглашения, в соответствии с которым офицеры немецкой армии проводили в Советском Союзе испытания новых образцов вооружения, а также готовили свои же войска, делясь при этом опытом с Красной армией. В обмен на военную помощь и содействие в восстановлении разрушенной советской экономики фон Сект получил доступ к бескрайним русским степям — идеальному полигону для подготовки танкистов и летчиков, а также для проведения совместных советско-германских учений, в том числе крупномасштабных. Крупные немецкие промышленники и банкиры, стремившиеся к организации сотрудничества с Советами, поддержали планы фон Секта. В гуще событий находился и Ял-

мар Шахт, проводивший деликатные переговоры о выдаче кредитов правительству большевиков. В то же самое время немецкие фирмы создавали на российской территории предприятия по выпуску отравляющих газов, танков, самолетов, тяжелых вооружений и взрывчатых веществ, что было запрещено Германией в соответствии с Версальским договором. Особую ловкость в деле подготовки к будущему вооружению Германии проявлял концерн Krupp Steel — ему принадлежало несколько заводов по производству боеприпасов, а также нефтяные концессии на Кавказе. Германия начала запускать пробные шары с целью постепенного возобновления дружеских отношений с западными державами. Компания Круппа также выступала за улучшение отношений с США, поскольку один из членов совета ее директоров являлся послом Германии в Вашингтоне. Вскоре общая сумма выданных Германии английских и американских займов превысила объем ее выплат по репарациям, установленным Версальским договором. Однако даже невзирая на то, что банки США накачивали немецкую экономику деньгами, две могучие силы — находившийся под прусским влиянием Генеральный штаб и возрожденный военно-промышленный комплекс — продолжали придерживаться геополитического альянса с Советским Союзом.

¹⁴¹ Mikhail Agursky, *The Third Rome*, стр. 300–303; Д. Г. Лоуренс цитируется в «The Lure of the East», *Wiener Library Bulletin*, апрель 1962 года.

¹⁴² Fritz Stern, *Politics of Cultural Despair*, стр. 22. См. также Rees, *Extreme Right Since 1890*, стр. 265–266; Roger Woods, «The Radical Right: The ‘Conservative Revolutionaries’ in Germany», в сборнике *Nature of the Right*, под редакцией Roger Eatwell, Noel O’Sullivan, стр. 124–145.

¹⁴³ Peter Fritzsche, *Rehearsals for Fascism*, стр. 227; Rees, *Extreme Right Since 1890*, стр. 200–202; «Nationalists Against Hitler», *Wiener Library Bulletin*, vol. xiii, nos. 1–2 (1959); Laqueur, *Russia and Germany*, стр. 163; Sebastian Haffner, *The Ailing Empire*, стр. 176. В 1932 году нацисты обозначили свой псевдоловый популизм, присоединившись к коммунистам в забастовке берлинских транспортников. На сделанной тогда же фотографии Геббельс запечатлен на трибуне рядом с одним из руководителей Коммунистической партии Германии Вальтером Ульбрихтом. На следующий год Гитлер объявил 1 мая национальным праздником.

¹⁴⁴ Whiton, *Adenauer*, стр. 153.

¹⁴⁵ Del Boca, Giovana, *Fascism Today*, стр. 104.

¹⁴⁶ Walter Russell Mead, «The Once and Future Reich», *World Policy Journal*, осень 1990 года, стр. 616; Джойс и Габриэль Колко цитируются у Hersh, *Old Boys*, стр. 370.

¹⁴⁷ Ladislav Farago, *Aftermath*, стр. 261.

¹⁴⁸ Jerome K. Holloway, Jr., «Remer Sentence: Bremen Reaction Is Against It», 1 июня 1951 года, документ Госдепартамента США № 762A.00/6–151 в отделе гражданских записей Национальных архивов.

¹⁴⁹ «Weekly Political Report», 15 июня 1951 года, документ Госдепартамента США № 762A.00/6–1551; Sam E. Woods, «Remer Conducts Two Week Organizational Campaign in Bavaria», 31 августа 1951 года, документ Госдепартамента США № 762A.00/8–3151; Halleck L. Rose, «Weekly Report for Hamburg, Schleswig-Holstein and Lower Saxony», 30 ноября 1951 года, документ Госдепартамента США № 762A.00/11–3051, все в отделе гражданских записей Национальных архивов. См. также «Motion of the Federal Government, represented by the Federal Minister of the Interior, versus Brigadier General Otto Ernst Remer ret.», стр. 24, 17 июня 1952 года, документ армии США в Национальных архивах, группа хранения 319, ящик 371, дело № XE062963, NND 931149.

¹⁵⁰ К восторгу своих сторонников, Ремер часто вспоминал о событиях 20 июля. Настойчиво утверждая, что причиной поражения Германии в войне было предательство, он называл попытку путча «пятном на чести немецкого офицерского корпуса». Опросы общественного мнения продемонстрировали раскол в отношении немцев к антигитлеровскому заговору: 30% населения были согласны с Ремером, осуждавшим заговорщиков, 40% были против. Отношение к Ремеру было тем барометром, который позволял определить политическую ориентацию жителя Западной Германии. (Wistrich, *Who's Who in Nazi Germany*, стр. 244–245; Tauber, *Eagle and Swastika*, стр. 1127n.)

¹⁵¹ «Motion of the Federal Government... versus Brigadier General Otto Ernst Remer ret.», стр. 23.

¹⁵² Tauber, *Eagle and Swastika*, стр. 714; «Weekly Political Report for Hamburg, Schleswig-Holstein and Niedersachsen», 19 сентября 1952 года, документ Госдепартамента США № 762A.00/9–1952 в отделе гражданских записей Национальных архивов.

¹⁵³ «Motion of the Federal Government... versus Brigadier General Otto Ernst Remer ret.», стр. 25, 28.

¹⁵⁴ Кейт Томпсон, письмо автору, 4 декабря 1995 года.

¹⁵⁵ O. John Rogge, *Official German Report*, стр. 14–15, 117; Susan Canedy, *America's Nazis*, стр. 129, 213; интервью автора с Кейтом Томпсоном, 10 ноября 1993 года. Если не указано иного, все высказывания Томпсона взяты из указанного интервью.

¹⁵⁶ Интервью автора с Кейтом Томпсоном; Кейт Томпсон, письмо автору от 4 декабря 1995 года. По словам Томпсона, порядка пяти банковских счетов ODESSA управлялись «преданными людьми» в нескольких странах.

¹⁵⁷ Письмо Кейта Томпсона Дину Ачесону от 24 июня 1952 года, письма Кейта Томпсона Аденауэру от 19 мая 1952 года и 17 сентября 1952 года. Хранятся в фонде Кейта Томпсона отдела специальных собраний Гуверовского института; Norris B. Chapman, «Committee for the Freedom of Major General Remer», 25 июня 1952 года, документ Госдепартамента США № 762.00/6–2552 в отделе гражданских записей Национальных архивов.

¹⁵⁸ Письмо Кейта Томпсона доктору Герхарду Крюгеру от 13 сентября 1952 года, письмо Отто-Эрнста Ремера Кейту Томпсону от 23 октября 1952 года. Хранятся в фонде Кейта Томпсона отдела специальных собраний Гуверовского института.

¹⁵⁹ Интервью автора с Кейтом Томпсоном; см. также записку Кейта Томпсона Кейту Стимли от 10 апреля 1986 года. Хранится в фонде Кейта Томпсона отдела специальных собраний Гуверовского института.

¹⁶⁰ «Neo-Nazis Still Alive, Agent Active in U. S.», *New York Post*, 13 октября 1952 года.

¹⁶¹ Charles Thayer, *Farther Shores of Politics*, стр. 59.

¹⁶² *National Renaissance Bulletin*, май 1953 года.

¹⁶³ John George, Laird Wilcox, *Nazis, Communists, Klansmen and Others*, стр. 352.

¹⁶⁴ Комиссия Палаты представителей Конгресса США по расследованиям антиамериканской деятельности, *Preliminary Report on Neo-Fascist and Hate Groups*, 17 декабря 1954 года, стр. 8.

¹⁶⁵ *Prevent World War III*, лето 1957 года.

¹⁶⁶ *National Renaissance Bulletin*, октябрь 1952 года, цитируется Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности в *Preliminary Report on Neo-Fascist and Hate Groups*.

¹⁶⁷ Интервью автора с Кейтом Томпсоном; см. также интервью Кейта Томпсона с Кейтом Стимли 13 марта 1986 года. Хранится в фонде Кейта Томпсона отдела специальных собраний Гуверовского института.

¹⁶⁸ Не озаглавленный меморандум отдела ФБР по Балтимору, 20 мая 1954 года; «Francis Parker Yockey, was.», ФБР, отдел по Чикаго, 20 февраля 1956 года.

¹⁶⁹ «Francis Parker Yockey, was., Francis Dowe, Franz, Frank Nealy...», ФБР, отдел по Чикаго, 8 июля 1954 года; «Francis P. Yockey alias Ulick (also Ulik) Varange», письмо директора ФБР Джона Эдгара Гувера директору ЦРУ, 5 января 1952 года; «Francis Parker Yockey, was.», ФБР, отдел по Чикаго, 20 февраля 1956 года. Легион серебряных рубашек был основан 31 января 1933 года Уильямом Дадли Пелли. Это произошло на следующий день после прихода Гитлера к власти. 15 тысяч последователей Пелли были одеты в серебристые рубашки, голубые вельветовые шорты и золотые носки. На встрече Германо-американского союза в Лос-Анджелесе один из членов организации заявил, что придет время, когда на каждом фонарном столбе и дереве в стране будет повешено по еврею. В 1942 году Пелли был заключен в тюрьму за антиправительственную деятельность.

¹⁷⁰ «Yockey, Francis Parker; Jockey, Francis», документ армейской разведки США, 4 октября 1951 года; «Francis Parker Yockey, was., Registration Act 1950, Passport and Visa Matters», ФБР, отдел по Вашингтону, 16 декабря 1954 года.

¹⁷¹ «Francis Parker Yockey, was...», ФБР, отдел по Чикаго, 8 июля 1954 года; «Francis Parker Yockey, Egidio Boschi, Security Matter», ФБР, отдел по Сент-Луису, 28 декабря 1951 года; «Francis Parker Yockey», ФБР, отдел по Чикаго, 3 июля 1952 года.

¹⁷² «Yockey, Francis Parker», документ ЦРУ, 8 февраля 1950 года; «Francis P. Yockey alias Ulick (also Ulik) Varange», 5 января 1952 года; Н. Keith Thompson, набросок для *Expose*, хранится в фонде Кейта Томпсона отдела специальных собраний Гуверовского института.

¹⁷³ John C. Obert, «Yockey: Profile of an American Hitler», *The Investigator*; сентябрь 1981 года; «Yockey, Francis Parker, aka Jockey, Francis, Jockey, Franz, with alias Varange, Ulick», документ армейской разведки США, 16 января 1950 года.

¹⁷⁴ Ulick Varange, *Imperium*, стр. 618.

¹⁷⁵ Там же, стр. 142.

¹⁷⁶ Там же, стр. 437.

¹⁷⁷ Там же, стр. 222–223, 228; Obert, «Yockey: Profile of an American Hitler»; см. также Richard Thurow, «Destiny and Doom: Spengler, Hitler and 'British' Fascism», *Patterns of Prejudice* 15, № 4 (1981).

¹⁷⁸ *Imperium*, стр. 391, 497.

¹⁷⁹ Там же, стр. 533, 608, 617. Wehland G. Steenken, S/A, «Yockey, Francis Parker; Jockey, Francis», 66 отряд контрразведки США, 4 октября 1951 года; Charles W. Lutman, S/A, «Yockey, Francis Parker», 66 отряд контрразведки США, 25 февраля 1952 года; «Francis Parker Yockey, was.», ФБР, отдел по Детройту, 2 марта 1953 года.

¹⁸⁰ Анализ «Империи» Йоки см. в Frank P. Mintz, *The Liberty Lobby*, стр. 24–31.

¹⁸¹ *Imperium*, стр. 595.

¹⁸² Мосли цитируется в Del Boca, Giovana, *Fascism Today*, стр. 261.

¹⁸³ Дополнительные подробности отношений Йоки с Мосли приводятся в Richard Thurow, *Fascism in Britain*, а также Robert Skidelsky, *Oswald Mosley*.

¹⁸⁴ Anthony Gannon, «Francis Parker Yockey, 1917–1960: A Remembrance of the author of *Imperium* (Ulick Varange)». Хранится в фонде Кейта Томпсона отдела специальных собраний Гуверовского института. Все цитаты Гэннона приводятся по указанному источнику.

¹⁸⁵ Письмо Питера Хаксли-Блита в ФБР, 2 октября 1961 года.

¹⁸⁶ Не имеющий заголовка доклад ФБР, отдел по Балтимору, 4 ноября 1952 года; Francis Parker Yockey, *Enemy of Europe*, стр. 42; интервью автора с Отто-Эрнстом Ремером, 16 апреля 1992 года.

¹⁸⁷ «Changed», ФБР, отдел по Балтимору, 26 сентября 1952 года; Gannon, «Francis Parker Yockey, 1917–1960». Хранится в фонде Кейта Томпсона отдела специальных собраний Гуверовского института.

¹⁸⁸ Западные союзники не обладали скоординированным планом послевоенного искоренения и наказания итальянских коллаборационистов. Ситуация развивалась параллельно с аналогичными процессами в Восточной Германии: подавляющее большинство арестованных итальянских фашистов было быстро выпущено на свободу в рамках всеобщей амнистии. На волю вышли даже лица, обвинявшиеся в пытках. Не было предпринято попыток наказать руководителей итальянской промышленности, извлекавших большие выгоды из своей близости к фашистскому режиму. Серьезного очищения проведено не было, что обеспечило выживание большей части старой фашистской бюрократии. При неявной поддержке со стороны США целый ряд фашистских чиновников в правительственных структурах сохранил свои посты. Это относилось, например, к фашистским судьям, во многом сохранился и принятый при фашистах Уголовный кодекс. В результате в правительстве и обществе сохранялись фашистские тенденции — в особенности заметные в вооруженных силах и спецслужбах. Некоторые из их сотрудников были сразу переведены из подчинения дуче в ориентированные на Атлантический союз шпионские структуры, хотя эта деятельность и не отличалась таким масштабом, как у «Организации Гелена» в Западной Германии. Гвидо Лето, бывший глава полиции Республики Сало, возглавил после войны итальянские полицейские училища, а послевоенный министр внутренних дел Марио Шельба принял на работу ряд ветеранов OVRA — секретной полиции Муссолини. Придерживавшиеся тактики «бей-беги» печально известные *celere* (ударные группы) Сцелба действовали против Коммунистической партии, игравшей ведущую роль в профсоюзном движении страны в первые послевоенные годы. Историк Пол Гинзбург сообщал: «В 1960 году было подсчитано, что 62 из 64 префектов — представителей центрального правительства в провинциях — начали свою административную карьеру при фашистах. То же самое можно было сказать о всех 135 начальниках полиции и их 139 заместителях. Только пятеро из последних в той или иной степени участвовали в движении Сопrotивления».

¹⁸⁹ Jeffrey Bale, «Right-wing Terrorists and the Extraparliamentary Left in Post-World-War 2 Europe: Collusion or Manipulation?», *Berkeley Journal of Sociology*, vol. xxxii (1987).

¹⁹⁰ Впервые выдвинутая в начале 1920-х годов австрийским графом Рихардом Куденхове-Калерги доктрина панъевропейства отражала существовавшие в обществе мечты об объединявшей весь континент конфедерации. Эта цель рассматривалась целым рядом мыслителей, включая испанца Мигеля де Унамуну и немца Германа Кайзерлинга. Однако для многих радикальных националистов панъевропейская идея отдавала космополитизмом и, следовательно, была крайне подозрительна. До некоторой степени ироничным выглядит тот факт, что лозунг объединенной Европы стал, пожалуй, самым успешным орудием нацистской пропаганды после разгрома под Сталинградом. Йозеф Геббельс начал пропагандировать своего рода еврофашизм, где защита дела нацизма стала общей задачей для всех представителей белой расы господ, сражающихся за родной континент. Он постарался приглушить тему славян-недочеловеков,

уделив больше внимания спасению «Европы» от азиатских орд. Поэтому послевоенные фашисты имели хороший прецедент для того, чтобы включить концепцию «единой Европы» в свой ревизионистский арсенал.

¹⁹¹ Американский посол Грэм Мартин передал 800 тысяч долларов Вито Мичели, главе итальянской военной разведки, с тем чтобы использовать эти средства в предвыборной кампании 1972 года против итальянских коммунистов. В то время Мичели был «очевидным образом связан с правыми антидемократическими элементами». Об этом говорилось в отчете Конгресса США о деятельности ЦРУ. Через несколько лет Мичели успешно выступил на парламентских выборах в качестве кандидата от MSI. Генерал Джованни ди Лоренцо, еще один бывший руководитель итальянской разведки, также стал в середине 1970-х годов депутатом от MSI. Тогда неонацистскую партию возглавлял Джорджо Альмиранте, бывший член кабинета министров Республики Сало Муссолини. Хотя Альмиранте рассматривал демократию в качестве «заразной болезни мозга», в сентябре 1975 года он встретился в Вашингтоне с представителями Совета национальной безопасности США. Сердечный прием, оказанный Альмиранте, представлявшим MSI как наиболее прочный антикоммунистический бастион Италии, широко освещался европейской прессой, вызвав критику контактов американского правительства с известными неонацистами.

¹⁹² Письмо Дину Ачесону от Кейта Томпсона, Комитет за освобождение генерал-майора Ремера от 15 октября 1952 года, документ Госдепартамента США № 762.00/10—1552 в отделе гражданских записей Национальных архивов. Джеймс Мадоле, руководитель Партии национального возрождения, входил в совет директоров Американского комитета за выживание западной культуры; в число американских советников комитета входил Фредерик Вайсс, глава издательства LeBlanc Publications; в число почетных советников были включены известные иностранные фашисты — Освальд Пиров из Южной Африки и Эрвин Шенборн, редактор немецкого неонацистского издания «Nation Europa».

¹⁹³ Drew Pearson, «Reds, Nazis Renew Act», *Washington Post*, 31 марта 1954 года. Комментарий Пирсона обобщал саморазоблачение Эдмунда Тейлора «Germany: Where Fascism and Communism Meet», *Reporter*, 13 апреля 1954 года.

¹⁹⁴ В ходе двух мировых войн Вирик выступал пропагандистом немецких идей. Для него Гитлер был «гением» вне зависимости от того, какую идеологию он исповедовал. Вирик писал статьи в несколько расистских изданий Соединенных Штатов. В имевшем название «Social Justice» («Социальная справедливость») отца Кофлина Вирик представлял фашизм в качестве необходимого противоядия распространению коммунизма в Европе. Когда немецкие войска вошли в Чехословакию, Вирик защищал вторжение как «исправление отдельных несправедливостей Версаля». «Никто в нашей стране не защищал дела нацизма с большей эффективностью, чем Вирик», — утверждал помощник генерального прокурора Джон Рогге, участвовавший в «Большом суде об антиправительственной деятельности» 1944 года, где также рассматривались дела ведущих представителей профашистского изоляционистского движения Аме-

рики. (Niel M. Johnson, *George Sylvester Viereck*, стр. 169, 194, 204, 215, 236, 255; G. S. Vierick, «Mussolini Knew... Twelve Years Ago», *Social Justice*, 9 мая 1938 года; G. S. Vierick, «The 'Messiah' in the Sealed Car», *Social Justice*, 6 июня 1938 года; Rogge, *Official German Report*, стр. 159.)

¹⁹⁵ Интервью автора с Кейтом Томпсоном.

¹⁹⁶ «Changed: Francis Parkey Yockey, was. Frank Yockey; Egidio Boschi», ФБР, отдел по Балтимору, 2 марта 1953 года.

¹⁹⁷ Louis Rapoport, *Stalin's War*, стр. 140–141.

¹⁹⁸ «Changed: Francis Parker Yockey, was.», ФБР, отдел по Чикаго, 24 ноября 1953 года.

¹⁹⁹ «What is Behind the Hanging of the Eleven Jews in Prague?», *National Renaissance Bulletin*, декабрь 1952 года.

²⁰⁰ Интервью автора с Кейтом Томпсоном.

²⁰¹ «What is Behind the Hanging of the Eleven Jews in Prague?»

²⁰² William Goring, «The National Renaissance Party», 1970 год (рукопись, размноженная на mimeографе).

²⁰³ Arnold Forster, Benjamin R. Epstein, *Cross-Currents*, стр. 208.

²⁰⁴ См. например, «Common Sense». Это издававшееся Конде Макгинли в Нью-Джерси расистское издание поздравило Кремль с ударом по еврейской угрозе: «Сталинисты представляют исконный русский национализм. Троцкисты — интересы нью-йоркских евреев».

²⁰⁵ «Francis Parker Yockey», ФБР, отдел по Чикаго, 7 февраля 1955 года; «Francis Parker Yockey», ФБР, отдел по Чикаго, 24 июня 1958 года.

²⁰⁶ Интервью автора с Илзе Скорцени, 3 июня 1993 года.

²⁰⁷ Gerald L. Posner and John Ware, *Mengele*, стр. 104–107; Gabriel Escobar, «Documents Show Evidence Argentina Aided Escaped Nazis», *Washington Post*, 8 декабря 1996 года; Bronwen Maddox, «US documents show Nazis hid £1 bn hoard in Argentina», *The Times* (London), 4 декабря 1996 года.

²⁰⁸ «Perón and the Dissident Communists», July 31, 1952 года, документ Госдепартамента США № 735.00/7–3152. «Муссолини был одним из величайших людей нашего века, — заявил Перон, — однако он допустил несколько грубейших ошибок. Я, имея перед глазами его опыт, последую тем же путем, однако избегну его ошибок».

²⁰⁹ «Hans Ulrich Rudel, World War II Ace Decorated by Nazis», *New York Times*, 21 декабря 1982 года. Дополнительную информацию о Руделе см. Wistrich, *Who's Who in Nazi Germany*, стр. 259–260, а также Rees, *Extreme Right Since 1890*, стр. 334.

²¹⁰ Kruger, *Over the Green Border*; интервью автора с Илзе Скорцени.

²¹¹ Рудель цитируется по Simpson, *Blowback*, стр. 179.

²¹² Kruger, *Over the Green Border*; см. также Richard Plant, *The Pink Triangle*.

²¹³ Ralph Blumenthal, «Papers Indicate Mengele May Have Been Held and Freed After War», *New York Times*, 23 января 1985 года; «3 Nations Joining to Hunt Mengele», *New York Times*, 11 мая 1985 года; Posner, Ware, *Mengele*, стр. 137, 169, 211.

²¹⁴ Notimex News Service, 2 марта 1992 года. Йозеф Швамбергер, известный как «польский массовый убийца» за зверства, совершенные им в бытность гауптштурмфюрером SS в трудовых лагерях, безбедно прожил несколько десятков лет в Аргентине. (См. Aaron Freiwald, *The Last Nazi*.)

²¹⁵ Hersh, *Old Boys*, стр. 182; Simpson, *Blowback*, стр. 180; см. также Vladimir Dedijer, *Yugoslav Auschwitz and the Vatican*. По данным документа армии США от 12 сентября 1947 года, «связи Павелича столь высоки и его нынешнее положение настолько компрометирует Ватикан, что любая попытка его экстрадиции нанесет сильнейший удар римско-католической церкви».

²¹⁶ Joseph Page, *Perón*, стр. 90, 347.

²¹⁷ «German Nazis Rally in South America», *Wiener Library Bulletin*, январь 1950 года; George de Monteverde, «German-language Magazine Der Weg», 24 мая 1950 года, документ Госдепартамента США № 762.5235/5—2450 в отделе гражданских записей Национальных архивов.

²¹⁸ Meskil, *Hitler's Heirs*, стр. 90.

²¹⁹ Интервью автора с Кейтом Томпсоном; *Der Weg*, февраль 1955 года; см. также переписку Руделя с Кейтом Томпсоном, хранящуюся в фонде Кейта Томпсона отдела специальных собраний Гуверовского института.

²²⁰ *Der Weg*, февраль 1953 года; «Activities of ex-Luftwaffe Ace Oberst Rudel in Argentina», 4 декабря 1950, документ Госдепартамента США № 762A.52/12—450 в отделе гражданских записей Национальных архивов; *Prevent World War III*, лето 1957 года; Anthony Gannon, «Francis Parker Yockey, 1917—1960». Хранится в фонде Кейта Томпсона отдела специальных собраний Гуверовского института.

²²¹ См. дело Руделя в военном отделе Национальных архивов, группа хранения 319, дело № 308 XE153440.

²²² Ernest E. Ramsaur, Jr., «Rudel, the Freikorps and the SRP», 6 июня 1952 года, документ Госдепартамента США № 762A.00/6—652 в отделе гражданских записей Национальных архивов.

²²³ Andrew G. Lynch, «Rudel Launches DRP Campaign in Oldenburg», 15 марта 1955 года, документ Госдепартамента США № 762A.00/3—1555 в отделе гражданских записей Национальных архивов; Meskil, *Hitler's Heirs*, стр. 179.

²²⁴ «Prison Break Plot Revealed», *New York Times*, 21 марта 1953 года. Кейт Томпсон утверждал, что по его просьбе Фрэнсис Паркер Йоки лично отвез документы с техническим обоснованием возможного внезапного нападения на тюрьму Шпандау одному из людей Руделя в Западной Германии.

²²⁵ Tauber, *Eagle and Swastika*, стр. 471.

²²⁶ Там же, стр. 160, 200, 201, 770, 837, 1129, 1328; Ernest E. Ramsaur, Jr., «Right Radicalism: Periodical Die Nation», 23 сентября 1954 года, документ Госдепартамента США № 762A.00/9–2354 в отделе гражданских записей Национальных архивов.

²²⁷ «French Right-wing's 'Crisis of Identity,'» *Wiener Library Bulletin*, март — апрель 1978 года; Skidelsky, *Oswald Mosley*, стр. 492.

ЧАСТЬ II

¹ Tauber, *Eagle and Swastika*, стр. 1111; Rees, *Extreme Right Since 1890*, стр. 362; Cookridge, *Spy of the Century*, стр. 353; интервью автора с Илзе Скорцени, 3 июня 1993 года.

² Robert S. Wistrich, *Hitler's Apocalypse*, стр. 172, 282n; Janet, John Wallach, *Arafat*, стр. 67; John Roy Carlson, *Cairo to Damascus*, стр. 112.

³ Philip Mattar, *Mufti of Jerusalem*, стр. 100; William Stadiem, *Too Rich*, стр. 8, 195–196, 208; John Weitz, *Hitler's Diplomat*, стр. 228; Del Boca, Giovana, *Fascism Today*, стр. 395.

⁴ H. M. Nahmad, «The Third Reich and the Arab East», *Wiener Library Bulletin*, весна 1967 года; Paris, *Unhealed Wounds*, стр. 168.

⁵ Mattar, *Mufti of Jerusalem*, стр. 104–105; Robert S. Wistrich, *Antisemitism*, стр. 245; Carlson, *Cairo to Damascus*, стр. 420; Wallach, *Arafat*, стр. 62. После войны отдельные сионистские пропагандисты в своем стремлении обвинить Великого муфтия в причастности к военным преступлениям преувеличивали его вклад в дело фашистов. В то же время МИД Великобритании пришел к выводу, что муфтий «не был виновен в зверствах по отношению к евреям». Хотя отрицать его тесную связь с наиболее зловещим режимом современности невозможно, в основе его сотрудничества с нацистской Германией лежала не столько единая политическая идеология, сколько антипатия к общим врагам. В этом отношении мотивы муфтия не слишком отличались от мотивов, заставлявших действовать членов «Иргун цвай леуми» Менахема Бегина или «Банды Штерна» Ицхака Шамира — обе эти сионистские террористические группы действовали против англичан в Палестине. В годы войны они также запускали «пробные шары» в страны Оси. Через много лет представитель «Банды Штерна» заявил: «Нашим долгом была война с врагом. То, что мы прибегли к помощи нацистских угнетателей, было оправданно. В этом случае они были врагами наших врагов — англичан». Представители «Банды Штерна» одобряли идею нацистов о Европе, свободной от евреев, лоббируя интересы эмиссаров Гитлера, поддерживавших создание тоталитарного еврейского государства, которое было бы связано договором с Третьим рейхом. Не понимая категоричной природы

нацистского антисемитизма, люди из «Банды Штерна» пытались убедить людей Гитлера в том, что их организация «тесно связана с тоталитарными движениями Европы идеологически и организационно». Позднее Менахем Бегин признал, что Всемирная сионистская организация послала Гитлеру телеграмму с соболезнованиями в связи с кончиной президента Германии Гинденбурга. Как Бегин, так и бывший член «Банды Штерна» Ицхак Рабин позднее стали премьер-министрами государства Израиль.

⁶ Tauber, *Eagle and Swastika*, стр. 1114–1115. Среди первых немцев, прибывших после войны в Египет, был целый ряд лиц, имевших все основания для того, чтобы скрываться. Среди них были бригадефюрер SS Оскар фон Дирлевангер и Вилли Бренер, принимавший активное участие в создании концентрационного лагеря Маутхаузен. Позднее к ним присоединился еще один ээсовец — Хайнрих Виллерман, возглавлявший медицинскую службу Дахау.

⁷ James Sheldon, «Middle East Caldron», *Prevent World War III*, № 47 (1955); «German Advisors with Egyptian Armed Forces», сообщение дипломатической службы из Каира, № 1211, 20 декабря 1952 года, хранится в документах Госдепартамента, находящихся в филиале Национальных архивов в Сьютленде, штат Мэриленд; «The German Influence Behind the Egyptian Revolt», *Newsweek*, 25 августа 1952 года.

⁸ Del Boca, Giovana, *Fascism Today*, стр. 398.

⁹ Miles Copeland, *Game of Nations*, стр. 103; Cookridge, *Spy of the Century*, стр. 352.

¹⁰ Copeland, *Game of Nations*, стр. 104.

¹¹ Cookridge, *Spy of the Century*, стр. 353; Copeland, *Game of Nations*, стр. 104.

¹² Gehlen, *The Service*, стр. 260; Cookridge, *Spy of the Century*, стр. 353; Simpson, *Blowback*, стр. 251; Copeland, *Game of Nations*, стр. 96.

¹³ Gehlen, *The Service*, стр. 203; «Germans in Egypt», *Wiener Library Bulletin*, май — август 1953 года.

¹⁴ Francis Parker Yockey, *The Destiny of America* (Reedy, West Va.: Liberty Bell Publications, 1981), стр. 16; «Francis Parker Yockey, aka...», документ Госдепартамента США от 7 августа 1953 года; «Francis Parker Yockey, with aliases», документ ФБР от 7 октября 1953 года, от Эдгара Гувера помощнику начальника штаба по разведке (G-2).

¹⁵ Интервью автора с Отто-Эрнстом Ремером, 16 апреля 1992 года.

¹⁶ См. документы армейской разведки США по Ремеру. Национальные архивы, группа хранения 319, ящик 371, дело № XEO62963, NND 931149; Tauber, *Eagle and Swastika*, стр. 1114–1116.

¹⁷ Otto-Ernst Remer, «Deutschland und die Arabische Welt», *Der Weg*, июнь 1953 года.

¹⁸ Интервью автора с Отто-Эрнстом Ремером; George L. West, Jr., «Evidence of German Desire for US Support in Egypt», 24 апреля 1953 года, документ Госдепартамента США № 762.52.00/4—2453 в отделе гражданских записей Национальных архивов; документы армейской разведки США по Ремеру. Национальные архивы, группа хранения 319, ящик 371, дело № XEO62963, NND 931149.

¹⁹ Wallach, *Arafat*, стр. 70—71; интервью автора с Отто-Эрнстом Ремером.

²⁰ Интервью автора с Кейтом Томпсоном; Tauber, *Eagle and Swastika*, стр. 1110.

²¹ Wistrich, *Who's Who in Nazi Germany*, стр. 187; *Wiener Library Bulletin*, vol. xiv, № 2 (1960); Tauber, *Eagle and Swastika*, стр. 1112; Andrew and Leslie Cockburn, *Dangerous Liaison*, стр. 52. Работая в геббельсовском Министерстве пропаганды, Йоханн фон Леерс одобрил публикацию десятков гнусных антисемитских книг, призывавших к физическому уничтожению всех евреев. Среди них были «The Criminality of Jews», «History on a Racial Basis», «Blood and Race in Legislation» и «The Jews Are Watching You» («О преступности евреев», «Расовые основы истории», «Кровь и раса в законодательстве», «Евреи следят за тобой»). После войны он провел 18 месяцев в американском лагере для интернированных лиц. Выйдя на свободу, фон Леерс встретился с Отто-Эрнстом Ремером и затем отправился по северной «крысиной тропе» через Скандинавию в Буэнос-Айрес, где стал одним из редакторов «Der Weg». Через несколько лет Великий муфтий организовал ему торжественную встречу в Каире. Убеденный в том, что христианство — это не более чем искаженный вариант иудаизма, фон Леерс выплеснул свою ярость в нескольких письмах Кейту Томпсону, своему соратнику в Нью-Йорке. «Если и существует какая-то надежда освободить мир от еврейской тирании, — полыхал гневом Леерс, — то это мусульмане, последовательные противники сионизма, колониализма и империализма». Томпсон и фон Леерс поддерживали оживленную переписку до самой смерти последнего в марте 1965 года. Однажды фон Леерс даже пытался убедить своего американского друга стать его литературным агентом, однако Томпсон полагал, что полный гипербол стиль фон Леерса не придется по вкусу американской аудитории. Фон Леерс с удовольствием прибегал к цветастым фразам, например: «Жестокая тирания свиньи Аденауэра, да лишит Аллах его зрения!» или «Дьявольская клика Бонна, которую Аллах испепелит в грядущем атомном пожаре».

²² «Nazis in Cairo», *Patterns of Prejudice*, май — июнь 1967 года; Wistrich, *Antisemitism*, стр. 254. Еще одно издание «Протоколов» было выпущено в 1966 году Шауки Абдель Насером, братом президента Египта.

²³ Gil Carl Alroy, «The Arab Myth of Zionism», *Patterns of Prejudice*, ноябрь — декабрь, 1970 года; *Manchester Guardian*, 5 февраля 1957 года, цитируется в «Germans in Egypt», *Wiener Library Bulletin*, vol. xi, nos. 1—2 (1957).

²⁴ *The Times* (London), 30 мая 1953 года, и *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 16 июня 1953 года, цитируются в *Wiener Library Bulletin*, май — август 1953 года.

²⁵ Wallach, *Arafat*, стр. 85; интервью автора с Илзе Скорцени. См. также Infield, *Skorzeny*, стр. 237.

²⁶ «Nazis in Cairo»; Tauber, *Eagle and Swastika*, стр. 1114.

²⁷ Ian Black and Benny Morris, *Israel's Secret Wars*, стр. 118–119; Joel Beinin, *Was the Red Flag Flying There?*, стр. 11.

²⁸ Irving Sedar and Harold Greenberg, *Behind the Egyptian Sphinx*, стр. 60; Infield, *Skorzeny*, стр. 210.

²⁹ Насера цитирует Mohamed Heikal, *Sphinx and the Commissar*, стр. 55.

³⁰ Beinin, *Was the Red Flag Flying There?*, стр. 153; Hashim S. H. Behbehani, *The Soviet Union and Arab Nationalism*, стр. 133.

³¹ Roger Faligot, Remi Kauffer, *Le Croissant et la Croix Gammée*, стр. 182. Выбор Чехословакии в качестве поставщика оружия представляется очередной иронией судьбы, принимая во внимание роль этой страны в поставках жизненно необходимых вооружений Израилю вскоре после возникновения этого государства в 1948 году. С одобрения Советского Союза, быстро признавшего еврейское государство, несколько сотен израильтян прошли подготовку на чехословацких военных объектах. В это время арабские армии проводили интенсивные столкновения с еврейскими силами. Поддержка Израиля Кремлем на раннем этапе существования нового государства являлась частью стратегии по подрыву влияния Великобритании в регионе. Через несколько лет это влияние исчезло, а русские начали решительный разворот в сторону арабов в их конфликте с Израилем. (Cockburn, *Dangerous Liaison*, стр. 21; Black, Morris, *Israel's Secret Wars*, стр. 77; Heikal, *Sphinx and the Commissar*, стр. 52.)

³² Simpson, *Blowback*, стр. 78–79; Sedar, Greenberg, *Behind the Egyptian Sphinx*, стр. 70–74. Один из коллег Гроббы по ведомству фон Риббентропа, Вернер-Отто фон Хентиг, служил в качестве официального посланника Бонна в Индонезии, возглавлявшейся Сукарно, а затем сопровождал делегацию Саудовской Аравии на встречу неприсоединившихся стран, проходившую в 1965 году в Бандунге. По сообщению журнала «Der Spiegel», фон Хентиг регулярно связывался с Москвой, продвигая германо-советское сотрудничество на Ближнем Востоке.

³³ *Der Spiegel*, 26 октября 1955 года, цитируется в James Sheldon, «Middle East Oildron», *Prevent World War III*, № 47, 1955; «German Advisors with Egyptian Armed Forces», сообщение дипломатической службы из Каира, № 1211, 20 декабря 1952 года, хранится в документах Госдепартамента, находящихся в филиале Национальных архивов в Сьютленде, штат Мэриленд.

³⁴ Jefferson Caffery, «German Ambassador re: Dr. Wilhelm Voss and International Nazi-Communist Organization», 10 апреля 1953 года, документ Госдепартамента США № 762.5200/4–1053 в отделе гражданских записей Национальных архивов.

³⁵ Tauber, *Eagle and the Swastika*, стр. 1114–1116.

³⁶ J. Roland Jacobs, «Alleged clandestine group engaged in returning former Waffen SS officers to Germany, and planning an anti-American riot in Tehran», 2 марта

1953 года, документ Госдепартамента США № 762.5200/3–253 в отделе гражданских записей Национальных архивов.

³⁷ Главарем заговора был доктор Вернер Науман, бывший «коричневорубашечник», работавший в годы войны заместителем министра в германском Министерстве пропаганды. В завещании Гитлера Науман был назван преемником Геббельса. Несмотря на то что после войны он на несколько лет скрылся из вида, Науман сохранял тайные связи с группой единомышленников, ожидая того момента, когда он сможет снова показаться на людях. Это случилось в 1950 году, когда правительство Западной Германии объявило нацистам общую амнистию. Вскоре после этого Науман начал серию консультаций с ключевыми ветеранами Третьего рейха, включая Ганса-Ульриха Руделя, Отто Скорцени и Ялмара Шахта. Целью было наметить планы для будущего возврата к власти нацистов. Тайные усилия Наумана были направлены на то, чтобы обеспечить за нацистами влиятельные позиции в западногерманских политических партиях, прессе, молодежных организациях, среди ветеранов и групп беженцев, а также в других значимых местах. Первостепенное значение придавалось проникновению в три правых партии, составлявших правящую коалицию канцлера Аденауэра: Христианско-демократический союз, Свободную демократическую партию и Немецкую партию. Признавая, что щупальца организации Наумана протянулись по обе стороны «железного занавеса», документ Госдепартамента США делал следующий вывод: «С идейной точки зрения эти бывшие нацисты являются фанатичными националистами, публично одобряющими антисемитскую политику национал-социализма. Политически они придерживаются нейтралистской позиции, заигрывая с обеими сторонами и предупреждая, что, в случае если они не получают расположения Запада, Германия быстро и безболезненно перейдет в восточный лагерь». Не прошло и шести месяцев со дня ареста Наумана и его сообщников, как Верховный суд Западной Германии без всякого залога выпустил их на свободу ввиду незавершенности расследования. Обвинения в их адрес были позднее сняты «в связи с отсутствием доказательств». (LaVerne Baldwin, «Minister of Interior's Appraisal of the Werner Naumann Affair», 26 марта 1953 года, документ Госдепартамента США № 762A.OO/3–2653, а также «H. S. Lucht Company, Dusseldorf, Germany», 23 июля 1954 года, документ Госдепартамента США № 460.52917–2354 в отделе гражданских записей Национальных архивов. См. также Edmund Taylor, «Where Fascism and Communism Meet», *The Reporter*, 13 апреля 1954 года; Infield, *Secrets of the SS*, стр. 174–175; Infield, *Skorzenny*, стр. 210; Henry J. Kellermann, «Background on Neizi Arrests in the British Zone», 16 января 1953 года, документ Госдепартамента США № 762A.OO/1–1653 в отделе гражданских записей Национальных архивов; Tauber, *Eagle and Swastika*, стр. 134–135, 241.)

³⁸ Faligot, Kauffer, *Le Croissant et la Croix Gammée*, стр. 182.

³⁹ Copeland, *Game of Nations*, стр. 105.

⁴⁰ Maariv цитируется в Tom Segev, *The Seventh Million*, стр. 297.

⁴¹ Copeland, *Game of Nations*, стр. 202.

⁴² Martin A. Lee, Bruce Shlain, *Acid Dreams*, стр. 35; Powers, *Man Who Kept Secrets*, стр. 431.

⁴³ Кермит Рузвельт цитируется в Hersh, *Old Boys*, стр. 332.

⁴⁴ Gehlen, *The Service*, стр. 260; интервью автора с Иссером Харелем, 23 марта 1993 года.

⁴⁵ Интервью автора с Иссером Харелем.

⁴⁶ Sedar, Greenberg, *Behind the Egyptian Sphinx*, стр. 67, 75.

⁴⁷ Simpson, *Blowback*, стр. 249; Cookridge, *Spy of the Century*, стр. 354; *Chicago Sun Times*, 1 ноября 1987 года.

⁴⁸ Tauber, *Eagle and Swastika*, стр. 242; «The German Influence Behind the Egyptian Revolt»; Hunt, *Secret Agenda*, стр. 191.

⁴⁹ Robert Fisk, «Non-existent Nazi is alive and well protected in Syria», *Independent*, 15 января 1990 года.

⁵⁰ Alistair Horne, *A Savage War of Peace*, стр. 62, 63, 110; Muhammed Saahir Lone, письмо в *New York Times*, 22 августа 1992 года.

⁵¹ Robert Merle, *Ahmed Ben Bella*, стр. 67; Horne, *A Savage War of Peace*, стр. 74.

⁵² Главным партнером Ремера в торговле оружием был Эрнст-Вильгельм Шпрингер, помогавший в годы войны Великому муфтию организовать мусульманскую дивизию SS. К середине 1950-х годов у Шпрингера была преуспевающая экспортно-импортная фирма, располагавшаяся в Ганновере. Иногда он занимался поставками восточноевропейского военного снаряжения — включая новое оружие с чехословацких заводов «Шкода» — в Дамаск, где Шпрингер и Ремер учредили фирму Orient Trading Company. Она обеспечивала прикрытия для нелегальной торговли оружием и для других коммерческих предприятий.

⁵³ Интервью автора с Отто-Эрнстом Ремером; Joachim Joesten, *The Red Hand*, стр. 93–96; Faligot, Kauffer, *Le Croissant et la Croix Gammée*, стр. 196, 216.

⁵⁴ Joesten, *The Red Hand*, стр. 140–143; Faligot, Kauffer, *Le Croissant et la Croix Gammée*, стр. 207–208; «Skorzeny, Otto», документ разведки США от 12 июля 1956 года.

⁵⁵ Joesten, *The Red Hand*, стр. 143.

⁵⁶ Tauber, *Eagle and Swastika*, стр. 1110; интервью автора с Илзе Скорцени. Каждый раз, когда деловые поездки приводили Скорцени в Южную Африку, он гостил у сенатора Луи Теодора Вайхарта, известного нациста и ненавистника евреев, основателя военизированной организации «Серебрянные рубашки». Скорцени также сотрудничал с Освальдом Пировом, бывшим министром обороны Южной Африки и руководителем неонацистского движения «Новый порядок». Многие выходцы из Германии нашли работу в южноафриканской полиции и службах безопасности. Генерал-лейтенант Фридрих Вильгельм фон Меллентин, бывший начальник штаба немецкой 4-й танковой армии, возглавил авиакомпанию Trek Airways, которая занималась чартерными перевозками

в интересах полицейских служб, проводивших карательные операции против черного населения страны.

⁵⁷ «Right-wing Activity», *Wiener Library Bulletin*, vol. xiv, № 2 (1960); «Arabs and the German Right-Wing», *Wiener Library Bulletin*, vol. xx, № 1 (1966).

⁵⁸ Tauber, *Eagle and Swastika*, стр. 237–238.

⁵⁹ *Wiener Library Bulletin*, vol. x, nos. 5–6 (1956), vol. xi, nos. 5–6 (1957); Tauber, *Eagle and Swastika*, стр. 238.

⁶⁰ Edward H. Quales, «Algerian Terrorist Attacks in France», документ контрразведки армии США от 28 октября 1958 года. Национальные архивы, группа хранения 319, ящик 54, дело № ZFQ10201; см. также Faligot, Kauffer, *Le Croissant et la Croix Gammée*, стр. 215–216.

⁶¹ Faligot, Крор, *La Piscine*, стр. 166. Отто Шультер и Георг Пухерт, торговцы оружием из Гамбурга, также стали жертвами «Красной руки».

⁶² Horne, *A Savage War of Peace*, стр. 129; Richard Deacon, *The French Secret Service*, стр. 191; Joesten, *The Red Hand*, стр. 94–95; Faligot, Крор, *La Piscine*, стр. 105.

⁶³ Alistair Horne, *The French Army and Politics*, стр. 84–85.

⁶⁴ Joesten, *The Red Hand*, стр. 64; Horne, *A Savage War of Peace*, стр. 526; см. также Pierre Demarestb Christian Plume, *Target De Gaulle*. Попытки покушения на де Голля послужили основой для политического триллера «День шакала».

⁶⁵ Tauber, *Eagle and Swastika*, стр. 1095; Horne, *A Savage War of Peace*, стр. 252–53, 350, 485.

⁶⁶ Среди казненных был и Роже Дегельдр, руководитель боевой группы «Дельта» OAS, в годы Второй мировой войны служивший в дивизии SS «Валлония» под командованием Леона Дегреля.

⁶⁷ René L. Maurice, Ken Follet, *Under the Streets of Nice*, стр. 34–39; Horne, *A Savage War of Peace*, стр. 550.

⁶⁸ Захват Эйхмана вызвал международный скандал. Доктор Марио Амадео, представитель Аргентины в ООН, обратился в Совет Безопасности с требованием принять санкции против Израиля, нарушившего суверенитет его страны. Вскоре после этого выяснилось, что сам Амадео рассматривался Госдепартаментом США как некогда «доверенный пособник» гитлеровской SS.

⁶⁹ Hannah Arendt, *Eichmann in Jerusalem*, стр. 10–13; Simpson, *Blowback*, стр. 245.

⁷⁰ Tauber, *Eagle and Swastika*, стр. 41, 1097; Eisenberg, *Re-Emergence of Fascism*, стр. 11; см. также Leni Yayil, «Memoirs of Adolf Eichmann», *Yad Vashem Studies*, vol. xviii (1987).

⁷¹ Всемирное полицейское агентство «Интерпол» отказалось оказывать содействие в розыске нацистских военных преступников под предлогом того, что

они совершили «политические» преступления, находящиеся вне сферы компетенции «Интерпола». Как выясняется, руководящие структуры «Интерпола» имели тесные связи с нацистами и фашистами. Во время Второй мировой войны штаб-квартира «Интерпола» размещалась в помещениях гестапо. В 1963 году президентом организации был Жан Непот, сотрудничавший с правительством Виши. Бывший офицер SS Пауль Дикопф являлся президентом «Интерпола» с 1968 по 1972 год.

⁷² Robert Fisk, «Non-existent Nazi is alive and well protected in Syria», *Independent*, 15 января 1990 года.

⁷³ John Bierman, «War criminal Alois Brunner Reported Dead», *The Guardian*, 9 января 1993 года.

⁷⁴ Michael Bar-Zohar, *The Hunt for German Scientists*, стр. 187; Stewart Steven, *Spymasters of Israel*, стр. 160; Sedar and Greenberg, *Behind the Egyptian Sphinx*, стр. 67.

⁷⁵ Robert St. John, *The Boss*, стр. 304; Steven, *Spymasters of Israel*, стр. 161; «Appeals to Rampant Nationalism», *Wiener Library Bulletin*, октябрь 1964 года.

⁷⁶ Gerd Wilcke, «500 From Europe Aid Cairo on Arms», *New York Times*, 5 апреля 1963 года; Kenneth R. Timmerman, *The Death Lobby*, стр. 402–403.

⁷⁷ Wolfgang Lotz, *The Champaign Spy*, стр. 50–51, 59, 67; Dan Raviv, Yossi Melman, *Every Prince a Spy*, стр. 147.

⁷⁸ Интервью автора с Отто-Эрнстом Ремером; Hunt, *Secret Agenda*, стр. 191.

⁷⁹ Bar-Zohar, *Hunt for German Scientists*, стр. 201; Gerd Wilcke, «Bonn Urged to Curb Scientists Aiding Cairo Missile Work», *New York Times*, 3 апреля 1963 года; интервью автора с Иссером Харелем.

⁸⁰ Steven, *Spymasters of Israel*, стр. 161; Posner, Ware, *Mengele*, стр. 201. В начале 1960-х годов бизнес-партнер Скорцени Вилли Мессершмитт заключил с египетским правительством контракт на строительство авиационного завода. Пока готовились чертежи реактивного самолета и управляемых ракет, за текущей деятельностью завода Мессершмитта близ Каира наблюдал австрийский инженер, доктор Фердинанд Бранднер. Бывший капитан СА, попавший в конце войны в советский плен, Бранднер в течение пяти лет занимался в СССР разработкой реактивных двигателей, а затем направился в Египет. Главным врачом завода Мессершмитта работал наркоман Ганс Эйзеле, который разыскивался за медицинские преступления, совершенные им в концентрационном лагере Бухенвальд. Эйзеле скончался от передозировки морфином — несомненно, более приятная смерть, чем та, которой он подверг тысячи своих жертв в годы войны.

⁸¹ *Matara*, сентябрь 1989 года, цитируется в «Ex-SS Man Worked for the Mossad against Egyptian Rocket Project», *Jerusalem Post*, 20 сентября 1989; Raviv, Melman, *Every Prince a Spy*, стр. 122; Black, Morris, *Israel's Secret Wars*, стр. 198; Heikal, *Sphinx and the Commissar*, стр. 151.

⁸² Simpson, *Blowback*, стр. 261; Reese, *General Reinhard Gehlen and the CIA*, стр. 143–171, в особенности стр. 167.

⁸³ «Former Top Soviet Spy Savouring Life as a KGB Pensioner», *Reuters*, 15 марта 1986 года.

⁸⁴ Reese, *General Reinhard Gehlen and the CIA*, стр. 134; Копланд цитируется в David Horowitz, «Game-Player», *Jerusalem Post*, 21 июля 1989 года.

⁸⁵ «Francis Parker Yockey, aka Richard Allen», отдел ФБР по Сан-Франциско, 20 июня 1960 года.

⁸⁶ «Francis Parker Yockey, aka...», отдел ФБР по Сан-Франциско, 1 июля 1960 года.

⁸⁷ «3 Passports Jail Mystery Visitor Here», *San Francisco Examiner*, 9 июня 1960 года; «Both Sides Favor Yockey Mind Test», *San Francisco Examiner*, 14 июня 1960 года.

⁸⁸ «Francis Parker Yockey», доклад специального агента ФБР Уэйна Уэлша, 7 июля 1960 года.

⁸⁹ Н. Keith Thompson, «A Survey of the Right-Wing», *Independent*, август 1962. В 1961 году Кейт Томпсон и Фредерик Вайсс отдали дань уважения Йоки, опубликовав его последний очерк «A World in Flames: An Estimate of the World Situation» («Мир в огне: оценка ситуации в мире»), где он с похвалой отзывался об «арабском восстании» под руководством Насера, а также о возникновении неприсоединившихся «националистских и нейтралистских режимов» в Югославии, Индонезии и других странах третьего мира. В этой статье Йоки также подтверждал свою убежденность в том, что Советский Союз, в отличие от США, более не находится под властью евреев.

⁹⁰ *Right*, июль 1960 года.

⁹¹ William Turner, *Power of the Right*, стр. 150–151; Mintz, *The Liberty Lobby*, стр. 71; С. Н. Simmons, «The Strange Story of Willis Carto», *National Review*, 10 сентября 1971 года; *Los Angeles Times*, 16 января 1992 года, стр. В6.

⁹² Уиллис Карто, введение к «Imperium», стр. ix, xxxiii, xli. Написанное Карто введение к «Imperium» по большей части основывалось на очерке Ревило Оливера, эксцентричного профессора Университета Иллинойса. Один из бывших коллег Карто Кейт Стимли утверждал, что Оливер написал 90% введения, в то время как Карто добавил туда лишь несколько эпизодов, связанных с его личными встречами с Йоки. Оливер, некоторое время работавший редактором издававшегося Бакли журнала «National Review», также указывался в качестве помощника редактора «American Opinion», рупора «Общества Джона Берча». Однако Оливер был вынужден покинуть берчистов после того, как на одной из публичных встреч неосторожно сказал о том, что «превращение в пар» евреев было бы «блаженным видением». (Turner, *Power on the Right*, стр. 26.)

⁹³ Записка от Уиллиса Карто Ф. Вайссу, Расселу Магвайру, Конде Макгинли, *Womens Voice, Re: Francis Parker Yockey*, 1 июня 1960 года. Хранится в фон-

де Кейта Томпсона отдела специальных собраний Гуверовского института; С. Н. Simmons, *The Strange Story of Willis Carto*.

⁹⁴ Высказывание Кейта Томпсона из неназванного источника приводится у George, Wilcox, *Nazis, Communists, Klansmen and Others*, стр. 235.

⁹⁵ Drew Pearson, Jack Anderson, «Eastland Linked to Liberty Lobby», *Washington Post*, 21 октября 1966 года; Richard Cohen, «Does It Really Matter If He Didn't Believe It?», *Washington Post*, 28 апреля 1981 года; Turner, *Power on the Right*, стр. 159; Drew Pearson, Jack Anderson, «Retired Brass Turns to Liberty Lobby», *Washington Post*, 29 октября 1966 года.

⁹⁶ Turner, *Power on the Right*, стр. 146; Mintz, *The Liberty Lobby*, стр. 5–6; Joseph Trento and Joseph Spear, «How Nazi Manpower Has Invaded Capitol Hill», *True*, ноябрь 1969 года.

⁹⁷ Drew Pearson and Jack Anderson, «Liberty Lobby Links Right-Wing Drive», *Washington Post*, 26 октября 1966 года.

⁹⁸ Drew Pearson, Jack Anderson, «Neo-Nazi Movement Lobbying on Hill», *Washington Post*, 17 апреля 1969 года; Pearson, Anderson, «Liberty Lobby Adopts Wallace Unit», *Washington Post*, 21 апреля 1969 года; Paul W. Valentine, «Far-Right Youth Group Reports Rapid Growth», *Los Angeles Times*, 25 декабря 1969 года; Jason Berry, *Gambit*, 3 сентября 1991 года. См. также Mintz, *The Liberty Lobby*, стр. 129.

⁹⁹ Интервью автора с Роем Франкхаузером, 14 октября 1994 года. Если не указано иного, все высказывания Франкхаузера взяты из указанного интервью.

¹⁰⁰ Thayer, *Farther Shores of Politics*, стр. 16.

¹⁰¹ *Searchlight*, сентябрь 1987 года.

¹⁰² Thayer, *Farther Shores of Politics*, стр. 30; A. M. Rosenthal and Arthur Gelb, *One More Victim*, стр. 160; протоколы слушаний комиссии Уоррена, том 16, стр. 56. Существуют определенные доказательства, показывающие, что Ли Харви Освальд, по официальным сведениям придерживавшийся левых взглядов, на самом деле был информатором ФБР. Это может объяснять его заинтересованность в Американской нацистской партии. После убийства Джона Кеннеди Кейт Томпсон связался с матерью Освальда, Маргеритой, став ее деловым представителем, организовывая интервью и обсуждая продажу прав и документов. «У нас развились и личные отношения, причем довольно тесные», — заметил Томпсон. В таком случае объяснимо, почему друзья Томпсона по «Свободному лобби» присоединились к конспирологическим теориям покушения, в частности, поддерживая сомнительные утверждения о том, что за смертью Кеннеди стоит ЦРУ. Адвокат Марк Лейн, первая книга которого «Rush to Judgment» вызвала законные вопросы о результатах работы комиссии Уоррена (Освальд — убийца-одиночка), позднее объединил свои усилия с Уиллисом Карто, представляя «Свободное лобби» и его ответвление — Институт пересмотра истории (утверждавший, что Холокоста не было) — в нескольких вызывавших большие

противоречия судебных разбирательствах. Опубликованный в 1992 году бестселлер Лейна «Plausible Denial» активно пропагандировался еженедельником «Свободного лобби» «Spotlight». Парадокс ситуации заключается в том, что в свое время Карто осуждал администрацию Кеннеди за «коммунистический переворот». Еще один так называемый эксперт по убийству Кеннеди, бывший офицер ВВС США Флетчер Праути, работал в Комитете общественных акций «Свободного лобби», занимавшемся в начале 1990-х годов сбором средств для расистских и ультраправых кандидатов. Будучи связан со «Свободным лобби», Праути также выступил консультантом фильма Оливера Стоуна об убийстве президента Кеннеди.

¹⁰³ Rosenthal, Gelb, *One More Victim*, стр. 161–163; интервью автора с Роем Франкхаузером.

¹⁰⁴ Там же, стр. 223–226; Thayer, *Farther Shores*, стр. 30–31.

¹⁰⁵ Беседа автора с Джимом Хоганом, октябрь 1994 года.

¹⁰⁶ Вечерние новости CBS, 28 июля 1975 года.

¹⁰⁷ George, Wilcox, *Nazis, Communists, Klansmen, and Others*, стр. 289; Frank Donner, *The Age of Surveillance*, стр. 346; интервью автора с Робертом Майлзом, 25 ноября 1986 года.

¹⁰⁸ Stephen G. Thompkins, «Army feared King, secretly watched him», *Commercial Appeal*, 21 марта 1993 года. Директор ФБР Эдгар Гувер вел полномасштабную вендетту против доктора Кинга, пытаясь «нейтрализовать» его политическую деятельность и разбить личную жизнь. Однажды ФБР пыталось разрушить его брак, анонимно послав ему пленку, доказывавшую внебрачные связи и шантажируя возможным раскрытием его «грязной и лживой натуры» в случае, если он не покончит жизнь самоубийством. Когда весть об убийстве Кинга 4 апреля 1968 года пришла в отдел Бюро по Атланта, занимавшийся его делом сотрудник ФБР запрыгал от радости, крича: «Наконец-то сукиного сына достали!» Несмотря на общеизвестную враждебность Гувера по отношению к Кингу, ФБР было доверено расследование убийства. Игнорируя ключевые свидетельства, люди Гувера настаивали на том, что единственным ответственным за убийство самого талантливого борца за гражданские права в стране был Джеймс Эрл Рэй. Однако в 1977 году Специальная комиссия по покушениям Палаты представителей выяснила, что расследование ФБР полно неувязок. Одной из самых вопиющих был отказ в расследовании заявления брата Рэя, утверждавшего, что он знал о награде в 100 тысяч долларов за убийство. В год гибели Кинга Джерри Рэй работал охранником у Дж. Б. Стонера, руководителя ультрарасистской Национальной партии за права штатов. Проведенное Конгрессом расследование пришло к выводу о «высокой вероятности заговора» в деле Кинга, указав, в частности, на разоблаченные планы ультраправых в Сент-Луисе, в которые были вовлечены Рэй и его братья. Конгрессмен Луи Стокс обвинил ФБР в содействии созданию атмосферы, в которой убийство Кинга «было не только возможным, но даже представлялось оправданным».

¹⁰⁹ Относительно утверждений о гомосексуализме Келя см. *NSV Report* (октябрь — декабрь 1993 года), ежеквартальный бюллетень, публикуемый Национал-социалистическим авангардом. Уволенный Келем в 1970 году, Фрэнк Коллинз создал Национал-социалистическую партию Америки, группу, прославившуюся организацией марша в населенном преимущественно евреями городе Скоки, штат Иллинойс. Позднее Коллинз был арестован за растление подростков. Один из последователей этой секты Джон Хинкли в 1981 году стрелял в президента Рональда Рейгана, едва не убив его.

¹¹⁰ Интервью автора с Полем Риис-Кнудсенем, 7 апреля 1993 года.

¹¹¹ Поль Риис-Кнудсен, *National Socialism: A Left-Wing Movement* (Ольборг, Дания. Всемирный союз национал-социалистов, 1984 год).

¹¹² Там же.

¹¹³ «Neo-Nazi glee at Soviet anti-Semitism», *Patterns of Prejudice*, март — июнь 1979 года; «Neo-Nazis' hopes of Russia», *Patterns of Prejudice*, июль 1981 года; Walter Laqueur, *Black Hundred*, стр. 110.

¹¹⁴ Как ни глупо это звучит, но советские официальные лица использовали антисемитизм для мониторинга внутривосточной ситуации, а также в качестве защиты от либеральных взглядов, просачивавшихся в Восточную Европу. Когда в ходе Пражской весны 1968 года Александр Дубчек постарался вернуться к прогрессивным и гуманистическим корням коммунизма, советская пресса утверждала, что чехословацкое правительство стало марионеткой в «руках сионистов». Отголоски антисемитской кампании советского руководства ощущались и в Варшаве, где вина за студенческие волнения в ряде университетов страны была возложена на небольшую еврейскую общину страны. О сионизме снова вспомнили в начале 1970-х годов, когда у Москвы возникли сложности с режимом Яноша Кадара в Венгрии. После вооруженных столкновений на советско-китайской границе Кремль начал предупреждать о маоистско-сионистском заговоре (D. Low, *Soviet Jewry and Soviet Policy*, стр. 141, 149–150, 177, 227n; *Jews and Jewish Topics*, лето 1987 года; William Korey, *The Soviet Cage*, стр. 306.)

¹¹⁵ Korey, *The Soviet Cage*, стр. 18; Howard Spier, «'Zionists and Freemasons' in Soviet propaganda», *Patterns of Prejudice*, январь-февраль 1979; John Dunlop, *The New Russian Nationalism*, стр. 90; Laqueur, *Black Hundred*, стр. 112–114; Arthur Lyons, «Russian Nationalists and Anti-Semitism», *Midstream*, февраль 1987 года; *Jews and Jewish Topics*, лето 1987 года; M. Kaganskaya, «The Book of Vles: The Saga of a Forgery», *Jews and Jewish Topics*, зима 1986–1987 года.

¹¹⁶ Тириар рассказал о своих связях со Скорцени в интервью журналисту Кевину Кугану, которое он дал в ноябре 1986 года. Отвечая на вопрос, работал ли Скорцени на ЦРУ, Тириар ответил, хитро усмехнувшись: «Да, но не постоянно». Вспоминая о генерале Гелене, Тириар хмыкнул: «Половина его сотрудников работала на американцев, половина — на русских».

¹¹⁷ «Jean Thiriart repond aux questions de Bernardo Gil Mugarza», *Voulour*, январь — март 1993 года.

¹¹⁸ Yannick Sauveur, *Jean Thiriart et le National Communautarisme Européen*, стр. 20; Del Boca, Giovana, *Fascism Today*, стр. 228.

¹¹⁹ Tauber, *Eagle and Swastika*, стр. 221.

¹²⁰ Jean Thiriart, *Europe* (англоязычная рукопись в переводе В. Г. Итона, 1964 год), стр. 3, 33, 38, 50, 62, 64, 65.

¹²¹ Thiriart, *Europe*, стр. 39, 58–59, 75.

¹²² Thiriart, *Europe*, стр. 20–21; Thiriart, *The Great Nation*, theses 15–17.

¹²³ Sauveur, *Jean Thiriart*, стр. 40; «Jean Thiriart repond aux questions de Bernardo Gil Mugarza».

¹²⁴ Thiriart, *Europe*, стр. 4, 66–67, 71, 75; Thiriart, *The Great Nation*, theses 6, 14.

¹²⁵ Luc Michel, *Questions for Mr. Jean Thiriart*; Thiriart, *Europe*, стр. 5; Thiriart, *The Great Nation*, thesis 28; *La Nation Européenne*, № 16, приводится в Sauveur, *Jean Thiriart*, стр. 114.

¹²⁶ Thiriart, *Europe*, стр. 2, 97.

¹²⁷ «De ‘Jeune Europe’ aux ‘Brigades Rouges’», *Conscience Européenne*, март 1985 года.

¹²⁸ Stephen Fischer-Galati, *Romanian Nationalism*, в книге «Nationalism in Eastern Europe» под редакцией Peter F. Sugar, Ivo J. Lederer, стр. 394; Simpson, *Blowback*, стр. 78; Hockenos, *Free to Hate*, стр. 70–71; Stanley Payne, *History of Fascism*, стр. 396.

¹²⁹ «De ‘Jeune Europe’ aux ‘Brigades Rouges’»; интервью автора с Люком Мишелем, 20 июня 1993 года.

¹³⁰ *Nation Europa*, апрель 1967 года, цитируется в «Right-wing view on foreign affairs», *Patterns of Prejudice*, май — июнь 1967 года. Еще одно ультранационалистическое издание, «Deutsche National-Zeitung» Герхарда Фрея, поддержало эту точку зрения: «Все европейские державы надеются, что ослабление позиции России на Дальнем Востоке снизит ее давление на Европу».

¹³¹ Gehlen, *The Service*, стр. 235.

¹³² Подробный разбор деятельности Национал-демократической партии приводится в John David Nagle, *National Democratic Party*.

¹³³ Среди прочих темным нацистским прошлым обладал и вновь избранный канцлер, христианский демократ Курт Георг Кизингер. В годы войны он работал в нацистском Министерстве пропаганды. Президент Западной Германии в середине и конце 1960-х годов Генрих Любке ранее работал инженером у нацистов, проектируя и надзирая за постройкой одного из концентрационных лагерей. «Вопрос заключался не в персональной ответственности этих людей, — заметил историк Эберхард Якель. — Все это было очень плохо для немецкой демократии, давало дурной пример молодому поколению, видевшему, что люди, имевшие какое-либо отношение к нацизму, могли занимать столь высокие посты».

¹³⁴ Rees, *Extreme Right Since 1890*, стр. 387; *Deutsche National-Zeitung*, 11 апреля 1969 года, цитируется в С. С. Aronsfeld, «Right-wing flirtation with a Chinese alliance», *Patterns of Prejudice*, июль — август 1969 года; «Right-wing over the East», *Patterns of Prejudice*, сентябрь — октябрь 1968 года.

¹³⁵ См., например, *La Nation Européenne*, февраль 1969 года; интервью автора с Люком Мишелем.

¹³⁶ «Perón's 'third world' dreams», *Patterns of Prejudice*, май — июнь 1969 года; *La Nation Européenne*, май 1967 года, июнь 1967 года, декабрь 1967 года, январь 1968 года.

¹³⁷ Page, *Perón*, стр. 405.

¹³⁸ Donald C. Hodges, *Argentina*, стр. 136–137; Page, *Perón*, стр. 405, 422; Tauber, *Eagle and Swastika*, стр. 1097.

¹³⁹ Martin Edwin Anderson, *Dossier Secreto*, стр. 45, 72, 143; Eisenberg, *Re-Emergence of Fascism*, стр. 293.

¹⁴⁰ Donald C. Hodges, ed., *Urban Guerrilla*, стр. 9–10.

¹⁴¹ Hodges, ed., *Urban Guerrilla*, стр. 9–10; Ellwood M. Rabenold, Jr., «Government Moves to Suppress Terrorist Group», сообщение из посольства США в Буэнос-Айресе от 3 июля 1965 года, доставленное дипломатическим курьером в Госдепартамент; «Pro-Fascist Cuban Organizations in Miami, Florida», шифрованное сообщение от Legat, Буэнос-Айрес (105–242) (RUC), директору ФБР, 1 августа 1965 года.

¹⁴² John Simpson, Jana Bennett, *The Disappeared and the Mothers*, стр. 56–58.

¹⁴³ Donald C. Hodges, *Argentina's «Dirty War»*, стр. 117–119; Page, *Perón*, стр. 480.

¹⁴⁴ *La Nation Européenne*, январь 1967 года, июль 1967 года, октябрь 1967 года; интервью автора с Люком Мишелем.

¹⁴⁵ *La Nation Européenne*, июль 1967 года, цитируется в «Jean Thiriart's anti-U. S. Crusade», *Patterns of Prejudice*, июль — август 1967 года.

¹⁴⁶ *Baghdad Observer*, 8 сентября 1968 года; интервью автора с Люком Мишелем.

¹⁴⁷ Помимо связей с Тириаром, доктор Хабаш сотрудничал с Франсуа Жену (François Genoud), темным швейцарским банкиром с обширными связями в неонацистских кругах. Отто-Эрнст Ремер описывал его как «очень важного человека». Жену стал одним из первых членов нацистской партии Швейцарии и в годы Второй мировой войны работал на немецкую военную разведку. Непонятным образом ему удалось получить посмертные авторские права на все произведения Гитлера, Геббельса и Мартина Бормана. «Он знал всех», — заметил как-то Ремер, считавший Жену одним из своих лучших друзей. В разгар войны в Алжире оба они были связаны с поставками оружия Фронту национального освобождения. Жену также ведал военной казной Фронта национального осво-

бождения Алжира через посредство созданной им же управляющей компании — Арабского коммерческого банка в Женеве. Консультантом банка и деловым партнером Жену был Ялмар Шахт. В конце 1960-х годов Жену начал продавать оружие различным палестинским группировкам, однако самые тесные связи были у него с Народным фронтом освобождения Палестины доктора Хабаша. После того как в результате нападения на самолет израильской авиакомпании «Эль Ал», произошедшего в Цюрихе в феврале 1969 года, было захвачено три боевика Народного фронта, Жену оплатил их расходы на адвокатов. Швейцарский нацист также поддерживал западноевропейских ультралевых антиизраильских террористов, связанных в 1970-е годы с сетью Карлоса по прозвищу Шакал. По данным корреспондента газеты «Le Monde» Жана-Клода Бюре, Жену встречался с Карлосом в его доме в Дамаске. В 1996 году Жену покончил жизнь самоубийством.

¹⁴⁸ Интервью автора с Люком Мишелем.

¹⁴⁹ В издававшейся Тириаром «Европейской нации» («La Nation Européenne») достаточно часто затрагивалась проарабская и антиеврейская тематика. Так, например, там рекламировалась печально известная антисемитская книга Генри Форда «Международное еврейство». «Европейская нация» также восхваляла Руже Курдроя (Roger Courdroy), бельгийского ветерана SS, который погиб в июле 1968 года на палестинской стороне. Курдрой, тесно сотрудничавший с Тириаром, был далеко не первым европейским добровольцем, погибшим в партизанской войне с Израилем. В сентябре 1967 года в ходе рейда на Суэцком фронте был убит западногерманский неонацист Карл фон Куна. После этого группа его соотечественников присоединилась к «Вспомогательному арабскому корпусу» («Hilfskorps Arabien»), который в 1968 году рекламировало издание Герхарда Фрея «Deutsche National-Zeitung». Через два года полиция Западной Германии арестовала Удо Альбрехта, основателя и руководителя организации «Freikorps Adolf Hitler». У него было найдено удостоверение личности, связывавшее его с «Эль-Фаттах», крупнейшей фракцией Организации освобождения Палестины, возглавлявшейся Ясиром Арафатом. Альбрехт вместе с 12 другими немецкими неонацистскими боевиками принимал участие в столкновениях палестинцев с силами короля Иордании Хусейна в дни «черного сентября».

¹⁵⁰ Интервью автора с Отто-Эрнстом Ремером, 16 апреля 1992 года; расшифровка документального фильма английского телевидения «The Other Face of Terror».

¹⁵¹ Martin A. Lee, Kevin Coogan, «Killers on the Right», *Mother Jones*, май 1987 года; см. также Sauveur, *Jean Thiriart*.

¹⁵² *Conscience Européenne*, март 1985 года; интервью автора с Люком Мишелем; интервью автора с Клаудио Мутти, 2 июня 1993 года; Lee, Coogan, *Killers on the Right*.

¹⁵³ Отчет о беседе Госдепартамента США 14 апреля 1967 года получен автором в рамках Закона о свободе информации, контрольный номер 9402953;

George Thayer, *The War Business*, стр. 116–118, 203, 305; Stuart Christie, *Stefano delle Chiaie*, стр. 161.

¹⁵⁴ Sayer, Botting, *America's Secret Army*, стр. 322–333; «He guarded the Nazi 'Butcher'», *San Francisco Sunday Examiner & Chronicle*, 13 февраля 1983 года; «Ex-U. S. Agents Tell of Efforts to Help Barbie», *New York Times*, 6 июля 1983 года; «Vatican Is Reported to Have Furnished Aid to Fleeing Nazis», *New York Times*, 26 января 1984 года; Magnus Linklater, et al., *The Nazi Legacy*, стр. 237–239. По данным «The Nazi Legacy», Барбье и его главный деловой партнер Фриц Швенд «действовали как агенты, договариваясь о поставках не только от имени боливийского и перуанского правительств, но, пользуясь своей дружбой с нацистом Гансом Руделем, от имени Парагвая и Чили, а с помощью жившего в Испании Отто Скорцени заключали сделки и с Мадридом». Авторы цитируют переписку Швенда с «Мерекс» («Merex»), где он и Барбье в 1966 году предлагают купить танки М14 «для господина Скорцени», а также еще ряд предметов военного снабжения для других клиентов. «Мерекс» ответил: «Телеграфируем вам цены запрашиваемых "птичек", а также их технические характеристики. Что имелось в виду под "дополнительными позициями"?.. Найдите защищенный канал связи с нами, возможно, курьером через посольство Перу в Бонне. Наш общий друг полковник Рудель, также работающий на нас, скоро отправится в поездку и сможет передать сообщение. За официальное немецкое и американское оборудование мы будем расплачиваться наличными». В середине 1980-х годов полковник Оливер Норт организовал поставку «Мерекс» трех миллионов патронов никарагуанским «контрас», невзирая на действовавший в то время запрет на американскую военную помощь. (Michael Wines, William C. Rempel, «CIA's Purchase of Smuggled Arms from North Aides Probed by Panels», *Los Angeles Times*, 31 марта 1987 года.)

¹⁵⁵ Linklater, *The Nazi Legacy*, стр. 275; Kai Hermann, «Klaus Barbie: A Killer's Career», *Covert Action Information Bulletin*, зима 1986 года, впервые опубликовано в «Der Spiegel»; Xavier Vinader, «Me Trabajado en Bolivia con Barbie y delle Chiaie», *Interviú*, 17 июня 1987 года.

¹⁵⁶ Ralph Blumenthal, «Canadian Says Barbie Boasted of Visiting the U. S.», *New York Times*, 28 февраля 1983 года; «Barbie Entered U. S. in 1969, '70», *Denver Post*, 16 марта 1983 года; William Stevenson, *The Borman Brotherhood*, стр. 154.

¹⁵⁷ Christie, *Stefano delle Chiaie*, стр. 72.

¹⁵⁸ ТАСС, «Телепрограмма о нацистских преступниках», 14 мая 1987 года; Anthony Herbert, *Soldier*, стр. 85–86.

¹⁵⁹ Faligot, Kauffer, *Le Croissant et la Croix Gammée*, стр. 230–231, 270; *Le Nouvel Observateur*, 23 сентября 1974 года, цитируется в Henrik Kruger, *Great Heroin Coup*, стр. 210. Глава греческой военной хунты полковник Георгиос Пападопулос в годы Второй мировой войны служил в пронацистском охранном батальоне, основной задачей которого была охота за бойцами греческого Сопротивления. Некогда веривший в «Новый порядок» Гитлера, он затем стал основным

связующим звеном между ЦРУ и Священным союзом греческих офицеров, ультраправой группой, состоявшей в первую очередь из нацистских коллаборационистов. При поддержке разведки США эта до зубов вооруженная секретная сеть приняла участие в кровопролитной противоповстанческой борьбе с левыми антифашистами в годы гражданской войны в Греции в конце 1940-х годов. Множество нитей, соединявших официальный аппарат служб безопасности с подпольными «окологосударственными» образованиями, нашел свое выражение в «Красной овчине», греческом варианте программы «Гладио». Многие члены греческой организации, созданной для ведения партизанской войны в случае советской оккупации, приняли участие в путче 1967 года, свергнувшем некоммунистическое правительство, пришедшее к власти демократическим путем. Неизвестно, дало ли ЦРУ зеленый свет Пападопулосу заранее, однако американская разведка, несомненно, помогала хунте уже после того, как она пришла к власти, установив военное положение, отменив свободу прессы, подвергнув пыткам тысячи политических противников и уничтожив их, а также депортировав многих из них на отдаленные острова, запретив рок-музыку и книги (включая греческих классиков Софокла и Аристофана), а также выпустив морализаторские распоряжения, запрещающие мини-юбки и длинные волосы.

¹⁶⁰ См., например, материал Скорцени на первой полосе в «Deutsche Wochen-Zeitung», 3 марта 1967 года.

¹⁶¹ «Rightist Group Sends Telegram of Condolence on Death of George Lincoln Rockwell», сообщение, доставленное в Госдепартамент дипломатическим курьером, 14 сентября 1967 года.

¹⁶² «Guide noir», *The Economist*, 1 ноября 1975 года; интервью автора с Люком Мишелем с Эдуардом Аррхо и Кристианом Руисом, 22 мая 1993 года; интервью автора с Эрнесто Мила Родригесом, 28–29 мая 1993 года; интервью автора с Педро Варела, 29 мая 1993 года; «Spanish ‘Friends of Europe’», *Patterns of Prejudice*, июль — август 1978 года, а также январь 1982 года, стр. 41–43; Sheelagh Ellwood, «The Extreme Right in Spain: A Dying Species?» в Luciano Cheles, et al. *Neo-fascism in Europe*, стр. 156.

¹⁶³ Интервью автора с Илзе Скорцени, 3 июня 1993 года; интервью автора с Леоном Дегрелем, 23 мая 1993 года.

¹⁶⁴ Skorzeny, *Skorzeny's Secret Missions*, стр. 123; интервью автора с Илзе Скорцени.

¹⁶⁵ Peter Thompkins цитируется в документальной серии BBC «Gladio»; Rees, *Extreme Right Since 1890*, стр. 41; интервью автора с Илзе Скорцени.

¹⁶⁶ Linklater, *The Nazi Legacy*, стр. 204.

¹⁶⁷ Richard Drake, *Revolutionary Mystique*, стр. 130–133; Philip Willan, *Puppet Masters*; Rees, *Extreme Right Since 1890*, стр. 86; Linklater, *The Nazi Legacy*, стр. 205; Christie, *Stefano delle Chiaie*, стр. 23. В начале 1960-х годов боевики Делле Кьяйе снабжались полицейскими дубинками для разгона уличных демонстраций левых. Когда выяснилось, что римское подразделение тайной полиции сотрудни-

чало с неофашистами, разразился скандал, в результате которого подразделение было расформировано, а его директор — отправлен руководить полицейским отделением в провинции. С момента этого разоблачения слухи о связях с тайной полицией продолжали преследовать «Национальный авангард». Ряд бывших коллег Делле Кьяйе признавали его тесные связи с Министерством внутренних дел, породив неофициальное прозвище организации «Avanguardia Ministeria». Когда итальянское правительство в середине 1970-х годов наконец начало судебный процесс над людьми Делле Кьяйе, группа пригрозила вызвать в качестве свидетелей министров, политиков, партийных секретарей, секретные службы и всех тех, кто тем или иным путем «искал дружбы» «Avanguardia Nazionale».

¹⁶⁸ Интервью автора со Стефано Делле Кьяйе, 8 и 11 июня 1993 года.

¹⁶⁹ Linklater, *The Nazi Legacy*, стр. 212–213; интервью автора со Стефано Делле Кьяйе. Антисемитизм был в течение ряда лет характерен для аргентинских служб безопасности. В 1994 году в Буэнос-Айресе к суду были привлечены как сообщники три сотрудника полиции и бывший детектив. Они обвинялись в организации взрыва в еврейском общественном центре аргентинской столицы, в результате которого погибло 87 человек.

¹⁷⁰ Не имеющий грифа секретности доклад Директората разведки ЦРУ «Right-Wing Terrorism in Europe: A Research Paper», апрель 1983 года; дополнительную информацию о Всемирной антикоммунистической лиге см. Scott and John Lee Anderson, «*Inside the League*».

¹⁷¹ Linklater, *The Nazi Legacy*, стр. 266–284. По словам бывшего агента DEA Майкла Левина, военное руководство Боливии стало экспортировать кокаин, как будто это был легальный товар, а не наркотик. В то же самое время в США лавинообразно вырос спрос на него. Боливийская диктатура вскоре стала основным источником поставок для колумбийских картелей, сформировавшихся в этот период. Картели, в свою очередь, стали основными распространителями кокаина в США. Это было начало «кокаинового взрыва» 1980-х годов.

¹⁷² «Otto Skorzeny, Nazi Commando, Dead, Rescued Mussolini from Italian Peak», *New York Times*, 8 июля 1975 года.

¹⁷³ Обстановка в Диксмюде описывалась в целом ряде сообщений прессы, см., например Mark J. Kurlansky, «Neo-Nazis, Fascist Groups Flock to Peace Demonstration in Belgium», *International Herald Tribune*, 5 июля 1983 года.

¹⁷⁴ Рэй Хилл, интервью взято автором и Кевином Куганом, 15 октября 1986 года.

¹⁷⁵ Комитет Европарламента по расследованию случаев расизма и ксенофобии, *Report of the Findings of the Inquiry* (1991), стр. 19–21; Ciarán Ó Maoláin, *The Radical Right*, стр. 31.

¹⁷⁶ *Searchlight*, сентябрь 1984 года.

¹⁷⁷ Ремер цитируется в Paris, *Unhealed Wounds*, стр. 183.

¹⁷⁸ Интервью автора с Отто-Эрнстом Ремером, 16 апреля 1992 года.

¹⁷⁹ Der Bismarck-Deutsche, «Manifest 1983 der Deutschen Freiheitsbewegung für eine Deutsch-Russische Allianz Rapallo 1983/90».

¹⁸⁰ «Right-Wing Extremism», информационное сообщение разведки армии США, 17 мая 1985 года; Ralph Boulton, «International News», *Reuters*, 27 июня 1984 года.

¹⁸¹ «Activities of the Right-Wing Extremist Michael Kuhnen», информационное сообщение разведки армии США, 2 августа 1982 года; интервью автора с Отто-Эрнстом Ремером.

¹⁸² Michael Schmidt, *The New Reich*, стр. 5; «Action Front of National Socialists/National Activists (ANS/NA)», информационное сообщение разведки армии США, 28 октября 1983 года; *Extreme Right in Europe and the USA*, под редакцией Paul Hainsworth, стр. 18; Lewis, *Right-wing Extremism*, стр. 162–163, 283.

¹⁸³ Демографическое исследование, проведенное институтом Sinus в 1979–1980 годах, выявило, что около пяти миллионов жителей Западной Германии (или 13% от их общего числа) хотело бы возвращения к власти лидера, подобного Гитлеру; 13% были убежденными правыми экстремистами, а еще 37% твердо придерживались правых взглядов.

¹⁸⁴ «Translation of selected news items dated 11 May 1983», информационное сообщение разведки армии США № 2 212 1256–83.

¹⁸⁵ Charles William Maynes, «Facing the Dark Side of Nationalism», *Los Angeles Times*, 21 апреля 1985; Eva Kolinsky, «A Future for Right Extremism in Germany?» в Hainsworth, *Extreme Right in Europe and the USA*, стр. 74.

¹⁸⁶ «Seeds of a Fourth Reich», *Daily Express*, 21 апреля 1978 года.

¹⁸⁷ «Unconstitutional Right Extremist Organizations — Propaganda and Logos», информационное сообщение разведки армии США, 2 марта 1989 года.

¹⁸⁸ *Political Violence and Terror*, под редакцией Peter H. Merkl, стр. 241. Возникшая в начале 1950-х годов как побочный продукт SRP, Viking Youth изначально возглавлялась Вальтером Маттеи, бывшим гауптштурмфюрером SS и членом SRP, позднее переехавшим в Испанию после скандала, связанного с утверждениями, что он интересовался мальчиками 10–12 лет. Проведя много лет за границей, он вернулся в Западную Германию, где стал одним из великовозрастных заместителей Кюнена.

¹⁸⁹ «Local Agitational Groups: Radical Right Activities», информационное сообщение разведки ВВС США, 2 мая 1978 года; «West German Neo-Nazi Organizer May Be Hiding in Belgium», информационное сообщение разведки армии США, 2 августа 1984 года; Lewis, *Right-Wing Extremism*, стр. 226–227.

¹⁹⁰ Bruce Hoffman, «Right-Wing Terrorism in Europe», доклад Rand Corporation, подготовленный по заказу ВВС США, март 1982 года; «Right-Wing Terrorism in Europe: A Research Paper», не имеющий грифа секретности доклад Директората разведки ЦРУ, апрель 1983 года; Lewis, *Right-Wing Extremism*, стр. 171; Martin A. Lee, Kevin Coogan, «Killers on the Right», *Mother Jones*, май 1987 года.

¹⁹¹ «Nazi sympathizers at funeral of German ace», United Press International, 22 декабря 1982; Mike Cass, «Nazi incidents yesterday and today», *Canadian Jewish Times*, июнь 1983 года.

¹⁹² «Action Front of National Socialists/National Activists (ANS/NA)», информационное сообщение разведки армии США, 28 октября 1983 года; *Searchlight*, декабрь 1990 года; Fanta Voogd, «Nazis in dienst van het koninkrijk», *Forum*, 21 февраля 1991 года.

¹⁹³ John Vincour, «Foreign Workers in West Germany Live Under the Shadow of Prejudice», *New York Times*, 22 февраля 1982 года.

¹⁹⁴ Ralph Boulton, *International News*; Peter Bruce, «Neo-Nazis Exploit Refugee Fears», *Financial Times*, 30 июля 1986 года.

¹⁹⁵ Christa Ritter, *Tempo*, февраль 1989 года, цитируется в Christopher T. Husbands, *Militant Neo-Nazism in the Federal Republic of Germany in the 1980s*, а также в Cheles, *Neo-Fascism in Europe*, стр. 118n.

¹⁹⁶ Фридрих Бюссе, глава выступившего против Кюнена крыла FAP, в течение длительного времени был активистом ультраправого движения, осуждался за применение насилия. Бюссе начал свою неонацистскую деятельность в начале 1950-х годов, присоединившись к Союзу немецкой молодежи — воензированной организации, являвшейся частью партизанской сети, готовившейся ЦРУ для действий в Западной Европе в случае советской оккупации. По иронии судьбы он позднее возглавил неонацистскую организацию, считавшую Соединенные Штаты своим врагом номер один.

¹⁹⁷ Maoláin, *The Radical Right*, стр. 92; Bruce Hoffman, *Right-Wing Terrorism in Europe*; «Euro-Nazis: Fearsome, fanatic and few», *The Economist*, 11 октября 1980 года.

¹⁹⁸ Абдулла Чатлы, высокопоставленный член «Серых волков», передавший Агдже пистолет, из которого были совершены выстрелы в понтифика, позднее показал под присягой в суде, что в контакт с ним вступила западногерманская BND, пообещавшая крупную сумму денег в том случае, если в заговор с целью покушения на папу будут вовлечены болгары и русские. Спустя некоторое время бывший аналитик ЦРУ Мелвин Гудман открыл, что его коллеги под давлением руководства Управления сфальсифицировали доклады с тем, чтобы указать на возможную причастность к случившемуся СССР. «У ЦРУ не было доказательств причастности КГБ к этому заговору», — заявил Гудман, выступая перед Комитетом по разведке Сената США 25 сентября 1991 года.

Во время покушения на папу резидентуру ЦРУ в Риме возглавлял Дуэйн Дьюи Кларридж. Он же работал на Управление в Турции в начале и середине 1970-х годов, когда вооруженные банды «Серых волков» развязали по всей стране вакханалию взрывов и политических убийств, увенчавшихся на исходе десятилетия военным переворотом. Данные турецких групп по защите прав человека показывают, что в это время «Серые волки» действовали заодно с противоповстанческой организацией турецкой армии. Она выполняла функции

турецкого подразделения в рамках многонациональной программы ЦРУ по созданию партизанских подразделений, способных действовать в тылу врага в случае советской оккупации.

В то же самое время «Серые волки» принимали участие в международной торговле наркотиками. Выступая курьерами турецкой мафии, они двигались по печально знаменитому маршруту контрабандистов. Он проходил через Болгарию, служившую перевалочным пунктом для значительных партий оружия и героина. Расследование, проведенное итальянскими властями, показало, что в 1970-е и в начале 1980-х годов из Западной Европы в страны Ближнего Востока поставлялось достаточно большое количество технически сложных вооружений, включая пулеметы, танки «Леопард», а также американские вертолеты огневой поддержки «Кобра». Эти поставки зачастую оплачивались героином, который с помощью «Серых волков» и других контрабандистов поступал в Северную Италию. Там эти партии принимали посредники мафии, а затем переправляли их в Северную Америку. Турецкий морфин был основой известной «связи через пиццерию», в течение многих лет затапливавшей Соединенные Штаты высококачественным героином.

Активный болгарский маршрут контрабандистов как магнитом притягивал к себе агентов тайных служб, действовавших по обе стороны «железного занавеса». Принципиально важную роль в этом играла размещавшаяся в Софии государственная экспортно-импортная компания «Кинтекс» (Kintex), занимавшаяся торговлей оружием. «Кинтекс» кишела болгарскими и советскими шпионами — это только активизировало слухи о том, что за покушением на папу в 1981 году стоял КГБ и его болгарские доверенные лица. Однако у западных разведок были свои зацепки среди болгарских контрабандистов — об этом свидетельствует то, что ЦРУ использовало «Кинтекс» для поставок оружия никарагуанским «контрас» в начале 1980-х годов. Хотя связи ЦРУ с операциями по продаже оружия в обмен на наркотики были хорошо известны в разведывательных кругах, Конгресс предпочел сосредоточить свое внимание на свидетельствах бывших сотрудников ЦРУ и теоретиков правой конспирологии, утверждавших, что заговор с целью убить папу был подготовлен болгарскими и советскими спецслужбами. Это стало одной из наиболее эффективных кампаний по дезинформации, проведенных в эпоху Рейгана. Она укрепила тезис о том, что Советский Союз являлся «империей зла», и в то же время отвлекла внимание от масштабных и потенциально проблемных связей между американской разведкой и турецкими неонацистами.

¹⁹⁹ Zeev Sternhell, «Fascist Ideology», в *Fascism: A Reader's Guide*, под редакцией Walter Laqueur, стр. 344.

²⁰⁰ Комитет Европарламента по расследованию случаев расизма и ксенофобии, *Report of the Findings of the Inquiry* (1991), стр. 27; интервью автора с Кристианом Ворхом, 29 июня 1993 года.

²⁰¹ Интервью автора с Рэем Хиллом.

²⁰² Интервью автора с Рэем Хиллом; Andrew Bell, *Against Racism and Fascism in Europe*. Похождения Хилла в подполье описаны в его книге «The Other Face of Terror».

²⁰³ *Liberation*, 16 апреля 1985 года, 1 июля 1985 года; *Searchlight*, декабрь 1985 года; Lee, Coogan, *Killers on the Right*. Вскоре после ареста Хеппа в Париже в сообщении Госдепартамента США говорилось, что западногерманский неонацист «обладал связями в различных антиссионистских группах, включая ультралевых, и в палестинских террористических организациях».

²⁰⁴ Взрыв в Болонье стал кульминацией продолжавшихся в Италии свыше десяти лет актов политического терроризма. Эта страна в послевоенные годы пострадала от террора сильнее, чем какое-либо другое государство Европы. По статистике, приводимой в подготовленном ЦРУ исследовании, неофашисты были ответственны за 68% из 4292 террористических актов (87% случаев с многочисленными человеческими жертвами), произошедших в Италии за 12-летний период, начавшийся в 1968 году. Итальянские судебные власти полагали, что волна неофашистского насилия, сотрясавшая страну все эти годы, являлась частью «стратегии напряжения», проведение которой координировалось отчасти спецслужбами Италии. Целью стратегии было запугивание населения, которое должно было потребовать создания «сильного» правительства, способного защитить страну, в случае необходимости даже авторитарными мерами. В ходе парламентских расследований была выявлена связь сети «Гладио» — поддерживавшейся ЦРУ военизированной структуры, которая должна была действовать в странах Европы в случае советской оккупации, — с террористическими актами, проводившимися итальянскими неофашистами. Было установлено, что входившие в эту сеть лица имели доступ к 139 секретным складам оружия, располагавшимся в том числе на территории баз НАТО и в церквях. Возглавлявший «Гладио» в 1970-е годы генерал Джерардо Серавалле (Gerardo Serravalle) утверждал: «ЦРУ в большей степени интересовали вопросы внутреннего контроля, то есть наша способность противостоять уличным демонстрациям, общенациональным забастовкам и прочим волнениям на территории страны». «Итальянские “гладиаторы” были подготовлены к тому, чтобы заполнить улицы, создав такое напряжение, которое потребовало бы вмешательства вооруженных сил», — вспоминал один из членов сети Роберто Кавалларо. — Я решил работать, то есть проникнуть в структуру неофашистского движения, поскольку меня воспитали в правом духе. Однако другие мои коллеги работали в левых группах, используя те же методы и преследуя те же цели». Когда в ходе парламентского расследования Кавалларо задали вопрос о «Красных бригадах», он заявил: «Я знаю, что многие террористы — как красные, так и черные — действовали на основе указаний или намеков со стороны специальных служб». Вся эта тайная деятельность представляла собой настолько тугой клубок, что судебные власти и парламентарии так и не смогли его распутать. Поскольку итальянская секретная служба препятствовала проведению расследования, проводившим его лицам было сложно установить, кто в действительности стоял за взрывом на вокзале в Болонье и другими кровавыми терактами. Среди 57 пра-

вых экстремистов, осужденных в связи с бойней в Болонье, было и несколько членов неонацистских «Революционных вооруженных ячеек» («Nuclei Armati Rivoluzionari», NAR). Позднее приговоры в соответствии с давно установившейся юридической практикой были отменены, подозреваемые вышли на свободу, а несколько сотрудников итальянских спецслужб «получили по рукам» за то, что мутили воду и вводили в заблуждение следствие. Официально взрывы остаются загадкой и по сей день.

²⁰⁵ *Searchlight*, февраль 1986 года, август 1988 года, июнь 1988 года.

²⁰⁶ *Searchlight*, март 1984 года, июль 1986 года.

²⁰⁷ Simon Frith цитируется в Jack B. Moore, *Shaved for Action*, стр. 35, 173; Bill Buford, *Among the Thugs*, стр. 219, 265.

²⁰⁸ «Translations of selected news items on right-wing extremism, 30 Sep 83 to 27 Oct 83», информационное сообщение разведки армии США № 2 212 1601–83, составитель Elke Ogrissek; Anna Tomforde, «Neo-Nazis terrorise the terraces», *Manchester Guardian*, 19 октября 1983 года.

²⁰⁹ «Echoes of Dreyfus and Vichy», *Patterns of Prejudice*, март — апрель 1968 года; Rees, *Extreme Right Since 1890*, стр. 29–30.

²¹⁰ «Three Interviews with Alain de Benoist», *Telos*, зима 1993 — весна 1994 года, стр. 189.

²¹¹ Armin Mohler цитируется в Tomislav Sunic, *The European New Right and the Crisis of Modern Polity* (автореферат диссертации доктора наук, University of California, Santa Barbara), стр. 64.

²¹² «Editions Copernic», принадлежавшее GRECE издательство, публиковало французские переводы работ Юлиуса Эвола. В конце фашистского правления Эвола помогал в создании запоздавших расистских законов Италии. Он также написал предисловие к итальянскому изданию «Протоколов сионских мудрецов».

²¹³ Аллен де Бенуа цитируется в Robert Cottrell, «Paris shrugs off Mickey Mouse's cultural imperialism», *Independent*, 12 февраля 1991 года.

²¹⁴ Sunic, *The European New Right*, стр. 40.

²¹⁵ Считавшие Алена де Бенуа умным криптофашистом указывали на его продолжавшиеся связи с определенными «дурно пахнущими» элементами среды «Новых правых», где в середине 1980-х годов возник целый ряд журналов, близких по тематике двум изданиям GRECE: «Nouvelle Ecole» («Новая школа») и «Elements» («Элементы»). Например, Майкл Уолкер (Michael Walker) был одним из основных организаторов «Британского национального фронта», а затем начал издавать журнал «Scorpion» («Скорпион»), печатавший английские переводы де Бенуа и других европейских членов «Новых правых». Будучи скорее денди, чем футбольным хулиганом, Уолкер жаловался на своих бывших товарищей по «Фронту»: «Я не люблю беспричинной жесткости... Здесь есть что-то слишком жесткое». Подобные утонченные заявления, однако, не мешали ему

укрывать у себя Роберто Фиоре, молодого итальянского террориста, бежавшего в Лондон после взрыва на вокзале в Болонье в 1980 году. «Scorpion» и выходивший вместе с ним бюллетень «Sting» (в переводе с англ. «жало», «острая боль»), проявляли несомненную симпатию к неонацистам, отрицавшим Холокост. В отличие от них, Марко Тарчи (Marco Tarchi), ключевой представитель итальянских «Новых правых», однозначно говорил, что нацисты проводят геноцид. Поздний Алэн де Бенуа также не был уличен в особом антисемитизме. Он излучал толерантность и призывал к диалогу со всеми политическими силами.

²¹⁶ Pierre-Andre Taguieff, «The New Right's View of European Identity», *Telos*, зима 1993 — весна 1993 года, стр. 108.

²¹⁷ «Three Interviews with Alain de Benoist», стр. 173; Alain de Benoist, письмо автору от 27 июля 1996 года.

²¹⁸ Alain de Benoist, «The Idea of Empire», *Telos*, зима 1993 — весна 1994 года, стр. 97. Де Бенуа был далеко не единственным, занимавшимся этим вопросом. Так, например, размещавшийся в Сан-Франциско Planet Drum Foundation предлагал «биорегиональную» схему в качестве децентрализованной и экологически выгодной альтернативы устаревшим и нефункциональным национальным государствам.

²¹⁹ Taguieff, *The New Right's View of European Identity*, стр. 124.

²²⁰ Там же, стр. 124.

²²¹ C. C. Aronsfeld, «The German Far Right Press and the 40th Anniversary of VE Day», доклад, подготовленный Institute of Jewish Affairs, май 1985 года; «Three Interviews with Alain de Benoist», стр. 183–184.

²²² В 1927 году Муссолини высмеял расовые теории нацистов. Он заявил, что немцы вовсе не представляют собой однородную расу или нацию, а являются смешением по крайней мере шести различных народов.

²²³ William Pfaff, *Minneapolis Star Tribune*, 8 сентября 1992 года.

²²⁴ *Nation Europa*, июль 1989 года, цитируется в *Fascism*, под редакцией Roger Griffin, стр. 364.

²²⁵ Hans-Georg Betz, «Deutschlandpolitik on the Margins: On the Evolution of Contemporary New Right Nationalism in the Federal Republic», *New German Critique*, весна/лето 1988 года. Sunic, *The European New Right*, стр. 277; «GRECE in German», *Patterns of Prejudice*, октябрь 1981 года.

²²⁶ Hans-Georg Betz, «On the German Question: Left, Right, and the Politics of National Identity», *Radical America*, 20, № 1 (1986); *Searchlight*, ноябрь 1995. Размывание идеологических различий было столь же заметно в таких группах, как «Linke Deutschland Diskussion» («Левая немецкая дискуссия»), призывавшая к «движению эмансипации», с тем чтобы освободить Германию от американской и советской гегемонии. Среди ее сторонников числился и Пьер Кребс (Pierre Krebs), прославившийся своими «Семинарами Туле». Он также проводил семинары «по воспитанию навыков лидерства» для групп неонацистов.

²²⁷ Tauber, *Eagle and Swastika*, стр. 122, 126, 720–721, 781–782; Betz, «Deutschlandpolitik on the Margins».

²²⁸ Первая организация, назвавшая себя «Зелеными», возникла в 1977 году. Ее возглавлял Август Хаусслеитер (August Haussleiter), краснолицый, с бычьей шеей, ветеран «Пивного путча» Гитлера, после Второй мировой войны принимавший активное участие в целом ряде ультраправых акций. В начале 1950-х годов его организация «Германское общество» («Deutsche Gemeinschaft») сотрудничала с неонацистским «Bruderschaft», одним из ключевых деятелей которого был Отто Скорцени. Вскоре после запрета Социалистической имперской партии (SRP) правительством Западной Германии Хаусслеитер вступил в секретные переговоры с коллегами Отто-Эрнста Ремера в попытке сохранить политическое влияние сторонников SRP. Связанный с SRP адвокат Рудольф Ашенауэр являлся членом правления «Германского общества». Однако к концу 1960-х годов Хаусслеитер в попытке привлечь радикально настроенных студентов обратился к левым взглядам. Его группа «Сообщество действий независимых немцев» начала уделять основное внимание экологии и борьбе с ядерным оружием. Затем Хаусслеитер стал отцом возникшего движения «Зеленых», изначально поддерживавшегося лицами, покинувшими консервативный лагерь, а также левыми активистами. В 1980 году он был избран председателем «Зеленых», однако через несколько месяцев был вынужден оставить свой пост из-за своего темного прошлого.

²²⁹ Betz, «On the German Question»; Andrei S. Markovits, «Coping with the Past», в Peter Baldwin, *Reworking the Past*, стр. 272, 275n; «Greens Accuse Berlin Chapter of Neo-Nazi Ties», телеграмма Госдепартамента США от 11 января 1985 года. В 1983 году «Зеленые» снова продемонстрировали свою антипатию к нацизму, став единственной политической партией в истории Западной Германии, отозвавшей одного из своих депутатов Бундестага по причине того, что ранее он состоял членом гитлеровской NSDAP.

²³⁰ Janet Biehl, «‘Ecology’ and the Modernization of Fascism in the German Ultra-right», *Society and Nature*, весна 1994 года; Betz, «On the German Question».

²³¹ Biehl, «‘Ecology’ and the Modernization of Fascism»; Betz, «On the German Question»; *Searchlight*, январь 1992 года. Неонацистские группировки в других странах более откровенно высказывались о своих мотивах, что демонстрирует лозунг английского «Национального фронта»: «Сохранение расы экологично!»

²³² Biehl, «‘Ecology’ and the Modernization of Fascism».

²³³ Betz, «On the German Question».

²³⁴ Betz, «Deutschlandpolitik on the Margins»; Aronsfeld, «The German Far Right Press»; интервью автора с Отто-Эрнстом Ремером. Фалин утверждал, что не помнит своей встречи с Ремером. «Будучи дипломатом, мне приходилось заниматься очень многим и встречаться с самыми разными людьми», — заявил он в июне 1993 года, беседа с автором.

²³⁵ Jonathan Steele, «A strain on the axis that is now beginning to tell», *Guardian*, 7 февраля 1983 года; Betz, «Deutschlandpolitik on the Margins».

²³⁶ William Bole, «Bitburg: The American Scene», в *Bitburg in Moral and Political Perspective*, под редакцией Geoffrey M. Hartman, стр. 68; см. также стр. 15. Невзирая на неоспоримые доказательства того, что на кладбище в Битбурге захоронены эсэсовцы, осуществлявшие массовые расстрелы гражданских лиц, видные американские консерваторы выступили в защиту решения Рейгана посетить кладбище, назвав этот шаг демонстрацией храбрости президента. «Рейган поступил правильно», — заявил Уильям Бакли в комментарии, широко растиражированном синдицированными средствами массовой информации.

²³⁷ John Tagliabue, «Summit in Europe: Bitburg Graves Cast a Pall; SS Veterans Feel ‘Rehabilitated’ by Reagan Visit», *New York Times*, 3 мая 1985 года; James M. Markham, «As Bitburg Visit Nears, Kohl, Under Fire, Says It Will Go On», *New York Times*, 30 апреля 1985 года.

²³⁸ Timothy Garton Ash, «Germany After Bitburg», в Hartman, *Bitburg in Moral and Political Perspective*, стр. 202–203.

²³⁹ Mary Nolan, «The Historikerstreit and Social History», в Baldwin, *Reworking the Past*, стр. 231.

²⁴⁰ Детальное обсуждение «Спора историков» см. Richard J. Evans, *In Hitler’s Shadow*, а также Baldwin, *Reworking the Past*.

²⁴¹ Нольте утверждает, что вторжение Германии в Советский Союз было в основе своей превентивным ударом, предпринятым для защиты западной цивилизации. В соответствии с этим сценарием порыв Гитлера на Восток был вызван его страхом перед русской революцией, ГУЛАГом, а также жестокостями Сталина. Здесь воскресал дух расизма, заставлявший вспомнить высказывания Геббельса, называвшего коммунизм порождением узкоглазых варваров. Нольте задается вопросом: «Возможно, нацисты и Гитлер совершали “азиатские” жестокости потому, что сами боялись стать жертвами подобных “азиатских” жестокостей?» Расовой войне нацистов предшествовала классовая война большевиков, и именно она каким-то таинственным способом побудила Гитлера предпринять «окончательное решение», считает Нольте. Хотя он и затрудняется объяснить причины, по которым нацисты предприняли тотальное уничтожение не только евреев, но и цыган, гомосексуалистов, нищих, бродяг, а также умственно и физически неполноценных, ряд крупных средств массовой информации поддержали теории Нольте. То, каким образом шли эти обсуждения в СМИ, показывает, насколько политический спектр страны сместился вправо после Битбурга. Идеи, ранее ассоциировавшиеся с находившимися на периферии неофашистами, теперь обсуждались популярными журналистами. «Кто совершил больше преступлений — Гитлер или воевавшие с ним союзники, до сих пор остается неизвестным, — писал издатель «Der Spiegel» Рудольф Аугштайн. — Начал эти преступления против человечности, вне всякого сомнения, Сталин в 1928 году». Среди наиболее последовательных сторонников

Нольте был и Иоахим Фест, главный редактор ведущей консервативной газеты «Frankfurter Allgemeine Zeitung».

²⁴² Otto Dov Kulka, «Singularity and Its Relativization: Changing Views in German Historiography on National Socialism and the ‘Final Solution’», в Baldwin, *Reworking the Past*, стр. 152; Evans, *In Hitler's Shadow*, стр. 83; Deborah Lipstadt, *Denying the Holocaust*, стр. 214. Нольте даже предполагал, что Ванзейская конференция 1942 года, на которой группа видных нацистов якобы выработала планы «окончательного решения», в действительности не проводилась. Это утверждалось, невзирая на сохранившиеся подробные протоколы и подтверждение тематики несколькими участниками встречи.

²⁴³ «The Institute for Historical Review: ‘Revisionists’ Who Whitewash Nazism», доклад Института еврейских дел, май 1982 года. В число советников Института пересмотра истории вошел ряд профессоров из разных стран мира, включая отставного западногерманского судью Вильгельма Стаглича и Артура Бутца, инженера-электрика из Northwestern University, автора книги «Hoax of the Twentieth Century» («Обман двадцатого столетия»).

²⁴⁴ В своей автобиографии Рудольф Гесс писал: «Должен признаться, что процесс работы газовых камер оказал на меня успокаивающее воздействие. Я всегда боялся расстрелов, думая обо всех этих мужчинах, женщинах, детях. Узнав, что мы избежали этой кровавой бани, я испытал облегчение».

²⁴⁵ Robert Eringer, «The Force of Willis Carto», *Mother Jones*, апрель 1981; *Spotlight*, 6 и 13 января 1986 года.

²⁴⁶ P. Samuel Foner, «General Survives Finger Pointing», *Spotlight*, 13 сентября 1993 года; George Lardner, Jr., «Quayle Drew on Energy, Affability in Political Rise», *Washington Post*, 2 октября 1988 года; Lipstadt, *Denying the Holocaust*, стр. 144–145.

²⁴⁷ См., например, Н. Keith Thompson, «Phony Photo Used to ‘Prove’ Hatred», *Spotlight*, 16 июня 1986 года и Н. Keith Thompson, «Grand Admiral Karl Doenitz: Last President of a United Germany», *Journal of Historical Review*, осень 1983 года; письмо Кейта Томпсона Луи Петерсону, секретарю политического совета «Свободного лобби», 20 февраля 1985 года, хранится в фонде Кейта Томпсона отдела специальных собраний Гуверовского института.

²⁴⁸ David Lowe, «Revisionists gather steam», *Washington Jewish Week*, 3 февраля 1994 года; письмо от Брэдли Смита Кейту Томпсону от 18 декабря 1986 года, хранится в фонде Кейта Томпсона отдела специальных собраний Гуверовского института.

²⁴⁹ В редких случаях Институту пересмотра истории (ИНР) удавалось заманить для презентации своих докладов на конференциях таких крупных историков, как, например, лауреат престижной журналистской премии Пулитцера Джон Толанд. Бывший сотрудник ЦРУ Виктор Марчетти (Victor Marchetti) выступал на одном из съездов ИНР. «Я был знаком с Карто в течение многих лет», — заявил Марчетти, один из нескольких экс-шпионов, находивших удовольствие в пребывании в этой эксцентрической расистской субкультуре.

По рассказам одного из сотрудников IHR, Марчетти получил от империи Карто финансовую помощь для издания бюллетеня «Zionist Watch», который должен был разоблачать гнусную деятельность израильского лобби на Капитолийском холме. Еще одним популярным оратором IHR был Исса Накле (Issah Nakleh) из «Всемирного исламского конгресса» (WMC). Конгресс со штаб-квартирой в Пакистане изначально возглавлял Великий муфтий Иерусалима, который, как и его друг Кейт Томпсон, до самой смерти в 1974 году хранил верность Третьему рейху. Через несколько лет «Всемирный исламский конгресс», уже под руководством пакистанца доктора Инамиллы Хана, разослал отрицавшую Холокост литературу всем американским конгрессменам и депутатам английского парламента. Официальное издание «Всемирного исламского конгресса» «Исламский мир» («Muslim World») рекламировал на своих страницах «Протоколы сионских мудрецов» и «Международное еврейство» Генри Форда. Организация доктора Хана также опубликовала книгу «Масонство», предупреждавшую о том, что члены ложи используются евреями для тайного управления религией и обществом (параноидальная теория, издавна пользующаяся популярностью среди сторонников «Свободного лобби» и организаций неонацистов по всему миру). Признавая политическое родство, генеральный секретарь «Всемирного исламского конгресса» Хан направил в редакцию «Spotlight» письмо, в котором отмечался «превосходный глубокий анализ» публикаций газеты и утверждалось, что она заслуживает благодарности «всех здравомыслящих людей». Доктор Хан был также советником королевского дома Саудовской Аравии, щедро финансировавшего «Всемирный исламский конгресс», а правительство Саудовской Аравии прибегло к услугам американского неонациста Уильяма Гримстеда (William Grimstead) для лоббирования своих интересов в Вашингтоне. Как и многие неофашистские группировки Европы, «Всемирный исламский конгресс» занимал «третью» позицию по отношению к сверхдержавам. Это, в частности, демонстрировал и заголовок из «Исламского мира»: «США и СССР вместе служат интересам сионистов». Однако когда в 1979 году Советский Союз вторгся в Афганистан, Хан поумерил свой антиамериканский пыл. Вскоре «Всемирный исламский конгресс» стал тесно сотрудничать с американской разведкой и пакистанскими военными, которые тайно поддерживали афганских моджахедов в их борьбе против режима в Кабуле, державшегося на штыках СССР. Усилия WMC горячо поддерживал доктор Хан. В течение многих лет он был представителем Пакистана в кишевшей нацистами «Всемирной антикоммунистической лиге». Эта организация играла важную роль в проводившейся администрацией Рейгана «тайной войне» в районе «Золотого полумесяца» (территория сопредельных районов Афганистана, Ирана и Пакистана, где расположены крупные плантации опиумного мака. — *Примеч. пер.*)

²⁵⁰ Ray Hill, *The Other Face of Terror*, стр. 233; George, Wilcox, *Nazis, Communists, Klansmen and Others*, стр. 262; *Searchlight*, декабрь 1990 года; см. также свыше 100 выпусков бюллетеня «David McCalden Revisionist Newsletter» переставшего выходить со смертью Маккалдена в 1990 году.

²⁵¹ Общие сведения содержатся в Russ Bellant, *Old Nazis, the New Right and the Republican Party*; David Lee Preston, «Fired Bush backer one of several with possible Nazi links», *Philadelphia Enquirer*, 10 сентября 1988 года. В феврале 1986 года на организованной INR встрече выступал еще один руководитель республиканцев, работавший с этническими группами, доктор Александр Ронне (Alexander Ronnet) из Национального конгресса румын, живущих в США. В своей речи он восторгался «фёлькиш»-мистицизмом фашистской «Железной гвардии».

²⁵² В результате этих разоблачений восемь деятелей Республиканской партии, занимавшихся пропагандой среди этнических групп, вынуждены были в сентябре 1988 года подать в отставку. Сведения о них были получены в основном из указанного в предыдущей сноске доклада Расса Белланта (Russ Bellant), в котором приведены многочисленные примеры фашистских коллаборационистов, сотрудничавших с Республиканской партией. Среди них были Ласло Пастор, основатель Совета групп республиканского наследия, ранее входивший в венгерскую пронацистскую группу «Железный крест»; Ради Славов, исполнительный директор «Фонда наследия» Республиканской партии, ранее болгарский фашист; бывший эсэсовец Николай Назаренко, возглавлявший «казацкую секцию» республиканцев; вербовщик «Железной гвардии» Флоредан Гальдау, руководивший деятельностью республиканцев среди румынских эмигрантов; словацкий руководитель республиканцев Метод Балко, организатор ежегодных памятных мероприятий в честь марионеточного пронацистского режима Йозефа Тисо; Вальтер Мелианович, глава белорусского подразделения республиканцев, тесно сотрудничавший с различными фашистскими коллаборационистами; хорватское подразделение республиканцев, защищавшее союз усташей с Гитлером в годы Второй мировой войны. Дополнительные примеры см. Russ Bellant, *Old Nazis, the New Right and the Republican Party*.

²⁵³ Simpson, *Blowback*, стр. 216; Bellant, *Old Nazis, the New Right and the Republican Party*; David Lee Preston, «Nazi-affiliated emigres and the Republican Party», *Philadelphia Enquirer*, 18 сентября 1988 года.

²⁵⁴ Jeff Cohen, Norman Solomon, *Adventures in Medialand*, стр. 172–174; Jacob Weisberg, «The Heresies of Pat Buchanan», *New Republic*, 22 октября 1990 года. К апрелю 1987 года OSI удалось возбудить дела против 53 человек, подозреваемых в совершении нацистских преступлений, а также получить 21 ордер на лишение прав натурализации, 12 ордеров о депортации, пять из которых были реализованы. Впереди были и следующие дела.

²⁵⁵ Richard Bernstein, «The Roots of a Populist Who Would Be President», *New York Times*, 24 марта 1996 года; John M. Broder, «Rabbi Campaigns for Buchanan, the 'Equal Opportunity Insulter'», *San Francisco Chronicle*, 24 марта 1996 года; Collette, *Public Eye*, сентябрь 1994 года. Политолог Кристина Джефффри из Kennesaw State College, Мариетта, штат Джорджия, негативно оценившая курс о Холокосте, позже получила предложение занять место официального историка Палаты представителей от спикера Ньюта Гингрича. Однако Гингрич, знавший о роли Джефффри в отклонении программы об истории Холокоста,

выдвигая ее на этот пост, отозвал свое предложение, когда подробности дела стали достоянием прессы.

²⁵⁶ Судебные споры Мермельштейна с отрицателями Холокоста особенно подчеркнули роль адвоката Института пересмотра истории Марка Лейна в пропаганде идей пронацистского «Свободного лобби». Славу Лейну принесла критика результатов работы комиссии Уоррена, расследовавшей обстоятельства убийства президента Кеннеди. Позже он написал книгу, где утверждалось, что за покушением стоит ЦРУ. Эта книга, «Plausible Denial», активно пропагандировалась конспирологами из «Свободного лобби». Бывший левак еврей Лейн отблагодарил «Лобби», подписав распространявшуюся по прямой рассылке просьбу о финансовой поддержке «Фонда за защиту первой поправки к Конституции», организации, за которой скрывалось «Свободное лобби». Лейн также с целью саморекламы написал для «Spotlight» несколько статей о покушении на Кеннеди и по другим темам.

²⁵⁷ Интервью автора с Кейтом Томпсоном, 10 ноября 1993 года; «The World», *Los Angeles Times*, 10 июля 1986 года; Robert Tilley, «The SS veterans who still march to Hitler's tune», *Sunday Telegraph*, 15 ноября 1992 года.

²⁵⁸ *Spotlight*, 26 октября 1987 года; Otto Ernst Remer, «My Role in Berlin on July 20, 1944», *Journal of Historical Review*, весна 1988 года.

²⁵⁹ Информационное сообщение разведки армии США, 15 июля 1988 года.

²⁶⁰ Комитет Европарламента по расследованию случаев расизма и ксенофобии, *Report on the Findings of the Inquiry* (1991), стр. 27; интервью автора с Кристианом Ворхом; *Der Spiegel*, 27 марта 1989 года.

²⁶¹ Кюннен цитируется в Ferdinand Protzman, «West German Neo-Nazi Speaks of a Revival», *New York Times*, 12 марта 1989 года.

²⁶² «The Republikaner: Where Are They Coming From, How Far Can They Go, and What Do They Mean For German Politics?», документ Госдепартамента США, 10 марта 1989 года; *Searchlight*, март 1989 года, октябрь 1989 года; Michael G. Huelshoff и др., редакторы, *From Bundesrepublik to Deutschland*; John D. Ely, *The 'Black-Brown Hazelnut' in a Bigger Germany*, стр. 240.

²⁶³ «The Radical Right in Bavaria After the Elections», документ Госдепартамента США, 15 апреля 1992 года; Schmidt, *The New Reich*, стр. 9, 12, 225. Позднее Кюннен назвал Харальда Нойбауэра, второе лицо в «Республиканцах», избранного по партийной квоте в Европарламент, членом своей секретной неонацистской сети.

²⁶⁴ Gordon A. Craig, «The Rising Star of the German Right», *New York Review of Books*, 15 июня 1989 года; Hans-Georg Betz, *Radical Right-Wing Populism in Western Europe*, стр. 134–135.

²⁶⁵ Betz, *Radical Right-Wing Populism*, стр. 135; Шенбауэр цитируется в Huelshoff, *From Bundesrepublik to Deutschland*, стр. 240.

²⁶⁶ Комитет Европарламента по расследованию случаев расизма и ксенофобии, *Report on the Findings of the Inquiry* (1991), стр. 25; *Searchlight*, май 1989 года. Несколько членов молодежной организации ХДС «Junge Union» уже откололись, сформировав берлинское отделение «Республиканцев». В попытке предотвратить дальнейшие перебежки «Junge Union» сильно поправила. На собраниях берлинского отделения распространялась откровенно расистская литература. В то же самое время руководство ХДС и их баварские союзники из ХСС открыто обсуждали возможность создания союза с «Республиканцами», которые, в свою очередь, рассматривали коалицию с партией Коля как крайне желаемую.

²⁶⁷ Комитет Европарламента по расследованию случаев расизма и ксенофобии, *Report on the Findings of the Inquiry* (1991), стр. 24, 27.

²⁶⁸ Интервью Ремера в документальном фильме Микаэля Шмидта для шведского телевидения, *Wahrheit Macht Frei*.

ЧАСТЬ III

¹ Интервью автора с Джайе Мюллер, апрель 1992 года; Jeff Cohen, «The Writing on the Wall», *In These Times*, 20–26 февраля 1985 года.

² «Neo-Nazi Organizations in Federal Republic of Germany». Информационное сообщение разведки армии США, 31 июля 1992 года.

³ Schmidt, *The New Reich*, стр. 67–69.

⁴ James Ridgeway, «Wie Deutsch Ist Es?», *Village Voice*, 3 декабря 1991 года; Hockenos, *Free to Hate*, стр. 53–54; *Searchlight*, сентябрь 1990 года.

⁵ Ingo Hasselbach, «Extremism: A Global Network», *New York Times*, 20 апреля 1995 года; Ridgeway, «Wie Deutsch Ist Es?»

⁶ Ridgeway, «Wie Deutsch Ist Es?»; Schmidt, *The New Reich*, стр. 57; Hockenos, *Free to Hate*, стр. 78–85; «The East German Neo-Nazi Phenomenon», документ Госдепартамента США, 1 декабря 1987 года. Подобным действиям тайной полиции Восточной Германии предшествовала аналогичная уловка, реализованная в середине 1980-х годов в Западном Берлине, когда ведущий деятель христианских демократов Генрих Люммер перевел средства из партийных фондов на счета ультраправых, чтобы предотвратить их участие в предстоящих выборах. Целью было увеличить число голосов в пользу ХДС, которая также привлекала неонацистов, чтобы срывать предвыборные плакаты социал-демократов (ведущей оппозиционной партии) и мешать проведению их собраний. (*Searchlight*, июнь 1986 года.)

⁷ «Skinheads in the GDR: A Thorn in the Side of Anti-Fascism», документ Госдепартамента США, 27 июля 1988 года; общая информация также содер-

жится в Hans Joachim Maaz, *Behind the Wall*. В течение всей «холодной войны» восточногерманское правительство отрицало свою долю ответственности за преступления Третьего рейха, отказываясь выплачивать компенсации евреям и другим жертвам нацистских зверств. Только в апреле 1990 года парламент ГДР принял постановление, одно из последних в своей истории, выражавшее раскаяние перед жертвами Холокоста. Официальные лица Восточной Германии с запозданием признали свою «долю ответственности за унижения, высылки и убийства еврейских женщин, мужчин и детей». Однако это откровенное признание превосходило все, что было высказано за долгие годы правительством Западной Германии, которое уклончиво извинялось за преступления, совершенные «именем немецкого народа», как будто бы сами немцы не были причастны к произошедшему.

⁸ Hockenos, *Free to Hate*, стр. 42; Hasselbach, «Extremism: A Global Network»; «Violent Crimes Committed by Right-Wing Extremists on the Increase in GM», Информационное сообщение разведки армии США, 12 июня 1991 года.

⁹ Hockenos, *Free to Hate*, стр. 84; Schmidt, *The New Reich*, стр. 57–58; «Summary of the Berlin Press», документ Госдепартамента США, 28 июня 1988 года; Christopher T. Husbands, «Neo-Nazis in East Germany: The New Danger?», *Patterns of Prejudice* 25, № 1, 1991 год.

¹⁰ Günter Grass, *Two States — One Nation?*, стр. 52.

¹¹ Grass, *Two States — One Nation?*, стр. 66; Hockenos, *Free to Hate*, стр. 56.

¹² Schmidt, *The New Reich*, стр. 64–66.

¹³ *Searchlight*, февраль 1992 года, ноябрь 1993 года.

¹⁴ «Extreme Right Groups in the New Lander: An Introduction», документ Госдепартамента США, 13 декабря 1990 года; Schmidt, *The New Reich*, стр. 222–225. Плакаты Лаука также рекламировали различные неонацистские книги, включая «Империю» Фрэнсиса Паркера Йоки.

¹⁵ Интервью автора с Грэмом Аткинсоном, февраль 1992 года; *Searchlight*, апрель 1993 года; Stephen Kinzer, «A Neo-Nazi Whose Ardor Was Cooled by Killings», *New York Times*, 2 февраля 1994 года; «Danger on the Right», *Vancouver Sun*, 26 октября 1991 года; Иностранное радиовещание (Западная Европа), 17 января 1992 года; Ridgeway, «Wie Deutsch Ist Es?»; Schmidt, *The New Reich*, стр. 100.

¹⁶ Показавшие достаточную заинтересованность неонацистские новобранцы переходили к более углубленному политическому образованию. В качестве учебных пособий использовались фильмы времен Третьего рейха, такие как «Вечный жид» («Der ewige Jude»), где евреи показаны крысами и паразитами. «Где бы ни появлялись крысы, они несут с собой разрушение. Они уничтожают вещи и еду, они разносят болезни... Среди животных они представляют собой образ предательского, тайного разрушения — точно так же, как евреи среди людей», — сообщал дикторский текст.

Полный ненависти сценарий был написан доктором Эберхардом Таубертом (Eberhard Taubert), одним из помощников Геббельса. Тауберт был также судьей Народного трибунала, в годы Гитлера выносившим многочисленные смертные приговоры за такие «преступления», как половая связь с евреем. Как и многие другие нацисты, после войны Тауберт избежал наказания. Он даже оказался в фаворе у правительства Западной Германии, получив работу в отделе психологической защиты немецкой армии. Он также был юридическим советником Фрица Риса, преуспевающего промышленника, сколотившего состояние на экспроприации «арианизированной» еврейской собственности и использовании рабского труда на фабриках близ Освенцима. Фриц Рис не только не был осужден за свои преступления, но даже патронировал ряд консервативных западногерманских политиков, включая Гельмута Коля. В качестве жеста благодарности Коля наградил Риса высшим гражданским отличием — орденом «За заслуги» Федеративной Республики Германия. Одним из кавалеров награды был также Герман Шлоссер, глава «Degussa», компании, разработавшей и производившей применявшийся в газовых камерах газ «Циклон Б».

¹⁷ *Searchlight*, сентябрь 1991 года; «German Neo-Nazis Volunteer for Iraqi Army, Extremist Says», *Reuters*, 21 января 1991 года; «Germany Embarrassed by Neo-Nazis Wanting to Fight for Iraq», *Reuters*, 6 февраля 1991 года.

¹⁸ *Searchlight*, март 1991 года; *Wiener*, март 1991 года, цитируется в «Right-Extremist Activities in Germany, Lower Saxony, Situation Report for February 1991», документ Госдепартамента США, 8 апреля 1991 года; Michael Novick, *White Lies, White Power*, стр. 307.

¹⁹ Общую информацию см. в Timmerman, *The Death Lobby*; «U. N. Says a German Promoted Iraq A-Arms», *New York Times*, 26 января 1996 года. В этих проектах принимала участие небольшая группа немецких специалистов, почти тридцатью годами ранее работавшая над ракетными проектами Египта.

²⁰ В то время как западногерманские компании выстроились в очередь, чтобы помочь Каддафи получить химическое оружие, ливийское правительство поддерживало связи с неонацистскими боевиками ряда стран. Так, например, в 1986 году высокопоставленный сотрудник ливийского посольства в Мадриде был выдворен из Испании ввиду того, что он оказывал помощь ультраправым в вооруженных силах страны, готовившим свержение правительства. В этот период Каддафи обхаживали неонацисты из Великобритании, Италии, Швейцарии, Аргентины, Австралии, Канады и США.

²¹ David Buchan, *Financial Times*, 13 января 1989 года; Robert McCartney, «Bonn Says Probe Fails to Back U. S. Charges on Libyan Plant», *Washington Post*, 6 января 1989 года; «Gas, guns... and gardening», *Searchlight*, сентябрь 1992 года.

²² Интервью автора с Дугласом Джонсом, 19 июля 1995 года; «Libya's Use of Foreign Labor and Foreign Material», информационное сообщение разведки армии США, 8 ноября 1988 года.

²³ Timmerman, *The Death Lobby*, стр. 491; «German minister trained Iraqi murder squads», *Searchlight*, август 1993 года; «German military taught Libyan troops», *Reuters*, 4 января 1995 года; Bjorn Edlund, «Kohl connived in ‘business of death’, German opposition says», *Reuters*, 18 января 1989 года; David Goodhart, «Bonn Knew of Libya Supplies», *Financial Times*, 19 января 1989 года; «Bonn Again Revises Line on Libyan Chemical Plant», *Facts on File*, 27 января 1989 года.

²⁴ Интервью автора с Кристианом Ворхом, 29 июня 1993 года.

²⁵ «Neo-Nazi chief’s ashes are stolen», *Agence France Presse*, 8 апреля 1992 года.

²⁶ *Searchlight*, апрель 1994 года; Кейт Томпсон, письмо автору от 1 июня 1995 года. Несмотря на прочные корни, связывавшие ее с неонацистами, «Stille Hilfe» установила дружеские связи с консервативными политиками Западной Германии, такими как лидер фракции ХДС в Бундестаге Альфред Дреггер (Alfred Dregger), высоко оценивший деятельность «Stille Hilfe» всего за два года до того, как организация отметила работу Кюнена. В январе 1994 года разразился скандал, вызванный запросом о расследовании фактов налоговых послаблений для ветеранов SS, организованных «Stille Hilfe». Запрос был инициирован депутатом Бундестага от социал-демократов Зигфридом Вергином (Siegfried Vergin).

²⁷ *Searchlight*, июнь 1991 года, март 1992 года. В ходе произведенного в 1992 году полицией обыска дома Кюнена в Вене было найдено несколько компьютерных дисков с данными о его связях с неонацистами в соседней Венгрии. Вскоре после этого несколько венгерских неонацистов были арестованы и заключены в тюрьму.

²⁸ Интервью автора с Кристианом Ворхом; «Neo-Nazi trial in Frankfurt/Main [Germany] on 8 April 1992», информационное сообщение разведки армии США, 13 апреля 1992 года; Andrew Phillips, «Skinheads, Jackboots — Hatred is also a part of the new Germany», *Maclean’s*, 23 ноября 1992 года.

²⁹ «The Far Right in Berlin and the New Lander: The ‘Old Right’ Parties and the ‘New Right’ Neo-Nazis», информационное сообщение разведки армии США, 18 декабря 1991 года.

³⁰ В случае если не указано иного, все цитаты Белы Эвальда Альтханса взяты из интервью с автором 21 апреля 1992 года.

³¹ Ian Murray, «Becker love match inflames Nazi desire for master race», *The Times* (London), 4 марта 1992 года.

³² Общую информацию см. в Morris Dees, Steve Fiffer, *Hate on Trial*.

³³ Участвуя в 1985 году в Лос-Анджелесе во встрече с Фарраханом, Метцгер пожертвовал 100 долларов «Нации ислама» в качестве символа понимания ее идей. Метцгер заявил: «Они хотят своего собственного правительства и своей собственной территории. Именно этого мы хотим и для них, и для нас... Они выступают против евреев и угнетателей из Вашингтона». (*Searchlight*, декабрь 1985 года.)

³⁴ Robin Gedye, *Daily Telegraph*, 2 марта 1992 года.

³⁵ В 1985 году, после долгих лет юридических споров, Бундестаг принял закон об отрицании Холокоста, который, в соответствии с популярной политической тенденцией релятивизации Освенцима, приравнял послевоенное изгнание немцев из Восточной Европы к нацистскому Холокосту.

³⁶ Adrian Bridge, «Irving's dangerous liaison with Germany», *Independent*, 10 мая 1992 года; «Ein Reich, Ein Irving», *Independent on Sunday*, 3 марта 1991 года.

³⁷ Schmidt, *The New Reich*, стр. 107, 211–212. Бывший сотрудник ЦРУ Виктор Марчетти, выступавший на встречах, организованных Институтом пересмотра истории, указывался в качестве ближневосточного редактора CODE.

³⁸ В случае если не указано иного, все цитаты Отто-Эрнста Ремера взяты из интервью с автором 16 апреля 1992 года.

³⁹ *Remer Depeche*, февраль 1991 года, март 1991 года, июнь 1992 года.

⁴⁰ Интервью автора с Белой Эвальдом Альтхансом.

⁴¹ Интервью автора с Кристианом Ворхом.

⁴² Получив от Бонна полномочия управлять ранее принадлежавшей государству собственностью в Восточной Германии и готовить ее к приватизации, правительственная структура, именовавшаяся Treuhand, продолжила разрушать уже ослабленную экономику страны. Treuhand закрыла многочисленные фирмы, даже приносившие прибыль, при этом не рассматривая возможность их сохранения, что оставило миллионы людей безработными и деморализованными. Сотни других предприятий были проданы крупным западногерманским корпорациям по сильно заниженным ценам. Грандиозное расхищение восточногерманских активов шло, невзирая на возмущения и голодовки протеста. Вместо того чтобы получать доходы, которые предполагалось распределить между жителями бывшей ГДР, Treuhand наделала огромные долги, способствовав превращению региона в промышленную пустыню.

⁴³ Проведенный в апреле 1992 года опрос общественного мнения показал, что только 32% восточных немцев рассматривали демократию в качестве лучшей формы правления.

⁴⁴ После падения Берлинской стены Федеративная Республика ежегодно привлекала на свою территорию несколько сотен тысяч лиц, ищущих убежища, однако положительное решение получал лишь весьма незначительный процент желающих. Большинство репатриировалось, однако некоторые вовсе исчезали из поля зрения властей. Манфред Риттер, один из высокопоставленных функционеров ХСС, союзника партии Коля по правящей коалиции, сравнивал беженцев с «саранчой, оставляющей после себя пустыню». (Graeme Atkinson, «Germany: Nationalism, Nazism and Violence», в *Racist Violence in Europe*, под редакцией Tore Bjorgo и Rob Wittej, стр. 160.)

⁴⁵ Интервью автора с Дугласом Джонсом.

⁴⁶ Интервью автора с Грэмом Аткинсоном.

⁴⁷ Searchlight, *Reunited Germany: The New Danger*, стр. 5.

⁴⁸ Данные Verfassungsschutz цитируются в Bjorgo, Witte, *Racist Violence in Europe*, стр. 4.

⁴⁹ Searchlight, апрель 1993 года; Atkinson, «Germany: Nationalism, Nazism and Violence», стр. 157.

⁵⁰ «Federal Republic of Germany — Failed by the System: Police Ill-Treatment of Foreigners», «Международная амнистия», май 1995 года; «‘Foreigners Out’ — Xenophobia and Right-wing Violence in Germany», *Helsinki Watch*, октябрь 1992 года.

⁵¹ Searchlight, октябрь 1994 года.

⁵² Stephen Kinzer, «German Judge Frees 3 in an Attack on Foreigners», *New York Times*, 1 марта 1992 года; *Reuters*, 2 октября 1992 года; Searchlight, октябрь 1991 года, май 1993 года; *Agence France Presse*, 14 сентября 1992 года.

⁵³ Stephen Kinzer, «Germany’s Justice System Said to Favor Rightists», *New York Times*, 7 ноября 1993 года.

⁵⁴ «Юридическая система Западной Германии всегда рассматривала основания для приговоров, вынесенных во времена Третьего рейха, как “действующее законодательство своего времени”», — писал Инго Мюллер, указавший на то, что радикальные законы, принятые во времена Гитлера, никогда не были отменены. Это было еще раз подчеркнуто в 1985 году парламентом Западной Германии, принявшем решение не отменять ни одного юридического решения эпохи нацизма. Подобный шаг стал продолжением нескольких официальных решений, принятых в пользу бывших нацистских судей. Доктор Ганс Пюфогель, защитивший во времена Третьего рейха диссертацию о пользе «устранения неполноценных лиц путем их убийства», в 1976 году был назначен министром юстиции земли Нижняя Саксония. Когда другой судья публично раскритиковал это назначение, дисциплинарные меры были приняты именно в отношении него, а не Пюфогеля. В 1978 году премьер-министр земли Баден — Вюртемберг Ганс-Карл Филбингер был разоблачен как судья, выносивший смертные приговоры в гитлеровском флоте, однако Гельмут Коль, занимавший тогда пост председателя ХДС, последовательно защищал его. Правый уклон в деятельности правовой системы Германии отчетливо проявился уже после «холодной войны», когда отставной 88-летний восточногерманский судья Отто Юргенс был привлечен к ответственности за «превратное толкование правосудия». Его вина заключалась в том, что он якобы назначил слишком серьезное наказание нацистским военным преступникам. В то же время бывшая эсэсовская охранница концентрационного лагеря Равенсбрюк получила финансовую компенсацию за время, проведенное в тюрьме в ГДР, куда она была заключена за военные преступления. Мягкость, проявлявшаяся судами в отношении убийств с участием нацистов, ярко контрастировала с пожизненным приговором, вынесенным в 1992 году 68-летнему Герхарду Богеляйну. Сорок пять лет назад он убил в советском лагере для военнопленных нацистского судью Эриха Каллмертена.

Исполняя свои функции судьи во времена Третьего рейха, Каллмертен вынес смертные приговоры по крайней мере 175 антифашистам. (Ingo Müller, *Hitler's Justice*, стр. 213–214, 288–289, 297; Merhav, «Honouring Evil», в Hartman, *Bitburg in Moral and Political Perspective*, стр. 197.)

⁵⁵ *Searchlight*, декабрь 1991 года, март 1992 года; Peter H. Merkl, «A New Lease on Life for the Radical Right?», в Merkl and Weinberg, *Encounters with the Radical Right*, стр. 210.

⁵⁶ Igal Avidan, «African candidate seeks to make history», *Interpress*, 13 октября 1994 года; Martin A. Lee, «Germany Moves to the Right», *Christian Science Monitor*, 1 октября 1992 года; Marc Fisher, «Britain Moves to Grant African Asylum from Germany», *International Herald Tribune*, 5 марта 1992 года; Marc Fisher, *After the Wall*, стр. 213.

⁵⁷ Цитируется в Fisher, *After the Wall*, стр. 217. Издатель «Der Spiegel» Рудольф Аугштайн 2 июля 1990 года выступил в своем журнале с сенсационным заявлением: «Прусская Германия была не более антисемитским государством, чем Франция или Польша, даже в период с 1933 по 1945 год». Более того, его заявление не встретило ни единого возражения со стороны Бонна — явный знак того, что политика отрицания стала основной линией.

⁵⁸ Тот факт, что в Федеративной Республике проживало 40 тысяч евреев, совершенно очевидно, не радовал некоторых влиятельных немцев. Ганс Кляйн, официальный представитель Гельмута Коля, обвинял «международное еврейство» в смене маршрута канцлера при посещении им Польши. (Кляйн также высоко оценивал вклад войск SS в защиту фатерланда.) С дополнительными жалобами выступил отец Генрих Базилиус Штрейтхофен, личный капеллан Коля, заметивший: «Евреи и поляки — крупнейшие эксплуататоры немцев». Явный антисемитизм просматривался и в предвыборных плакатах Христианско-демократического союза во Франкфурте. На них говорилось о еврейских корнях кандидата от партии «зеленых» Даниэля Кон-Бендита: «Должен ли Кон-Бендит руководить нашей родиной?» В феврале 1993 года ратуша в Бад-Херсфельде, а также дом мэра — социал-демократа были расписаны антисемитскими лозунгами, после того как местное отделение ХДС распространило антисемитскую листовку.

⁵⁹ *Searchlight*, февраль 1991; Fisher, *After the Wall*, стр. 217; *Germany Alert*, 18 октября 1993 года.

⁶⁰ John Tagliabue, «Waldheim Is Given Welcome by Kohl», *New York Times*, 28 марта 1992 года.

⁶¹ Fisher, *After the Wall*, стр. 97; Lee, «Germany Moves to the Right»; John D. Ely, «The 'Black-Brown Hazelnut' in a Bigger Germany», в Huelshoff, *From Bundesrepublik to Deutschland*, стр. 246.

⁶² Elizabeth Neuffer, «Neo-Nazis spreading hate with high-tech», *Boston Globe*, 12 июня 1994 года.

⁶³ Интервью автора с Белой Эвальдом Альтхансом, сентябрь 1992 года; *Agence France Presse*, 25 августа 1992 года; Schmidt, *The New Reich*, стр. 164.

⁶⁴ Leon Mangasarian, «Pols trade accusations after right-wing violence», *UPI*, 25 августа 1992 года.

⁶⁵ Anna Tomforde, «Neo-Nazis on the attack», *Manchester Weekly Guardian*, 30 августа 1992 года; «The Meaning of Rostock», *Searchlight*, октябрь 1992 года; Volker Warkentin, «Neo-Nazi trend endangers democracy says SPD leader», *Reuters*, 26 августа 1992 года.

⁶⁶ Stephen Kinzer, «A Mayor in Germany Acts to Prevent Attacks on Foreigners in Eastern City», *New York Times*, 6 сентября 1992 года; Steve Vogel, «Germany's Rightist Violence Sparks Concerns», *Washington Post*, 5 сентября 1992 года; *Searchlight*, декабрь 1992 года.

⁶⁷ См., например, «'Foreigners Out' — Xenophobia and Right-wing Violence in Germany», *Helsinki Watch*, октябрь 1992 года. В годы Третьего рейха нацисты убили полмиллиона цыган, однако западногерманский суд постановил, что выжившие не имеют юридических оснований обращаться за компенсациями.

⁶⁸ Hockenos, *Free to Hate*, стр. 30; *Stem*, 3 сентября 1992 года.

⁶⁹ «Another night of racist violence in Germany», *Reuters*, 4 сентября 1992 года; *Searchlight*, декабрь 1992 года, январь 1993 года. Официальные данные не учитывают того, что о многих случаях нападений просто не сообщалось, поскольку беженцы опасались преследований со стороны полиции. Ряд откровенно расистских нападений был не учтен в качестве таковых немецкими властями.

⁷⁰ George Boehmer, «Official Predicts Rise in Rightist Violence», *Associated Press*, 12 сентября 1992 года; Marc Fisher, «Bonn Parties Move to Stem Refugee Tide», *Washington Post*, 16 октября 1992 года; *Searchlight*, декабрь 1992 года.

⁷¹ Adam Lebor, «Anti-fascist veterans fight resurgent enemy», *The Times* (of London), 14 сентября 1992 года; *Jewish Telegraph Agency*, 24 ноября, 1992 года.

⁷² В то время как немецкие евреи выстроились в очередь для отъезда из страны, ветераны преследования нацистов Беата и Серж Кларсфельды в октябре 1992 года возглавили делегацию протеста из Франции в Росток. Когда они попытались установить памятную табличку в память о миллионах евреев и цыган, погибших от рук нацистов, Кларсфельдов вместе с 50 другими антифашистами арестовала полиция. Отдельные французские евреи провели в заключении больше недели, в то время как молодые неонацистские хулиганы были, как обычно, освобождены всего через несколько часов.

⁷³ *Searchlight*, октябрь 1992 года; Schmidt, *The New Reich*, стр. 148.

⁷⁴ Интервью автора с Кристианом Ворхом. Удаление лиц, искавших убежище из Ростка и других городов, «превзошло самые смелые ожидания воинствующих правых», делался вывод в информационном сообщении разведки армии США. «Фанатики вне себя от радости, поскольку им удалось добиться реальных результатов. Они достигли своей цели. Иностранцы исчезли. Это вдохновило

организаторов аналогичных акций». («German Right-Extremism in Respect to the Riots in Rostock and other German Cities», информационное сообщение разведки армии США, 23 ноября 1992 года.)

⁷⁵ *Searchlight*, октябрь 1992 года.

⁷⁶ Atkinson, «Germany: Nationalism, Nazism and Violence», стр. 162–163; Nomi Morris, «Refugees: Stasi East German Link to Rostock Attacks, Says Paper», *InterPress Service*, 3 сентября 1992 года; Victoria J. Barnett, «Fear of Foreigners Haunts German Politics», *Christian Century*, 3–10 июня 1992 года.

⁷⁷ «Right-Wing Extremist Violence: A Threat to the U. S. Army?», доклад и анализ угроз разведки армии США, сентябрь 1992 года. За девять месяцев до выпуска доклада американский военнослужащий был серьезно избит скинхедами у входа на дискотеку в Аугсбурге.

⁷⁸ Anna Tomforde, «Bonn line on race violence attacked», *Guardian*, 15 октября 1991 года; *Searchlight*, январь 1992 года, апрель 1993 года; Nancy Nusser, «Neo-Nazis or just hoodlums?», *Atlanta Journal and Constitution*, 4 сентября 1992 года; George Boehmer, «Official Warned Months Ago of Tensions Against Refugees», *Associated Press*, 2 сентября 1992 года; Stephen Kinzer, «In Retreat, Europe's Neo-Nazis May Be More Perilous», *New York Times*, 12 декабря 1993 года. В октябре 1992 года аналитик Госдепартамента США отметил, что баварский региональный отдел Ведомства по защите Конституции выпустил ежеквартальный отчет, где предупреждалось об «опасности левого экстремизма... однако умалчивалось о случаях насилия в отношении лиц, ищущих убежища, и иностранцев».

⁷⁹ *Der Spiegel*, 15 января 1990 года; *Searchlight*, май 1994 года. Правые политики и журналисты очерняли Партию демократического социализма (PDS). Неонацисты забрасывали местные отделения партии бутылками с зажигательной смесью, правоохранительные органы Германии проводили там обыски. Они охотились за председателем PDS Грегором Гизи, восточногерманским адвокатом, специализировавшимся на правозащитной деятельности и отличавшимся хорошо подвешенным языком. Гизи был одним из немногих немецких политиков еврейского происхождения, поэтому кампания против него была пропитана духом антисемитизма. «Der Spiegel» называл его «крючконосым манипулятором», «кукловодом», агентом Штази. Несмотря на неоднократные нападки в прессе, связи Гизи со Штази никогда не были доказаны.

⁸⁰ Stephen Kinzer, «Germans Hold Suspect in Firebombing That Killed 3 Turks», *New York Times*, 27 ноября 1992 года.

⁸¹ «Germany Turns Attention to Threat from Leftists», *International Herald Tribune*, 17 февраля 1993 года; *Searchlight*, январь 1995 года. В сентябре 1993 года Александр фон Шталь был уволен с поста генерального прокурора в результате обвинений в том, что покрывал сотрудников правительственного контртеррористического подразделения, расстрелявших одного из захваченных членов террористической организации «Фракция Красной армии».

⁸² Интервью автора с Кристианом Ворхом. См. также «Counter-intelligence Daily Summary CIDS 202–92/ Counterintelligence Assessment...», документ армии США, 11 декабря 1992 года: «Действия германского правительства против... неонацистских групп уже слишком запоздали, особенно при условии, что запрет на деятельность одной неонацистской группы обычно заканчивается созданием аналогичной группы под новым названием».

⁸³ Ingo Hasselbach, *Führer-Ex*.

⁸⁴ Stephen Kinzer, «Rights Groups Attack German Plan on Refugees», *New York Times*, 7 февраля 1993 года.

⁸⁵ Интервью автора с Кристианом Ворхом; *Searchlight*, февраль 1993 года.

⁸⁶ Kirsten Galagher, «German Again Put King to Rest», *Orlando Sentinel Tribune*, 17 августа 1991 года.

⁸⁷ Интервью автора с Дугласом Джонсом, 19 июля 1995 года.

⁸⁸ Marc Fisher, *After the Wall*, стр. 283.

⁸⁹ Rick Atkinson, «Court Rules German Constitution Allows Sending Troops Abroad», *Washington Post*, 14 июля 1994 года; «Reunited Germany: The New Danger», *Searchlight*, стр. 31.

⁹⁰ Thalif Deen, «U. S. and Germany Top U. N. Arms Register», *Interpress*, 25 октября 1994 года; W. R. Smyzer, *Germany and America*, стр. 102; Ramesh Jaura, «Bonn said to be keeping nuclear option open», *Interpress Service*, 14 апреля 1995 года; «Germans Reject Demand to Alter Nuclear Plant», *New York Times*, 21 января 1996 года; Аугштайн цитируется в Schmidt, *The New Reich*, стр. 142. Высокоставленный сотрудник Пентагона, цитируемый в редакционной статье «New York Times» от 10 марта 1992 года утверждал, «Мы должны искать пути предотвратить появление внутриевропейских договоров о безопасности, которые подрывают НАТО».

⁹¹ *Reunited Germany: The New Danger*, стр. 18, 25.

⁹² «German Media Reaction Report», документ Госдепартамента США, 6 апреля 1992 года; *Europäische Sicherheit*, февраль 1992 года, цитируется в *Reunited Germany: The New Danger*, стр. 22.

⁹³ *Searchlight*, май 1994 года.

⁹⁴ *Reunited Germany: The New Danger*, стр. 15–16. *Searchlight*, декабрь 1993 года.

⁹⁵ Francine S. Kiefer, «German Violence Puts Heat on Police», *Christian Science Monitor*; *Searchlight*, декабрь 1992 года, апрель 1994 года.

⁹⁶ Ian Traynor, «Nazi spectre haunts ‘citizen army’», *The Independent* (London), 17 декабря 1997 года; «Would-be officers make a right turn», *The Times* (London), 30 октября 1997 года; Roger Boyles, «Germany budgetary cuts sap army’s morale and supplies», *The Times*, 12 марта 1997 года; Martin A. Lee, «Germany Goosesteps to the Right», *Moment*, июнь 1998 года.

⁹⁷ Matthias Kiintzel, *Konkret*, цитируется в *Searchlight*, декабрь 1993 года; Ingo Müller, *Hitler's Justice*, стр. 70.

⁹⁸ Анализ произошедшей после «холодной войны» реабилитации Консервативной революции см. Elliot Neaman, «Fascism and postmodernism», *Tikkun*, ноябрь 1993 года.

⁹⁹ Например, регулярно публиковавшийся в «Junge Freiheit» Альфред Шикель также писал и для журнала Бундесвера «Periodical for Inner Leadership».

¹⁰⁰ Robin Gedye, «Student societies raise spectre of Right-wing revival», *Daily Telegraph*, 15 октября 1992 года; Graham Lees, «Right-wing students rattle German sabre», *The Times* (London), 18 октября 1992 года; Roger Boyles, «Fascist thrust scars student duelling clubs», *The Times* (London), 16 января 1996 года.

¹⁰¹ *Searchlight*, август 1989 года. Еще летом 1994 года некоторые редакторы «Junge Freiheit» приезжали в бельгийский Диксмюде, чтобы принять участие в ежегодном неонацистском фестивале.

¹⁰² Интервью автора с Гербертом Шнором, 23 января 1996 года; «Schnoor wamt vor 'Neuer Rechten' und 'Feierabend-Terroristen'», *Deutsche Press Agentur*, 4 апреля 1995 года.

¹⁰³ *Associated Press*, 9 сентября 1994 года.

¹⁰⁴ *Reunited Germany: The New Danger*, стр. 40.

¹⁰⁵ *Frankfurter Rundschau*, 19 апреля 1994 года, цитируется в *Reunited Germany: The New Danger*, стр. 58; Schmidt, *The New Reich*, стр. 136. Реваншистские настроения были широко распространены в объединенной Германии. Проведенный в 1991 году «Los Angeles Times» опрос (опубликован 17 сентября 1991 года) показал, что 39% немцев — 43% западных и 25% восточных — полагали, что некоторые территории соседних стран на законном основании принадлежат Германии.

¹⁰⁶ Martin A. Lee, «Germany Moves to the Right», *Christian Science Monitor*, 1 октября 1992 года; *Searchlight*, июль 1993 года. Только в 1992 году организации «изгнанных» получили около 1,8 миллиарда марок (1,2 миллиарда долларов) от федерального правительства для реализации различных проектов, включая создание специальных школ и «культурных центров» в странах Европы, где проживали значительные немецкие меньшинства. В документах германского правительства Силезия, Померания, Восточная Пруссия и другие утерянные провинции обозначались как «находящиеся в настоящий момент под иностранным управлением».

¹⁰⁷ «The Fourth Reich», *Argonaut* (№ 2 новой серии), стр. 79; *Searchlight*, сентябрь 1989 года; *Reunited Germany: The New Danger*, стр. 39. В этом отношении типичными представляются рассуждения получавшей официальную поддержку «Лиги центральных немцев». Она утверждала в своей газете, получавшей государственное финансирование, что вторжение Гитлера в Россию было «превентивным ударом, чтобы избежать внезапного нападения со стороны СССР».

¹⁰⁸ Интервью автора с Дугласом Джонсом, 31 июля 1995 года; Grass, *Two States — One Nation?*, стр. 33; Schmidt, *The New Reich*, стр. 127; Konrad Jarausch, *Rush to German Unity*, стр. 29. Более чем через 50 лет после окончания Второй мировой войны германские официальные лица все еще привечали различные группы «изгнанных». Например, в июне 1996 года Коль выступил на встрече, организованной Deutschland Stiftung («Германский фонд»), невзирая на то, что суд Мюнхена признал эту организацию «сотрудничающей с правыми экстремистами и пропагандирующей в своем журнале «Deutschland Magazin» антилиберальные, антидемократичные, ревизионистские и ксенофобские взгляды.

¹⁰⁹ *Searchlight*, июль 1993 года, сентябрь 1994 года; *Reunited Germany: The New Danger*, стр. 46–49.

¹¹⁰ Del Boca, Giovana, *Fascism Today*, стр. 458n; *Reunited Germany: The New Danger*, стр. 41, 45–46.

¹¹¹ France S. Kiefer, «German Presence in Czechoslovakia Sparks Concern over Dominance», *Christian Science Monitor*, 26 февраля 1992 года; James L. Greenfield, «Here Come the Westerners», *New York Times*, 7 сентября 1993 года; Roger Boyles, «Sudeten Germans threaten Kohl over pact with Prague», *The Times* (London), 5 декабря 1996 года. В конечном итоге Бонн и Прага подписали соглашение относительно злоупотреблений военного времени, в котором Германия приносила свои извинения за гитлеровское вторжение, а чешское правительство выражало сожаление относительно послевоенного изгнания судетских немцев. Соглашение вызвало недовольство немецких выходцев из Судет, продолжавших настаивать на компенсациях за утраченную собственность.

¹¹² Schmidt, *The New Reich*, стр. 191–192; *Reunited Germany: The New Danger*, стр. 42; интервью автора с Белой Эвальдом Альтхансом.

¹¹³ Anne Olson, «Walesa criticizes German minority activities», *Interpress Service*, 10 декабря 1992 года.

¹¹⁴ *Reunited Germany: The New Danger*, стр. 42; *Zycie Warszawy* цитируется в *Germany Alert*, 3 февраля 1992 года.

¹¹⁵ *Reunited Germany: The New Danger*, стр. 37–39. Известный немецкий историк, советник канцлера Коля профессор Михаэль Штюмер высказал взгляды многих своих боннских коллег, указав, что России следует отказаться от контроля за Кенигсбергом.

¹¹⁶ История пангерманской деятельности «Ассоциации немцев зарубежья» (VDA) продолжительна и разнообразна. Во времена Гитлера она действовала в качестве одного из подразделений Министерства иностранных дел. После войны союзники объявили эту нацистскую структуру вне закона, однако Бонн в 1955 году разрешил ветеранам Третьего рейха воссоздать VDA. С тех пор она наладила тесные связи как с немецкими правыми экстремистами, так и с правительственными чиновниками. VDA обладала более широкими полномочиями, чем другие организации изгнанников, играя роль посредника между Бонном

и любимыми немецкими меньшинствами, в том числе и за пределами «утраченных территорий».

¹¹⁷ Stephen Kinzer, «Fretful Latvians Turn to German with a Racist Past», *New York Times*, 17 октября 1995 года.

¹¹⁸ John Goetz, «Something Nazi Stirs», *Guardian* (London), 12 февраля 1993 года; Edward Barnes, «Soon They Will Come for Us», *Life*, декабрь 1992 года; *Searchlight*, май 1993 года.

¹¹⁹ Graeme Atkinson, «Germany: Nationalism, Nazism and Violence», в Bjorgo, Witte, *Racist Violence in Europe*, стр. 92.

¹²⁰ См. например, *New Order*, январь — февраль 1993 года; *Searchlight*, сентябрь 1992 года.

¹²¹ Немецкие неонацистские наемники также действовали в Южной Африке, где они помогали готовить экстремистов-африканеров, боровшихся за сохранение режима апартеида. Немецкие неонацисты, воевавшие в Хорватии, имели тесные связи с членами Движения сопротивления африканеров — ультраправой террористической организацией, получавшей в начале 1990-х годов финансовую помощь от BND. Члены Движения сопротивления африканеров были замешаны в убийстве руководителя Африканского национального конгресса Криса Хани в 1993 году.

¹²² *Jane's Defense Weekly* цитируется в *Reunited Germany: The New Danger*, стр. 27; Anna Tomforde, «Germany: Government Officials Deny Croatia Is Using Their Tanks», *Guardian* (London), 5 августа 1992; Christopher Bellamy, «Croatia Built Web of Contacts to Evade Weapons Embargo», *Independent*, 10 октября 1992 года; Stephen Kinzer, «Croatia Reportedly Buying MiG's, Defying U. N.», *New York Times*, 23 сентября 1993 года; Carlos Bendana, «Experts warn of Germany's growing militarization», *Interpress Service*, 7 апреля 1994 года.

¹²³ «Bonn denies military influences policy», *UPI*, 15 декабря 1994 года; *Reunited Germany: The New Danger*, стр. 27.

¹²⁴ Misha Glenny, «And the Winner Is... Croatia», *New York Times*, 26 сентября 1995 года.

¹²⁵ «Croatia's President Rejects 'Six Million' Story», *Journal of Historical Review*, июль — август 1995 года. Позднее Туджман извинился за высказанные в книге взгляды перед Американской еврейской организацией.

¹²⁶ Slavenka Drakulic, «Nazis Among Us», *New York Review of Books*, 27 мая 1993; «Violent passions stirred by a long-dead turbulent priest», *Independent on Sunday* (London), 9 февраля 1992 года; Stephen Kinzer, «Pro-Nazi Legacy Lingers for Croatia», *New York Times*, 31 октября 1993 года.

¹²⁷ Radu Ioanid, «Treatment of the Holocaust in Romania», в *Anti-Semitism and the Treatment of the Holocaust in Postcommunist Eastern Europe*, под редакцией Randolph L. Braham, стр. 168.

¹²⁸ Положительная переоценка Антонеску сопровождалась попытками отрицания Холокоста, предпринятыми крупнейшим румынским еженедельником «Romania Mare», выходявшим тиражом более 500 тысяч экземпляров. Издание стало рупором расового национализма после свержения «национал-коммунистического» режима Николае Чаушеску в декабре 1989 года. («Кто такой антисемит? — задавалась вопросом «Romania Mare». — Это тот, кто ненавидит евреев больше, чем нужно.») Нудный ксенофобский еженедельник публиковал статьи негационистов из Западной Европы и Соединенных Штатов, включая редактора издававшегося Институтом пересмотра истории «Журнала пересмотра истории», чтобы доказать, что Холокоста никогда не было. Много внимания уделялось конспирологическим теориям мирового заговора масонов и сионистов. В начале 1990-х годов директором Государственного телевидения Румынии был Пауль Эверак, автор резко антисемитской, отрицающей Холокост книги «Реакционер» («Reactionarul»).

¹²⁹ Radio Free Europe/Radio Liberty Daily Report, 23 сентября 1992 года; John Goetz, «Wiedergaenger in Transsivaniien», *Konkret*, ноябрь 1995 года.

¹³⁰ *Reunited Germany: The New Danger*, стр. 41, 45–46; Fred Hahn, «Treatment of the Holocaust in the Czech Republic», в *Anti-Semitism and the Treatment of the Holocaust in Postcommunist Eastern Europe*, под редакцией Randolph L. Braham, стр. 71; Jewish Telegraph Agency, 17 марта 1992 года.

¹³¹ Michael Ignatieff, *Blood and Belonging*, стр. 34; Barbara Crossette, «U. N. Study Finds a Free Eastern Europe Poorer and Less Healthy», *New York Times*, 7 октября 1994 года.

¹³² *Antisemitism World Report 1994*, стр. 23. Так, например, в июле 1995 года в деревне близ столицы Словакии Братиславы 30 скинхедов сожгли молодого цыгана. Это «жертвоприношение» послужило поводом для формальных соборно-лезнований, выраженных президентом Владимиром Мечиаром, ранее называвшим цыган «социально и психически больными гражданами».

¹³³ Наряду с доморощенными агитаторами, вытасчившими из нафталина антисемитские концепции 1930-х годов, некоторым странам пришлось столкнуться с группами, которые возглавлялись или поддерживались профашистскими эмигрантами, вернувшимися на родину с Запада. Там эти люди в годы «холодной войны», зачастую при поддержке ЦРУ, выступали глашатаями антикоммунистических идей. Основанный американским ультраправым стратегом Полем Вайриком фонд «Свободный конгресс» («Free Congress Foundation») после окончания «холодной войны» активно участвовал в восточноевропейской политике. Видную роль в этой деятельности играл Ласло Пастор, правая рука Вайрика, бывший руководитель венгерской профашистской организации «Скрещенные стрелы», которая сотрудничала с гитлеровским рейхом. Проведя два года в тюрьме за деятельность в «Скрещенных стрелах», Пастор перебрался в США, где принял активное участие в создании отдела по работе с национальными меньшинствами Национального комитета Республиканской партии США.

¹³⁴ Так, например, в 1980 году «национал-коммунисты» сплотились вокруг патриотической «Ассоциации Грюнвальда», прибегшей к антисемитизму с целью ослабить профсоюзное движение «Солидарность» во главе с Лехом Валенсой. По иронии судьбы десять лет спустя, борясь за пост президента Польши, уже сам Валенса апеллировал к антисемитским стереотипам.

¹³⁵ *Московский комсомолец*, цитируется в *Soviet Press Digest*, 7 июля 1994 года.

¹³⁶ L. Dymerskaya-Tsigelman, «L. Korneev as a Phenomenon of Soviet Anti-Semitism in the 1970s-1980s», *Jews and Jewish Topics*, июнь 1986 года.

¹³⁷ «The rise of the new right», *Economist*, 28 января 1995 года.

¹³⁸ Kevin Coogan, «Russia for the ‘Russians’?», *Guardian*, 13 июня 1990 года; «The rise of the new right», *Economist*, 28 января 1995 года.

¹³⁹ «Glasnost and the Jews», телеграмма Госдепартамента США от 28 января 1990 года; Vladimir Nosenko, «Antisemitism in the Soviet Union: The Years of Perestroika», в *The Danger of Antisemitism in Central and Eastern Europe in the Wake of 1989–1990*, стр. 91; «The Protocols of Pamyat», *Hadassah Magazine*, февраль 1991 года; «Where the flag of racism flies free», *Manchester Guardian Weekly*, 9 августа 1992 года; *Searchlight*, декабрь 1990 года. Дополнительную поддержку «Памяти», распространявшей «Зеленую книгу» Каддафи и бесконечно говорившей о «Тель-авидении» и еврейском контроле над советскими новостными СМИ, оказывали арабские посольства в Москве.

¹⁴⁰ Radio Free Europe/Radio Liberty Daily Report, 4 января 1994 года; Елена Лебедева, «Россия запрещает экстремистские ассоциации», *Московские новости*, 2 июня 1995 года; «Честь и Россия по-баркашовски», *Аргументы и факты*, № 16, апрель 1994 года, стр. 3, цитируется в *Current Digest of the Soviet Press*, 25 мая 1994 года.

¹⁴¹ А. Жуков, Л. Терентьева, А. Милкус, «“Псы государевы” сбегаются на зов крови», *Комсомольская правда*, Russian Press Digest, 26 февраля 1993 года; Walter Ruby, «New extremist, antisemitic group said to threaten Soviet reforms», *Jerusalem Post*, 1 декабря 1991 года.

¹⁴² Петр Юдин, «Группы экстремистов проходят военную подготовку», *Moscow Times*, 30 декабря 1994 года. Судя по содержанию официального ежемесячного исторического журнала Красной армии «Военно-исторический журнал», Баркашов не преувеличивал, говоря, что его поддерживают ключевые фигуры в армии. В 1990 году этот журнал публиковал выдержки из «Mein Kampf» Гитлера без каких-либо критических комментариев, а также анонсировал публикацию в нескольких номерах «Протоколов сионских мудрецов». Издатели заявляли, что основная идея книги — всемирный еврейский заговор — продолжает оставаться актуальной. Это утверждалось невзирая на то, что сами «Протоколы» являются общепризнанной подделкой, изготовленной тайной полицией царской России.

¹⁴³ Ruby, «New extremist, antisemitic group said to threaten Soviet Reforms».

¹⁴⁴ Howard Witt, «Russia extremists feed on nation's pain», *Chicago Tribune*, 11 октября 1992 года.

¹⁴⁵ Антизападные взгляды нашли яркое отражение в книге Игоря Шафаревича «Русофобия», ставшей библией для многих из политических оппозиционеров в постсоветской России. В годы «холодной войны» Шафаревич, знаменитый российский математик, был диссидентом-антикоммунистом. Он утверждал, что евреи были на переднем крае борьбы Запада с целью унижить и уничтожить Россию. По его мнению, евреи принесли коммунизм в Россию и несли ответственность за все его неудачи. «Русофобия» была опубликована в 1989 году и получила высокую оценку в «Spotlight», еженедельной газете «Свободного лобби» (см., например, *Spotlight*, 6 февраля 1995 года). Отрывки из книги Шафаревича также публиковались в «Barnes Review», негацианистском преемнике «Journal for Historical Review».

¹⁴⁶ Интервью автора с Кристианом Ворхом, 29 июня 1993 года.

¹⁴⁷ «The Ugly Face of Freedom», *60 Minutes* (CBS) 23 октября 1994 года; Institute of Jewish Affairs, *Antisemitism World Report 1994*, стр. 153–155; *Searchlight*, октябрь 1993 года и март 1994 года.

¹⁴⁸ Встречу ветеранов дивизии SS «Галичина» в Киеве посетили официальные представители Министерства обороны Украины. Здесь же была образована неонацистская организация, назвавшая себя «Общество друзей Отто-Эрнста Ремера». Мероприятие во Львове, где украинские националисты уничтожили 140 тысяч евреев еще до прихода гитлеровских солдат, было поддержано городскими властями. Они переименовали улицу Мира в честь Степана Бандеры, прославившегося своими зверствами украинского коллаборациониста, в годы «холодной войны» работавшего на ЦРУ.

¹⁴⁹ Интервью автора с Эрнстом Цунделом, 5 ноября 1995 года. В Торонто Цундел возглавлял издательство «Samisdat Publishing Company», одно из крупнейших в мире поставщиков антисемитской пропаганды. Цундел был страстным поклонником Фрэнсиса Паркера Йоки и буквально проглотил «Империю», получив в 1961 году экземпляр от основателя «Свободного лобби» Уиллиса Карто. «Я обожаю эту книгу, — восторженно говорил Цундел. — Многие мои мысли окончательно оформились под влиянием концепций Йоки. Не устаю перечитывать эту книгу. Я считаю Йоки постнационал-социалистическим мыслителем, значительно продвинувшим вперед идеи движения. Для меня он был человеком, облагородившим и улучшившим национал-социализм». Когда Цундела привлекли к суду за распространение литературы, отрицающей Холокост, он явился в суд в специально изготовленной робе заключенного концлагеря. Хотя его и осудили за распространение расовой ненависти, позже приговор был отменен. После этого Цундел возобновил поставки негационистской литературы в Европу, где она находилась под запретом.

¹⁵⁰ Ernst Zindel, «My Impressions of the New Russia», *Journal of Historical Review*; сентябрь/октябрь 1995 года; интервью автора с Эрнстом Цунделом.

¹⁵¹ Stephen Handelman, *Comrade Criminal*, стр. 297; Radio Free Europe/Radio Liberty Daily Report, 3 августа 1994 года. Когда Баркашова спросили о его роли в этом проекте, он ответил: «Я был одним из основателей РНС наряду с Пятым управлением КГБ». Примечательное замечание, если принять во внимание, что РНС был создан в апреле 1992 года, через несколько месяцев после упразднения КГБ и его печально известного Пятого управления (занимавшегося преследованием диссидентов). Со своей стороны, генерал Стерлигов настаивал, что его изначальные политические интересы не поменялись, хотя он уже и не был коммунистом.

¹⁵² Если не указано иного, все высказывания Лимонова взяты из интервью с автором 11 июля 1993 года; Vanora Bennett, «Russia's leather-clad bad lad is at war», *Reuters*, 5 сентября 1994.

¹⁵³ Dusan Stojanovic, «The Russians Are Coming — Or Are they Already Here?», *Associated Press*, 13 января 1993 года; интервью автора с Эдуардом Лимоновым.

¹⁵⁴ Интервью автора с Эдуардом Лимоновым; «Писатель-эмигрант Эдуард Лимонов о жизни и политике», *Московские новости*, 4 ноября 1992 года.

¹⁵⁵ Интервью автора с Эдуардом Лимоновым; Helen Womack, «Eddie's right-wing chapter shocks Russian readers», *Independent*, 24 января 1993 года.

¹⁵⁶ Интервью автора с Эдуардом Лимоновым; Lucy Jones, «Peaceful Patriotic Day Demonstration», *Moscow News*, 12 мая 1993 года.

¹⁵⁷ В то время как восточная ориентация значительной части интеллигенции в Консервативной революции во многом определялась соображениями внешней политики, Эрнст Никич видел определенные преимущества в коммунистической системе до тех пор, пока она принимала национальные формы. Однако Никич, ведущий германский пропагандист национал-большевизма, никогда не был членом Коммунистической партии Германии. Тем не менее он с энтузиазмом воспринял большевистскую революцию в России. Радикал-антикапиталист Никич утверждал, что Россия — единственная сила, которая может помочь Германии противодействовать Версалию и «декадентскому Западу». Прибегнув к более поэтическому стилю, он утверждал: «Там, где германская кровь смешивается со славянской, возникает истинное государство... С востока, со смешения германцев и славян, начала свой путь к величию Пруссия».

¹⁵⁸ Патриотические лейтмотивы прослеживались и в высказываниях видных большевиков, таких как Лев Троцкий, говоривший об Октябрьской революции как о «глубоко национальной». Ленин также приветствовал «национальное пробуждение России» в 1917 году. К кнопке национализма прибегли снова в 1920 году, после нападения Польши на Россию. Ленин призвал Красную армию защищать «социалистическое отечество» от иностранного вторжения. (Agursky, *The Third Rome*, стр. 209; Roman Szporluk, *Communism and Nationalism*, стр. 229; Frederick C. Barghoorn, «Russian Nationalism and Soviet Politics: Official and Unofficial Perspectives», в *The Last Empire*, под редакцией Robert Conquest, стр. 35.)

¹⁵⁹ Ленин прямо признал это: «Также и в Германии мы видели подобный неестественный союз между черносотенцами и большевиками. Появился странный тип революционера-черносотенца». (Agursky, *The Third Rome*, стр. 155, 195—196; см. также Darrell P. Hammer, «Russian Nationalism and Soviet Politics», в *Soviet Politics*, под редакцией Joseph L. Noguee, стр. 128—129, 138).

¹⁶⁰ В ходе и непосредственно после захвата власти большевиками сотни тысяч русских бежали из своей страны, спасаясь от насилия, хаоса и обнищания страны, переживавшей муки революции. Многие из этих озлобленных изгнанников присоединились к фашистским эмигрантским организациям, таким как Народно-трудовой союз, имевший целью свергнуть советскую власть. Однако некоторые правые националисты пошли другим путем.

После октября 1917 года отдельные русские антикоммунисты стали рассматривать приход к власти большевиков как позитивное событие. Одним из наиболее известных новообращенных стал профессор Николай Устрялов, сменивший свое отношение к революции после бегства из родной страны. Устрялов считал, что разгром большевиков станет огромной трагедией, так как именно они имели наилучшие шансы «восстановить Россию как великую державу». По его мнению, интернационалистические лозунги, выдвигавшиеся руководителями большевиков, были не более чем камуфляжем, полезным инструментом для восстановления России в качестве единого государства и ее дальнейшего расширения. «Советский режим приложит все усилия, чтобы объединить окраины с центром — во имя мировой революции, — заявлял Устрялов. — Русские патриоты тоже присоединятся к этой борьбе — во имя великой и единой России. Даже с бесконечными различиями в идеологии практический путь только один».

Хотя Устрялов и отвергал коммунизм как чуждый продукт, ввезенный из Европы, он настаивал, что большевистская революция — это естественное выражение русского духа. Требуя окончания гражданской войны, он призывал всех русских националистов пойти на сотрудничество с Лениным. Это стало основной идеей сборника статей «Смена вех», опубликованного Устряловым и рядом других правых эмигрантов в 1921 году в Праге. «Сменовеховцы» говорили о себе как о «национал-большевиках». С этим термином Устрялов впервые столкнулся, читая немецкие газеты, где рассказывалось о политической философии Эрнста Никича.

Как замечает Михаил Агурский в своей книге «Третий Рим», советское правительство решило финансово поддержать издание «сменовеховцев», ставшее главной трибуной национал-большевиков в первые годы существования СССР. Дозволенные Кремлем взгляды Устрялова начали оказывать незначительное влияние на политическую систему советского государства. Восхваляя «твердую руку» Сталина, он говорил от имени многих русских правых экстремистов. «Нельзя не радоваться, видя, как [Коммунистическая партия] уверенно идет стальным маршем великой русской революции в национальный пантеон, приготовленный для нее историей», — заявлял он. Хотя позднее Устрялов пал жертвой маниакальных сталинских репрессий, некоторые его коллеги по «Смене вех» не только уцелели, но и продолжили играть важную идеологическую

роль в Советском Союзе. Советская историческая энциклопедия указывает, что многие бывшие «сменовеховцы» занимали ведущее положение в правительстве и обществе.

¹⁶¹ Михаил Агурский отмечал: «Многие националистические движения возглавлялись людьми, не относившимися к той национальной группе, с которой они себя идентифицировали. Например, лидер румынских фашистов был наполовину поляк, а венгерских фашистов возглавлял армянин Ференц Салаши. Ассимилировавшиеся чужаки в поисках определенного универсализма, способного компенсировать их статус меньшинства, часто ассоциируют себя с местными националистами». (Agursky, *The Third Rome*, стр. 211.)

¹⁶² Клаус Менерт цитируется в Barghoorn, *Russian Nationalism and Soviet Politics*, стр. 35.

¹⁶³ Основным рупором национал-большевиков в конце 1960-х годов стал официальный журнал ВЛКСМ «Молодая гвардия». В стихах и очерках, посвященных возрождению «национального духа», «земли и почвы», этот ксенофобский журнал славил советских военных и провозглашал расовое превосходство русских. Вместо марксистского классового анализа авторы «Молодой гвардии» зачастую превозносили русскую духовность над грубым материализмом Америки. Называя современную западную цивилизацию «варварством в целлофановой упаковке», журнал предупреждал, что русская молодежь находится под угрозой «транзисторизации». Демократия представлялась продуктом общественного упадка, а руководство «твердой рукой» приветствовалось. Издательство «Молодая гвардия» также публиковало крайне популярные научно-фантастические романы — этот литературный жанр был пронизан плохо скрываемым расизмом и антисемитизмом. Невзирая на очевидно националистическую ориентацию, Верховный Совет СССР наградил журнал «Молодая гвардия» в честь 50-летия орденом Трудового Красного Знамени.

В годы Брежнева идеи национал-большевизма также нашли свое отражение в «Вече», диссидентском журнале, публиковавшемся в Западной Германии. Это была трибуна для различных представителей русского национализма. Время от времени публиковавшийся там Геннадий Шиманов называл русских «богоизбранным народом», описывал Советский Союз как «мистический организм», «духовный детонатор» для всего человечества. Еще один автор «Вече», доктор Валерий Скурлатов, опубликовал свой «Моральный кодекс», призывавший к сохранению расовой чистоты и стерилизации русских женщин после половой связи с иностранцами.

¹⁶⁴ Alexander Yanov, *Russian New Right*, стр. 12, 48; Barghoorn в *The Last Empire*, стр. 40–42; М. Kaganskaya, «The Book of Vies: The Saga of a Forgery», *Jews and Jewish Topics*, зима 1986–1987 годов.

¹⁶⁵ В этом с Лимоновым соглашались и аналитики Госдепартамента. «В нынешнем политическом климате, — сообщалось в подготовленном в марте 1992 года докладе, — такие маркеры, как “левые” или “центристы”, практически ничего не значат. Так, группы бескомпромиссных коммунистов сегодня

примерно с одинаковой частотой называются “ультралевыми” и “ультраправыми”». («A Roadmap to Major Russian Political Parties and Reform Movements», доклад Госдепартамента США под грифом «Для служебного пользования», 18 марта 1992 года.)

¹⁶⁶ Вскоре после своего возвращения из Москвы Алэн де Бенуа выступил на конференции в Париже, организованной Институтом марксистских исследований — организацией, поддерживавшейся Французской коммунистической партией. В это время де Бенуа выпускал новое периодическое издание «Krisis», публиковавшее материалы неконформистской интеллигенции вне зависимости от принадлежности авторов к правым или левым. Плодовитый «овод» «Новых правых» и сам публиковался в целом ряде самых разных газет и журналов, включая и ультралевый журнал «L’Idiot International». Ушлое парижское издание регулярно публиковало комментарии Эдуарда Лимонова, входившего в состав редакционной коллегии. Журнал был основан в 1968 году Жаном-Полем Сартром и Жаном-Эдерном Алье после студенческих и рабочих волнений во Франции. Издание прекратилось в 1973 году, однако было возобновлено в конце 1980-х денди Алье, считавшимся левым и шедшим на поводу у своих желаний. «Исторически я лидер левых, однако правые также находят меня очаровательным», — заявил Алье, распахнув страницы своего журнала для эклектичной подборки авторов, включавшей Вуди Аллена и Жака Вержеса. Вержес, яркий адвокат, в 1987 году защищал бывшего гаупштурмфюрера SS Клауса Барбье, когда того судили за преступления против человечества. Что касается Лимонова и русских «красно-коричневых», Алье был краток: «Мы публикуем его потому, что он — хороший писатель».

¹⁶⁷ Интервью автора с Эдуардом Лимоновым; интервью автора с Люком Мишелем, 20 июня 1993 года.

¹⁶⁸ *In Memoriam JEAN THIRIART* (Bruxelles: Edition Machiavel, 1993), стр. 8–10, 99–106.

¹⁶⁹ Интервью автора с Эдуардом Лимоновым; интервью автора с Марко Баттара, 17 октября 1992 года; Зюганов цитируется в *Spotlight*, 20 мая 1996 года.

¹⁷⁰ Интервью автора с Люком Мишелем; интервью автора с Эдуардом Лимоновым; *Элементы*, август 1992 года.

¹⁷¹ *День*, № 18, стр. 5, цитируется в *Russian Press Digest*, 1 мая 1992 года; Andrei Ostalsky, «Back to the bad old days of going West», *Sunday Telegraph* (London), 26 сентября 1993 года; Daniel Snieder, «Confronting the Resurgence of Anti-Semitism», *Christian Science Monitor*, 1 апреля 1992 года.

¹⁷² Helen Womack, «Russia: Hardline Communists take road to fascism», *Independent* (London), 1 декабря 1992 года. Проханов был также одним из наиболее близких советников Геннадия Зюганова, главы Коммунистической партии Российской Федерации. Близкие связи Проханова с российскими военными принесли ему прозвище «Соловей Генерального штаба».

¹⁷³ *День*, 23–29 августа 1992 года. Еще одним изданием, тесно связанным с ФНС, была газета «Советская Россия» (бывшая газета Красной армии) (авторский текст. — *Примеч. пер.*), на первой полосе которой было опубликовано фото Бориса Ельцина в масонском облачении.

¹⁷⁴ В Европейский освободительный фронт входили: бельгийская Коммунистическая национал-европейская партия (PCN), французская партия «Nouvelle Resistance» («Новое Сопротивление»), итальянская группа «Orion». Каждая из этих крохотных «национал-революционных» партий несла на себе отпечаток политической космологии Тириара, выступавшего за союз между политическими крайностями. Люк Мишель, являвшийся с начала 1980-х годов личным секретарем Тириара и возглавлявший PCN, с похвалой отзывался о находившихся в заключении членах ультралевой французской террористической группы «Action directe» («Прямое действие»). Nouvelle Resistance также выстроила связи с Action directe. Под руководством Кристиана Буше и Мишеля Шнайдера Nouvelle Resistance выпускала пропагандистское издание, называвшееся «Lutte de Peuple» («Народная борьба»). В нем рекламировались футболки с героями группы, включая Ницше, Мисиму, идеолога национал-большевизма Эрнста Никиша и Че Гевару. Российским корреспондентом «Lutte de Peuple» был Александр Дугин. «Lutte de Peuple» — это перевод на французский названия «Lotta di Popolo», которое получила итальянская организация, созданная под влиянием идей Тириара в начале 1970-х годов. Одним из ее основателей стал главный итальянский ученик Тириара Клаудио Мутти, дважды посещавший Россию в начале 1990-х годов. Встреча Мутти с Дугиным в ходе первой поездки в Москву проложила путь в Россию и для Тириара, посетившего страну в августе 1992 года. Обратившийся в ислам Мутти издавал книги по широкому кругу вопросов, включавших Консервативную революцию, индоевропейский шаманизм, русский национализм, румынскую «Железную гвардию». Также были выпущены цитатник аятоллы Хомейни и несколько произведений, отрицавших Холокост. «Покорность Европы связана с чувством вины, испытываемым Германией, — объяснял Мутти. — Если ревизионисты смогут доказать, что Германия виновата не больше других стран, участвовавших во Второй мировой войне, основа подчиненного положения Европы будет уничтожена». С момента окончания «холодной войны» Мутти тесно сотрудничал с Марко Баттара, неофашистом, перешедшим в лагерь национал-коммунистов. Он присоединился к Тириару в ходе его поездки в Москву. Баттара издавал в Милане журнал «Orion», с восторгом отзывавшийся о Сталине и «красно-коричневой» российской оппозиции. «Orion» также поддерживал кандидатов Партии коммунистического возрождения (CR), группы левых радикалов, отколовшихся от Итальянской коммунистической партии, когда та преобразовалась в Партию левых демократов. «Это были единственные кандидаты, всерьез выступавшие против американского империализма, — объяснял Баттара. — По многим позициям наши взгляды совпадали с Партией коммунистического возрождения, включая и защиту Кубы... Некоторые из них хотели наладить с нами диалог, однако остальные не могли забыть нашу прежнюю связь с фашистами». «Orion»

в апреле 1992 года выразил поддержку Фиделю Кастро за то, что тот продолжал противостоять американскому новому мировому порядку.

¹⁷⁵ Люк Мишель, письмо автору от 16 ноября 1993 года.

¹⁷⁶ Lee Hockstader, «How Zhirinovsky Rose», *Washington Post*, 18 декабря 1993 года; Radio Free Europe/Radio Liberty Daily Report, 5 апреля 1994 года.

¹⁷⁷ Владимир Соловьев, Елена Клепикова, *Жириновский*, стр. 161.

¹⁷⁸ *Time*, 27 декабря 1993 года, цитируется в Graham Frazer, George Lancelle, *Absolute Zhirinovsky*, стр. 138. Талант Жириновского-подстрекателя впервые привлек внимание его соотечественников, когда он занял третье место на президентских выборах, прошедших в России в 1991 году, взяв 7,8% голосов. Однако скандальный стиль его кампании, изобиловавший фанатизмом, хулиганскими выходками и нелепыми обещаниями («В следующем году у всей страны будет оргазм!»), выглядел пародией на настоящего политика, и большинство на этом этапе не воспринимало его всерьез.

¹⁷⁹ James P. Gallagher, «He Says He Wants a Revolution», *Chicago Tribune*, 4 июля 1994 года; интервью автора с Эдуардом Лимоновым.

¹⁸⁰ Интервью автора с Эдуардом Лимоновым; Соловьев, Клепикова, *Жириновский*, стр. 100; *Economist*, 28 января 1995 года.

¹⁸¹ Соловьев, Клепикова, *Жириновский*, стр. 120–121; «Russia-Iraq: Liberal Democratic Party Support», *Defense Intelligence Agency Commonwealth Report*, 24 января 1993 года; Vladimir Kartsev, *Zhirinovsky!*, стр. 157–158; *La Stampa*, 12 декабря 1993 года, цитируется в Frazer, Lancelle, *Absolute Zhirinovsky*, стр. 81.

¹⁸² «Up roar Over Zhirinovsky in Germany», *San Francisco Chronicle*, 24 декабря 1993 года; Angeline Oyog, «Activists Call for Zhirinovsky's Expulsion», *Interpress Service*, 12 апреля 1994 года; Michael Specter, «Here Comes the Clown», *New York Times*, 6 ноября 1994 года.

¹⁸³ Интервью автора с Эрнстом Цунделом.

¹⁸⁴ «Zhirinovsky Meets German Soul Mate at Munich Airport», документ Госдепартамента США, 22 декабря 1993 года; James Meek, «Zhirinovsky Finds an Ally in Germany», *Guardian*, 9 августа 1994 года; «Zhirinovsky's party and German People's Union sign friendship accord», *BBC Summary of World Broadcasts*, 10 августа 1994 года.

¹⁸⁵ Герхард Фрай был искушенным немецким бизнесменом и без устали собирал и вкладывал средства в несколько изданий с жесткой линией, пропагандировавших его политические взгляды. Наиболее примечательным среди них была выходившая в Мюнхене тиражом около 100 тысяч экземпляров еженедельная газета «Deutsche National-Zeitung». Украшенное Железными крестами издание оправдывало гитлеровские преступления и предлагало на продажу памятные вещи, связанные с нацизмом. В дополнение к едким нападкам на евреев и левых, «National-Zeitung» подчеркивала необходимость «восстановить нашу национальную идентичность», изгнав из Германии гастарбайтеров

и лиц, приехавших в страну в поисках убежища. Типичные заголовки выглядели следующим образом: «К нам едет миллион евреев?», «Прекратить цыганское вторжение!», «Германия перед лицом серьезной опасности», «Вечная кара для Гитлера?». Газета Фрая также называла газовые камеры «сионистской пропагандой» и регулярно публиковала американских писателей, утверждавших, что Холокоста никогда не было. Хотя германское правительство запрещало отрицание Холокоста, «National-Zeitung» распространялась по всей стране.

¹⁸⁶ Frazer, Lancelle, *Absolute Zhirinovsky*, стр. 36–39, 77–79.

¹⁸⁷ «The Role of Dr. Gerhard Frey and the Deutsche Volksunion in Right Radicalism in Germany», документ Госдепартамента США, 30 октября 1991 года; *Searchlight*, май 1991 года, декабрь 1993 года; «Small Fish in a Big Pond: The Deutsche Volksunion», телеграмма Госдепартамента США от 1 октября 1987 года; «HR 2 212 3046 90/Activites by Right-Wing Extremists Living in Germany — Lower Saxony», 13 сентября 1990 года; «HR 0 212 2568 92/Pro-Iraqi Position by German Right-Wing Extremist Political Party», доклад армейской разведки США от 11 июня 1992 года. После кончины Гелена Фрай опубликовал фрагменты его письма в «National-Zeitung» (22 июня 1979 года), где поддерживались политические действия Фрая.

¹⁸⁸ «U. S. allows breach of Bosnia embargo — British TV», *Reuters*, 27 октября 1995 года; Roger Cohen, «U. S. Cooling Ties to Croatia After Winking at Its Build-Up», *New York Times*, 28 октября 1995 года; «Germany says Russia is worrying the West», *Reuters*, 29 апреля 1995 года; David Hoffman, «Attack on Bosnia Shows Russia's Drift From West», *Washington Post*, 16 сентября 1995 года; «Moscow aide accuses Bonn of staging plutonium sale», *Reuters*, 19 апреля 1995 года; Alan Cowell, «Possible German Role in Russian Plutonium Deal Is Investigated», *New York Times*, 18 мая 1995 года.

¹⁸⁹ «Zhirinovsky's Electoral Success: Implications for Russia's National Security Policy», доклад РУМО, РС-20–94, 23 апреля 1994 года.

¹⁹⁰ После выборов 1993 года один из ближайших советников Ельцина Михаил Полторанин, давая интервью по телевизору, заявил, что в российских новостных СМИ заправляют евреи. Эта утка вызвала аналогичные комментарии Жириновского.

¹⁹¹ *American Spectator*; сентябрь 1993; *OMRI Daily Digest*, 17 февраля 1995 года.

¹⁹² Fred Weir, «Boris's Big Bash», *Nation*, 22 мая 1995 года; Борис Славин «Красно-коричневый миф развеян», *Правда*, цитируется в *Russian Press Digest*, 24 декабря 1994 года; Rajiv Tiwari, «Russia: Fringe Parties Take Advantage of Upreavals», *Interpress*, 26 января 1995 года.

¹⁹³ Людмила Александрова, «Радикальная оппозиция хочет порвать связи с умеренными», *ТАСС*, 11 июня 1994; Gallagher, *He Says He Wants a Revolution*; Howard Witt, James P. Gallagher, «Russia Could Be Ripe for Fascism's Rise», *Chicago Tribune*, 19 декабря 1993 года.

¹⁹⁴ *Economist*, 28 января 1995 года; Kartsev, *Zhirinovsky!*, стр. 27; Соловьев, Клепикова, *Жириновский*, стр. 21.

¹⁹⁵ Дмитрий Пушкарь, «Александр Баркашов пересматривает свои методы», *Московские новости*, 30 июня 1995 года; Vanora Bennett, «Russia's leather-clad bad lad is at war», *Reuters*, 5 сентября 1994 года. «“Фашисты” — нас демонизируют этим названием», — заявил Александр Проханов, сопредседатель ФНС и главный редактор газеты «Завтра» — органа национал-большевиков. С ним был согласен Баркашов: «Никто не говорит о положительном опыте фашизма — например, об Аргентине».

¹⁹⁶ Интервью автора с Леоном Дегрелем, 19 мая 1993 года.

¹⁹⁷ Marc Fisher, «Turks Riot in Germany to Avenge 5 in House Fire», *International Herald Tribune*, 1 июня 1993 года.

¹⁹⁸ «The Solingen Tragedy», *International Herald Tribune*, 5–6 июня 1993 года.

¹⁹⁹ В октябре 1995 года немецкий суд отправил Риху и еще трех человек в тюрьму на срок от 10 до 15 лет. Один из осужденных за применение зажигательных бомб простился с находившимися в зале заседания «салютом Кюнена» из трех пальцев. Другой, по сообщениям прессы, являлся членом «Немецкого народного союза» Герхарда Фрая, ультраправой политической партии, установившей тесные связи с Владимиром Жириновским.

²⁰⁰ «Das waere eine Bombe», *Der Spiegel*, 30 мая 1994 года; *Searchlight*, июль, октябрь 1994 года.

²⁰¹ «Das waere eine Bombe», *Searchlight*, октябрь 1994 года.

²⁰² «Informant of FBI Says He Killed Black», *New York Times*, 11 июля 1978 года; Novick, *White Lies, White Power*, стр. 65–66. Полиция города Гринсборо, штат Северная Каролина, в 1979 году сотрудничала с Кланом в организации нападения, в результате которого были убиты пять членов и сторонников Социалистической рабочей партии.

²⁰³ Paul Wilkinson, *The New Fascists*, стр. 106–107; «KKK recruiting in Germany», *Agence France Presse*, 12 октября 1991 года. У Ку-клукс-клана существовали также тесные связи с Орденом фламандских воинов, который организовывал ежегодные сборища неонацистов в Диксмиуде.

²⁰⁴ «Victory in Germany», *White Beret*, декабрь 1991 года — февраль 1992 года.

²⁰⁵ Roy Gutman, «Klansman Woos Skinheads in Germany», *Newsday*, 8 ноября 1991 года.

²⁰⁶ «The Far Right in Berlin and the New Lander: The ‘Old Right’ Parties and the ‘New Right’ Neo-Nazis», документ Госдепартамента США, 18 декабря 1991 года; «Das waere eine Bombe», *Der Spiegel*, 30 мая 1994 года.

²⁰⁷ Интервью автора с Отто-Эрнстом Ремером, 16 апреля 1992 года; «The Far Right in Berlin and the New Lander: The ‘Old Right’ Parties and the ‘New Right’ Neo-Nazis»; Stephen Kinzer, «Germany Outlaws A Neo-Nazi Group», *New York Times*,

28 ноября 1992 года; *Searchlight*, октябрь 1995 года; *Antifascistisches Info-Blatt*, № 27, июнь — июль 1994 года.

²⁰⁸ Hockenos, *Free to Hate*, стр. 54; *Searchlight*, декабрь 1992 года, октябрь 1993 года; Stephen Kinzer, «Did a Town in Germany Pay Firebug for Attack?», *New York Times*, 25 августа 1993 года.

²⁰⁹ Michael Janofsky, «True Believers Gather to Honor White Race», *New York Times*, 23 июля 1995 года.

²¹⁰ Raphael S. Ezekial, *The Racist Mind*, стр. 40–41, 68.

²¹¹ Интервью автора с Флойдом Кохраном, 30 августа 1995 года.

²¹² Описание «Ордена» журналистами см. у Kevin Flynn, Gary Gerhard, *The Silent Brotherhood*.

²¹³ Интервью автора с Робертом Майлзом, 25 ноября 1986 года.

²¹⁴ «13 Supremacists Are Not Guilty of Conspiracies», *New York Times*, 8 апреля 1988 года.

²¹⁵ Интервью автора с Флойдом Кохраном.

²¹⁶ Среди других клиентов Кирка Лайонса были Стивен Нельсон, один из трех членов «Арийских наций», осужденных за участие в заговоре с целью подорвать бары для гомосексуалистов в Сиэттле, а также Тим Халл, член Ку-клукс-клана, лишившийся работы охранника на базе ВВС Карсвелл, штат Техас, после того как вскрылись его связи с кланом. («Klan members to fight discharge», *UPI*, 18 февраля 1990 года.)

²¹⁷ «Waco lawyer exposed», *Ethnic News Watch*, 26 января 1995 года; Andra Varin, «Dr. Death barred from practicing engineering», *UPI*, 11 июня 1991 года, 1991; Center for Democratic Renewal, *Weekly Update*, 16 ноября 1992 года; интервью автора с Кирком Лайонсом, 24 августа 1995 года.

²¹⁸ Интервью автора с Кирком Лайонсом.

²¹⁹ Michael Billig, «Psychology, Racism & Fascism», буклет, выпущенный «Searchlight» в 1979 году); «New anthropology», *Patterns of Prejudice*, январь 1982 года; «Jürgen Rieger and his pseudo-science», *Patterns of Prejudice*, апрель 1983 года; «Claim Letter for the Arson Attack on a Hotel and the Car of a Right-Extremist Attorney», информационное сообщение разведки армии США, 17 сентября 1987 года; интервью автора с Эрнстом Урлау, 24 января 1996 года.

²²⁰ Интервью автора с Кирком Лайонсом. «Если бы мне нужно было связаться с кем-то в Германии, чтобы получить совет, я позвонил бы Юргену Ригеру», — признался Лайонс.

²²¹ Интервью автора с представителем «Арийских наций» Джеральдом Груйдлом, 17 августа 1995 года; *Searchlight*, апрель 1995; *Klanwatch Intelligence Report*, март 1995 года.

²²² *Searchlight*, май 1993 года, апрель 1995 года.

²²³ *Searchlight*, май, декабрь 1993 года; Joe R. Feagin, Hernan Vera, *White Racism*, стр. 77. Немецкая неонацистская группа Weissenseer Arischer Widerstand была создана по образцу «Белого арийского сопротивления» (White Aryan Resistance, WAR) Тома Метцгера. Она распространяла пропагандистские материалы, составлявшиеся WAR и NSDAP-АО Герхарда Лаука. Название WAR было также взято за образец шведской неонацистской группой «Vitt Ariskt Motstånd».

²²⁴ Интервью автора со Стэнли Бедлингтоном, 17 августа 1995 года.

²²⁵ Так, например, в октябре 1994 года Франсиско Дюран, вытащив из-под плаща штурмовую винтовку, обстрелял Белый дом. Перед покушением на президента Клинтона Дюран оставил припаркованным неподалеку пикап, наклейки на бампере которого были посвящены событиям в Уэйко и контролю за обращением оружия. Было известно, что он посещал собрания располагавшегося в Колорадо незаконного вооруженного формирования «Спасти Америку» («Save America»). На этих встречах продавалась расистская литература. Спустя два месяца Джон Сальви обстрелял женскую клинику близ Бостона, убив двух сотрудников и ранив еще пятерых. Сальви верил в теорию масонского заговора и теневое правительство. Он также заявил, что проходил подготовку вместе с боевиками из Эверглейдс, штат Флорида. «Легализованные аборт» назывались одной из основных причин, по которой «христианские патриоты» должны вооружаться и быть готовыми выступить против федерального правительства, в столичном боевом уставе ополченцев, распространявшемся на территории нескольких штатов. Позднее Сальви, находившийся в тюрьме, совершил самоубийство.

В ходе обыска, проведенного полицией в квартире Сальви, были найдены подстрекательские плакаты и брошюры организации «Human Life International» (HLI), одной из крупнейших в мире и наиболее экстремистски настроенных групп противников абортов. Священник Пауль Маркс, проживающий в США основатель и председатель HLI, подчеркивал роль врачей-евреев в проведении «величайшего олокоста всех времен, войны с неродившимися детьми». В своих печатных работах и выступлениях Маркс продвигал несколько осовремененную версию известного навета об использовании евреями крови христианских младенцев в ритуальных целях. Опасаясь, что «белый мир Запада совершает самоубийство», прибегая к контрацепции и прерыванию беременности, он рассказывал о захвате Франции быстро размножающимися мусульманами и о турецких врачах, в массовых масштабах делающих аборт немецким женщинам. Его расистские высказывания нашли ответ у неофашистских групп в Европе, где у HLI было много филиалов.

В 1991 году Маркс наградили высшим отличием HLI доктора Зигфрида Эрнста, ведущего представителя немецкого движения против абортов. Эрнст входил в число зарубежных консультантов HLI даже невзирая на то, что несколько решений немецких судов признали, что этого ультраправого фанатика можно считать неофашистом, «поскольку... его высказывания настолько полны расовой дискриминации, что всякий непредвзятый наблюдатель сможет уви-

деть в них параллели с идеологией Третьего рейха». Эрнст и еще один видный немецкий неонацист Вольфганг Боровски совместно создали группу воинствующих противников абортот «European Doctors Action». Боровски, ранее входивший в комитет за освобождение Рудольфа Гесса, часто цитировал «Протоколы сионских мудрецов», с тем чтобы доказать свое утверждение: «Коммунизм — это прежде всего дело рук евреев».

Преподобный Мэтью Тревелла, пропагандист идей вооруженных отрядов, возглавлявший размещавшуюся в Милуоки группу Missionaries to the Pre-Born («Миссионеры для нерожденных»), призывал своих последователей создавать боевые группы для защиты нерожденных детей. «Мы должны поступить так, как уже поступают тысячи людей по всей стране — сформировать ополчение, — заявлял Тревелла. — Церкви могут поддержать их материально и научить людей сражаться». (Chip Berlet, «Armed Militias, Right Wing Populism, and Scapegoating», *Political Research Associates*, 30 июня 1995 года; Free Militia, *Field Manual Section 1: Principles Justifying the Arming and Organizing of a Militia*, 1994; *Front Lines Research*, июнь, август 1994 года, май 1995 года).

²²⁶ *Militia News*, выпуск 94.

²²⁷ Интервью автора с Вольфгангом Дрёге, 18 августа 1995 года. Доверенное лицо «Арийских наций», некогда сотрудничавшее с Орденом, Дрёге был также тесно связан с Эвальдом Альтхансом и другими главарями немецких неонацистов. Дрёге возглавлял «Фронт наследия» (Heritage Front), крупнейшую и высокоорганизованную неонацистскую группировку Канады. Она была сформирована в 1989 году по инициативе работавшего на правительство страны провокатора Гранта Бристуу. Бристуу познакомился с Дрёге в сентябре 1989 года в Ливии, в ходе неонацистского праздника, оплаченного правительством Каддафи. Во время этой поездки Бристуу убедил Дрёге основать Heritage Front. Работавший на канадскую службу безопасности Бристуу содействовал созданию организации деньгами и советами. «Без Гранта Бристуу Heritage Front, скорее всего, создать бы не удалось, а если бы даже и удалось, он был бы далеко не столь эффективен», — рассказал один из членов организации в интервью программе «The Fifth Estate» (наиболее известной передаче, посвященной журналистским расследованиям телерадиокомпании CBC, Canadian Broadcasting Company). В 1994 году разоблачение связей Бристуу с секретными службами вызвало общенациональный скандал. Высказывались мнения о том, что канадские спецслужбы организовали Heritage Front с целью оправдать свой большой бюджет, сохранившийся в посткоммунистическую эпоху.

²²⁸ Marc Cooper, «Montana's Mother of all Militias», *The Nation*, 22 мая 1995 года; интервью автора с Флойдом Кохраном.

²²⁹ Jess Walters, *Every Knee Shall Bow*, стр. 63, 240; Kenneth S. Stern, *A Force Upon the Plain*, стр. 25–26; интервью автора с Кирком Лайонсом. На сделанной в 1989 году семейной фотографии Вивер изображен в футболке с надписью: «Скажи нет ZOG».

²³⁰ Интервью автора с Лайонсом. В сообщении, размещенном на интернет-сайте Фонда Дэвида Кореша, говорится, что нападение на Уэйко было инициировано Джанет Рино (Janet Rino, генеральный прокурор США в 1993–2001 годах, первая женщина на этой должности), «еврейкой», чтобы «заставить замолчать видного критика еврейских планов по созданию единого мирового правительства и порабощению человечества».

²³¹ James Ridgeway, Leonard Zeskind, «Revolution U. S. A.», *Village Voice*, 2 мая 1995 года; интервью автора с Флойдом Кохраном.

²³² Scott McLemee, «Public Enemy», *In These Times*, 15 мая 1995 года; Ridgeway, Zeskind, *Revolution U. S. A.*

²³³ Keith Schneider, «Manual for Terrorist Extols ‘Greatest Coldbloodedness’», *New York Times*, 29 апреля 1995 года; *Klanwatch Intelligence Report*, июнь 1995 года; Stern, *A Force Upon the Plain*, стр. 41, 75–78.

²³⁴ Chip Berlet, «Armed Militias, Right Wing Populism, and Scapegoating», *Political Research Associates*, 30 июня 1995 года. «Ополченцам следует избегать выдвижения из своей среды безусловных лидеров. В противном случае деятельность ополчения может быть парализована вследствие устранения подобных лидеров» — такие инструкции были размещены на сайте «Patriot Archives» до событий в Оклахома-Сити. «Ополчение должно быть в как можно большей степени лишено лидеров и способно к спонтанным действиям».

²³⁵ Джон Трочман, речь на 40-м Ежегодном заседании политического совета «Свободного лобби», 4 сентября 1995 года.

²³⁶ «Многие из фотографий иностранной военной техники, размещенные в «Spotlight», были предоставлены «Ополчением Монтаны», которое помогло тысячам американцев создать ополчения в каждом штате», — сообщил 9 января 1995 года в «Spotlight» Д. Б. Кемпбелл; см. также «Militia of Montana Member Talks of Crisis, Preparedness», *Spotlight*, 12 июня 1995 года; специальный выпуск «Spotlight», вышедший в сентябре 1994 года.

²³⁷ С 1973 года сократились реальные доходы 60% американских домохозяйств. В то же время доходы наиболее благополучных 5% выросли почти на треть, а доходы 1% наиболее богатых практически удвоились. Широко распространившееся разочарование ситуацией усилило недоверие к официальным властям. Это выявил проведенный вскоре после событий 19 апреля 1995 года в Оклахома-Сити опрос службы Гэллапа. В результате было выявлено: 40% американцев полагало, что правительство «представляет непосредственную угрозу правам и свободам рядовых граждан».

²³⁸ Alex Heard, *New Republic*, 15 мая 1995 года.

²³⁹ Один из руководителей «Ополчения Мичигана» Рэй Саутвелл встречался с координатором отделения «Арийских наций» в штате Теннесси Бобби Нортоном.

²⁴⁰ David Johnstone, «Friend Ties McVeigh to Oklahoma City Bombing», *New York Times*, 20 мая 1995 года; Stem, *A Force Upon the Plain*, стр. 192; см. также *Spotlight*, 12 декабря 1994 года.

²⁴¹ Michael Whiteley, «McVeigh tried to call colony aide», *Arkansas Democrat*, 26 января 1996 года; *Germanu Alert*, 26 января 1996 года; James Ridgeway, Leonard Zeskind, *Village Voice*, 9 апреля и 26 ноября 1996 года; J. D. Cash, «Informant Who Warned of Bombing Now Fears for Her Life», *McCurtain Daily Gazette*, 11 февраля 1997 года; Kevin Flynn, «Tracking the Truth», *Rocky Mountain News*, 20 июля 1997 года; *Searchlight*, февраль 1998 года.

²⁴² *Klanwatch Intelligence Report*, август 1996 года; Judy Pasternak, «A Bank-Robbing Army of the Right is Left in Tatters», *Los Angeles Times*, 15 января 1997 года; Richard Leiby, «The Saga of Pretty Boy Pedro», *Washington Post*, 13 февраля 1997 года.

²⁴³ Защита Терри Николса предоставила веские доказательства в пользу того, что наряду с Маквеем в заговоре участвовали и другие, еще не установленные лица. Адвокатам Николса удалось посеять серьезные сомнения в позиции обвинения, исходившей из того, что приготовленная из удобрений бомба была исключительно делом рук Маквея и Николса. Выполнить подобную работу за несколько часов два человека просто не смогли бы. Наиболее убедительными были свидетельские показания Чарльза Фарли, утверждавшего, что утром накануне взрыва он видел у озера Гири, где, очевидно, и была изготовлена бомба, пятерых человек. Большое жюри штата Оклахома позднее выдало заключение об отсутствии достоверных данных о том, что федеральное правительство заранее знало о заговоре, однако оставило открытой возможность участия в теракте третьих лиц.

²⁴⁴ *Klanwatch Intelligence Report*, июнь 1995 года.

²⁴⁵ Кейт Томпсон, письмо автору от 1 июня 1995 года.

²⁴⁶ 19 февраля 1996 года «Spotlight» проанонсировал встречу в Лейк Тахо под заголовком «Популисты готовятся собраться в Неваде под лозунгом “Мы хотим вернуть страну себе”».

²⁴⁷ См., например, *Spotlight*, 7 декабря 1987 года; 28 февраля 1988 года; 23 марта 1992 года. В своей книге «Profiles in Populism» основатель «Свободного лобби» Уиллис Карто определял капитализм как «симбиотического партнера и сожителя коммунизма».

²⁴⁸ Elinor Langer, «The American Neo-Nazi Movement Today», *The Nation*, 16/23 июля 1990 года.

²⁴⁹ Jason Berry, «Duke's Disguise», *New York Times*, 16 октября 1991 года.

²⁵⁰ Jason Berry, *Gambit*, 3 сентября 1991 года; Linda P. Campbell, «Liberty Lobby in the spotlight with Duke, Buchanan in race», *Chicago Tribune*, 12 января 1992 года; Jason Berry, «The Hazards of Duke», *Washington Post*, 14 мая 1989 года. Триша

Катсон рассматривала победу Дюка ни больше ни меньше как «поворотный пункт в истории Америки».

²⁵¹ David Maraniss, «Duke's Obsession: White Supremacy with a Plan», *Washington Post*, 10 ноября 1991 года.

²⁵² Leslie Savan, «Duke», *Village Voice*, 26 ноября 1991 года.

²⁵³ Вдохновленный успехом Дюка, руководитель Ку-клукс-клана Том Робб заявил о своих намерениях «подготовить тысячу Дэвидов Дюков». С этой целью Робб открыл в штате Арканзас лагерь, где собирался растить белых расистов, способных влиться в популярные политические движения. По словам Робба, «потенциальных лидеров будут учить избегать заявлений, наполненных ненавистью и “отключающих людей”. Они будут обладать отточенной речью и хорошей одеждой». Не имея тяжелого наследства Дюка, эти, как называл их Робб, «законсервированные республиканцы» не будут легко идентифицироваться с неонацистами. Робб, пастор «Христианской идентичности», ранее называл Гитлера «великим немецким лидером и государственным деятелем, посланным Богом для того, чтобы очистить Германию от еврейской скверны».

²⁵⁴ Joe Conason, «The Religious Right's Quiet Revival», *Nation*, 27 апреля 1992 года; Diamond, *Roads to Dominion*, стр. 292.

²⁵⁵ «Anti-Semitism: Its Prevalence Within the Christian Right», *Freedom Writer*, май 1994 года.

²⁵⁶ Michael Lind, «Rev. Robertson's Grand International Conspiracy Theory», *New York Review of Books*, 2 февраля 1995 года; Pat Robertson, *New World Order*.

²⁵⁷ Отвечая на обвинения, выдвинутые газетой «New York Times», Робертсон не отрекся ни от одного из своих антисемитских источников. Напротив, он утверждал, что его книга представляет собой серьезное исследование, «список ссылок которого занимает семь страниц, напечатанных с одним интервалом». Одним из так называемых авторитетов, процитированных Робертсоном, был Юстас Муллинс, член консультативного совета Комитета народных действий «Свободного лобби», изобразивший Федеральную резервную систему США как прикрытие для горстки злобных евреев. «Spotlight» называл Муллинса «дуайеном популистских писателей Америки». Он часто выступал на встречах и конференциях «Свободного лобби». В начале 1950-х годов он был членом неонацистской Партии национального возрождения и опубликовал статью «Адольф Гитлер: выражение признательности», от которой никогда не отрекался. Однако связь с подобным отъявленным ненавистником евреев, недавно похвалившим ополченцев как «единственную организованную угрозу абсолютной власти сионистов над США», нисколько не помешала Робертсону занимать положение одного из ведущих серых кардиналов Республиканской партии.

²⁵⁸ Frank Rich, «Shotgun Hearings», *New York Times*, 19 июля 1995 года.

²⁵⁹ Сопредседателем президентской кампании Патрика Бьюкенена в 1996 году был Ларри Пратт, ключевая фигура в руководстве военизированной

ных формирований. Как глава Ассоциации владельцев оружия США (GOA) Пратт принял участие в совещании по планированию деятельности ополченцев, состоявшемся в октябре 1992 года в Колорадо. Его организовал пастор «Христианской идентичности» Пит Питерс. Пратт, часто выступавший в роли главного докладчика на конференциях «Свободного лобби», также появлялся на митингах с участием известных белых расистов, таких как Юстас Муллинс, глава «Арийских наций» Ричард Батлер, один из бывших руководителей Ку-клукс-клана Луис Бим. Кроме того, Пратт оказывал финансовую поддержку CAUSE — ультраправому юридическому фонду, возглавлявшемуся Кирком Лайонсом. После того как сведения о связях Пратта с маргинальными неонацистами просочились в средства массовой информации, ему пришлось выйти из числа организаторов кампании Бьюкенена, хотя там оставалось еще несколько белых расистов.

²⁶⁰ James Bennet, «Buchanan, Beset by Many Critics, Still Unbowed», *New York Times*, 17 февраля 1996 года; Gustav Niebur, «Full GOP Menu Splits the Religious Right», *New York Times*, 19 января 1996 года; *Spotlight*, 26 февраля 1996 года.

²⁶¹ Поскольку «Свободное лобби» скептически относилось к тесным связям «Христианской коалиции» с руководством республиканцев, оно решило работать и с другими влиятельными религиозными организациями правых. Среди них была и «В фокусе — семья» Джеймса Добсона, где состояло свыше трех миллионов членов. Статья Добсона с нападками на права женщин была опубликована в «Spotlight». Журнал также высоко оценивал деятельность Американской семейной ассоциации, возглавлявшейся священником Доном Вилдмоном, за ее твердую позицию в отношении гомосексуализма. Помимо этого, резкие суждения Вилдмона были представлены в «LogoPlex», расистском интернет-бюллетене «Свободного лобби». «Институт изучения первой поправки к Конституции США» (продемократическая группа исследователей, отслеживавшая деятельность правохристианских деятелей. Функционировала с 1989 по 2001 год. — *Примеч. пер.*) характеризовал «LogoPlex» как место виртуальных встреч сторонников «Христианской идентичности», «Арийских наций», белых расистов, владельцев оружия и христианских патриотов». С помощью электронной доски объявлений посетитель мог с легкостью загрузить «Протоколы сионских мудрецов», публикации Вилдмона, ознакомиться с информацией о том, как присоединиться к группе. Еще одной популярной фигурой, представленной в «LogoPlex», был Пит Питерс, пастор «Христианской идентичности», проживавший в штате Колорадо. Именно он организовал в октябре 1992 года встречу по планированию действий организаций ополченцев, на которой присутствовали представитель «Арийских наций» Луис Бим и адвокат Кирк Лайонс. Несмотря на свои связи с откровенными неонацистами, Питерс приобретал все большую популярность среди консервативных протестантов. Этому способствовал доступный в 120 американских городах «Keystone Inspiration Network», называвший себя «семейным телеканалом». В сетку вещания «Keystone Network» входили полные фанатизма проповеди Питерса, телевизионное шоу Робертсона «The 700 Club» и прочие правые религиозные программы.

²⁶² В Германии адвокат-неонацист Юрген Ригер издавал похожий на «Mankind Quarterly» журнал «Новая антропология» («Neue Anthropologie»). Помимо перекрестной рекламы, два журнала публиковали во многом тех же авторов, имели общих членов редакционных советов. Издавая «Neue Anthropologie» и сотрудничая с Пирсоном, Ригер в то же время защищал руководителя неонацистов Михаэля Кюнена. Позднее Ригер сотрудничал с советником американских боевиков Кирком Лайонсом.

²⁶³ Например, «Eugenics and Race» (1966) («Евгеника и раса») и «Early Civilizations of the Nordic Peoples» («Ранние цивилизации северных народов») Роджера Пирсона. В конце 1970-х годов Пирсон был председателем Всемирной антикоммунистической лиги (World Anti-Communist League, WACL). Тогда эта «зонтичная» организация была в наибольшей степени наполнена неонацистами, ветеранами Waffen SS, восточноевропейскими коллаборационистами, руководителями латиноамериканских эскадронов смерти и другими убежденными антисемитами. В 1980 году Пирсон был освобожден от своих обязанностей в WACL в результате частичной чистки организации, предпринятой генералом Джоном Синглаубом (руководитель американского отделения WACL. — *Примеч. пер.*) с целью превратить организацию в годы президентства Рейгана в инструмент тайных операций в Центральной Америке и Юго-Западной Азии.

²⁶⁴ *Newsweek*, 24 октября 1994 года, стр. 56, цитируется в Charles Lane, «The Tainted Sources of The Bell Curve», *New York Review of Books*, 1 декабря 1994 года. По данным Лейна, в библиографии «The Bell Curve» присутствовали ссылки на пять статей из «Mankind Quarterly» (стр. 775, 807, 828), 17 исследователей, процитированных в библиографии, публиковали свои статьи в расистском журнале Роджера Пирсона. Из них 10 были бывшими или действующими редакторами или членами редакционного совета журнала. Murray и Herrnstein также назвали не менее 13 «ученых», получавших в течение последних 20 лет средства от неонацистского Pioneer Fund на общую сумму свыше четырех миллионов долларов.

²⁶⁵ *Sunday Telegraph*, 12 марта 1989 года.

²⁶⁶ Dinesh D'Souza, *The End of Racism*.

²⁶⁷ John Nichols, «Righter Than Thou», *Progressive*, июнь 1995 года; *Spotlight*, 30 января 1995 года.

²⁶⁸ Ravi Nessman, «Immigrant Abuse», *Associated Press*, 15 октября 1995 года.

²⁶⁹ В мобилизации общественного мнения против иммиграции способствовали целенаправленные усилия белых расистов. Самую негативную роль сыграл пользовавшийся налоговыми льготами Pioneer Fund, финансировавший псевдонаучные исследования о связи расы и разума. Эта же организация была одним из основных источников наличности для Федерации американской иммиграционной реформы — группы, после окончания «холодной войны» возглавившей крестовый поход за резкое ограничение иммиграции в США. Еще один бенефициар Pioneer Fund — Центр индивидуальных прав — запустил общенациональную кампанию по свертыванию законодательства, нацеленного

на преодоление последствий дискриминации. «В начале 1970-х годов последовательным противником преодоления последствий дискриминации выступал один лишь Ку-клукс-клан, — вспоминал правозащитник Дэниэл Левитас. — Мысль о том, что это унижает белых людей, встречалась достаточно редко. Теперь же она пользуется широкой популярностью».

²⁷⁰ Ruth Conniff, «The War on Aliens», *Progressive*, октябрь 1993 года.

²⁷¹ Пресс-релиз сессии Европарламента, 25 апреля 1995 года. Лучшим источником по истории роста популярности массовых ультраправых партий Европы является книга Betz, *Radical Right-wing Populism*.

²⁷² Ксавье Бюиссире (Xavier Buisseret), главный пропагандист «Фламандского блока», ранее возглавлял ВМО. Орден сотрудничал с рядом группировок белых расистов, включая неонацистскую сеть Кюнена в Западной Германии и американский Ку-клукс-клан. До своего запрета бельгийским правительством террористическая группа ВМО играла ключевую роль в ежегодном фестивале в Диксмуде, где собирались неонацисты и расисты со всего мира. Бюиссире также издавал ежемесячный журнал «Наго», отрицавший Холокост. Однако, присоединившись к «Фламандскому блоку» в 1979 году, на следующий год после его создания, Бюиссире порвал связи с этим негационистским журналом. Чтобы пропагандировать направленные против иммигрантов идеи своей партии, Бюиссире зачастую прибегал к тактике запугивания. Это, например, демонстрируют листовки, где изображена белая женщина, на которую нападают иностранцы неевропейской внешности. На другой листовке девушка-блондинка с корзинкой зелени проходит на рынке мимо нескольких женщин, одетых в исламские наряды, и про себя думает: «В своей собственной стране мы уже не чувствуем себя дома».

²⁷³ *De Morgen*, 17 декабря 1994 года.

²⁷⁴ Adrian Dascalu, «Expelled Romanians charge ill-treatment by France», *Interpress Service*, 10 июля 1995 года; «Amnesty International», *France: Shootings, killings, and alleged ill-treatment by law enforcement affairs*, 12 октября 1994 года; *Searchlight*, октябрь 1993 года.

²⁷⁵ «France's Extreme Right: The Le Pen Phenomenon», телеграмма посольства США во Франции Государственному секретарю, Вашингтон, округ Колумбия, 21 июня 1984 года; Maoláin, *The Radical Right*, стр. 93–96.

²⁷⁶ Edwyn Plenel, Alain Rollat, «The Revival of the Far Right in France», *Patterns of Prejudice*, апрель 1984 года; интервью автора с Леоном Дегрелем, 19 мая 1993 года.

²⁷⁷ Ален де Бенуа, письмо автору от 8 марта 1996 года; «The French New Right», *Telos*, зима 1993 года — весна 1994 года, стр. 28, 173–175, 185–186; Franklin Hugh Adler, «Racism, difference and the Right in France», *Modern and Contemporary France* (1995).

²⁷⁸ В то время либеральная рыночная идеология была святой святых для Ле Пена, видевшего себя клоном Рейгана. Однажды он даже сфотографировался с американским президентом. Это было организовано CAUSA — политическим крылом Церкви объединения священника Мун Сон Мёна. Фото было сделано, несмотря на ожесточенные протесты официальных лиц Госдепартамента, внимательно следивших, с кем фотографируется Рейган. CAUSA осуществляла финансовую поддержку партии Ле Пена, а также способствовала проведению тайных операций США против сандинистского режима в Никарагуа.

²⁷⁹ Достаточно показательным для этих перемен, наступивших после «холодной войны», было решение Жан-Жиля Мальяракиса (Jean-Gilles Malliarakis) присоединиться к «Национальному фронту» в 1991 году. Он возглавлял последовательно неофашистскую внепарламентскую группу «Troisième Voie» («Третий путь») и называл себя «ортодоксальным язычником». В Париже у него был неофашистский книжный магазин (La Librairie Française), где предлагались работы французских негационистов, в том числе Робера Фориссона (Robert Faurisson), отрицавшего существование газовых камер. Подобной позиции отрицания придерживалась и парижская ультраевропейская группировка La Vieille Taupe («Старый крот»). Магазин Мальяракиса даже предлагал книгу комиксов, утверждавшую, что Холокоста не было. Предлагались и товары для детей, включая стикеры «третьего пути» с фашистскими лозунгами и мультяшными персонажами. На одном из них была изображена рассерженная канализационная крыса, угрожающая ножом испуганному Микки-Маусу. Другой представлял фантазию на тему «Я люблю Нью-Йорк» — только сердце было заменено на бомбу. «Это всего лишь шутка, — объяснял Мальяракис. — Мы ничего не имеем против народа Америки... Мы выступаем только против американского правительства».

²⁸⁰ Jean-Yves Camus, «Political Cultures within the Front National», *Patterns of Prejudice*, 26, № 1 и 2, (1992); интервью автора с Жаном-Жильем Мальяракисом, ноябрь 1986 года; «The Ultimate Odd Couple — Saddam Hussein and Jean-Marie Le Pen», документ Госдепартамента США, 23 ноября 1990 года.

²⁸¹ Betz, *Radical Right-wing Populism*, стр. 128; Mark Hunter, «Europe's Reborn Right», *New York Times Magazine*, 21 апреля 1996 года.

²⁸² John Bunzl, «National Populism in Austria», *Patterns of Prejudice* 2, № 1 и 2 (1992); James M. Markham, «Chancellor Ends Austrian Coalition», *New York Times*, 16 сентября 1986 года; Betz, *Radical Right-wing Populism*, стр. 123.

²⁸³ Steve Pagani, «War anniversary confronts Austria with Nazi past», *Reuters*, 7 марта 1995 года. Исследование книг по истории Австрии для 10-летних детей показало, что в 10 из 25 выбранных текстов-образцов национал-социализм даже не упоминался; Холокост обсуждался только в 6 из 25, только в одной книге было указано, что австрийцы были частью гитлеровского режима.

²⁸⁴ Многие лица, симпатизировавшие нацистам, нашли прибежище в рядах австрийской Партии свободы. В их числе был и один из основных «советников

по идеологии» Хайдера — Вернер Кёнигсхофер. Ранее он редактировал «Sieg», отрицающее Холокост издание, запрещенное правительством Австрии. Другой член Партии свободы, доктор Эрхард Хартунг, был в 1967 году заочно приговорен итальянским судом к пожизненному заключению за организацию неонацистского террористического акта в итальянском Южном Тироле, в результате которого погибло четыре человека. Однако Австрия отказала в экстрадиции Хартунга в Италию. Несмотря на то что Хартунг был известен как осужденный террорист и убийца, канцлер Гельмут Коль избрал его представителем Германии на международный медицинский симпозиум, проходивший в Китае в мае 1994 года. Коль специально поручил Хартунгу зачитать личное приветствие канцлера собравшимся. (См. Wolfgang Purtscheller, *Aufbruch der Völkischen*.)

²⁸⁵ Betz, *Radical Right-wing Populism*, стр. 124; «Haider dumps MP who doubts Holocaust», *Reuters World Report*, 18 октября 1995 года.

²⁸⁶ В годы «холодной войны» Соединенные Штаты, пытаясь помешать приходу к власти в стране Коммунистической партии, поддерживали в Италии политическую систему, пронизанную коррупцией. Это привело к нескончаемой череде эксцессов: попыткам переворотов, подрывам бомб неонацистами, созданию содержавшейся на средства ЦРУ армии «Гладио», убийству премьер-министра Альдо Моро, торговле мафией и масонской ложей П-2 своим влиянием, загадочной смерти ватиканских банкиров Микеле Синдоны и Роберто Кальви. Все эти эпизоды так и не нашли своего окончательного объяснения, поскольку правда, скорее всего, разрушила бы антикоммунистическую коалицию, правившую Италией в течение нескольких десятков лет. С исчезновением СССР и коммунистической угрозы практически мгновенно рухнуло и здание итальянской политики. Журналистка Люсия Аннунциата назвала произошедшее «символическим эквивалентом падения Берлинской стены».

²⁸⁷ «Italian hotel bars alleged Nazi group», *Reuters*, 10 сентября 1992 года; Celestine Bohlen, «Italy Rebuked by Vatican over Migrants», *New York Times*, 20 ноября 1995 года.

²⁸⁸ Adrian Lyttleton, «Italy: The Triumph of TV», *New York Review of Books*, 11 апреля 1994 года.

²⁸⁹ *Searchlight*, апрель 1993 года; Marc Fisher, «Right-Wing Party Gains in 1 German State», *Washington Post*, 8 марта 1993 года.

²⁹⁰ Betz, *Radical Right-wing Populism*, стр. 56.

²⁹¹ *Searchlight*, апрель 1994 года; Thom Shanker, «The New Fascists of Europe», *Chicago Tribune*, 15 декабря 1993 года.

²⁹² После отставки Шёнхубера с поста лидера «Республиканцев» партия вновь улучшила свои результаты, завоевав 9% голосов избирателей в земле Баден-Вюртемберг.

²⁹³ Kevin Liffey, «Right-wing extremism declines in Germany», *Reuters*, 6 июля 1995 года; Terrence Petty, *Associated Press*, 6 июля 1995 года. Моника Селеш,

звезду тенниса из Сербии, ударил ножом безумный немецкий националист. В виде наказания он получил двухлетнее тюремное заключение с отсрочкой исполнения приговора, поскольку объяснил, что на преступление его толкнуло желание видеть лучшей теннисисткой мира немку. Редакционная статья «New York Times» назвала столь мягкий приговор «шокирующим». В другом случае группа немецких скинхедов ранила ножом японского фигуриста.

²⁹⁴ «German neo-Nazi leads police to arms cache», *Reuters*, 17 августа 1995 года.

²⁹⁵ Побегу Ремера из Германии оказал содействие Гюнтер Деккерт, неонацистский политик, перед этим недавно осужденный за разжигание в фатерланде расовой ненависти. Обвинения основывались на участии Деккерта в митинге в ноябре 1991 года, где одним из выступавших был американский «эксперт по газовым камерам» Фред Лейхтер. Выйдя за рамки обсуждавшейся темы, Деккерт сообщил собравшимся, что Холокост — «миф, увековеченный паразитами, использующими историческую ложь для эксплуатации Германии с применением намордника». Когда Деккерт обжаловал судебное решение, благосклонно настроенные к нему судьи вынесли приговор о годичном тюремном заключении с отсрочкой его исполнения. Один из судей назвал его «интеллигентным и убежденным человеком, делавшим свои заявления по зову сердца». Другой заметил, что Деккерт «выразил законный интерес», задавшись вопросом о финансовых и политических требованиях, которые евреи продолжали выдвигать к Германии через 50 лет после окончания Второй мировой войны. Фактическое оправдание Деккерта свидетельствовало о том, сколь глубоко германская судебная система была поражена антисемитизмом и правым экстремизмом. После волны международного возмущения двое судей, вынесших решение в пользу Деккерта, были отстранены от своей работы (вернулись к ней буквально через несколько месяцев), а Деккерт получил два года тюремного заключения.

²⁹⁶ «Nebeneruf V-Mann», *Der Spiegel*, 19 июля 1995 года; «Neonazi Althans soline V-Mann gewesen sein», *Frankfurter Rundschau*, 2 августа 1995 года; «Neonazi Althans soline nicht für den Verfassungsschutz spioniert haben», *Die Tageszeitung*, 2 августа 1995 года; *Searchlight*, август 1995 года.

²⁹⁷ *Searchlight*, ноябрь 1995 года.

²⁹⁸ Imre Karac, «German Officer in Neo-Nazi Scandal», *Independent*, 9 декабря 1997 года; Imre Karac, «Defense Ministry Aided Neo-Nazi Aryan Project 5», *Independent*, 12 декабря 1997 года; Geoff Kitney, «Germany: Inquiry Into Nazi Links to Armed Forces», *Sydney Morning Herald*, 12 декабря 1997 года; *Searchlight*, январь 1998 года.

²⁹⁹ «‘More Humility, Fewer Illusions’ — A Talk Between Adam Michnik and Jürgen Habermas», *New York Review of Books*, 24 марта 1994 года.

³⁰⁰ «Brzezinski Backs NATO Expansion», *AP Online*, 7 декабря 1997 года.

³⁰¹ «Gegen Das Vergessen», *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 7 апреля 1995. Среди подписавших документ были такие откровенные неонацисты, как доктор Зигфрид Эрнст, возглавлявший немецкое движение против абортов; Петер

Фролих, ветеран Фронта действия национал-социалистов Кюнена; редактор газеты «Junge Freiheit» Дитер Штайн; бывший генеральный прокурор Александр фон Шталь; министр финансов Германии Тео Вайгель, а также ряд депутатов Бундестага от Христианско-демократического союза и молодежные лидеры.

³⁰² *Searchlight*, май 1995 года; *Reuters*, 1 и 4 мая 1995 года.

³⁰³ *Searchlight*, декабрь 1993 года; Elliot Neaman, «Fascism and postmodernism», *Tikkun*, ноябрь 1993 года; Gary Krist, «Tragedy-land», *New York Times*, 27 ноября 1993 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

¹ Phil Davidson, «Nazi who saved Hitler is in Spain», *Independent*, 20 июля 1994 года.

² Журнал *Time* (6 июня 1994 года) продемонстрировал собственный ревизионизм, поместив на обложке фото генерала Дуайта Эйзенхауэра с подписью: «Человек, победивший Гитлера». Как будто бы 20 миллионов граждан СССР, отдавших свои жизни в годы Второй мировой войны, сыграли лишь незначительную роль в разгроме нацистской Германии.

³ Выступление Дугласа Джонса, главы американской миссии в Берлине, 14 апреля 1994 года.

⁴ Torn Heneghan, «Hamburg exhibition questions honour of Hitler's fighting men», *Reuters*, 27 марта 1995 года; «Leading anti-Nazi pastor still not rehabilitated», *Reuters*, 5 апреля 1995 года; Simpson, *Splendid Blonde Beast*, стр. 60.

⁵ Письма Кейта Томпсона автору от 6 июня 1994 года, 5 апреля и 15 мая 1995 года. Отто Эрнст Ремер скончался в Испании 4 октября 1997 года.

⁶ Интервью автора с Кейтом Томпсоном, 1 ноября 1993 года; письмо Кейта Томпсона Дэвиду Дюку от 23 февраля 1989 года, а также несколько писем из Национального комитета Республиканской партии, хранящихся в фонде Кейта Томпсона отдела специальных собраний Гуверовского института.

⁷ Я выражаю свою признательность за эту историю болгарскому журналисту Петко Азманову, взявшему в 1993 году интервью у Мила Родригеса.

⁸ Джордж Моссе цитируется в Elinor Langer, «The American Neo-Nazi Movement Today», *Nation*, 16/23 июля 1990 года.

⁹ Griffin, *Fascism*, стр. 10.

¹⁰ Пол Джонсон цитируется в William Miller, «A New Europe», *Boston Globe*, 5 января 1992 года; *OMRI Daily Digest*, 5 мая 1995 года.

¹¹ Хью Лонг как-то сказал: «Если фашизм когда-либо придет в Америку, его будут называть “американизм”».

¹² Например, конгрессмены Элен Ченовиц (республиканец, штат Айдахо), Стив Стокман (республиканец, штат Техас), Джек Меткалф (республиканец, штат Вашингтон), Дэвид Фандерберк (республиканец, штат Северная Каролина), Джеймс Трафикант (демократ, штат Огайо), а также сенатор Джесси Хелмс (республиканец, штат Северная Каролина).

¹³ Newt Gingrich, William R. Fortschen, 1945.

¹⁴ Theodor W. Adorno, «What Does Coming to Terms with the Past Mean?» в Hartmann, *Bitburg in Moral and Political Perspective*, стр. 120.

¹⁵ Выступление Дугласа Джонса, главы американской миссии в Берлине, 14 апреля 1994 года.

¹⁶ Хорст-Эберхард Рихтер цитируется в Mary Williams Walsh, «Qualified, Educated», *Los Angeles Times*, 12 апреля 1997 года.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Abanes, Richard. *American Militias*. — Downers Grove, Ill.: Inter Varsity Press, 1996.
- Adorno, Theodor et al. *The Authoritarian Personality*. — New York: Harper, 1950.
- Adorno, Theodor W. *The Stars Come Down to Earth and Other Essays on the Irrational in Culture*. — New York: Routledge, 1994.
- Agursky, Mikhail. *The Third Rome*. — Boulder, Colo.: Westview Press, 1987.
- Aho, James A. *The Politics of Righteousness*. — Seattle: University of Washington Press, 1990.
- Allardyce, Gilbert, ed. *The Place of Fascism in European History*. — Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1971.
- Allen, Charles, R., Jr. *Heusinger of the Fourth Reich*. — New York: Marzani & Munsell, 1963.
- Allen, William Sheridan. *The Nazi Seizure of Power*. — New York: Franklin Watts, 1984.
- Allworth, Edward, ed. *Ethnic Russia in the USSR*. — New York: Pergamon Press, 1980.
- Anderson, Scott and Jon Lee Anderson. *Inside the League*. — New York: Dodd, Mead, 1986.
- Anderson, Martin Edwin. *Dossier Secreto*. — Boulder, Colo.: Westview Press, 1993.
- Andreyev, Catherine. *Vlasov and the Russian Liberation Movement*. — London: Cambridge University Press, 1987.
- Antifaschistische Infoblatt. *Drahtzieher im Braunen Netz*. — Berlin: Edition ID-Archiv, 1992.
- Ardagh, John. *Germany and the Germans*. — London: Hamish Hamilton, 1987.
- Arendt, Hannah. *Eichmann in Jerusalem*. — New York: Viking Penguin, 1994.
- Ash, Timothy Garton. *In Europe's Name*. — New York: Random House, 1993.
- Ashman, Chuck and Robert J. Wagman. *The Nazi Hunters*. — New York: Pharos Books, 1988.
- Aycoberry, Pierre. *The Nazi Question*. — New York: Pantheon, 1981.
- Baldwin, Peter, ed. *Reworking the Past*. — Boston: Beacon Press, 1990.
- Bancroft, Mary. *Autobiography of a Spy*. — New York: Morrow, 1983.
- Bar-Zohar, Michel. *The Hunt for German Scientists*. — London: Arthur Baker, 1967.
- Barkun, Michael. *Religion and the Racist Right*. — Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1994.
- Bartov, Omer. *Hitler's Army*. — New York: Oxford University Press, 1992.
- Bauer, Yehuda, ed. *The Danger of Antisemitism in Central and Eastern Europe in the Wake of 1989–1990*. — Jerusalem: Institute of Contemporary Jewry, 1991.
- Bauman, Zygmunt. *Modernity and the Holocaust*. — Ithaca, New York: Cornell University Press, 1989.
- Behbehani, Hashim S. H. *China's Foreign Policy in the Arab World, 1955–1971*. — London: KPI, 1981.
- Behbehani, Hashim S. H. *The Soviet Union and Arab Nationalism 1917–1966*. — London: KPI, 1986.
- Beinin, Joel. *Was the Red Flag Flying There?* — Berkeley: University of California Press, 1990.
- Bell, Andrew. *Against Racism and Fascism in Europe*. — Brussels: Socialist Group, European Parliament, 1986.
- Bellant, Russ. *Old Nazis, the New Right and the Republican Party*. — Boston: South End Press, 1991.
- Bellant, Russ. *The Coors Connection*. — Boston: South End Press, 1991.
- Bennett, David H. *The Party of Fear*. — Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1988.
- Benz, Wolfgang, ed. *Rechtsextremismus in der Bundesrepublik*. — Frankfurt: Fischer Taschenbuch Verlag, 1989.
- Bergner, Jeffrey T. *The New Superpowers*. — New York: St. Martin's Press, 1991.

- Berlet, Chip and Mathew Lyon. *Too Close For Comfort*. — Boston: South End Press, 1997.
- Berman, Marshall. *All That Is Solid Melts Into Air*. — New York: Simon & Schuster, 1982.
- Betz, Hans-Georg. *Radical Right-Wing Populism in Western Europe*. — New York: St. Martin's Press, 1994.
- Billig, Michael. *Psychology, Racism & Fascism*. — London: Searchlight, 1979.
- Bird, Kai. *The Chairman*. — New York: Simon & Schuster, 1992.
- Bjorgo, Tore and Rob Witte, eds. *Racist Violence in Europe*. — New York: St. Martin's Press, 1993.
- Black, Ian and Benny Morris. *Israel's Secret Wars*. — New York: Grove Weidenfeld, 1991.
- Blinkhorn, Martin, ed. *Fascists and Conservatives*. — London: Unwin Hyman, 1990.
- Blum, Howard. *Wanted! The Search for Nazis in America*. — Greenwich, Conn.: Fawcett, 1977.
- Blum, William. *The CIA: A Forgotten History*. — London: Zed Books, 1986.
- Bundy, David and Andrew Lycett. *Qaddafi and the Libyan Revolution*. — Boston: Little, Brown, 1987.
- Borkin, Joseph. *The Crime and Punishment of I. G. Farben*. — New York: Free Press, 1978.
- Bower, Tom. *The Pledge Betrayed*. — New York: Doubleday, 1982.
- Branch, Taylor and Eugene M. Propper. *Labyrinth*. — New York: Viking, 1982.
- Brissaud, Andre. *The Nazi Secret Service*. — New York: Norton, 1974.
- Braham, Randolph L., ed. *Anti-Semitism and the Treatment of the Holocaust in Postcommunist Eastern Europe*. — New York: Columbia University Press, 1994.
- Brogan, Patrick and Albert Zarca. *Deadly Business*. — New York: Norton, 1988.
- Brown, Anthony Cave, ed. *The Secret War Report of the OSS*. — New York: Berkeley Medallion, 1976.
- Burford, Bill. *Among the Thugs*. — London: Mandarin, 1992.
- Bullock, Alan. *Hitler and Stalin*. — New York: Knopf, 1992.
- Burstein, Daniel. *Euroquake*. — New York: Simon & Schuster, 1991.
- Byron, John and Robert Pack. *The Claws of the Dragon*. — New York: Simon & Schuster, 1992.
- Camus, Jean-Yves and René Monzat. *Les Droites Nationales et Radicales en France*. — Lyon: Presses Universitaires de Lyon, 1992.
- Canedy, Susan. *America's Nazis*. — Menlo Park, Calif.: Markgraf Publications, 1990.
- Cannistraro, Philip V. *Historical Dictionary of Fascist Italy*. — Westport, Conn.: Greenwood Press, 1982.
- Carlson, John Roy. *Cairo to Damascus*. — New York: Knopf, 1951.
- Carlson, John Roy. *Under Cover*. — New York: Dutton, 1943.
- Carr, Edward Hallett. *German-Soviet Relations Between the Two World Wars, 1919–1939*. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1951.
- Carsten, F. L. *The Rise of Fascism*. — Berkeley: University of California Press, 1967.
- Carto, Willis, ed. *Profiles in Populism*. — Old Greenwich, Conn.: Flag Press, 1982.
- Casillo, Robert. *The Genealogy of Demons*. — Evanston, Ill.: Northwestern University Press, 1988.
- Cheles, Luciano et al., ed. *Neo-fascism in Europe*. — London: Longman, 1991.
- Christie, Stuart. *Stefano Delle Chiaie*. — London: Anarchy Magazine/Refract, 1984.
- Clark, Alan. *Barbarossa*. — New York: Qill, 1985.
- Coates, James. *Armed and Dangerous*. — New York: Noonday, 1987.
- Cockburn, Andrew and Leslie. *Dangerous Liaison*. — New York: Harper Collins, 1991.
- Codrescu, Andrei. *The Hole in the Flag*. — New York: Avon, 1991.
- Cohen, Jeff and Norman Solomon. *Adventures in Medialand*. — Monroe, Maine: Common Courage Press, 1993.
- Cohn, Norman. *Warrant for Genocide*. — Chico, Calif.: Scholar's Press, 1981.
- Conot, Robert E. *Justice at Nuremberg*. — New York: Harper & Row, 1983.
- Conquest, Robert. *The Last Empire*. — Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 1986.
- Cook, Fred J. *The Nightmare Decade*. — New York: Random House, 1971.
- Cookridge, E. H. *Gehlen*. — New York: Random House, 1971.
- Copeland, Miles. *The Game of Nations*. — New York: Simon & Schuster, 1969.
- Copeland, Miles. *Without Cloak or Dagger*. — New York: Simon & Schuster, 1974.
- Corcoran, James. *Bitter Harvest*. — New York: Viking, Penguin 1990.
- Corson, William R. *The Armies of Ignorance*. — New York: Dial, 1977.
- Corson, William R. and Robert T. Crowley. *The New KGB*. — New York: Morrow, 1985.
- Crawford, James. *Hold Your Tongue*. — Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1992.

- Crenshaw, Martha, ed. *Terrorism Legitimacy and Power*. — Middletown, Conn.: Wesleyan University Press, 1983.
- Crowe, David M. *A History of the Gypsies of Eastern Europe and Russia*. — New York: St. Martin's Press, 1994.
- Dabringhaus, Erhard. *Klaus Barbie*. — Washington, D. C.: Acropolis Books, 1984.
- Dagan, Avigdor. *Moscow and Jerusalem*. — London: Abelard-Schuman, 1970.
- Deacon, Richard. *The French Secret Service*. — London: Grafton, 1990.
- Dejager, Vladimir. *The Yugoslav Auschwitz and the Vatican*. — Buffalo, N. Y.: Prometheus Books, 1992.
- Dees, Morris. *Hate on Trial*. — New York: Villard, 1993.
- Dees, Morris and James Corcoran. *Gathering Storm*. — New York: Harper Collins, 1996.
- Degrelle, Léon. *Campaign in Russia*. — Costa Mesa, Calif.: Institute for Historical Review, 1985.
- Del Boca, Angelo and Mario Giovana. *Fascism Today: A World Survey*. — New York: Pantheon, 1969.
- Demarest, Pierre and Christian Plume. *Target De Gaulle*. — New York: Dial, 1975.
- Denitch, Bogdan. *After the Flood*. — Hanover: Wesleyan University Press, 1992.
- Diamond, Sara. *Roads to Dominion*. — New York: Guilford Press, 1995.
- Diamond, Sara. *Spiritual Warfare*. — Boston: South End Press, 1989.
- Diehl, James M. *The Thanks of the Fatherland*. — Chapel Hill, N. C.: University of North Carolina Press, 1993.
- Diggins, John P. *Mussolini and Fascism*. — Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1972.
- Dinges, John and Saul Landau. *Assassination on Embassy Row*. — New York: Pantheon, 1980.
- Domenico, Roy Palmer. *Italian Fascists on Trial 1943–1948*. — Chapel Hill, N. C.: University of North Carolina Press, 1991.
- Donner, Frank. *The Age of Surveillance*. — New York: Vintage, 1981.
- Drake, Richard. *The Revolutionary Mystique and Terrorism in Contemporary Italy*. — Bloomington: University of Indiana Press, 1989.
- D'Souza, Dinesh. *The End of Racism*. — New York: Free Press, 1995.
- Duffy, James P. and Vincent L. Ricci. *Target Hitler*. — Westport, Conn.: Praeger Publications, 1992.
- Duggan, Christopher. *Fascism and the Mafia*. — New Haven, Conn.: Yale University Press, 1989.
- Dulles, Allen. *The Secret Surrender*. — New York: Harper & Row, 1966.
- Dulles, Allen. *Germany's Underground*. — New York: Macmillan, 1947.
- Dunlop, John. *The New Russian Nationalism*. — New York: Praeger Publications, 1985.
- Duranton-Crabol, Anne-Marie. *Europe de L'Extreme Droite*. — Brussels: Editions Complexe, 1991.
- Dyakov, Yuri and Tatyana Bushuyeva. *The Red Army and the Wehrmacht*. — Amherst, N. Y.: Prometheus Books, 1994.
- Eatwell, Roger. *Fascism: A History*. — New York: Allen Lane, 1996.
- Eatwell, Roger and Noel O'Sullivan, eds. *The Nature of the Right*. — London: Pinter, 1989.
- Eisenberg, Carolyn. *Drawing the Line*. — New York: Cambridge University Press, 1996.
- Eisenberg, Dennis. *The Re-Emergence of Fascism*. — London: MacGibbon & Kee, 1967.
- Ellwood, Sheelagh M. *Spanish Fascism in the Franco Era*. — London: Macmillan, 1987.
- Enzensberger, Hans Magnus. *Civil Wars*. — New York: New Press, 1993.
- European Parliament, Committee of Inquiry into the Rise of Fascism and Racism in Europe. Report on the findings of the inquiry (1985).
- European Parliament, Committee of Inquiry on Racism and Xenophobia. Report on the findings of the inquiry (1991).
- Evans, Richard J. *In Hitler's Shadow*. — New York: Pantheon, 1989.
- Evola, Julius. *Imperialismo Pagano*. — Padua: Edizioni di Ar, 1978.
- Evola, Julius. *The Metaphysics of Sex*. — New York: Inner Traditions International, 1983.
- Evola, Julius. *Nei Documenti Segreti del Terzo Reich*. — Rome: Europa, 1986.
- Ezekial, Raphael S. *The Racist Mind*. — New York: Viking, 1995.
- Faligot, Roger and Remi Kauffer. *The Chinese Secret Service*. — London: Headline, 1987.
- Faligot, Roger and Remi Kauffer. *Le Croissant et la Croix Gammée*. — Paris: Albin Michel, 1990.
- Faligot, Roger and Pascal Krop. *La Piscine*. — London: Blackwell, 1989.
- Falk, Richard. *Revolutionaries and Functionaries*. — New York: Dutton, 1988.
- Faller, Kurt and Heinz Siegbold, eds. *NeoFaschismus*. — Frankfurt: Roederberg-Verlag, 1986.
- Farago, Ladislav. *Aftermath*. — New York: Avon, 1974.

- Farrell, Stephen Lawrence. *Jean-Marie Le Pen and the National Front*. — American University doctoral dissertation, 1991.
- Feagin, Joe R. and Hernan Vera. *White Racism*. — New York: Routledge, 1995.
- Feffer, John. *Shock Waves*. — Boston: South End Press, 1992.
- Fisher, Marc. *After the Wall*. — New York: Simon & Schuster, 1995.
- Flynn, Kevin and Gary Gerhardt. *The Silent Brotherhood*. — New York: Free Press, 1989.
- Foley, Charles. *Commando Extraordinary*. — Costa Mesa, Calif.: Noontide Press, 1988.
- Forster, Arnold and Benjamin R. Epstein. *Cross-Currents*. — New York: Doubleday, 1956.
- Forster, Arnold and Benjamin R. Epstein. *Danger on the Right*. — New York: Random House, 1964.
- Forster, Arnold and Benjamin R. Epstein. *The New Anti-Semitism*. — New York: McGraw-Hill, 1974.
- Fraser, Steven, ed. *The Bell Curve Wars*. — New York: Basic Books, 1995.
- Frazer, Graham and George Lancelle. *Absolute Zhirinovsky*. — New York: Viking, Penguin, 1994.
- Freedland, Richard M. *The Truman Doctrine and the Origins of McCarthyism*. — New York: New York University Press, 1985.
- Freedman, Theodore, ed. *Anti-Semitism in the Soviet Union*. — New York: Freedom Library, 1984.
- Freiwald, Aaron and Martin Mendelsohn. *The Last Nazi*. — New York: Norton, 1994.
- Fritzsche, Peter. *Rehearsals for Fascism*. — New York: Oxford University Press, 1990.
- Garten, Jeffrey E. *A Cold Peace*. — New York: Times Books, 1992.
- Gedmin, Jeffrey. *The Hidden Hand*. — Washington, D. C.: AEI Press, 1992.
- Gehlen, Reinhard. *The Service*. — New York: World Publishing, 1972.
- George, John and Laird Wilcox. *Nazis, Communists, Klansmen and Others on the Fringe*. — Buffalo, N. Y.: Prometheus Books, 1992.
- Gerber, David A., ed. *Anti-Semitism in American History*. — Champaign, Ill.: University of Illinois Press, 1987.
- Germani, Gino. *Authoritarianism, Fascism and National Populism*. — New Brunswick, N. J.: Transaction Publications, 1978.
- Gibson, William James. *Warrior Dreams*. — New York: Hill and Wang, 1994.
- Gingrich, Newt and William R. Fortschen. *1945*. — Riverside, N. Y.: Baen Books, 1995.
- Ginsberg, Benjamin. *The Fatal Embrace*. — Chicago: University of Chicago Press, 1993.
- Ginsborg, Paul. *A History of Contemporary Italy*. — New York: Viking Penguin, 1990.
- von Goldendach, Walter and Hans-Rudiger Minow. *«Deutschtum Erwache!»*. — Berlin: Dietz Verlag GmbH, 1995.
- Goldhagen, Daniel Jonah. *Hitler's Willing Executioners*. — New York: Vintage, 1997.
- Goodrick-Clarke, Nicholas. *The Occult Roots of Nazism*. — Wellingborough (England): Aquarian, 1985.
- Gould, Stephen Jay. *The Mismeasure of Man*. — New York: Norton, 1983.
- Grass, Günter. *Tin Drum*. — New York: Vintage, 1964.
- Grass, Günter. *Two States — One Nation?* — San Diego: Harcourt Brace Jovanovich, 1990.
- Gregor, James A. *The Ideology of Fascism*. — New York: Free Press, 1969.
- Gregor, James A. *The Fascist Persuasion in Radical Politics*. — Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1974.
- Gregory, Steven and Roger Sanjek, eds. *Race*. — New Brunswick, N. J.: Rutgers University Press, 1994.
- Griffin, Roger, ed. *Fascism*. — New York: Oxford University Press, 1995.
- Griffiths, Stephen Iwan. *Nationalism and Ethnic Conflict*. — New York: Oxford University Press, 1993.
- Guénon, René. *The Reign of Quantity*. — New York: Penguin, 1972.
- Haaf, Karel ten. *...en morgen de hele wereld?* — Amsterdam: FOPK, 1992.
- Haffner, Sebastian. *The Ailing Empire*. — New York: Fromm International, 1989.
- Hagen, Louis. *The Secret War for Europe*. — New York: Stein and Day, 1969.
- Hainsworth, Paul, ed. *The Extreme Right in Europe and North America*. — London: Pinter, 1992.
- Hamalainen, Pekka Kalevi. *Uniting Germany*. — Boulder, Colo.: Westview Press, 1994.
- Hamilton, Alastair. *The Appeal of Fascism*. — New York: Macmillan, 1971.
- Handelman, Stephen. *Comrade Criminal*. — New Haven, Conn.: Yale University Press, 1995.
- Harper, John Lambertson. *America and the Reconstruction of Italy, 1945–1948*. — London: Cambridge University Press, 1986.
- Hartmann, Geoffrey, ed. *Bitburg in Moral and Political Perspective*. — Bloomington, Ind.: Indiana University Press, 1986.

- Hasselbach, Ingo. *Führer-Ex*. — New York: Random House, 1996.
- Heikal, Mohamed. *The Sphinx and the Commissar*. — New York: Harper & Row, 1978.
- Heller, Mikhail and Aleksandr M. Nekrich. *Utopia and Power*. — New York: Summit Books, 1986.
- Herbert, Anthony. *Soldier*. — New York: Holt Rinehart Winston, 1973.
- Herman, Edward S. and Frank Brodhead. *The Rise and Fall of the Bulgarian Connection*. — New York: Sheridan Square Press, 1986.
- Hersh, Burton. *The Old Boys*. — New York: Scribner, 1992.
- Herz, John H., ed. *From Dictatorship to Democracy*. — Westport Conn.: Greenwood Press, 1982.
- Higham, Charles. *American Swastika*. — New York: Doubleday, 1985.
- Higham, Charles. *Trading with the Enemy*. — New York: Dell, 1983.
- Hilberg, Raul. *The Destruction of the European Jews*. — New York: Holmes & Meier, 1985.
- Hill, Ray and Andrew Bell. *The Other Face of Terror*. — London: Grafton, 1988.
- Hingley, Ronald. *The Russian Secret Police*. — New York: Dorset, 1970.
- Hirsch, Kurt. *Rechts von der Union*. — Munich: Knesebeck & Schuler, 1989.
- Hockenos, Paul. *Free to Hate*. — New York: Routledge, 1993.
- Hodges, Donald C. *Argentina, 1943–1987*. — Albuquerque: University of New Mexico Press, 1988.
- Hodges, Donald C. *Argentina's «Dirty War»*. — Austin: University of Texas Press, 1991.
- Hodges, Donald C., ed. *Philosophy of the Urban Guerrilla*. — New York: Morrow, 1973.
- Hoffer, Eric. *The True Believer*. — New York: Perennial Library, 1966.
- Hogan, Michael J., ed. *The End of the Cold War*. — New York: Cambridge University Press, 1992.
- Höhne, Heinz. *Canaris*. — New York: Doubleday, 1979.
- Höhne, Heinz. *The Order of the Death's Head*. — London: Secker & Warburg, 1980.
- Höhne, Heinz and Hermann Zolling. *The General Was a Spy*. — New York: Bantam, 1972.
- Hoopes, Townsend. *The Devil and John Foster Dulles*. — Boston: Atlantic Monthly, 1973.
- Horne, Alistair. *The French Army and Politics, 1870–1970*. — New York: Peter Bedrick, 1984.
- Horne, Alistair. *Return to Power*. — New York: Praeger Publications, 1956.
- Horne, Alistair. *A Savage War of Peace*. — New York: Viking, 1978.
- Höttl, William. *The Secret Front*. — New York: Praeger Publications, 1954.
- Hougan, Jim. *Spooks*. — New York: Morrow, 1978.
- Huelshoff, Michael G., Andrei S. Markovits, Simon Reich, eds. *From Bundesrepublik to Deutschland*. — Ann Arbor: University of Michigan Press, 1993.
- Hughes, H. Stuart. *The United States and Italy*. — Cambridge: Harvard University Press, 1965.
- Hunt, Linda. *Secret Agenda*. — New York: St. Martin's Press, 1991.
- Ignatieff, Michael. *Blood and Belonging*. — New York: Farrar, Straus & Giroux, 1993.
- Infield, Glenn. B. *Skorzeny: Hitler's Commando*. — New York: St. Martin's Press, 1981.
- Infield, Glenn. *Secrets of the SS*. — New York: Military Heritage, 1981.
- Institute of Jewish Affairs. *Antisemitism: World Report 1993*. — London, 1993.
- Institute of Jewish Affairs. *Antisemitism: World Report, 1994*. — London, 1994.
- Institute of Jewish Affairs. *Antisemitism: World Report, 1995*. — London, 1995.
- Jäckel, Eberhard. *Hitler in History*. — Hanover, N. H.: Brandeis University Press, 1984.
- Jarausch, Konrad. *The Rush to German Unity*. — New York: Oxford University Press, 1994.
- Joel, Anthony James. *Fascism in the Contemporary World*. — Boulder, Colo.: Westview Press, 1978.
- Johnson, Niel M. *George Sylvester Viereck*. — Chicago: University of Illinois Press, 1972.
- Josephs, Jeremy. *Swastika Over Paris*. — New York: Arcade, 1989.
- Jösten, Joachim. *The Red Hand*. — London: Abelard Schuman, 1962.
- Jukes, Geoffrey. *Hitler's Stalingrad Decisions*. — Berkeley: University of California Press, 1985.
- Kaplan, Morton P., ed. *The Many Faces of Communism*. — New York: Free Press, 1978.
- Kartsev, Vladimir. *!Zhirinovskiy!* — New York: Columbia University Press, 1995.
- Kater, Michael H. *The Nazi Party*. — Cambridge: Harvard University Press, 1983.
- Kedward, H. R. *Fascism in Western Europe 1900–45*. — New York: NYU Press, 1971.
- Kiernan, V. G. *From Conquest to Collapse*. — New York: Pantheon, 1982.
- King, Dennis. *Lyndon LaRouche and the New American Fascism*. — New York: Doubleday, 1989.

Kinsella, Warren. *Unholy Alliances*. — Toronto: Lester, 1992.

Knight, Amy. *Beria*. — Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1993.

Korey, William. *The Soviet Cage*. — New York: Viking, 1973.

Krosny, Herbert. *Deadly Business*. — New York: Four Walls Eight Windows, 1994.

Kruger, Henrik. *The Great Heroin Coup*. — Boston: South End Press, 1980.

Kruger, Henrik. *Over the Green Border* (unpublished manuscript).

Kühl, Stefan. *The Nazi Connection*. — New York: Oxford University Press, 1994.

Lacouture, Jean. *De Gaulle*. — New York: Norton, 1991.

von Lang, Jochen. *The Secretary*. — Athens: Ohio University Press, 1979.

Laponce, J. A. *Left and Right*. — Toronto: University of Toronto Press, 1981.

Laqueur, Walter. *Black Hundred*. — New York: Harper Collins, 1993.

Laqueur, Walter. *Fascism: Past, Present and Future*. — New York: Oxford University Press, 1996.

Laqueur, Walter. *Fascism: A Reader's Guide*. — Berkeley: University of California Press, 1976.

Laqueur, Walter. *The Long Road to Freedom*. — New York: Collier, 1990.

Laqueur, Walter. *Russia and Germany*. — New Brunswick, N. J.: Transaction Publications, 1990.

Laqueur, Walter and George L. Mosse, eds. *International Fascism, 1920–1945*. — New York: Harper & Row, 1966.

Lasby, Clarence. *Project Paperclip*. — New York: Atheneum, 1971.

Laurent, Frederic. *L'Orchestre Noir*. — Paris: Stock, 1978.

Lederer, Laura J. and Richard Delgado, eds. *The Price We Pay*. — New York: Hill and Wang, 1995.

Ledwidge, Bernard. *De Gaulle*. — New York: St. Martin's Press, 1982.

Lee, Martin A. and Bruce Shlain. *Acid Dreams*. — New York: Grove, 1986.

Leshner, Stephan. *George Wallace*. — Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1994.

Lerner, Michael. *The Socialism of Fools*. — Oakland: Tikkun, 1992.

Levin, Jack and Jack McDevitt. *Hate Crimes*. — New York: Plenum, 1993.

Levine, Michael. *The Big White Lie*. — New York: Thunder's Mouth Press, 1993.

Levy, Alan. *Wanted*. — New York: Berkeley Medallion, 1962.

Lewis, Charles Rand. *Right-wing Extremism in West Germany, 1945–1989*. — University of Idaho doctoral dissertation, 1990.

Limonov, Edward. *His Butler's Story*. — New York: Grove, 1987.

Limonov, Edward. *It's Me, Eddie*. — New York: Grove, 1987.

Limonov, Edward. *Memoir of a Russian Punk*. — New York: Grove, 1990.

Linklater, Magnus et al. *The Nazi Legacy*. — New York: Holt Rinehart Winston, 1984.

Lipstadt, Deborah. *Denying the Holocaust*. — New York: Free Press, 1993.

Litvinoff, Barnet. *Anti-Semitism and World History*. — New York: Dutton, 1988.

Loftus, John. *The Belarus Secret*. — New York: Knopf, 1982.

Lotz, Wolfgang. *The Champagne Spy*. — New York: St. Martin's Press, 1972. .

Low, Alfred D. *Soviet Jewry and Soviet Policy*. — New York: Columbia University Press, 1990.

Lucas, James. *Kommando*. — New York: St. Martin's Press, 1985.

Lukas, John. *The End of the Twentieth Century and the End of the Modern Age*. — New York: Ticknor & Fields, 1993.

Lukas, John. *A New History of the Cold War*. — New York: Anchor Press, 1966.

Lunn, Kenneth and Richard C. Thurlow, eds. *British Fascism*. — New York: St. Martin's Press, 1980.

Maaz, Hans Joachim. *Behind the Wall*. — New York: Norton, 1995.

Malkin, Peter Z. and Harry Stein. *Eichmann in My Hands*. — New York: Warner Books, 1990.

Maoláin, Ciarán Ó. *The Radical Right: A World Directory*. — London: ABC-Clio, 1987.

Marable, Manning. *The Crisis of Color and Democracy*. — Monroe, Maine: Common Courage Press, 1992.

Martin, David C. *Wilderness of Mirrors*. — New York: Harper & Row, 1980.

Martinez, Thomas. *Brotherhood of Murder*. — New York: Pocket Books, 1988.

Masurovsky, Marc Jean. *The Safehaven Program*. Doctoral thesis, American University, 1990.

Mattar, Philip. *The Mufti of Jerusalem*. — New York: Columbia University Press, 1988.

Maurice, René L. and Ken Follet. *Under the Streets of Nice*. — Markham, Ontario: Paperbacks, 1989.

Mazcaj, Paul. *The Action Francaise & Revolutionary Syndicalism*. — Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1979.

McKale, Donald M. *Hitler: The Survival Myth*. — New York: Stein and Day, 1981.

Medvedev, Roy. *Let History Judge*. — New York: Columbia University Press, 1989.

Mee, Charles L. *The Marshall Plan*. — New York: Simon & Schuster, 1984.

Merkel, Peter H., ed. *Political Violence and Terror*. — Berkeley: University of California Press, 1986.

Merkel, Peter H. and Leonard Weinberg. *Encounters with the Radical Right*. — Boulder, Colo.: Westview Press, 1993.

Merle, Robert. *Ahmed Ben Bella*. — New York: Walker, 1967.

Merritt, Anna J. and Richard L., eds. *Public Opinion in Occupied Germany, the OMGUS Surveys, 1945–49*. — Urbana: University of Illinois Press, 1970.

Meskil, Paul. *Hitler's Heirs*. — New York: Pyramid, 1961.

Mintz, Frank P. *The Liberty Lobby and the American Right*. — Westport, Conn.: Greenwood Press, 1985.

Moioli, Vittorio. *I Nuovi Razzismi*. — Rome: Edizioni Associate, 1990.

Monzat, René. *Enquetes sur la Droite Extreme*. — Paris: Le Monde-Editions, 1992.

Moore, Barrington. *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. — Boston: Beacon Press, 1993.

Moore, Jack B. *Skinheads*. — Bolling Green, Ohio: Bolling Green State University Press, 1993.

Mosely, Leonard. *Dulles*. — New York: Dial, 1978.

Mosse, George L. *Nazi Culture*. — New York: Grosset & Dunlop, 1968.

Mosse, George L. *Toward the Final Solution*. — Madison: University of Wisconsin Press, 1985.

Müller, Ingo. *Hitler's Justice*. — London: L. B. Taurus, 1991.

Murray, Charles and Richard J. Herrnstein. *The Bell Curve*. — New York: Free Press, 1994.

Nagle, John David. *The National Democratic Party*. — Berkeley: University of California Press, 1970.

Nelson, Jack. *Terror in the Night*. — New York: Simon & Schuster, 1993.

Nimni, Ephraim. *Marxism and Nationalism*. — London: Pluto Press, 1991.

Nogee, Joseph L., ed. *Soviet Politics*. — New York: Praeger Publications, 1985.

Nolte, Ernst. *Three Faces of Fascism*. — New York: New American Library, 1969.

Novick, Michael. *White Lies, White Power*. — Monroe, Maine: Common Courage Press, 1995.

Oberdorfer, Dan. *The Turn: How the Cold War Came to an End*. — London: Jonathan Cape, 1992.

Page, Joseph. *Perón*. — New York: Random House, 1983.

Paris, Erna. *Unhealed Wounds*. — New York: Grove, 1985.

Payne, Robert. *The Life and Death of Trotsky*. — New York: McGraw-Hill, 1977.

Payne, Stanley. *Falange*. — Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1961.

Payne, Stanley. *A History of Fascism, 1914–1945*. — Madison: University of Wisconsin Press, 1995.

Perrault, Gilles. *The Red Orchestra*. — New York: Schocken, 1989.

Persico, Joseph E. *Piercing the Reich*. — New York: Viking, 1979.

Pfaff, William. *The Wrath of Nations*. — New York: Simon & Schuster, 1993.

Pisan, Sallie. *The CIA and the Marshall Plan*. — Lawrence: University of Kansas Press, 1991.

Plant, Richard. *The Pink Triangle*. — New York: Henry Holt, 1986.

Poliakov, Leon. *The Aryan Myth*. — New York: Basic Books, 1971.

Pool, James and Suzanne. *Who Financed Hitler?* — New York: Dial, 1978.

Posner, Gerald L. and John Ware. *Mengele*. — New York: Dell, 1987.

Posner, Steve. *Israel Undercover*. — Syracuse, N. Y.: Syracuse University Press, 1987.

Powers, Thomas. *The Man Who Kept the Secrets*. — New York: Pocket Books, 1981.

Prados, John. *Keepers of the Keys*. — New York: Morrow, 1991.

Prados, John. *Presidents' Secret Wars*. — New York: Quill, 1986.

Purtscheller, Wolfgang. *Aufbruch der Völkischen*. — Vienna: Picus, 1993.

Ranelagh, John. *The Agency*. — New York: Touchstone, 1987.

Rapoport, Louis. *Stalin's War Against the Jews*. — New York: Free Press, 1990.

Rapoport, Yakov. *The Doctors' Plot of 1953*. — Cambridge: Harvard University Press, 1991.

Raspail, Jean. *The Camp of Saints*. — Petoskey, Mich.: Social Contract, 1987.

Raviv, Dan and Yossi Melman. *Every Prince a Spy*. — Boston: Houghton Mifflin, 1990.

Read, Anthony and David Fisher. *The Deadly Embrace*. — New York: Norton, 1988.

Read, Piers Paul. *The Train Robbers*. — Philadelphia: Lippincott, 1978.

- Rees, Philip. *Biographical Dictionary of the Extreme Right Since 1890*. — London: Harvester, 1990.
- Reese, Mary Ellen. *General Reinhard Gehlen and the CIA*. — Fairfax, Va.: George Mason University Press, 1990.
- Reeves, Thomas C. *The Life and Times of Joe McCarthy*. — New York: Stein and Day, 1982.
- Reich, Walter, ed. *Origins of Terrorism*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Reich, Wilhelm. *The Mass Psychology of Fascism*. — New York: Noonday Books, 1971.
- Reid, Douglas. *The Prisoner of Ottawa*. — London: Jonathan Cape, 1953.
- Reitlinger, Gerald. *The SS: Alibi of a Nation*. — New York: Da Capo Press, 1989.
- Remick, David. *Lenin's Tomb*. — New York: Random House, 1993.
- Ridgeway, James. *Blood in the Face*. — New York: Thunder's Mouth Press, 1990.
- Ritter, Gerhard. *Frederick the Great*. Berkeley: University of California Press, 1974.
- Roberts, David D. *The Syndicalist Tradition and Italian Fascism*. — Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1979.
- Robertson, Pat. *The New World Order*. — New York: World, 1992.
- Rogge, O. John. *The Official German Report*. — New York: Thomas Yoseloff, 1961.
- Rogger, Hans and Eugen Weber, eds. *The European Right*. — Berkeley: University of California Press, 1966.
- Rosenbaum, Eli M. *Betrayal*. — New York: St. Martin's Press, 1993.
- Rosenberg, Tina. *The Haunted Land*. — New York: Random House, 1995.
- Rosenthal, A. M. and Arthur Gelb. *One More Victim*. — New York: New American Library, 1966.
- Rositzke, Harry. *The KGB*. — New York: Doubleday, 1981.
- Rouso, Henry. *The Vichy Syndrome*. — Cambridge: Harvard University Press, 1991.
- Rovere, Richard Halwort. *Senator Joe McCarthy*. — New York: Harper & Row, 1973.
- Rowe, Gary Thomas, Jr. *My Undercover Years with the Ku Klux Klan*. — New York: Bantam, 1976.
- Rubenstein, Richard E. *Alchemists of Revolution*. — New York: Basic Books, 1987.
- Rubenstein, Richard L. *The Cunning of History*. — New York: Harper, 1987.
- Rudel, Hans-Ulrich. *Stuka Pilot*. — Costa Mesa, Calif.: Noontide Press, 1987.
- St. John, Robert. *The Boss*. — New York: McGraw-Hill, 1960.
- Saloma, John S. *Ominous Politics*. — New York: Hill and Wang, 1984.
- Sargent, Lyman Tower, ed. *Extremism in America*. — New York: New York University Press, 1995. Sartre, Jean-Paul. *Anti-Semite and Jew*. — New York: Schocken, 1948.
- Sauver, Yannick. *Jean Thiriart et le National Communautarisme Européen*. Typewritten manuscript available at the Hoover Institute Library, 1978.
- Sayer, Ian and Douglas Botting. *America's Secret Army*. — New York: Franklin Watts, 1989.
- Sayer, Ian and Douglas Botting. *Nazi Gold*. — New York: Grove, 1986.
- Schellenberg, Walter. *The Labyrinth*. — New York: Harper & Brothers, 1956.
- Schick, Irvin Cemil and Ertugrul Ahmet Tonak, eds. *Turkey in Transition*. — New York: Oxford University Press, 1987.
- Schmidt, Michael. *The New Reich*. — New York: Pantheon, 1993.
- Schwartz, Thomas Alan. *America's Germany*. — Cambridge: Harvard University Press, 1991.
- Scott, Peter Dale and Jonathan Marshall. *Cocaine Politics*. — Berkeley: University of California Press, 1991.
- Scott-Stokes, Henry. *The Life and Death of Yukio Mishima*. — New York: Farrar, Straus & Giroux, 1974.
- Searchlight. *Reunited Germany: The New Danger*. — London: Searchlight, 1995.
- Sedar, Irving and Harold Greenberg. *Behind the Egyptian Sphinx*. — Philadelphia: Chilton, 1960.
- Segev, Tom. *The Seventh Million*. — New York: Hill and Wang, 1993.
- Seidel, Gill. *The Holocaust Denial*. — London: Beyond the Pale Collective, 1986.
- Seldes, George. *Facts and Fascism*. — New York: In Fact, 1943.
- Seldes, George. *Witness to a Century*. New York: Ballantine, 1987.
- Shirer, William L. *The Rise and Fall of the Third Reich*. New York: Fawcett Crest, 1962.
- Siegler, Bernd. *Auferstanderaus Ruinen: Rechtsextremismus in der DDR*. — Berlin: Tianot, 1992.
- Silj, Alessandro. *Never Again Without a Rifle*. — New York: Karz, 1979.
- Simpson, Christopher. *Blowback*. — New York: Weidenfeld & Nicolson, 1988.
- Simpson, Christopher. *The Splendid Blonde Beast*. — New York: Grove, 1993.
- Simpson, John and Jana Bennett. *The Disappeared and the Mothers of the Plaza*. — New York: St. Martin's Press, 1985.
- Singer, Kurt. *Spies and Traitors of World War II*. — New York: Prentice-Hall, 1945.

- Skidelsky, Robert. *Oswald Mosley*. — New York: Holt Rinehart Winston, 1975.
- Skorzeny, Otto. *Skorzeny's Secret Missions*. — New York: Dutton, 1950.
- Smith, Bradley F. *The War's Long Shadow*. — New York: Simon & Schuster, 1986.
- Smith, Bradley F. and Elena Agarossi. *Operation Sunrise*. — New York: Basic Books, 1979.
- Smith, Dennis Mack. *Mussolini*. — New York: Vintage, 1983.
- Smith, Jean Edward. *Lucius D. Clay*. — New York: Holt, 1990.
- Smith, R. Harris. *OSS*. — New York: Delta, 1972.
- Smyser, W. R. *Germany and America*. — Boulder, Colo.: Westview Press, 1993.
- Snyder, Louis L. *Hitler's Elite*. — London: David & Charles, 1989.
- Sodaro, Michael J. *Moscow, Germany, and the West from Khrushchev to Gorbachev*. — Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1990.
- Solovyov, Vladimir and Elena Klepikova. *Zhirinovskiy*. — Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1995.
- Sorel, Georges. *Reflections on Violence*. — New York: Collier, 1967.
- Soucy, Robert. *Fascist Intellectual*. — Berkeley: University of California Press, 1979.
- Soucy, Robert. *French Fascism*. — New Haven, Conn.: Yale University Press, 1986.
- Spengler, Oswald. *The Decline of the West*. — New York: Oxford University Press, 1991.
- Stachura, Peter D. *Gregor Strasser and the Rise of Nazism*. — London: Allen & Unwin, 1983.
- Stadiem, William. *Too Rich*. — New York: Carroll & Graf, 1991.
- Stanton, Bill. *Klanwatch*. — New York: Grove Weidenfeld, 1991.
- Stephan, John J. *The Russian Fascists*. — New York: Harper & Row, 1978.
- Stern, Fritz. *The Politics of Cultural Despair*. — New York: Anchor Books, 1965.
- Stern, Kenneth S. *A Force Upon the Plain*. — New York: Simon & Schuster, 1996.
- Sternhell, Zeev. *The Birth of Fascist Ideology*. — Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1994.
- Steven, Stewart. *Operation Splinter Factor*. — Philadelphia: Lippincott, 1974.
- Steven, Stewart. *Spymasters of Israel*. — New York: Ballantine, 1980.
- Stevenson, William. *The Bormann Brotherhood*. — New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1973.
- Stille, Alexander. *Excellent Cadavers*. — New York: Random House 1995. ,
- Stock, Catherine McNicol. *Rural Radicals*. — Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1996.
- Strik-Strikfeldt, Wilfred. *Against Stalin & Hitler 1941–1945*. — New York: John Day, 1973.
- Sugar, Peter F., and Ivo J. Lederer, eds. *Nationalism in Eastern Europe*. — Seattle: University of Washington Press, 1969.
- Sunic, Tomislav. *The European New Right and the Crisis of Modern Polity*. — University of California at Santa Barbara doctoral dissertation, 1988.
- Szporluk, Roman. *Communism & Nationalism*. — New York: Oxford University Press, 1988.
- Tatu, Michael. *Power in the Kremlin from Khrushchev to Kosygin*. — New York: Viking, 1969.
- Tauber, Kurt P. *Beyond Eagle and Swastika (2 vols.)*. — Middletown, Conn.: Wesleyan University Press, 1967.
- Telos. *The French New Right* (Winter 1993 — Fall 1994).
- Tetens, T. H. *Germany Plots with the Kremlin*. — New York: Schuman, 1953.
- Tetens, T. H. *The New Germany and the Old Nazis*. — New York: Marzani & Munsel, 1961.
- Thayer, George. *The Farther Shores of Politics*. — New York: Simon & Schuster, 1967.
- Thayer, George. *The War Business*. — New York: Simon & Schuster, 1969.
- Thewelt, Klaus. *Male Fantasies (2 vols.)*. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 1987.
- Thiriart, Jean. *Europe: An Empire of 400 Million Men*. — Brussels, 1964.
- Thiriart, Jean. *The Great Nation*. Typewritten manuscript available at the Hoover Institute Library, 1965.
- Thompkins, Peter. *A Spy in Rome*. — New York: Simon & Schuster, 1962.
- Thorwald, Jürgen. *The Illusion*. — New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1974.
- Thurow, Richard. *Fascism in Britain*. — London: Basil Blackwell, 1987.
- Timmerman, Kenneth R. *The Death Lobby*. — London: Bantam, 1992.
- Toramska, Teresa. *«Them»: Stalin's Polish Puppets*. — New York: Harper & Row, 1987.
- Troper, Harold and Morton Weinfeld. *Old Wounds*. — Markham, Ontario: Penguin, 1989.
- Turner, Henry Ashby, Jr. *German Big Business & the Rise of Hitler*. — New York: Oxford University Press, 1985.
- Turner, Henry Ashby, Jr. *Germany from Partition to Reunification*. — New Haven, Conn.: Yale University Press, 1992.

- Turner, William W. *Power on the Right*. — Berkeley, Calif.: Ramparts Press, 1971.
- Udovicki, Jasminka and James Ridegway, eds. *Yugoslavia's Ethnic Nightmare*. — New York: Lawrence Hill, 1995.
- Varange, Ulick. *Imperium*. — Costa Mesa, Calif.: Noontide Press, 1991.
- Veen, Hans-Joachim et al. *The Republikaner Party in Germany*. — Westport, Conn.: Praeger Publications, 1993.
- Verdery, Katherine. *National Ideology Under Socialism*. — Berkeley: University of California Press, 1991.
- Viereck, Peter. *Meta-politics*. — New York: Capricorn, 1965.
- Wallach, Janet and John. *Arafat*. — New York: Lyle Stuart, 1990.
- Wallraff, Günter. *The Undesirable Journalist*. — Woodstock, N. Y.: Overlook Press, 1979.
- Walter, Jess. *Every Knee Shall Bow*. — New York: Harper Collins, 1995.
- Walters, Vernon A. *Silent Missions*. — New York: Doubleday, 1978.
- Wank, Ulrich, ed. *The Resurgence of Right-Wing Radicalism in Germany*. — Atlantic Highlands, N. J.: Humanities Press, 1996.
- Weber, Eugen. *Action Francaise*. — Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1962.
- Weinberg, Leonard and William Lee Eubank. *The Rise and Fall of Italian Terrorism*. — Boulder, Colo.: Westview Press, 1987.
- Weitz, John. *Hitler's Diplomat*. — New York: Ticknor & Fields, 1992.
- Weschler, Lawrence. *A Miracle, A Universe*. — New York: Pantheon, 1990.
- Whaley, Barton. *Codeword Barbarossa*. — Cambridge: MIT Press, 1973.
- Whiting, Charles. *Gehlen*. — New York: Ballantine, 1972.
- Whiting, Charles. *Skorzeny*. — New York: Ballantine, 1972.
- Whiting, Charles. *The Spymasters*. — New York: Dutton, 1976.
- Whiton, Charles. *Adenauer*. — London: Cox & Wyman, 1963.
- Wilhelm, Maria de Blasio. *The Other Italy*. — New York: Norton, 1988.
- Wilkinson, Paul. *The New Fascists*. — London: Pan Books, 1981.
- Willen, Philip. *Puppet Masters*. — London: Constable, 1991.
- Wilmsen, Edwin N. and Patrick McAllister, eds. *The Politics of Difference*. — Chicago: University of Chicago Press, 1996.
- Wistrich, Robert S. *Antisemitism: The Longest Hatred*. — New York: Pantheon, 1991.
- Wistrich, Robert S., ed. *Anti-Zionism and Anti-Semitism in the Contemporary World*. — New York: New York University Press, 1990.
- Wistrich, Robert S. *Hitler's Apocalypse*. — London: Weidenfeld & Nicolson, 1985.
- Wistrich, Robert S., ed. *Left Against Zion*. — London: Valentine, Mitchell, 1979.
- Wistrich, Robert S. *Who's Who in Nazi Germany*. — New York, Bonanza, 1984.
- Woodhouse, C. M. *The Rise and the Fall of the Greek Colonies*. — New York: Franklin Watts, 1985.
- Woods, Roger. *Ernst Jünger and the Nature of Political Commitment*. — Stuttgart: Akademischer Verlag, 1982.
- Woolf, S. J., ed. *European Fascism*. — New York: Vintage, 1969.
- Yanov, Alexander. *The Drama of the Soviet 1960s*. — Berkeley, Calif.: Institute of International Studies, 1984.
- Yanov, Alexander. *The Russian Challenge and the Year 2000*. — London: Blackwell, 1987.
- Yanov, Alexander. *The Russian New Right*. — Berkeley, Calif.: Institute of International Studies, 1978.
- Yockey, Francis Parker. *The Enemy of Europe*. — Reedy, West Va.: Liberty Bell, 1981.
- Yockey, Francis Parker. *The Proclamation of London of the European Liberation Front*. — Reedy, West Va.: Liberty Bell, 1981.
- Zatarain, Michael. *David Duke*. — Gretna, L. A.: Pelican Publishing, 1990.
- Zimmerman, Michael E. *Heidegger's Confrontation with Modernity*. — Bloomington: Indiana University Press, 1990.
- Zuccotti, Susan. *The Italians and the Holocaust*. — New York: Basic Books, 1987.
- Zwick, Peter. *National Communism*. — Boulder, Colo.: Westview Press, 1983.

УКАЗАТЕЛЬ

- Аббас Мохаммед Абу — 224
Абс Герман — 64
Агджа Мехмет Али — 223, 445
Агурский Михаил Самуилович — 473
Аденауэр Конрад — 81, 83–90, 97–101, 103–105, 107, 111–114, 119, 142, 145–146, 174, 179, 285, 303, 411, 419, 428, 430
Адорно Теодор — 393
Алказар де Веласко Анхель — 56
Альбрехт Удо — 440
Альенде Сальвадор — 211
Альмиранте Джорджо — 423
Альтханс Бела Эвальд — 267–272, 274–278, 285, 289, 305–306, 318–320, 326, 331–332, 339, 348, 379–380, 416, 459, 460, 463, 467, 482
Аннунциата Люсия — 490
Антонеску Йон — 311–312, 469
Апп Остин — 244, 246
Апплер Ханс (мусульманское имя Салах Сафар) — 155
Арафат Ясир — 155–156, 162, 204–205, 440
Аткинсон Грэм — 12, 278, 457, 460
Аугштайн Рудольф — 297, 451, 462, 465
Ачесон Дин — 96, 119, 133, 419, 423
Ашенауэр Рудольф — 102, 115, 119, 174, 266, 415, 450
Байснер Вильгельм — 168
Бакли Уильям — 183, 434, 451
Бакстер (Джо) Хосе — 202
Бакунии Михаил Александрович — 321
Бандера Степан Андреевич — 471
Барбье Клаус — 69, 206–207, 211, 441, 475
Бардеш Морис — 130, 147
Баркашов Александр Петрович — 33–34, 315–317, 319, 322, 326, 329–330, 334–335, 470, 472, 479
Барнс Сидни — 77
Барнс Харри Элмер — 134
Баро Рудольф — 236–237
Баррос (Дэн) Дэниэл — 122, 188–189
Бартел Роберт — 185
Батиста Фульхенсио — 143, 181
Батлер Ричард — 22, 343–346, 486
Бауэр Фриц — 173
Бедлингтон Стэнли — 349, 481
Бек-Бройшиттер Хельмут — 108–109
Бен Белла Ахмед — 166–168, 171, 189
Бен-Гурион Давид — 163, 174
Бендер Бернхард (псевдоним Бен Салем) — 160
Бенджамин Харри — 134
Бенуа Ален де — 227–233, 300, 325–326, 372, 448, 449, 475, 488
Берлет (Чип) Джон Фостер — 12, 38, 354
Берлускони Сильвио — 376, 399
Бим-младший Луис — 346–347, 350, 352–354, 359–361, 368, 486
Бисмарк Отто фон — 110–111, 197, 215–216, 233, 250, 269, 272, 296, 383
Блей Герман — 282
Бло Иван — 274
Богетич Мила — 202
Боргезе Юнио Валерио — 209–212
Борман Мартин — 68, 439
Бошнотц Гюнтер — 305
Брандт Вилли (настоящее имя — Герберт Фрам) — 88
Брежнев Леонид Ильич — 193, 474
Брем Фриц — 107
Брехт Бертольд — 84
Брешиа Майкл — 358
Бруннер Алоис (псевдоним Георг Фишер) — 165, 175, 177, 179
Булга Юрген — 281
Буске Рене — 406
Буссе Вальтер — 176
Буссе Фридрихельм — 88
Буфорд Билл — 226

- Буш Джордж — 363
 Бьюкенен Патрик — 245, 365–366, 373, 389, 465, 486
 Бэрон Энтони Фрэнсис Ксавьер — 155
 Бюиссире Ксавье — 488
 Бюнше Франц — 152
 Бюре Жан-Клод — 440
 Вагнер Бернд — 22, 257, 280
 Вайгель (Тео) Теодор — 304, 492
 Вайрик Поль — 444
 Вайсс Фредерик Карл Фердинанд — 121–123, 136–137, 143, 423, 434
 Вайсхаймер Фолькер — 264
 Вайцеккер Рихард фон — 273, 287, 338
 Валенса Лех — 306, 470
 Вальдхайм Курт — 283–284
 Вальтруд Элизабет — 185
 Васильев Дмитрий Дмитриевич — 315
 Вебер Марк — 247
 Вернер Манфред — 220
 Вернет Карл — 140–141
 Вивер (Рэнди) Рэндалл — 352–353, 356, 360, 392, 462
 Видаль-Наке Пьер — 241
 Вирик Джордж Сильвестр — 134, 423
 Власов Андрей Андреевич — 10, 57
 Вольвебер Эрнст — 159–160
 Волсинк Эт — 221
 Вольф Карл — 59,
 Ворх Кристиан — 265, 267, 275–276, 281, 285, 288, 291, 293, 308, 318, 348, 377, 446, 455, 459, 460, 463, 465, 471
 Гайс Норберт — 290
 Гайслер Хайнер — 288
 Геббельс Йозеф — 40–41, 52, 57, 96, 111, 152, 155, 170, 208, 267, 299, 314, 385, 416, 422, 430, 439, 451, 456
 Гевара Че Эрнесто — 201, 476
 Гелен Рейнхард — 56–57, 59–60, 66–73, 77–78, 87–88, 98–100, 108, 151–153, 161, 163–165, 168, 179–180, 200, 206–207, 212, 332, 405, 407, 408, 409, 422, 437, 478
 Герберт Энтони — 208
 Геринг Герман — 91, 182, 385
 Гесс Рудольф — 68, 219, 242, 275, 307–308, 344, 452, 482
 Гиммлер Генрих — 51, 53, 55, 69, 92, 140, 149, 160, 327, 403, 404
 Гингрич (Ньют) Ньютон — 367, 392, 435
 Гинзбург Пол — 422
 Гитлер Адольф — 6–10, 15, 18, 20, 24–27, 29–30, 39, 40–42, 44–45, 50–56, 62, 65–68, 79–80, 83, 86–87, 94–99, 101–103, 110–111, 114, 116–117, 119–122, 126–128, 137, 139, 143, 149–150, 154–155, 159, 166, 177, 182, 185–187, 191–192, 201, 205, 209, 213–214, 216–222, 224, 234, 237–238, 240–241, 243, 245, 247–248, 250, 253, 257–258, 260–262, 264, 268–269, 271–275, 282, 287, 291, 295, 298–300, 304, 307, 309–310, 314–316, 323–324, 330, 332, 341, 344, 349, 353, 362, 366, 371, 373–375, 380, 382–385, 388, 390–392, 403, 410, 412, 418, 420, 423, 426, 427, 430, 439, 441, 444, 450, 451, 454, 458, 461, 466, 467, 470, 478, 485, 492
 Глейм Леопольд — 152
 Глобке Ханс — 86–87, 89, 108, 174, 179
 Гогенлоэ Макс фон — 53–54, 403
 Голдуотер Барри — 184–185
 Голль Шарль де — 44, 166, 171–173, 195, 371, 420
 Гомандаи Джорди — 386
 Горбачев Михаил Сергеевич — 237, 253, 255, 295, 314–315, 326
 Грамши Антонио — 228
 Грасс Гюнтер — 258–259, 279, 303
 Гримстед Уильям — 453
 Гробба Фриц — 159, 429
 Грюль Герберт — 236
 Гувер Эдгар — 96, 138, 181, 420, 427, 436
 Гутгенхайм Барбара Хейзел — 133
 Гудман Мелвин — 445
 Гэннон Энтони — 129, 421
 Д'Обюссон Роберто — 211
 Д'Суза Динеш — 367
 Даллес Аллен — 42–43, 53–54, 58–59, 67, 71–71, 138, 152, 163, 403, 405, 408
 Даллес Джон Фостер — 158, 163, 403
 Дегрель Леон — 93–94, 161, 174, 209–211, 223–224, 243, 248, 335, 349, 371, 387, 413, 432, 442, 479, 488
 Декер Юрген — 286
 Дениц Карл — 60, 83, 119–120, 243, 406
 Деннис Лоуренс — 134
 Джонс Дуглас — 264, 295, 303, 388, 393, 458, 460, 465, 492
 Джордан Колин — 188, 225
 Джордано Ральф — 288
 Дирлевангер (Отто) Оскар Пауль фон — 156–157, 427
 Добсон Джеймс — 466
 Дорлс Фриц — 105, 416
 Дреггер Альфред — 385, 459
 Дрёге Вольфганг — 351, 482
 Дугин Александр Гельевич — 326–327, 476
 Дюк Дэвид — 6, 20, 361–364, 367–368, 389, 397, 485, 492
 Ельцин Борис Николаевич — 32–34, 295, 316, 319, 327–330, 333–334, 336, 388, 391, 476, 478
 Емельянов Валерий Николаевич — 315
 Жену Франсуа — 439, 440
 Жириновский Владимир Вольфович — 32–33, 329–335, 360–361, 388, 477, 478, 479
 Зайгерс Рудольф — 286
 Зигерист Иоахим — 307

- Зикс Франц Альфред — 102
 Игнатьев Майкл — 312
 Илиеску Ион — 312
 Иоанн Павел II — 223, 243
 Ирвинг Дэвид — 272
 Истлэнд Джеймс — 184
 Йоки Френсис Паркер (псевдоним Улик Варандж) — 8, 14–15, 122–138, 143, 153–154, 181–184, 186, 188–189, 194, 209, 243–244, 246, 269, 328, 361, 388, 395, 421, 425, 434, 457, 471
 Кавалларо Роберто — 447
 Каддафи Муамар — 205, 208, 264, 273, 458, 470, 482
 Кайзерлинг Герман — 422
 Кальви Роберто — 490
 Камминс Сэм — 206
 Канал Ежи — 386
 Канарис Вильгельм — 54–55, 149
 Кантер Манфред — 281, 379
 Карлос Шакал (настоящее имя Ильич Рамирес Санчес) — 440
 Кароль II — 143
 Карр Эдуард Халлетт — 417
 Карто Уиллис — 8, 15, 182–186, 191, 241, 243–244, 360, 389, 434
 Кастро Фидель — 181, 189, 201–202, 449
 Катсон Триша — 362, 454
 Кафферри Джефферсон — 159
 Кейтель Вильгельм — 40, 402
 Кеннеди Джон — 188, 422, 435
 Кизингер Курт Георг — 424
 Кинг Мартин Лютер — 19, 190–191, 340, 365, 422
 Кинкель Клаус — 296, 338
 Кинси Альфред — 134
 Клаппрот Август — 246
 Кларридж (Дьюи) Дуэйн — 445
 Кларсфельды Беата и Серж — 463
 Клей Люсиус — 70
 Кляйн Ганс — 251, 462
 Клупф (псевдоним) — 160
 Коэл-младший (Мэтт) Мэттиас — 122, 191–192
 Колко Джойс и Габриэль — 113, 418
 Коль Гельмут — 23, 238–240, 250, 252, 254–255, 259, 262, 264, 272, 276–280, 283–285, 289–290, 292–295, 298, 302–304, 312, 339, 359, 377–378, 382, 384–385, 388, 393, 456, 458–462, 467, 490
 Кон-Бендит Даниэль — 462
 Конифф Рут — 368
 Кореш Дэвид — 352, 482
 Корнеев Лев Александрович — 314
 Корсон Уильям — 77, 409
 Коупленд Майлз — 151–152, 161, 163, 180
 Кохран Флойд — 353, 480, 482, 483
 Крибель Райнер — 165
 Критчфилд Джеймс — 71–72
 Крупп Альфред — 103, 164, 418
 Крюгер Хенрик — 12, 75
 Куденхове-Калерги Рихард — 422
 Куна Карл фон — 440
 Курдрой Руже — 440
 Курчио Ренато — 205
 Куэйл (Дэн) Денфорт — 243
 Кьяйе Стефано Делле — 210–211, 223, 442, 443
 Кюнен Михаэль — 217–224, 226–227, 248–251, 255–256, 258–263, 265–267, 269, 276, 291–292, 301, 305, 309, 341, 348, 374, 444, 445, 455, 459, 479, 487, 488, 492
 Кюссель Готфрид — 259–261, 266
 Лайонс Кирк — 345–350, 352–353, 357, 359, 480, 482, 483, 486, 487
 Ласек Вилли — 374
 Лаук Герхард Рекс — 260–261, 308, 348–349, 380, 457, 481
 Лаутербахер Хартманн — 77
 Ле Пен Жан-Мари — 19, 28–29, 231–232, 263, 275, 331, 361, 370–373, 489
 Леерс Йоханн фон (мусульманское имя Омар Амин) — 155–156, 170, 174, 177, 193, 428
 Лейн Марк — 245, 435, 436, 455, 487
 Лейхтер Фред — 347–348, 491
 Ленин Владимир Ильич — 34, 323, 326, 400, 472, 473
 Леопольд Марсель — 171
 Лето Гвидо — 422
 Лигачев Егор Кузьмич — 326
 Лимонов Эдуард Вениаминович — 320–323, 325–327, 329–331, 334–335, 472, 474, 475, 477
 Линкольн Авраам — 19, 364
 Линтнер Эдуард — 303–304
 Лоренцо Джованни ди — 423
 Лотц Вольфганг — 176, 177
 Лоуренс Дейвид Герберт — 110, 418
 Лоуренс Томас Эдвардс — 12, 50
 Лухт Леа — 161
 Любке Генрих — 438
 Мадоле Джеймс — 120–121, 136–137, 189, 423
 Майлз Роберт — 346, 436, 460
 Маквей Тимоти — 15–16, 20, 356–360, 484
 Маккалден Дэвид — 244, 453
 Маккарти Джозеф — 101–102, 115, 119, 174, 186–187, 356, 415
 Макклой Джон — 81–82, 85, 89, 96, 101–104, 112–114, 413, 415
 Маккормик Билли — 363
 Мальяракис Жан-Жиль — 489
 Манчино Никола — 375
 Мао Цзедун — 189, 200, 202, 205–206
 Маркос Имельда — 361
 Маркс Карл — 143, 258, 326
 Мартин Грэм — 423
 Марчетти Виктор — 452, 453, 460
 Мейер Курт (по прозвищу Танк) — 112

- Меллер ван ден Брук Артур — 111, 327
 Менгеле Йозеф — 141, 175, 362
 Менерт Клаус — 324, 474
 МERMельштейн Мел — 245–246, 455
 Мертенс Герхард — 206,
 Мессершмитт (Вилли) Вильгельм Эмиль — 95,
 178, 433
 Метцгер (Том) Томас Линтон — 270, 344, 347, 349,
 361, 368, 459, 481
 Мечнир Владимир — 304, 312, 469
 Мид Уолтер Рассел — 113
 Миллар Роберт — 357
 Милошевич Слободан — 25, 310, 320
 Миронов Борис Сергеевич — 391
 Мисима Юкио — 321, 476
 Мичели Вито — 423
 Мишель Люк — 204, 326, 438–440, 475–477
 Молер Армин — 229
 Моро Альдо — 490
 Мосли Освальд — 128–129, 421
 Муллинс Юстас — 7, 122, 485
 Мун Сон Мён — 489
 Муссолини Алессандра — 375
 Муссолини Бенито — 9–10, 39, 45–47, 51–52,
 121, 130, 144, 210, 321, 376, 411, 422–424, 449
 Мутти Клаудио — 205, 440, 476
 Мухаммад Элайджа — 187
 Мэтьюс Роберт Джей — 345–346
 Мэхон Деннис — 341–342, 344, 349, 357–360
 Мюллер Винсент — 108
 Мюррей Чарльз — 366–367
 Нагиб Мохаммед — 151
 Накамура Джордж — 77
 Накле Исса — 453
 Насер Гамаль Абдель — 148–149, 151–164, 167,
 175–177, 189, 206, 272, 428, 429, 434
 Науманн Клаус — 297–299, 310
 Никиш Эрнст — 229, 476
 Николс Терри Линн — 15, 356–357, 359, 464
 Никсон Ричард — 190, 206
 Ницше Фридрих — 119, 268, 476
 Нойвирт Эдвин — 331
 Нольте Эрнст — 240–241, 300, 451, 452
 Норт Оливер — 389, 441
 Оберлендер Теодор — 86
 Огльсби Карл — 68
 Освальд Ли Харви — 188, 435
 Павелич Анте — 141–142, 308, 311, 425
 Пайпер Иоахим — 101–102
 Панис Станислав — 312
 Парето Вильфредо — 229
 Пастор Ласло — 454, 469
 Паттерсон Роберт Портер — 64
 Паулюс Фридрих фон — 54
 Паунд Эзра — 122
 Перон Хуан — 138–142, 201–203, 205, 209, 211–
 212, 424
 Перон Эвита — 138, 140
 Петерс Пит — 353
 Петр Великий — 317
 Петренко Алексей — 316
 Петроне Лучано — 225
 Пильц Вольфганг — 178
 Пиночет Аугусто — 211, 245, 336
 Пирс Уильям — 20–21, 345
 Пирсон (Дрю) Эндрю — 133, 185–186, 423
 Пирсон Роджер — 366, 487
 Пол Пот — 240
 Полторанин Михаил Никифорович — 478
 Поячек Карл — 281
 Проханов Александр Андреевич — 327, 475, 479
 Пфафф Уильям — 233
 Пфлюгер Фридрих — 302
 Пфугель Алиса фон — 128
 Пэйн Нил — 345
 Радль Карл — 55
 Редер Вальтер — 373
 Рейган Рональд — 211, 238–240, 244–245, 273, 358,
 372–373, 437, 446, 451, 453, 487, 489
 Рейнталер Гюнтер — 261
 Рём Эрнст — 222, 342
 Ремер Аннелизе — 387
 Ремер Отто-Эрнст — 8, 40–43, 79–80, 82–85, 90–
 91, 93, 97, 102, 105–107, 111, 113, 114–115, 118–119,
 129–130, 132–133, 137, 143–144, 154–155, 159–160,
 165, 167–169, 171, 177, 179, 200, 204–205, 209,
 214–217, 222, 224, 237–239, 246–248, 250–251, 267,
 269–270–274, 291, 318, 339, 342, 347, 379, 387–389,
 409–410, 413, 416, 419–421, 423, 427–428, 431, 433,
 439–440, 443–444, 450, 456, 460, 471, 479, 491–492
 Ресслер Фриц (псевдоним Франц Рихтер) — 97
 Риббентроп Иоахим фон — 87, 99–100, 319, 411, 429
 Ригер Юрген — 348, 480, 487
 Рис Фриц — 458
 Риис-Кнудсен Поуль — 191–193, 223, 437
 Риха Кристиан — 339
 Рич Фрэнк — 364
 Робертсон Пэт — 363–365, 392, 485–486
 Родригес Эрнесто Мила — 207, 389, 442, 492
 Рокуэлл Джордж Линкольн — 186–188, 191,
 208–209, 345
 Роммель Эрвин — 149, 151, 177
 Росицке Харри — 71
 Роу Гари Томас — 340
 Рудель Ганс-Ульрих — 139–144, 146–147, 191, 197,
 209, 212, 220, 349, 424–425, 430, 441
 Рузвельт Кермит — 159, 163, 431
 Рузвельт Франклин Делано — 7, 54, 59, 122, 196,
 246–247, 298, 406–407
 Рузвельт Элеонора — 143

- Рунге Ирена — 288
 Руссо Анри — 228
 Рыжковский Николаус — 69, 407
 Рюэ Фолькер — 296
 Садат Анвар — 149, 188
 Саид Мохаммед — 166
 Салазар Антониу де Оливейра ди — 53, 206
 Сано Хелено — 310
 Сахаров Андрей Дмитриевич — 321
 Сект Ганс фон — 417
 Серравалле Джерардо — 447
 Сима Хория — 93
 Симпсон Кристофер — 12, 64, 244
 Синдона Микеле — 490
 Скорцени Илзе (урожденная Лютье) — 76–78, 91–93, 95, 103, 138–139, 148, 156, 169, 208–209, 212, 409, 413, 415, 424, 426, 429, 431, 442
 Скорцени Отто — 10, 41, 43–44, 49–53, 55–60, 62–63, 65–66, 73–78, 80, 88, 91–97, 100–101, 103, 108, 112, 117–118, 138–139, 141, 143–144, 148, 152–162, 168–170, 172, 178–180, 191, 195, 201, 205–212, 220–221, 223, 225, 227, 239, 247, 264, 273, 275, 301, 342, 349, 388–389, 392, 395, 402, 403, 407, 409, 414, 430, 431, 433, 437, 441–442, 450
 Скурлатов Валерий Иванович — 474
 Сланский Рудольф — 135
 Смит Уолтер Беделл — 96
 Солженицын Александр Исаевич — 32, 321
 Спасил Йозеф — 55
 Сталин Иосиф Виссарионович — 54, 59, 61, 103–104, 111, 135–137, 146, 313, 320–321, 324, 332, 4422, 424, 451, 473, 476
 Степинац Алоизие — 311
 Стерлигов Александр Николаевич — 319, 327, 472
 Стимли Кейт — 244, 420, 434
 Стресснер Альфредо — 141
 Сукарно — 158, 189, 429
 Сэван Лесли — 363
 Тагнифф Пьер-Андре — 232
 Тадден Адольф фон (по прозвищу Буби) — 200–201, 208–209, 217, 248
 Таубер Курт — 81, 107, 146
 Тауберт Эберхард — 458
 Тейт Бренна и Бет — 345
 Тейт Дэвид — 345
 Термонд Стром — 184
 Тернер Генри Эшби — 89
 Террачини Умберто — 193
 Тириар Жан-Франсуа — 8, 194–206, 231, 325–329, 437, 439, 440, 476
 Тиррел Эммет — 243
 Тисо Йозеф — 312, 454
 Тито Иосип Броз — 44, 310
 Толанд Джон — 452
 Томпсон Гарольд Кейт — 116–124, 132–137, 143, 155, 182, 184, 243–244, 246, 266, 360, 388–389, 419–421, 423–425, 428, 434–435, 452, 455, 459, 484, 492
 Тревор-Ропер Хью — 67, 70, 272
 Троцкий Лев Давидович — 136, 472
 Трочман Джон — 351–352, 354–355, 357, 483
 Трумэн Гарри — 71
 Туджман Франьо — 31, 310–311, 468
 Тэтчер Маргарет — 226
 Унамундо Мигель де — 422
 Уоллес Джордж — 185–186
 Урлау Эрнст — 287, 480
 Устрялов Николай Васильевич — 473
 Уэйкфорд Энтони — 228
 Уэлч Роберт — 183
 Фабер-Кастелл, семейство — 115, 160
 Фалин Валентин Михайлович — 237, 450
 Фаррахан Луис — 188, 270, 396, 459
 Фарук — 149–151, 155
 Фаси Мишель — 309
 Фельфе Хайнц — 179–180
 Филипп Карл — 272
 Фини Джанфранко — 375–376, 399
 Фиоре Роберто — 225, 449
 Форд Генри — 440, 453
 Фосс Вильгельм — 159, 161, 164, 175–176, 179
 Франк (Анна) Аннелиз Мария — 242
 Франке-Гриш Альфред — 108–109, 128, 272
 Франке-Гриш Эххард — 109, 272
 Франкенхаузер Рой Эверетт — 187–190, 435–436
 Франко Франсиско — 9, 46, 53, 92, 157, 208, 211, 245, 275, 403
 Фредриксен Марк — 222–224
 Фрей Герхард — 176, 438, 440
 Фридрих Великий — 110, 222, 294–295
 Фрик Вильгельм — 87
 Фриск Роберт — 175
 Фролик Петер — 491–492
 Функе Хайо — 292
 Хабаш Жорж — 204, 424–425
 Хабермас Юрген — 383
 Хаддад (Вадди) Вадей — 208
 Хайдер Йорг — 28, 373–373, 398, 490
 Хайдте Фридрих фон дер — 89
 Хаксли Олдос — 253
 Хаксли-Блит Питер — 129, 421
 Хан Инамулла — 453
 Хани Крис — 468
 Харель Иссер — 163–164, 173, 177–178, 431, 433
 Хассельбах Инго — 256–258, 260, 292
 Хаусслейтер Август — 451
 Хейден Луи (Луи аль-Хадж) — 155
 Хелмс Джесси Александр — 389, 396, 493
 Хепп Одфрид — 224–225, 447
 Херренштайн Ричард — 366–367
 Хершер Отто — 91–92

- Хетль Вильгельм — 58, 73, 402
Хилл Рэй — 224–225, 446, 447
Хо Ши Мин — 203
Хойзингер Адольф — 40, 99, 101
Хомейни Рухолла Мусави — 273, 476
Хоннекер Эрих — 253
Хоу Кэрол — 358
Хрущев Никита Сергеевич — 176
Хусейн ибн Талал — 440
Хусейн Саддам — 176, 204, 262–263, 309, 331, 333, 373
аль-Хусейни Хаджи Амин — 149–150, 154–155, 166, 174, 426, 428, 453
Хюбнер Франк — 267, 291
Цайтлер Отто — 236
Циммерман — 170
Чатлы Абдулла — 445
Чаушеску Николае — 198–199, 444
Черчилль Уинстон — 59, 61, 94, 153, 247, 298
Чжоу Эньлай — 158, 199
Шафер Герхард — 301
Шахт Ялмар — 76, 91–93, 95, 152, 169, 412–413, 418, 418, 424
Швайгер Герберт — 342
Шей Питер — 368
Шелленберг Вальтер — 51, 53–55, 99, 404
Шельба Марио — 422
Шёнборн Майнольф — 342–343, 379
Шенборн Эрвин — 169–170, 423
Шёнхубер Франц — 249–250, 284, 298, 377–379, 490
Шеффер Фриц — 86
Шиманов Геннадий Михайлович — 474
Шлезингер Артур — 44
Шлоссер Герман — 458
Шмалинг Эльмар — 297
Шмитт Бернд (по прозвищу Каратист) — 339–340, 342, 348
Шмитт Карл — 229, 300
Шнайдер Мишель — 329, 476
Шнор Герберт — 301, 466
Шойбле Вольфганг — 278, 302
Шолль Риттер Франц фон — 170
Шпенглер Освальд — 111, 126, 133, 229, 300
Шпрингер Эрнст-Вильгельм — 154, 431
Шредер Герхард — 24–25, 86, 403
Штайн Дитер — 300–301, 492
Шгаль Александер фон — 290–291, 339, 464, 492
Штауфенберг Клаус фон — 42, 402
Штойбер Эдмунд — 283
Шгольпе Манфред — 287
Штрассер Грегор — 221–222, 270, 342
Штрассер Отто — 221, 342
Штрассмайер Андреас — 357–359
Штрассмайер Гюнтер — 252, 359
Штраус Франц-Йозеф — 240, 299
Штрейтхофен Генрих Базилиус — 462
Шуберт Герхард Хартмут фон — 208
Шульце Хаген — 240
Эверак Пауль — 469
Эвола Юлиус — 130, 132, 210, 229, 327, 448
Эйзенхауэр Дуайт — 7, 65–66, 122, 162, 492
Эйхбергер Ойген — 157
Эйхман Адольф — 87, 141, 165, 173–175, 177, 182, 202, 315, 337, 432
Эко Умберто — 46, 402
Энглтон Джеймс Джизус — 210
Эрнст Зигфрид — 481, 482, 491
Юнгер Эрнст — 111, 229, 300, 321, 323
Якобс Роланд — 160

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие от издателей	5
Благодарности	12
Предисловие	14
Введение	40
Часть I. Слишком много шпионов	49
Глава 1. Смена союзов	49
<i>Лицо со шрамом</i>	49
<i>Эндишиль</i>	52
<i>Критический вакуум</i>	80
<i>Гамбит Гелена</i>	66
<i>Дело ODESSA армии США</i>	73
Глава 2. Стратегия качелей	79
<i>Телохранитель Гитлера</i>	79
<i>Реставрация</i>	85
<i>Мадридское изгнание</i>	91
<i>Розыгрыш восточной карты</i>	95
<i>Шпион, не вернувшийся назад</i>	103
<i>Золотые наручники</i>	109
Глава 3. Неонацистская диаспора	116
<i>Вотан в психушке</i>	116
<i>Человек со множеством псевдонимов</i>	122
<i>Фронт освобождения Европы</i>	128
<i>Раскаты пражского грома</i>	132
<i>Воздушный ас</i>	138
Часть II. Солдаты политики	148
Глава 4. Свастика и полумесяц	148
<i>Переворот в Каире</i>	148
<i>Фашистская Мекка</i>	153
<i>Происки двойного агента</i>	158

<i>Гнев «Красной руки»</i>	165
<i>Процессы и другие бедствия</i>	173
Глава 5. Ностальгирующие и ревизионисты	181
<i>Культ инквизитора</i>	181
<i>Политика «Белой силы»</i>	186
<i>Китайский вариант</i>	194
<i>Флирт с левыми</i>	201
<i>Сумерки идолов</i>	206
Глава 6. Надвигающаяся буря	213
<i>Отброшенное табу</i>	213
<i>Армии правых</i>	220
<i>«Новые правые» со старыми приемами</i>	227
<i>«Коричневые» и «зеленые»</i>	232
<i>Политика отрицания</i>	240
<i>Перед потоком</i>	248
Часть III. Фашизм после холодной войны	252
Глава 7. Воссоединение Германии	252
<i>Катарсис</i>	252
<i>Паравоенные формирования и отравляющий газ</i>	259
<i>Воспитание нового фюрера</i>	265
<i>Кадровое строительство</i>	271
<i>Немецкая банда</i>	277
<i>Капитуляция</i>	284
Глава 8. Тень с Востока	294
<i>«Пруссия жива!»</i>	294
<i>Территориальный императив</i>	301
<i>Балканская топка</i>	308
<i>Флирт с матушкой-Россией</i>	314
<i>Приход национал-большевиков</i>	320
<i>Мечты о новом Рапалло</i>	329
Глава 9. Из маргиналов в мейнстрим	337
<i>Игра с огнем</i>	337
<i>Арийские махинации</i>	343
<i>Дорога в Оклахома-Сити</i>	350
<i>Христианские патриоты движутся вперед</i>	360
<i>Тяжелая доля бедного иммигранта</i>	367
<i>Пятьдесят лет спустя</i>	377
Заключение	387
Примечания	395
Библиография	494
Указатель	504

Мартин Ли

Фашизм: реинкарнация

От генералов Гитлера до современных
неонацистов и правых экстремистов

Перевод с англ. яз. *А. Ю. Колгашкина*

Редактор *Е. В. Горина*

Корректоры *О. А. Егорова, Е. А. Клепова*

Художественное оформление *Д. С. Сафонова*

Компьютерная верстка *В. В. Забковой*

ООО «Кучково поле»

Москва, 119071, ул. Орджоникидзе, 10, оф. 420

Тел.: (495) 256-04-56, e-mail: info@kpole.ru

www.kpole.ru

Подписано в печать 10.02.2017. Формат 165 x 235 мм

Усл. печ. л. 41,6. Тираж 1000 экз.

ISBN 978-5-9950-0802-6

9785995008026

Мартин Ли

Фашизм: реинкарнация

От генералов Гитлера до современных неонацистов и правых экстремистов

— Но в твоей стране немного фашистов?
— Много таких, кто не знает, что они фашисты,
но узнают, когда придет время.

Диалог из романа Эрнеста Хемингуэя
«По ком звонит колокол»

«Мартин Ли очерчивает более четко, чем любой другой исследователь до него, сложную сеть связей между выжившими нацистскими организациями и послевоенными фашистскими движениями в Европе и США — убедительно подтвержденное документальными доказательствами и очень нужное предупреждение».

Даниэль Уик,
«San Francisco Chronicle»

«Это захватывающее глубокое расследование читается не только как исторический урок, но и как триллер, и помогает понять политику ненависти».

«Publisher's Weekly»

«Важная книга. Самое лучшее документально подтвержденное исследование быстро меняющегося курса ультраправых в Европе и Америке».

Конор Круз О'Брайан,
ирландский политик, учёный и писатель.

Если вы думали, что нацизм умер с Гитлером, придется подумать вновь. Американский исследователь Мартин Ли откроет вам совершенно другую реальность, о существовании которой вы вряд ли подозревали. Автор прослеживает возвращение идей фашизма — от высокопоставленных нацистских генералов, избежавших наказания, до сегодняшнего ультраправого насилия и идеологии в Европе и США. После распада Советского Союза подпольные нацистские сети вышли на поверхность и распространились по всей Европе. В США растёт число ультраправых вооружённых группировок, прославляющих насилие и ненависть к иммигрантам, мусульманам и этническим меньшинствам.

Победа Дональда Трампа на президентских выборах в США доказывает, насколько автор был прав в своих опасениях двадцать лет назад, когда писал эту книгу. Но даже он не предполагал, что ультраправым кругам удастся привести к власти «своего» кандидата так скоро. Книга Мартина Ли ценна тем, что помогает «расшифровать» ультраправую реальность Трампа и его европейских эквивалентов.